Достопочтеннѣйшему О. Намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры, Архимандриту Леониду —

отъ Автора.

16 марта

1881 года.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО.

ТОМЪ X.

ПЕРІОДЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Невскій, № 106.
1881.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.-Петербург, Октября 31 дня 1880 года.

Цензор, Архимандрит *Іосиф*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

Учрежденіе патріаршества въ Россіи.

стр.

ОТДѢЛЪ I.

ПАТРІАРШЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ РОССІИ И ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ (1589—1654).

ГЛАВА I.

ТРИ ПЕРВЫЕ ПАТРІАРХА ВЪ МОСКВѢ И МЕЖДУПАТРІАРШЕСТВО.

I. Патріархъ Іовъ.

стр.

II. Патріархъ Игнатій.

стр.

III. Патріархъ Гермогенъ.

стр.

IV. Междупатріаршество.

V. Общій взглядъ на состояніе церкви.

ГЛАВА II.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УНІЕЮ, ПОДЪ ГНЕТОМЪ УНІАТСКИХЪ МИТРОПОЛИТОВЪ.

I. Борьба православія съ уніею при митрополитѣ Михаилѣ Рогозѣ.

стр.

стр.

III. Борьба православія съ уніею при митрополитѣ Велияминѣ Рутскомъ.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

1589—1881 г.

Прошло уже ровно шесть столѣтій со времени основанія русской церкви (988—1588). Въ эти столѣтія она прожила два главныхъ періода своего существованія. Первый періодъ, продолжавшійся два съ половиною вѣка (988—1240), былъ періодомъ ея всецѣлой зависимости отъ константинопольскаго патріарха, но вмѣстѣ и періодомъ ея полнаго единства, когда на всемъ своемъ пространствѣ она признавала надъ собою только одного митрополита и составляла одну нераздѣльную митрополію. Второй періодъ, продолжавшійся три съ половиною вѣка (1240—1588), былъ для русской церкви періодомъ ея постепеннаго перехода къ самостоятельности, но вмѣстѣ и періодомъ ея постепеннаго раздѣленія на двѣ митрополіи, которыя, особенно въ послѣдней половинѣ этого періода, были совершенно раздѣлены между собою и не имѣли никакихъ взаимныхъ отношеній.

Съ 1589 года начался для русской церкви новый періодъ, продолжающійся доселѣ, періодъ ея самостоятельности, кото-

рый можно назвать также и періодомъ постепеннаго возсоединенія ея разрозненныхъ частей. Правда, въ то самое время, какъ въ Москвѣ учреждалось патріаршество, въ Литвѣ вводилась унія, и западно-русская митрополія, мало того, что была отдѣлена отъ восточно-русской церкви, подверглась новому, насильственному раздѣленію на двѣ части, изъ которыхъ одна, православная, по прежнему, осталась въ зависимости отъ цареградскаго патріарха, а другая, уніатская, подчинилась римскому владыкѣ. Но еще въ XVII вѣкѣ всѣ православныя епархіи западно-русскаго края признали надъ собою власть московскаго патріарха и соединились съ русскою церковію, а въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, мало по малу, возсоединились съ нею и всѣ уніатскія епархіи, существовавшія въ томъ краѣ, такъ что нынѣ въ предѣлахъ Россіи нѣтъ болѣе уніатовъ. Къ сожалѣнію, въ этотъ же періодъ самостоятельности русской церкви, когда съ нею вновь соединились ея прежніе члены, отторгнутые усиліями Рима, въ ней самой обнаружился расколъ, возникшій на ея домашней почвѣ и извѣстный подъ именемъ старообрядства,—расколъ, который, постепенно усиливаясь и разрастаясь, сдѣлался самымъ рѣзкимъ и выдающимся явленіемъ настоящаго періода, прошелъ мрачною полосою чрезъ всю послѣдующую нашу исторію и, составляя внутреннюю язву нашей отечественной церкви, доселѣ мало поддается ея уврачеваніямъ. Потому едвали будетъ не справедливо, если настоящій ея періодъ мы назовемъ и періодомъ въ ней раскола, именующаго себя старообрядствомъ.

Періодъ самостоятельности русской церкви обнимаетъ собою: а) время патріаршества въ Россіи и б) время синодальнаго управленія.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

1589–1720.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПАТРІАРШЕСТВА ВЪ РОССИИ ([1]).

Еще во второй половинѣ XV вѣка, когда греческая имперія окончательно подпала подъ владычество турокъ, и русскіе митрополиты не могли уже безпрепятственно путешествовать въ Царьградъ для святительскаго поставленія и затруднялись даже письменно сноситься съ цареградскою каѳедрою, всѣ четыре патріарха востока дали свое согласіе, чтобы впредь

([1]) Источники для исторіи учрежденія патріаршества въ Россіи:

1. Статейные списки бывшаго посольскаго приказа, хранящіеся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по отдѣлу «греческія дѣла», за №№ 2 и 3. Обѣ рукописи помѣчены не по листамъ, а по страницамъ. Здѣсь подробно записано, какъ приходили въ Москву патріархи антіохійскій Іоакимъ и потомъ цареградскій Іеремія, какъ велись съ ними переговоры объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, и какъ оно дѣйствительно было учреждено и утверждено. Изъ этихъ Статейныхъ списковъ значительныя заимствованія уже напечатаны: а) въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ, XII, 334—414; б) въ Исторіи *Карамзина*, X, примѣч. 197—206, и—в) особенно въ книгѣ *Муравьева*: «Сношенія Россія съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ», I, 188—229; но только въ послѣдней книгѣ заимствованія напечатаны не въ подлинномъ текстѣ, а въ русскомъ переводѣ, не вездѣ точно и полно, и съ прибавленіями изъ другихъ источниковъ, безъ указанія ихъ.

2. Граматы относительно учрежденія патріаршества въ Россіи, не вошедшія въ Статейные списки, какъ то: а) докладъ собора государю объ избраніи

первосвятитель восточно-русской церкви не ходилъ въ Царьградъ, но избирался и ставился въ самой Россіи, и имѣлъ власть ставить своихъ епископовъ и править своею церковію, по примѣру патріарховъ, а также опредѣлили будтобы, чтобы онъ считался святительскою честію выше всѣхъ православныхъ митрополитовъ и, въ случаѣ вселенскаго собора, занималъ первое мѣсто послѣ іерусалимскаго

кандидатовъ на московское патріаршество (Собр. Госуд. Грам. II, № 58); б) грамата уложенная объ учрежденія патріаршества въ Россіи (тамъ же, № 59) и нѣкоторыя другія, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

3. Отрывокъ изъ записки о поставленіи патріарха Іова, напечатанный въ Русской Историч. Библіотекѣ, изд. археогр. коммиссіею, II, № 103. Отрывокъ этотъ содержитъ въ себѣ описаніе только церемоній, происходившихъ уже послѣ поставленія Іова въ патріарха, въ три первые дня, но описаніе драгоцѣнное: во первыхъ потому, что оно составлено, безъ сомнѣнія, современникомъ-очевидцемъ, а во вторыхъ потому, что объ этихъ церемоніяхъ ничего не записано въ вышеупомянутыхъ Статейныхъ спискахъ.

4. Сказанія двухъ греческихъ іерарховъ, находившихся въ Москвѣ съ патріархомъ Іереміею: а) весьма краткое—митрополита монемвасійскаго *Іероѳея*, и—б) довольно подробное—архіепископа елассонскаго *Арсенія*. Первое помѣщено авторомъ въ его хронографѣ: Βιβλίον ἱστορικόν, περιέχον ἐν συνόψει... и проч., который въ первый разъ изданъ былъ въ Венеціи, въ 1630 г., подъ именемъ Дороѳея, какъ нерѣдко называется этотъ Іероѳей и въ нашихъ русскихъ извѣстіяхъ (Собр. Госуд. Грам. II, стр. 94; Русск. Историч. Библ. II, № 103, стр. 317, 323; Древн. Росс. Вивліоѳ. XII, 353. 377. 388), а недавно перепечатано *Саѳою* въ приложеніи къ его книгѣ: Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου, Аѳин. 1870, стр. 1-25. Сказаніе же Арсенія елассонскаго въ подлинномъ текстѣ помѣщено въ приложеніи къ тому же сочиненію *Саѳы*, стр. 35-81, а въ латинскомъ переводѣ—въ Сборникѣ *Старчевскаго:* Histor. Ruthen. Script. exteri, vol. II, p. 367—384.

5. Статьи, составленныя вскорѣ послѣ учрежденія патріаршества въ Россіи, хотя и несовременныя этому событію. Таковы статьи, помѣщенныя въ рукописномъ Сборникѣ московской синодальной библіотеки, XVII вѣка, за № 703, именно: а) о пришествіи на Москву антіохійскаго патріарха Іоакима (л. 72—76), б) о пришествіи на Москву цареградскаго патріарха Іереміи (л. 76 об.—84) и в) о поставленіи на Москвѣ патріарха Іова (л. 84—123). Авторъ несомнѣнно пользовался Статейными списками, вышеупомянутыми, такъ какъ часто приводитъ изъ нихъ дословныя выписки, а иногда съ очевидными

патріарха (²). Несмотря, однакожъ, на все это, русская церковь, по прежнему, оставалась только митрополіею, хотя и первою изъ митрополій, и въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, хотя только номинальной. А между тѣмъ время шло, и тогда, какъ патріаршія церкви, бѣдствовавшія подъ игомъ невѣрныхъ, болѣе и болѣе сокращались и умалялись, русская церковь, вмѣстѣ съ русскимъ государствомъ, постоянно расширялась и увеличивалась и, по своему объему,

---

сокращеніями, но пользовался и другимъ какимъ-то источникомъ, изъ котораго заимствовалъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и любопытныя подробности о томъ же предметѣ. Достойно замѣчанія, что и въ этомъ Сборникѣ митрополитъ Іероѳей монемвасійскій, спутникъ Іереміи, постоянно называется Дороѳеемъ (л. 103 об., 104 об., 108 и др.). Таково же «Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи», составленное при патріархѣ Филаретѣ и напечатанное въ Дополн. къ Акт. Историч. II, № 76. Но это многословное и витіеватое извѣстіе касается событія только въ общихъ чертахъ и по мѣстамъ не отличается ни точностію, ни даже вѣрностію.

(²) Извѣстіе объ этомъ сохранилось только въ «Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи» (Дополн. къ А. И. II, № 76). Но и здѣсь не говорится прямо, чтобы патріархи прислали тогда въ Россію о своемъ согласіи соборную грамату или другой подобный письменный актъ, а сказано только, что митрополиты русскіе «единою посланіемъ съ четырми патріархи согласившися и по согласію пріяша власть отъ греческихъ патріархъ, паче же отъ константинопольскаго, еже не ктому поставленія ради приходити въ Костянтинъ градъ, но своими епископы избранія митрополія творити и поставлятися» и проч. (стр. 189). Да письменнаго акта или оффиціальной граматы объ этомъ отъ патріарховъ, по всей вѣроятности, и не существовало, и Максимъ грекъ не напрасно свидѣтельствовалъ на московскомъ соборѣ 1525 года, что онъ сколько ни допытывался у русскихъ показать ее, не могъ найти ее и видѣть (нашей Истор. VI, 182). Но согласіе на это патріарховъ несомнѣнно существовало, хотя и неохотное, вынужденное: такъ какъ они крайне нуждались тогда въ помощи изъ Россіи. Согласіе свое они могли выразить или на словахъ предъ послами, приходившими къ нимъ отъ московскаго князя и митрополита, или еще какъ нибудь иначе. По крайней мѣрѣ, патріархи не протестовали противъ того, что русскіе митрополиты перестали ставиться отъ цареградскаго первосвятителя, не называли за это русскихъ схизматиками, напротивъ въ своихъ сношеніяхъ съ русскими государями и митрополитами постоянно называли ихъ православными, ревнителями и защитниками православія и под. Всего вѣрнѣе, кажется, выразился о занимающемъ насъ пред-

далеко превосходила каждую изъ нихъ. Тогда, какъ сами патріархи, совершенно зависѣвшіе отъ произвола своихъ мусульманскихъ властителей, болѣе и болѣе теряли свою духовную власть и значеніе, сохраняя почти одно лишь имя патріарховъ, русскіе митрополиты, хотя вполнѣ зависѣвшіе отъ своихъ православныхъ государей, но въ нихъ же находившіе для себя и самую незыблемую опору, пользовались дѣйствительною архипастырскою властію и являлись истинными первосвятителями среди своего духовенства и всей паствы. Тогда, какъ самая православная вѣра въ патріаршихъ и другихъ православныхъ церквахъ востока и юга, порабощенныхъ магометанами, подвергалась всякаго рода притѣсненіямъ, уничиженіямъ, поруганіямъ, въ Россіи она была, въ собственномъ смыслѣ, господствующею, охранялась законами и всеобщимъ уваженіемъ правительства и народа, и сіяла всѣмъ своимъ блескомъ. Православная Россія, подъ управленіемъ своихъ православныхъ могущественныхъ государей, сдѣлалась главною представительницею и единственною охранительницею и защитницею православія во всемъ мірѣ: такъ понимали ее сами русскіе; такъ же смотрѣли на нее и всѣ православные востока и юга, стонавшіе подъ игомъ иновѣрцевъ и искавшіе въ ней для себя покрова, помощи и утѣшеній. Русскіе

метъ царь Ѳедоръ Ивановичъ, когда говорилъ своимъ боярамъ: «изначала... поставлены бывали наши богомольцы митрополиты... отъ патріарховъ царе. градскихъ и вселенскихъ; а потомъ... *за прошеніемъ и моленіемъ нашихъ прародителей*, благочестивыхъ царей и великихъ князей московскихъ и *по совѣту патріарховъ цареградскихъ*, почелъ поставлятися митрополитъ въ Россійскомъ царствѣ о себѣ, отъ архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора россійскаго царствія даже и до нынѣшняго царствія» (Статейн. списокъ, греч. дѣла, № 3, стр. 68).

государи уже носили титулъ царя, т. е. императора, и заняли въ православномъ мірѣ то самое положеніе, какое занимали прежде императоры Византіи: очень естественно было желать, чтобы и при русскихъ государяхъ, по примѣру византійскихъ, во главѣ церковнаго управленія находились первосвятители самаго высшаго духовнаго сана. Русская церковь, видимо для всѣхъ, выросла до того, чтобы быть ей совершенно самостоятельною и независимою отраслію церкви вселенской и стоять, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ патріаршими православными церквами, если не впереди всѣхъ ихъ. Русскій митрополитъ, по власти и значенію въ своей церкви, вполнѣ равнялся патріархамъ и даже превосходилъ ихъ: ему недоставало только патріаршаго имени.

Въ 17 день іюня 1586 года прибылъ въ Москву антіохійскій патріархъ Іоакимъ, совершавшій свое путешествіе черезъ Галицію, гдѣ устроилъ церковное братство, и потомъ черезъ Смоленскъ, откуда испросилъ себѣ у царя Өедора Ивановича разрѣшеніе посѣтить его столицу. Много уже приходило къ намъ за милостынею съ востока и мірянъ и, особенно, духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ архіепископовъ и митрополитовъ, со времени паденія Царьграда; но изъ четырехъ восточныхъ патріарховъ еще не приходилъ никто: Іоакимъ былъ первый. Государь приказалъ сдѣлать патріарху нѣсколько почетныхъ встрѣчъ на пути его отъ Смоленска въ Москву: первая была въ Можайскѣ, вторая въ селѣ Мамоновѣ предъ Москвой, третья на Драгомиловѣ при въѣздѣ въ столицу. Помѣщеніе для патріарха отведено было на Никольскомъ крестцѣ въ домѣ Өедора Шереметьева. Іюня 25-го Іоакимъ приглашенъ былъ

въ царскій дворецъ, и прибылъ туда въ митрополичьихъ саняхъ, которыя за нимъ были присланы. На крыльцѣ царскихъ палатъ встрѣтилъ патріарха посольскій дьякъ Андрей Щелкаловъ и ввелъ его въ подписную золотую палату, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ государь въ полномъ царскомъ одѣяніи, окруженный боярами и окольничими. Царь поднялся и встрѣтилъ патріарха за сажень отъ своего сѣдалища, принялъ отъ него благословеніе и спросилъ его о здоровьѣ. Патріархъ подалъ царю грамату цареградскаго первосвятителя Өеолипта, которая свидѣтельствовала о личности и нуждахъ его—патріарха Іоакима, и поднесъ царю отъ себя въ даръ частицы мощей апостола Ананіи, Игнатія Богоносца, великомученика Георгія и мучениковъ Кипріана и Іустиніи. Государь пригласилъ патріарха къ себѣ обѣдать, а до обѣда велѣлъ сходить въ соборную церковь къ митрополиту Діонисію, собиравшемуся служить литургію (3).

Уже при самой встрѣчѣ этого патріарха съ нашимъ митрополитомъ обнаружилось, какъ понимали русскіе своего первосвятителя, или какъ понималъ онъ самъ себя. Въ южныхъ дверяхъ успенскаго собора встрѣтилъ патріарха митрополичій бояринъ Плещеевъ съ митрополичьимъ дворецкимъ и ключаремъ, а самъ Діонисій стоялъ тогда въ полномъ облаченіи посреди церкви, на устроенномъ мѣстѣ, имѣя вокругъ себя архіепископа ростовскаго, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочее духовенство въ жемчужныхъ ризахъ. Когда

(3) Статейный списокъ, греческ. дѣла, № 2, стр. 291—311. А о дѣйствіяхъ патріарха Іоакима во Львовѣ—см. нашей исторіи Русск. церкви IX, стр. 412—415.

Іоакимъ, приложившись къ св. иконамъ, направился къ митрополиту, Діонисій сошелъ съ своего мѣста на одну сажень на встрѣчу патріарху и первый благословилъ его, а послѣ патріархъ благословилъ Діонисія и «поговорилъ слегка, что пригоже было митрополиту отъ него благословеніе приять напередъ, да и пересталъ о томъ». Діонисій совершилъ божественную литургію, а патріархъ стоялъ впродолженіе ея въ церкви, по правую сторону, у задняго столпа. Такая встрѣча митрополита съ патріархомъ была, безъ сомнѣнія, обдуманная, и Діонисій поступилъ такъ, вѣроятно, не по собственной только волѣ, а по соизволенію государя и его совѣтниковъ, судя потому, что самъ же государь и предложилъ патріарху идти въ соборную церковь къ митрополиту; да и вообще церемоніалы встрѣчъ въ подобныхъ случаяхъ у насъ всегда напередъ обсуждались и утверждались самимъ правительствомъ (4). Но то, что, еще не довольно ясно, выразилось въ дѣйствіи нашего митрополита при встрѣчѣ съ патріархомъ, гораздо яснѣе выразилъ вскорѣ самъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ на словахъ. «Помысля», т. е. посовѣтовавшись съ своею благовѣрною и Христолюбивою царицею Ириною,—будемъ разсказывать по руководству древняго сказанія,—государь совѣтовалъ и съ боярами и говорилъ имъ: «Изначала, отъ прародителей нашихъ, кіевскихъ, владимірскихъ и московскихъ государей царей и великихъ князей благочестивыхъ, поставлялись наши богомольцы митрополиты кіевскіе, владимірскіе, московскіе и всея Россіи, отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ. Потомъ, милостію всемогущаго Бога и пречистыя Богородицы, заступницы нашей, и молитвами великихъ чудотворцевъ всего

(4) Стат. спис., № 2, стр. 315—320.

россійскаго царства, а за прошеніемъ и моленіемъ нашихъ прародителей, благочестивыхъ царей и великихъ князей московскихъ, и по совѣту патріарховъ цареградскихъ, начали поставляться особо митрополиты въ московскомъ государствѣ. по приговору и по избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора, отъ архіепископовъ и епископовъ россійскаго царства даже и до нашего царствія. Нынѣ, по великой и неизреченной своей милости, Богъ даровалъ намъ видѣть пришествіе къ себѣ великаго патріарха антіохійскаго: и мы возсылаемъ за сіе славу Господу. А намъ бы испросить еще у Него милости, дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ россійскаго патріарха, и посовѣтовать бы о томъ съ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ, и приказать бы съ нимъ, о благословеніи патріаршества московскаго, ко всѣмъ патріархамъ». Здѣсь, очевидно, государь не столько просилъ совѣта у бояръ, сколько объявлялъ имъ свое рѣшеніе, прежде имъ принятое вмѣстѣ съ царицею, которое оставалось только исполнить. И дѣйствительно, тотчасъ же приговорилъ государь ѣхать къ патріарху шурину своему, конюшему и намѣстнику казанскому Борису Ѳедоровичу Годунову. Годуновъ отправился къ патріарху, дословно передалъ ему всю рѣчь государя, сказанную имъ боярамъ, и просилъ Іоакима: «ты бы о томъ посовѣтовалъ съ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, а пресвятѣйшій бы патріархъ посовѣтовалъ о такомъ великомъ дѣлѣ со всѣми вами, патріархи..., и со архіепископы и епископы, и со архимандриты, и со игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ; да и во Святую бы гору и въ Синайскую о томъ обослалися, чтобы далъ Богъ, такое великое дѣло въ нашемъ россійскомъ государствѣ устроилося, а

помысля бы о томъ, намъ объявили, какъ тому дѣлу пригоже состояться». Іоакимъ отвѣчалъ, что всѣ патріархи благодарны благочестивому государю за его милостыни, постоянно молятся о немъ, чтобы Господь даровалъ ему все по желанію его сердца, и что въ россійскомъ царствѣ «пригоже» быть патріарху; только этого великаго дѣла безъ совѣщанія съ цареградскимъ и другими патріархами учинить невозможно,—и обѣщалъ, что патріархи начнутъ теперь совѣщаться о томъ вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, и обошлются во Святую и въ Синайскую горы. Отвѣтъ патріарха Годуновъ немедленно донесъ царю Ѳедору Ивановичу (⁵). Въ первый день іюля Іоакимъ испросилъ у государя позволеніе посѣтить монастыри—Чудовъ и Троице-Сергіевъ; въ каждомъ изъ нихъ былъ принятъ (4 и 8 іюля) съ честію и получилъ подарки отъ монастырскихъ властей. Іюля 17-го былъ на отпускѣ у государя и получилъ царскіе подарки, а 11-го августа выѣхалъ изъ Москвы на Черниговъ. Въ Москвѣ понимали, что нужно теперь особенно задобрить патріарховъ и расположить къ себѣ. И царь Ѳедоръ Ивановичъ, хотя еще въ два предшествовавшіе года отправлялъ имъ и всему восточному духовенству весьма щедрую милостыню на поминъ души своего покойнаго родителя, призналъ за лучшее, при отъѣздѣ изъ Москвы Іоакима, отпустить съ нимъ своего подъячаго Михаила Огаркова съ новыми богатыми дарами патріархамъ и съ граматами къ цареградскому Ѳеолипту и александрійскому Силь-

(⁵) Сборн. Моск. Синод. библ., № 703, л. 72–76 Здѣсь авторъ статьи допускаетъ погрѣшность, передавая, будтобы, во время бесѣды Годунова съ Іоакимомъ, тотъ и другой называли цареградскаго патріарха Іеремією, между тѣмъ какъ въ Цареградѣ тогда патріаршествовалъ Ѳеолиптъ, и тѣмъ выдаетъ себя, что онъ не былъ современникомъ описываемыхъ событій.

вестру, гдѣ, вовсе не упоминая о своемъ желаніи имѣть въ Москвѣ патріарха, перечислялъ только свои прежніе и вновь посылаемые имъ подарки ([6]).

Прервемъ здѣсь на время разсказъ и спросимъ: кому же принадлежала мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи? Первый высказалъ ее точно и опредѣленно самъ государь Θедоръ Ивановичъ. Но это не значитъ, что ему первому она и принадлежала, что онъ самъ ее придумалъ, или что ее придумала царица, съ которою онъ совѣщался. Нѣтъ, мысль эта еще прежде существовала въ Россіи и была распространена между книжными и образованными людьми, которые ясно видѣли высокое значеніе своего отечества, своего государя и своей церкви среди всего христіанскаго православнаго міра, ясно сознавали высокое положеніе своего митрополита въ сравненіи со всѣми патріархами, находившимися въ тяжкомъ порабощеніи и нищетѣ, и иные, хотя не такъ опредѣленно, высказывали эту мысль еще въ первые годы XVI вѣка ([7]). Недоставало только случая, чтобы выразить ее прямо и рѣшительно и приступить къ ея осуществленію: случай такой представился съ пріѣздомъ въ Москву одного изъ патріарховъ. И вотъ, едва прошло нѣсколько дней съ пріѣзда патріарха, какъ русскій митрополитъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ въ церкви, показалъ ему свое не только равенство, но и свое превосходство предъ нимъ. А русскій царь, принявшій у себя патріарха 25 іюня, успѣлъ до 1 іюля и посовѣщаться объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества съ своею царицею, и

([6]) Стат. спис., № 2, стр. 333—363.

([7]) См. Посланія старца Псков. Елеазарова мон. *Филоѳея*—нашей Истор. Русск. ц. VII, 401—402.

объявить свое рѣшеніе боярамъ, и снестись съ патріархомъ, и получить благопріятный отвѣтъ отъ патріарха. Несомнѣнный знакъ, что мысль о патріаршествѣ русскимъ не была новая, и потому для обсужденія ея не потребовалось продолжительныхъ совѣщаній, хотя дѣло замышлялось весьма важное и, по тогдашнему выраженію, великое. Царь высказалъ только то, что еще прежде знали и въ чемъ вполнѣ сочувствовали ему всѣ, его окружавшіе. Все это происходило во дни митрополита Діонисія, когда Іовъ былъ только архіепископомъ ростовскимъ; слѣдовательно совершенно произвольно извѣстное мнѣніе, будто собственно Борисъ Годуновъ задумалъ учредить патріаршество въ Россіи, чтобы возвесть въ этотъ санъ своего любимца, митрополита Іова, и тѣмъ еще болѣе привлечь его къ себѣ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

Нельзя сказать, чтобы въ Царьградѣ сочувственно отнеслись къ тому важному дѣлу, котораго такъ желали въ Москвѣ и о которомъ взялся хлопотать патріархъ антіохійскій Іоакимъ. Только спустя уже почти годъ съ отъѣзда изъ Москвы Іоакима, сюда пришло первое извѣстіе о положеніи этого дѣла. Именно 28 іюня 1587 г. прибылъ въ Черниговъ и оттуда препровожденъ въ Москву какой то грекъ Николай, и на допросѣ въ посольскомъ приказѣ сказалъ дьяку Андрею Щелкалову, что «отпустили его изъ Царяграда патріархи, цареградскій и антіохійскій, а съ нимъ послали къ государю грамоты объ немъ бить челомъ государю о милостынѣ, да наказали съ нимъ словомъ патріархи, цареградскій и антіохійскій: что̀ приказывалъ имъ государь, чтобъ патріарха учинить на Руси, и они, цареградскій и антіохійскій патріархи, соборовавъ, послали по іерусалимскаго и по антіохійскаго патріар-

ховъ, и велѣли имъ быть въ Царьградъ, и о томъ дѣлѣ соборовать хотятъ, что̀ государь приказывалъ, и съ собора хотятъ послать патріарха іерусалимскаго и съ нимъ о томъ наказъ, какъ соборовать (на Руси) и учинить патріарха» ([8]). Вотъ сколько сдѣлали въ Царьградѣ впродолженіе цѣлаго года для Россіи, куда только постоянно слали за милостынею и откуда получали непрерывныя пособія. Прошелъ еще годъ, и новыхъ вѣстей объ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не приходило въ Москву. Да и не могло придти: потому что въ Царьградѣ произошла перемѣна патріарховъ. Султанъ низвергъ патріарха Θеолипта и на мѣсто его возвелъ въ третій разъ Іеремію II, находившагося въ заточеніи. А Іереміи, когда онъ возвратился на свою каѳедру, было не до того, чтобы разсуждать о русскомъ патріаршествѣ. Онъ увидѣлъ, что все патріаршее достояніе разграблено, кельи обвалились и самая патріаршая церковь Богородицы Паммакаристы, т. е. Всеблаженной, ограблена и обращена въ мечеть. Ему велѣно было строить себѣ новую церковь и кельи въ другомъ мѣстѣ Царьграда, а средствъ не было никакихъ. И Іеремія, по неволѣ, долженъ былъ обратиться за милостынею къ православнымъ, и рѣшился предпринять путешествіе въ Россію. Это-то обстоятельство и послужило къ тому, что дѣло о патріархѣ въ Москвѣ, которое могло затянуться въ Царьградѣ на многіе годы, если не навсегда, быстро подвинулось къ своему исходу.

Къ концу іюня 1588 г. царь Θедоръ Ивановичъ внезапно получилъ извѣстіе изъ Смоленска отъ воеводъ, что туда пріѣхалъ 24 іюня цареградскій патріархъ Іеремія II, и вмѣстѣ грамату отъ самаго патріарха, которою онъ испрашивалъ

([8]) Стат. списокъ, № 2, стр. 378—379.

позволенія прибыть въ Москву, гдѣ еще вовсе не знали о происшедшей въ Царьградѣ перемѣнѣ патріарховъ. Ѳедоръ Ивановичъ немедленно отправилъ почетнаго пристава Семена Пушечникова на встрѣчу патріарху съ отвѣтною граматою, которою приглашалъ его пожаловать въ свою столицу, и съ указомъ къ воеводамъ, чтобы они съ честію отпустили святѣйшаго и пришедшихъ съ нимъ къ Москвѣ, и дали имъ все необходимое въ дорогѣ и дѣтей боярскихъ изъ Смолянъ для провожанія, а смоленскому епископу Сильвестру писалъ: «если патріархъ станетъ проситься у воеводъ въ церковь пречистой Богородицы помолиться, то мы ему въ церковь идти позволили; и у тебя въ церкви было бы тогда устроено чинно и людно, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ было бы много, встрѣчалъ бы ты патріарха и чтилъ его честно, точно такъ же, какъ митрополита нашего чтите». Между тѣмъ приставу, отправленному для встрѣчи патріарха, дана была такая память: «развѣдать, какимъ обычаемъ патріархъ къ государю поѣхалъ, и нынѣ патріаршество цареградское держитъ ли, и нѣтъ ли кого другаго на этомъ мѣстѣ; гдѣ Ѳеолиптъ, бывшій прежде патріархомъ; кто изъ нихъ двухъ, по возвращеніи Іереміи, будетъ патріаршествовать, и кромѣ его нужды, что ѣдетъ за милостынею, есть ли съ нимъ *отъ всѣхъ патріарховъ, съ соборнаго приговора, къ государю приказъ* (знакъ, чего ожидали въ Москвѣ отъ патріарха); честь же къ патріарху держать великую, такую же, какъ къ нашему митрополиту». Въ Смоленскѣ, дѣйствительно, честили патріарха весьма много и съ великимъ усердіемъ, особенно воеводы и епископъ. На праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла (29 іюня) первосвятитель, вмѣстѣ съ своею свитою, посѣтилъ смоленскій со-

боръ и отстоялъ въ немъ божественную литургію, а вскорѣ затѣмъ отправился въ Москву, куда, послѣ десятидневнаго путешествія, и прибылъ 13-го іюля. Здѣсь встрѣтили его многіе бояре и безчисленное множество народа, а отъ лица государя, у самой столицы, привѣтствовалъ почетный приставъ Григорій Нащокинъ, который и проводилъ дорогаго гостя, со всею его свитою, на рязанское подворье. Въ свитѣ патріарха находились: митрополитъ монемвасійскій (мальвазійскій) Іероѳей, другъ патріарха; архіепископъ елассонскій Арсеній и архимандритъ Христофоръ. Кромѣ того собственно при патріархѣ состояли: архидіаконъ, два священника, чернецъ-старецъ, казначей, келарь, толмачъ, діаконъ да девять слугъ; при митрополитѣ Іероѳеѣ: священникъ и четыре прислужника; при архіепископѣ Арсеніѣ: старецъ и прислужникъ. На подворьѣ велѣно было помѣстить и устроить патріарха и его свиту съ возможною почестію, и безъ вѣдома приставовъ никого къ нему и его свитѣ, особенно изъ иноземныхъ, не допускать, кромѣ посылаемыхъ отъ властей духовныхъ и отъ бояръ съ почетными кормами, да наказано было: о чемъ и о какихъ дѣлахъ патріархъ съ приставами поговоритъ, о томъ имъ сказывать боярамъ и дьяку Андрею Щелкалову (9). Явный знакъ, что Іереміи не довѣряли. Онъ не привезъ съ собою граматы отъ патріарховъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, чего именно здѣсь и ожидали: и здѣсь, естественно, спрашивали, да патріархъ ли онъ. Грамата эта была бы лучшимъ свидѣтельствомъ о патріаршествѣ Іереміи, и его приняли бы безъ подозрѣній. Съ Іереміею по-

(9) Стат. спис., № 3, стр. 2—46; *Арсеній Еласс.* у Старчев. Hist. Ruthen. Script. II, 370. О проѣздѣ патріарха Іереміи черезъ Литовскія земли до Смоленска—см. нашей Истор. Русск. ц. IX, 458—460.

ступили такъ же, какъ обыкновенно поступали у насъ съ иноземными послами, которымъ не довѣряли: къ дому посла ставились приставы съ почетною стражею, которые не дозволяли никому сноситься съ нимъ и съ самою его прислугою, слѣдили за его дѣйствіями и словами, вывѣдывали его мысли, и о всемъ доносили боярамъ,—и только тогда, когда правительство убѣждалось въ пользѣ предложеній, привезенныхъ посломъ, къ нему становились довѣрчивѣе, съ нимъ начинали переговоры.

Въ 21-й день іюля государь велѣлъ патріарху быть у себя. Шествіе патріарха въ царскій дворецъ было весьма торжественное: впереди шли дѣти боярскія и приказные люди въ пышныхъ одеждахъ, потомъ множество иноковъ; самъ патріархъ ѣхалъ на осляти и благословлялъ народныя толпы, а за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ монемвасійскій и елассонскій архіепископъ. Съ большими почестями ввели патріарха и его спутниковъ въ золотую палату, гдѣ на драгоцѣнномъ тронѣ сидѣлъ государь въ полномъ царскомъ облаченіи, окруженный боярами, окольничими и дворянами. При входѣ Іереміи Өедоръ Ивановичъ всталъ и переступилъ съ полсажени на встрѣчу ему. Іеремія благословилъ царя, выразилъ ему свои благожеланія и поднесъ дары: золотую панагію, въ которой находились часть животворящаго древа, часть крови Христовой, часть ризы Христовой и проч.; серебряный кіотъ съ ручною костію св. царя Константина и лѣвою рукою по локоть св. Іакова севастійскаго, и проч.; а царицѣ Иринѣ: золотую панагію съ камнемъ, на которомъ было изображеніе св. Марины, содержавшую въ себѣ малый перстъ отъ руки св. Іоанна Златоустаго и части другихъ мо-

щей. Принявъ благосклонно священные дары, царь сѣлъ на тронъ, указалъ патріарху сѣсть на скамьѣ подлѣ себя съ правой стороны, и явилъ ему, чрезъ казначея Триханіотова, свое царское жалованье: серебряный кубокъ двойчатый, два портища рытаго бархату, по портищу атласу и камки, два сорока соболей, одинъ въ 60 рублей, другой въ 30, и 300 р. деньгами. Были пожалованы царскіе дары и митрополиту Іероѳею ([10]). Затѣмъ посольскій дьякъ Андрей Щелкаловъ объявилъ, что государь, вслѣдствіе просьбы патріарха, предоставляетъ ему переговорить съ шуриномъ государевымъ, Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, и святѣйшій, еще разъ благословивъ царя, вышелъ съ своими спутниками и приставами въ малую отвѣтную палату, куда послалъ государь также Годунова и дьяковъ Андрея Щелкалова и Дружину Петелина. Годуновъ велѣлъ выдти изъ палаты въ другую всѣмъ спутникамъ и приставамъ Іереміи и предложилъ ему разсказать, о чемъ нынѣ пріѣхалъ къ государю, кто нынѣ вѣдаетъ патріаршествомъ, гдѣ Ѳеолиптъ, и вообще о всемъ, о чемъ желаетъ возвѣстить государю. Іеремія отвѣчалъ: «Былъ я на патріаршествѣ въ Царьградѣ много лѣтъ, и по грѣхамъ моимъ и всего христіанства греческаго возмутился султанъ турскій на церковь Божію. Да былъ у меня подъ началомъ грекъ, да отъ меня бѣжалъ, обусурманился и сдѣлался капуджи у султана, и началъ доносить ему многія ложныя слова на меня, приписывать мнѣ великія богатства и сокровища и разсказывать о драгоцѣнностяхъ и украшеніяхъ той церкви,

---

([10]) Стат. списокъ, № 3, стр. 48—56. Въ Сборникѣ Моск. Синод. библ., № 703, объ этихъ подробностяхъ аудіенціи ничего не сказано. Арсеній Елассонскій описываетъ ее нѣсколько иначе (у *Старчев.* II, 370—371).

гдѣ прежде меня жили патріархи. Къ томужъ сталъ и Ѳеолиптъ подкупать пашей, чтобы учинили его патріархомъ въ Царьградѣ, обѣщаясь давать султану, сверхъ прежней дани, по двѣ тысячи золотыхъ... И султанъ... велѣлъ быть Ѳеолипту патріархомъ..., а на меня опалу возложилъ и послалъ на островъ Родосъ, и тамъ сидѣлъ я въ опалѣ четыре года. А на пятый годъ султанъ Ѳеолипта отставилъ отъ патріаршества, и церковь Божію и все церковное строеніе разграбилъ, и учинилъ въ ней мечеть. А за мною прислалъ и велѣлъ мнѣ быть патріархомъ. Я пріѣхалъ въ Царьградъ, вижу—церковь Божія разорена и строятъ въ ней мечеть, все церковное достояніе разграблено, кельи обвалились. Тогда сталъ присылать ко мнѣ султанъ, чтобъ мнѣ устроить патріаршую церковь и кельи въ иномъ мѣстѣ въ Царьградѣ; а мнѣ строить нечѣмъ, что̀ было казны и драгоцѣнностей въ патріаршей церкви, все забралъ султанъ. И я билъ челомъ султану, чтобы мнѣ позволилъ идти, ради милостыни на церковное строеніе, въ христіанскія государства,—и султанъ меня отпустилъ. А я, слышавъ про такого благочестиваго и христолюбиваго государя вашего, пришелъ сюда видѣть его царскія очи и православную вѣру и ради милостыни, чтобъ государь пожаловалъ, помогъ намъ въ нашихъ скорбяхъ и утѣсненіи своею милостынею. А въ Царьградѣ нынѣ патріарха нѣтъ». Далѣе патріархъ разсказалъ Годунову о своемъ путешествіи чрезъ литовскія земли и о томъ, что слышалъ отъ канцлера Яна Замойскаго, у котораго гостилъ, и наконецъ прибавилъ, что «есть у него нѣкоторыя рѣчи тайныя. И Борисъ Ѳедоровичъ выслушалъ ихъ вкратцѣ» [11])

---

[11]) Стат. спис., № 3, стр. 57—67; Сборн. Моск. Синод. библ., № 703, л. 77—79. Въ Сборникѣ этомъ дословно приведено все изъ Статейнаго списка,

О чемъ были эти тайныя рѣчи? Не о патріаршествѣ ли русскомъ? Но рѣчи о русскомъ патріаршествѣ, которыхъ всего болѣе ждали тогда отъ Іереміи, Годуновъ не сталъ бы выслушивать только «вкратцѣ». Да Іереміи и нечего было говорить о патріаршествѣ, о которомъ онъ, какъ скоро увидимъ, не привезъ изъ Царьграда и самъ не имѣлъ никакого рѣшенія и опредѣленной мысли. Скорѣе то могли быть рѣчи о политическихъ дѣлахъ въ Турціи и другихъ странахъ, чрезъ которыя проходилъ онъ. О чемъ бы, впрочемъ, ни были тайныя рѣчи Іереміи, необходимо допустить, что его рѣчами и объясненіями остались у насъ недовольны.

Здѣсь всѣ русскія сказанія объ Іереміи внезапно прерываются на нѣсколько мѣсяцевъ: что̀ было съ нимъ, происходили ли съ нимъ какія либо сношенія, совершенно умалчиваютъ. Одинъ изъ спутниковъ Іереміи, Арсеній елассонскій, говоритъ только весьма кратко, что послѣ аудіенціи у государя, они возвратились съ большею честію на свое подворье, и здѣсь пребывали и обращались со многими благородными людьми, царскими приставниками, что такъ проходили дни за днями, недѣли за недѣлями, пока патріархъ не заявилъ, что онъ хочетъ уѣзжать изъ Россіи и возвратиться на свою константинопольскую каѳедру: тогда только Годуновъ началъ съ нимъ переговоры отъ имени государя о русскомъ патріаршествѣ ([12]). Но Арсеній остался жить въ Россіи, и потому

но прибавлено о *тайныхъ рѣчахъ* Іереміи, о чемъ въ Статейномъ спискѣ нѣтъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происходившихъ тогда настроеніяхъ въ константинопольской церкви, равно какъ о самомъ Іереміи и его другѣ Іероѳеѣ монемвасійскомъ, можно найти въ книгѣ *Малышевскаго*: Мелетій Пигасъ, I, 243—262.

([12]) Арсеній—у *Старчев.* II, 371; у Саѳы, 41.

неудивительно, если не сказалъ въ своемъ сочиненіи всего, что зналъ. За то другой спутникъ Іереміи, Іероѳей монемвасійскій, возвратившійся съ нимъ въ Грецію, разсказалъ о происходившемъ тогда, хотя и весьма кратко, но съ полною откровенностію. Онъ, во первыхъ, подтверждаетъ извѣстіе нашего Статейнаго списка, что Іеремія съ своею свитою на подворьѣ въ Москвѣ находился какбы въ заключеніи, что «никому изъ мѣстныхъ жителей не дозволяли ходить къ нему и видѣть его, ни ему выходить вонъ съ подворья,—и когда даже монахи патріаршіе ходили на базаръ, то ихъ сопровождали царскіе люди, и стерегли ихъ, пока тѣ не возвращались домой», и что приставы, находившіеся при патріархѣ, были «люди не добрые и нечестные, и все, что слышали, передавали драгоманамъ, а тѣ доносили самому царю». Вмѣстѣ съ тѣмъ Іероѳей передаетъ, какъ эти русскіе, окружавшіе Іеремію, исподоволь выпытывали его мысли относительно патріаршества въ Россіи, и какъ онъ мѣнялъ свои рѣшенія. «Говорили патріарху Іереміи,—повѣствуетъ Іероѳей,—какъ бы онъ поставилъ имъ патріарха. И Іеремія сначала сказалъ: этому нельзя быть; поставимъ вамъ, пожалуй, архіепископа, какой въ Ахридѣ», т. е. автокефальнаго. Таково было первое рѣшеніе Іереміи. Русскимъ, разумѣется, оно не могло понравиться; не понравилось оно и другу Іереміи Іероѳею монемвасійскому, и онъ, оставшись наединѣ съ патріархомъ, говорилъ ему: «владыко мой, того сдѣлать невозможно; Константинъ великій учредилъ патріаршества со вселенскимъ соборомъ, и великій Юстиніанъ учредилъ ахридскую архіепископію съ пятымъ вселенскимъ соборомъ...,—насъ же здѣсь только трое (архіереевъ); да притомъ, владыко, мы приняли

(собственно) за милостыней къ царю и ради долговъ, которые надѣланы въ наши дни». Іеремія тотчасъ согласился съ своимъ другомъ и отвѣчалъ: «и я не хочу (т. е. дать русскимъ автокефальнаго архіепископа); но если хотятъ, то я останусь здѣсь патріархомъ». Слѣдовательно самому Іереміи принадлежала первая мысль остаться въ Россіи на патріаршествѣ, а не русскимъ. Таково было второе его рѣшеніе, которое, однакожъ, какъ и первое, не нашло сочувствія въ Іеровеѣ, и онъ говорилъ: «владыко святый, это невозможно, потому что ты иноязычный и не знаешь обычаевъ страны, а они (русскіе) имѣютъ другіе порядки и другіе нравы, да и не хотятъ тебя; смотри, чтобъ тебѣ не осрамиться». Но Іеремія остался непреклоненъ и ничего не хотѣлъ слушать. И вотъ «русскіе,— продолжаетъ Іеровей,—придумали хитрую уловку и говорятъ: владыко, еслибы ты захотѣлъ и остался здѣсь, мы имѣли бы тебя патріархомъ. И эти слова не царь сказалъ имъ (патріарху и его спутникамъ) и не кто либо изъ бояръ, а только тѣ, которые стерегли ихъ. И Іеремія неосмотрительно и неблагоразумно, и ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отвѣчалъ: остаюсь. Такой имѣлъ нравъ, что никогда не слушалъ ни отъ кого совѣта, даже отъ преданныхъ ему людей, вслѣдствіе чего и самъ терпѣлъ много и церковь въ его дни» ([13]). Отвѣтъ Іереміи: «остаюсь» — царскіе приставы немедленно передали черезъ бояръ самому царю, и тогда-то открылись тѣ оффиціальные переговоры съ патріархомъ, которые записаны и въ нашихъ русскихъ сказаніяхъ.

«И великій государь, благочестивый и христолюбивый царь

([13]) У *Савы*, стр. 20—21.

Өедоръ Ивановичъ,—такъ начинаетъ вновь свой, на время прерванный, разсказъ нашъ Статейный списокъ,—помысля съ своею благовѣрною и христолюбивою царицею Ириною, говорилъ съ бояры: изначала, отъ прародителей нашихъ... (здѣсь государь дословно повторилъ то самое, что говорилъ боярамъ, когда приступалъ къ такимъ же переговорамъ съ патріархомъ Іоакимомъ)..... наши митрополиты ставились отъ цареградскихъ патріарховъ, а потомъ начали поставляться въ Россіи отъ своихъ архіепископовъ и епископовъ. А нынѣ, по своей великой милости, Господь даровалъ намъ видѣть пришествіе къ себѣ цареградскаго патріарха Іереміи, и мы о томъ прося у Бога милости, помыслили, чтобы въ нашемъ государствѣ учинити патріарха, кого Господь Богъ благоволитъ: будетъ похочетъ быти въ нашемъ государствѣ цареградскій патріархъ Іеремія, и ему быти патріархомъ въ начальномъ мѣстѣ Владимірѣ, а на Москвѣ митрополиту по прежнему; а не похочетъ цареградскій патріархъ быти во Владимірѣ, инобы на Москвѣ учинити патріарха изъ московскаго собору, кого Господь Богъ благоволитъ. А прежде сего, когда приходилъ къ намъ... антіохійскій патріархъ Іоакимъ милостыни ради, и тогды мы, великій государь, помысля о томъ о патріаршескомъ поставленьѣ въ россійскомъ царствіи, объявили тайно шуриномъ нашимъ... И святѣйшій Іоакимъ рекся о томъ совѣтовати со всѣми патріархи и со архіепископы и епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ». И приговорилъ государь съ боярами ѣхать къ патріарху на подворье Борису Годунову и велѣлъ переговорить и посовѣтоваться съ патріархомъ: «возможно ли тому статися, чтобы ему быти въ его государ-

ствѣ, россійскомъ царствѣ, въ стольномъ нашемъ градѣ Володимерѣ» ([14]).

Годуновъ отправился на подворье и говорилъ Іереміи отъ имени государя тайно: приходилъ къ нашему царскому величеству антіохійскій патріархъ Іоакимъ, и мы наказали съ нимъ тебѣ и другимъ патріархамъ, чтобы вы посовѣтовались между собою и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, какъ бы устроить въ нашемъ государствѣ патріарха. А вотъ нынѣ ты самъ пришелъ и сказывалъ, что султанъ учинилъ на церковь и на тебя гоненіе и патріаршество разграбилъ. И «мы помыслили о томъ, чтобы тебѣ, святѣйшему патріарху Іереміи вселенскому быти на патріаршествѣ въ нашемъ государствѣ на престолѣ владимірскомъ и всея великія Россіи». Іеремія отвѣчалъ: «антіохійскій патріархъ Іоакимъ возвѣстилъ намъ желаніе государя о патріаршествѣ въ Россіи, и мы о томъ всѣ вкупѣ со александрійскимъ патріархомъ Селивестромъ, и іерусалимскимъ патріархомъ *Нифонтомъ*, и антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, и со архіепископы и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, совѣтовали и, совѣтовавъ, *приговорили*, что пригоже въ россійскомъ царствѣ патріаршеству быти и патріарха учинити. И нынѣ, будетъ на то воля благочестиваго государя, чтобы мнѣ быти въ его государствѣ, и азъ не отмещуся. Только мнѣ во Владимірѣ быть невозможно: потому что патріархъ при государѣ всегда. А то что за патріаршество, если жить не при государѣ? Тому статься никакъ не

([14]) Стат. спис., № 3, стр. 68—71. Тоже самое, только въ началѣ нѣсколько короче и съ перестановкою мыслей,—и въ Сборн. Моск Синод. библ., № 703, л. 79 - 80.

возможно» ([15]). Первыя слова въ этомъ отвѣтѣ Іереміи невольно возбуждаютъ сомнѣніе. Онъ не могъ произнесть ихъ: потому что совѣщанія патріарховъ, или, по крайней мѣрѣ, рѣшенія, *приговора* ихъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи вовсе не было, какъ прямо утверждаетъ другъ Іереміи Іероѳей монемвасійскій. А еслибъ былъ такой приговоръ, Іереміи не для чего было таить его досел̀ѣ и столько терпѣть въ своемъ заключеніи на подворьѣ. Напротивъ, на подворьѣ онъ ясно заявилъ, что поставить русскимъ патріарха невозможно, и отказался даже отъ своего намѣренія дать имъ автокефальнаго архіепископа. Къ томужъ Іеремія не могъ сказать, будто онъ совѣщался съ іерусалимскимъ патріархомъ *Нифонтомъ*, — не могъ не знать, что патріархомъ іерусалимскимъ былъ тогда Софроній (съ 1579 по 1608 г.). Итакъ, не прибавлены ли эти слова, столько важныя для русскихъ при дальнѣйшихъ переговорахъ съ Іереміею, самими русскими, когда они заносили отвѣтъ его въ свой Статейный списокъ? Если же допустить, что Іеремія дѣйствительно произнесъ эти слова, то такую неправду можно объяснить только сильнымъ желаніемъ Іереміи остаться патріархомъ въ Россіи и для того увѣрить русскихъ, что учрежденіе патріаршества въ Россіи рѣшено приговоромъ всѣхъ патріарховъ и собора ([16]).

([15]) Рѣчь Годунова къ Іереміи, сказанная будтобы *тайно*, приведена лишь въ Сборн. М. Синод. библ., № 730, л. 80—81; а Стат. списокъ выражается только: «и... Годуновъ ѣздилъ на подворье къ пресвятѣйшему Іереміи и, по государеву приказу, *о томъ* говорилъ» (стр. 72). Отвѣтъ же патріарха помѣщенъ и въ Стат. спискѣ (стр. 73 — 74), и въ Сборн. М. Синод. библ. (№ 703, л. 81).

([16]) Что на учрежденіе патріаршества въ Россіи не было соборнаго рѣшенія и приговора всѣхъ патріарховъ, это ясно обнаружилось по возвращеніи Іереміи изъ Россіи. Сохранилось письмо къ Іереміи Мелетія Пигаса, управлявшаго тогда дѣлами александрійской патріархіи и вскорѣ сдѣлавшагося алек-

Когда Годуновъ извѣстилъ государя объ отвѣтѣ Іереміи, то государь будтобы посылалъ тогоже Годунова еще «многажды говорити и совѣтовати о томъ, чтобы святѣйшій Іеремія произволилъ быти на владимірскомъ и всея Россіи патріаршествѣ,—и Іеремія о томъ много совѣтовалъ съ бояриномъ Борисомъ Өеодоровичемъ во многіе пріѣзды, да на то не произволилъ», а говорилъ: если государь повелитъ мнѣ быть въ царствующемъ градѣ Москвѣ при себѣ, гдѣ нынѣ митрополитъ, тогда митрополита можно устроить въ другомъ городѣ ([17]). Послѣ этого, по словамъ же Статейнаго списка, еще послѣ перваго отвѣта Іереміи, царь Өедоръ Ивановичъ созвалъ бояръ и говорилъ имъ: «мы помыслили было, чтобы святѣйшему Іереміи быть въ нашемъ государствѣ на патріаршествѣ владимірскомъ и всея Россіи, а въ царствующемъ градѣ Москвѣ быть, по прежнему, отцу нашему и богомольцу митрополиту Іову. Но святѣйшій Іеремія па владимірскомъ патріаршествѣ быть не хочетъ, а соглашается исполнить нашу волю, если позволимъ ему быть на патріаршествѣ въ Москвѣ, гдѣ нынѣ отецъ нашъ митрополитъ Іовъ. И мы помыслили, что то дѣло нестаточное: какъ намъ такого сопрестольника великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, и мужа достохвальнаго житія, свя-

---

сандрійскимъ патріархомъ. Мелетій писалъ: «я очень хорошо знаю, что ты погрѣшилъ возведеніемъ московской митрополіи на степень патріаршества, потому что тебѣ небезъизвѣстно (если только новый Римъ не научился слѣдовать древнему), что въ этомъ дѣлѣ не властенъ одинъ патріархъ, но властенъ только соборъ, и притомъ вселенскій соборъ: такъ установлены всѣ донынѣ существующія патріархіи. Поэтому ваше святѣйшество обязано было получить единодушное согласіе на то остальной братіи»... и проч. (списокъ этого письма Мелетіева находится въ Московской Синод. библіотекѣ за № 469, по Указателю *Саввы* стр. 119).

([17]) Сборн. М. Синод. библ., № 703, л. 81 об.—82. Въ Статейномъ спискѣ объ этомъ нѣтъ.

таго и преподобнаго отца нашего и богомольца, митрополита Іова, изгнать отъ (церкви) пречистыя Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ и учинить греческаго закона патріарха? А онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ, и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ нельзя будетъ совѣтоваться безъ толмача. И нынѣ еще бы посовѣтоваться съ патріархомъ о томъ, чтобы онъ благословилъ и поставилъ на патріаршество владимірское и московское изъ россійскаго собора отца нашего и богомольца Іова митрополита по тому чину, какъ поставляетъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, и чинъ поставленія патріаршескаго у него—Іереміи взять бы, чтобы впредь поставляться патріархамъ въ россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, а митрополиты бы и архіепископы и епископы поставлялись отъ патріарха въ россійскомъ царствѣ, а для того бы учинить митрополитовъ и прибавить архіепископовъ и епископовъ, въ какихъ городахъ пригоже» ([18]).

По повелѣнію государя, въ 13-й день генваря 1589 года, слѣдовательно спустя ровно полгода со времени пріѣзда патріарха Іереміи въ Москву, Годуновъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ ѣздили на подворье къ патріарху и говорили ему: «посылалъ къ тебѣ государь нашъ, чтобы ты остался на патріаршествѣ владимірскомъ и всея Россіи, но ты на то не произволилъ. И помыслилъ государь съ своею благовѣрною царицею, поговорилъ съ нашими боярами и велѣлъ посовѣтоваться съ тобою о томъ, чтобы тебѣ благословить и поставить патріарха на владимірское и московское патріаршество изъ

([18]) Стат. список., № 3, стр. 75—78. Тоже буквально и въ Сборн. М. синод. библ., № 703, л. 82—83.

россійскаго собора, кого Господь Богъ и пречистая Богородица и великіе чудотворцы московскіе изберутъ» ([19]). Святѣйшій Іеремія, совѣтовавъ о томъ много съ Годуновымъ, приговорилъ, что онъ на патріаршество владимірское и московское и всея Россіи благословитъ и поставитъ изъ россійскаго собора, кого благочестивый государь произволитъ, и благословеніе свое дастъ, чтобы впредь патріархамъ поставляться въ россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ по чину патріаршескому, а его бы государь пожаловалъ, отпустилъ въ Царьгородъ ([20]).

([19]) Сборн. М. Синод. библ., № 703, л. 83—84. А въ Статейномъ спискѣ сказано только, что 13 генваря Годуновъ съ Щелкаловымъ ѣздили къ патріарху и, «по царскаго величества приказу, о патріаршествѣ говорили, чтобы благословилъ и поставилъ въ патріархи изъ россійского собору преосвященнаго митрополита Іова» (стр. 78).

([20]) Стат. спис., № 3, стр. 79. Тоже буквально и въ Сборн. М. Синод. библ., № 703, л. 74. Іероѳей монемвасійскій излагаетъ все дѣло переговоровъ съ Іеремією гораздо короче и иначе — въ слѣдующемъ видѣ: «Когда русскіе увидѣли, что (Іеремія) не поставляетъ имъ патріарха, а самъ хочетъ остаться у нихъ, говорятъ ему: владыка нашъ, если хочешь остаться, то и мы этого хочемъ; но древняя каѳедра Россіи во Владимірѣ, и туда да соблаговолишь отправиться для жительства. А то было мѣсто худшее Кукоса. Но, предупрежденный нѣкоторыми христіанами, патріархъ сказалъ: и не говорите мнѣ этого, я никакъ этого не сдѣлаю. Тогда говорятъ ему: рѣшеніе царя то, чтобы ты поставилъ патріарха. И Іеремія заговорилъ другое, что онъ не уполномоченъ епископами (διεπίσκοπος) и что это было бы беззаконно. Но, наконецъ, *и не хотя*, рукоположилъ Россіи патріарха» (у *Саѳы*, 21 — 22). Еще иначе описываетъ дѣло Арсеній елассонскій. По его словамъ, Годуновъ, когда еще въ первый разъ посланъ былъ къ Іереміи, отъ имени государя, умолялъ святѣйшаго, чтобы онъ согласился быть патріархомъ не только владимірскимъ, но и московскимъ и всея Россіи, и обѣщалъ ему за это и всѣмъ его спутникамъ великія богатства. Но Іеремія, поблагодаривъ царя за такую благосклонность и за желаніе его имѣть у себя патріарха, для чести государства, самъ не согласился остаться въ Россіи, говоря: меня зовутъ къ себѣ всѣ, большіе и малые, епископы, пресвитеры, монахи и прочіе жители Константинополя; а здѣсь, чтобы исполнилось желаніе государя, можно, безъ нарушенія законовъ, и съ согласія епископовъ, избрать другаго на патріаршество. Отвѣтъ Іере-

Въ 17-й день генваря собрались въ царствующемъ градѣ Москвѣ на соборъ государь царь Ѳеодоръ Ивановичъ, митрополитъ Іовъ, архіепископы: новгородскій Александръ, казанскій Іеремія, ростовскій Варлаамъ, епископы: суздальскій Іовъ, рязанскій Митрофанъ, смоленскій Сильвестръ, тверскій Захарія, коломенскій Іосифъ, сарскій Геласій, многіе архимандриты, игумены и соборные старцы. Государь произнесъ на соборѣ рѣчь, въ которой подробно изложилъ, какъ изначала поставлялись русскіе митрополиты отъ цареградскихъ патріарховъ, а потомъ начали поставляться отъ своихъ архіепископовъ и епископовъ, какъ сносился онъ съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и затѣмъ съ патріархомъ цареградскимъ Іереміею, и какъ послѣдній согласился, наконецъ, исполнить волю государя, поставить для Россіи патріарха. По окончаніи рѣчи государь предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора, какъ бы Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло

мія сильно опечалилъ Годунова и еще болѣе государя, и онъ созвалъ соборъ своихъ архіереевъ, которые единогласно заявили свое желаніе, чтобы Іеремія до конца своей жизни остался въ Россіи патріархомъ. Тогда отъ царя и отъ всего собора посланы были къ Іереміи дьякъ Андрей Щелкаловъ и братъ его Василій и умоляли его, именемъ всей Россіи, остаться въ ней патріархомъ, причемъ обѣщали ему величайшіе подарки и богатѣйшія вотчины. Но Іеремія, поблагодаривъ и царя и соборъ, рѣшительно отказался принять московское патріаршество, повторяя, что вся цареградская его паства, настоятельно, своими письмами, требуетъ его возвращенія, и присовокупилъ: «впрочемъ, съ согласія всѣхъ моихъ братьевъ (патріарховъ), безъ нарушенія законовъ, я поставлю Россіи патріарха, чтобы исполнилась воля царя и всего русскаго собора». Отказъ Іереміи крайне огорчилъ царя и архіереевъ, и они послали къ нему двухъ знатнѣйшихъ изъ среды своей, и умоляли его, чтобы онъ, если уже самъ не хочетъ остаться въ Россіи, поставилъ въ Москвѣ другаго патріарха, кто будетъ избранъ. И Іеремія отвѣчалъ, что желаніе ихъ будетъ исполнено (У *Старчев.* II, 371—373).

въ Россіи устроилось. Отцы собора, посовѣтовавшись между собою, отвѣчали, что полагаются на волю его — благочестиваго государя. Тогда приговорилъ государь съ митрополитомъ и со всѣмъ соборомъ ѣхать къ святѣйшему Іереміи дьяку Андрею Щелкалову, чтобы разспросить патріарха о патріаршескомъ поставленіи и взять у него письменное сказаніе, какъ бываетъ это поставленіе. Іеремія отвѣчалъ Щелкалову, что поставленіе патріарховъ бываетъ такъ же, какъ и митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и далъ ему вкратцѣ изложенный на греческомъ языкѣ рукописный чинъ патріаршескаго поставленія въ великой цареградской церкви. Получивъ этотъ чинъ, государь послалъ еще дьяка Андрея Щелкалова на митрополичій дворъ сдѣлать выписку, какъ бываетъ поставленіе митрополичье, и Щелкаловъ выписалъ и представилъ государю весь чинъ, по которому совершилось въ 1581 году поставленіе нашего митрополита Діонисія ([21]).

Въ 19 день генваря царь Ѳедоръ Ивановичъ приговорилъ съ митрополитомъ Іовомъ, съ архіепископами, епископами и

([21]) Сборн. М. Синод. библ., № 703, л. 84—89. Оба чина, и патріаршаго поставленья, и митрополичьяго, цѣликомъ помѣщены тутъ же (л. 89—95). Послѣдній — тотъ самый, что напечатанъ въ Собр. Госуд. грам. II, № 50. Отселѣ, начиная съ собора, бывшаго въ Москвѣ 17 генваря и до самаго поставленія Іова въ патріархи, подробнаго описанія событій въ Статейномъ спискѣ, № 3, нѣтъ; а сказано только, послѣ отвѣта Іереміи, даннаго 13 генваря Годунову и Щелкалову, слѣдующее: «И генваря въ 26 день, по повелѣнію благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя царя... вселенскій патріархъ Іеремія на московское и всея Россіи патріаршество Іова митрополита въ патріархи, по нареченью, поставилъ. А подлинно писано патріарше поставленіе и дѣйство въ *особныхъ книгахъ*» (стр. 80—81). Изъ этихъ-то особныхъ книгъ, вѣроятно, и заимствовано то подробное сказаніе о всѣхъ послѣдующихъ церемоніяхъ и происшествіяхъ, какое находимъ въ Сборн. М. Синод. библ., № 703, и въ Отрывкѣ изъ записки о поставленіи патріарха Іова, Русск. Истор. Библ. II, № 103.

всѣмъ соборомъ и съ боярами послать къ святѣйшему Іереміи ростовскаго архіепископа Варлаама и смоленскаго епископа Сильвестра, въ сопровожденіи нѣсколькихъ архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ и дьяка Андрея Щелкалова, чтобы посовѣтоваться, какъ тому великому дѣлу быть, когда быть избранію и нареченію московскаго патріарха и когда самому посвященію. Іеремія, послѣ совѣщанія съ прибывшими къ нему, приговорилъ: возвести на московское патріаршество того, кого изберетъ Богъ и пречистая Богородица и великіе чудотворцы московскіе Петръ, Алексій и Іона, и избранію быть въ четвергъ — 23 генваря, а поставленію въ слѣдующій воскресный день — 26 генваря. Затѣмъ Іеремія сталъ разспрашивать, какъ происходитъ въ Москвѣ поставленіе митрополитовъ. Щелкаловъ отвѣчалъ: чинъ поставленія у насъ митрополита тотъ же, что и чинъ патріаршаго поставленья, который ты написалъ и прислалъ государю, только твой чинъ изложенъ кратко, а въ нашемъ чинѣ написано сполна обо всемъ. Іереміи разсказали въ общихъ чертахъ весь ходъ приближавшейся церковной церемоніи и представили на бумагѣ самый «приговоръ государя царя о нареченіи патріарха московскаго и всея Россіи». Здѣсь, во всей подробности, начертанъ былъ планъ, по которому имѣло совершиться избраніе и нареченіе московскаго первосвятителя, и — что особенно замѣчательно — напередъ были указаны самыя лица, которыхъ должно было избрать въ кандидаты, какъ на патріаршество, такъ и на вновь открывавшіяся митрополіи, новгородскую и ростовскую ([22]).

Согласно съ этимъ приговоромъ, 23-го генваря собрались

([22]) Сборн. М. Синод. библ., № 703, л. 95—101. Затѣмъ помѣщенъ сполна и самый «приговоръ» (л. 101—108).

въ успенскій соборъ всѣ русскіе архіереи, кромѣ митрополита Іова, оставшагося въ своемъ домѣ, и отправили изъ среды своей двухъ епископовъ съ нѣсколькими настоятелями монастырей и старцами пригласить туда же вселенскаго первосвятителя. Встрѣченный у собора съ величайшею торжественностію, Іеремія, въ сопутствіи двухъ своихъ греческихъ іерарховъ, вошелъ въ церковь и, приложившись къ св. иконамъ и мощамъ святителей, сталъ на мѣстѣ противъ чудотворной владимірской иконы пресв. Богородицы и совѣтовался тайно съ архіереями объ избраніи патріарха. Тогда митрополитъ греческій Іероѳей, архіепископъ казанскій Тихонъ, елассонскій Арсеній и епископы—суздальскій Іовъ, смоленскій Сильвестръ, рязанскій Митрофанъ, тверскій Захарія, коломенскій Іосифъ и крутицкій Геласій удалились въ придѣлъ похвалы пресв. Богородицы и, занявъ приготовленныя для нихъ мѣста, избрали на патріаршество трехъ кандидатовъ, предъуказанныхъ въ приговорѣ: Іова митрополита московскаго, Александра архіепископа новгородскаго и Варлаама архіепископа ростовскаго; составили актъ, или грамату избранія и собственноручно подписали его. Затѣмъ точно такъ же избрали трехъ, предъуказанныхъ въ приговорѣ, кандидатовъ на митрополію новгородскую: архіепископа новгородскаго Александра, архимандрита троицкаго Кипріана и архимандрита рождественскаго во Владимірѣ Іону, и трехъ такъ же прежде указанныхъ кандидатовъ на митрополію ростовскую: ростовскаго архіепископа Варлаама и архимандритовъ—новоспасскаго Сергія и чудовскаго Ѳеодосія, и составили акты ихъ избранія. Эти акты избиратели представили патріарху, который вмѣстѣ съ ними и отправился къ государю. Ѳедоръ Ивановичъ, окруженный

боярами, встрѣтилъ патріарха и всѣхъ архіереевъ у дверей своей золотой палаты и, принявъ отъ патріарха благословеніе, пригласилъ ихъ сѣсть. Чрезъ нѣсколько минутъ Іеремія всталъ, возвѣстилъ царю о совершившемся избраніи и поднесъ ему самую грамату избранія кандидатовъ на патріаршество. Государь приказалъ дьяку Щелкалову прочитать эту грамату въ слухъ, и изъ числа названныхъ въ ней избралъ на патріаршество митрополита Іова, а вслѣдъ затѣмъ послалъ трехъ архіереевъ и двухъ бояръ звать его къ себѣ. Когда Іовъ явился, государь встрѣтилъ его въ дверяхъ своей палаты, вмѣстѣ съ патріархомъ Іереміею и со всѣмъ соборомъ, и принялъ благословеніе отъ Іова. Послѣдній принялъ благословеніе отъ Іереміи и поцѣловался съ нимъ въ уста, по обычаю патріарховъ. Государь сказалъ Іову рѣчь, въ которой объявилъ ему объ его избраніи въ патріархи и просилъ его молитвъ. А Іеремія благословилъ Іова, какъ «нареченнаго» въ патріарха московскаго и всея Россіи. Послѣ того Іеремія поднесъ государю два остальные акта избранія кандидатовъ на митрополіи новгородскую и ростовскую. Акты были прочитаны тѣмъ же дьякомъ Щелкаловымъ, и государь избралъ и утвердилъ на первую митрополію новгородскаго архіепископа Александра, а на вторую ростовскаго архіепископа Варлаама; Іеремія благословилъ того и другаго въ митрополиты, и посвященіе ихъ предоставилъ будущему московскому патріарху Іову. Такъ совершилось *нареченіе* перваго нашего патріарха, въ палатахъ государя, а не по тому чину, который данъ былъ Іереміею и по которому оно должно было совершиться въ церкви. И хотя изъ царскихъ палатъ оба патріарха пошли въ успенскій соборъ, но тамъ уже не происходило никакого нарече

нія, а только, послѣ краткаго молитвословія, приложились они къ св. иконамъ, сотворили между собою братское о Христѣ цѣлованіе и разстались Іеремія тотчасъ отправился на свое подворье, сопутствуемый нѣсколькими архіереями и архимандритами. А Іовъ выслушалъ въ соборѣ литургію, и уже тогда пошелъ въ свой дворъ, также въ сопровожденіи архіереевъ и архимандритовъ, которые и многолѣтствовали ему тамъ на патріаршество московское ([23]).

Чрезъ три дня, 26-го генваря, совершилось въ успенскомъ соборѣ и поставленіе Іова въ патріарха, для чего также предварительно составленъ былъ подробный «чинъ и уставъ». Посреди собора устроено было возвышенное мѣсто; на немъ поставлены были три сѣдалища: для царя—покрытое краснымъ бархатомъ съ золотомъ и для двухъ патріарховъ—покрытыя чернымъ бархатомъ, а по обѣ стороны къ алтарю отъ этого мѣста поставлены были длинныя скамьи для прочихъ архіереевъ и настоятелей монастырей. Предъ этими сѣдалищами на церковномъ помостѣ написанъ былъ единоглавый орелъ съ распростертыми крыльями, вокругъ котораго поставлены были двѣнадцать огневиковъ, чтобы никто не могъ ступать на него. Когда прибыли въ соборъ, сперва Іовъ, удалившійся для облаченія въ придѣлъ похвалы пресв Богородицы, потомъ Іеремія, облачившійся торжественно посреди церкви, и, наконецъ, царь, и когда царь и патріархъ, а за ними и прочіе архіереи и духовныя власти, заняли свои мѣста, тогда царь и патріархъ послали соборнаго протопопа Евѳимія и патріаршаго архидіакона Леонтія за новонареченнаго

([23]) Сборн. М. Синод. библ. № 703, л. 108—109. Актъ избранія кандидатовъ на патріаршество напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам. II, № 58.

нымъ патріархомъ Іовомъ. Іовъ, приведенный ими, сталъ предъ орломъ, слегка поклонился царю и патріарху и прочелъ вслухъ свое исповѣданіе православной вѣры или присягу, совершенно сходную съ тою, какую читали, при поставленіи своемъ, наши митрополиты, съ немногими только измѣненіями въ словахъ и приспособленіями къ патріаршему сану. Какъ только чтеніе окончилось, протопопъ снялъ съ Іова митру и возгласилъ: «вонмемъ». А Іеремія, вставъ и издали благословляя Іова, произнесъ: «благодать Пресв. Духа нашимъ смиреніемъ имѣетъ тя патріархомъ въ Богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и всего россійскаго царствія». Тогда Іовъ подведенъ былъ протопопомъ и архидіакономъ къ патріарху и принялъ отъ него благословеніе, поцѣловалъ въ уста всѣхъ архіепископовъ и епископовъ и, ставъ предъ царемъ и патріархомъ, мало поклонился имъ. А Іеремія, поднявшись снова и издали благословляя Іова, сказалъ: «благодать Пресв. Духа да будетъ съ тобою». Іовъ тотчасъ взошелъ на уготованное ему мѣсто на возвышеніи, и оба патріарха здравствовали государю, а государь здравствовалъ имъ, и всѣ архіереи и освященный соборъ здравствовали царю и патріархамъ. Іовъ, поклонившись до земли, отошелъ въ придѣлъ похвалы пресв. Богородицы, а государь, принявъ благословеніе у Іереміи, перешелъ съ возвышенія на свое царское мѣсто. Іеремія началъ литургію и въ то время, какъ онъ, послѣ малаго выхода, вошелъ въ главный алтарь, протопопъ и архидіаконъ привели Іова изъ придѣла похвалы Богородицы и поставили предъ царскими дверьми этого алтаря. По окончаніи трисвятой пѣсни Іовъ былъ введенъ въ самый алтарь чрезъ царскія врата двумя старшими архіереями. И

Іеремія совершилъ надъ нимъ, вмѣстѣ съ другими святителями, полное архіерейское рукоположеніе съ произнесеніемъ молитвы: «Божественная благодать, всегда немощная исцѣляющая»... и проч., равно какъ и другихъ молитвъ. Потомъ оба патріарха продолжали литургію вмѣстѣ. По окончаніи ея святители вывели новопоставленнаго патріарха изъ алтаря на возвышеніе посреди церкви, и три раза сажали его на каѳедру, при пѣніи ему многолѣтія. Здѣсь вселенскій патріархъ вручилъ Іову посохъ св. Петра митрополита, а царь, взошедши на тоже возвышеніе, пожаловалъ новому патріарху золотую панагію съ драгоцѣнными камнями, мантію и бѣлый клобукъ съ украшеніями, и, вручая ему другой посохъ, произнесъ ту самую рѣчь, съ нѣкоторыми приспособленіями къ случаю, которую прежде говаривали наши государи митрополитамъ при врученіи имъ жезла, — на что Іовъ также отвѣчалъ обычною рѣчью государю. Потомъ оба патріарха благословляли народъ на всѣ четыре стороны, а все духовенство и бояре и пѣвчіе дьяки многолѣтствовали государю и патріархамъ ([24]).

Въ тотъ же день былъ у государя столъ для обоихъ патріарховъ, знатнаго духовенства и бояръ, и когда подано было третье кушанье, святѣйшій Іовъ поднялся изъ-за стола, и отправился, съ воздвизальнымъ крестомъ въ рукахъ, на осляти вокругъ «города стараго». Осля велъ государевъ окольничій, князь Лобановъ-Ростовскій, да патріарховъ бояринъ Плещеевъ. Предъ патріархомъ шли пѣвчіе дьяки и пѣли

([24]) Весь «чинъ и уставъ» о поставленіи патріарха Іова помѣщенъ въ Сборн. М. Синод. библ. № 703, л. 109—119. Присяга Іова сходна съ напечатанною въ Акт. Эксп. I, № 181, стр. 161—162. Обѣ рѣчи царя и новаго патріарха тождественны съ напечатанными въ нашей Истор. Русск. Церкви, VIII, 65—66.

избранныя стихиры; за патріархомъ — государевы дворяне да его дьяки и дѣти боярскія и множество народа. На флоровскомъ мосту патріархъ сошелъ съ осляти на приготовленное мѣсто, прочелъ молитву о благоденствіи города, царя и царства, потомъ осѣнилъ св. крестомъ и окропилъ св. водою на всѣ четыре стороны, сѣлъ на осля и отправился ко дворцу, а по возвращеніи въ царскія палаты, снова занялъ свое мѣсто за столомъ. По окончаніи трапезы явлены были богатѣйшіе дары, сперва отъ царя, потомъ отъ царицы: обоимъ патріархамъ, греческимъ митрополиту и архіепископу и всѣмъ другимъ лицамъ, находившимся въ свитѣ Іереміи.

На другой день, 27 генваря, въ понедѣльникъ, Іовъ отслужилъ обѣдню на своемъ дворѣ у соловецкихъ чудотворцевъ и давалъ обѣдъ для патріарха Іереміи, всего высшаго духовенства, русскаго и греческаго, и нѣсколькихъ бояръ и дворянъ, по назначенію самого государя. Замѣчательна встрѣча обоихъ патріарховъ въ патріаршихъ палатахъ. Іеремія захотѣлъ первый просить себѣ благословенія у новопоставленнаго московскаго патріарха. Но Іовъ сказалъ: «ты мнѣ великій господинъ и старѣйшина и отецъ; отъ тебя принялъ я благословеніе и поставленіе на патріаршество, и нынѣ тебѣ же подобаетъ насъ благословить». На это Іеремія отвѣчалъ: «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь, а впредь что̀ Богъ изволитъ; *здѣсь подобаетъ быть вселенскому патріарху*, а въ старомъ Цареградѣ, за наше согрѣшеніе, вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ». И затѣмъ сначала Іеремія благословилъ Іова, потомъ Іовъ Іеремію, оба облобызались. Вскорѣ, еще до начала трапезы, оба патріарха и

прочіе архіереи приглашены были въ царскій дворецъ, гдѣ Іовъ въ золотой палатѣ поднесъ государю свое «благословеніе», или «поминки»; оттуда перешли въ покои царицы Ирины, гдѣ благословили ее и боярскихъ женъ, ей служившихъ,— причемъ Іовъ поднесъ и царицѣ свои поминки, а она снова пожаловала обоихъ патріарховъ своими дарами, и цареградскому, между прочимъ, сама вручила драгоцѣнный золотой потиръ, усыпанный шестью тысячами жемчужинъ, кромѣ другихъ камней. Возвратившись изъ дворца, патріархи и ихъ спутники сѣли за трапезу, по окончаніи которой Іовъ явилъ свои подарки вселенскому патріарху и прибывшимъ съ нимъ двумъ святителямъ и прочимъ лицамъ. Во вторникъ, 28 генваря, утромъ приходили къ Іову знатные бояре, дворяне, приказные, гости и торговые люди и, поздравляя его съ посвященіемъ въ патріархи, подносили ему хлѣбъ-соль и разные многоцѣнные подарки. Потомъ Іовъ совершилъ литургію въ успенскомъ соборѣ, и давалъ обѣдъ собственно для своего русскаго духовенства, бояръ, боярскихъ дѣтей, приказныхъ и гостей. На третьей яствѣ патріархъ вышелъ изъ-за стола и, какъ прежде, сѣлъ на осля и объѣхалъ вокругъ «города большаго каменнаго». При этомъ осля подъ патріархомъ велъ сначала Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ съ патріаршимъ бояриномъ Плещеевымъ, а потомъ князь Лобановъ-Ростовскій. По возвращеніи въ свои палаты Іовъ докончилъ начатую трапезу съ своими гостями, и съ благословеніемъ отпустилъ ихъ во свояси. Въ четвергъ, 30 генваря, Іовъ рукоположилъ на митрополію новгородскую архіепископа Александра, а въ одинъ изъ ближайшихъ дней и на митрополію ростовскую архіепи-

скопа Варлаама ([25]). Въ первыхъ числахъ февраля (4—11), съ дозволенія государя, вселенскій патріархъ ѣздилъ въ свято-троицкую Сергіеву лавру и провелъ тамъ пять дней. Монастырскія власти поднесли ему и всѣмъ прибывшимъ съ нимъ различные поминки по предварительному указанію самого государя. Предъ наступленіемъ великаго поста Іеремія началъ было снова проситься на родину. Но Борисъ Годуновъ прибылъ къ нему на подворье и, указывая на трудности путешествія въ такое время, умолилъ святѣйшаго, именемъ своего государя, продолжить еще свое пребываніе въ Москвѣ ([26]).

Въ маѣ мѣсяцѣ, незадолго до отъѣзда Іереміи изъ Москвы, царь Θедоръ Ивановичъ приказалъ написать на пергаменѣ золотомъ и червленою краскою, «для утвержденія отъ рода въ родъ и на вѣки», уложенную грамату о русскомъ патріаршествѣ, въ которой можно различать двѣ главныя части. Въ первой части говорится о пришествіи святѣйшаго Іереміи въ Москву и о томъ, какъ совѣщался съ нимъ государь, желая «почтить и украсить св. соборную церковь пресв. Богородицы превысокимъ престоломъ патріаршества, и тѣмъ великимъ дѣломъ царствующій градъ Москву и все свое великое россійское царство наипаче прославить и возвеличить во всю вселенную», и какъ дѣйствительно учреждено патріаршество въ

([25]) Сборн. М. Синод. библ. № 703, л. 119 об. — 123 об. Здѣсь сказанія этого Сборника и оканчиваются, какъ и самый Сборникъ. Подробнѣе—въ Русской Историч. Библіот. II, № 103. А еще болѣе подробное описаніе всего вышеизложеннаго и, особенно, пребыванія патріарховъ у царицы, равно перечисленіе всѣхъ даровъ и поминковъ, находится у *Арсенія елассонскаго* (*Старчев.* Hist. Ruth. Script. exteri, II, p. 375—381), и можно читать у *Муравьева* (Сношен. Россіи съ Вост. I, 213—220).

([26]) Статейн. списокъ, № 3, стр. 81—89. Отселѣ Статейный списокъ возобновляетъ свой прерванный разсказъ. О поднесенныхъ патріарху поминкахъ напечатано въ Исторіи *Карамзина*, X, примѣч. 214.

Россія и поставленъ первый русскій патріархъ Іовъ. Достойны замѣчанія слова, которыя, по свидѣтельству граматы, произнесъ Іеремія царю, когда услышалъ мысль его о русскомъ патріаршествѣ. «По истинѣ, — сказалъ будто бы Іеремія, — въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребываетъ Духъ Святый, и отъ Бога такая мысль тобою будетъ приведена въ дѣло... Ибо древній Римъ палъ аполлинаріевою ересью; а второй Римъ—Константинополь находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ, безбожныхъ турокъ; твое же великое россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое единое, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной, у всѣхъ христіанъ, и, по Божію промыслу, по милости Пречистыя и по молитвамъ новыхъ чудотворцевъ россійскаго царства, Петра, Алексія и Іоны, и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ, сіе превеликое дѣло исполнится». Во второй части граматы повѣствуется, что *потомъ*, — т. е. послѣ возведенія Іова на патріаршество, но какого мѣсяца и числа, неизвѣстно, — по произволенію царя и великаго князя Θеодора Ивановича, «на утвержденіе православныя вѣры и въ почесть превеликаго престола патріаршаго царствующаго града Москвы», оба патріарха Іеремія и Іовъ, со всѣми прочими святителями, русскими и греческими, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣтовали и соборне уложили — быть въ великомъ царствѣ русскомъ: четыремъ митрополитамъ: въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и на Крутицахъ; шести архіепископамъ: въ Вологдѣ, Суздалѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ, Рязани и Твери, гдѣ прежде были епископы, и восьми епископамъ: въ Псковѣ, Ржевѣ,

Устюгѣ, Бѣлозерскѣ, Коломнѣ, Брянскѣ, Дмитровѣ и еще въ какомъ-то городѣ, не названномъ въ граматѣ. Всѣ эти епископіи, кромѣ коломенской, существовавшей прежде, предположено было открыть вновь. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборне уложили: впредь русскимъ патріархамъ поставляться въ царствующемъ градѣ Москвѣ отъ своихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, по избранію собора, съ утвержденія своего государя, и новопоставленному московскому патріарху извѣщать о своемъ поставленіи вселенскаго патріарха, который также будетъ отписывать ему о своемъ поставленіи; всѣхъ же митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ русскихъ, по избранію собора и соизволенію государя, поставлять московскому патріарху. Эту уложенную грамату скрѣпили: самъ царь своею печатью, оба патріарха печатями и подписями, три русскихъ митрополита и греческій печатями и подписями, пять русскихъ архіепископовъ и греческій подписями, а два изъ нихъ и печатями, одинъ епископъ печатью и подписью, и затѣмъ многіе архимандриты, игумены и старцы — только подписями ([27]). Въ послѣдній разъ, предъ отъѣздомъ Іереміи, государь принималъ его у себя еще съ большею торжественностію, чѣмъ въ первый; вновь одарилъ его, и его родственниковъ, и всѣхъ прибывшихъ съ нимъ, весьма щедро и, между прочимъ, собственноручно передалъ ему драгоцѣн-

---

([27]) Соборная грамата напеч. въ Собр. Госуд. Грам. II, № 59. Снес. Дополн. А. И. II, № 76, стр. 192. Іероѳей монемвасійскій разсказываетъ, что когда принесли къ нему эту грамату, писанную славянскими буквами, онъ не хотѣлъ ее подписывать, говоря, что ее надлежало бы написать по гречески, и опасаясь, чтобы «не раздѣлилась церковь и не стало въ ней другой главы и великой схизмы», и до послѣдней степени противился, пока не убоялся, что его могутъ бросить за сопротивленіе въ рѣку (у *Саѳы* 22—23).

ную митру, осыпанную жемчугомъ и каменьями, съ распятіемъ на верху и съ жемчужною надписью вокругъ: «отъ царя патріарху». А когда Іеремія, отправившійся въ Литву и провожаемый на всемъ пути по Россіи со всѣми почестями, переѣхалъ русскую границу, его настигъ въ Оршѣ посланецъ царскій и вручилъ ему, отъ имени царя, тысячу рублей на сооруженіе патріархіи въ Царьградѣ и, вмѣстѣ съ граматами отъ царя и отъ Годунова къ самому Іереміи, грамату къ турецкому султану Мурату, въ которой Өедоръ Ивановичъ просилъ Мурата, чтобы онъ велѣлъ своимъ пашамъ «держать патріарха Іеремію въ береженіи, по старинѣ, во всемъ» (28).

Отпуская вселенскаго патріарха изъ Москвы, государь выразилъ ему желаніе, чтобы учредившееся въ Россіи патріаршество было еще утверждено соборомъ восточныхъ іерарховъ и вмѣстѣ было опредѣлено отношеніе русскаго патріарха къ прочимъ. Іеремія, немало замедлившій на пути въ западной

---

(28) При отъѣздѣ патріарха изъ Москвы при немъ находились и были жалованы подарками: митрополитъ Іерооей, архіепископъ Арсеній, архимандритъ Христофоръ, архидіаконъ Леонтій, два племянника патріаршіе — Константинъ да Димитрій, два священника — Макарій да Акакій, старецъ Өеолиптъ, келарь Степанъ, старецъ Симеонъ, бывшій съ патріаршимъ племянникомъ, дьякъ пѣвчій Паскель, служебниковъ патріаршихъ девять человѣкъ, патріархова племянника Константина дядя Аврамъ, митрополитовъ священникъ Григорій (Статейн. списокъ, № 3, стр. 108). Подробный перечень царскихъ подарковъ патріарху и другимъ — у Арсенія елассонскаго (по изд. *Старчевс.* II, 382—384). А Іероөей монемвасійскій въ своемъ хронографѣ замѣтилъ только: «и далъ царь патріарху, когда онъ прибылъ, 30 тысячь асиръ и другія 30 тысячь, когда собрался отправиться въ Константинополь, а монемвасійскому 5 тысячь въ первый разъ и 5 тысячь во второй, и еще сосуды, одежды, соболья мѣха» (у *Саөы*, стр. 21). Граматы царя и Годунова и отвѣтныя патріарха Іереміи — въ Статейн. спискѣ, № 3, стр. 118 — 144; Древн. Росс. Вивліоө. XII, 334—342.

Россіи и Молдавіи и возвратившійся въ Константинополь только весною 1590 года, въ точности исполнилъ желаніе Ѳедора Ивановича. Въ маѣ 1591 года прибылъ въ Москву отъ святѣйшихъ патріарховъ тырновскій митрополитъ Діонисій, происходившій изъ рода бывшихъ греческихъ императоровъ Кантакузеновъ и Палеологовъ, и 20 іюня представилъ государю соборную грамату о русскомъ патріаршествѣ. Въ ней говорилось, что Іеремія, какъ только возвратился въ Царьградъ, созвалъ великій соборъ, разсказалъ собравшимся отцамъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, о благочестіи московскаго государя, обширности и величіи его царства, о просьбѣ царя, чтобы въ Россіи учреждено было особое патріаршество, и объявилъ, что онъ-Іеремія склонился на просьбу царя, поставилъ въ Москвѣ патріарха Іова и далъ ему патріаршую хрисовулу, да почитается достоинствомъ и честію съ иными патріархами во вѣки. Дѣло это показалось присутствовавшимъ патріархамъ «любо и благословенно», и они, со всѣмъ великимъ соборомъ, постановили: «во первыхъ, признаемъ и утверждаемъ поставленіе въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріарха Іова, да почитается и именуется онъ и впредь съ нами, патріархами, и будетъ чинъ ему въ молитвахъ послѣ іерусалимскаго; а во главѣ и началѣ держать ему апостольскій престолъ Константинаграда, какъ и другіе патріархи держатъ; во вторыхъ, патріаршее имя и честь дано и утверждено нынѣ не одному только господину Іову, но произволяемъ, чтобы и по немъ поставлялись, московскимъ соборомъ, патріархи въ Россіи, по правиламъ, какъ началось отъ сего сослужбника нашего смиренія и о Св. Духѣ возлюбленнаго брата нашего Іова. Для того и утверждена сія уложенная грамата на па-

мять во вѣки, лѣта 1590, мѣсяца мая». Грамату подписали патріархи: константинопольскій Іеремія, антіохійскій Іоакимъ, іерусалимскій Софроній (александрійская каѳедра была тогда праздною) и бывшіе на соборѣ 42 митрополита, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. Другую соборную грамату митрополитъ Діонисій представилъ патріарху Іову. Здѣсь восточные патріархи, съ соборомъ, писали: «имѣемъ тебя всегда нашимъ братомъ и сослужбникомъ, пятымъ патріархомъ, подъ іерусалимскимъ, и въ священныхъ молитвахъ поминаемъ тебя, какъ мы промежъ себя поминаемся; поминай и ты насъ всегда въ молитвахъ, въ началѣ же святѣйшаго Іеремію, архіепископа константинопольскаго, какъ и мы его начальнымъ имѣемъ и большимъ братомъ именуемъ; повели такъ же и всѣмъ архіереямъ, во всей своей области, да поминаютъ насъ въ молитвахъ». Третья соборная грамата была боярину Борису Ѳедоровичу Годунову: ему, прежде всего, выражали іерархи свою благодарность за его любовь къ нимъ и милости, и свою великую радость, что, по его желанію, какъ и по изволенію святаго царя, совершилось въ Москвѣ поставленіе патріарха, которое теперь утверждено соборомъ. Кромѣ соборныхъ граматъ, митрополитъ Діонисій привезъ частныя граматы патріарха Іереміи царю, царицѣ, патріарху Іову и Годунову. Во всѣхъ этихъ граматахъ излагались просьбы о пособіи и милостынѣ. Іова, напримѣръ, Іеремія проситъ походатайствовать предъ царемъ, „да сотворитъ пригожую помощь, какую обѣщалъ въ своей палатѣ, при поставленіи его — Іова на патріаршество“; а Годунова просилъ попечаловаться, чтобы государь выслалъ на сооруженіе цареградской патріархіи шесть тысячъ золотыхъ. Ѳедоръ Ивановичъ остался вполнѣ доволенъ

тѣмъ, что русское патріаршество утверждено было соборною граматою восточныхъ іерарховъ. И потому, щедро надѣливъ самаго митрополита Діонисія, отправилъ чрезъ него (въ февралѣ 1592 г.) патріархамъ: цареградскому Іереміи — омофоръ, осыпанный жемчугомъ, золотую чару для св. воды и убрусецъ съ дробнымъ жемчугомъ, а на сооруженіе патріаршей церкви и дома сорокъ сороковъ соболей, тридцать сороковъ куницъ, десять горностайныхъ мѣховъ и пятнадцать пудовъ рыбьяго зуба; александрійскому Мелетію Пигасу, недавно вступившему на эту каѳедру, святительскую митру, золотую чару для св. воды, убрусецъ съ дробнымъ жемчугомъ и четыре сорока соболей, и точно такіе же подарки — антіохійскому Іоакиму и іерусалимскому Софронію. Но недоволенъ былъ государь тѣмъ, что русскому патріарху назначили, въ ряду патріарховъ, пятое мѣсто послѣ іерусалимскаго, и что, хотя по случайному обстоятельству, соборная грамата о русскомъ патріаршествѣ не была подписана и утверждена александрійскимъ патріархомъ. Послѣднее обстоятельство могло наиболѣе озабочивать государя: потому что Мелетій, занявшій теперь александрійскую каѳедру, какъ извѣстно, открыто порицалъ Іеремію за то, что онъ единолично, безъ согласія прочихъ патріарховъ, учредилъ русское патріаршество. Вслѣдствіе этого въ своемъ отвѣтномъ посланіи Іереміи, царь, выражая ему свою благодарность за соборную грамату и упоминая о своемъ великомъ жалованьѣ, писалъ: «а мы, великій государь, съ первопрестольникомъ нашимъ Іовомъ патріархомъ и съ митрополитами, архіепископами и епископами, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ нашего великаго царства, совѣтовавъ, уложили и утвердили на-вѣки—поминать въ Мо-

сквѣ и во всѣхъ странахъ нашего царства, на божественной литургіи, благочестивыхъ патріарховъ, во первыхъ, константинопольскаго-вселенскаго, потомъ александрійскаго, потомъ нашего россійскаго, потомъ антіохійскаго, наконецъ іерусалимскаго, какіе патріархи на тѣхъ престолахъ будутъ». И вслѣдъ за тѣмъ просилъ, чтобы о перемѣнахъ на патріаршихъ престолахъ присылались письменныя извѣстія въ Россію для возношенія именъ новыхъ патріарховъ въ молитвахъ, какъ и изъ Россіи будутъ присылаться такія же извѣстія на востокъ, и чтобы имя русскаго патріарха всегда поминалось въ церковныхъ молитвахъ по всему православному востоку, какъ имена восточныхъ патріарховъ будутъ поминаться по всей Россіи. А въ посланіи къ александрійскому патріарху Мелетію, которое, равно какъ и посланія къ двумъ остальнымъ патріархамъ, довольно сходно съ посланіемъ къ Іереміи, царь, въ частности, просилъ, чтобы Мелетій извѣстилъ его своимъ писаньемъ «о утвержденіи» патріарха Іова. Самъ Іовъ въ посланіи къ Іереміи такъ же извѣщалъ его, что освященнымъ соборомъ въ Москвѣ, съ соизволенія государя, опредѣлено поминать въ молитвахъ русскаго патріарха на третьемъ мѣстѣ, вслѣдъ за александрійскимъ, и такъ же просилъ сообщать извѣстія въ Россію о будущихъ перемѣнахъ на восточныхъ патріаршихъ престолахъ, обѣщаясь, что и русскіе патріархи, съ своей стороны, будутъ сообщать на востокъ такія извѣстія ([29]).

([29]) Граматы, принесенныя въ Москву тырновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, въ томъ числѣ и соборная объ утвержденіи русскаго патріаршества, равно какъ и отправленныя чрезъ Діонисія изъ Москвы — въ Статейномъ спискѣ, по отд. греческ. дѣлъ, № 3, стр. 154—480; въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XII, стр. 342—414; XVI, 124—132; у *Мурав.* Сношенія Росс. съ Востов. I,

Когда патріархъ александрійскій Мелетій получилъ посланіе царя Өедора Ивановича, то поспѣшилъ въ Царьградъ, и здѣсь составился, въ присутствіи московскаго посла Григорія Аөанасьева, 12 февраля 1593 года, новый соборъ восточныхъ іерарховъ, во главѣ которыхъ находились патріархи: цареградскій Іеремія, александрійскій Мелетій, имѣвшій голосъ и антіохійскаго Іоакима, недавно скончавшагося, и іерусалимскій Софроній. Рѣчь на соборѣ велъ теперь Мелетій александрійскій, не присутствовавшій на прежнемъ соборѣ, разсуждавшемъ о русскомъ патріаршествѣ. Ссылаясь на 28-е правило халкидонскаго собора, утвердившаго преимущества константинопольскаго патріарха, ради царствующаго града новаго Рима, равныя тѣмъ, какія прежде даны были отцами престолу древняго Рима, Мелетій говорилъ, что признаетъ вполнѣ законнымъ учрежденіе патріаршества и въ царствующемъ градѣ Москвѣ и считаетъ московскаго патріарха равнымъ, по чести и достоинству, всѣмъ прочимъ православнымъ патріархамъ. Но съ другой стороны, указывая на правила соборовъ (6-е никейскаго и 36-е трульскаго), опредѣляющія іерархическую послѣдовательность патріаршихъ престоловъ, заявилъ, что не находитъ возможнымъ дать московскому патріарху третье мѣсто въ ряду патріарховъ, а признаетъ его пятымъ, послѣ іерусалимскаго. Прочіе патріархи вполнѣ согласились съ мнѣніемъ Мелетія, а Іеремія прибавилъ: «такъ мы и прежде учинили и письменно изложили благочестивѣй-

---

232—265. Тамъ же можно читать и подробности о пребываніи Діонисія въ Москвѣ. Означенная соборная грамата была напечатана еще въ Кормчей Никоновской (л. 21—25) и въ приложеніи къ книгѣ: «Жезлъ правленія». А о письмѣ Мелетія къ патріарху Іеремія относительно русскаго патріаршества — см. выше, въ примѣч. 16.

шему царю». Вслѣдъ затѣмъ соборъ постановилъ: «присуждаемъ, чтобы благочестивѣйшій царь московскій и самодержецъ всея Россіи и сѣверныхъ странъ, какъ нынѣ воспоминается въ священныхъ службахъ восточной церкви, въ священныхъ диптихахъ и на св. проскомидіяхъ, такъ былъ бы возглашаемъ и въ началѣ шестопсалмія по окончаніи двухъ псалмовъ о царѣ, т. е. по имени, какъ православнѣйшій царь». Это дѣяніе собора, которое изложилъ въ письмени самъ Мелетій, за подписями присутствовавшихъ на соборѣ, было вручено московскому послу Григорію Аѳанасьеву и отправлено къ царю Ѳедору Ивановичу и патріарху Іову ([30]). Патріархи, безъ сомнѣнія, не могли не понимать, что ихъ новое соборное рѣшеніе не удовлетворитъ вполнѣ русскаго правительства: потому что и теперь, утвердивъ московское патріаршество, они не согласились дать московскому патріарху третьяго мѣста въ средѣ своей, чего такъ настойчиво желали въ Москвѣ. Наиболѣе же долженъ былъ чувствовать это александрійскій патріархъ Мелетій, котораго царь особо просилъ относительно русскаго патріаршества и которому на послѣднемъ соборѣ въ Царьградѣ пришлось имѣть преимущественный голосъ. Потому-то одновременно съ тѣмъ, какъ отправлено было въ Москву дѣяніе этого цареградскаго собора, Мелетій послалъ туда же отъ себя, чрезъ своего архимандрита Неофита, письма къ царю, царицѣ, патріарху Іову, Годунову и Щелкалову. Каждое изъ названныхъ лицъ онъ извѣщалъ

([30]) Подлинный списокъ этого дѣянія хранится въ Москов. Синодальной библіотекѣ, за № 198; въ греческомъ текстѣ оно напечатано Іерусал. патр. Досиѳеемъ въ Τομ. ἀγάπης, 541—547; въ славянскомъ переводѣ «въ Скрижали» изд. при патр. Никонѣ, стр. 11—32, и въ русскомъ — въ Труд. Кіев. дух. Акад. 1865, III, 238—245.

о соборномъ рѣшеніи, утвердившемъ русское патріаршество и отправленномъ въ Москву, и каждому выражалъ свои благожеланія. Но особенно старался угодить патріарху и царю. Первому онъ говорилъ: «справедливо поступилъ руководимый свыше благочестивѣйшій царь Ѳедоръ Ивановичъ съ святѣйшимъ братомъ и сослужбникомъ нашимъ киръ Іереміею, архіепископомъ константинопольскимъ и вселенскимъ патріархомъ, когда, созвавши соборъ, начали прекрасное и богоугодное учрежденіе патріаршаго престола. Священными граматами благочестивѣйшаго царя призваны были и мы признать этотъ престолъ на полномъ соборѣ. Почему, пришедши въ Константинополь, въ нынѣшней патріархіи пресв. Богородицы-цѣлительницы, мы утвердили то учрежденіе, считая достойнымъ, чтобы царствующій и православнѣйшій городъ Москва былъ возвеличенъ и въ дѣлахъ церковныхъ съ предоставленіемъ ему чести, подобающей патріаршему престолу. Это вы и найдете въ томѣ соборнаго дѣянія, скрѣпленномъ нашими собственноручными подписями, съ печатьми нѣкоторыхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ». Вмѣстѣ съ письмомъ Мелетій послалъ отъ себя къ Іову и посохъ, и говорилъ: «да имѣетъ твой высочайшій патріаршій престолъ въ даръ отъ насъ этотъ посохъ, который имѣлъ доселѣ у насъ великую цѣну, впрочемъ не дороговизною вещества своего, а почтенною древностію... Это посохъ преблаженнаго киръ Іоакима александрійскаго, который патріаршествовалъ 79 лѣтъ, живши сто лѣтъ, и который, испивъ ядъ, остался, по благодати Христовой, невредимъ». Въ посланіи къ царю Ѳедору Ивановичу Мелетій превозносилъ его благочестіе, восхвалялъ самую мысль его объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и писалъ: «имѣя

всегдашнюю заботливость и любовь къ апостольскимъ престоламъ патріаршаго достоинства и придерживаясь ихъ, какъ вѣчно-текущихъ и неизсякающихъ источниковъ спасительнаго проповѣданія, ты не только простираешь руку помощи имъ, хотя они и далеко отстоятъ отъ тебя, но и находящійся въ твоемъ царствѣ церковный престолъ ты возревновалъ возвесть въ патріаршее достоинство, чтобы Христосъ Богъ, умножающій твое царство, видѣлъ и Свое царство умножаемымъ тобою». Сказавъ затѣмъ объ утвержденіи русскаго патріаршества константинопольскимъ соборомъ и о соборномъ дѣяніи, отправленномъ въ Россію, Мелетій продолжалъ: «тебѣ, за твои подвиги, слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ двойною діадемою: одну имѣешь ты отъ предковъ, свыше..., другую же представляемъ тебѣ мы. Эта діадема (головной уборъ) дана св. ефесскимъ соборомъ, бывшимъ при достославномъ самодержцѣ Іустиніанѣ, апостольскому престолу александрійскому, и ею, по примѣру святѣйшаго папы старѣйшаго Рима, одни только предстоятели александрійской церкви имѣли обычай украшаться». Въ заключеніе своего письма къ царю Мелетій давалъ ему совѣтъ: «заведи у себя, царь, училище греческихъ наукъ, живой огонь священной мудрости, ибо у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть совершенно» ([31]). Всѣ письма и подарки александрійскаго патріарха не въ состояніи были подавить въ русскихъ чувство недовольства рѣшеніемъ константинопольскаго собора; но противъ этого рѣшенія они ничего не могли сдѣлать и, по неволѣ, должны были ему покориться.

([31]) Всѣ эти письма патр. Мелетія, въ русскомъ переводѣ, напечатаны въ книгѣ *Малышевскаго*: «Александр. патр. Мелетій Пигасъ», II, 5—13. А въ подлинномъ текстѣ первыя четыре письма напечатаны *Саввою* въ приложеніи къ его извѣстной книгѣ о патріархѣ Іереміѣ, II, стр. 92 и слѣд.

Такимъ образомъ, для учрежденія патріаршества въ Россіи потребовалось около семи лѣтъ. Первая мысль объ этомъ учрежденіи принадлежала царю Ѳедору Ивановичу, или, точнѣе, онъ первый высказалъ ее и самъ усвоялъ ее себѣ: «мысли свои о такомъ превеликомъ дѣлѣ,—писалъ онъ къ патріарху Іереміи въ граматѣ, посланной чрезъ тырновскаго митрополита Діонисія,—объявляли есмя слугѣ нашему и конюшему боярину Борису Ѳедоровичу Годунову, а велѣли ему нашего царскаго величества и нашіе благовѣрные царицы и великіе княгини о томъ мысль свою тебѣ святѣйшему патріарху Іереміи сказати» ([32]). Основаніемъ ея послужило сознаніе, которое вмѣстѣ съ царемъ раздѣляли и его подданные, что ветхій Римъ, съ подчиненными ему на западѣ церквами,—какъ выражались тогда,— палъ отъ ереси аполлинаріевой, новый Римъ, Константинополь, и всѣ патріаршія церкви на востокѣ находились во власти безбожныхъ турокъ, а великое царство русское расширялось, процвѣтало и благоденствовало, и православная вѣра въ немъ сіяла для всѣхъ, какъ солнце. И потому царь находилъ справедливымъ почтить церковь русскую учрежденіемъ въ ней патріаршества, и патріаршимъ престо-

---

([31]) Древн. Вивліоѳ. XII, 363. Это же повторяетъ и патріархъ Іовъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, говоря: «истиннаго благочестія ревнитель, христолюбивый и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи, осѣняемъ благодатію Пресв. Духа, желаніемъ и любовію побѣждаемъ.., како бы украсити превысочайшій престолъ великія россійскія церкви патріаршескимъ достоинствомъ, полагаетъ совѣтъ съ супругою своею .. Ириною, и возвѣщаютъ царскую *свою мысль* ближайшему своему пріятелю и истинному доброхоту и правителю русскія земли Борису Ѳедоровичу. Онъ же, слышавъ совѣтъ благъ отъ устъ самодержавныхъ, вельми возрадовася душею..., и возвѣщаетъ благое хотѣніе и вѣру христолюбиваго царя святѣйшему вселенскому патріарху киръ Іеремію». Собр. Госуд. грам. II, № 82, стр. 180.

ломъ украсить свой царствующій градъ Москву и возвеличить все свое царство, и для того воспользовался прибытіемъ въ Москву патріарха Іереміи ([33]). Что же привнесло въ Россію патріаршество? Оно не возвысило и не увеличило власти русскаго первосвятителя: и сдѣлавшись патріархомъ, онъ остался съ тою же самою властію по отношенію къ подвѣдомой ему церкви, какую имѣлъ, когда былъ митрополитомъ. Да и не могло возвысить: потому что власть и прочихъ патріарховъ по отношенію къ подчиненнымъ имъ церквамъ, сообразно съ священными канонами, отнюдь не больше той, какою пользовался русскій митрополитъ въ своей церковной области; власть эта всегда ограничивалась властію соборною. Но патріаршество возвысило самого русскаго первосвятителя и русскую церковь предъ лицемъ всего христіанства. Онъ взошелъ на такую степень, выше которой нѣтъ въ православной церковной іерархіи, и изъ подчиненнаго цареградскому патріарху сдѣлался совершенно равнымъ ему и прочимъ патріархамъ, по достоинству. А русская церковь, считавшаяся доселѣ только

([33]) Царица Ирина, принимая у себя патріарха Іеремію, ясно высказала ему, что желаніе имѣть своего патріарха возникало и у прежнихъ русскихъ государей; но только имъ не представлялось для осуществленія его такихъ благопріятныхъ, какъ теперь, обстоятельствъ. «Великое благодареніе приношу тебѣ, святѣйшій и вселенскій патріархъ, старѣйшій между патріархами,—говорила царица,—за твой многотрудный подвигъ, какой подъялъ ты, путешествуя изъ отдаленной страны въ нашу державу, чтобы и намъ даровать безграничную радость видѣть священную главу твою, уважаемую во всемъ мірѣ... Пришествіе твое принесло нашей церкви величайшее украшеніе, такъ какъ со степени митрополіи она возведена теперь на степень патріаршества, и изумительно умножило блескъ царства нашего между всѣми другими. *Этого пламенно желали прежніе наши государи*, блаженной памяти, но не сподобились видѣть исполненія своихъ благочестивыхъ желаній. И вотъ нынѣ всемогущій Богъ привелъ тебя къ намъ для этой цѣли»... (*Арсен. елласон.* Iter in Moscow. у *Старчев.* II, 378).

одною изъ митрополій константинопольскаго патріархата, сдѣлалась сама независимымъ патріархатомъ и самостоятельною отраслію церкви вселенской. Это возвышеніе русскаго первосвятителя, видимо для всѣхъ, выражалось тѣмъ, что прежде, когда онъ былъ митрополитомъ, ему подчинены были только архіепископы и епископы, а теперь подъ властію его находились митрополиты съ архіепископами, епископами и прочимъ духовенствомъ. Выражалось еще и нѣкоторыми внѣшними преимуществами при богослуженіи, о которыхъ, впрочемъ, извѣстія относятся уже къ послѣдующему времени, напримѣръ: митру онъ носилъ съ крестомъ наверху, мантію бархатную зеленую или багряную, саккосъ съ наперстникомъ; амвонъ, на которомъ облачался въ церкви, былъ возвышенъ на двѣнадцать ступеней, тогда какъ у митрополичьяго амвона ихъ было только восемь, и проч. Вслѣдствіе всего этого русскій первосвятитель возвысился и въ понятіяхъ всѣхъ сыновъ подвѣдомой ему церкви, и къ нему они начали относиться еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ относились прежде, когда видѣли въ немъ только митрополита.

Періодъ патріаршества въ Россіи подраздѣляется на двѣ почти совершенно равныя части или отдѣла. Въ первыя 65 лѣтъ (1589—1654) власть русскаго патріарха простиралась не на всю русскую церковь, но лишь на ту, впрочемъ значительнѣйшую, часть ея, которая находилась въ московскомъ государствѣ и прежде составляла московскую или восточно-русскую митрополію; а вся западно-русская, иначе литовская, митрополія, находившаяся во владѣніяхъ литовско-польскаго короля, оставалась, по прежнему, подъ властію цареградскаго патріарха. Въ послѣднія 66 лѣтъ (1654—1720) власть

русскаго патріарха постепенно распространялась на всю русскую церковь: потому что, съ присоединеніемъ Малороссіи къ великой Россіи, и западно-русская митрополія начала, мало по малу, подчиняться московскому патріарху и, наконецъ, подчинилась вполнѣ съ согласія самого цареградскаго патріарха. Въ первую половину періода было только патріаршество московское и всея великія Россіи, и совершенно отдѣльно отъ него существовала западно-русская митрополія. Во вторую половину московское и всея великія Россіи патріаршество стало исподоволь превращаться и дѣйствительно превратилось въ патріаршество всея Россіи, принявши въ составъ свой и западно-русскую митрополію.

ОТДѢЛЪ I.

ПАТРІАРШЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ РОССІИ И ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

1589–1654.

ГЛАВА I.

ТРИ ПЕРВЫЕ ПАТРІАРХА ВЪ МОСКВѢ И МЕЖДУПАТРІАРШЕСТВО.

I.

Патріархъ Іовъ, въ мірѣ Іоаннъ, родился въ городѣ Старицѣ, гдѣ родители его числились между посадскими людьми, и отданъ былъ для первоначальнаго образованія въ старицкую успенскую обитель, находившуюся на посадѣ. Здѣсь онъ, по словамъ его біографа, «воспитанъ и грамотѣ и всему благочинію и страху Божію добрѣ обученъ» отъ тогдашняго настоятеля обители, архимандрита Германа, который потомъ, по просьбѣ своего воспитанника, постригъ его въ монашество, назвавъ Іовомъ, и оставилъ у себя на послушаніи ([54]) Этотъ Германъ, архимандритъ старицкой успенской обители.

([24]) «Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ московскомъ и всея Россіи»—въ рукописи библіотеки Савино-сторожев. монастыря, № 84. Эта исторія написана, вѣроятно, по поводу бывшаго въ 1652 году перенесенія мощей Іова, современникомъ, если не очевидцемъ, событія. Ибо, описавъ одно чудо, со-

былъ не тотъ Германъ, по фамиліи Садыревъ-Полевъ, который, будучи избранъ въ 1551 году въ настоятели ея, правилъ ею всего два съ половиною года, и впослѣдствіи сдѣлался архіепископомъ казанскимъ, скончался въ Москвѣ и нынѣ нетлѣнно почиваетъ въ свіяжскомъ монастырѣ. Наставникъ Іова Германъ, постригшій его въ монашество, скончался архимандритомъ старицкой обители и погребенъ въ ней близъ церкви успенія пресв. Богородицы у западныхъ дверей, противъ праваго клироса [35]. Городъ Старица, принадлежавшій удѣльному князю Владиміру Андреевичу, съ 1556 года перешелъ въ область царя Ивана Васильевича. Грозный царь вздумалъ какъ-то посѣтить свой новый городъ и находившуюся въ немъ обитель. Здѣсь онъ узналъ Іова и велѣлъ произвесть его въ архимандрита и настоятеля обители. Когда принялъ постриженіе Іовъ и когда возведенъ въ санъ архимандрита, неизвѣстно; но въ 1569 г., мая 6-го, онъ упоминается, какъ уже архимандритъ старицкаго успен-

---

вершившееся надъ бѣсноватымъ, посадскимъ человѣкомъ Іоанномъ, у мощей Іова въ тотъ самый день, когда онѣ были обрѣтены ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ и освященнымъ соборомъ и принесены въ соборную церковь старицкаго монастыря, авторъ исторіи замѣчаетъ, что исцѣлившійся Іоаннъ тогда не исповѣдалъ о томъ митрополиту и всему собору, думая, что «не до конца отъ него отбѣже нечистый духъ», но «оносле *нимъ* онъ, Іоаннъ, *своими усты* глаголаше, яко же писано, тако и сотворишася надъ нимъ у гроба святаго» (л. 24 об.). Исторія оканчивается сказаніемъ о принесеніи мощей Іова въ московскій успенскій соборъ и далѣе не продолжается.

(35) О Германѣ Садыревѣ-Полевѣ—нашей Истор. Русск. Церкви, VI, 343. А о Германѣ, наставникѣ Іова, въ «Исторіи» послѣдняго упоминается, что когда Іовъ скончался, то его погребли въ старицкомъ монастырѣ «близъ церкви успенія пресв. Богородицы, у западныхъ дверей противъ праваго клироса, *подлѣ его начальнаго отца, того же монастыря архимандрита Германа*, на правой странѣ» (—л. 17 об).

скаго монастыря ([36]). Скоро изъ скромной старицкой обители Іовъ, съ тѣмъ же званіемъ архимандрита и настоятеля, перемѣщенъ былъ въ столицу, сперва (1571 г.) въ Симоновъ монастырь, а потомъ (1575 г.) въ новоспасскій, считавшійся царскимъ: новое доказательство царскаго благоволенія къ Іову. Еще быстрѣе совершалось восхожденіе его по степенямъ высшей церковной іерархіи: въ 1581 г. Іовъ былъ рукоположенъ во епископа коломенскаго; въ генварѣ 1586 г. получилъ санъ архіепископа ростовскаго; чрезъ одинадцать мѣсяцевъ сдѣлался (11 дек.) митрополитомъ московскимъ, а еще чрезъ два съ небольшимъ года возведенъ (26 генв. 1589 г.) въ достоинство патріарха ([37]). Чѣмъ же обратилъ на себя Іовъ такое вниманіе верховной власти, чѣмъ заслужилъ такія отличія? По свидѣтельству его біографіи, онъ былъ собою весьма благообразенъ и «прекрасенъ въ пѣніи и во чтеніи, яко труба дивна всѣхъ веселяя и услаждая»; имѣлъ необыкновенную память, зналъ наизусть всю псалтирь, евангеліе и апостолъ; безъ книги совершалъ всю литургію св. Василія великаго; безъ книги, на память, читалъ не только евангелія, но и всѣ молитвы во время крестныхъ ходовъ на Богоявленіе, 1-го августа и въ другіе дни; безъ книги читалъ даже длинныя молитвы въ день пятидесятницы, и чтеніе его въ это время до того было умилительно, громогласно и доброгласно, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, плакали. Къ томужъ онъ былъ вели-

---

([36]) Собр. Госуд. Грам. I, № 187; Исторія объ Іовѣ патріархѣ, л. 1 обор.; *Строев*. Списки іерарх. и настоятелей монастырей, стр. 460.

([37]) *Строев*. Тамъ же, 143. 150. О своемъ восхожденіи по степенямъ церковной іерархіи говоритъ самъ Іовъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи (Древн Росс. Вивліоѳ. VI, 107; Собр. Госуд. Грам. II, № 82, стр. 179).

кій постникъ и никогда не пилъ вина, а только воду; любилъ ежедневно совершать литургію, и только, когда изнемогалъ, давалъ себѣ отдыхъ на день или на два; никого никогда не обличалъ и не оскорблялъ, всѣхъ миловалъ и прощалъ. Вообще же былъ онъ «мужъ, нравомъ, и ученіемъ, и благочиніемъ, и благочестіемъ украшенъ... Во дни его не обрѣтеся человѣкъ, подобенъ ему, ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни чиномъ, ни хожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ» ([38]). Сдѣлавшись патріархомъ, онъ подъ оффиціальными граматами подписывался такъ: «Іовъ, Божіею милостію, патріархъ царствующаго града Москвы и всея *великія* Россіи», хотя, обыкновенно, какъ онъ, такъ и его преемники назывались и писались патріархами московскими и всея Россіи, разумѣется той, которая заключалась въ предѣлахъ московскаго государства ([39]).

Іовъ, какъ только сдѣлался патріархомъ, немедленно приступилъ къ исполненію соборнаго опредѣленія о новомъ устройствѣ подвѣдомой ему іерархіи. Мы видѣли, что, еще въ первыя свои священнослуженія, онъ произвелъ двухъ митрополитовъ: 30-го генваря—новгородскаго Александра и вскорѣ затѣмъ ростовскаго Варлаама, и,—замѣтимъ черту времени,—каждый изъ этихъ іерарховъ, на другой день послѣ своего поставленія, являлся къ святѣйшему Іову и подносилъ ему поминки: багряный бархатъ, камку, сорокъ соболей, позла

([38]) Истор. объ Іовѣ патріархѣ, л. 4 об.—8.

([39]) Подписи патріарха Іова—Д. А. И. I, № 230; Собр. Госуд. Грам. II, № 59, стр 102. Извѣстно, что и западно-русскіе митрополиты писались кіевскими и *всея Руси*, разумѣется, той, которая находилась въ предѣлахъ литовско-польскаго государства.

щеный кубокъ и пятнадцать рублей денегъ. Въ слѣдующіе затѣмъ три съ половиною мѣсяца произвелъ еще, одного за другимъ, двухъ митрополитовъ: казанскаго Гермогена (13-го мая, изъ архимандритовъ казанскаго спасо-преображенскаго монастыря) и сарскаго или крутицкаго Геласія; пятерыхъ архіепископовъ: вологодскаго Іону, суздальскаго Іова, смоленскаго Сильвестра, рязанскаго Митрофана и тверскаго Захарію, и одного епископа для вновь открытой епархіи—псковской Мисаила, такъ что во второй половинѣ мая всѣ они уже присутствовали на соборѣ при подписаніи уложенной граматы о патріаршествѣ въ Россіи. Шестаго архіепископа, для котораго каѳедра соборнымъ опредѣленіемъ назначалась въ Нижнемъ-Новгородѣ, патріархъ Іовъ не произвелъ, и самая епархія нижегородская открыта уже впослѣдствіи. Но, вмѣсто этого шестаго архіепископа, долгое время числился въ составѣ русской іерархіи извѣстный намъ Арсеній, архіепископъ елассонскій. Онъ хотя уѣхалъ-было изъ Москвы вмѣстѣ съ патріархомъ Іеремією, но въ маѣ 1591 года опять прибылъ въ нее съ тырновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ и остался у насъ навсегда. Царь Ѳедоръ Ивановичъ указалъ ему жить въ Москвѣ при архангельскомъ соборѣ и совершать въ немъ службы по усопшимъ русскимъ князьямъ. Арсенія приглашали въ соборныя засѣданія русскихъ святителей, и подъ соборными граматами онъ подписывался то елассонскимъ, то архангельскимъ архіепископомъ. Впрочемъ, въ 1602 г. открыта была патріархомъ Іовомъ и шестая архіепископія, только не въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ Астрахани, и первымъ архипастыремъ для нея поставленъ былъ Ѳеодосій изъ архимандритовъ мѣстнаго троицкаго монастыря.

Что же касается епископій, которыхъ предположено было восемь, то, кромѣ коломенской, существовавшей отъ прежняго времени, и псковской, открытой въ 1589 году, при Іовѣ открыта еще лишь одна епископія—корельская, епископъ которой Сильвестръ упоминается въ 1598 году. А въ остальныхъ пяти городахъ, въ которыхъ соборнымъ опредѣленіемъ назначено было учредить епископскія каѳедры, онѣ не были учреждены ни теперь, ни даже впослѣдствіи. Первое мѣсто въ ряду митрополитовъ принадлежало новгородскому, и патріархъ Іовъ, рукоположивъ въ 1592 г. для Новгорода новаго архипастыря Варлаама, въ настольной граматѣ ему, данной отъ лица собора, говорилъ: «почтохомъ его святительскою почестію и сѣданіемъ во всемъ русскомъ патріаршествіи первому ему быти митрополиту мѣстомъ и святительскимъ сѣданіемъ, и впредь по немъ прочимъ митрополитомъ ноугородскимъ и великолуцкимъ тоюжъ святительскою почестію и сѣданіемъ почтенымъ быти и именоватися». Вторымъ митрополитомъ былъ казанскій, третьимъ ростовскій, четвертымъ сарскій и подонскій. Архіепископы, по крайней мѣрѣ, во дни Іова, слѣдовали, одинъ за другимъ, въ такомъ порядкѣ: вологодскій, суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверскій, еласонскій или архангельскій и астраханскій. Епископы—въ такомъ: псковскій, коломенскій, корельскій ([40]).

Заботясь объ устроеніи высшей церковной іерархіи, патріархъ Іовъ обратилъ вниманіе и на низшую. Едва прошло сорокъ лѣтъ, какъ стоглавый соборъ издалъ правила для под-

---

([40]) Никон. Лѣт. VIII, 12. 23; Новый Лѣтописецъ, во Времени. Моск. Истор. Общ. XVII, отд. II, 29; Д. А. И. I, № 137; А. Э. II, № 7, стр. 41; А. И. II, № 355, стр. 422; Собр. Госуд. Грам. II, №№ 59. 93.

держанія благочинія въ высшемъ духовенствѣ и учредилъ въ Москвѣ и другихъ городахъ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ,—и эти правила были уже забыты, и въ Москвѣ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ какбы не существовало. Въ духовенствѣ московскомъ замѣчены были самимъ царемъ прежніе недостатки. Иные попы и діаконы предавались нетрезвости, иные вовсе не служили въ своихъ церквахъ, а нанимали для того стороннихъ священниковъ, или если и сами служили, то несвоевременно и неисправно; иные неприлично держали себя во время царскихъ молебновъ, панихидъ, крестныхъ ходовъ, иногда и совсѣмъ уклонялись отъ нихъ; нѣкоторые не отправляли заказныхъ литургій, молебновъ и панихидъ; немало также безпорядковъ производили въ Москвѣ пришлые священники. И вотъ, въ 13 день іюня 1592 года, патріархъ Іовъ, по приказу государя, съ митрополитами, игуменами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, приговорилъ: учредить въ Москвѣ восемь поповскихъ старостъ (прежде было семь), каждому изъ нихъ подчинить по сорока священниковъ и дать въ помощь по четыре десятскихъ діакона (прежде десятскими были священники) и поставить для нихъ избу у покрова пресв. Богородицы на Рву, чтобы въ той избѣ поповскіе старосты и десятскіе сходились каждый день. Въ обязанность поповскимъ старостамъ было вмѣнено вообще имѣть надзоръ за подвѣдомымъ духовенствомъ и о неисправностяхъ его доносить патріарху. Въ частности, старосты должны были наблюдать: а) чтобы во всѣхъ церквахъ ежедневно отправлялись церковныя службы и предъ литургіею пѣлись молебны о благостояніи св. Божіихъ церквей, о здравіи государя и его семейства, о воинствѣ и всемъ православ-

номъ христіанствѣ, и особенно чтобы совершались молебны въ царскіе дни, а въ опредѣленные дни царскія панихиды съ заупокойными обѣднями по прежнимъ государямъ, о чемъ старосты обязаны были посылать по всѣмъ церквамъ «памяти»; б) чтобы на торжественныя молебствія въ соборномъ храмѣ и на крестные ходы съ патріархомъ собирались всѣ священники, вели себя на нихъ пристойно, не отставали во время ходовъ и не расходились до окончанія ихъ; в) чтобы попы сами служили по своимъ церквамъ, а не нанимали «наймитовъ», кромѣ великой нужды; г) чтобы черные попы не нанимались служить по мірскимъ церквамъ, а жили и служили въ своихъ монастыряхъ; д) чтобы также не нанимались попы приходскихъ и ружныхъ церквей, а служили бы у себя; впрочемъ, если у тѣхъ церквей будетъ по два или по три попа, то недѣльный попъ долженъ держать службы въ своей церкви, а его товарищи могутъ наниматься для служенія въ другихъ церквахъ, только съ разрѣшенія патріарха, т. е. получивъ на то «знамя» отъ патріаршаго тіуна; е) чтобы безмѣстные московскіе священники приходили стоять у покрова пресв. Богородицы близъ поповской избы, и тамъ нанимались служить въ церквахъ, съ разрѣшенія патріаршаго; ж) чтобы попы изъ другихъ городовъ и селъ не проживали въ Москвѣ и не нанимались здѣсь служить въ чужихъ церквахъ, оставляя безъ службы свои; впрочемъ, изъ пріѣзжихъ поповъ могли, съ разрѣшенія патріарха, наниматься для службы въ московскихъ церквахъ тѣ, которые пріѣзжали «за дѣлы, о своихъ нуждахъ, а не тягатися»; з) чтобы нанимающіеся попы брали за ежедневную службу только по алтыну, а во владычные и богородичные праздники и на святой недѣлѣ — по два ал-

тына, отнюдь не болѣе; п) чтобы, когда христолюбцы при несутъ въ поповскую избу милостыню для раздачи по церкамъ на молебны или панихиды, милостыня непремѣнно разсылалась по церквамъ, и въ нихъ отправляемы были заказные молебны и панихиды. Для наблюденія же за самими поповскими старостами и десятскими діаконами, за точнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей, патріархъ Іовъ, тѣмъ же соборнымъ приговоромъ, назначилъ четырехъ протопоповъ: двухъ дворцовыхъ—спасскаго и срѣтенскаго и двухъ городскихъ—никольскаго и покровскаго, которые обязаны были, въ случаѣ нерадѣнія поповскихъ старостъ и десятскихъ, поучать ихъ и вразумлять, а потомъ, если не исправятся, извѣщать о томъ патріарха (41).

Чрезъ десять лѣтъ (1 окт. 1604 г.), однакожъ, патріарховъ тіунъ, которому поручено было выдавать знамена священникамъ, нанимавшимся служить по церквамъ, доложилъ патріарху, что поповскіе старосты и десятскіе въ избу не приходятъ, и поповъ и діаконовъ отъ безчинства не унимаютъ; безмѣстные попы и діаконы въ поповскую избу не ходятъ и предъ литургіею правила не правятъ, а садятся у флоровскаго моста и чинятъ великія безчинства, заводятъ игры, бранятся и борются между собою, и тутъ же нанимаются служить литургію; пріѣзжіе попы нанимаются служить безъ разрѣшенія, и ему—тіуну ставленныхъ своихъ граматъ не кажутъ, его не слушаютъ, бранятъ и позорятъ. Тогда патріархъ Іовъ приказалъ позвать всѣхъ поповскихъ старостъ къ себѣ, убѣждалъ ихъ быть ревностными къ своему долгу, и велѣлъ

(41) А. Э. I, № 360; Времен. Моск. Истор. Общ. XIV, Смѣсь, стр. 21—24

вновь выдать имъ письменный наказъ, въ которомъ, впрочемъ, изложены были прежнія правила, только въ другомъ порядкѣ и съ немногими дополненіями. Здѣсь, напримѣръ, было сказано: а) если у какихъ либо храмовъ, ружныхъ и другихъ, нѣтъ приходовъ, или и есть, да не великіе, и попамъ и діаконамъ не чѣмъ кормиться, то имъ велѣть служить въ своихъ храмахъ только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ, а въ прочіе дни наниматься для служенія въ иныхъ церквахъ; б) старостамъ смотрѣть внимательно, чтобы попы ружные и приходскіе не служили обѣдень рано, до восхода солнечнаго, а служили бы обѣдни въ третьемъ часу дня; только въ тѣ дни, когда въ соборѣ бываютъ молебны или крестные ходы, могутъ служить обѣдню раньше; в) смотрѣть также поповскимъ старостамъ и десятскимъ, чтобы безмѣстные попы и діаконы, не явясь патріархову тіуну, не нанимались служить обѣдень, и чтобы тіунъ бралъ съ нихъ только по деньгѣ отъ обѣдни, не больше; а если онъ начнетъ брать больше, то старостамъ доносить на него патріарху, или если попъ и діаконъ наймутся гдѣ либо служить, не явясь тіуну, то тіуну брать съ нихъ промыту по двѣ гривны да хоженаго по десяти денегъ (42).

Патріархъ Іовъ установилъ, разумѣется, съ согласія собора и соизволенія государя, нѣсколько новыхъ церковныхъ праздниковъ. Первый, по времени, въ честь Василія блаженнаго, Христа ради юродиваго, московскаго. Съ 1588 г. у гроба его начали совершаться многія чудеса: вслѣдствіе этого патріархъ съ соборомъ опредѣлилъ праздновать память новоявленнаго

---

(42) А. Э. II, № 223; Времен. XIV, Смѣсь, стр. 24—28.

чудотворца въ день его кончины, 2-го августа, а царь Өедоръ Ивановичъ велѣлъ устроить въ покровскомъ соборѣ придѣлъ во имя Василія блаженнаго, на мѣстѣ, гдѣ былъ онъ погребенъ, и соорудилъ для мощей его серебряную, позлащенную раку. Второй праздникъ въ честь преп. Іосифа волоколамскаго: ему соборомъ 1579 года положено было праздновать только мѣстно, въ основанной имъ обители; но соборомъ 1591 года опредѣлено—праздновать по всей Россіи, 9-го сентября, и самъ патріархъ Іовъ написалъ преподобному канонъ и исправилъ службу. Третій—въ честь трехъ святителей московскихъ, Петра, Алексія и Іоны: особыя празднества каждому изъ нихъ существовали уже прежде; теперь, въ 1595 г., постановлено было праздновать еще всѣмъ имъ вмѣстѣ, въ одинъ день, 5-го октября. Четвертый—въ честь казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія: мощи того и другаго обрѣтены были вмѣстѣ 4-го октября 1595 г., и вслѣдъ затѣмъ положено было праздновать этотъ день обоимъ святителямъ. Пятый—въ честь благовѣрнаго князя углицкаго Романа Владиміровича. Онъ жилъ еще въ XIII вѣкѣ; но мощи его обрѣтены нетлѣнными только въ 1595 г., и, по указу патріарха Іова, свидѣтельствованы казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ и перенесены въ новую соборную церковь Углича, въ которой почиваютъ доселѣ: тогда же постановлено было мѣстно праздновать благовѣрному князю въ день его кончины 3-го февраля. Шестой—въ честь преп. Антонія римлянина, мощи котораго открыты въ 1597 году. Седьмой—въ честь преп. Корнилія комельскаго. Въ 1600 году игуменъ корниліева монастыря, вологодской епархіи, донесъ патріарху Іову, что отъ мощей преп. Корнилія, впродолженіе многихъ лѣтъ совершаются

чудесныя исцѣленія различныхъ болѣзней, и представилъ на разсмотрѣніе собора житіе преподобнаго, стихиры ему и канонъ. Отцы собора спросили находившагося между ними вологодскаго архіепископа Іону про чудеса преп. Корнилія, и Іона подтвердилъ, что отъ раки преподобнаго дѣйствительно бываютъ многочисленныя чудеса и присовокупилъ, что ему уже мѣстно празднуютъ не только въ основанной имъ обители, но и въ Вологдѣ и во всемъ вологодскомъ уѣздѣ. Послѣ этого соборъ, разсмотрѣвъ житіе преп. Корнилія съ стихирами и канономъ ему, и нашедши, что они составлены «по образу и по подобію, якожъ и прочимъ святымъ», опредѣлилъ: праздновать преп. Корнилію по всей Россіи въ 19 день мая. Кромѣ того, съ дозволенія государя и благословенія патріарха Іова, въ 1591 г. перенесены были изъ тверскаго Отроча монастыря въ соловецкій мощи святителя московскаго Филиппа, и началось мѣстное празднованіе ему 9-го генваря; а въ 1595 г. перенесены были мощи казанскаго святителя Германа изъ Москвы, гдѣ онъ скончался и былъ погребенъ въ церкви Николая чудотворца, называемаго *мокрымъ*, въ свіяжскій Богородицкій монастырь, имъ основанный, и началось мѣстное празднованіе этому святителю 6-го ноября ([43]).

Патріарху Іову, въ самомъ началѣ его патріаршества, представился случай оказать пособіе бѣдствовавшей церкви иверской или грузинской. Въ концѣ 1586 г. грузинскій царь Александръ, доведенный до крайности своими врагами—тур-

([43]) Никон. Лѣт. VIII, 11. 32; Новый Лѣтоп., во Временн. XVII, отд. II, 28. 44; Описаніе Славян. рукописей Тр.-Сергіевой лавры, № 283, л. 368; № 628, л. 88; № 659, л. 34. 72; № 681, л. 74. 164 об.; № 694, л. 82, Москв. 1878—1879; *Ключевск.* Древне-русск. Житія Святыхъ, 303. 310. 316; А. Э. II, № 222.

ками и персами, билъ челомъ царю Θедору Ивановичу, чтобы онъ принялъ Грузію подъ свою высокую державу. Когда Θедоръ Ивановичъ далъ свое согласіе и Грузія дѣйствительно была принята подъ покровительство Россіи, Александръ, въ октябрѣ 1588 г., обратился въ Москву съ новыми просьбами, въ которыхъ, изображая плачевное состояніе своей церкви, просилъ и царя, и Іова, тогда еще митрополита, прислать въ Грузію «для исправленія православныя вѣры христіанскія учительныхъ людей». И эта просьба была услышана. Въ Грузію послали четырехъ учительныхъ людей (двухъ старцевъ изъ Троице-Сергіева монастыря и двухъ соборныхъ священниковъ изъ Москвы) и трехъ иконописцевъ ([44]). Но Іовъ, уже патріархъ, счелъ нужнымъ написать еще отъ себя къ грузинскому царю и къ грузинскому митрополиту Николаю учительныя посланія ([45]). Въ посланіи къ царю Александру (въ апрѣлѣ 1589 г.), патріархъ, извѣщая его, что учительные люди и иконописцы отправлены въ Грузію, прежде всего излагалъ предъ нимъ православный символъ вѣры, и затѣмъ убѣждалъ Александра твердо держаться этого неизмѣннаго образца православія и соблюдать всѣ преданія св. апостоловъ, св. соборовъ и отцевъ церкви, крѣпко стоять противъ всѣхъ ересей и еретиковъ и охранять отъ нихъ своихъ подданныхъ, всегда имѣть въ сердцѣ страхъ Господенъ и исполнять заповѣди Евангелія, почитать плотскихъ родителей, а еще болѣе священниковъ, какъ ходатаевъ предъ Богомъ, и

([44]) Никон. Лѣт. VIII, 27; Новый лѣтоп., во Временн. XVII, 40; *Карамз.* X, примѣч. 118. 122. Письма царя Александра къ Θеодору и къ Іову напеч. въ Истор. *Щербатова*, XII, 260 и дал.

([45]) Первое напечатано въ А. И. I, № 227; а второе—въ Христ. Чтен. 1869, II, 867—893.

отнюдь не касаться ничего церковнаго. Второе посланіе гораздо обширнѣе. Здѣсь, въ предисловіи, патріархъ преподаетъ свое благословеніе возлюбленному сыну и сослужебнику митрополиту Николаю, а также архіепископамъ, епископамъ и всему освященному собору иверской земли, увѣдомляетъ ихъ объ отправленіи изъ Москвы въ Грузію, по просьбѣ ихъ царя, учительныхъ людей «къ истинному извѣщенію правыя вѣры», и говоритъ: «знаемъ васъ изначала, Божіею благодатію, христіанами; но не вѣдаемъ, откуда возникли у васъ соблазны, такъ что нынѣ вы не во всемъ вполнѣ держите христіанскую вѣру и въ немногомъ раздѣляетесь отъ насъ. Внимайте же прилежно, въ чемъ состоитъ истинная благочестивая православная вѣра». Въ самомъ посланіи можно различать нѣсколько небольшихъ частей или отдѣленій. Въ первой части, которая цѣликомъ заимствована изъ третьяго слова «Изборника» митрополита Даніила, патріархъ излагаетъ ученіе о преданіяхъ церкви. «Восходя на небеса,—говоритъ онъ,—Господь оставилъ апостоламъ два завѣта: ветхій и новый, а апостолы и за ними св. отцы узаконили и передали церкви двоякаго рода преданія: писанныя и неписанныя; всѣ эти церковныя преданія писанныя и неписанныя, узаконенныя намъ отъ св. апостоловъ и богоносныхъ отцевъ, мы должны непреложно соблюдать». И затѣмъ, въ частности, перечисляетъ, что апостолы и св. отцы преподали церкви чины и уставы на совершеніе священства, во всѣхъ его степеняхъ, также крещенія, брака, покаянія, евхаристіи, на постриженіе въ иночество, на освященіе св. мура, воды, церквей, на поставленіе православныхъ царей, установили праздники, посты, торжества и разныя чинопослѣдованія церковныхъ

службъ, и заповѣдали покланяться честному кресту, св. иконамъ, евангелію, священнымъ сосудамъ, храмамъ и мощамъ угодниковъ Божіихъ. Такова, заключаетъ Іовъ, вѣра св. апостоловъ, которой они научены были отъ Бога, за которую они и св. отцы и мученики вкусили смерть, презирая міръ и всѣ его блага, и которую мы должны соблюдать непреложно ([46]). Во второй части, которая почти вся заимствована отрывками изъ слова болгарскаго пресвитера Козмы на Богомиловъ, патріархъ вооружается противъ еретиковъ и говоритъ, что виновникъ ересей есть діаволъ и что онъ вдохновлялъ Арія, Савелія, Македонія и имъ подобныхъ, но что еретики, хотя приложились бѣсамъ, еще злѣе бѣсовъ: потому что бѣсы боятся креста Христова, а еретики посѣкаютъ кресты; бѣсы боятся праведниковъ и не смѣютъ прикоснуться ковчеговъ съ ихъ мощами, а еретики ругаются и насмѣхаются, видя насъ, покланяющихся св. мощамъ; еретики отвергаютъ, что чинъ литургіи предали намъ св. апостолы, ни во что вмѣняютъ ученіе евангельское, не чтутъ пресв. Дѣвы Богородицы, которую предвозвѣстили и восхваляли древніе пророки, и которой мы, вѣрные, покланяемся. Затѣмъ патріархъ изрекаетъ проклятіе на всѣхъ, кто не любитъ Господа Іисуса Христа, не принимаетъ таинства евхаристіи, не молится пресв. Богородицѣ, не покланяется св. кресту, иконамъ, мощамъ, не чтитъ ученія апостоловъ и пророковъ, хулитъ божественную литургію, не признаетъ Бога творцемъ всего, хулитъ честный бракъ и проч. ([47]). Въ третьей части — рѣчь объ инокахъ: патріархъ учитъ ихъ терпѣливо

([46]) Снес. Хр. Чтен. 1869, II, 870—873 и нашей Истор. Русск. Церк. VII, 223—224.

([47]) Снес. Хр. Чтен. 1869, II, 873—878 и Слово Козмы — въ Православ. Собесѣдн. 1864, I, 486—487; II, 82—83. 90—93. 324—325.

нести свой крестъ, хранить себя отъ всякаго зла, отвергаться своей воли, чтить игумена, какъ Бога; и братію, какъ апостоловъ; порицаетъ тѣхъ иноковъ, которые, отвергшись міра, творятъ мірское, ищутъ отъ царей и отъ бояръ власти и имѣній, а отъ прочихъ людей чести и поклоненія; еще болѣе возстаетъ противъ тѣхъ чернецовъ, которые своевольно влазятъ въ затворъ, не желая трудиться въ монастырѣ и покоряться игумену, водятся высокоуміемъ, считая себя святыми, и пользуются честію и приношеніями отъ простаго народа. Въ четвертой части обращается къ епископамъ и довольно подробно объясняетъ, что «два великія начала отъ Бога установлены въ мірѣ: священство и царство», которымъ все должно покоряться, но царямъ принадлежитъ власть мірская, а архіереямъ власть духовная; что архіереямъ должны подлежать не только всѣ пресвитеры и причетники, но и церкви, монастыри со всѣми ихъ имѣніями, а мірскія власти не должны вступаться ни во что церковное; грозитъ страшнымъ судомъ Божіимъ тѣмъ мірскимъ властямъ и людямъ, которые обижаютъ св. церкви, восхищаютъ церковныя вещи, земли и села, суды и пошлины, и приводитъ рядъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, какъ Богъ наказывалъ дерзавшихъ посягать на церковное достояніе и даже касаться священныхъ предметовъ; но, съ другой стороны, строго запрещаетъ, на основаніи каноновъ, пользоваться и покровительствомъ мірскихъ властей для достиженія степеней священства. Въ пятой части, которую можно назвать нравственною, патріархъ учитъ, что хотя доброе дѣло созидать и украшать церкви, но если мы въ тоже самое время будемъ осквернять себя страстями и худыми дѣлами, то Богъ не пощадитъ ни насъ, ни

созданныя нами церкви; что, по св. Златоусту, церкви — не однѣ стѣны, но собраніе благочестивыхъ людей, и потому мы должны угождать Богу добрыми своими дѣлами и исполнять Его заповѣди, которыя повелѣваютъ, чтобы мы любили другъ друга и удалялись отъ всякаго зла, чтобы жены покорялись своимъ мужьямъ, мужья любили своихъ женъ, дѣти почитали родителей, рабы повиновались своимъ господамъ и проч. Въ шестой части патріархъ кратко упоминаетъ о «германахъ», протестантахъ, что они, считая себя премудрыми, послѣдуютъ различнымъ ересямъ и не покланяются св. иконамъ;—о латинянахъ, что они жидовствуютъ, совершая евхаристію на опрѣснокахъ, и что имя римскаго папы исключено соборами изъ церковныхъ диптиховъ за многія его ереси; наконецъ—о магометанахъ, что ихъ «бѣсовское ученіе святыми отцы проклято». Въ заключеніе посланія патріархъ убѣждаетъ архипастырей и пастырей Грузіи — подражать св. апостоламъ и св. отцамъ, столько потрудившимся для церкви, быть пастырями добрыми, готовыми положить самыя свои души за своихъ духовныхъ овецъ, пасти ихъ съ ревностію и любовію, охранять ихъ отъ ересей и отъ всякаго зла, напоминаетъ о страшной отвѣтственности духовныхъ пастырей предъ Богомъ, и вновь преподаетъ свое благословеніе митрополиту и всему освященному собору иверской земли съ ихъ православною паствою. Мы уже замѣтили, что первая часть посланія патріарха Іова цѣликомъ заимствована изъ Изборника митрополита Даніила, а вторая, отрывками, изъ слова Козмы пресвитера, безъ указанія на источники; теперь прибавимъ, что и въ остальныхъ частяхъ встрѣчаются заимствованія, хотя болѣе краткія, изъ тогоже Изборника Даніилова и изъ „Просвѣтителя“ преп.

Іосифа волоколамскаго. Но это не слѣдуетъ ставить въ укоръ автору, котораго, напротивъ, судя особенно по настоящему посланію, надобно отнести къ числу самыхъ образованныхъ книжниковъ своего времени: такъ обыкновенно писались тогда у насъ сочиненія; подобное мы видѣли и у Іосифа волоколамскаго, и у Даніила, и у другихъ. Не скроемъ, что во второй части посланія, заимствованной изъ слова Козмы пресвитера, патріархъ сдѣлалъ и отъ себя прибавку, и именно, говоря о поклоненіи св. иконамъ, помѣстилъ слѣдующее ученіе о перстосложеніи для крестнаго знаменія: «молящися, креститися подобаетъ двѣма прьсты; прежъ положити на чело главы своея, таже на перси, потомъ же на плече правое, таже и на лѣвое; сългбеніе прьсту именуетъ снестві съ небесъ, а стоящій перстъ указуетъ вознесеніе Господне; а три персты равны держати — исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну; то есть истинное крестное знаменіе». Сомнѣваться, принадлежитъ ли эта прибавка Іову и держался ли онъ самъ двуперстія, едва ли справедливо послѣ того, какъ ученіе о двуперстіи возведено стоглавымъ соборомъ на степень догмата, обязательнаго для всѣхъ, и ограждено анаѳемой.

Между тѣмъ какъ царь Ѳедоръ Ивановичъ и патріархъ Іовъ старались оказать свое содѣйствіе къ поддержанію христіанства въ Грузіи—странѣ, только-что признавшей надъ собою русскую власть, но издавна христіанской, въ другой странѣ, гораздо прежде присоединенной къ Россіи, но недавно озаренной свѣтомъ евангелія, христіанство требовало еще болѣе попеченія, охраненія и поддержки со стороны русскаго правительства. Митрополитъ казанскій Гермогенъ донесъ царю, а вмѣстѣ, безъ сомнѣнія, и патріарху, какъ обыкно-

венно поступали тогда русскіе святители, что въ Казани и въ уѣздахъ казанскомъ и свіяжскомъ новокрещенные татары совсѣмъ отстали отъ христіанской вѣры. Они живутъ съ татарами, чувашами, черемисами и вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ своихъ образовъ Божіихъ не держатъ, поповъ въ домы свои не призываютъ и отцевъ духовныхъ не имѣютъ, къ роженицамъ поповъ не зовутъ и дѣтей своихъ не крестятъ, умершихъ къ церкви не приносятъ, а кладутъ по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ, женихи къ невѣстамъ по татарскому своему обычаю приходятъ и, если вѣнчаются въ церкви, то послѣ вновь вѣнчаются въ своихъ домахъ татарскими попами; во всѣ посты и въ среды и пятницы ѣдятъ скоромное, кромѣ женъ держатъ наложницъ и дѣтей отъ нихъ не крестятъ. Въ 1591 году Гермогенъ созывалъ всѣхъ этихъ новокрещеновъ въ Казань, въ соборную церковь, и поучалъ ихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, отъ божественнаго писанія и убѣждалъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ; но новокрещены ученія евангельскаго не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, и только скорбятъ, что отъ своей вѣры отстали, а въ православной вѣрѣ не утвердились. Причиною этого Гермогенъ считалъ то, что новокрещены живутъ съ нѣвѣрными, а не съ христіанами, вблизи себя не имѣютъ церквей Божіихъ, между тѣмъ какъ мечети начали ставить вблизи посада, чего прежде, съ самаго взятія Казани, не бывало. Въ тоже время Гермогенъ писалъ, что многіе русскіе, плѣнные и неплѣнные, живутъ у татаръ, черемисовъ и чувашей, ѣдятъ и пьютъ съ ними, женятся у нихъ, и всѣ отпали отъ христіанской вѣры и припали та-

тарскую; многіе также русскіе, взрослые и малолѣтки, живутъ у нѣмцевъ по слободамъ и по деревнямъ, добровольно и за деньги, и отпали отъ православія въ вѣру римскую и лютеранскую. Получивъ такія прискорбныя извѣстія, царь, конечно, по совѣщаніи съ патріархомъ и другими своими совѣтниками, послалъ казанскимъ воеводамъ слѣдующій приказъ (отъ 18 іюля 1593 г.), о которомъ тогда же сообщилъ и казанскому митрополиту Гермогену: 1) переписать, по именамъ, всѣхъ новокрещеновъ съ ихъ женами, дѣтьми и людьми, всѣхъ созвать въ Казань и объявить имъ, что они крещены по ихъ собственной волѣ и челобитью, и всѣ дали обѣщаніе жить крѣпко въ православной вѣрѣ и къ прежней, мусульманской, не обращаться, а между тѣмъ нынѣ живутъ вовсе не по-христіански и держатся татарской вѣры, не смотря на всѣ поученія митрополита Гермогена; 2) потомъ устроить для новокрещеновъ въ Казани особую слободу и велѣть всѣмъ имъ въ ней селиться; слобода должна быть между русскихъ людей и вдали отъ татаръ; поставить въ слободѣ церковь, попа и весь церковный причтъ; поручить слободу доброму боярскому сыну и беречь ему накрѣпко, чтобы новокрещены держали христіанскую вѣру, ходили въ церковь, носили на себѣ кресты, имѣли у себя образа, призывали въ свои домы отцевъ духовныхъ и вообще жили по-христіански, чтобы они часто ходили къ митрополиту Гермогену и слушали его поученія; а которые не станутъ держать христіанской вѣры и слушать митрополита, тѣхъ смирять, сажать въ темницы и въ оковы; иныхъ же отсылать къ митрополиту для наложенія на нихъ епитиміи; 3) мечети татарскія въ Казани, которыя ставить запрещено царскими указами, и которыя въ послѣднее время

начали появляться только по небрежности воеводъ, упразднить и впредь не дозволять строить; 4) всѣхъ русскихъ людей, живущихъ у татаръ и у нѣмцевъ, отобрать и занимающихся торговлею поселить въ посадахъ, а пашенныхъ — въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ, чтобы они, живя между русскими, вновь сдѣлались православными христіанами, татарамъ же и нѣмцамъ приказать, чтобы впредь русскихъ къ себѣ на жительство и на служеніе не принимали (43).

Равнымъ образомъ заботилось наше правительство объ утвержденіи православнаго христіанства и на другихъ окраинахъ своего государства: въ Сибири и Кареліи. Въ Сибирь принесена была св. вѣра русскими, которые начали селиться въ ней вскорѣ послѣ ея покоренія. Какъ только основанъ былъ Тобольскъ (1586 г.), въ немъ построены и первыя церкви царскимъ воеводою Чулковымъ: вознесенская и троицкая и затѣмъ спасская, куда въ 1593 г. отосланъ былъ изъ Углича колоколъ, которымъ извѣщали о убіеніи царевича Димитрія. Въ 1592 г. сооружена церковь въ сибирскомъ городѣ Табарахъ, и туда, по указу царя Ѳедора Ивановича, отправлены были изъ Москвы иконы, книги, колокола и вся церковная утварь, церковное вино, воскъ и ладонъ, а священника велѣно было взять изъ Перми, діакона же изъ Ростова. Въ слѣдующемъ году князю Горчакову, строившему Пелымъ, прислано было изъ Москвы приказаніе поставить въ этомъ городѣ церковь Рождества Христова съ придѣломъ во имя Николая чудотворца. Къ концу XVI вѣка основанъ въ Енисейскѣ спасскій монастырь. Въ сентябрѣ 1599 года царь

---

(43) А. Э. I, № 358.

Борисъ Өедоровичъ велѣлъ березовскому воеводѣ Ивану Волынскому построить въ селѣ Кодѣ, вотчинѣ сибирскихъ князей Алачевыхъ, церковь живоначальныя Троицы съ придѣломъ святителя Николая, по просьбѣ новокрещенныхъ княгини кодской Анастасіи и сына ея Петра, и послалъ туда изъ Москвы все церковное строеніе, иконы, книги, сосуды церковные, колокола, ризы и проч. А въ февралѣ (12-го) велѣлъ отпустить въ Москву самого князя кодскаго Игичея Алачева, мужа Анастасіи, пожелавшаго принять св. крещеніе въ русской столицѣ. Въ 1600 г. царь Борисъ Өедоровичъ въ своей граматѣ (отъ 30 генв.) тюменскому головѣ Өедору Янову о построеніи яма и острога въ Епанчинѣ юртѣ, приказывалъ поселить тамъ и «новокрещеныхъ 55 семей». Въ томъ же году и тотъ же голова Яновъ просилъ у государя разрѣшенія построить въ Епанчинѣ юртѣ церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба, по желанію служилыхъ и пашенныхъ людей. Въ отвѣтъ на эту просьбу изъ Москвы были посланы (12 окт.), съ инокомъ Авраамiемъ, не только разрѣшеніе на постройку церкви, но и антиминсъ, св. мѵро и масло, нѣсколько иконъ, сосуды церковные—деревянные, звѣздица и копье мѣдныя, крестъ, обложенный мѣдью, кадило мѣдное, ризы священническія и діаконскія, изъ богослужебныхъ книгъ: евангеліе письменное, апостолъ, псалтырь, служебникъ, часословъ, минея общая, октоихъ, тріодь постная и цвѣтная—печатная, треөологіонъ письменный; священника велѣно было взять изъ Верхотурья, діакона изъ Перми. Въ томъ же году разрѣшено было царскою граматою (отъ 29 февр.) построить въ Тюмени, хотя въ ней и прежде было уже двѣ церкви, новую во имя рождества пресв. Богородицы, и посланы были туда изъ Москвы другой священникъ, антиминсъ и

все «церковное строенье», т. е. все, необходимое для церкви и богослуженія. Въ 1602 г., по указу царя Бориса Өедоровича, отправлены были изъ Москвы въ городъ Верхотурье девять иконъ, двери царскія, запрестольный образъ Богоматери, образъ Стефана пермскаго, колоколъ и печатная минея съ тѣмъ, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ вещей были оставлены при двухъ церквахъ въ Верхотурьѣ, а другія пересланы въ Тобольскъ и Пелымъ. Въ 1603 г. упоминаются въ Сибири «новокрещены» изъ чусовскихъ Вогуличей; ихъ приказано было записывать въ царскую службу и давать имъ, наравнѣ съ стрѣльцами, царское жалованье, денежное и хлѣбное. А черезъ два года царь Борисъ Өедоровичъ, отправивъ верхотурскому воеводѣ Плещееву четыре книги вновь отпечатанной цвѣтной тріоди, приказалъ ему отдать двѣ книги въ Тобольскъ и по одной въ Тюмень и Туринскъ ([49]). Въ Кореліи, которую въ 1583 г. Россія принуждена была уступить Швеціи, православіе подвергалось тяжкимъ притѣсненіямъ. Царь Өедоръ Ивановичъ, желая прекратить это и возвратить Россіи ея древнее достояніе, выступилъ въ 1591 г. съ сильнымъ войскомъ противъ шведскаго короля. Побѣжденные шведы тотчасъ отдали царю города Яму, Копорье, Иванъ-городъ. И Өедоръ Ивановичъ повелѣлъ всѣ эти города «отъ всякихъ еллинскихъ богомерзскихъ гнусовъ очистити и божественныя церкви въ нихъ поставляти». Когда же, спустя четыре года, шведы вторглись въ новгородскіе предѣлы, и царское войско, разбивъ, разсѣявъ враговъ, овладѣло всею корельскою областію, тогда

([49]) Древн. Росс. Вивліоө. III, 107—108. 111; Русск. Историч. Библіот. II, №№ 47. 48. 68; *Миллер*. Истор. Сибир. I, стр. 217. 231 241. 340. 359; А. И. II, №№ 43. 346.

царь послалъ въ нее своихъ бояръ и повелѣлъ, — какъ повѣствуетъ самъ патріархъ Іовъ, — «тамо капища еллинская разорити и идолы сокрушити, и святыя церкви воздвизати, и пречистыя великія обители устрояти..., и, по его благому изволенію, вся сія совершишася» (50). При царѣ Борисѣ, въ 1598 г., учреждена здѣсь особая епархія подъ названіемъ корельской (51).

Нельзя сказать, чтобы за учрежденіемъ патріаршества въ Россіи и другими, послѣдовавшими затѣмъ, перемѣнами въ нашей церковной іерархіи, измѣнилось и значеніе ея гражданское или государственное; но оно стало теперь замѣтнѣе и осязательнѣе. И прежде русскіе митрополиты и прочіе архіереи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, приглашались иногда для совѣщаній о дѣлахъ земли русской, вмѣстѣ съ боярами и другими представителями земства, на такъ называвшіеся земскіе соборы. Но это бывало весьма рѣдко, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда рѣшались вопросы, напримѣръ, о войнѣ, о церковныхъ имѣніяхъ. Теперь патріархъ и подчиненные ему іерархи сдѣлались постоянными членами земскихъ собраній или соборовъ. Флетчеръ, бывшій тогда въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что эти собранія, впрочемъ, неполныя, — такъ какъ на нихъ не присутствовали избранные представители отъ земства, — созывались обыкновенно по пятницамъ въ столовой палатѣ государевой. Царь садился на тронѣ. Недалеко отъ царя, за небольшимъ четвероугольнымъ столомъ, за которымъ могли помѣститься человѣкъ двѣнадцать, садился патріархъ съ митрополитами, епископами, знатнѣйшими боярами и съ

(50) Повѣсть о житіи царя Θеодора Іоаннов., въ Лѣтоп. Никон. VII, 331. 335.
(51) Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 345; А. Э. II, № 7, стр. 41.

двумя думными дьяками или секретарями, записывавшими все, что происходило. Прочіе члены садились на скамьяхъ около стѣны. Потомъ одинъ изъ дьяковъ излагалъ самые предметы, для разсужденія о которыхъ созвано было собраніе. И прежде всего выслушивалось мнѣніе патріарха и бывшаго съ нимъ духовенства ([52]). Самъ ли Ѳедоръ Ивановичъ, по чувству благочестія, которымъ отличался, и, въ частности, по уваженію и расположенности къ патріарху Іову, предоставилъ ему и прочимъ архіереямъ такое близкое и постоянное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, или это устроилось по намѣреніямъ ближняго боярина государева Годунова, который, предполагая въ средѣ бояръ, засѣдавшихъ въ земской думѣ или собраніи, своихъ враговъ, явныхъ и тайныхъ, хотѣлъ имѣть здѣсь для себя поддержку въ знатномъ духовенствѣ и особенно въ патріархѣ Іовѣ, которому издавна благодѣтельствовалъ и на котораго могъ разсчитывать, неизвѣстно. Но только это участіе духовенства въ государственномъ совѣтѣ скоро оказалось весьма полезнымъ, когда настало для Россіи смутное время, и когда патріарху, съ прочими архіереями, пришлось стать во главѣ лицъ, заправлявшихъ судьбами государства.

И по долгу вѣрноподданнаго, и по чувству признательности, Іовъ съ полнымъ усердіемъ служилъ царю Ѳедору Ивановичу, по волѣ котораго удостоился быть сперва митрополитомъ, а потомъ и патріархомъ. Въ началѣ 1591 года Ѳедоръ Ивановичъ, лично предводительствуя своимъ войскомъ, одолѣлъ шведовъ и отнялъ у нихъ и возвратилъ Россіи города: Яму, Иванъ-городъ и Копорье. Іовъ торжественно встрѣтилъ возвратившагося въ Москву побѣдителя и привѣтствовалъ его рѣчью,

---

([52]) *Флетч.* О госуд. русскомъ, гл. 8, стр. 19—20 въ русск. переводѣ.

въ которой уподоблялъ его равноапостольному царю греческому Константину и русскому великому князю Владиміру, указывая на то, что какъ они очистили свои земли отъ язычества и водворили въ нихъ христіанство, такъ теперь и царь Θедоръ очистилъ отъ иновѣрія города, отнятые у непріятеля, и возстановилъ въ нихъ православіе (53).

Въ томъ же 1591 г. царскій домъ постигло несчастіе: 15-го мая не стало царевича Димитрія, единственнаго брата Θедора Ивановича, котораго онъ очень любилъ и въ которомъ, не имѣя дѣтей, могъ видѣть своего наслѣдника. Царевичъ жилъ въ своемъ удѣльномъ городѣ Угличѣ съ своею матерію, царицею Маріею, и ея братьями Михаиломъ и Григоріемъ Нагими. По свидѣтельству лѣтописей, девятилѣтній царевичъ погибъ насильственною смертію отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ, подготовлявшимъ себѣ путь къ царскому престолу; но сбѣжавшійся, по набату, народъ, при видѣ преступленія, тогда же умертвилъ самихъ убійцъ, Осипа Волохова, Никиту Качалова и Данилу Битяговскаго, а также и отца Данилы дьяка Михаила Битяговскаго и другихъ, всего 12 человѣкъ. Когда гонецъ съ вѣстію объ убіеніи царевича прибылъ въ Москву, Годуновъ взялъ у него грамату и велѣлъ написать другую, будто царевичъ, страдавшій падучею болѣзнію, самъ закололъ себя ножемъ, играя съ дѣтьми, и эту грамату представилъ царю. Царь горько плакалъ. Для розыска посланъ былъ въ Угличь знатнѣйшій бояринъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ двумя другими лицами, а для погребенія царевича митрополитъ крутицкій Геласій. Слѣдователи, въ угоду Годунову, повели дѣло такъ.

---

(53) Никон. Лѣт. VIII, 332—333.

что, по большинству показаній, царевичъ дѣйствительно закололся самъ, и что дьякъ Битяговскій и прочіе съ нимъ убиты народомъ совершенно невинно, по наущенію Михаила Нагаго, враждовавшаго противъ Битяговскаго. Царь приказалъ боярамъ идти съ слѣдственнымъ дѣломъ на соборъ къ патріарху Іову, и оно прочитано было въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ дьякомъ Щелкаловымъ. Патріархъ, выслушавъ слѣдствіе, сказалъ: «предъ государемъ царемъ Михайлы и Григорія Нагихъ и углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михаилу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ, которые стояли за Михайлу Битяговскаго, велѣлъ побить напрасно, за то, что Битяговскій часто бранился съ Нагимъ за государя. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики-угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанія. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ да государь; а нашъ долгъ молить Бога о государѣ и государынѣ». Рѣчь патріарха бояре немедленно передали царю, и царь велѣлъ казнить виновныхъ. Нагихъ разослали по городамъ и заключили въ темницы, саму царицу Марію постригли въ монашество и заточили въ николаевскую пустынь на Выскѣ, близъ Череповца; угличанъ однихъ казнили смертію, другимъ отрѣзали языки, а многихъ вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Патріархъ, очевидно, высказалъ свое мнѣніе на основаніи того, что узналъ изъ слѣдственнаго дѣла, и думать, будто онъ покривилъ здѣсь своею совѣстію въ угоду Годунову совершенно неосновательно. Патріархъ тогда еще не

могъ знать объ участіи Годунова въ убіеніи Димитрія, какъ не знали и другіе архіереи: событіе совершилось такъ недавно и не успѣло довольно огласиться; самъ Годуновъ не открылъ же Іову злыхъ своихъ замысловъ. Отвергнуть слѣдственное дѣло или не довѣрять ему Іовъ не имѣлъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что и митрополитъ сарскій Геласій, бывшій въ Угличѣ на слѣдствіи, засвидѣтельствовалъ предъ соборомъ отъ имени царицы о виновности Михаила Нагаго съ братіею въ убіеніи Битяговскаго. Если и могли патріархъ и прочіе архіереи узнать правду объ этомъ дѣлѣ, то развѣ только впослѣдствіи, когда она сдѣлалась извѣстною многимъ ([54]).

Спустя годъ послѣ смерти царевича Димитрія Богъ утѣшилъ царя Ѳедора Ивановича дарованіемъ ему дочери Ѳеодосіи; но въ слѣдующемъ году дочь скончалась, и это повергло отца и особенно мать въ чрезвычайное горе. Патріархъ Іовъ счелъ нужнымъ написать царицѣ Иринѣ посланіе и убѣждалъ ее не предаваться скорби, но уповать на Бога и усердно Ему молиться: напоминалъ ей о праотцѣ Адамѣ, какъ горько онъ плакалъ надъ тѣломъ своего сына Авеля, но не могъ слезами возвратить его къ жизни, по силѣ неизмѣннаго приговора: *земля еси и въ землю отыдеши*; указывалъ на праведныхъ Іоакима и Анну, которые хотя до старости оставались неплодными, но своимъ упованіемъ на Бога, своими неотступными молитвами подвигли Его разрѣшить неплодство Анны и даровать имъ благословенное чадо. «Видишь ли, благовѣрная государыня царица,—заключалъ первосвятитель,—сколько можетъ молитва праведныхъ, терпѣливо переносящихъ

([54]) Собр. Госуд. Грам. II, № 60, стр. 122—123; *Карамз.* X, 82, изд. Эйнерл.; *Соловьев.* VII, 422—432. 445.

постигающія ихъ скорби. А кручиною, государыня, ничего нельзя взять, можно взять лишь милостію Божіею; если печалишься, то только гнѣвишь Бога, а своей душѣ причиняешь немалый вредъ и безгодно изнуряешь свое тѣло; діаволъ же, когда видитъ кого либо скорбящаго, укрѣпляется на него. Потому молю твое благочестіе, положи во всемъ упованіе на Бога и на пречистую Богородицу, и Она, видя твое упованіе, умолитъ Сына Своего, да исполнитъ всякое твое прошеніе, да сотворитъ чресла твои многоплодными и да устроитъ тебя, какъ лозу плодовитую въ дому твоемъ» ([55]).

Когда Ѳедоръ Ивановичъ скончался (7 генв. 1598 г.), патріархъ Іовъ оплакалъ его самыми непритворными слезами, какъ и вся Москва. Но, кромѣ того, какбы въ дань признательности къ почившему, самъ принялъ на себя трудъ, не смотря на свою старость и многотрудныя обязанности, написать житіе этого благочестиваго государя, на память потомству. Въ житіи патріархъ нѣсколько разъ дѣлаетъ общіе отзывы о царѣ Ѳеодорѣ, описываетъ важнѣйшія событія его царствованія, каковы: вѣнчаніе его на царство, усмиреніе казанскаго края, вторичное покореніе Сибири, учрежденіе патріаршества, двукратная война со шведами, нашествіе крымцевъ и борьба съ ними подъ стѣнами Москвы, изображаетъ обстоятельства кончины Ѳеодора и тѣ скорбныя чувства, какія возбудила она во всѣхъ, особенно въ царицѣ Иринѣ, и оканчиваетъ житіе молитвеннымъ обращеніемъ къ почившему. Въ общихъ отзывахъ выражается: «этотъ благочестивый самодержецъ, праведный, досточудный и кресто-

---

([55]) Посланіе это напечатано въ Исторіи *Солов.* VII, 449—450.

носный царь древнимъ благочестивымъ царямъ былъ равнославенъ, нынѣшнимъ служилъ украшеніемъ, для будущихъ послужитъ сладчайшею повѣстію. Хотя отъ юности онъ окруженъ былъ безчисленными и многоцѣнными благами міра, но ни однимъ изъ нихъ не увлекался, ни однимъ не услаждался... Хотя и держалъ въ рукахъ своихъ скипетръ славнаго царства русскаго, но всегда устремлялъ умъ свой къ Богу и сердечную вѣру сопровождалъ добрыми дѣлами; тѣло удручалъ церковными пѣснями, дневными правилами, всенощными бдѣніями, воздержаніемъ и постомъ, а душу умащалъ поученіемъ божественныхъ писаній, украшая ее благими нравами... Былъ весьма нищелюбивъ, милуя вдовицъ и сиротъ, особенно же чтилъ священническій и монашескій чинъ, удовлетворяя ихъ всегда пространною милостынею... И въ дальнія страны земли всегда текла, какъ нескудная рѣка, его щедрая милостыня, какъ то: во св. гору аѳонскую, въ Александрію, въ Ливію, въ великую Антіохію и во всѣ святыя мѣста даже до Іерусалима»... Въ своемъ молитвенномъ обращеніи къ почившему государю, Іовъ говорилъ: «Ты же, о великая, блаженная царская красота, если уже достигъ въ премірныя селенія умныхъ силъ и ясно зришь пресвѣтлое сіяніе триѵпостаснаго Существа, поминай царское твое достояніе, да сохранитъ Господь въ мирѣ и тишинѣ наслѣдіе царства твоего и живущихъ въ немъ; а мнѣ, дерзнувшему принести тебѣ сіе малое хвалословіе, испроси оставленіе грѣховъ моихъ и за дерзновеніе даруй прощеніе... Какъ ублажу тебя, великій государь, какое благодареніе принесу тебѣ я, неразумный, и какъ возмогу, по достоинству, восхвалить тебя, о блаженная и всекрасная царская душа? Насколько солнце выше персти

земной, настолько твое царское величество превыше нашей похвалы»... ([56]).

Равнымъ образомъ не могъ патріархъ Іовъ не быть преданнымъ и новому государю Борису Ѳедоровичу Годунову, о которомъ потомъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, такъ отозвался: «зѣло всячески мя преупокои во вся дни живота моего, егда бѣхъ на коломенской епископіи и на ростовской архіепископіи, такоже и въ митрополитѣхъ и на патріаршескомъ степени, яко не могу по достоянію изрещи превеликія его царскія милости къ себѣ смиренному». Извѣстно, что Іовъ преимущественно и содѣйствовалъ избранію Годунова на царство. Когда Ирина отказалась отъ престола и, удалившись въ новодѣвичій монастырь, приняла тамъ монашество съ именемъ Александры, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами Москвы отправился въ тотъ монастырь и умолялъ царицу благословить на царство брата своего Бориса, который и при жизни ея мужа былъ правителемъ Россіи; а самого Бориса просилъ принять царское достоинство. Но Борисъ рѣшительно сказалъ: «мнѣ и на умъ никогда не приходило о царствѣ; какъ мнѣ помыслить на такую высоту?... О государствѣ и о всякихъ земскихъ дѣлахъ радѣть и помышлять тебѣ, государю моему отцу, святѣйшему Іову патріарху, и съ тобою боярамъ»... Борису хотѣлось быть избраннымъ не одною Москвою, а всею русскою землею. Созванъ былъ великій земскій соборъ изъ выборныхъ представителей всего государства, числомъ до 474 человѣкъ. Патріархъ обратился къ нимъ съ рѣчью (17 февр. 1598 г.), и, объявивъ, что, по

([56]) Житіе царя Ѳедора Ивановича помѣщено цѣликомъ въ Никон. Лѣтоп. VII, 316—359.

смерти царя Θедора Ивановича, ни царица Ирина, ни братъ ея Борисъ, не смотря на всѣ просьбы, не согласились занять царскій престолъ, предложилъ: «теперь вы бы о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали, кому у насъ государемъ быть?» Но вдругъ же, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: «а у меня, Іова патріарха и у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и у всего освященнаго собора, которые при преставленіи царя Θедора Ивановича были, мысль и совѣтъ у всѣхъ одинъ, что намъ, мимо Бориса Θедоровича, иного государя никого не искать и не хотѣть». Послѣ этого, естественно, и всѣ прочіе архіереи и вообще духовныя лица, прибывшія изъ другихъ городовъ въ Москву, единогласно воскликнули: «и нашъ совѣтъ и желаніе тоже, и мы единомысленны съ тобою, отцемъ нашимъ, великимъ господиномъ Іовомъ патріархомъ». А за архіереями, волею и неволею, тоже велегласно и многократно повторяли и всѣ бояре и всѣ выборные русской земли. Слѣдующіе три дня (18—20 февр.) Іовъ торжественно служилъ молебны въ успенскомъ соборѣ, чтобы Богъ даровалъ Россіи царя Бориса Θедоровича, и на третій день, послѣ молебна, отправился съ духовенствомъ, боярами и множествомъ народа, въ новодѣвичій монастырь съ прежнею просьбою къ царицѣ и брату ея отъ лица всей русской земли. Но, получивъ и теперь отказъ, патріархъ распорядился, чтобы на слѣдующій день молебны отслужены были не въ одномъ успенскомъ соборѣ, но во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ столицы, и чтобы потомъ всѣ православные съ иконами и крестами шли въ новодѣвичій монастырь просить милости царицы и Бориса Θедоровича, а съ архіереями тайно

приговорилъ: если опять царица и Борисъ Өедоровичъ откажутъ, то отлучить его отъ церкви, самимъ же сложить съ себя святительскій санъ и во всѣхъ храмахъ запретить богослуженіе. Эта послѣдняя мѣра, впрочемъ, оказалась излишнею: потому что Борисъ, при видѣ крестныхъ ходовъ и, особенно, чудотворной владимірской иконы Богоматери, уступая всеобщимъ, неотступнымъ мольбамъ, согласился, наконецъ, принять царство, и чрезъ нѣсколько дней торжественно въѣхалъ въ Москву и вступилъ на престолъ. Патріархъ разослалъ граматы по всей Россіи, чтобы, по случаю восшествія на престолъ новаго государя, вездѣ три дня сряду пѣлись молебны и происходилъ колокольный звонъ, а всѣмъ, съѣхавшимся на земскій соборъ и участвовавшимъ въ избраніи Бориса, предложилъ написать и утвердить своими подписями и печатями уложенную грамату, въ которой подробно было изложено, какъ совершалось это избраніе и потомъ принесена была присяга избранному царю, и въ заключеніи которой присовокупилъ: «если же кто не захочетъ послушать сего соборнаго уложенія и начнетъ молву чинить въ людяхъ, таковый, будетъ ли онъ священнаго сана, или изъ бояръ, или иного какого либо чина, по правиламъ св. отецъ и по соборному уложенію нашего смиренія, да будетъ низверженъ съ своего чина и отлученъ отъ церкви и отъ причастія св. Христовыхъ таинъ» (57). Всѣ такія радѣнія о воцареніи Бориса Өедоровича обошлись патріарху Іову очень недешево. Онъ самъ сознается, что испыталъ тогда, именно со смерти царя Өедора Ивановича до вступленія на престолъ Бориса, «озлобленіе и клеветы, укоризны, рыданіяжъ и слезы», ко-

(57) Вивліоө. VI, 114; VII, 51—52; А. Э. II, №№ 1. 6. 7.

нечно, отъ людей, тайно противодѣйствовавшихъ ему и не желавшихъ видѣть царемъ Годунова ([58]).

Едва успѣлъ Борисъ занять царскій престолъ, какъ пришла вѣсть, что крымскій ханъ Казы-Гирей поднимается на Москву съ своею ордою. И Борисъ, собравъ до 500,000 войска на берегахъ Оки, отправился (2 мая) къ нему въ Серпуховъ; но потомъ пришла другая вѣсть, что ханъ шлетъ своихъ пословъ, которые дѣйствительно и прибыли (29 іюня) къ Борису съ просьбою о мирѣ. Въ продолженіе этого времени царь и патріархъ писали другъ другу посланія. Царь извѣщалъ о своемъ походѣ и просилъ молитвъ; патріархъ благодарилъ за извѣстія и увѣрялъ, что молится непрестанно со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Эти посланія, составленныя, вѣроятно, дьяками, весьма скудны содержаніемъ, за то богаты многословіемъ и напыщенностію выраженій. Патріархъ величалъ Бориса «Богоизбраннымъ, въ благочестіи всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшимъ, наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ и высочайшимъ, православныя вѣры крѣпкимъ и непреклоннымъ истиннымъ поборникомъ» и под. А Борисъ билъ челомъ Іову, какъ «твердому столпу православія, архіерею богодухновенному, первопрестольнику всея великія Россіи и первому патріарху, великому господину и государю своему и отцу». При возвращеніи Бориса въ Москву Іовъ устроилъ ему торжественную встрѣчу и сказалъ рѣчь, въ которой, восхваляя труды и подвиги царя, выражался, что онъ однимъ вооруженіемъ своего воинства устрашилъ врага и безъ крови одержалъ надъ нимъ славную побѣду. А тотчасъ, по окончаніи рѣчи, патріархъ, со всѣмъ освященнымъ

([58]) Вивліоѳ. VI, 113; Собр. Госуд. Гр. II, № 82, стр. 181.

соборомъ и множествомъ народа, повергся предъ Борисомъ на землю, проливая радостныя слезы ([59]).

Во время вѣнчанія Бориса на царство (3-го сентября) онъ и патріархъ обмѣнялись рѣчами. Борисъ, изложивъ кратко исторію своего избранія, просилъ патріарха благословить, и помазать, и поставить, и вѣнчать его на царство, по древнему царскому чину. Патріархъ, повторивъ, другими словами, ту же исторію, отвѣчалъ Борису, что вотъ нынѣ онъ, благодатію Пресвятаго Духа, помазуется отъ Бога, и поставляется, и вѣнчается на русское государство, и выражалъ помазуемому царю свои благожеланія ([60]). Когда, спустя два года по воцареніи своемъ, Годуновъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и началъ принимать всякіе доносы и навѣты на своихъ вельможъ и бояръ и подвергать ихъ страшнымъ преслѣдованіямъ, и когда многіе, обращаясь къ Іову, говорили ему: «что отче святый, новотворимое сіе видѣши, а молчиши?», — тогда онъ, по свидѣтельству его біографа, терзался совѣстію и сердцемъ, но не могъ ничего сдѣлать: такъ какъ царь Борисъ былъ строптивъ и не хотѣлъ видѣть обличника себѣ. Святѣйшій только «день и нощь со слезами непрестанно въ молитвахъ предстоялъ въ церкви и въ келліи своей, непрестанно пѣлъ молебныя пѣнія соборомъ съ плачемъ и великимъ рыданіемъ, такъ же и народъ съ плачемъ молилъ, дабы престали отъ всякаго зла дѣла, паче же отъ доводовъ и ябедничества, и бѣ ему непрестанныя слезы и плачь непостижимый» ([61]).

Когда настало для Бориса тяжкое время, когда явился Лжедимитрій: патріархъ употреблялъ, съ своей стороны, всѣ

(59) А. Э. II, №№ 2. 3. 4. 5.
(60) А. Э. II, № 8.
(61) Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ, л. 8. 10.

мѣры, чтобы поддержать власть законнаго государя. Димитрій, прежде всего, нашелъ себѣ покровителей въ Польшѣ,—и Іовъ, вмѣстѣ съ прочими архіереями, писалъ (1604 г.) къ высшей радѣ короны-польской и великаго княжества литовскаго, къ арцыбискупамъ, бискупамъ и всему духовенству, и удостовѣрялъ ихъ въ своей граматѣ, что выдающій себя за царевича Димитрія— обманщикъ, бывшій монахъ—діаконъ Григорій Отрепьевъ, и просилъ ему не вѣрить; писалъ также къ знаменитому воеводѣ кіевскому, князю Константину (Василію) Острожскому, лично знавшему Отрепьева, и, во имя православія, убѣждалъ князя обличить обманщика и схватить, хотя обѣ эти граматы не достигли своей цѣли. Изъ Польши самозванецъ съ небольшою ратью вступилъ въ предѣлы Россіи, противъ него послано было царское войско: патріархъ въ это время пѣлъ въ Москвѣ молебны о дарованіи побѣды царю Борису, убѣждалъ народъ твердо помнить данную имъ присягу государю; съ клятвою удостовѣрялъ всѣхъ, что царевичъ Димитрій углицкій давно скончался и погребенъ, что подъ его именемъ идетъ теперь на землю русскую не кто другой, какъ извѣстный ему воръ, разстрига Гришка Отрепьевъ; разсылалъ объ этомъ граматы по всей Москвѣ, писалъ въ полки къ боярамъ, воеводамъ, дворянамъ и ко всей рати, и, наконецъ, въ генварѣ 1605 г., разослалъ, и самъ непосредственно, и чрезъ епархіальныхъ архіереевъ, граматы по всей Россіи. Въ граматахъ патріархъ извѣщалъ, что литовскій король Сигизмундъ преступилъ крестное цѣлованіе и, признавъ бѣглаго чернеца разстригу Гришку Отрепьева княземъ Димитріемъ углицкимъ, отпустилъ съ нимъ своихъ воеводъ и воиновъ въ русскую землю, желая въ ней церкви Божіи разорить, костелы латинскіе и лютеранскіе по-

ставить, вѣру христіанскую попрать и православныхъ христіанъ въ латинскую и люторскую ересь привести и погубить. Затѣмъ, описавъ довольно подробно похожденія Лжедимитрія и сказавъ, что онъ самъ уже уклонился въ ересь и имѣетъ намѣреніе поругаться въ Россіи православной вѣрѣ и устроить костелы латинскіе и люторскіе, патріархъ давалъ приказъ духовнымъ лицамъ прочитать эту грамату по всѣмъ церквамъ, ежедневно пѣть молебны, чтобы Богъ не попустилъ литовскимъ людямъ превратить русскую землю въ латинскую ересь и даровалъ побѣду царю Борису надъ самозванцемъ, и всенародно проклинать не только самого самозванца, измѣнника, еретика, отметника вѣры христіанской, но и всѣхъ воровскихъ его совѣтниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, которые тому вору послѣдуютъ, какъ преданы они уже вѣчному проклятію въ Москвѣ всѣмъ освященнымъ соборомъ ([62]).

Царь Борисъ Ѳедоровичъ внезапно скончался (13 апр. 1605 г.), и патріархъ, вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и боярами, а за ними и всѣ жители Москвы, все войско, вся Россія присягнули вдовствующей царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ и дѣтямъ ея царю Ѳедору Борисовичу и царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ, и клялись не измѣнять имъ никогда, не приставать къ вору, называющему себя царевичемъ Димитріемъ, и не хотѣть его на московское государство. Но скоро, одинъ за другимъ, начали измѣнять бояре, потомъ измѣнило войско, измѣнили всѣ жители Москвы: на лобномъ мѣстѣ они выслушали грамату, присланную Лжедимитріемъ (1 іюня), и признали его за истиннаго царевича Димитрія, не смотря на всѣ

([62]) *Карамз.* XI, 86; А. З. Россіи, IV, стр. 279; А. Э. II, №№ 28.29 и стр. 153.

прежнія многократныя и клятвенныя удостовѣренія патріарха, что это самозванецъ. Услышавъ объ измѣнѣ москвитянъ отъ нѣкоторыхъ бояръ, патріархъ понялъ, что новыя удостовѣренія и клятвы съ его стороны были бы уже напрасны, и только плакалъ и молилъ бояръ укротить возмутившійся народъ. 3-го іюня отправлена была въ Тулу отъ имени всѣхъ жителей Москвы повинная грамата къ Лжедимитрію съ извѣстіемъ, что они всѣ присягнули ему и просятъ его пожаловать въ свою столицу; но, замѣчательно, отправлена была только съ боярами, а не съ митрополитами и архіепископами, какъ требовалъ Лжедимитрій въ своей граматѣ и какъ слѣдовало бы: знакъ, что патріархъ тутъ вовсе не участвовалъ, и все творилось безъ его согласія. Іюня 10-го получена въ Москвѣ изъ Серпухова отвѣтная грамата отъ Лжедимитрія, что онъ тогда только вступитъ въ Москву, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго ([63]). И вотъ тогда-то «множество народа царствующаго града Москвы», какъ свидѣтельствуетъ самъ Іовъ, съ оружіемъ и дреколіемъ вторглись въ соборную церковь успенія пресвятыя Богородицы, гдѣ онъ священнодѣйствовалъ, и, не давъ ему окончить литургіи, повлекли его изъ алтаря. Іовъ самъ снялъ съ себя панагію и, полагая ее предъ владимірскою иконою Богоматери, со слезами возопилъ: «О пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложены на меня, недостойнаго, въ твоемъ храмѣ, у твоего чудотворнаго образа, и я, грѣшный, 91-ть лѣтъ правилъ слово истины, хранилъ цѣлость право-

([63]) Соб. Госуд. Грам. II, №№ 84.85; Никон. Лѣтоп. VIII, 65—67; Новый Лѣтоп., во Времени. XVII, отд. II, 66—67; *Бера*—Лѣтопись Московская, въ Сказан. современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ, ч. I, стр. 57-58, изд. 2; *Карамз.* XI, 106—117; А. Э. II, № 34, стр. 91.

славія; нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, какъ видимъ, на православную вѣру наступаетъ еретическая: молимъ тебя, Пречистая, спаси и утверди, молитвами твоими, православіе». Молитва святителя еще болѣе озлобила измѣнниковъ; они съ позоромъ таскали его по церкви и потомъ повлекли къ лобному мѣсту, которое скоро окружили толпы народа. Многіе плакали и рыдали, видя такое смятеніе. Соборные клирики съ воплемъ и крикомъ выбѣжали изъ церкви и старались образумить тѣхъ, которые безчестили и били патріарха сурово и безчеловѣчно. Иные винили его за то, что «найяснѣйшаго царевича Димитрія растригою сказуетъ». Иные кричали: «богатъ, богатъ Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его». И бросились на патріаршій дворъ, и разграбили весь домъ святителя и все имущество. Іовъ молилъ, чтобы его отпустили на обѣщаніе его въ городъ Старицу, въ успенскій монастырь, — и клевреты самозванца, съ его согласія, отправили туда на изгнаніе патріарха Іова, въ простой рясѣ чернеца, на убогой телѣгѣ. И если Лжедимитрій въ граматахъ о восшествіи своемъ на престолъ (отъ 6 и 11 іюня) говорилъ предъ Россіею, что и патріархъ Іовъ и всѣ архіереи и освященный соборъ, вмѣстѣ съ боярами и другими людьми, узнали въ немъ прирожденнаго государя своего и били ему челомъ, то это была или намѣренная ложь, чтобы сильнѣе подѣйствовать на народныя толпы, или, можетъ быть, ненамѣренная: самозванцу могли сказать прибывшіе изъ Москвы съ повинною граматою, что и патріархъ, вмѣстѣ со всѣми, присягнулъ ему, и самозванецъ могъ легко повѣрить пріятной вѣсти, пока не узналъ истины. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ своихъ граматахъ о приведеніи всѣхъ жителей Россіи

къ присягѣ (отъ 11 и 12 іюня) Лжедимитрій говорилъ уже лишь о томъ, что на Москвѣ и другихъ городахъ ему цѣловали крестъ бояре и прочіе, а о патріархѣ Іовѣ и объ архіереяхъ вовсе не упомянулъ. Да и тѣ многіе москвичи, которые дерзнули напасть на своего первосвятителя въ церкви, во время его священнодѣйствія и низвергнуть его съ каѳедры, безъ сомнѣнія, не поступили бы такъ, еслибы онъ былъ съ ними единомысленнымъ, т. е. вмѣстѣ съ ними призналъ новаго государя и присягнулъ ему ([64]).

Въ старицкомъ монастырѣ былъ тогда настоятелемъ архимандритъ Діонисій, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и достопамятныхъ дѣятелей того времени. Онъ родился въ городѣ Ржевѣ и нареченъ былъ Давидомъ. Чрезъ нѣсколько времени родители его переселились въ Старицу, гдѣ отецъ его сдѣлался старѣйшиною Ямской слободы. Здѣсь отрокъ Давидъ отданъ былъ родителями учиться грамтѣ двумъ инокамъ старицкаго монастыря, и постоянно отличался между своими сверстниками двумя качествами: необыкновенною кротостію и великимъ прилежаніемъ къ ученію. Когда онъ достигъ возраста, то, покорясь волѣ родителей, вступилъ въ бракъ и, за свое благочестіе, удостоился быть священникомъ въ одномъ изъ селъ старицкаго монастыря. Прошло шесть лѣтъ, и Давидъ, лишившись жены и обоихъ сыновъ своихъ, прибылъ въ старицкій монастырь и принялъ здѣсь постриженіе съ именемъ Діонисія. Однажды прилучилось ему, вмѣстѣ съ другими братіями, быть въ Москвѣ для монастырскихъ потребностей, и

([64]) А. Э. II, № 67, стр. 154; Никон. Лѣт. VIII, 68—69; Новый Лѣтоп., во Времен. XVII, 69; Истор. о первомъ Іовѣ патріархѣ, л. 14—16; Собр. Госуд. Грам. II, № 89, стр. 200; А. Э. II, №№ 35—37.

онъ вышелъ на торжище, гдѣ продавались книги. Здѣсь нѣкто, увидѣвъ Діонисія, еще юнаго лѣтами, и удивляясь его высокому росту и красотѣ лица, помыслилъ о немъ худое и началъ поносить его срамными словами. Діонисій не только не огорчился и не озлобился, напротивъ, вздохнувъ отъ сердца и обливаясь слезами, съ великою кротостію сказалъ къ своему обидчику: «по истинѣ, братъ мой, ты право помыслилъ о мнѣ, и я, грѣшный, дѣйствительно таковъ, какъ ты отозвался: Богъ тебѣ открылъ о мнѣ. Еслибы я былъ истинный инокъ, то не бродилъ бы по торжищу, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей кельи. Прости меня, грѣшнаго, Бога ради». Этими и другими подобными рѣчами Діонисій привелъ въ умиленіе слышавшихъ, и они стали-было кричать на хульника, называя его невѣждою. «Нѣтъ, братіе,—прервалъ ихъ Діонисій,—невѣжда я, а онъ посланъ отъ Бога, и его слова ко мнѣ всѣ справедливы, на утвержденіе мнѣ, да не буду впредь скитаться по торжищу и пребуду въ моей кельи». Скоро Діонисій удостоился быть казначеемъ въ старицкомъ успенскомъ монастырѣ, а потомъ (около 1605 г.) избранъ и посвященъ въ архимандрита, и занялъ въ томъ монастырѣ должность настоятеля. Въ это-то время и присланъ былъ въ старицкій монастырь патріархъ Іовъ «за приставы» и съ граматою отъ самозванца, чтобы держали присланнаго «во озлобленіи скорбнемъ». Діонисій, угостивъ приставовъ, отпустилъ ихъ, а самъ со всею братіею явился къ Іову, просилъ его приказаній, и отдавался въ его полное распоряженіе. Около двухъ лѣтъ прожилъ Іовъ въ своемъ заточеніи, и Діонисій всячески старался успокоить невиннаго страдальца, и служилъ ему до самой его кончины, которая послѣдовала

19 іюня 1607 года. Для отпѣванія Іова присланы были изъ Москвы крутицкій митрополитъ Пафнутій и тверскій архіепископъ Ѳеоктистъ, которые и погребли его близъ церкви успенія пресвятыя Богородицы, у западныхъ дверей, съ правой стороны. А Діонисій воздвигъ надъ могилою первосвятителя каменную палатку или небольшой склепъ въ видѣ часовеньки (65).

Въ 1604 г., когда, съ появленіемъ Лжедимитрія, наступало для Россіи тяжкое время, Іовъ, уже дряхлый и болѣзненный, написалъ, на всякій случай, свою духовную грамату, въ которой, со всею искренностію, повѣдалъ и о самомъ себѣ. Изъ этой граматы узнаемъ нѣкоторыя прекрасныя свойства его души. Онъ былъ человѣкъ смиренный, не забывшійся на высотѣ, не мечтавшій о своихъ достоинствахъ. Сказавъ, какъ

(65) Истор. Росс. іерархіи VI, 296; Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ, л. 16—18; Житіе преп. Діонисія радонеж., въ Рукоп. Сборн. Троице-Серг. лавры, № 700, л. 16—19. Есть впрочемъ основаніе сомнѣваться, чтобы патріархъ Іовъ прибылъ на заточеніе въ старицкій монастырь при архим. Діонисіѣ. Сохранилась «Описная книга» старицкаго монастыря, составленная, по граматѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, старицкимъ приказщикомъ Жихаревымъ 6-го августа 1607 года, которою Жихаревъ передавалъ тотъ монастырь, послѣ архимандрита Пимена, новому архимандриту Діонисію. Это было уже спустя полтора мѣсяца по кончинѣ Іова. Развѣ предположить, что при поступленіи Діонисія, еще во дни перваго самозванца, на должность настоятеля, своевременно не послѣдовало, по смутнымъ обстоятельствамъ, царской граматы о передачѣ ему по описи старицкаго монастыря, и что такую грамату не вдругъ нашелся дать и новый царь—шуйскій,—вслѣдствіе чего передача и состоялась такъ поздно (Историч. Библіот. тверской епархіи, т. 1, гдѣ напеч. означенная «Описная книга» старицкаго монастыря). Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по сказанію тойже самой «Описной книги», патріархъ Іовъ еще въ 20-й день окт. 1606 г., *при архимандритѣ Діонисіѣ*, далъ въ старицкій монастырь по своей душѣ и по своихъ родителяхъ и по своемъ келейникѣ Аѳанасіѣ множество св. иконъ (тамъ же, стр. 25), и при томъ же архимандритѣ Діонисіѣ уже *прибыли* въ монастырѣ многія вещи, которыя и перечисляются (—стр. 63. 66). О мѣстѣ погребенія Іова и о каменной гробницѣ надъ нимъ—тамъ же (стр. 61).

быстро поднимали его по степенямъ церковной іерархіи, сперва царь Иванъ Васильевичъ, потомъ царь Ѳедоръ Ивановичъ, Іовъ присовокупляетъ: «но одинъ Богъ вѣдаетъ, сколько предавался я рыданію и слезамъ съ того времени, какъ возложенъ былъ на меня санъ святительства, ибо я чувствовалъ мои немощи, сознавалъ, что не имѣю довольно для того духовныхъ силъ». Онъ былъ человѣкъ нестяжательный и употреблялъ свои богатыя средства преимущественно на храмы Божіи и на вспомоществованіе ближнимъ. Велики были, говоритъ онъ далѣе, милостыни и неисчетны дачи ему, заздравныя и заупокойныя, отъ обоихъ царей, Ѳедора Ивановича и Бориса Ѳедоровича и отъ ихъ семействъ, велики и патрахильные доходы и всякія пошлины, поступившіе въ келейную патріаршую казну, но «Богъ свидѣтель, что я въ томъ пріобрѣтенія и корысти себѣ не стяжалъ. А дѣлалъ я на тѣ келейныя деньги въ домѣ пречистой Богородицы, для ризницы, митры и саккосы, епитрахили, стихари, поручи и пояса, кадила и лампады серебряныя. Еще давалъ я изъ той казны на сооруженіе церкви трехъ святителей московскихъ Петра, Алексія и Іоны, что на патріаршемъ дворѣ... Да тоюжъ келейною казною устроялъ домовыя села пречистой Богородицы, которыя запустѣли прежде насъ и которыя погорѣли въ наши дни, и сооружалъ въ тѣхъ селахъ церкви, населялъ христіанъ, давалъ на подмогу имъ деньги, и всячески пособлялъ отъ себя нуждающимся и погорѣвшимъ христіанамъ» Онъ былъ глубоко преданъ св. православной вѣрѣ. «Тебѣ христолюбивому царю Борису Ѳедоровичу, — говоритъ онъ въ граматѣ,—и твоему сыну царевичу Ѳедору завѣщаваю, да блюдете во вѣки неизмѣнною и непоколебимою православную

нашу, чистую, непорочную и пречестнѣйшую, христіанскую вѣру греческаго закона, которая, какъ солнце, сіяетъ въ области вашего великаго скиптродержавія» ([66]). Если къ этимъ нравственнымъ качествамъ Іова мы присоединимъ еще его умственное образованіе, которымъ онъ видимо выдѣлялся между современными духовными лицами, то мы поймемъ, почему такъ цѣнили его бывшіе тогда государи Россіи и такъ его возвышали. Немного сохранилось свѣдѣній объ его архипастырской дѣятельности, которыя мы изложили; но и на основаніи этихъ свѣдѣній нельзя не признать его святителемъ ревностнымъ и о распространеніи вѣры, и объ устройствѣ церковной іерархіи, и о благолѣпіи богослуженія. А его участіе въ государственныхъ дѣлахъ запечатлѣно было самою глубокою преданностію и неизмѣнною вѣрностію престолу и отечеству. Если патріархъ Іовъ столько содѣйствовалъ избранію на царскій престолъ Бориса Годунова, то, вѣдь, и по общему сознанію, Борисъ былъ способнѣйшій и достойнѣйшій изъ всѣхъ соискателей престола, и отъ Бориса болѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго, можно было ожидать блага для государства Если Борисъ запятналъ потомъ свое царствованіе разными тайными злодѣяніями, то ни откуда не видно, чтобы Іовъ какъ нибудь въ нихъ участвовалъ и даже зналъ объ нихъ; напротивъ, естественно думать, что отъ него-то особенно и скрывалъ Борисъ свои злые помыслы и предпріятія; предъ нимъ-то особенно и старался казаться истиннымъ ревнителемъ вѣры и благочестія, поборникомъ правды. Да и какимъ бы ни казался Борисъ на престолѣ, патріархъ болѣе другихъ

([66]) Собр. Госуд. Грам. II, № 82; Вивліоѳ. VI, 107—125. По смерти Іова осталось въ его кельяхъ только пятнадцать рублей денегъ, да нѣсколько св. образовъ, нѣсколько его одежды и домашней рухляди (Описн. книга старицк. монаст., въ Историч. Библіот. тверск. епархіи, I, стр. 77—80).

обязанъ былъ помнить, что Борисъ законный царь и помазанникъ Божій, которому должно повиноваться, хотя бы и зналъ всѣ его нравственныя слабости и недостатки. Всѣми мѣрами, какія находились въ его власти, Іовъ старался предотвратить отъ своего отечества тѣ страшныя бѣдствія, какія несъ ему Лжедимитрій. И если не имѣлъ успѣха, если даже лишился своего святительскаго престола за свою непоколебимую ревность о правдѣ и благѣ отечества, при всемъ томъ вполнѣ заслужилъ имя истиннаго патріота.

II.

Не одному отечеству несъ Лжедимитрій грозныя бѣдствія, но и православной церкви. Непапрасно патріархъ Іовъ въ своей окружной граматѣ о появленіи самозванца съ литовскимъ войскомъ въ русскихъ предѣлахъ извѣщалъ, что онъ уклонился въ ересь и имѣетъ намѣреніе ввести латинскую ересь въ Россіи, и потому объявлялъ его, какъ измѣнника отечеству и какъ еретика и отметника отъ православной вѣры, достойнымъ проклятія. Патріархъ говорилъ правду.

Мысль обратить русскихъ къ латинству не оставляли папы и ихъ клевреты и послѣ пресловутой, но совершенно неудавшейся попытки іезуита Антонія Поссевина, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ грозномъ. Едва только взошелъ на русскій престолъ новый государь Ѳедоръ Ивановичъ, спустя два года послѣ этой попытки, какъ папа Григорій XIII прислалъ въ Россію, съ тѣмъ же іезуитомъ, двѣ граматы: одну къ царю, другую къ боярамъ, и приглашалъ ихъ вѣрить Поссевину во всемъ и воспользоваться его услугами. Не видя никакого успѣха,

Антоній Поссевинъ возбудилъ польскаго короля Стефана Баторія завоевать Московію для Польши и католицизма,—и новый папа Скстъ V обязался (1586 г.) давать Баторію для этой цѣли по 25 тысячъ скуди ежегодно. А между тѣмъ чрезъ тогоже Антонія прислалъ письмо и къ русскому царю, и, увѣдомляя о замыслахъ Баторія воевать противъ Россіи и отнять у нея области смоленскую, псковскую и новгородскую, увѣрялъ, что поручилъ Антонію употребить все свое вліяніе для предотвращенія кровопролитія между христіанами, и просилъ имѣть полное довѣріе къ словамъ Антонія и послѣдовать его внушеніямъ. Смерть Баторія прекратила эти замыслы его и папы ([67]). Въ 1594 и 1597 г. папа Климентъ VIII присылалъ своего легата Александра Комулея, знавшаго русскій языкъ, къ царю Ѳедору Ивановичу и правителю государства Годунову, и письменно приглашалъ ихъ принять участіе въ союзѣ съ прочими государями Европы противъ турокъ, а легату поручалъ хлопотать и о соединеніи церквей. Но и отъ хлопотъ Комулея не было вожделѣнныхъ плодовъ для папы. По восшествіи Бориса Ѳедоровича на престолъ, польскій король Сигизмундъ III, желая заключить съ нимъ вѣчный миръ, присылалъ въ Москву (1600 г.) своего канцлера Льва Сапѣгу и въ числѣ условій мира предлагалъ, чтобы поляки и литовцы могли селиться въ Россіи, пріобрѣтать земли и строить на нихъ латинскія церкви, а для польскихъ и литовскихъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ лицъ, которые будутъ на службѣ въ Россіи, дозволено было строить латинскіе костелы въ Москвѣ и прочихъ русскихъ городахъ. Бояре отвѣчали,

---

([67]) Hist. Russiae Monum. II, №№ 4.6.10.11; *Ciampi*, Bibliogr. Critic. I, p. 142.

что поляки и литовцы могутъ жить въ Россіи и оставаться при своей вѣрѣ, но пріобрѣтать имъ въ Россіи земли и строить латинскія церкви государь дозволить не можетъ ([68]).

Послѣ столькихъ неудачъ, можно судить, какъ обрадовались усердные слуги папства, іезуиты, когда попался въ ихъ руки искатель московскаго престола Лжедимитрій. Кто бы онъ ни былъ, — Гришка ли Отрепьевъ и сознательный обманщикъ, или кто другой, подготовленный боярами по враждѣ къ царю Борису и воспитанный ими въ убѣжденіи, что онъ есть истинный царевичъ Димитрій, или еще иной кто либо ([69]), — только этотъ искатель русскаго престола очень хорошо разсчиталъ, явившись искать себѣ помощи въ Литвѣ и Польшѣ, что лучшее средство для его цѣли прибѣгнуть къ іезуитамъ. Когда еще онъ былъ слугою у князя Адама Вишневецкаго и, притворившись опасно больнымъ, потребовалъ къ себѣ духовника, чтобы исповѣдать ему предъ смертію тайну своего царскаго происхожденія, этимъ духовникомъ оказался іезуитъ. Онъ тотчасъ открылъ мнимую тайну князю Вишневецкому и своимъ собратіямъ, и между тѣмъ, какъ Вишневецкій передавалъ ее своему брату Константину, а тотъ своему тестю, воеводѣ сендомирскому, Юрію Мнишку и другимъ сосѣднимъ панамъ, и Лжедимитрія начали принимать у себя паны съ царскими почестями, а

([68]) Histor. Russ. Monum. II, №№26.28.29; Древн. Росс. Вивліоѳ. XII, 449—460; Переписка папъ съ росс. государями въ XVI вѣкѣ, стр. 79—92, Спб. 1854; *Карамз.* X, 109; *Соловьев.* VIII, 24—25.

([69]) См. *Казанскаго* «Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія», гдѣ довольно подробно разсмотрѣны разныя мнѣнія о немъ и выведено заключеніе, что нѣтъ достаточныхъ основаній не признавать этого Лжедимитрія Григоріемъ Отрепьевымъ, бѣглымъ діакономъ Чудова монастыря (напеч. въ Русск. Вѣстникѣ 1877, т. 130, 463—501; т. 131, 5—33. 472—507).

Юрій Мнишка согласился даже выдать впослѣдствіи за него свою дочь Марину, іезуиты окружили его и посовѣтовали ему войти въ переписку съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ Клавдіемъ Ронгони. Переписка началась и привела къ тому, что Лжедимитрій далъ письменное обязательство за себя и за Россію присоединиться къ римской церкви, а Ронгони обѣщался быть ходатаемъ за него предъ польскимъ королемъ и предъ папою. Когда вслѣдъ затѣмъ Лжедимитрій, съ своимъ будущимъ тестемъ, прибылъ въ Краковъ (въ началѣ 1604 г.), Ронгони принялъ ихъ у себя въ домѣ чрезвычайно ласково, и здѣсь, по требованію нунція, мнимый царевичъ вновь подтвердилъ, въ присутствіи многихъ вельможъ, свою клятву сдѣлаться католикомъ. Ронгони представилъ его королю, и Сигизмундъ, уже подготовленный іезуитами, призналъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, назначилъ ему по 40,000 злотыхъ ежегодно на издержки и дозволилъ панамъ Мнишку и Вишневецкимъ собрать для него рать изъ вольницы и вторгнуться въ предѣлы Россіи. Тогда самозванецъ рѣшился дѣйствительно принять латинство, но не желая, чтобы это огласилось и сдѣлалось извѣстнымъ его будущимъ подданнымъ, тайно пришелъ, съ какимъ-то польскимъ вельможею (вѣроятно, Юріемъ Мнишкомъ) въ домъ краковскихъ іезуитовъ, исповѣдался предъ однимъ изъ нихъ, потомъ отрекся отъ православія и былъ присоединенъ къ римской церкви. Ронгони самъ преподалъ ему таинства мvропомазанія и евхаристіи (70). Воз-

(70) *Карамз.* XI, 76—82; Сказан. современн. о Димитріѣ Самозв., III, 131, изд. 2; А. З. Россіи, IV, № 177, стр. 286—288. Когда извѣстно подлинное письмо краковскихъ іезуитовъ, что Лжедимитрій принялъ латинство у нихъ и ихъ стараніемъ (*Карамз.* XI, примѣч. 213), то извѣстіе объ обращеніи его въ католичество будтобы францисканами (Hist. Russ. Monum. II, № 55) слѣдуетъ считать невѣрнымъ.

вратившись изъ Кракова въ имѣнія Юрія Мнишка, гдѣ уже собиралась польская вольница, чтобы идти на Россію, Лжедимитрій далъ здѣсь (25 мая 1604 г.) своему будущему тестю клятвенную запись, что женится на его дочери, паннѣ Маринѣ, какъ только утвердится на московскомъ престолѣ, и тогда уступитъ ей въ полное и безусловное обладаніе области новгородскую и псковскую съ правомъ устроять въ нихъ латинскія церкви, монастыри, школы и вообще свободно исповѣдывать римскую вѣру, которую онъ уже самъ принялъ и намѣренъ ввести во всемъ московскомъ государствѣ. Отъ 30 іюля написалъ собственноручное письмо къ папѣ Клименту VIII и, утверждая, что ему обязанъ своимъ просвѣщеніемъ католическою вѣрою, давалъ обѣщаніе содержать ее неизмѣнно и всячески стараться о распространеніи ея въ своемъ народѣ. Спустя два съ половиною мѣсяца, вступая съ ополченіемъ въ предѣлы Россіи (16-го окт. 1604 г.), взялъ съ собою двухъ краковскихъ іезуитовъ, которые и оставались при немъ постоянно въ качествѣ его духовныхъ наставниковъ и руководителей. Едва только начались успѣхи Лжедимитрія, едва покорились ему нѣсколько украинскихъ городовъ, какъ новый папа Павелъ V величалъ уже его (въ генв. 1605 г.) государемъ всей Россіи, московскимъ, новгородскимъ, казанскимъ и проч., напоминалъ ему объ его обѣщаніи распространить католичество въ Россіи; говорилъ, что ничѣмъ столько онъ не можетъ возблагодарить Бога за всѣ оказанныя ему благодѣянія, какъ если просвѣтитъ русскихъ, сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной; хвалилъ его за то, что онъ уже собралъ вокругъ себя, съ этою цѣлію, нѣсколько религіозныхъ дѣятелей, и обѣщался прислать ему и другихъ, если пожелаетъ, даже епископовъ. Впрочемъ, не-

смотря на всѣ эти вліянія, Лжедимитрій еще въ началѣ своего похода счелъ нужнымъ показать русскимъ свою приверженность къ православію. Онъ велѣлъ, находясь въ Путивлѣ, который сдался ему добровольно, перенесть туда изъ Курска чудотворную икону знаменія Пресвятыя Богородицы, встрѣтилъ икону съ особенною честію, поставилъ въ своихъ палатахъ и каждый день горячо предъ нею молился; потомъ взялъ икону съ собою, и она сопутствовала ему впродолженіе всего похода до Москвы. По своей ли мысли самозванецъ поступилъ такимъ образомъ, или, быть можетъ, по совѣту даже о. іезуитовъ, во всякомъ случаѣ это свидѣтельствовало, что если онъ и далъ обѣщаніе обратить русскихъ къ католицизму, то желалъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ прикрывать свое намѣреніе наружнымъ вниманіемъ и преданностію къ ихъ вѣрѣ, хотя въ тоже время, какъ сейчасъ увидимъ, допускалъ и явное пренебреженіе къ ихъ церковнымъ уставамъ и обычаямъ (71).

20 іюня онъ торжественно въѣхалъ въ свою столицу, при колокольномъ звонѣ у всѣхъ церквей и при безчисленномъ стеченіи народа. На лобномъ мѣстѣ встрѣтили новаго государя митрополиты, архіепископы и епископы и весь священный соборъ съ крестами, иконами, хоругвями, и при пѣніи священныхъ пѣсней; но тутъ же, къ изумленію православныхъ, играли литовскіе музыканты, и своими трубами и бубнами заглушали церковное пѣніе. Самозванецъ сошелъ съ коня, приложился къ св. кресту и иконамъ, и вслѣдъ за духовенствомъ вступилъ въ Кремль и въ кремлевскіе соборы, успенскій и ар-

(71) А. Э. II, № 48, стр. 113—114; Собр. Госуд. Грам. II, № 76; Hist. Russ. Monum. II, №№ 61.62; Сказ. соврем. о Дим. Самозв., III, 134—135; *Соловьев.* VIII, 102.

хангельскій, но ввелъ за собою туда же и многихъ еретиковъ, ляховъ и венгровъ, что̀ не могло не показаться народу прямымъ оскверненіемъ святыни. Осудимъ ли тогдашнихъ святителей нашихъ за то, что они покорились самозванцу? Это было бы несправедливо. Пока въ Россіи былъ законный государь и патріархъ, и Лжедимитрій не имѣлъ рѣшительныхъ успѣховъ, архіереи противодѣйствовали ему и своими анаѳемами, и своими убѣжденіями къ народу. Но когда не стало ни государя, ни патріарха, когда Лжедимитрію покорились цѣлыя области Россіи, все войско, всѣ бояре и вся Москва, и признали его, большею частію, по убѣжденію, за истиннаго царевича Димитрія, тогда неудивительно, если и нѣкоторые изъ архіереевъ могли поколебаться въ своихъ прежнихъ понятіяхъ о немъ и признать его за истиннаго царевича, т. е. покориться ему по убѣжденію; а другіе, лучше знавшіе правду, покорились, быть можетъ, потому, что не въ силахъ были, какъ и многіе изъ мірянъ, противостоять всеобщему увлеченію. Какъ на исключеніе, можемъ указать только на астраханскаго архіепископа Ѳеодосія. Еще въ то время, какъ Лжедимитрій дѣйствовалъ на югѣ Россіи, не столько оружіемъ, сколько своими граматами, и ему передавались, одинъ за другимъ, русскіе города, такое же движеніе обнаружилось и въ Астрахани. Ѳеодосій мужественно противился этому, убѣждая народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть самозванецъ, похититель царскаго имени. Но возмутившіеся жители едва не умертвили своего архипастыря и отвели его изъ архіерейскаго дома въ троицкій монастырь подъ стражу, а самый домъ архіерейскій разграбили. По воцареніи Лжедимитрія, они съ безчестіемъ привели Ѳеодосія изъ Астрахани

въ столицу и представили государю. Самозванецъ, съ гнѣвомъ и раздраженіемъ, сказалъ архіепископу: «астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и ты предъ людьми называешь меня не прямымъ царемъ; да кто де я?». Θеодосій безбоязненно отвѣчалъ: «знаю, что ты называешься царемъ, но прямое твое имя Богъ вѣсть; ибо прирожденный Димитрій царевичъ убитъ въ Угличѣ и мощи его тамъ». Смѣлый отвѣтъ такъ подѣйствовалъ на Лжедимитрія, что онъ не только не предалъ казни Θеодосія, но не велѣлъ даже его оскорблять ([72]).

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго царя, показавшимъ, повидимому, его заботливость о православной церкви, но вмѣстѣ и пренебреженіе къ ея уставамъ, было избраніе новаго патріарха. По церковному правилу, избраніе патріарха въ Россіи было предоставлено собору русскихъ святителей, а государю принадлежала только власть утверждать одного изъ избранныхъ соборомъ кандидатовъ на патріаршество. Лжедимитрій поступилъ иначе: онъ самъ избралъ патріарха и, какъ можно догадываться, еще прежде, чѣмъ вступилъ въ Москву. Выборъ его палъ на Игнатія, архіепископа рязанскаго. Это былъ грекъ, занимавшій прежде архіепископскую каѳедру на островѣ Кипрѣ. Вынужденный турками бѣжать изъ отечества, онъ поселился въ Римѣ и будтобы принялъ тамъ унію. Но наслышавшись о благочестіи русскаго царя Θедора Ивановича и объ его благосклонности къ греческимъ іерархамъ, въ 1595 г. прибылъ въ Москву, прожилъ въ ней нѣсколько лѣтъ, и съ 1603 г. получилъ въ управленіе рязанскую епархію. Игнатій угодилъ самозванцу тѣмъ, что первый изъ русскихъ архіереевъ

([72]) Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. II, 17; *Любарск.* Іерархія Астрах. епархіи, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VII, отд. IV, 65—66.

открыто призналъ его царевичемъ Димитріемъ и съ царскою почестію встрѣтилъ его въ Тулѣ; а по своей расположенности къ латинству, о которой легко могли провѣдать сопровождавшіе самозванца іезуиты, представлялся самымъ надежнымъ орудіемъ для осуществленія ихъ замысловъ въ Россіи. Сдѣлавъ выборъ патріарха не по правиламъ церкви и желая, можетъ быть, придать своему выбору нѣкоторый видъ законности, самозванецъ будтобы посылалъ избраннаго испросить себѣ благословеніе на патріаршество у Іова, который, хотя и лишенъ былъ насильно своей каѳедры, не былъ лишенъ своего сана церковною властію и считался патріархомъ. Но Іовъ не согласился благословить Игнатія, «вѣдая въ немъ римскія вѣры мудрованіе». Самозванецъ вторично посылалъ Игнатія въ Старицу съ тоюже цѣлію и угрожалъ Іову муками, если не дастъ испрашиваемаго благословенія. Іовъ, однакожъ, не устрашился и остался непреклоненъ. Тогда царь приказалъ архіереямъ возвести Игнатія въ санъ патріарха, и Игнатій былъ возведенъ 24 іюня, т. е. спустя три-четыре дня по вступленіи самозванца въ Москву; откуда и слѣдуетъ заключить, что избраніе и двукратная посылка Игнатія въ Старицу, если признать ихъ дѣйствительность, совершились еще прежде (73). Отъ 30-го іюня новый патріархъ разослалъ по

---

(73) Никон. Лѣт. VIII, 71, гдѣ сказано: «и поставиша его (Игнатія) на Москвѣ въ патріархи»; Иное сказаніе о самозванцахъ во Времени. XVI, отд. II, 30. 97; Новый Лѣтоп., во Времени. XVII, отд. II, 43. 70—71. 75; *Карамз.* XI, 126—127, примѣч. 378. Въ одномъ хронографѣ XVII вѣка авторъ выражается: «возводитъ (Лжедимитрій) на престолъ единомысленнаго себѣ Игнатія патріарха, родомъ страны италійскія, а вѣры, но вѣмъ греческія, не вѣмъ латынскія, едино вѣмъ, еже православія догматы неистово исполняюща и творяща» (*Попова* Изборн. статей, внесенн. въ хронографы, стр. 193. 235. Москва, 1869 Тоже и во Времени. М. Истор. Общ. XVI, отд. II. 94). Въ сказаніи о Гришкѣ Отрепьевѣ читаемъ, что, тотчасъ по удаленіи Іова въ

Россіи окружную грамату, въ которой, извѣщая о вступленіи на прародительскій престолъ прирожденнаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича, а также о своемъ возведеніи на патріаршескій престолъ, по царскому изволенію («по его царскому изволенію учинены есмя въ царствующемъ градѣ Москвѣ на престолѣ св. чудотворцевъ... патріархомъ московскимъ и всея великія Россіи»), предписывалъ пѣть по всѣмъ церквамъ торжественные молебны за новаго государя и впредь молиться о немъ и объ его матери, инокинѣ Марѳѣ, чтобы Богъ даровалъ имъ многолѣтнее здравіе и возвысилъ ихъ царскую десницу «надъ латинствомъ и надъ бесерменствомъ». Какъ православный патріархъ, Игнатій, конечно, не могъ иначе говорить православнымъ; но что онъ былъ преданъ папѣ и готовъ былъ содѣйствовать уніи съ Римомъ отъ всей души, объ этомъ хорошо знали въ Римѣ, и кардиналъ Боргезе положительно извѣщалъ (3 дек. 1605 г.) папскаго нунція Ронгони, находившагося въ Польшѣ ([74]).

Въ первые же дни, по вступленіи своемъ въ Москву и на престолъ, Лжедимитрій пожаловалъ не патріарху только, но и всѣмъ русскимъ архіереямъ, такое достоинство, какого прежде они никогда не имѣли: онъ сдѣлалъ ихъ сенаторами,

---

Старицу, «повелѣ онъ еретикъ (Отрепьевъ) на святительскій престолъ россійскаго государства, на патріаршество, нарещи *призвати* съ Рязани епископа Игнатія греченина, угодника своего и возлюбленника, не пастыря и не учителя во св. соборнѣй апостольской церкви пресвятыя Богородицы, но піаницу и сквернословника, по волѣ своей еретической, самъ избираетъ». Далѣе говорится, что когда самозванецъ уже вступилъ въ Москву и сѣлъ на престолѣ, то повелѣлъ «*поставить* на патріаршество Игнатія греченина мужа глупа, и пьяницу, и пакостника иныхъ властей, иже митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ оскорби, и весь освященный соборъ постави ни во чтоже» (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. II, 17. 18).

([74]) Собр. Госуд. Грам. II, № 92; Hist. Russ. Monum. II, № 60.

преобразовавъ свою государственную думу по образцу польской рады, или сената. Сохранилась подробная роспись всѣмъ членамъ новаго русскаго сената, написанная еще въ іюнѣ 1605 г. секретаремъ самозванца, полякомъ Яномъ Бучинскимъ. Изъ нея видно, что первыя мѣста въ сенатѣ предоставлены были святителямъ, а за ними уже слѣдовали бояре и другія свѣтскія лица, и что духовную раду составляли: патріархъ, сидѣвшій особо, по правую руку государя, потомъ митрополиты: новгородскій, казанскій, ростовскій и сарскій, архіепископы: вологодскій, суздальскій, рязанскій, смоленскій, тверскій, архангельскій (елассопскій) и астраханскій, и епископы: коломенскій, псковскій и корельскій. Можно думать, что Лжедимитрій желалъ привлечь къ себѣ нашихъ архипастырей, даровавъ имъ такое почетное достоинство; но, вѣроятнѣе, онъ сдѣлалъ это лишь потому, что такъ было въ польской радѣ, которую онъ принялъ за образецъ для русской. Достойно, въ частности, особеннаго вниманія то обстоятельство, что Лжедимитрій, преслѣдуя собственно свои личныя цѣли, далъ русской церкви такого іерарха, который вскорѣ сдѣлался не только ея главою, но и украшеніемъ. Извѣстно, что бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ былъ роднымъ братомъ царицы Анастасіи, супруги царя Ивана Васильевича IV, и что сыновья Никиты Ѳеодоръ и прочіе приходились двоюродными братьями царю Ѳеодору Ивановичу. Годуновъ, достигнувъ царской власти и опасаясь, чтобы она не перешла изъ рукъ его къ кому либо изъ братьевъ Романовыхъ, какъ ближайшихъ родственниковъ царя Ѳеодора, нашелъ предлогъ разослать ихъ въ заточенія, — причемъ старшій братъ Ѳеодоръ сосланъ былъ въ сійскій антоніевъ монастырь и на-

сильно постриженъ въ монашество подъ именемъ Филарета. Здѣсь сначала содержали его подъ строгимъ присмотромъ, не пускали даже въ церковь и никого къ нему не пускали; потомъ царь Борисъ смягчился къ Филарету, позволилъ ему ходить въ церковь, велѣлъ посвятить его въ іеромонаха и сдѣлать даже архимандритомъ сійскаго монастыря. Лжедимитрій, занявъ московскій престолъ и выдавая себя за истиннаго сына царя Ивана грознаго, спѣшилъ вызвать изъ заточенія и осыпать милостями своихъ мнимыхъ родственниковъ, въ томъ числѣ, и братьевъ Романовыхъ, и предложилъ сійскому архимандриту Филарету санъ митрополита на ростовской каѳедрѣ. А какъ она была непраздна, то приказалъ ростовскому митрополиту Кириллу Завидову отойти на покой въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ онъ прежде былъ архимандритомъ. Когда совершилось посвященіе Филарета Никитича на ростовскую митрополію, съ точностію неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, до мая 1606 года, когда Лжедимитрія не стало ([75]).

Въ 21-й день іюля совершилось коронованіе и мѵропомазаніе Лжедимитрія на царство по прежнему чину. Священнодѣйствовалъ патріархъ съ другими архіереями и, безъ сомнѣнія, сказалъ царю рѣчь, какъ положено въ чинѣ. Но, по окончаніи священной церемоніи, привѣтствовалъ царя рѣчью, къ изумленію православныхъ, и латинскій патеръ, іезуитъ Николай Черниковскій, на непонятномъ для нихъ языкѣ. Въ этотъ же, можетъ быть, день, когда вокругъ самозванца раздавались поздравленія со всѣхъ сторонъ, сказалъ или поднесъ ему свое

([75]) Собр. Госуд. Грам. II, № 93; Сказан. соврем. о Дим. Самозв., IV, 22 изд. 2; *Попов.* Изборн. статей, внесен. въ Хроногр., стр. 194; *Карамз.* XI, 60—63. 124.

привѣтствіе и протопопъ придворнаго благовѣщенскаго собора Терентій. «Благословенъ Богъ, — говорилъ, между прочимъ, о Терентій,—который освятилъ тебя во утробѣ матери, сохранилъ тебя своею невидимою силою отъ всѣхъ твоихъ враговъ, устроилъ тебя на царскомъ престолѣ и вѣнчалъ твою боговѣнчанную главу славою и честію... Радуемся и веселимся мы, недостойные, видя тебя, благочестиваго царя, Богомъ возлюбленнаго и св. елеемъ помазаннаго, всея Россіи самодержца, крѣпкаго хранителя и поборника св. православной вѣры, рачителя и украсителя Христовой церкви, и молимъ твою царскую державу и, повергаясь предъ тобою, вопіемъ: о пресвѣтлый царю, будь намъ милостивъ, какъ Отецъ нашъ небесный милостивъ есть, отврати слухъ твой отъ тѣхъ, которые говорятъ тебѣ неправду и производятъ вражду между тобою и твоими людьми... Мы никогда не сотворили зла твоей царской власти и не сотворимъ, но только молимъ всещедраго Владыку о твоемъ многолѣтнемъ здравіи... Призри на насъ, помазанникъ Божій, и ущедри насъ»... Это привѣтствіе, написанное, очевидно, уже послѣ царскаго вѣнчанія Лжедимитрія, можетъ служить однимъ изъ свидѣтельствъ, что и въ средѣ духовенства нѣкоторые признавали его за истиннаго царевича Димитрія (76).

Теперь, когда Лжедимитрій окончательно утвердился на царскомъ престолѣ, латиняне спѣшили напомнить ему о принятыхъ имъ на себя обязательствахъ. Папа Павелъ V, въ іюлѣ мѣсяцѣ, письменно привѣтствовалъ самозванца съ восшествіемъ на престолъ, и убѣждалъ его Божіими благодѣяніями,

(76) Записки *Маржерета* и *Де-Ту*, въ Сказ. соврем. о Димитр. Самозв., III, 87. 147, изд. 2; А. Э. II, № 224; *Бычков*. Опис. рукописн. Сборн. Импер. публ. библ. I, стр. 156.

которыхъ онъ удостоился за принятіе будто бы католической вѣры, хранить ее твердо и неизмѣнно всегда; въ августѣ — прислалъ къ нему новое привѣтственное письмо и своего чиновника, графа Александра Ронгони (внука нунціева), которому просилъ вѣрить во всемъ; въ сентябрѣ—привѣтствовалъ самозванца съ вѣнчаніемъ на царство, и убѣждалъ, увѣщавалъ, умолялъ его стараться, всѣми мѣрами, о распространеніи католической вѣры между его подданными; прислалъ ему для этой цѣли еще нѣсколько іезуитовъ и обѣщалъ прислать даже епископовъ, если пожелаетъ. Въ то же время папа писалъ къ сендомирскому воеводѣ Мнишку, чтобы онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Лжедимитрія, возбуждалъ въ немъ ревность къ латинской вѣрѣ и къ распространенію ея въ Россіи; писалъ и къ кардиналу Бернарду Маціевскому, чтобы онъ дѣйствовалъ съ этою цѣлію на самого Мнишка. Папскій нунцій въ Польшѣ, Клавдій Ронгони, привѣтствуя, съ своей стороны, новаго русскаго царя и посылая ему въ подарокъ крестъ, четки и латинскую библію, убѣждалъ его исполнитъ обѣтъ свой и совершить соединеніе вѣръ (унію), но совѣтывалъ дѣйствовать «неоплошно, и мудро, и бережно», чтобы для него самого не произошло «страху и убытка какого» (77). Лжедимитрій такъ и старался дѣйствовать, только не всегда. Онъ въ душѣ былъ латиняниъ, но казался православнымъ и посѣщалъ православныя церкви; держалъ при себѣ іезуитовъ, какъ своихъ духовныхъ руководителей, но избралъ себѣ и православнаго духовника—архимандрита владимірскаго рождественскаго монастыря. Онъ подарилъ іезуитамъ въ Кремлѣ, не

(77) Hist. Russ. Monum. II, №№ 37. 42. 43. 44. 49; Собр. Госуд. Грам II, № 98

подалеку отъ своего дворца, огромный домъ, и они завели здѣсь костелъ, начали совершать богослуженіе съ возможною пышностію, при звукахъ органа, для привлеченія любопытныхъ московитянъ; писали къ своимъ собратіямъ въ Польшу и просили высылать поскорѣе новыхъ дѣятелей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ и обычаями, и книгъ религіознаго содержанія на славянскихъ нарѣчіяхъ для распространенія въ народѣ; писали о томъ и къ Антонію Поссевину, который еще былъ живъ и принялъ въ дѣлѣ самое живое участіе ([78]). Но, съ другой стороны, самозванецъ благодѣтельствовалъ и православнымъ архіереямъ и обителямъ, назначалъ имъ ругу и угодья, жаловалъ несудимыя и тарханныя граматы, не отказалъ въ своей царской милостынѣ даже членамъ львовскаго православнаго братства, извѣстнымъ своею непріязнію къ уніи, и писалъ къ нимъ: «видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ греческаго закона, мы послали къ вамъ изъ нашей царской казны, на построеніе храма пресвятыя Богородицы, соболей на триста рублей, да созиждется храмъ сей во утвержденіе истинной нашей непорочной христіанской вѣры и въ прибѣжище правовѣрнымъ христіанамъ» ([79]). Чтобы ослабить въ русскихъ излишнюю привязанность къ ихъ церковной обрядности и отвращеніе ко всему иноземному, по ихъ понятію, еретическому, Лжедимитрій показывалъ пренебреженіе къ ихъ церковнымъ уставамъ и обычаямъ и во всемъ образѣ жизни слѣ-

([78]) Акт., относящ. до юридич. быта Россіи, I, № 52, ст. IX, стр. 236; Сказан. соврем. о Димитр. Самозв. III, 147; *Ciampi*, Bibliogr. Crit. I 227. 263.

([79]) А. И. II, №№ 58—64; *Муханов*. Сборн. №№ 135 — 137, стр. 203 — 205; Собр. Госуд. Грам. II, № 130.

довалъ иностранцамъ, особенно полякамъ, напримѣръ: не крестился предъ иконами, не велѣлъ благословлять и кропить св. водою свою трапезу, садился за нее безъ молитвы, ѣлъ телятину даже въ великій постъ, нарочно приказалъ находившимся при немъ полякамъ и людямъ всякихъ другихъ вѣръ ходить въ успенскій соборъ и по всѣмъ московскимъ церквамъ съ саблями. И получая свѣдѣнія, что русскіе только сначала поговаривали объ этомъ между собою тайно, а потомъ замолчали и какъ будто стали привыкать, полагалъ, что успѣшно достигаетъ своей цѣли; но онъ горько ошибался. Иногда прибѣгалъ и къ мѣрамъ жестокимъ. Нѣкоторые стрѣльцы говорили въ народѣ, что царь разоряетъ вѣру. Услышавъ объ этомъ, Лжедимитрій велѣлъ разыскать ихъ, — ихъ было семь человѣкъ, — потомъ, собравъ во дворецъ всѣхъ московскихъ стрѣльцовъ съ головою Микулинымъ, приказалъ привести и тѣхъ, которые его хулили, назвалъ ихъ своими измѣнниками и предоставилъ будтобы самимъ стрѣльцамъ справиться съ этими мнимыми измѣнниками, между тѣмъ какъ еще прежде далъ Микулину тайный наказъ непремѣнно умертвить ихъ. И несчастные тутъ же были изрублены въ куски своими товарищами ([80]).

Съ сентября Лжедимитрій началъ вести переговоры о своей женитьбѣ на Маринѣ Мнишекъ, и эти переговоры и женитьба вызвали его яснѣе обнаружить свои отношенія къ православію и латинству. Русскіе были убѣждены, что Марина, латинянка, не можетъ сдѣлаться супругою ихъ царя, если не отречется прежде отъ латинства и не приметъ православія; а русскіе

([80]) Собр. Госуд. Грам. II, № 140; Никон. Лѣт. VIII, 74.

святители въ самой своей архіерейской присягѣ давали клятву недопускать браковъ православныхъ съ латинами и армянами. И нашлись святители, каковы казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ, также протоіереи, которые смѣло говорили самозванцу, что невѣста его должна быть крещена по православному, иначе бракъ его на ней будетъ беззаконіемъ. Самозванецъ велѣлъ разослать этихъ смѣльчаковъ изъ столицы, однихъ въ ихъ епархіи, другихъ—въ другія мѣста. Но увидѣлъ необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки и православнымъ. Онъ просилъ (15 ноября) папскаго нунція Рангони, чтобы Маринѣ дозволено было, по крайней мѣрѣ, наружно исполнять обряды православія, ходить въ русскую церковь, поститься въ среду, а не въ субботу, принять св. причастіе отъ патріарха въ день коронованія, иначе она коронована не будетъ Рангони отвѣчалъ (отъ 3 февр. 1606 г.), что, при всемъ желаніи, онъ не можетъ самъ удовлетворить волѣ царя, ибо это дѣло, по своей трудности и важности, требуетъ гораздо высшей власти и болѣе зрѣлаго обсужденія, но присовокупилъ: «я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество обстоятельнѣе и прилежнѣе взвѣсите это дѣло, то силою своей высочайшей власти, которой никто не долженъ противиться, преодолѣете всѣ препятствія и не допустите никакого принужденія вашей невѣстѣ. Да и не новое это дѣло: повсюду почти видимъ, что латиняне берутъ себѣ женъ греческаго закона, а держащіеся греческой вѣры женятся на латинянкахъ, и оставляютъ своихъ женъ невозбранно при ихъ вѣрѣ и обрядахъ. Говорятъ, что одинъ и изъ вашихъ предковъ, когда хотѣлъ жениться на польской королевнѣ, то предоставлялъ ей сохранять и исповѣдывать свою вѣру и обряды». Дѣло одна-

кожъ, по просьбѣ Лжедимитрія, было представлено папѣ, и 4-го марта кардиналъ Боргезе увѣдомилъ Ронгони, что оно разсмотрѣно конгрегаціею кардиналовъ и богослововъ и рѣшено несогласно съ желаніемъ московскаго государя ([81]). Но то, чего не разрѣшили гласно, вѣрно, нашли возможнымъ разрѣшить негласно: по крайней мѣрѣ, Марина поступила совершенно такъ, какъ хотѣлъ Лжедимитрій, а она не сдѣлала бы этого, безъ дозволенія папы или его агентовъ. По римскому обряду, обрученіе и бракосочетаніе ея съ московскимъ царемъ было совершено еще 12-го ноября 1605 г., въ Краковѣ, кардиналомъ Маціевскимъ, въ присутствіи польскаго короля Сигизмунда (при чемъ мѣсто жениха занималъ посолъ его Власьевъ), и воспѣто въ латинскихъ стихахъ іезуитомъ Гроховскимъ. Но въ Москву она прибыла только 2-го мая 1606 г., въ сопровожденіи множества поляковъ и литовцевъ (около 2.000), въ томъ числѣ и пяти новыхъ іезуитовъ. Самозванецъ хотѣлъ, чтобы, по православному обряду, совершены были въ одинъ и тотъ же день, 8-го мая, и обрученіе его съ Мариною, и царское коронованіе ея и ихъ бракосочетаніе. Обрученіе совершалъ протопопъ придворнаго благовѣщенскаго собора Θеодоръ, утромъ, въ столовой палатѣ дворца, при чемъ благословлялъ крестомъ, какъ царя, такъ и его невѣсту, и она цѣловала православный крестъ. Когда обрученные отправились вмѣстѣ въ успенскій соборъ, гдѣ ожидалъ ихъ патріархъ съ духовенствомъ и безчисленное множество народа, и когда царь началъ въ соборѣ прикладываться

([81]) Сказаніе о Гришкѣ Отреп., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. II, 20; Собр. Госуд. Грам. II, №№ 105. 124. 140, стр. 298; *Карамз.* XI, примѣч. 474; Hist. Russ. Monum. II, №№ 70. 74; А. Э. II, № 48, стр. 115.

къ св. иконамъ и мощамъ московскихъ чудотворцевъ, точно такъ же прикладывалась, за нимъ, и Марина. Коронованіе ея совершалъ патріархъ посреди собора, на амвонѣ, гдѣ поставлены были три сѣдалища: посрединѣ для царя, съ правой стороны для патріарха и съ лѣвой для Марины. Царь сказалъ патріарху рѣчь, а патріархъ благословилъ царя и Марину и отвѣчалъ такъ же рѣчью. Потомъ, слѣдуя чину коронованія, патріархъ возложилъ на Марину, по порядку, бармы, діадиму и корону, которыя подавали ему то митрополиты, то архіепископы, неразъ благословлялъ ее животворящимъ крестомъ, читалъ молитвы, возлагалъ на главу ея свою руку. По окончаніи коронованія, патріархъ совершалъ литургію и, послѣ херувимской пѣсни, возложилъ на Марину предъ царскими дверями золотую Мономахову цѣпь, а во время причастна, такъ же предъ царскими дверями, помазалъ Марину св. муромъ для присоединенія ея къ православной церкви и причастилъ ее Христовыхъ таинъ. Вслѣдъ за литургіею послѣдовало и бракосочетаніе царя съ коронованною его невѣстою, которое совершилъ благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ. При Маринѣ находился въ соборѣ ея духовникъ, іезуитъ Савицкій, а другой іезуитъ Черниковскій тутъ же сказалъ ей привѣтственную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Совѣсть іезуитовъ нимало не смущалась, когда ихъ духовная дочь, предъ ними и предъ всѣми, притворялась православною и лицедѣйствовала: они знали, что это недостойное средство ведетъ ее къ браку съ московскимъ царемъ, а бракъ этотъ обѣщалъ для нихъ и для возлюбленнаго папства великія выгоды. Но не лучше была совѣсть и русскаго патріарха, когда онъ, изъ угодливости предъ царемъ, въ

присутствіи православныхъ, преподавалъ, по ихъ убѣжденію, еретичкѣ таинства православной церкви ([82]).

Бракъ Лжедимитрія съ Мариною чрезвычайно обрадовалъ папу. Еще въ то время, когда только совершилось обрученіе и вѣнчаніе ихъ по латинскому обряду, папа, получивъ объ этомъ извѣстіе, поспѣшилъ разомъ написать три привѣтственныхъ письма (отъ 1 дек. 1605 г.): одно къ Лжедимитрію, другое къ Маринѣ, третье къ ея отцу. Въ письмѣ къ Лжедимитрію, восхваляя его бракъ съ Мариною, какъ дѣло, вполнѣ достойное его великодушія и благочестія и подтвердившее надежды всѣхъ, папа говорилъ: «мы несомнѣнно увѣрены, что какъ ты желаешь имѣть себѣ дѣтей отъ этой избранной женщины, рожденной и воспитанной въ благочестивомъ католическомъ семействѣ, такъ вмѣстѣ желаешь привести народы московскаго царства, нашихъ вожделѣннѣйшихъ чадъ, къ свѣту католической истины, къ св. римской церкви, матери всѣхъ прочихъ церквей. Ибо народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. . Вѣрь, ты предназначенъ отъ Бога, чтобы, подъ твоимъ водительствомъ, москвитяне возвратились въ лоно своей древней матери, простирающей къ нимъ свои объятія... И ничѣмъ столько ты не можешь возблагодарить Господа за оказанныя тебѣ милости, какъ твоимъ стараніемъ и ревностію, чтобы подвластные тебѣ народы приняли католическую вѣру»... Маринѣ папа выражалъ свою радость по случаю ея бракосочетанія съ царемъ и убѣжденіе, что этотъ бракъ принесетъ великую пользу католицизму, что Марина,

([82]) Русск. историч. Библіотека, изд. Археогр. Коммис., I, 51—72; Дневникъ Марины Мнишекъ, въ Сказ. соврем. о Дим. Самозв., IV, 14: Собр. Госуд. Грам. II, № 138; *Карамз.* XI, примѣч. 499.

какъ благочестиво-воспитанная и ревностная католичка, употребитъ всѣ усилія, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, къ приведенію его подданныхъ въ лоно римской церкви, и тѣмъ, всего лучше, выразитъ свою благодарность, какъ Богу, столько ее возвеличившему, такъ и своему мужу, возведшему ее на тронъ Наконецъ, отца Марины, Юрія Мнишка, папа просилъ, чтобы онъ, и самъ и особенно чрезъ свою дочь, всѣми мѣрами возбуждалъ московскаго царя ввести въ Россіи католичество. Спустя два съ небольшимъ мѣсяца, папа прислалъ новую грамату къ Лжедимитрію (11 февр. 1606 г.), напоминалъ ему объ его обѣщаніи, данномъ еще папѣ Клименту VIII, подчинить русскихъ римскому престолу, и выражалъ надежду, что царь поспѣшитъ исполнить свое обѣщаніе. А еще черезъ два мѣсяца опять писалъ (10 апр.): «зная твою преданность престолу нашему и твое пламенное усердіе помогать христіанскому дѣлу, мы ждали отъ тебя граматъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что начали-было винить посланнаго тобою іезуита Андрея Лавицкаго въ нерадѣніи... Наконецъ, онъ прибылъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя, и своими словами доставилъ намъ такое удовольствіе, что мы не могли удержать слезъ отъ радости. Мы увѣрены теперь, что апостольскій престолъ сдѣлаетъ въ тѣхъ мѣстахъ великія пріобрѣтенія, при твоемъ мудромъ и сильномъ царствованіи... Предъ тобою поле обширное: сади, сѣй, пожинай; повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; пользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ католическую церковь. Обучай юношество свободнымъ наукамъ и собственнымъ примѣромъ направляй всѣхъ на путь христіанскаго благоче-

стія»... Въ тоже время и чрезъ тогоже Лавицкаго папа прислалъ свои граматы къ Маринѣ и ея отцу: Марину училъ воспитывать своихъ будущихъ дѣтей въ ревности къ католической вѣрѣ и просилъ довѣрять іезуиту Лавицкому во всемъ и любить все общество іезуитовъ, принесшее столько пользы всему міру; а Юрія Мнишка увѣрялъ, что всего болѣе полагается на его благочестіе и ревность въ дѣлѣ распространенія католицизма въ Московіи (83).

Послѣ всего этого очень естественно, если Юрій Мнишекъ и его дочь, какъ только прибыли въ Москву, принялись осаждать Лжедимитрія, чтобы онъ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ св. отцу. Іезуиты, съ своей стороны, конечно, не дремали. И вотъ въ первые же дни послѣ своего брака самозванецъ рѣшился приступить къ осуществленію своего намѣренія. «Пора мнѣ,—говорилъ онъ 16 мая князю Константину Вишневецкому, въ присутствіи двухъ своихъ секретарей, братьевъ Бучинскихъ,—промышлять о своемъ дѣлѣ, чтобы государство свое утвердить и вѣру костела римскаго распространить. А начать нужно съ того, чтобы побить бояръ; если не побить бояръ, то мнѣ самому быть отъ нихъ убиту; но лишь только побью бояръ, тогда что хочу, сдѣлаю». Когда ему замѣтили, что за бояръ русскіе станутъ всею землею. самозванецъ отвѣчалъ: «у меня все обдумано. Я велѣлъ вывезти за городъ всѣ пушки, будто для воинской потѣхи, и далъ наказъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье, 18-го мая. выѣхали туда будтобы смотрѣть стрѣльбу, всѣ поляки и литовцы въ полномъ вооруженіи, а самъ выѣду со всѣми боя-

---

(83) Hist. Ross. Monum. II, №№ 56—58. 62. 76.

рами и дворянами, которые будутъ безъ оружія. И какъ только начнутъ стрѣлять изъ пушекъ, тотчасъ поляки и литовцы ударятъ на бояръ и перебьютъ ихъ; я даже назначилъ кому кого убить изъ бояръ». Указавъ затѣмъ на нѣкоторыя прежнія свои дѣйствія, весьма смѣлыя, но имѣвшія успѣхъ, Лжедимитрій утверждалъ, что вполнѣ надѣется успѣть и теперь и въ заключеніе съ клятвою произнесъ: «въ слѣдующее воскресенье, 18-го мая, непремѣнно побить на стрѣльбѣ всѣхъ бояръ и дворянъ лучшихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и черныхъ людей, которые станутъ за нихъ. А совершивъ то, я тотчасъ велю ставить римскіе костелы, въ церквахъ же русскихъ пѣть не велю, и совершу все, на чемъ присягалъ папѣ, и кардиналамъ, и арцыбискупамъ, и бискупамъ, и какъ написалъ подъ клятвою въ записи своей (сендомирскому) воеводѣ». Но этому кровавому замыслу не суждено было осуществиться: русскіе упредили самозванца. Давно уже они негодовали на него за пристрастіе его къ иноземцамъ и всему иноземному и явное пренебреженіе ко всему русскому, особенно къ православной вѣрѣ; но женитьба его на поганой полькѣ, еретичкѣ, наглыя дѣйствія прибывшихъ съ нею поляковъ, ихъ безчинства въ самыхъ православныхъ храмахъ, еще болѣе усилили это негодованіе. Князь Василій Шуйскій и другіе бояре, которыхъ Лжедимитрій расчитывалъ скоро перебить, составили заговоръ, и 17-го мая, раннимъ утромъ, въ Москвѣ произошло народное возстаніе, во время котораго убитъ самъ Димитрій и подвергся крайнему поруганію, а съ нимъ погибло и множество поляковъ и другихъ иноземцевъ, въ томъ числѣ римскихъ учителей—три кар-

динала, да четыре каплана, да два студента, и нѣмецкихъ учителей-мудрецовъ 26 человѣкъ ([84]).

Вскорѣ и избранникъ Лжедимитрія патріархъ Игнатій за то, что, не крестивъ Марину по православному, а только мѵропомазавъ, допустилъ ее къ таинству причащенія и къ таинству брака, низринутъ былъ соборомъ іерарховъ отъ своего престола и даже отъ святительства, и, въ качествѣ простаго черноризца, отосланъ въ Чудовъ монастырь подъ начало. Управленіе Игнатія церковію, какъ и царствованіе Лжедимитрія, продолжалось менѣе одинадцати мѣсяцевъ ([85]). Достойно замѣчанія, что, низлагая Игнатія, отцы собора вовсе не упомянули о томъ, якобы онъ былъ поставленъ неправильно и былъ незаконнымъ архипастыремъ русской церкви, на что всего прежде слѣдовало бы указать при его низложеніи. И есть несомнѣнныя свидѣтельства, что Игнатія считали совре-

---

([84]) Собр. Госуд. Грам. II, №№ 140. 144; Дополн. А. И. I, № 151, стр. 259. О намѣреніи Лжедимитрія побить 18-го мая всѣхъ бояръ и дворянъ говорятъ и наши хронографы и другія сказанія: *Попов*. Изборн. статей изъ хроногр., стр. 237—238. 273; Иное Сказ. о Самозв., во Времен. XVI, отд. II, 32—33; Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. II, 22; *Бычков*. Опис. рукоп. Сборн. Импер. публ. библ. I, 156—157, гдѣ и перечислено, сколько убито латинскихъ и нѣмецкихъ учителей.

([85]) Патріархъ Филаретъ Никитичъ въ 1620 г. предъ соборомъ епископовъ говорилъ: «патріархъ Игнатій, угожая еретикомъ латынскія вѣры, въ церковь соборную пресв. владычицы нашея Богородицы введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ же крещеніемъ совершеннымъ христіанскаго закона не крестилъ ю, но токмо единѣмъ св. мѵромъ помаза, и потомъ вѣнчалъ ю съ тѣмъ розстригою, и обоимъ симъ врагомъ Божіимъ, разстригѣ и Маринкѣ, подаде пречистое тѣло Христово ясти и св. кровь Христову пити. Его же Игнатія, за таковую вину священноначальницы великія св. церкви россійскія, яко презрѣвшаго правила св. апостолъ и св. отецъ, отъ престола и отъ святительства, по правиламъ святымъ, изринуша въ лѣто 7.114» (Соборное Изложеніе Филарета Никитича, въ Потребн. иноческ., гл. 14, л. 214 об.—215. Моск. 1639).

менники патріархомъ, а не лжепатріархомъ, хотя и признали потомъ еретикомъ ([86]).

III.

Черезъ два дня по низверженіи Лжедимитрія, 19-го мая, весь синклитъ, и митрополиты, архіепископы и епископы, и всякихъ чиновъ люди, и народъ пришли на лобное мѣсто въ Москвѣ и начали говорить, чтобы разослать во всѣ города граматы и созвать земскую думу для избранія государя и чтобы избрать патріарха (знакъ, что Игнатій былъ уже низложенъ). Тогда изъ среды народа раздался голосъ: «прежде да изберется самодержавный царь»... И всѣмъ было любо это слово, и тутъ же единогласно избрали на царство князя Василія Ивановича Шуйскаго, того самаго, который былъ главнымъ виновникомъ погибели самозванца-еретика, и потому казался всѣмъ великимъ ревнителемъ и поборникомъ православной вѣры и церкви. Первою заботою новаго царя было утвердиться на престолѣ и убѣдить всѣхъ, что прежній царь былъ самозванецъ, врагъ вѣры и понесъ справедливое возмездіе. Съ этою цѣлію немедленно разосланы были по Россіи три окружныя граматы: одна отъ бояръ, другая отъ самого царя (20-го мая), третья отъ бывшей царицы, инокини Марѳы, матери царевича Димитрія углицкаго (21-го мая). Бояре объ-

---

([86]) Опис. старопеч. книгъ графа *Толстова*, стр. 105; А. Э. III, № 330. Впрочемъ, въ одномъ хронографѣ, писанномъ хотя позднѣе, но въ XVII же вѣкѣ, читаемъ: «повелѣніемъ государя Василія Ивановича и совѣтомъ всего священнаго собора, Игнатія патріарха, *его же безъ священныхъ рукоположеній* возведе на престолъ Рострига, сего въ Чудовъ монастырь послаша подъ начало, яко да совершенно навыкнетъ благочестія вѣры» (*Попов.* Избрн. статей изъ хроногр., 194; Времен. М. Истор. Общ. XVI, отд. II, 97).

являли, что прежній царь хотѣлъ истинную христіанскую вѣру въ Россіи попрать и учинить вѣру латинскую, что онъ былъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ, а не Димитрій царевичъ, въ чемъ удостовѣрила и мать послѣдняго, вмѣстѣ съ своими братьями Нагими. и сознался даже самъ Гришка, который и погибъ лютою смертію; объявляли затѣмъ, что митрополиты, архіепископы и епископы, съ освященнымъ соборомъ, и бояре и всякіе люди московскаго государства избрали благочестиваго царя—князя Василія Ивановича Шуйскаго, отъ корени великихъ государей русскихъ, «по церкви Божіей и по православной вѣрѣ поборителя», и уже цѣловали ему крестъ, а теперь приглашаютъ всѣхъ цѣловать ему крестъ. Новый царь, ссылаясь на эту боярскую грамату, дополнялъ ее извѣстіемъ, что, по низверженіи Лжедимитрія, въ покояхъ его найдены граматы, несомнѣнно свидѣтельствующія о его сношеніяхъ съ римскимъ папою и намѣреніи утвердить на Руси латинство; потомъ извѣщалъ о своемъ вступленіи, по просьбѣ всего духовенства, бояръ и народа, на престолъ, который нѣкогда занимали его прародители, и приказывалъ пѣть по всѣмъ церквамъ молебны и приводить людей къ присягѣ. Бывшая царица, инокиня Маѳа публично сознавалась, что она признала вора и еретика Гришку Отрепьева своимъ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, единственно изъ страха смерти, что онъ вовсе не ея сынъ, о чемъ она еще прежде тайно объявила боярамъ и дворянамъ и другимъ людямъ, и что сынъ ея, истинный царевичъ Димитрій, убитъ предъ нею и ея братьями отъ Бориса Годунова и теперь лежитъ въ Угличѣ (87).

(87) Рукопись Филарета, въ Сборн. *Муханова*, № 195, стр. 263—264, изд. 2; *Попов.* Изборн. статей изъ хронограф., 294; Никон. Лѣт. VIII, 75—76; Новый Лѣт., во Времени. XVII, отд. II, 74; Собр. Госуд. Грам. II, №№ 142. 144. 146.

Не довольствуясь этимъ и желая еще сильнѣе подѣйствовать на народъ, царь Василій Ивановичъ, по совѣщаніи съ святителями и боярами, рѣшился перенести въ Москву тѣло царевича Димитрія и послалъ для того въ Угличъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова и астраханскаго архіепископа Ѳеодосія, съ двумя архимандритами и четырьмя боярами, а самъ поспѣшилъ короноваться на царство. Это коронованіе происходило 1-го іюня, и совершено новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ,—такъ какъ патріархъ еще не былъ избранъ,—вмѣстѣ со всѣми митрополитами, архіепископами и епископами, которые всѣ находились тогда въ Москвѣ, кромѣ казанскаго митрополита Гермогена, изгнаннаго Лжедимитріемъ. Между тѣмъ посланные въ Угличъ извѣщали еще отъ 28-го мая, что они подняли и разсматривали мощи царевича Димитрія и нашли ихъ цѣлыми и ничѣмъ неповрежденными, кромѣ немногихъ мѣстъ, и что у гроба царевича, какъ въ прежніе годы, такъ и въ нынѣшній, совершались чудесныя исцѣленія разныхъ болѣзней, о чемъ исцѣлившіеся и представили письменныя свидѣтельства, а къ 3-му іюня мощи уже принесены были къ Москвѣ. Царь и царица, инокиня Марѳа, съ митрополитами, архіепископами и епископами, при безчисленномъ множествѣ народа, встрѣтили мощи внѣ города, сами осматривали ихъ и велѣли явить всѣмъ, вѣрующимъ и невѣрующимъ; потомъ торжественно перенесли ихъ въ архангельскій соборъ. Здѣсь мать царевича Димитрія всенародно называла себя виноватою предъ царемъ, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, и предъ всѣми людьми московскаго государства, и всего болѣе предъ своимъ сыномъ - царевичемъ, что долго терпѣла вору разстригѣ, злому еретику, не объявляя

о немъ, и просила простить ей этотъ прежній грѣхъ и не подвергать ее проклятію. И царь простилъ ее отъ имени всего государства, ради св. мощей сына ея — страстотерпца, и поручилъ святителямъ молиться о ней, чтобы и Богъ ее простилъ. А такъ какъ при мощахъ царевича совершались многія чудеса (въ первый день исцѣлилось тринадцать, во второй двѣнадцать больныхъ), то святители постановили признать его новоявленнымъ угодникомъ Божіимъ и учредить ему празднества, въ день его рожденія, кончины и перенесенія мощей. Объ этомъ перенесеніи и явленіи св. мощей царевича Димитрія царь также возвѣстилъ всей Россіи своею граматою (отъ 6-го іюня) [88].

Сдѣлавъ все, что считалъ нужнымъ, для своего утвержденія на царскомъ престолѣ, Шуйскій обратилъ вниманіе и на то, чтобы патріаршій престолъ не оставался болѣе празднымъ. Еще живъ былъ въ своемъ заточеніи патріархъ Іовъ, но онъ лишился зрѣнія и уже не могъ править церковію. Нужно было избрать новаго патріарха, и выборъ государя, естественно палъ на того изъ представленныхъ ему соборомъ кандидатовъ, кто ревностнѣе всѣхъ воспротивился незаконному браку самозванца, требовалъ крещенія его невѣсты, и за то подвергся изгнанію,—на казанскаго митрополита Гермогена [89].

---

(88) Рукоп. Филарета, въ означ. Сборникѣ, стр. 265—272; Собр. Госуд. Грам. II, № 147; А. Э. II, № 18; Доп. А. И. 1, № 151, стр. 261. Въ рукописи Филарета ошибочно сказано, будто мощи царевича Димитрія были встрѣчены въ Москвѣ царемъ и *патріархомъ*. по свидѣтельству самаго царя и царицы Мареы, патріарха при этомъ не было (Собр. Госуд. Грам. II, стр. 311. 316).

(89) *Попов.* Изборн. статей изъ хронограф., стр. 191. 295; Иное Сказ. о Самозв., во Времени. XVI, отд. II, 97. По словамъ Сказанія о Гришкѣ Отрепьевѣ, онъ повелѣлъ не только сослать Гермогена въ Казань, но «и санъ святительскій съ него сняти и въ монастырь заточити; но, милостію Божіею, сохраненъ бысть до умертвія Ростригина» (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. II, 20).

Сохранилось извѣстіе, будто Гермогенъ былъ прежде донскимъ казакомъ, а потомъ сдѣлался приходскимъ священникомъ въ городѣ Казани (90). Послѣднее не можетъ подлежать сомнѣнію: такъ какъ самъ Гермогенъ свидѣтельствуетъ, что въ 1579 г. онъ былъ священникомъ при казанской гостинодворской церкви св. Николая. Скоро послѣ того онъ принялъ монашество и достигъ степени архимандрита спасо-преображенскаго монастыря въ тойже Казани, а 13 мая 1589 г. возведенъ уже въ санъ архіерейскій и началъ собою рядъ казанскихъ митрополитовъ. Служеніе Гермогена въ Казани должно оставаться для нея памятнымъ навсегда. При немъ совершилось въ 1579 г. явленіе и обрѣтеніе чудотворной казанской иконы Богоматери, и онъ, будучи еще священникомъ, удостоился первый, съ благословенія тогдашняго владыки казанскаго Іереміи, принять новоявленную икону изъ земли, гдѣ она обрѣтена, въ свои руки и перенесть ее, въ сопровожденіи всего духовенства и народа, въ ближайшую церковь св. Николая тульскаго. А впослѣдствіи, когда былъ уже митрополитомъ, самъ составилъ (въ 1594 г.) сказаніе о явленіи этой иконы и о совершившихся отъ нея чудесахъ (91). При немъ

(90) Въ 1615 г., на съѣздѣ пословъ русскихъ и литовско-польскихъ подъ Смоленскомъ, одинъ изъ послѣднихъ пословъ, Александръ Гонсѣвскій, бывшій начальникомъ поляковъ въ Москвѣ, жалуясь на патріарха Гермогена за возбужденіе имъ ненависти въ русскихъ противъ поляковъ, говорилъ: «чого доводимъ писмомъ руки священника вашего московскаго, который въ тѣ поры въ Москвѣ мене, Александра, остерегалъ, и прежніе дѣла многіе патріарховы, какъ онъ въ козакахъ донскихъ и послѣ попомъ въ Казани бывалъ, выписалъ» и проч. (А. З. Р. IV, № 209, стр. 481).

(91) Сказаніе это недавно напечатано: 1) въ видѣ приложенія (I—XIX), при книгѣ: «казанскій Богородицкій дѣвичь монастырь, *священника Евг. Малова*, Казань, 1879», и 2) въ журналѣ: Чтенія въ Общ. любителей дух. просвѣщенія, Москв. 1880 г., іюнь, отд. III. Здѣсь-то Гермогенъ, говоря объ обрѣтеніи казанской иконы Богоматери, замѣтилъ о себѣ: «мнѣ же тогда (сущу) въ чину поповстѣ святаго Николы, иже зовется Гостинъ» (—стр. 23).

совершилось (4 окт. 1595 г.) обрѣтеніе и открытіе мощей казанскихъ чудотворцевъ: св. Гурія, перваго архіепископа казанскаго и св. Варсонофія, епископа тверскаго. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ приказалъ соорудить новую каменную церковь въ казанскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ, на мѣсто прежней, при которой они были погребены. Когда начали копать рвы для новой церкви, то нашли гробы обоихъ святителей. Гермогенъ самъ явился туда съ освященнымъ соборомъ, велѣлъ открыть гробы, видѣлъ и осязалъ нетлѣнныя мощи и даже одежды того и другаго, и донесъ обо всемъ царю и патріарху. Царь и патріархъ повелѣли создать особую церковь при большой, съ южной стороны ея алтаря, и тамъ поставить мощи нововявленныхъ чудотворцевъ казанскихъ для всенароднаго чествованія. Самъ же Гермогенъ потомъ составилъ, по повелѣнію царя и благословенію патріарха Іова, и «житіе святителей Гурія и Варсонофія» ([92]). При немъ перенесены были (въ 1592 г.) мощи и втораго казанскаго архіепископа Германа, который скончался въ Москвѣ (6 ноября 1567 г.), во время моровой язвы, и погребенъ былъ у церкви св. Николая мокраго, и самъ Гермогенъ, по благословенію патріарха, встрѣтилъ эти мощи въ Свіяжскѣ, видѣлъ и осязалъ ихъ, и совершилъ погребеніе ихъ въ свіяжскомъ успенскомъ монастырѣ ([93]). Въ томъ же 1592 г., генваря 9, Гермогенъ писалъ патріарху Іову, что въ Казани доселѣ не совершается особая память или поминовеніе по всѣхъ православныхъ воеводахъ и воинахъ русскихъ, положившихъ животъ свой за вѣру, царя и отечество подъ Казанью и въ

([92]) Напечатано въ книгѣ: «Сборникъ древностей казанской епархіи, составл. архим. Платономъ Любарскимъ, Казань, 1868», стр. 7—32. Объ обрѣтеніи мощей, см. стр. 29 и далѣе.

([93]) См. житіе св. Гурія и Варсон.—въ томъ же Сборн., стр. 16.

предѣлахъ казанскихъ, и просилъ установить для этого какой либо день. Писалъ вмѣстѣ о трехъ мученикахъ, пострадавшихъ въ Казани и вкусившихъ смерть за вѣру Христову, изъ которыхъ одинъ, Іоаннъ, былъ русскій, родомъ изъ Нижняго-Новгорода, взятый въ плѣнъ татарами, а двое, Стефанъ и Петръ, были изъ новообращенныхъ татаръ, и выражалъ скорбь, что и эти мученики доселѣ не вписаны въ синодикъ, который читается въ недѣлю православія, и имъ не поется вѣчная память Въ отвѣтъ Гермогену патріархъ прислалъ (отъ 25 февр.) указъ: по всѣмъ православнымъ воинамъ, убитымъ подъ Казанью и въ предѣлахъ казанскихъ, совершать въ Казани и во всей казанской митрополіи панихиду въ субботній день по Покровѣ пресв. Богородицы и вписать ихъ въ большой синодикъ, читаемый въ недѣлю православія; повелѣлъ также вписать въ этотъ синодикъ и трехъ мучениковъ казанскихъ, а день для поминовенія ихъ назначить предоставилъ самому Гермогену, по его усмотрѣнію. И Гермогенъ, объявляя патріаршій указъ по своей епархіи, присовокуплялъ отъ себя, чтобы по всѣмъ церквамъ и монастырямъ служили литургіи и панихиды по тремъ казанскимъ мученикамъ и поминали ихъ на литіяхъ и на обѣдняхъ въ 24 день генваря ([94]). Не упоминаемъ уже объ извѣстныхъ намъ ревности по вѣрѣ и непреклонной твердости въ религіозныхъ убѣжденіяхъ и правилахъ, какія показалъ Гермогенъ въ его заботливости о просвѣщеніи вѣрою казанскихъ татаръ и въ сопротивленіи браку самозванца на латинянкѣ Маринѣ. Такого-то іерарха царь Василій Ивановичъ избралъ на первосвятительскую каѳедру

([94]) Граматы Гермогена и Іова напечатаны въ томъ же Сборникѣ, стр. 66—75.

въ Россіи, и 3-го іюля 1606 года Гермогенъ былъ посвященъ въ санъ патріарха русскими святителями. Посвященіе совершилось въ успенскомъ соборѣ. Чинъ поставленія патріарха Гермогена былъ совершенно сходенъ съ чиномъ поставленія патріарха Іова. Главнымъ святителемъ при поставленіи Гермогена былъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, который и сидѣлъ на уготованномъ мѣстѣ посреди церкви, вмѣстѣ съ царемъ Василіемъ Ивановичемъ, когда Гермогенъ читалъ предъ ними «его рукою написанное исповѣданіе православныя вѣры». Въ свое время митрополитъ Исидоръ вручилъ Гермогену посохъ святителя Петра чудотворца, а царь подарилъ новому патріарху панагію, украшенную драгоцѣнными камнями, бѣлый клобукъ и посохъ. Послѣ литургіи былъ столъ у царя, и въ положенное время Гермогенъ вставалъ изъ-за стола, и совершалъ свое шествіе на осляти (95).

По обстоятельствамъ времени, главная дѣятельность патріарха Гермогена была посвящена на служеніе царю и отечеству въ ихъ борьбѣ сперва съ самозванцемъ, потомъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Но, служа отечеству, Гермогенъ тѣмъ самымъ служилъ церкви: потому что за самозванцемъ и Сигизмундомъ стояли іезуиты съ ихъ темными орудіями противъ православія, съ ихъ замыслами ввести въ Россію латинство или, по крайней мѣрѣ, унію. И эту службу отечеству и православной церкви Гермогенъ совершалъ не

(95) Никон. Лѣтоп. VIII, 76. Въ рукописи фундаментальной библіотеки москов. дух. Академіи, № 35, начала XVII в., на л. 240 обор., сдѣлана современной рукой запись: «поставленъ патріархъ Ермогенъ влѣта 7114 (1606) іюля въ 3 день». Чинъ поставленія патріарха Гермогена, подлинный, но безъ начала и конца, сохранился въ Государственномъ Древлехранилищѣ, наход. въ комнатахъ теремнаго дворца въ Москвѣ (памятники письменные, Прилож., рубрика I, № 6). За утратою начала въ чинѣ, изъ него нельзя узнать, въ какой день совершилось поставленіе патр. Гермогена.

одинъ: ему подражали и другіе достойные члены отечественнаго духовенства.

Коренная ошибка Шуйскаго состояла въ томъ, что онъ былъ избранъ на престолъ не всею Россіею, а только Москвою, и не всею даже Москвою, а только своими приверженцами. Потому его не хотѣли признать многіе, особенно бояре, враждебные ему и преданные прежнему царю, называвшемуся Димитріемъ. И съ первыхъ же дней царствованія Шуйскаго разнеслась въ народѣ вѣсть, что Димитрій живъ и бѣжалъ изъ Москвы, а вмѣсто него убитъ какой-то нѣмецъ. Князь Григорій Шаховскій, бывшій любимецъ Лжедимитрія, успѣлъ похитить государственную печать во время московскаго мятежа и, будучи присланъ отъ самаго же Шуйскаго воеводою въ Путивль, тотчасъ объявилъ гражданамъ что царь Димитрій спасся отъ руки измѣнниковъ и скрывается до времени, а Шуйскій—похититель престола. Жители Путивля немедленно возстали на Шуйскаго, и ихъ примѣру скоро послѣдовали Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Бѣлгородъ и другіе южно-русскіе города, и отложились отъ Москвы. Царь и патріархъ съ освященнымъ соборомъ положили послать въ тѣ города крутицкаго митрополита Пафнутія для вразумленія возставшихъ; но митрополита не приняли и слушать не хотѣли. У возставшихъ явился вождь Иванъ Болотниковъ, который разбилъ царскія войска, а князь Шаховскій разсылалъ указы именемъ царя Димитрія, прикладывая къ нимъ государственную печать, и къ бунту пристали города средней Россіи: Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Рязань, Дорогобужъ и другіе. Только Тверь оказала сопротивленіе, благодаря своему святителю, архіепископу Ѳеоктисту, который

созвалъ къ себѣ все духовенство, приказныхъ людей и всѣхъ жителей и укрѣпилъ ихъ постоять за св. Божіи церкви, за православную вѣру и за крестное цѣлованіе государю противъ измѣнниковъ, обступившихъ городъ: тверитяне прогнали скопище злодѣевъ и многихъ взяли въ плѣнъ. Но Болотниковъ одержалъ новые успѣхи надъ царскими воеводами и явился съ своею ратію подъ самою Москвою, въ селѣ Коломенскомъ. Тогда патріархъ разослалъ по всей Россіи граматы (отъ 29 и 30 Ноября 1606 г.), въ которыхъ, извѣщая о погибели вора и еретика Лжедимитрія, о перенесеніи въ Москву и явленіи св. мощей истиннаго царевича Димитрія и о воцареніи Шуйскаго, «царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ», продолжалъ, что нашлись, однакожъ, измѣнники, которые говорятъ, будто Лжедимитрій живъ, возстали противъ новаго государя, собрали вокругъ себя толпы вооруженныхъ людей, насильно увлекли многихъ, и хотя встрѣтили себѣ сопротивленіе въ Твери и Смоленскѣ, но теперь находятся уже въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою. А потому предписывалъ духовенству, чтобы оно прочитало эти граматы народу, и не одинъ, а нѣсколько разъ, пѣло по всѣмъ церквамъ молебны о здравіи и спасеніи Богомъ вѣнчаннаго государя, о покореніи ему всѣхъ его враговъ, о умиреніи его царства, и поучало православныхъ не слушаться тѣхъ воровъ, злодѣевъ и разбойниковъ. И многіе, дѣйствительно, вооружились противъ злодѣевъ, прогнали ихъ изъ своихъ городовъ и селеній и поспѣшили въ Москву для ея спасенія. Царь выслалъ съ войскомъ новыхъ воеводъ, въ томъ числѣ, юнаго, но доблестнаго князя Михаила Скопина-Шуйскаго, которые одолѣли Болотникова и заставили его бѣжать въ Калугу. Въ

тоже время казанскій митрополитъ Ефремъ, услышавъ, что жители Свіяжска увлеклись злодѣями, измѣнили государю, наложилъ на нихъ запрещеніе и приказалъ мѣстному духовенству не принимать отъ нихъ въ церкви приношеній, и виновные смирились, били челомъ государю простить ихъ вину, а патріарху—снять съ нихъ запрещеніе. Царь простилъ, патріархъ разрѣшилъ, но митрополиту Ефрему послалъ отъ лица всего освященнаго собора благословеніе, какъ «доблестному пастырю» (22 дек.) ([96])

Желая еще болѣе подѣйствовать на народъ въ свою пользу, умирить его совѣсть и успокоить, царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, приговорилъ вызвать въ Москву бывшаго патріарха Іова, чтобы онъ простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ за совершенныя ими нарушенія крестнаго цѣлованія и измѣны, и для этого отправить въ Старицу крутицкаго митрополита Пафнутія съ нѣсколькими другими, духовными и свѣтскими, лицами и царскую каптану (карету). Гермогенъ написалъ къ Іову посланіе, умолялъ его именемъ государя учинить подвигъ, пріѣхать въ столицу «для его государева и земскаго великаго дѣла» Іовъ пріѣхалъ, 14 февр. 1607 г., и остановился на троицкомъ подворьѣ. Спустя шесть дней (20 февр.) въ успенскій соборъ собралось безчисленное множество народа; прибыли и оба патріарха съ другими святителями и духовенствомъ. Іовъ сталъ у патріаршаго мѣста, а Гермогенъ, совершивъ прежде молебное пѣніе, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ.

([96]) Никон. Лѣт. VIII, 79—87; Иное Сказ. о Самозв., во Времени. XVI, 55—65. 97; *Попов.* Изборн. статей изъ Хроногр., 196. 242. 295. 330: *Карамз.* XII, 15—27; А. Э. II, №№ 57. 58. 61.

Тогда всѣ находившіеся во храмѣ христіане, съ великимъ плачемъ и воплемъ, обратились къ Іову, просили у него прощенія и подали ему челобитную. Гермогенъ приказалъ архидіакону взойти на амвонъ и прочитать челобитную велегласно. Въ ней православные исповѣдывались предъ своимъ бывшимъ патріархомъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису Өедоровичу и не принимать вора, называвшагося царевичемъ Димитріемъ, и измѣнили своей присягѣ, какъ клялись потомъ сыну Бориса Өеодору, и снова преступили крестное цѣлованіе, какъ не послушались его, своего отца, и присягнули Лжедимитрію, который лютостію отторгнулъ его, пастыря, отъ его словесныхъ овецъ, а потому умоляли теперь, чтобы первосвятитель простилъ и разрѣшилъ имъ всѣ эти преступленія и измѣны, и не имъ только однимъ, обитающимъ въ Москвѣ, но и жителямъ всей Россіи, и тѣмъ, которые уже скончались. По прочтеніи этой челобитной, патріархи Іовъ и Гермогенъ приказали томуже архидіакону прочесть съ амвона разрѣшительную грамату, которая напередъ была составлена, по пріѣздѣ Іова въ Москву, и составлена не отъ его только лица, но отъ имени обоихъ патріарховъ и всего освященнаго собора. Въ граматѣ патріархи Гермогенъ и Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, сперва весьма подробно изображали тѣже самыя клятвопреступленія и измѣны русскихъ; потомъ молили Бога, чтобы Онъ помиловалъ виновныхъ, и простилъ имъ согрѣшенія, и приглашали всѣхъ къ усердной молитвѣ, да подастъ Господь всѣмъ миръ и любовь, да устроитъ въ царствѣ прежнее соединеніе и да благословитъ царя побѣдами надъ врагами; наконецъ, по данной отъ Бога власти, прощали и разрѣшали всѣмъ православнымъ

содѣланныя ими клятвопреступленія и измѣны. Разрѣшительная грамата возбудила въ слушателяхъ слезы радости; всѣ бросались къ стопамъ Іова, просили его благословенія, лобызали его десницу, и дряхлый старецъ, вскорѣ затѣмъ скончавшійся (19 іюня), убѣждалъ всѣхъ, чтобы, получивъ теперь разрѣшеніе, они уже никогда впредь не нарушали крестнаго цѣлованія. Впрочемъ, эта нравственная мѣра, на которую въ Москвѣ, кажется, весьма много разсчитывали, не на всѣхъ произвела желаемое впечатлѣніе: по крайней мѣрѣ, спустя два съ небольшимъ мѣсяца, 15000 царскихъ воиновъ измѣнили царю Шуйскому и перешли подъ Калугою на сторону Болотникова. Гермогенъ рѣшился тогда употребить мѣру церковной строгости: онъ предалъ проклятію Болотникова и его главнѣйшихъ соумышленниковъ. Все это происходило, пока еще не явился второй Лжедимитрій, а измѣнники дѣйствовали однимъ его именемъ ([97]).

Наконецъ, въ Литвѣ отыскали какого-то бродягу, по однимъ, поповскаго сына изъ Сѣверской страны, по другимъ — жида, который рѣшился выдавать себя за погибшаго въ Москвѣ царя Лжедимитрія, хотя нисколько на него не походилъ. 1-го августа 1607 г. онъ объявилъ себя въ Стародубѣ; скоро собрались вокругъ него польскія дружины подъ предводительствомъ своихъ вождей, Лисовскаго, Сапѣги и другихъ, запорожскіе и донскіе казаки и многіе русскіе измѣнники. И не прошло года, какъ этому второму самозванцу покорялась уже почти вся южная и средняя Россія, и 1-го іюня 1608 г. онъ утвердился, съ своими полчищами, въ двѣнадцати верстахъ

([97]) А. Э. II, № 67; *Карамз.* XII, 33, примѣч. 126.

отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, которое и обратилъ для себя какбы въ столицу. Услышавъ объ этомъ, патріархъ Гермогенъ глубоко скорбѣлъ и обратился къ царю Василію Ивановичу съ трогательною рѣчью, въ которой умолялъ его, чтобы онъ, возложивъ надежду на Бога и призвавъ на помощь пресв. Богородицу и московскихъ угодниковъ, самъ повелъ войска противъ враговъ. Борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ: Москвы не отдали самозванцу, но и его не прогнали изъ Тушина. Здѣсь признала въ немъ своего мужа честолюбивая Марина, послѣ того однакожъ, какъ духовникъ ея, іезуитъ, перевѣнчалъ ее съ нимъ тайно. Здѣсь же, вслѣдъ затѣмъ, окружили самозванца ревнители римской вѣры и составили для него инструкцію, какъ царствовать и какъ ввести унію въ Россію. Инструкція эта, въ виду прежней неудачи, постигшей перваго Лжедимитрія, рекомендовала дѣйствовать во всемъ съ крайнею осмотрительностію и осторожностію и въ частности, для насажденія уніи въ московскомъ государствѣ, указывала слѣдующія средства: а) еретикамъ (т. е. протестантамъ), врагамъ уніи, запретить въѣздъ въ государство; б) монаховъ изъ Константинополя, находящихся въ Россіи, выгнать; в) съ осторожностію выбирать людей, съ которыми вести рѣчь объ уніи: ибо преждевременное разглашеніе объ этомъ и теперь повредило; г) государю держать при себѣ небольшое число католическаго духовенства и письма, относящіяся къ этому дѣлу, писать, посылать и принимать, особенно изъ Рима, какъ можно осторожнѣе; д) самому государю заговаривать объ уніи рѣдко и осторожно, чтобъ не отъ него началось дѣло, а пусть сами русскіе первые предложатъ о нѣкоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ пре-

образованія, и тѣмъ проложать путь къ уніи; е) издать законъ, чтобы въ церкви русской все подведено было подъ правила соборовъ и отцовъ греческихъ и поручить исполненіе закона людямъ благонадежнымъ, приверженцамъ уніи: возникнутъ споры, дойдутъ до государя; онъ назначитъ соборъ, а тамъ, съ Божіею помощію, можно будетъ приступить и къ уніи; ж) раздавать должности людямъ, расположеннымъ къ уніи; особенно высшее духовенство должно быть за унію, а это въ рукахъ его царскаго величества; з) намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому о наградахъ, народу о свободѣ, всѣмъ о рабствѣ грековъ; и) учредить семинаріи, для чего призвать изъ-за границы людей ученыхъ, хотя свѣтскихъ; і) отправлять молодыхъ людей для обученія въ Вильну, или лучше туда, гдѣ нѣтъ отщепенцевъ, въ Италію, въ Римъ; к) позволить москвитянамъ присутствовать при нашемъ богослуженіи; л) хорошо, еслибъ поляки набрали здѣсь молодыхъ людей и отдали ихъ въ Польшѣ учиться къ отцамъ іезуитамъ; м) хорошо, еслибъ у царицы между священниками были одинъ или два уніата, которые бы отправляли службу по обряду русскому и бесѣдовали съ русскими; н) для царицы и живущихъ здѣсь поляковъ построить костелъ или монастырь католическій, и проч... [98].

Проживая въ Тушинѣ и не имѣя силъ овладѣть Москвою, тушинскій воръ и царикъ, какъ называли втораго самозванца, посылалъ свои отряды въ разныя другія мѣста, чтобы поко-

---

[98] Никон. Лѣт. VIII, 89—100; Рукопись Филарета, въ Сборн. *Муханова*, № 195, стр. 278—280; Новый Лѣтоп., во Времени. XVII, отд. II, 92—94; *Карамз.* XII, 36—55. Вся означенная инструкція іезуитовъ второму Лжедимитрію напечатана вполнѣ въ Исторіи *Соловьева* VIII, 211—219. Надобно замѣтить, что слуги папы внимательно слѣдили за судьбою этого самозванца. Hist. Russ. Monum. II, №№ 81, 84, 85.

рять ихъ своей власти. Пастыри церкви вездѣ убѣждали народъ сохранять вѣрность присягѣ, данной законному государю, и немного осталось такихъ священниковъ, которые бы не пострадали за свою ревность. Монастыри, каковъ, напримѣръ, кирилло-бѣлозерскій, несмотря на разоренія, которымъ подвергались, не вѣрили ворамъ и измѣнникамъ, твердо стояли за своего государя, писали граматы по городамъ и многихъ подкрѣпляли. А изъ архипастырей—псковскій епископъ Геннадій, видя измѣну большей части псковитянъ, вопреки всѣмъ его увѣщаніямъ, и, съ другой стороны, страшныя казни, постигшія остальныхъ, вѣрныхъ гражданъ, умеръ отъ горести (24 авг. 1609 г.). Суздальскій архіепископъ Галактіонъ былъ изгнанъ тушинцами изъ своего каѳедральнаго города (1608 г.) и скончался въ изгнаніи. Коломенскаго епископа Іосифа литовскіе люди, подъ предводительствомъ пана Лисовскаго, взяли въ плѣнъ, по разореніи Коломны (1608 г.), влачили при своемъ отрядѣ, и привязывали къ пушкѣ, когда осаждали какой либо городъ, чтобы устрашать другихъ. Къ счастію, царскіе воеводы скоро отбили у злодѣевъ несчастнаго епископа и привели въ Москву, откуда онъ и возвратился на свою епархію и, по прежнему, ревностно старался удерживать народъ отъ измѣны государю. Тверскаго архіепископа Ѳеоктиста, того самаго, который прежде такъ удачно прогналъ отъ Твери крамольниковъ, теперь схватили (1608 г.) и отправили въ Тушино, гдѣ онъ перенесъ многія муки; а когда во время случившихся тамъ безпорядковъ, онъ побѣжалъ-было къ Москвѣ, его убили на дорогѣ (въ мартѣ 1610 г.) и бросили; тѣло его найдено впослѣдствіи правовѣрными израненное оружіемъ и искусанное плотоядными животными. Когда одинъ

изъ отрядовъ Сапѣги, вмѣстѣ съ переяславльскими измѣнниками, приблизился къ Ростову (11 окт. 1608), и жители города бѣжали въ Ярославль, ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, съ немногими усердными воинами и гражданами, заключился въ соборной церкви, и, готовясь къ смерти, причастился самъ св. таинъ, и велѣлъ священникамъ исповѣдать и причастить всѣхъ прочихъ. Двери церковныя не выдержали напора враговъ; началась рѣзня; Филаретъ хотѣлъ-было уговаривать переяславцевъ отъ божественныхъ писаній, но его схватили, сняли съ него святительскія одежды, и босаго, въ одной свиткѣ, повели въ Тушино, подвергая его на пути разнымъ поруганіямъ. Въ Тушинѣ, однакожъ, судьба плѣнника измѣнилась. Филаретъ приходился роднымъ племянникомъ царю Ивану грозному, по первой его супругѣ Анастасіи Романовой, и самозванецъ, считавшій себя сыномъ царя Ивана грознаго, захотѣлъ встрѣтить своего мнимаго родственника съ знаками уваженія, вновь облекъ его въ святительскія одежды, далъ ему святительскихъ чиновниковъ, и даже повелѣлъ ему быть «нареченнымъ» патріархомъ московскимъ и всея Россіи,—знакъ, что самозванецъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ поляковъ или литовцевъ: ибо только въ литовской митрополіи существовалъ обычай, что святители, назначаемые государемъ на ту или другую каѳедру, назывались сперва «нареченными», пока каѳедра та была еще занята другимъ іерархомъ, или пока они сами не были посвящены, а въ Руси московской такого обычая не было никогда. Кажется даже, что Филарету дано было не одно имя патріарха, но предоставлена была и патріаршая власть по отношенію къ областямъ, цѣловавшимъ крестъ тушинскому вору: по крайней мѣрѣ изъ единственной

граматы Филарета, данной имъ въ то время, гдѣ онъ называлъ себя и ростовскимъ митрополитомъ и «нареченнымъ» патріархомъ московскимъ и всея Россіи, видно, что онъ считалъ въ своемъ патріаршествѣ область суздальскую, которая хотя не припадлежала къ ростовской епархіи, но признавала надъ собою власть самозванца. Впрочемъ, оказавъ Филарету, по наружности, столько почестей, самозванецъ не довѣрялъ ему и окружилъ его стражами, которые наблюдали за каждымъ его словомъ и мановеніемъ. Въ сентябрѣ (23-го) 1608 года, Сапѣга и Лисовскій, съ 30000-мъ войскомъ, осадили знатнѣйшій изъ русскихъ монастырей, троице-сергіеву лавру, въ стѣнахъ которой находилось около 300 человѣкъ братіи, отрядъ царскихъ ратниковъ, подъ предводительствомъ двухъ воеводъ, и нѣсколько сотъ другихъ пришельцевъ, преимущественно изъ окрестныхъ монастырскихъ селъ, всего до 2300 защитниковъ. Но и эти малочисленныя дружины, подкрѣпляемыя предстательствомъ и явленіями преп Сергія, воодушевляемыя примѣромъ и молитвами иноковъ и наставленіями архимандрита лавры Іоасафа, съ успѣхомъ отражали всѣ нападенія враговъ. Шестнадцать мѣсяцевъ продолжалась осада; много лишеній, бѣдствій и скорбей перетерпѣла св. обитель, но, съ Божіею помощію, устояла и не сдалась ляхамъ и самозванцу. Съ этого времени дѣлается извѣстнымъ мужъ, незабвенный въ лѣтописяхъ нашего отечества, келарь троицкаго сергіева монастыря Аврамій Палицынъ Онъ происходилъ отъ древней фамиліи, вышедшей изъ Литвы, и въ мірѣ назывался Аверкіемъ Ивановичемъ. При царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, въ 1588 г., за что-то подвергся опалѣ, лишился всего имущества, которое отобрали въ казну, и сосланъ, вѣроятно, въ соловецкій монастырь,

гдѣ, волею или неволею, принялъ постриженіе съ именемъ Авраамія. При царѣ Борисѣ, въ 1601 г., Авраамій Палицынъ упоминается, какъ старецъ богородицкаго свіяжскаго монастыря. А при царѣ Шуйскомъ занимаетъ уже видное мѣсто келаря въ знаменитѣйшей русской обители. Во время осады лавры Авраамій не находился въ ней, но, по приказанію государя, жилъ въ Москвѣ на троицкомъ подворьѣ; но и отсюда старался дѣлать для своей обители все, что могъ, и однажды, когда защитники ея доведены были до крайности, упросилъ царя Василія Ивановича послать имъ воинскихъ снарядовъ и нѣсколько десятковъ казаковъ, и самъ послалъ до двадцати монастырскихъ слугъ, а въ другой разъ отправилъ въ лавру свои грамоты къ братіи, къ войску и ко всѣмъ, находившимся въ осадѣ, и убѣждалъ всѣхъ не падать духомъ, помнить свою присягу и стоять непоколебимо противъ литовскихъ людей.(99).

Близость тушинскаго стана къ Москвѣ оказывала на нее самое гибельное вліяніе. Между Москвою и Тушинымъ установились постоянныя сношенія; многіе москвичи переходили въ Тушино, проживали тамъ, даже цѣловали крестъ царику, а потомъ возвращались въ Москву и увеличивали собою здѣсь и безъ того немалое число враговъ и недоброжелателей царя Шуйскаго. Они распускали про него самыя недобрыя вѣсти,

(99) А. Э. II, № 138; *Авраамія Палицына* Сказаніе объ осадѣ тр.-сергіева монастыря, гл. 6, стр. 40—45; гл. 38, стр. 135—136; гл. 44, стр. 147. Москв. 1784; Псков. Лѣтоп. у *Карамз.* XII, примѣч. 310. 312; Никон. Лѣтоп. VIII, 99. 102. 103. 131; Иное Сказ. о Самозв., во Времен. XVI, отд. II, 105; Новый Лѣтоп., во Времен. XVII, отд. II, 93. 95. 96. 112. 114; А. И. II, № 106 и примѣч. 23. Подробнѣе объ осадѣ троице-сергіевой лавры—см. въ Историч. Описаніи ея, *Го·скаго*, 91—118, Москв. 1879.

старались поколебать его власть, пытались даже свергнуть его съ престола. Первая попытка была 17-го февраля 1609 г., въ субботу сыропустную. Крамольники, числомъ до трехсотъ, явились на лобное мѣсто; звали и бояръ, но тѣ уклонились, кромѣ одного князя Василія Голицына; насильно схватили въ соборной церкви патріарха и привели тудаже. И начали кричать, что Шуйскій избранъ на царство незаконно, безъ согласія всей земли, одними своими сторонниками, что онъ виною всѣхъ несчастій Россіи, живетъ нечестиво, тайно побиваетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и долженъ быть свергнутъ съ престола. На это изъ толпы раздался голосъ: «сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою; выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служилые люди; пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да еслибы онъ, царь, былъ вамъ и неугоденъ, то нельзя его, безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія, съ царства свести». Патріархъ Гермогенъ, съ своей стороны, рѣшительно отвергалъ хулы, взводимыя на Шуйскаго, и говорилъ, что онъ «избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями и московскими боярами, и дворянами, и всякими людьми всѣхъ чиновъ, что ему цѣловала крестъ вся земля, присягала добра ему хотѣть и лиха не мыслить: а вы забыли крестное цѣлованіе, возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть: но міръ того не хочетъ и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же». Посрамленные мятежники бѣжали въ Тушино. Вслѣдъ за ними Гермогенъ послалъ тудаже ко всѣмъ измѣнникамъ, одну за другою, двѣ свои граматы, въ которыхъ прямо выражалъ, что измѣну царю законному онъ считаетъ измѣною вѣрѣ, отпаденіемъ отъ православной церкви и от-

ступленіемъ отъ Бога. «Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана,—писалъ онъ въ первой граматѣ,—а нынѣ не вѣдаемъ, какъ и назвать васъ: ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ соборной и апостольской церкви, отступили отъ Богомъ вѣнчаннаго и св. елеемъ помазаннаго царя Василія Ивановича; вы забыли обѣты православной вѣры нашей, въ которой мы родились, крестились, воспитались и возрасли; преступили крестное цѣлованіе и клятву стоять до смерти за домъ пресв. Богородицы и за московское государство, и пристали къ ложно мнимому вашему царику... Болитъ моя душа, болѣзнуетъ сердце, и всѣ внутренности мои терзаются, всѣ составы мои содрагаются; я плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте, братіе и чада, свои души и своихъ родителей, отшедшихъ и живыхъ... Посмотрите, какъ отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ; не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество разоряете?.. Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца; а мы, по данной намъ власти, примемъ васъ, обращающихся и кающихся, и всѣмъ соборомъ будемъ молить о васъ Бога, и упросимъ государя простить васъ: онъ милостивъ и знаетъ, что не всѣ вы, по своей волѣ, то творите; онъ простилъ и тѣхъ, которые въ сырную субботу возстали на него, и нынѣ невредимыми пребываютъ между нами ихъ жены и дѣти». Въ другой своей граматѣ Гермогенъ говорилъ:

между прочимъ: «мы чаяли, что вы содрогнетесь, воспрянете, убоитесь праведнаго Судіи, прибѣгнете къ покаянію; а вы упорствуете, и разоряете свою вѣру, ругаетесь св. церквамъ и образамъ, проливаете кровь своихъ родственниковъ и хочете окончательно опустошить свою землю... Не ко всѣмъ пишемъ это слово, но къ тѣмъ, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ, и, преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали и измѣнили царю государю Василію Ивановичу, и всей землѣ, и своимъ родителямъ, и своимъ женамъ и дѣтямъ, и всѣмъ своимъ ближнимъ, и особенно Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но нуждою, и на христіанской законъ не стоятъ, и крови православныхъ своихъ братій не проливаютъ, таковыхъ мы не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога, чтобы Онъ отвратилъ отъ нихъ и отъ насъ праведный гнѣвъ свой...; то мученики Господни, и ради нынѣшняго временнаго страданія они удостоятся небеснаго царствія». Разсказавъ затѣмъ довольно подробно, какъ происходила на лобномъ мѣстѣ, въ сырную субботу, попытка къ сверженію царя Шуйскаго, патріархъ, въ заключеніе, убѣждалъ такъ: «Бога ради, познайте себя и обратитесь; обрадуйте своихъ родителей, своихъ женъ и чадъ, и всѣхъ насъ; и мы станемъ молить за васъ Бога и бить челомъ государю, а вы знаете, что онъ милостивъ и отпуститъ вамъ ваши вины...; мы съ радостію и любовію воспріимемъ васъ, и не будемъ порицать васъ за бывшую измѣну, ибо одинъ Богъ безъ грѣха» ([100]).

([100]) А. Э. II, № 169; Новый Лѣтоп., во Времен. XVII, 101; *Попов*. Избор. статей изъ хроногр. 198; *Бычков*. Опис. рукопис. Сборн. Импер публ. библ. I, 42.

Когда, спустя болѣе года, бѣдствія Россіи еще увеличились и число враговъ Шуйскаго и измѣнниковъ возрасло въ Москвѣ, когда они снова насильно привели патріарха на лобное мѣсто, при безчисленныхъ толпахъ народа, и стали вопіять, что царя Василія нужно свести съ царства, что онъ царь несчастный и виною всѣхъ золъ отечества, когда на это согласились всѣ присутствовавшіе, сами даже бояре: одинъ Гермогенъ непреклонно стоялъ за царя, плакалъ, увѣщавалъ, заклиналъ удержаться отъ такого злодѣянія, объяснялъ, что за измѣну законному царю Богъ еще болѣе можетъ наказать Россію. Когда, однакожъ, несмотря на всѣ убѣжденія патріарха, Шуйскаго лишили престола (17 іюля 1610 г.) и насильно постригли въ монахи, при чемъ обѣты произносилъ, вмѣсто него, князь Василій Тюфякинъ, Гермогенъ крайне скорбѣлъ и не переставалъ называть Шуйскаго царемъ, постриженнымъ же въ монашество считалъ князя Тюфякина ([101]).

Въ это время, кромѣ самозванца, дѣйствовалъ въ Россіи и другой врагъ—польскій король Сигизмундъ III. Получивъ извѣстіе, будто въ Москвѣ многіе бояре желали бы имѣть своимъ царемъ сына его Владислава, а не Шуйскаго и не тушинскаго вора, Сигизмундъ рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и, съ разрѣшенія сейма, началъ войну съ Россіею, чтобы не только овладѣть ею, но, главное, распространить въ ней католическую вѣру, какъ сообщалъ въ Римъ папскій нунцій, находившійся тогда въ Польшѣ. Въ сентябрѣ 1609 г. король приступилъ съ своимъ войскомъ къ

([101]) Иное Сказ. о Самозв., во Времени. XVI, 112; Новый лѣтоп., во Времени. XVII, 119—120; Никон. Лѣт. VIII, 138—140.

Смоленску, объявивъ въ своемъ манифестѣ, что идетъ собственно спасти Россію отъ ея враговъ, прекратить въ ней междоусобія и кровопролитіе, водворить порядокъ и тишину, и что объ этомъ просили его сами русскіе своими тайными письмами. Въ декабрѣ послы Сигизмундовы изъ-подъ Смоленска приходили въ Тушино и, между прочимъ, предлагали находившимся здѣсь москвитянамъ и нареченному патріарху Филарету, что если они пожелаютъ отдаться подъ власть короля, то король приметъ ихъ съ большею заботливостію, сохранитъ ихъ вѣру, права, обычаи церковные и судебные. Филаретъ и прочіе московскіе люди повѣрили обѣщаніямъ, и, чрезъ своихъ пословъ, во главѣ которыхъ находился извѣстный приверженецъ самозванцевъ Михайло Салтыковъ, объявили королю (27 генв. 1610 г.), что желаютъ имѣть государемъ въ Москвѣ сына его Владислава, но подъ условіемъ, если ненарушимо будутъ сохранены ихъ православная вѣра, права и вольности народныя. Послы постановили объ этомъ съ сенаторами короля и болѣе подробныя условія. Король, кромѣ того, прислалъ нареченному патріарху Филарету грамату (февр. 1610), въ которой, соглашаясь дать сына своего, королевича Владислава, государемъ въ Москву, удостовѣрялъ, что вѣры греческаго закона не нарушитъ ни въ чемъ ([102]). И хотя эти сношенія скоро должны были прекратиться,—потому что, послѣ бѣгства царика въ Калугу, воинскій станъ въ Тушинѣ (5-го марта) былъ зажженъ самими поляками и оставленъ всѣми, а

([102]) Рукопись Жолкевскаго, изд. *Мухановымъ*, стр. 24–27, Москв. 1835; Hist. Russ. Monum. II, № 92, p. 148; А. З. Р. IV, № 180; Дневникъ осады Смоленска, стр. 160–170, въ Прилож. къ т. III-му Исторіи смутнаго времени, *Бутурлина*. Грамата Сигизмунда къ Филарету напечатана во Временникѣ М. Истор. Общ. I, отд. III, 35—37. См. такъ же *Карамз.* XII, 105. 116—122; *Солов.* VIII, 294—298.

Филаретъ, котораго поляки взяли-было въ плѣнъ и повели съ собою «съ великою крѣпостію», на пути былъ освобожденъ русскими ратниками и прибылъ въ Москву,—но не остались безъ послѣдствій. Когда, по низверженіи Шуйскаго, въ Москвѣ начали разсуждать, кого избрать въ государи, польскій гетманъ Жолкевскій, стоявшій съ войскомъ въ Можайскѣ, настоятельно требовалъ, чтобы Москва признала своимъ царемъ Владислава, и прислалъ (31 іюля) самый договоръ, заключенный Сигизмундомъ съ Михаиломъ Салтыковымъ и другими русскими послами, приходившими подъ Смоленскъ изъ Тушина. Первый бояринъ князь Мстиславскій и другіе бояре, дѣйствительно, согласились избрать Владислава и объявили о томъ всенародно; патріархъ сильно противился, настаивая, чтобы избранъ былъ православный царь изъ русскихъ, и указывалъ двухъ кандидатовъ: князя Василія Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Самъ Филаретъ выѣзжалъ на лобное мѣсто и говорилъ народу: «не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленье надъ московскимъ государствомъ: хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть, и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». Но Жолкевскій и бояре превозмогли, Гермогенъ долженъ былъ уступить и сказалъ боярамъ: «если королевичъ крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не оставитъ латинской ереси, то отъ него во всемъ московскомъ государствѣ будетъ нарушена православная вѣра и да не будетъ на васъ нашего благословенія». Бояре заключили договоръ съ гетманомъ Жолкевскимъ, принявъ за основаніе тѣ условія, которыя постановлены были

самимъ королемъ подъ Смоленскомъ съ Салтыковымъ и его товарищами. Въ договорѣ ясно выражалось, что православная вѣра въ Россіи останется неприкосновенною, и что къ королю будутъ отправлены великіе послы бить челомъ, да крестится государь Владиславъ въ вѣру греческую. 27-го августа жители Москвы цѣловали крестъ новоизбранному государю на Дѣвичьемъ полѣ, а на другой день въ успенскомъ соборѣ, въ присутствіи самаго патріарха. Тутъ, въ числѣ другихъ, подошли къ патріарху за благословеніемъ Михайло Салтыковъ и его тушинскіе товарищи, и патріархъ сказалъ имъ: «если въ вашемъ намѣреніи нѣтъ обмана, и отъ вашего замышленія не произойдетъ нарушенія православной вѣры, то будь на васъ благословеніе отъ всего собора и отъ нашего смиренія; а если скрываете лесть, и отъ замышленія вашего произойдетъ нарушеніе православной вѣры, то да будетъ на васъ проклятіе» ([103]).

Патріархъ и бояре отъ лица всей земли русской избрали пословъ къ королю—ростовскаго митрополита Филарета, князя Василія Васильевича Голицына и еще нѣсколько свѣтскихъ и духовныхъ особъ, въ томъ числѣ и келаря троице-сергіева монастыря Авраамія Палицына, и дали имъ наказъ бить челомъ: а) чтобы Сигизмундъ пожаловалъ—отпустилъ своего сына Владислава на московское государство, а государь королевичъ Владиславъ крестился въ православную вѣру въ Смоленскѣ отъ ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, и уже православнымъ пришелъ въ Москву; б) чтобы Владиславъ, будучи на московскомъ

([103]) Новый Лѣтоп., во Времени. XVII, 120—121; Собр. Госуд. грам. I. № 203, стр. 608—609; № 204; Рукопись Филарета, въ Сборн. Муханова, № 195, стр. 296; *Солов.* VIII, 330—333.

престолѣ, отъ папы благословенія не просилъ и не принималъ, и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній по дѣламъ вѣры; в) чтобы дозволилъ казнить смертію тѣхъ изъ московскихъ людей, которые почему либо захотѣли бы отступить отъ православія въ латинскую вѣру; г) чтобы, когда приспѣетъ время, женился въ московскомъ государствѣ на дѣвицѣ греческаго закона; д) чтобы король, со всѣми своими ратями, отступилъ отъ Смоленска и не велѣлъ чинить ему никакой тѣсноты, и проч. Кромѣ того, патріархъ Гермогенъ далъ Филарету, какъ говоритъ послѣдній, «писаніе, избравъ отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, на укрѣпленіе всѣмъ намъ (т. е. посламъ), и противъ еретиковъ различныхъ многихъ еретическихъ вѣръ отвѣтъ, чесо ради крестити ихъ», и написалъ отъ имени всѣхъ русскихъ грамату къ Сигизмунду, въ которой говорилъ: «молимъ тебя, о великій самодержавный король, даруй намъ сына своего, Богомъ возлюбленнаго и избраннаго въ цари, въ нашу православную греческую вѣру, которую апостолы проповѣдали, св. отцы утвердили и которая доселѣ сіяетъ, какъ солнце....; молимъ и не престанемъ молить, пока не услышишь насъ и не даруешь намъ царя, принявшаго крещеніе въ нашу православную греческую вѣру»... Написалъ такъ же грамату и къ самому Владиславу и въ ней многократно умолялъ его: «прими св. крещеніе въ три погруженія, прими св. крещеніе въ нашу православную вѣру». Но когда послы прибыли къ королю подъ Смоленскъ (7-го окт.), ихъ начали проводить, съ ними спорили, имъ давали неопредѣленные отвѣты и, наконецъ, объявили, что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и Владиславъ; что король дастъ имъ Владислава въ

царя, но прежде долженъ испросить согласіе на то варшавскаго сейма, прежде желаетъ самъ вступить съ войсками въ Россію, уничтожить въ ней самозванца и совершенно умирить ее, и что Смоленскъ долженъ немедленно сдаться не Владиславу, а королю ([104]).

Между тѣмъ бояре, по настояніямъ Гетмана Жолкевскаго, впустили въ Москву польскихъ воиновъ, которые и заняли всѣ укрѣпленія въ ней, овладѣли пушками и снарядами и хотя на первыхъ порахъ вели себя чинно, но вскорѣ, по отъѣздѣ Жолкевскаго, начали своевольничать, выгнали дворянъ и купцовъ изъ Китая и Бѣлаго города, чтобъ помѣститься въ ихъ домахъ, запретили жителямъ носить оружіе, устроили себѣ костелъ въ старомъ домѣ Бориса Годунова, оскорбляли даже русскую святыню, хотя новый ихъ начальникъ Гонсѣвскій и старался обуздать ихъ. Сигизмундъ отъ собственнаго имени, какбудто настоящій государь московскій, сталъ присылать въ Москву указы и щедро награждалъ бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Михаила Салтыкова, Мосальскаго и другихъ, и такимъ образомъ подготовилъ себѣ въ Москвѣ сильную партію. Эти бояре, въ угодность королю, написали даже грамату, чтобы Филаретъ и другіе московскіе послы, находившіеся подъ Смоленскомъ, отдались во всемъ на волю королевскую. Но когда поднесли грамату для подписи

([104]) Собр. Госуд. Грам. II, №№ 201. 207; А. З. Р. IV, №№ 180 — 182; *Гамахов.* Историч. Хрестом. I, 371—373; *Карамз.* XII, 154; Соборное Изложеніе патріарха Филарета, въ Иноческ. Потребникѣ, Москв. 1639, л. 215 обор. Въ библіотекѣ москов. общества Исторіи и Древностей росс. есть Сборникъ, названный «крещеніе латинское», принадлежавшій патріарху Гермогену (по описи *Строева*, I, № 190). Не то ли это писаніе отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, которое избралъ самъ Гермогенъ и копію съ котораго далъ Филарету?

къ патріарху (6 декабря), онъ сказалъ: «чтобы король далъ сына своего на московское государство, и королевскихъ людей всѣхъ вывелъ изъ Москвы вонъ, и чтобы Владиславъ оставилъ латинскую ересь и принялъ греческую вѣру,—къ такой граматѣ я руку приложу, и прочимъ властямъ велю приложить, и васъ на то благословляю. А писать такъ, что мы всѣ полагаемся на королевскую волю, и чтобы наши послы положились на волю короля, того я и прочія власти не сдѣлаемъ, и вамъ не повелѣваю, и если не послушаете, наложу на васъ клятву: явное дѣло, что по такой граматѣ намъ пришлось бы цѣловать крестъ самому королю». Измѣнникъ Салтыковъ не вытерпѣлъ, началъ поносить патріарха и въ ярости схватилъ ножъ, чтобы его зарѣзать. Патріархъ громко отвѣчалъ: «не страшусь твоего ножа, вооружаюсь противъ него силою креста Христова, ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ сей вѣкъ и въ будущій». Бояре не послушались патріарха, и ихъ грамата 23 декабря была привезена подъ Смоленскъ. Но послы—Филаретъ, Голицынъ и другіе, выслушавъ эту грамату, прямо объявили ее незаконною потому, что подъ нею не было подписей патріарха и всего освященнаго собора, и отказались ей повиноваться. Когда паны стали требовать, чтобы послы исполнили боярскій указъ, и говорили, что патріархъ особа духовная и въ земскія дѣла не долженъ вмѣшиваться, послы отвѣчали: «изначала у насъ, въ русскомъ государствѣ, такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ, и съ ними совѣтывались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію,

встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ, такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты. Теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный; безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на Москвѣ были, то, безъ патріархова вѣдома, никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, да и въ вѣрющихъ граматахъ, и въ наказѣ, и во всякихъ дѣлахъ, въ началѣ писанъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь, безъ патріарховыхъ граматъ, по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать» ([105]).

Къ этому времени не стало втораго самозванца, тушинскаго вора: 11-го декабря онъ былъ убитъ. Узнавъ о погибели царика, русскіе въ Москвѣ обрадовались и начали говорить между собою, какъ бы теперь имъ соединиться по всей землѣ и стать противъ литовскихъ людей, цѣловали даже крестъ, чтобы выгнать литовскихъ людей, всѣхъ до одного, изъ московской страны, какъ извѣщалъ, за два дня до праздника Рождества Христова, Салтыковъ съ своими товарищами короля Сигизмунда. А чрезъ нѣсколько недѣль тотъ же Салтыковъ увѣдомлялъ короля, что патріархъ въ Москвѣ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ имъ: «если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и всѣ литовскіе люди не выдутъ изъ московской земли, королевичъ намъ не государь»; что такія же слова патріархъ и въ граматахъ своихъ писалъ во многіе города, и что москвичи, лучшіе и

([105]) Новый Лѣтоп., во Времени. XVII, 127—130; Собр. Госуд. Грам. II, №№ 208. 212. 216—221. 224; А. З. Р. IV, № 183; *Соловьев*. VIII, 398—399.

мелкіе, всѣ принялися, и хотятъ стоять противъ литовцевъ. Салтыковъ говорилъ правду. Русскіе начали переписываться между собою, чтобы подняться всею землею на защиту православной вѣры, которой угрожали поляки. Жители Смоленска, осажденнаго Сигизмундомъ, первые написали грамату (въ генварѣ 1611 г.) къ своимъ братьямъ всего московскаго государства и говорили, что королю и полякамъ вѣрить нельзя, что во всѣхъ городахъ и уѣздахъ смоленской области, гдѣ только имъ повѣрили и предались, православная вѣра ими поругана, церкви разорены и всѣ православные обращены въ латинство, что отпустить королевича Владислава государемъ на Москву въ Польшѣ и не думаютъ, а положилъ только сеймъ овладѣть всею московскою землею и опустошить ее, и что если русскіе хотятъ остаться православными и не сдѣлаться латинянами, то должны соединиться и общими силами прогнать отъ себя всѣхъ поляковъ. Прочитавъ эту грамату, москвичи разослали ее по другимъ городамъ вмѣстѣ съ своею, въ которой писали: «Ради Бога, судіи живыхъ и мертвыхъ, будьте съ нами за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ. У насъ корень царства; здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанъ, писанный евангелистомъ Лукою; здѣсь великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы: или вамъ, православнымъ христіанамъ, все это ни почемъ?... Повѣрьте, что вслѣдъ за предателями христіанства, Михаиломъ Салтыковымъ и Ѳедоромъ Андроновымъ съ товарищами, идутъ только немногіе; а у насъ, православныхъ христіанъ, Матерь Божія и московскіе чудотворцы, да первопрестольникъ апостольской церкви, святѣйшій Гермогенъ патріархъ, прямъ, какъ самъ пастырь,

душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ слѣдуютъ всѣ православные христіане». Нижегородцы давали знать въ Вологду: «27-го генваря писали къ намъ изъ Рязани воевода Прокопій Ляпуновъ и дворяне и всякіе люди рязанской области, что они, по благословенію святѣйшаго Гермогена, патріарха московскаго, собравшись со всѣми сѣверскими и украинскими городами, и съ Калугою, идутъ на польскихъ и литовскихъ людей къ Москвѣ, и намъ бы такъ же идти... И мы, по благословенію и по приказу святѣйшаго Гермогена, собравшись со всѣми людьми изъ Нижняго и съ окольными людьми идемъ къ Москвѣ, а съ ними многіе ратные люди разныхъ и окольныхъ и низовыхъ городовъ» ([106]).

Такое единодушное возстаніе русскихъ и движеніе къ Москвѣ сильно встревожило поляковъ и московскихъ бояръ, преданныхъ Сигизмунду. Салтыковъ съ своими сообщниками пришелъ къ патріарху и сказалъ: «ты писалъ по городамъ, велѣлъ идти къ Москвѣ; теперь напиши, чтобъ не ходили». «Напишу, отвѣчалъ патріархъ, чтобъ возвратились, если ты и всѣ находящіеся съ тобою измѣнники и королевскіе люди выйдете вонъ изъ Москвы; если же не выйдете, то благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца; ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и разореніе св. Божіихъ церквей, и не могу болѣе слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ». Измѣнники вышли отъ патріарха и приставили къ нему воинскую стражу, чтобы къ нему никто не могъ приходить. Въ вербное воскресенье (17 марта), они выпустили Гермогена изъ-подъ стражи, чтобы онъ совершилъ обычное торжественное шествіе на осляти; по площадямъ стояли ляхи и нѣмцы, пѣхота и всадники, съ

([106]) Собр. Госуд. Грам. II, №№ 226. 227. 229.

обнаженными саблями и пушками, но изъ православныхъ москвичей никто не шелъ за вербою: разнесся слухъ, что Салтыковъ и поляки хотятъ во время хода изрубить патріарха и безоружный народъ. Во вторникъ на страстной седмицѣ дѣйствительно произошло столкновеніе королевскихъ войскъ въ Москвѣ съ жителями; началась страшная рѣзня, продолжавшаяся сряду два дня, и поляки, не имѣя силъ одолѣть русскихъ, зажгли Москву въ разныхъ мѣстахъ и выжгли ее совершенно, кромѣ Кремля и Китая-города, гдѣ сами укрывались отъ огня. Несчастные жители бѣжали вонъ изъ города, а королевскіе люди и русскіе воры, съ торжествомъ возвратившись въ Кремль, свели Гермогена съ патріаршаго престола и заключили въ Чудовомъ монастырѣ, а по другимъ, на кирилловскомъ подворьѣ, подъ крѣпкую стражу. Въ понедѣльникъ на святой недѣли все русское ополченіе изъ городовъ, въ числѣ 100,000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ; 1-го апрѣля приблизилось къ стѣнамъ Бѣлаго города, и съ того времени начались почти ежедневныя сшибки русскихъ съ поляками, продолжавшіяся нѣсколько мѣсяцевъ. Осажденные поляки въ Кремлѣ и Китай-городѣ находились въ крайности и число ихъ постоянно уменьшалось. Салтыковъ и Гонсѣвскій не разъ присылали къ патріарху Гермогену, и сами иногда приходили и говорили: «вели ратнымъ людямъ, стоящимъ подъ Москвою, идти прочь; а если не послушаешь насъ, мы велимъ уморить тебя злою смертію». Гермогенъ отвѣчалъ: «что вы мнѣ угрожаете? Боюсь одного Бога. Если всѣ вы, литовскіе люди, пойдете изъ московскаго государства, я благословлю русское ополченіе идти отъ Москвы; но если останетесь здѣсь, я благословляю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру». Къ несчастію, между воеводами русской

рати начались великія несогласія, и лучшій изъ нихъ Прокопій Ляпуновъ былъ убитъ казаками, а другой атаманъ казаковъ Заруцкій, дерзкій и буйный, принявъ подъ свое покровительство вдову обоихъ самозванцевъ Марину, вздумалъ искать себѣ сообщниковъ, чтобы возвести на московскій престолъ сына ея, еще младенца. Услышавъ объ этомъ, Гермогенъ не утерпѣлъ и нашелъ возможность послать (въ августѣ) изъ своего заключенія грамату въ Нижній-Новгородъ, въ которой говорилъ: «пишите въ Казань къ митрополиту Ефрему: пусть пошлетъ въ полки къ боярамъ и къ казацкому войску учительную грамату, чтобы они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство,—я не благословляю. Да и въ Вологду пишите къ властямъ о томъ, и къ рязанскому владыкѣ: пусть пошлетъ въ полки учительную грамату къ боярамъ, чтобъ унимали грабежъ, сохраняли братство, и какъ обѣщались положить души свои за домъ Пречистой и за чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣ города пишите, что сына Маринки отнюдь не надо на царство; вездѣ говорите моимъ именемъ». Это была, сколько извѣстно, уже послѣдняя грамата доблестнаго іерарха. Многіе ополченцы, по смерти Ляпунова, оставили Москву и возвратились въ свои дома; другіе, хотя и продолжали осаду, но не успѣли взять Кремля и освободить своего первосвятителя. Болѣе девяти мѣсяцевъ томился онъ въ своемъ тяжкомъ заключеніи, и 17-го генваря 1612 г. скончался насильственною смертію ([107]).

([107]) Новый Лѣтоп. во Временн., XVII, 131—138; Рукопись Филарета, въ Сборн. Муханова, № 195, стр. 306—319; *Беръ* въ Сказаніи современн. о Димитріѣ самозв., I, 209; *Маскѣвич.* тамъ же V, 87. 226; Никон. Лѣтоп. VIII,

Заключивъ патріарха Гермогена въ Чудовомъ монастырѣ, бояре-измѣнники тотчасъ вывели оттуда прежняго патріарха Игнатія и посадили на патріаршемъ престолѣ. Это было явное беззаконіе: потому что Игнатій, какъ мы видѣли, лишенъ былъ соборомъ не только патріаршества, но и архіерейства. И самъ Игнатій, хотя и совершилъ для нихъ въ день Пасхи (24 марта 1611 г.) богослуженіе въ Кремлѣ, но вѣрно понималъ, какъ будутъ смотрѣть на него духовенство и всѣ православные въ Россіи, а потому счелъ за лучшее бѣжать въ Литву. По крайней мѣрѣ, спустя шесть мѣсяцевъ, его уже не было въ Москвѣ. Грамата, которую 5 октября послали къ

155—158; *Карамз.* XII, примѣч. 745; Собр. Госуд. Грам. II, № 268; А. Э. II, № 194. Гермогена держали подъ строгою стражею и никого къ нему не пускали, такъ что никто съ точностію не зналъ, отъ чего онъ скончался. Потому и извѣстія о кончинѣ его различны. Напримѣръ, въ рукописи Филарета говорится: «того же лѣта (1612) генваря въ 17 день святѣйшій Ермогенъ патріархъ мученически за вѣру Христову скончасъ, *отъ злоя затконшася*..., и положенъ бысть во градѣ Москвѣ, въ пременитой обители чюдовской, на обѣщанье его» (Сборн. Муханов., 319). Въ граматѣ царя Михаила Ѳедоровича (1613 г.) къ цареградскому патріарху: «святѣйшаго Гермогена, патріарха московскаго и всея Руси съ престола свергли и въ заточеніи *уморили*» (Сношен. Россіи съ Восток. I, 333). Въ Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи: «святѣйшаго Гермогена... во храминѣ пустѣ, яко во гробѣ, затвориша...; сей же, зѣло озлобленъ *въ велицѣмъ заточеніи* къ Богу отъиде» (Дополн. А. И. II, стр. 197). Въ Никоновой лѣтописи: «и оттолѣ начаша его морити гладомъ, и *умориша его гладною смертію*, и предаетъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 7120 (1612), мѣсяца февраля въ 17 день, и погребенъ бысть на Москвѣ, въ монастырѣ чуда архистратига Михаила» —VIII, 177). Тоже и въ Новомъ Лѣтописцѣ (Временник. XVII, 146). Въ посланіи архимандрита троице-сергіева монастыря Діонисія: «со престола безчестне изринуша и во изгнаніи *нужне умориша*» (А. Э. II, № 202). Въ граматѣ объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство: «въ заточеніе посадя, злою мучительскою смертью не крестьянски уморили» (Собр. Госуд. Грам. I, 203, стр. 609; III, № 7, стр. 27). По польскимъ извѣстіямъ: «Гермогенъ патріархъ лишенъ достоинства, а потомъ (17 февр. 1612) *удавленъ былъ*» (*Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I. отд. II, стр. 116).

Сигизмунду бояре, осажденные въ Кремлѣ, начиналась такъ: «Наияснѣйшему великому государю Жигимонту III... ваши господарскіе богомольцы, Арсеній архіепископъ архангельскій, и архимандриты, и игумены, и весь освященный соборъ, и ваши государскіе вѣрные подданные, бояре и окольничіе и всѣхъ чиновъ люди, которые нынѣ на Москвѣ, челомъ бьютъ». Значитъ, кромѣ Арсенія елассонскаго, другихъ архіереевъ и патріарха Игнатія тогда въ Москвѣ не было (108). Близъ Смоленска Игнатій былъ схваченъ поляками и представленъ королю Сигизмунду III, который предложилъ ему на волю — или возвратиться въ Москву или остаться въ польскихъ владѣніяхъ. Игнатій избралъ послѣднее, и пожелалъ поселиться въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, находившемся тогда во власти уніатовъ. Здѣсь Игнатій, сочувствовавшій и прежде уніи, открыто принялъ ее отъ архимандрита Велямина Рутскаго, вскорѣ сдѣлавшагося уніатскимъ митрополитомъ. Въ генварѣ 1615 г. король Сигизмундъ пожаловалъ Игнатію на содержаніе его дворецъ или фольварокъ папинскій съ присѣлками, принадлежавшій витебской архіерейской каѳедрѣ. Въ концѣ 1616 года польскій королевичъ Владиславъ, вступивъ въ предѣлы Россіи, чтобы отвоевать себѣ царскій престолъ, нѣкогда ему предложенный, писалъ русскимъ въ своей грамате (отъ 25 декабря): «мы нашимъ царскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ, и уже въ дорогѣ; а съ нами будутъ патріархъ Игнатій да архіепископъ смоленскій Сергій (находившійся въ плѣну со взятія Смоленска)», хотя, какъ извѣстно, королевичъ не достигъ своей цѣли. Въ Вильнѣ оказы-

---

(108) Никон. Лѣтоп. VIII, 159 — 160; Новый Лѣтоп., во Временн. XVII, отд. II, 133—134; *Карамз.* XII, 174; Собр. Госуд. Грам. II, № 272.

вали Игнатію его новые единовѣрцы, т. е. уніаты, надлежащее уваженіе и даже позволяли иногда служить въ каѳедральной церкви. Скончался Игнатій около 1640 г. и погребенъ въ томъ же виленскомъ троицкомъ монастырѣ, въ одномъ склепѣ съ митрополитомъ Веляминомъ Рутскимъ. Но въ 1655 г., когда Вильною овладѣли русскіе, они взяли, если вѣрить уніатскому преданію, тѣла обоихъ этихъ владыкъ, будтобы еще не предавшіяся тлѣнію, и увезли въ Москву. Преданіе болѣе чѣмъ сомнительное. Русскіе, когда еще живъ былъ Игнатій и проживалъ въ Вильнѣ, проклинали его торжественно, наравнѣ съ Исидоромъ-митрополитомъ: съ какою же цѣлію они могли бы взять въ Москву тѣло проклятаго человѣка? ([109]).

Великое дѣло, за которое съ такою пламенною ревностію и несокрушимымъ мужествомъ стоялъ и умеръ великій первосвятитель Гермогенъ, съ нимъ не умерло, но скоро доведено было до счастливаго окончанія. Какъ только разнеслась вѣсть, что Москва сожжена и разорена поляками и измѣнниками, что патріархъ заключенъ ими подъ стражу, обитель преп. Сергія, еще недавно выдержавшая такую продолжительную осаду отъ враговъ, возвысила свой голосъ на всю Россію и стала во главѣ народнаго движенія. Настоятелемъ лавры былъ тогда архимандритъ Діонисій. Онъ пріобрѣлъ, управляя еще старицкою обителію, особенную любовь патріарха Гермогена своимъ умомъ, благочестіемъ и ревностію къ долгу, и почти постоянно находился въ Москвѣ при патріархѣ, часто служилъ съ нимъ, участвовалъ въ его совѣтахъ, ратовалъ

([109]) Левъ Кишка—у *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. лѣтоп., подъ 1655 годомъ, стр. 311; *Кульчинск.* Specimen. eccl. Ruthen. III, p. 227; *Стебельск.* Chronol., str. 255—256. 302; *Harasiew.* Annal. eccl. Ruthen., p. 313; А. З. Р.

вмѣстѣ съ нимъ противъ измѣнниковъ, покушавшихся свергнуть царя Шуйскаго, и въ началѣ 1610 г., по волѣ царя и патріарха, назначенъ настоятелемъ лавры, на мѣсто архимандрита Іоасафа, удалившагося на покой въ пафнутіевъ монастырь. Этотъ-то Діонисій, какъ настоятель лавры, и келарь лавры Авраамій Палицынъ со всею братіею начали разсылать по городамъ, одну за другою, свои граматы, исполненныя высокаго патріотизма, и извѣщая соотечественниковъ объ участи, постигшей первопрестольный градъ и патріарха Гермогена, призывали всѣхъ возстать единодушно за св. вѣру и отечество противъ враговъ. Такихъ граматъ извѣстно нынѣ три: одна писана въ іюлѣ 1611 года, другая 6 октября того же года, третья въ апрѣлѣ 1612 года.

Въ основныхъ чертахъ всѣ эти граматы или посланія дословно сходны между собою, а разнятся только нѣкоторыми историческими частностями. «Праведнымъ судомъ Божіимъ, за умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства, въ прошлыхъ годахъ учинилось въ московскомъ государствѣ междуусобіе, не только вообще между народомъ христіанскимъ, но и между близкими родственниками; отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца, и пролилась родная кровь»,—такъ начиналъ Діонисій свои посланія. Сказавъ затѣмъ довольно подробно. что нашлись предатели, каковы: Михайла Салтыковъ, Ѳедоръ Андроновъ и ихъ совѣтники, которые приложились къ вѣч-

---

IV, № 190; А. П. III, № 72, стр. 68. Въ жировицкомъ уніатскомъ Помянникѣ Игнатій поставленъ даже первымъ въ ряду уніатскихъ первосвятителей, и за нимъ уже слѣдуютъ: Михаилъ Рогоза, Ипатій Поѣй и проч. (Рукописн Отдѣл. Вилен. публичн. библіот. I, 52. 155. Въ 1634 году московскій патріархъ Іоасафъ въ одной граматѣ, изданной отъ лица собора, писалъ: «Исидора треклятаго митрополита и Игнатія патріарха церкви соборная проклинаетъ, и мы проклинаемъ» (Русск. Истор. Библіот. II, № 160).

нымъ врагамъ православнаго христіанства польскимъ и литовскимъ людямъ, впустили ихъ въ Москву, сожгли, вмѣстѣ съ ними, столицу, истребили множество жителей, разорили церкви, поругались святынѣ, низвергли съ престола патріарха Гермогена, и что, въ виду такого страшнаго разоренія, многіе уже православные изъ разныхъ городовъ подвиглись съ своими ратями къ Москвѣ, чтобы не до конца погибла православная вѣра, Діонисій убѣждалъ и тѣхъ, къ кому слалъ посланіе, чтобы они также спѣшили съ своею помощію къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ враговъ, и говорилъ: «вспомните, православные, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, св. крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. единосущную Троицу, и, возложивъ упованіе на силу животворящаго креста, Бога ради покажите свой подвигъ, молите своихъ служилыхъ людей, чтобъ всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ соединеніи и стать съобща противъ нашихъ предателей и противъ вѣчныхъ враговъ креста Христова, польскихъ и литовскихъ людей Сами видите, сколько погубили они христіанъ во всѣхъ городахъ, которыми завладѣли, и какое разореніе учинили въ московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божіи церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ вообще народъ христіанскій? Не всѣ ли скончались лютыми и горькими смертями? Гдѣ безчисленное множество работныхъ людей въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли пострадали и разведены въ плѣнъ? Не усрамились и сѣдинъ многолѣтнихъ старцевъ, не пощадили и незлобивыхъ младенцевъ. Смилуйтесь предъ общею смертною погибелію, чтобъ и

васъ не постигла такая же лютая смерть. Пусть ваши служилые люди, безъ всякаго мѣшканья, спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу надлежитъ одно время, безвременное же всякому дѣлу начинаніе бываетъ суетно и безплодно. Если и есть въ вашихъ предѣлахъ недовольные, Бога ради отложите то на время, чтобъ всѣмъ вамъ единодушно потрудиться для избавленія православной вѣры отъ враговъ, пока къ нимъ помощь не пришла. Смилуйтесь и умилитесь и поспѣшите на это дѣло; помогите ратными людьми и казною, чтобъ собранное теперь здѣсь подъ Москвою воинство отъ скудости не разошлось. О томъ много и слезно, всѣмъ народомъ христіанскимъ, бьемъ вамъ челомъ». Граматы, разсылавшіяся изъ лавры, производили вездѣ глубокое впечатлѣніе. Первые отозвались на нихъ и поднялись на спасеніе отечества нижегородцы, имѣя во главѣ двухъ доблестныхъ мужей, земскаго старосту своего Козму Минина Сухорукова и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. За нижегородцами послѣдовали и другіе, и къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ двинулись новыя русскія ополченія. Изъ Казани, для одушевленія ихъ, принесена была копія съ новоявленной чудотворной иконы Богоматери. Троице-Сергіева лавра напутствовала ихъ къ столицѣ своими благословеніями и молитвами. Келарь Авраамій Палицынъ постоянно находился среди этихъ ополченій, и своими рѣчами примирялъ, вразумлялъ, ободрялъ вождей и воиновъ. Въ 22-й день октября 1612 г. они овладѣли Китай-городомъ, вслѣдствіе чего осажденные въ Кремлѣ принуждены были сами собою сдаться; а 27-го ноября Москва совершенно была освобождена отъ поляковъ и измѣнниковъ.

И вся земля русская возрадовалась и возблагодарила Бога. Въ память этого освобожденія Москвы, помощію Богородицы, начавшагося 22 октября, когда взятъ былъ русскими Китай-городъ, вскорѣ установлено праздновать 22-е число октября въ честь казанской чудотворной иконы Богородицы ([110]).

Имя патріарха Гермогена должно остаться безсмертнымъ съ исторіи Россіи и русской церкви: потому что онъ ревностнѣе, мужественнѣе, непоколебимѣе всѣхъ постоялъ за ту и другую, онъ преимущественно спасъ ихъ въ самую критическую минуту ихъ жизни, когда имъ угрожала крайняя опасность попасть подъ власть Польши и іезуитовъ и потерять свою самобытность. Неудивительно, если первосвятителя этого такъ высоко цѣнили и уважали современные ему русскіе люди. Они видѣли въ немъ «мужа, зѣло премудростію украшена, и въ книжномъ ученіи изящна, и въ чистотѣ житія извѣстна»; называли его «противу враговъ крѣпкимъ и непобѣдимымъ стоятелемъ», также «твердымъ адамантомъ и непоколебимымъ столпомъ, крѣпкимъ поборникомъ по православной истинной христіанской вѣрѣ», и восхваляли его, какъ «новаго исповѣдника и поборателя по православной вѣрѣ», какъ «втораго великаго Златоуста, исправляющаго несумнѣнно, безо всякаго страха, слова Христовы, истины обличителя на пре-

---

([110]) Житіе преп. Діонисія, въ Рукопис. троице-серг. лавры, № 700, л. 19 об.—21; А. Э. II, №№ 190. 202; Собр. Госуд. Грам. II, № 275: Новый Лѣтоп., во Временн. XVII, отд. II, 139. 144—160. 164—165; Никон. Лѣт. VIII 167. 174—197. 209—210. Авраамій Палицынъ ясно говоритъ только о трехъ случаяхъ разсылки граматъ изъ лавры (Сказан. объ осадѣ троице-сергіева монастыря, гл. 71, 73, стр. 218. 222. 226). О молебствіяхъ по всей Россіи, по случаю освобожденія Москвы отъ поляковъ—Русск. Истор. Библіот. II, № 101.

дателей и разорителей христіанскія вѣры» ([111]). Нашелся только одинъ, неизвѣстный по имени, тогдашній лѣтописатель, который желалъ указать и темныя стороны въ характерѣ и дѣятельности патріарха Гермогена, но мало заслуживаетъ вѣры. Онъ говоритъ, во первыхъ, что Гермогенъ былъ «нравомъ грубъ», нескоро разрѣшалъ подвергавшихся запрещенію, не умѣлъ различать быстро добрыхъ и злыхъ, былъ довѣрчивъ и благосклоненъ болѣе къ людямъ льстивымъ и лукавымъ: противъ этого, за неимѣніемъ данныхъ, мы ничего сказать не можемъ. Говоритъ, во вторыхъ, будто Гермогенъ во всемъ вѣрилъ льстивымъ словамъ мятежниковъ, соплетавшихъ разныя клеветы на царя Василія Ивановича Шуйскаго и возбуждавшихъ противъ него ненависть, и потому «къ царю Василію строптиво, а не благолѣпно бесѣдоваше всегда», имѣя къ нему въ сердцѣ ненависть, и не совѣщался съ царемъ «отчелюбно», какъ бы слѣдовало, чтобы разрушить коварства супостатовъ и измѣнниковъ: противъ этого обвиненія вопіетъ вся дѣятельность Гермогена, который постоянно ратовалъ противъ измѣнниковъ, постоянно былъ преданъ царю Василію, какъ никто, и со слезами отстаивалъ его даже тогда, когда всѣ на него возстали, терпѣлъ за него хулы, безчестіе, побои. Говоритъ, наконецъ, что когда, по низверженіи царя Василія, Москва попала въ руки супостатовъ, тогда Гермогенъ захотѣлъ показать себя непреоборимымъ пастыремъ по народѣ, но было уже поздно, время ушло, и хотя онъ стоялъ противъ клятвопреступныхъ мятежниковъ и обличалъ

([111]) Дополн. А. И. II, № 76, стр. 196; Рукоп. Филарета, въ Сборн. *Мухан.* № 195, стр. 278, 304; А. Э. II, №№ 190, 202; Собр. Госуд. Грам. I, № 203, стр. 509; II, № 251, стр. 536; III, № 7, стр. 27.

нихъ, но самъ былъ взятъ ими и уморенъ голодомъ; и тутъ явная неправда, потому что Гермогенъ началъ стоять противъ мятежниковъ не по сверженіи царя Василія, а съ самаго вступленія своего на патріаршескую каѳедру и неизмѣнно ратовалъ противъ нихъ во все царствованіе Василія. Впрочемъ, и этотъ безъименный лѣтописатель сознается, что Гермогенъ «бысть словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ, о божественныхъ же словесѣхъ всегда упражняшеся, и вся книги ветхаго завѣта и новыя благодати, и уставы церковныя, и правила законныя, до конца извыче» (112).

IV.

Несмотря на заключеніе патріарха Гермогена въ чудовской обители, съ 20 или 21 марта 1611 г., онъ и былъ и признавался истиннымъ патріархомъ по всей Россіи до самой своей кончины, какъ можно заключать изъ извѣстнаго уже намъ посланія его въ Нижній-Новгородъ, писаннаго въ авгу-

(112) Хронографъ XVII вѣка—см. *Попова*, Изборникъ статей, внесен. въ русск. хроногр., стр. 200 — 201. Тоже у *Арцыбашева*, Повѣств. о Россіи, III, стр. 305, примѣч. 1603. Въ рукописи московской дух. Академіи, № 175, находится статья подъ заглавіемъ: «Новая повѣсть о преславномъ россійскомъ царствѣ... и о страданіи новаго страстотерпца святѣйшаго Ермогена патріарха» (л. 369). Повѣсть эта есть собственно воззваніе къ гражданамъ Москвы и Россіи одного изъ московскихъ бояръ, сидѣвшихъ съ поляками въ Кремлѣ (1610—1612), призывавшее къ возстанію. Здѣсь авторъ сначала весьма восхваляетъ Гермогена и говоритъ, что онъ одинъ въ Москвѣ, какъ адамантовый столпъ, стоитъ за православную вѣру и отечество, а потомъ завѣряетъ, что если патріархъ самъ и не призываетъ сыновъ отечества къ возстанію и кровопролитію, стѣсняясь своимъ духовнымъ саномъ, то благословляетъ это возстаніе. Статья писана въ то время, когда наши послы, находившіеся подъ Смоленскомъ, еще не были посланы въ заточеніе, и самъ Гермогенъ, кажется, еще не находился подъ стражей.

стѣ того года. Но съ кончины Гермогена, т. е. съ 17 генв. 1612 г., насталъ для русской церкви періодъ между-патріаршества, продолжавшійся болѣе семи лѣтъ.

Когда Гермогена не стало, естественно было ожидать, что управленіе дѣлами церкви. впредь до выбора новаго патріарха, приметъ въ свои руки митрополитъ крутицкій: такъ какъ крутицкіе владыки, постоянно жившіе въ Москвѣ, издавна считались помощниками и какбы викаріями московскаго первосвятителя. Но на Крутицахъ не было въ то время архипастыря: крутицкій митрополитъ Пафнутій, бывшій при Гермогенѣ и, по его порученію, двукратно ѣздившій въ Старицу, для приглашенія патріарха Іова въ Москву и потомъ для его погребенія, уже скончался, неизвѣстно, когда и какою смертію. Первымъ изъ русскихъ митрополитовъ, послѣ патріарха, былъ новгородскій. А потому, ему бы слѣдовало, когда не стало на Руси ни патріарха, ни даже его помощника—крутицкаго митрополита, сдѣлаться временнымъ управителемъ церковныхъ дѣлъ. Но Новгородъ находился тогда подъ властію шведовъ, хотѣлъ себѣ въ государи шведскаго королевича и и какбы отдѣлился отъ Россіи. Вслѣдствіе чего тогдашній митрополитъ новгородскій Исидоръ не могъ завѣдывать управленіемъ русской церкви и вообще не участвовалъ ни въ какихъ дѣлахъ московскаго государства и церкви, пока Новгородъ снова не перешелъ подъ власть Россіи (въ мартѣ 1617 г.) ([113]). Вторымъ митрополитомъ, послѣ новгородскаго, признавался казанскій: ему-то и пришлось, по смерти Гермогена, стать на время во главѣ нашей іерархіи.

([113]) *Соловьев*. Истор. Россія, VIII, 428—430; IX, 111—115.

Вскорѣ послѣ этой смерти, и именно въ великомъ посту 1612 г., казанскій митрополитъ Ефремъ рукоположилъ въ Казани архимандрита спасо-евфиміева монастыря Герасима въ архіепископа суздальскаго и торусскаго. А 29 іюля тогоже года князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій отъ имени всѣхъ чиновъ, собравшихся въ Москвѣ съ ополченіемъ, писалъ къ Ефрему слѣдующую грамату: «За преумноженіе грѣховъ всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу московскаго государства и вождя людямъ, государя царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ, святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси. Да и по городамъ многіе пастыри и учители, митрополиты, архіепископы и епископы, какъ пресвѣтлыя звѣзды, погасли, и теперь остались мы сиротствующими, въ поношеніе и посмѣяніе и поруганіе народамъ. Но еще не до конца оставилъ насъ Господь: даровалъ намъ единое утѣшеніе, поставивъ тебя, великаго господина, какъ нѣкое великое свѣтило на свѣщницѣ, сіяющее въ россійскомъ государствѣ... У насъ теперь, великій господинъ, скорбь не малая, что подъ Москвою вся земля въ собраньѣ, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ; одна соборная церковь пречистой Богородицы осталась на Крутицахъ, и та вдовствуетъ. И мы, по совѣту всей земли, приговорили: въ дому пречистой Богородицы на Крутицахъ быть митрополитомъ игумену сторожевскаго монастыря Исаіи; онъ отъ многихъ свидѣтельствованъ, что имѣетъ житіе по Богѣ. И мы игумена Исаію послали къ тебѣ, великому господину, въ Казань, и молимъ твое преподобіе всею землею, чтобъ не оставилъ насъ

въ послѣдней скорби, совершилъ игумена Исаію митрополитомъ на Крутицы, и отпустилъ его подъ Москву къ намъ въ полки поскорѣе, да и ризницу бы далъ ему полную, потому что церковь крутицкая въ крайнемъ оскудѣніи и разореніи». Это ясно свидѣтельствуетъ, что на Ефрема смотрѣли тогда всѣ, какъ на главнаго архипастыря въ Россіи, хотя онъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, и не исполнилъ обращенной къ нему просьбы отъ лица русской земли, не произвелъ Исаіи въ крутицкаго митрополита ([114]). Какъ только освободили русскіе Москву отъ ляховъ и измѣнниковъ, то рѣшили избрать себѣ новаго царя и для этого созвали въ Москвѣ земскій соборъ. Въ 21 день февраля 1613 г., въ недѣлю православія, избранъ былъ всею русскою землею новый православный государь, сынъ ростовскаго митрополита Филарета, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ Мая 2-го онъ торжественно вошелъ въ Москву и вступилъ на царскій престолъ. А 11-го іюля совершилось въ успенскомъ соборѣ священное вѣнчаніе и муропомазаніе новаго царя на царство, —и это священнодѣйствіе совершалъ казанскій митрополитъ Ефремъ. Царская казна была пуста, и не на что было содержать ратныхъ людей, которымъ много еще было тогда дѣла въ русской землѣ. Члены земскаго собора постановили бить челомъ государю, чтобы онъ послалъ во всѣ города для денежныхъ сборовъ и для хлѣбныхъ и всякихъ припасовъ сборщиковъ отъ своего царскаго лица, чѣмъ бы ему, великому государю, ратныхъ людей пожаловать. И новый царь еще 24 мая разослалъ такія граматы и, между прочимъ, писалъ къ извѣстнымъ богачамъ

([114]) Истор. Росс. іерархіи, I, 340, изд. 2; *Строев.* Списки іерарховъ Росс. церкви, стр. 656; Собр. Госуд. Грам. II, № 283.

Строгановымъ, чтобы они уплатили слѣдующіе съ нихъ въ казну доходы и отпустили въ займы денегъ и разныхъ припасовъ на войско. Вмѣстѣ съ царскими разослали свои граматы, въ томъ числѣ и къ Строгановымъ, и русскіе архипастыри, которые всѣ находились тогда въ Москвѣ, и именемъ православной вѣры и отечества убѣждали всѣхъ исполнить приказаніе государя и рѣшеніе земскаго собора. Подъ этими граматами подписались—два митрополита: Ефремъ казанскій и Кириллъ ростовскій, три архіепископа: Герасимъ суздальскій, Θеодоритъ рязанскій и Арсеній архангельскій и тверскій, и два епископа: Сильвестръ корельскій и Іосифъ коломенскій. Вотъ сколько оставалось тогда русскихъ архіереевъ, и между ними первенствовалъ Ефремъ! Земскій соборъ опредѣлилъ на утвержденіе и въ память будущимъ родамъ написать уложенную грамату объ избраніи на царство царя Михаила Θеодоровича,—и эту грамату, въ концѣ тогоже мая, подписали, прежде всѣхъ: три митрополита: Ефремъ казанскій, Кириллъ ростовскій и Іона сарскій и подонскій, три архіепископа: Герасимъ суздальскій, Θеодоритъ рязанскій и Арсеній архангельскій и два епископа: Іосифъ коломенскій и Сильвестръ корельскій. Знакъ, что послѣ 24 мая поставленъ уже былъ митрополитъ и на Крутицу—Іона сарскій и подонскій, но первенствующимъ оставался Ефремъ казанскій. Къ концу 1613 г., (26 дек.) казанскій архипастырь скончался, и тогда-то уже, по волѣ государя, управленіе русскою церковію поручено было крутицкому митрополиту Іонѣ ([115]).

([115]) Собр. Госуд. Грам., I, № 203; III, № 16; А. Э. III, №№ 3. 4: *Строев.* Списки іерарховъ, стр. 288. На соборѣ московскомъ въ 1620 г. патріархъ Филаретъ Никитичъ, между прочимъ, сказалъ Іонѣ митрополиту кру-

Служеніе русскаго духовенства отечеству, въ такой степени проявившееся въ смутное время, особенно при патріархѣ Гермогенѣ, было очень ощутительно и во все время междупатріаршества: такъ какъ и новое правительство, которому предлежало столько трудовъ, чтобы совершенно очистить землю русскую отъ внѣшнихъ враговъ и измѣнниковъ и водворить въ ней порядокъ и тишину, истинно нуждалось въ поддержкѣ и содѣйствіи со стороны церковной власти. Въ Москвѣ воцарился избранникъ русской земли, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ; а на юго-востокѣ Россіи, въ Астрахани, свирѣпствовалъ съ своею шайкою Заруцкій, сопровождаемый извѣстною Мариною и ея сыномъ. Новый государь послалъ свои царскія граматы (отъ 18 марта 1614 г.) къ донскому и волжскому казачьимъ войскамъ, убѣждая ихъ помогать его воеводамъ, отправляться противъ Заруцкаго; писалъ такъ же къ самому Заруцкому, приглашая его покориться законной власти и обѣщая ему прощеніе. Въ тотъ же день послали свои граматы и къ обоимъ казачьимъ войскамъ, донскому и волжскому, и къ Заруцкому наши архипастыри со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и старались склонить ихъ къ исполненію воли государевой своими духовными увѣщаніями и угрозою анаѳемы. На сѣверѣ Россіи, въ предѣлахъ новгородскихъ, хозяйничали шведы, осаждали и разоряли города, — и государь, по рѣшенію всего освященнаго собора, бояръ и другихъ чиновъ, отправлялъ (4 сент. 1614 г.) суздальскаго архіепископа Герасима и чудовскаго архимандрита Авраамія. съ двумя свѣтскими лицами, въ Ярославль, чтобы

тицкому слѣдующее: «до нашего святительства шесть лѣтъ паслъ сеи соборную церковь» (Соборъ на митроп. крутицк. Іону, въ Рукописн. Сборн. троице-серг. лавры, № 741, л. 55 об.).

убѣждать находившихся там казаков и их атаманов къ походу на Тихвинъ для освобожденія его отъ шведскаго войска. Подъ Смоленскомъ и вообще на западной окраинѣ Россіи продолжалась борьба между русскими войсками и польскими. А такъ какъ въ рядахъ польскихъ воиновъ находилось не мало и уніатовъ, бывшихъ прежде православными и жившихъ въ областяхъ, которыя принадлежали нѣкогда московскому государству, то наши митрополиты, архіепископы и епископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ послали въ тѣ области, одно за другимъ, два свои воззванія. Здѣсь, напоминая жителямъ западно-русскаго края объ ихъ русскомъ происхожденіи и о той вѣрѣ, въ которой они родились и которой теперь измѣнили, о дорогихъ сердцу русскому угодникахъ Божіихъ, просіявшихъ въ Россіи, святителяхъ Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ, князѣ черниговскомъ Михаилѣ и бояринѣ его Θеодорѣ, препод. Сергіѣ, Варлаамѣ и другихъ, умоляли этихъ жителей покаяться и снова обратиться къ истинной христіанской вѣрѣ, данной отъ Бога, и къ государю царю и великому князю Михаилу Θедоровичу, давали обѣщаніе разрѣшить имъ грѣхъ отступничества и исходатайствовать имъ щедрыя милости отъ государя. Для жалованья ратнымъ людямъ, которыхъ необходимо было содержать тогда въ большомъ количествѣ, правительство крайне нуждалось въ матеріальныхъ средствахъ. И потому на земскомъ соборѣ (1616 г.), на которомъ присутствовали и митрополиты, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, было приговорено: на ратныхъ людей собрать со всѣхъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, со всѣхъ селъ и волостей, вотчинъ и помѣстій, въ томъ числѣ, и съ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ

и монастырскихъ, сошныя деньги, а съ гостей и торговыхъ людей, въ томъ числѣ и съ монастырей производившихъ торгъ, пятую деньгу. На земскомъ соборѣ въ 1618 г., когда польскій королевичъ Владиславъ угрожалъ осадить Москву, русскіе митрополиты, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, вмѣстѣ съ боярами и со всѣми другими свѣтскими лицами, объявили царю Михаилу Ѳедоровичу, что «они всѣ дали обѣтъ Богу за православную христіанскую вѣру и за него, государя, стоять безо всякаго сумнѣнія и съ недругомъ его, королевичемъ Владиславомъ, битись до смерти, не щадя головъ своихъ» ([116]).

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, гражданскихъ и государственныхъ, крутицкій митрополитъ Іона принималъ участіе наравнѣ со всѣми другими нашими архіереями и не выдѣлялся между ними. Но въ дѣлахъ церковнаго управленія онъ являлся, какъ главный іерархъ въ ряду прочихъ, какъ мѣстоблюститель патріаршаго престола. Онъ, Іона, съ соборомъ другихъ архіереевъ, избиралъ и поставлялъ архипастырей для русской церкви, и выдавалъ имъ настольныя граматы: такая грамата выдана была имъ въ 1619 г. рукоположенному имъ рязанскому архіепископу Іосифу ([117]). Онъ, Іона, принималъ жалобы и донесенія на архіереевъ и судилъ ихъ. Около 1616 года протопопъ вологодскаго софійскаго собора Василій сдѣлалъ какой-то доносъ на своего архіепископа Нектарія. Этотъ Нектарій, родомъ грекъ, былъ прежде архіепископомъ въ Ахридѣ, а 25 іюня 1613 г., по волѣ Михаила Ѳедоровича, опредѣленъ на вологодскую каѳедру, и 11-го іюля присутствовалъ въ числѣ

([116]) А. Э. III, №№ 21—25. 28. 29. 79—81. 327. 328; Собр. Госуд. Грам. III, №№ 22. 40.

([117]) А. Э. III, № 330.

нашихъ архіереевъ при короновапіи новаго государя. Іона, получивъ доносъ на Нектарія, не произвелъ никакого разслѣдованія дѣла, въ которомъ обвинялся послѣдній, и прямо, «безъ сыску и неповинно», осудилъ Нектарія, лишилъ его архіерейскаго сана и сослалъ на заточеніе въ кирилло-бѣлозерскій монастырь простымъ чернецомъ. Все это, какъ увидимъ, раскрылось вполнѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда Іона уже не правилъ русскою іерархіею, и послужило для него справедливымъ укоромъ и безчестіемъ ([118]). Неменѣе, если даже неболѣе, безчестія положило на память Іоны участіе его, въ качествѣ главнаго церковнаго судіи, и въ другомъ дѣлѣ, которое можно назвать важнѣйшимъ изъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, совершавшихся у насъ во время между-патріаршества, и которое потому мы изложимъ нѣсколько подробнѣе.

Одною изъ самыхъ главныхъ и постоянныхъ заботъ церковной власти, съ учрежденія въ Россіи патріаршества, сдѣлалась забота объ исправленіи и печатаніи богослужебныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, это святое дѣло долго велось очень неудачно. Ясно сознавали, что книги испорчены, что порча ихъ зависѣла преимущественно отъ переписчиковъ, что необходимо книги исправлять и печатать во избѣжаніе дальнѣйшей въ нихъ порчи. Но какъ исправлять, за это-то и не умѣли взяться падлежащимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы провѣрять книги по греческому тексту, съ котораго онѣ переведены, ограничивались тѣмъ, что исправляли книги съ славянскихъ же «добрыхъ переводовъ» (хорошихъ списковъ), какъ заповѣ-

---

([118]) Грамата Нектарія о назначеніи его на вологод. каѳедру — въ Опис. вологод. каѳедр. соф. собора *Суворова*, стр. 175—177, Москв. 1863; Собр. Госуд. Грам. III, № 16, стр. 77; Грамата патр. Филарета Никитича о разрѣшеніи вологодскаго архіепископа Нектарія, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1866, кн. III, отд. V, стр. 8—10.

далъ еще стоглавый соборъ; т. е. брали списокъ какой либо богослужебной книги, который признавали лучшимъ, иногда сличали его съ другими такими же списками, и по этому-то списку печатали книгу, какбудто и въ лучшихъ спискахъ не могли быть ошибки и даже очень важныя. Такъ напечатаны были, еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV, первыя три книги: апостолъ, часословъ и псалтырь. Такъ же печатались книги и при патріархахъ Іовѣ и Гермогенѣ. При Іовѣ изданы были восемь книгъ: тріодь постная (1589), тріодь цвѣтная (1591), октоихъ (1594), апостолъ (1596), общая минея (1600), архіерейскій чиновникъ (1600), служебникъ или, вѣрнѣе, требникъ (1602) и цвѣтная тріодь вновь (1604). При Гермогенѣ—три: евангеліе (1606), минеи мѣсячныя, за сентябрь, октябрь, ноябрь и первые двѣнадцать дней декабря (1607—1610), и церковный уставъ (1610). Личное участіе патріарховъ въ дѣлѣ выражалось тѣмъ, что они благословляли печатать книги, хотя это извѣстно не о всѣхъ книгахъ, и иногда свидѣтельствовали напечатанныя книги, какъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовалъ Гермогенъ минею мѣсячную, сколько она при немъ напечатана ([119]). Съ 1611 года печатаніе книгъ на время пріостановилось, такъ какъ и печатный дворъ со всѣмъ, что въ немъ было, сгорѣлъ во время страшнаго пожара, которымъ поляки истребили Москву. Но царь Михаилъ Өедоровичъ, въ первый же годъ своего царствованія, велѣлъ возстановить типографію, хотя временно, на другомъ мѣстѣ, и въ періодъ между-патріаршества напечатаны еще

([119]) См. *Сахаровъ.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., №№ 81—144, а такъ же предисл. и послѣсловія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ книгъ въ Опис. старопеч. книгъ Царскаго, графа Толстова и др.

пять книгъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ прежде, именно: часословъ (1614), псалтырь (1615), служебникъ трижды (1616—1617), октоихъ (1618) и минея общая (1618), повелѣніемъ царя и «благословеніемъ его богомольцевъ, межъ патріаршества, преосвященныхъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ и всего освященнаго собора» ([120]).

Но замѣчательно, что въ этотъ же періодъ между-патріаршества, напали-было на мысль поставить печатаніе богослужебныхъ книгъ нѣсколько лучше, чѣмъ поставлено оно было прежде: ибо когда рѣшено было издать вновь служебникъ или требникъ, изданный въ 1602 г. Андроникомъ Тимоѳеевымъ Невѣжею, то посовѣтывали юному государю поручить это дѣло человѣку, который зналъ и греческій языкъ, именно канонархисту троице-сергіева монастыря Арсенію Глухому, Селижаровцу. Этотъ Арсеній, какъ самъ разсказываетъ о себѣ, воспитанъ въ селѣ и не бывалъ въ училищѣ учителей, вѣдущихъ словесную хитрость. Но съ тѣхъ поръ, какъ облекся въ иноческое одѣяніе, обходилъ многія честныя обители, обрѣталъ и перечиталъ въ нихъ множество священныхъ книгъ, обрѣталъ и многихъ разумныхъ мниховъ, съ которыми вступалъ въ совопрошенія и собесѣдованія, особенно полюбилъ книгу св. Іоанна Дамаскина, съ великими усиліями и трудами изучилъ его грамматику (объ осми частяхъ рѣчи) и прошелъ его священную философію (діалектику), хотя и встрѣтилъ въ ней немало темнаго и покровеннаго. Въ частности, разсказываетъ, какъ занимался онъ, Арсеній, въ библіотекѣ

([120]) *Строев*. Опис. старопеч. книгъ Царск., № 53, стр. 442; Дополн. къ Опис. старопеч. книгъ, № 20, стр. 39; *Сахар*. Обозр. Слав.-русск. библ., №№ 154. 155. 160. 167. 172. 173.

троице-сергіева монастыря и какъ часто посѣщалъ ее; какъ содѣйствовалъ ему завѣдывавшіи библіотекою, просвѣщенный и богомудрый инокъ Антоній, дававшій ему многія книги даже въ келью, а другія, вмѣстѣ съ нимъ, разсматривавшій и обсуждавшій въ библіотекѣ: какъ еще тогда, онъ, Арсеній, сличалъ разные списки церковныхъ службъ находилъ въ нихъ многія неисправности и старался исправлять ихъ по своему крайнему разумѣнію какъ, по повелѣнію архимандрита Діонисія, переписывалъ книгу канонникъ и сдѣлалъ въ ней посильныя исправленія и проч. ([121]). Такимъ же, вѣроятно, образомъ, т. е. изъ книгъ, при пособіи разумныхъ мниховъ, знавшихъ по-гречески, Арсеній научился и греческому языку. «Во сто двадесять четвертомъ году октября въ 24 день (т. е. 1615 г.),—говоритъ самъ Арсеній въ своей защитительной «Рѣчи», поданной боярину Борису Михайловичу Салтыкову,—писалъ съ Москвы государевымъ словомъ Троицко-Сергіева монастыря келарь старецъ Аврамій Палицынъ (онъ-то и могъ указать государю на Арсенія, какъ на способнаго заняться исправленіемъ книгъ) въ троицкій монастырь архимандриту Діонисію да казначею старцу Іосифу Панину, а велѣлъ прислати къ Москвѣ меня нищего черица для государева дѣла, что̀ правити книга Потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло; а попъ Иванъ Клементьевской пріѣхалъ къ Москвѣ собою, а не по грамотѣ». Этотъ попъ Иванъ, по фамиліи Насѣдка или Насѣдкинъ, священствовалъ прежде, вѣроятно, въ Москвѣ, но въ 1611 г., когда она была сожжена поляками, бѣжалъ изъ нея, со

([121]) Посланіе Арсенія Глухаго къ протопопу Ивану Лукъяновичу, напечатанное въ Правосл. Собесѣдн. 1862, II. стр 367; Опис. рукописей троицесер. лавры, №№ 281. 283.

всѣмъ своимъ семействомъ въ Сергіеву лавру, куда бѣжали тогда и многія тысячи московскихъ жителей. Здѣсь ему поручили совершать службы и требы для мірянъ въ церкви преп. Сергія надъ монастырскими воротами, и дали небольшую келью въ монастырской стѣнѣ. Насѣдка умѣлъ пріобрѣсть расположенность архимандрита Діонисія, проводилъ съ нимъ въ бесѣдахъ не только дни, но иногда и ночи; много помогалъ ему въ перепискѣ и разсылкѣ извѣстныхъ патріотическихъ воззваній къ народу для изгнанія поляковъ изъ отечества; еще болѣе потрудился, по порученію Діонисія, когда обходилъ окрестныя мѣста и селенія, наполненныя бѣглецами изъ Москвы, и исповѣдывалъ, причащалъ и предавалъ землѣ нѣсколько тысячъ несчастныхъ, погибшихъ отъ голода, ранъ и болѣзней. По окончаніи этихъ трудовъ Насѣдка былъ опредѣленъ на священническое мѣсто въ подмонастырскомъ селѣ Клементьевскомъ (122). Когда Арсеній и попъ Иванъ Насѣдка прибыли въ Москву и явились къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову, то «я, нищій чернецъ,—продолжаетъ рѣчь свою къ Салтыкову Арсеній,—сказалъ тебѣ, государеву боярину, про себя, что меня не будетъ столько (т. е. что я не въ состояніи исправить потребника), ибо я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребы поповскія. Но Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился; и билъ челомъ тебѣ, государеву боярину, ради себя, — такъ какъ у него тамъ (близъ лавры) жена и дѣти,—чтобы государь приказалъ править книгу троиц-

(122) Рѣчь Арсенія къ Салтыкову—въ рукоп. Сборн. троице-серг. лавры, № 700, л. 295. О попѣ Иванѣ Насѣдкѣ — въ житіи преп. Діонисія, въ томъ же рукоп. Сборникѣ, л. 82—97, или по печатному изданію житія преп. Діонисія, стр. 39—50, Москв. 1855.

кому архимандриту Діонисію въ троицкомъ монастырѣ, а намъ бы, попу Ивану, да мнѣ, чернецу Арсенію, да старцу Антонію, съ архимандритомъ у дѣла быть». Велѣно было прислать въ Москву старца Антонія, бывшаго книгохранителемъ въ лаврѣ; но оттуда отвѣчали, что Антоній боленъ. Тогда старецъ Арсеній и попъ Насѣдка били челомъ государю и сказали: намъ однимъ не исправить книги потребника; въ спискахъ ея съ давняго времени множество разностей и погрѣшностей, какъ отъ переводчиковъ, такъ и отъ неискусныхъ переписчиковъ; намъ двоимъ великая отъ того будетъ смута; да и «безъ настоятеля отъ властей» исправленію той книги быть невозможно. Вслѣдствіе этого, по ходатайству Салтыкова, государь послалъ въ троице-сергіевъ монастырь свою грамату (отъ 8-го ноября 1616 г.), которою поручалъ исправленіе потребника архимандриту монастыря Діонисію, вмѣстѣ съ старцемъ канонархистомъ Арсеніемъ, библіотекаремъ лавры старцемъ Антоніемъ и священникомъ Иваномъ Насѣдкою, предоставивъ архимандриту приглашать къ сотрудничеству и другихъ «разумныхъ старцевъ, которые подлинно и достохвально извычни книжному ученію, и граматику и риторію знаютъ». Арсенію и Насѣдкѣ, когда они отправлялись изъ Москвы, даны были три списка потребника, въ томъ числѣ списокъ митрополита Кипріана изъ успенскаго собора, а другими списками велѣно было пользоваться изъ лаврской библіотеки. Арсеній, однакожъ, боялся и теперь приниматься за исправленіе книги, и каждый день говорилъ Діонисію: «откажи дѣло государю; не сдѣлати намъ того дѣла въ монастырѣ, безъ митрополичьяго совѣта; а привеземъ книгу, изчерня, къ Москвѣ, и простымъ людемъ будетъ смутно». Арсеній пони-

малъ, что порученіе можетъ угрожать имъ со временемъ большою опасностію, и что исправленіе потребника тогда бы только было для нихъ безопаснымъ, еслибы совершалось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ самаго митрополита Іоны, завѣдывавшаго патріаршествомъ. Діонисій не послушалъ Арсенія, а во всемъ попа Ивана слушалъ, и принялся за дѣло, вмѣстѣ съ своими сотрудниками ([123]).

Они работали съ великимъ усердіемъ и, какъ выражается Арсеній, «безо всякія хитрости, сидѣли полтора года день и ночь». Для исправленія потребника 1602 года они имѣли подъ руками около двадцати списковъ этой книги славянскихъ, двѣнадцать письменныхъ и одинъ печатный,—между письменными иные восходили за полгораста, за двѣсти лѣтъ и болѣе, и находился списокъ съ перевода Максима грека,—и пять списковъ или печатныхъ книгъ греческихъ, въ томъ числѣ принадлежавшій архіепископу елассонскому Арсенію, бывшему тогда уже суздальскимъ. Этими греческими списками пользовались только Діонисій и Арсеній, какъ знавшіе греческій языкъ, но попъ Насѣдка не пользовался, по незнанію греческаго языка. Въ печатномъ потребникѣ справщики нашли слѣдующія прибавленія и измѣненія или искаженія: 1) Въ чинѣ освященія воды, на день Богоявленія Господня, напечатано было въ молитвѣ: «самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ Святымъ и огнемъ». Слово: *и огнемъ* признано было справщиками за прибавку, потому что оно не оказалось ни въ греческихъ спискахъ требника, ни въ славянскихъ, кромѣ двухъ, и притомъ въ одномъ приписано

([123]) Рѣчь Арсенія къ Салтык.—въ лаврск. рукоп. Сборн. № 700, л. 295 об.—296. 324; А. Э. III, № 329.

было на сторонѣ, а въ другомъ поверхъ строки ([124]). Прибавлены были также въ печатномъ требникѣ цѣлыя двѣ молитвы, не оказавшіяся ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ спискахъ, между молитвами священника предъ совершеніемъ литургіи: обѣ перенесены были сюда изъ чина исповѣди, съ тою только разностію, что тамъ ими священникъ разрѣшаетъ кающагося грѣшника, а здѣсь разрѣшалъ самого себя. 2) Во многихъ молитвахъ искажены были конечныя славословія и противо-

---

([124]) *Арсеній* въ «Рѣчи» къ Салтыкову пишетъ: «Было, государь, у насъ 12 переводовъ письменыхъ, а третьянатцатой печатной, и въ письменыхъ, государь, переводехъ въ десяти писано точію: «Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не написано ни въ которомъ; да въ двухъ письменыхъ же, въ одномъ приписано на полѣ: «и огнемъ», а въ другомъ поверхъ строки приписано: «и огнемъ» же. А въ печатномъ служебникѣ рядомъ напечатано въ строкѣ: «Духомъ твоимъ Святымъ и огнемъ», и какъ тотъ служебникъ печатанъ, а въ немъ «и огнемъ» прибавлено, и тому лѣтъ съ шеснадцать. А письменныя, государь, у насъ переводы были, инѣмъ лѣтъ полтораста уже минуло, какъ онѣ писаны, а инѣмъ и болши, и въ тѣхъ переводѣхъ точію писано: «Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не писано. И въ греческихъ переводѣхъ, у Арсенія архіепископа суздальскаго и четырехъ патріархъ въ четырехъ переводѣхъ не писано же: «и огнемъ» (Сборн. тр.-серг. лавры, № 700, л. 296 об.—297). *Діонисій* въ своей «Рѣчи» говоритъ: «Во всѣхъ потребникахъ старыхъ писмяныхъ, паче же харатейныхъ: «Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не написано. А которые переводы съ Москвы были, въ тѣхъ нѣтъ же; а переводы съ Москвы отъ пречистыя Богородицы изъ собора книга Кипріана митрополита, да съ патріархова двора изъ казны, да и отъ зачатія изъ-за солоного ряду; а Кипріанъ митрополитъ всѣмъ вѣдомъ, яко святъ мужъ. Тако же и въ греческихъ въ печатныхъ нѣтъ; а въ московскихъ служебникахъ напечатано: «Духомъ твоимъ Святымъ и огнемъ» (см. въ томъ же Сборн., № 700, л. 134—135). *Иванъ Наседки* въ своей Рѣчи къ патріарху Филарету писалъ: «а у дѣла, государь, было переводовъ болши двадцети, а во всѣхъ «огнемъ» не написано: а которые переводы съ Москвы были, въ тѣхъ нѣтъ же... А писменые, государь, у насъ переводы были, инѣмъ лѣтъ полтораста уже минуло, какъ они писаны, а инѣмъ болши двухсотъ лѣтъ, и въ тѣхъ переводѣхъ точію написано: «Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не писано. А въ *греческихъ*, государь, переводѣхъ, у Арсенія архіепископа суздальскаго и у четырехъ патріархъ вселенскихъ, *мы того не вѣдаемъ, писано «огнемъ» или не писано»* (См. въ томъ же Сборн., № 700, л. 143—144).

рѣчили содержанію молитвъ и православію. Такъ молитвы, обращенныя къ лицу одного Отца или Сына, оканчивались словами: «и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу». Въ молитвѣ, напримѣръ, за умершихъ, конечный возгласъ былъ такой: «яко Ты еси воскресеніе и животъ, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Св. Духу». А въ молитвѣ надъ освященіемъ яблокъ, всецѣло обращенной къ Богу Отцу, въ концѣ читалось: — «молитвами пречистыя Ти Матери, владычица нашея Богородица..., и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу». Исправивъ погрѣшности, замѣченныя въ печатномъ потребникѣ, Діонисій и его сотрудники пересмотрѣли и нѣкоторыя другія печатныя книги, въ томъ числѣ, и изданныя во время между-патріаршества, съ благословенія митрополита Іоны и прочихъ духовныхъ властей: цвѣтную тріодь, октоихъ, общую минею, мѣсячную минею, псалтырь, каноникъ и церковный уставъ, и во всѣхъ нашли множество ошибокъ, особенно много ихъ оказалось въ церковномъ уставѣ, который изданъ былъ въ 1610 г. головщикомъ сергіевой лавры Логгиномъ ([125]).

Неудивительно, если этотъ головщикъ Логгинъ, а съ нимъ и другъ его уставщикъ тойже лавры Филаретъ воспылали ненавистію къ Діонисію, котораго и безъ того не любили.

([125]) Мы привели только два-три примѣра искаженій, какія нашли справщики въ печатныхъ книгахъ. Множество другихъ искаженій, особенно въ изданіи Логгина, указано въ Рѣчи Арсенія къ Салтыкову (въ означен. Сборн., л. 300—320) и въ Рѣчи Ивана Наcѣдки (тамъ же л. 167 об.—182. См. тоже въ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, № 273). Довольно подробное изложеніе этихъ искаженій можно видѣть въ статьѣ *Казанскаго*: Исправленіе церковно-богослуж. книгъ при патріархѣ Филаретѣ, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VIII, отд. I, 4—10.

Оба они были люди едва граматные, но оба считали себя знатоками церковныхъ чиновъ и богослуженія и призванными судіями въ этомъ дѣлѣ. Старецъ Филаретъ гордился тѣмъ, что сорокъ уже лѣтъ былъ уставщикомъ въ троицко-сергіевомъ монастырѣ, а старецъ Логгинъ величался своимъ сильнымъ голосомъ, искусствомъ въ пѣніи и переложеніи церковныхъ пѣсней на новые распѣвы. Архимандритъ Діонисій по отношенію къ братіи отличался величайшею кротостію и снисходительностію; къ оскорбляющимъ его былъ всегда терпѣливъ и незлобивъ; старался дѣйствовать на всѣхъ только словами любви, вразумленія, убѣжденія. Съ такими-то словами онъ неоднократно обращался и къ Логгину и Филарету, которые вообще любили своевольничать, и каждый разъ встрѣчалъ со стороны ихъ ожесточенное упорство и противорѣчіе. Свою непріязнь къ нему они выражали иногда крайне дерзко и грубо. Однажды, когда Діонисій читалъ въ церкви поученіе къ братіи и народу, Логгинъ подошелъ къ нему, вырвалъ у него книгу и уронилъ аналой, къ соблазну всѣхъ. Діонисій, не сказавъ ни слова, только перекрестился и пошелъ на крылосъ. Но дерзкій головщикъ началъ еще кричать и плевать на своего настоятеля, вырвалъ у него посохъ, изломалъ и бросилъ ему въ лицо. Діонисій оставилъ крылосъ, пошелъ къ образу пресв. Богородицы и проплакалъ предъ нимъ всю утреню. Эти-то два грубые инока, но имѣвшіе у себя много знакомыхъ и почитателей въ самой столицѣ, успѣли огласить Діонисія и его сотрудниковъ еретиками еще прежде, чѣмъ они окончили свою работу. И когда Діонисій, въ маѣ или іюнѣ 1618 года, прибылъ въ Москву и представилъ исправленный потребникъ митрополиту Іонѣ, завѣдывавшему патріарше-

ствомъ, то Іона, уже предубѣжденный противъ Діонисія и его сотрудниковъ и недовольный тѣмъ, что они трудились не подъ его надзоромъ и руководствомъ, а можетъ быть, и тѣмъ, что они осмѣлились указать грубыя ошибки и въ книгахъ, напечатанныхъ при немъ, т. е. въ періодъ между-патріаршества, созвалъ, 18-го іюля, соборъ не столько для обсужденія сдѣланныхъ исправленій въ книгѣ, сколько для суда надъ исправителями. На соборѣ предсѣдательствовалъ самъ Іона, и присутствовали не архіереи, а только чудовскій архимандритъ Авраамій и другія лица изъ высшаго московскаго духовенства. Главными обвинителями Діонисія и его сотрудниковъ явились здѣсь названные нами уставщикъ Филаретъ и головщикъ Логгинъ. Діонисія обвиняли и обвинили въ томъ, что онъ, съ своими товарищами, «имя Святой Троицы велѣлъ въ книгахъ марать, и Духа Святаго не исповѣдуетъ, яко огнь есть»: т. е., будто Діонисій незаконно исправилъ конечныя славословія въ нѣкоторыхъ молитвахъ, явно несообразныя съ православнымъ ученіемъ о Пресв. Троицѣ и незаконно опустилъ въ молитвѣ слово: *и огнемъ*. Сколько ни старались справщики, Діонисій, Арсеній и Насѣдка объяснять и доказывать основательность и справедливость сдѣланныхъ ими исправленій, всѣ эти объясненія и доказательства никого не убѣждали. Четыре дня призывали обвиняемыхъ на патріаршій дворъ, потомъ дѣлали имъ истязаніе въ вознесенскомъ монастырѣ, въ кельяхъ матери царя Михаила Ѳеодоровича, инокини Марѳы Ивановны: знакъ, что и эту благочестивую старицу успѣли вооружить противъ справщиковъ, какъ противъ враговъ вѣры. Съ Діонисія просили нѣкоторые пятьсотъ рублей, обѣщаясь прекратить дѣло; но онъ отвѣчалъ: «денегъ не

имѣю, да и давать не за что». Наконецъ, соборъ рѣшилъ: «архимандрита Діонисія и попа Ивана отъ церкви Божіей и литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ». Кромѣ того опредѣлили сослать окованнаго Діонисія въ кирилловъ монастырь; но какъ всѣ дороги туда были еще заняты поляками, то заключили его на смиреніе въ новоспасской обители и наложили на него епитимію по тысячи поклоновъ въ день. И велѣно было его здѣсь бить и мучить сорокъ дней и въ дыму ставить на полатѣхъ, и заставляли его класть ежедневно по тысячи поклоновъ, а онъ прибавлялъ еще отъ своего усердія по другой тысячи. Митрополитъ Іона нерѣдко, въ праздничные и торговые дни, приказывалъ приводить узника на патріаршій дворъ, а иногда привозить верхомъ на плохой лошади, и здѣсь заставлялъ его класть поклоны подъ открытымъ небомъ, предъ собравшимися толпами народа, тогда какъ самъ вмѣстѣ со властями пировалъ въ домѣ за трапезой. Грубая чернь ругалась надъ мнимымъ еретикомъ, бросала въ него грязью за то, что онъ хотѣлъ будтобы вывесть огнь изъ міра. Иногда Діонисій стоялъ скованнымъ въ подсѣньѣ дома митрополита отъ утра до вечера, и ему не давали ни капли воды, чтобы утолить жажду въ жаркіе лѣтніе дни. И такія страданія продолжались для Діонисія цѣлый годъ. Старецъ Арсеній Глухой такъ же былъ осужденъ соборомъ и заключенъ на кирилловскомъ подворьѣ, гдѣ и томился въ оковахъ около года, терпя разныя лишенія и нужды ([126]). Невольно

([126]) Житіе преп. Діонисія—въ рукоп. Сбор. серг. лавры, № 700, л. 38—41. 102—104. 110—120; а въ печатномъ Москов. изданіи 1855 года, стр. 23—26. 54—59. 62—71; Рѣчь Арсенія къ Салтыкову — въ томъ же Сборн., № 700, л. 325. Нѣсколько выше Арсеній писалъ Салтыкову: «аще бы, государь, наше

припоминаются здѣсь другой подобный судъ, совершавшійся столѣтіемъ прежде, и другой страдалецъ за исправленіе церковныхъ книгъ—препод. Максимъ грекъ. Но, при сравненіи этихъ двухъ судовъ, настоящій еще болѣе возмущаетъ душу: тамъ была хотя тѣнь правды, были хотя нѣкоторыя слабыя основанія для обвиненія подсудимаго; здѣсь дѣйствовала одна вопіющая неправда, и Діонисій, съ своими достойнѣйшими сотрудниками, обвиненъ и пострадалъ совершенно невинно. И такъ беззаконно, такъ жестоко поступили современники съ человѣкомъ, который столько сдѣлалъ для церкви и отечества въ ту страшную годину бѣдствій, который своими пламенными воззваніями ко всей Россіи едва ли неболѣе всѣхъ, послѣ патріарха Гермогена, способствовалъ къ освобожденію ея отъ враговъ.

Впрочемъ ни Діонисій, ни Арсеній не оставались безмолвными страдальцами: они старались оправдаться. Діонисій, во время ли суда надъ нимъ или уже во время своего заключенія, написалъ «Рѣчь», обращенную ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, которую начиналъ слѣдующими словами: «Святыя, соборныя, апостольскія церкви чадамъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ, падъ, припадая, молюся азъ, смиренный, послѣдній въ братствѣ Діонисій, отъ дому великого Сергія чудотворца. Вѣдомо да буди вамъ, благочестія хранителемъ, яко повелѣніемъ самодержавнаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи, священную книгу потребникъ

норокованіе было дѣлано на Москвѣ, все бы было благо и стройно, и государю пріятно, и всѣмъ православнымъ въ пользу было бы, и великій святитель Божій, митрополитъ Іона сарскій и подонскій, по насъ велій поборникъ» (—л. 324). Снес. упомянутую (въ примѣч. 125) статью *Казанскаго*, стр. 11—16.

правити повелѣно намъ, неразумнымъ. Вы же, искупленіи кровію Христовою, судите се праведно: многимъ ли свидѣтелемъ достоитъ вѣровати, или единому противъ тысящь. Освященіи Богомъ, рѣчь сію разумѣйте». Вслѣдъ за тѣмъ Діонисій говорилъ, что во всѣхъ старыхъ письменныхъ потребникахъ, въ томъ числѣ и принесенныхъ изъ Москвы, и даже въ печатныхъ греческихъ книгахъ, на крещеніе Господне въ молитвѣ читается: «и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ Святымъ», и только въ московскомъ потребникѣ напечатано: «Духомъ твоимъ Святымъ и о г н е м ъ». Откуда взялась эта прибавка,—продолжалъ Діонисій,—мы не знаемъ, и не дерзнули оставить ее въ потребникѣ. Правда, по евангелисту Лукѣ, Іоаннъ креститель сказалъ о Христѣ: т о й в ы к р е с т и т ъ Д у х о м ъ С в я т ы м ъ и о г н е м ъ (3,16); но у евангелиста Марка написано только: т о й к р е с т и т ъ в ы Д у х о м ъ С в я т ы м ъ (1,8). Да и самъ Христосъ сказалъ: а щ е к т о н е р о д и т с я в о д о ю и Д у х о м ъ... (Іоан. 3,5) безъ прибавленія: «и огнемъ». Самъ Лука въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ передаетъ слова Христовы къ апостоламъ: в ы и м а т е к р е с т и т и с я Д у х о м ъ С в я т ы м ъ (1,5), такъ же безъ прибавленія: «и огнемъ». Потомъ, описывая сошествіе Св. Духа на апостоловъ, выразился: и я в и ш а с я и м ъ р а з д ѣ л е н и я з ы ц ы, я к о о г н е н н и (2,3), а не сказалъ прямо: языцы о г н е н н и. И далѣе въ тойже книгѣ Дѣяній многократно разсказываетъ, какъ апостолы крестили вѣрующихъ Духомъ Святымъ, и нигдѣ не прибавляетъ: «и огнемъ». Чтобы еще болѣе подкрѣпить свою мысль и оправдать себя, Діонисій ссылался на церковныя пѣсни и молитвы, читаемыя при совершеніи крещенія, въ которыхъ нѣтъ нигдѣ и намека о креще-

ніи и **огнемъ**, и приводилъ изреченія и толкованія св. отцевъ — Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ ([127]).

Отъ троицкаго старца Арсенія глухаго дошли до насъ два посланія или оправдательныя «Рѣчи»: первое, довольно обширное, къ бояриму Борису Михайловичу Салтыкову; другое, небольшое, къ какому-то протопопу Ивану Лукъяновичу.

Въ посланіи къ Салтыкову Арсеній, сказавъ кратко, какъ онъ былъ призванъ къ исправленію потребника, вмѣстѣ съ другими, какъ они трудились полтора года, и представили свой трудъ сарскому митрополиту Іонѣ, прежде всего останавливается на томъ же самомъ вопросѣ, какимъ занимался въ своей Рѣчи и преп. Діонисій, т. е. на вопросѣ о прибавкѣ: «и огнемъ», но излагаетъ дѣло нѣсколько иначе. Арсеній раздѣльнѣе говоритъ о спискахъ потребника, славянскихъ и греческихъ, въ которыхъ они не нашли «и огнемъ», и упоминаетъ о двухъ, изъ которыхъ въ одномъ это слово приписано было на сторонѣ, а въ другомъ надъ строкой. Потомъ, объясняя незаконность этой прибавки въ молитвѣ на Богоявленіе, не ссылается на рядъ текстовъ св. писанія, какъ сдѣлалъ Діонисій, а указываетъ на однородныя молитвы въ томъ же печатномъ потребникѣ и говоритъ: «образецъ тому въ томъ же печатномъ служебникѣ (или потребникѣ) — молитва на омовеніе св. мощей и молитва надъ кладеземъ....

([127]) Списокъ этой Рѣчи преп. Діонисія, но, къ сожалѣнію, безъ конца, помѣщенъ, какъ мы уже упоминали, въ рукоп. Сборн. троице-серг. лавры, № 700, л. 134—142. Вполнѣ сохранилась она въ Сборн. Импер. Публ. библ. № 36 (*Бычков.* Опис. рукоп. Сборн. I, стр. 135). Рѣчь эта написана несомнѣнно до патріарха Филарета: потому что заимствованія изъ нея, даже буквальныя, приводятся въ Рѣчи священника Ивана Насѣдки, поданной Филарету спустя нѣсколько дней послѣ вступленія его на патріаршество.

Въ первой читается: «посли намъ милость свою отъ св. высотъ своихъ, благодать Св. Духа, и освяти воду сію Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не прибавлено. Во второй—такъ: «самъ, Владыко, человѣколюбче, очисти воду сію знаменіемъ креста твоего отъ всякія скверны, и освяти тую Духомъ твоимъ Святымъ», а «огнемъ» не написано же... И въ этихъ молитвахъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, слѣдовало бы прибавить слово «и огнемъ», если оно справедливо прибавлено въ молитвѣ на Богоявленіе». Вообще же обличеніемъ этой прибавки Арсеній занимается недолго. Гораздо болѣе и подробнѣе онъ защищаетъ себя и своихъ сотрудниковъ противъ другаго обвиненія. «Да въ вину же намъ,—говоритъ онъ,—поставили, что мы концы марали у молитвъ. Но мы, государь, марали концы у тѣхъ молитвъ, которыя писаны къ Отцу, а оканчивались словами: и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу. Мы марали у такихъ молитвъ концы и писали: «и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ твоимъ Сыномъ и пресвятымъ... Духомъ»... Если, государь, въ молитвахъ, которыя обращены къ одному Отцу или къ одному Сыну, будутъ концы: «и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу»,—то, по такому славленію, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ будутъ единое Лице,—а что злѣе этой хулы?.. Мы марали, государь, такіе концы, потому что они способствуютъ Савеліевой ереси». Вслѣдъ за тѣмъ Арсеній приводитъ изъ разныхъ, дотолѣ напечатанныхъ у насъ, книгъ множество примѣровъ молитвъ съ такими же окончаніями, и объясняетъ Салтыкову всю ихъ несообразность. При этомъ Арсеній дѣлаетъ, по мѣстамъ, болѣе или менѣе общія замѣчанія. Напримѣръ, о своихъ обвинителяхъ говоритъ: «Есть, госу-

дарь, иные и такіе, которые на насъ ересь возвели, но едва и азбуку умѣютъ; а то вѣдаю, что они не знаютъ, какія въ азбукѣ письмена гласныя, согласныя и двогласныя. А чтобы разумѣть восемь частей рѣчи, и что такое роды и числа, времена, лица и залоги, то имъ и на умъ не всходило. Священная философія и въ рукахъ у нихъ не бывала; а кто ею не занимался, тотъ легко можетъ погрѣшать не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ дѣлахъ земскихъ, хотя бы отъ природы былъ остроуменъ. Неискусившіеся смотрятъ только на строки и на буквальную рѣчь, и разсуждаютъ: это такъ; оказывается же совсѣмъ не такъ»…. Или еще: «не смѣю, государь, дерзновенно сказать о говорящихъ на насъ неправое, что они не знаютъ ни православія, ни кривославія; но только они божественныя писанія по чернилу проходятъ. смысла же писаній не стараются уразумѣть». О троицкомъ уставщикѣ Логгинѣ: «Логгинъ Корова напечаталъ въ своемъ уставѣ молитву, которая… начинается: «Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ»; конецъ же испортилъ такъ: «Ты бо еси Царь царствующимъ и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу»…. И въ другой молитвѣ, начинающейся: «Боже духовъ и всякія плоти…», напечаталъ конецъ: «яко Ты еси животъ и воскресеніе и покой усопшимъ рабомъ твоимъ, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу». Смотри, государь, какъ этотъ безумный клеветникъ, недугующій къ намъ братоубійственною завистію и напрасно оклеветавшій насъ, не сдѣлавшихъ ему никакого зла, смѣшалъ, по неразумію, не подлежащее смѣшенію». О московскомъ духовенствѣ: «есть и другія тмочисленныя описи, въ

точкахъ, въ запятыхъ и въ окончаніяхъ, въ тѣхъ печатныхъ книгахъ. Если бы московскіе власти и честные протопопы, служащіе во св. церквахъ близъ царскихъ палатъ, совершая чтеніе и пѣніе по этимъ священнымъ печатнымъ книгамъ, добрѣ разумѣли и о благочестіи воистину болѣли, то они прежде возвѣщали бы о сихъ описяхъ, несогласныхъ съ разумомъ истины, царю государю, и государь велѣлъ бы изъ нихъ же приставлять къ тѣмъ книгамъ, когда онѣ начнутъ вновь печататься, кого либо, могущаго дѣлать поправки въ книгахъ, какъ должно. Вотъ минею общую уже трижды печатають, а въ ней ни единой описи не исправляли». О прежнихъ справщикахъ книгъ: «эти описи въ печатныхъ книгахъ указываю тебѣ, государь, не для того, чтобы поносить трудившихся и свидѣтельствовавшихъ тѣ книги и укорять ихъ въ ереси,—да не будетъ,—но чтобы явить невѣжественное высокоуміе и самомнительность лицъ, обвиняющихъ насъ неправедно. Трудившіеся принуждены были къ тому царскою властію, какъ и мы, и сколько ихъ разума стало, сколько ихъ Богъ наставилъ, столько и потрудились, и за трудъ ихъ да подастъ имъ Господь мзду небесную, а въ чемъ они погрѣшили невѣдѣніемъ или забвеніемъ, то надобно поправлять вновь». О самомъ себѣ и своихъ сотрудникахъ: «наше дѣло, государь, въ міръ не пошло, ни царской казнѣ какой проторъ сдѣлало. Если же что не доброе сдѣлано, ино дѣло на сторону, а трудившійся неразумно и неугодно пусть будетъ лишенъ мзды. Не малая, государь, бѣда мнѣ, нищему чернецу, толикій трудъ подъявшему, сидѣвшему за государевымъ дѣломъ полтора года день и ночь, лишиться мзды: ибо всего намъ, бѣднымъ крылошанамъ, идетъ въ троицкомъ монастырѣ

зажилого на годъ денегъ по тридцати алтынъ на платье; одѣваемся и обуваемся своимъ рукодѣліемъ. Богъ свидѣтель, что нѣтъ въ насъ, ни въ комъ, ни какой ереси... Иванъ попъ на соборѣ митрополиту Іонѣ, и архимандритамъ, и честнымъ протопопамъ, препиравшимся съ нимъ, очи слюнами запрыскалъ, и то имъ, честнымъ людямъ, стало въ досаду. И мнѣ думается, что я, нищій чернецъ, страдаю отъ попа Ивана да отъ архимандрита: потому что архимандритъ меня не послушалъ, дѣла не отказалъ; а попъ Иванъ самъ на государево набился и ради себя выпросилъ въ монастырь, смутилъ, что врагъ лукавый. Да и въ правду лукавъ онъ: у дѣлъ бывъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица, заведши бѣднаго бородатаго козла въ неисходную пропасть, сама по немъ же выскочила». Въ заключеніе Арсеній обращался къ боярину Салтыкову съ слѣдующими трогательными словами: «и нынѣ, государь, я, нищій чернецъ Глухой, сижу за то дѣло на кириловскомъ подворьѣ въ желѣзахъ, животъ свой мучу девятый мѣсяцъ, объ одной свиткѣ перебиваюсь, и та уже съ плечъ свалилась, и безъ теплыя одежды, и рухлядишко мое, государь, въ монастырѣ все распропало. Богъ свидѣтель, что мы страждемъ безвинно. Если я, нищій чернецъ, и грѣшнѣе всѣхъ людей, но не приписывай мнѣ никакой ереси. Я вѣрую во все, чему научили самовидцы и ученики Слова, и что предали св. богоносные отцы и учители св. соборной и апостольской церкви, и все это пріемлю, люблю и почитаю. Смилосердуйся, государь, помилуй меня, нищаго чернеца, будь печальникомъ царю государю Михаилу Ѳеодоровичу и благовѣрной государынѣ, великой старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ, чтобы велѣли меня, нищаго чер-

неца, изъ железъ освободить. Смилуйся, государь, пожалуй» ([128]).

Почти тѣми же самыми словами, которыми окончилъ Арсеній свое посланіе къ Салтыкову, началъ онъ свое небольшое посланіе къ протопопу Ивану Лукъяновичу; только просилъ здѣсь ходатайства не предъ государемъ и его матерью, а предъ сарскимъ митрополитомъ Іоною. «Со слезами, писалъ Арсеній, бью челомъ тебѣ, государю: умилостивься, государь Иванъ Лукъяновичъ, вступися за мою бѣдность, будь мнѣ, бѣдному, помощникомъ. Сижу, государь, на кирилловскомъ подворьѣ, окованный железами, узкими и скорбными, и иногда заключаемый въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ. Будь, государь, печальникомъ митрополиту Іонѣ сарскому и подонскому, чтобы митрополитъ освободилъ меня, бѣднаго и нищаго чернеца: ибо ему государыня, великая старица Мароа Ивановна отдала наше дѣло на волю; онъ воленъ насъ смирять и освободить. А я, нищій чернецъ, бью ему, государю, челомъ со слезами и всему священному собору, прося прощенія въ своемъ погрѣшеніи, сколько я, по своему неразумію, въ чемъ либо погрѣшилъ. А въ томъ, государь, свидѣтель Богъ, что нѣтъ въ насъ ереси никакой». Въ самомъ посланіи Арсеній вовсе не касается вопроса о прибавкѣ: «и огнемъ», а старается оправдать себя и своихъ сотрудниковъ только въ другомъ, направленномъ противъ нихъ, обвиненіи, и говоритъ: «винитъ насъ митрополитъ съ соборомъ, что мы у молитвъ концы марали». Но мы марали концы только у тѣхъ молитвъ, которыя, будучи обращены лишь къ одному изъ Лицъ Пресвятыя Троицы,

([128]) Посланіе старца Арсенія къ Салтыкову помѣщено въ томъ же лаврскомъ Сборникѣ, № 700, л. 295 — 325. Приведенныя нами мѣста см. на л. 298. 300—301. 303. 306. 315. 316. 323. 324.

Отцу или Сыну, оканчивались, однакожъ, словами: «и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу», чѣмъ сливаются Лица Пресв. Троицы и допускается ересь Савеліева (при этомъ Арсеній приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ молитвъ). А у молитвъ, обращенныхъ ко всей единосущной Троицѣ, оканчивающихся такимъ славословіемъ, мы концевъ не марали. Да и митрополитъ нашелъ не во многихъ мѣстахъ молитвы, у которыхъ концы нами перемѣнены; а такихъ молитвъ больше, у которыхъ концы не перемѣнены. «Если кто станетъ смотрѣть на наше морокованье безъ злобы, и не имѣя въ себѣ братоубійственной зависти, а братолюбно и будучи искусенъ въ словесной хитрости, онъ малую вину на насъ возложитъ, и если найдетъ въ чемъ погрѣшность, то покроетъ недоумѣніе наше своимъ человѣколюбіемъ». Далѣе Арсеній говоритъ о своемъ воспитаніи, что онъ самоучкою познакомился съ грамматикою и философіею, и о своихъ обвинителяхъ, что они едва азъ-буки умѣютъ, а грамматики и философіи вовсе не знаютъ, вслѣдствіе чего чудовскій архимандритъ, не понимая смысла одного слова въ переводѣ, люто и звѣреобразно нападалъ на него—Арсенія; сознается, что если въ чемъ согрѣшилъ, то не отъ хитрости, а отъ ненаученія и слабости разума, и заключаетъ свое посланіе такъ: «достойно и великому святителю Іонѣ покрыть погрѣшность нашего ненаученія своимъ человѣколюбіемъ, а насъ, бѣдныхъ, отъ железъ освободить. Умилостивься, государь Иванъ Лукьяновичъ, будь мнѣ помощникомъ, породи второе (т. е. во второй разъ), вступись за меня, а я за тебя, государя моего, буду Бога молить... Смилуйся, государь, пожалуй, порадѣй» ([129]).

([129]) Это посланіе Арсенія все напечатано въ Правосл. Собесѣдн. 1862, II. 363—370.

Но если Діонисій и Арсеній старались оправдать себя и доказывали свою невинность, то и враги ихъ старались, напротивъ, доказать ихъ виновность. Въ числѣ этихъ враговъ наиболѣе выдавался нѣкто старецъ Антоній Подольскій или изъ Подолья. Судя по прозвищу его, онъ, вѣроятно, пришелъ въ Москву изъ Подоліи; а судя по его уцѣлѣвшимъ сочиненіямъ, образовался не самъ собою чрезъ одно чтеніе книгъ, а получилъ школьное образованіе въ какомъ-либо изъ западно-русскихъ училищъ. Надменный этимъ своимъ образованіемъ, Антоній повсюду хвалился имъ въ Москвѣ и говорилъ: «никто совершенно противъ меня грамматики и діалектики въ Россіи не знаетъ». Когда возникъ споръ о прибавкѣ слова «и огнемъ» въ молитвѣ на Богоявленіе, когда Діонисій и его товарищи были осуждены за исключеніе этого слова изъ молитвы, тогда Антоній сталъ на сторону ихъ обвинителей. Непосредственно онъ нападалъ на священника Насѣдку, который хотя и былъ осужденъ соборомъ, но не лишенъ свободы, и потому имѣлъ возможность защищать предъ всѣми въ московскомъ обществѣ себя и своихъ сотрудниковъ и обличать несправедливость своихъ противниковъ. Антоній вездѣ и всѣмъ называлъ Насѣдку еретикомъ, какъ непріемлющаго будтобы «благодати Духа Святаго, явившейся на апостолахъ огненными языками», и всюду училъ «объ огни просвѣтительномъ, яко отъ Божія существа исходитъ, и той есть и огонь и свѣтъ просвѣтительный». Ходилъ по московскимъ торжищамъ, разсуждалъ съ калачниками, пирожниками и другими объ этомъ просвѣтительномъ огнѣ и «многихъ научилъ»: потому что на торгу въ Москвѣ Антонію вѣрили и смотрѣли въ него, какъ въ зерцало, а не въ писаніе св. отцевъ. Не довольствуясь

устною проповѣдію противъ Насѣдки, Антоній собралъ еще на него «много писанія», и въ этомъ «собраніи отъ книгъ» подробно изложилъ свое ученіе. Къ сожалѣнію, сочиненіе Антонія Подольскаго до насъ не дошло, и мы можемъ говорить о содержаніи его, какъ доселѣ говорили и о самомъ Антоніѣ, только со словъ его противника—Насѣдки, который въ опроверженіе этого сочиненія написалъ свое, до насъ дошедшее. Насѣдка такъ же, большею частію, собралъ свое сочиненіе изъ книгъ: изъ св. писанія, изъ толковаго Евангелія и Апостола, изъ писаній св. отцевъ, изъ кормчей, изъ церковныхъ службъ; но приводя заимствованія изъ книгъ или только дѣлая на нихъ ссылки, почти вездѣ присовокуплялъ свои толкованія и соображенія, направленныя противъ Антонія. Раздѣлено сочиненіе Насѣдки на 35 небольшихъ главъ неодинаковой величины и общаго заглавія не имѣетъ; но имѣетъ частныя надписанія надъ главами, напримѣръ, надъ первою—такое: «о словеси Божіи воплощшемся къ гордому Антону Подольскому, нову ересь составляющу». Приведемъ изъ этого сочиненія нѣсколько болѣе замѣчательныхъ мѣстъ, чтобы познакомиться, какъ съ мыслями Антонія о просвѣтительномъ огнѣ, такъ и съ пріемами Насѣдки въ опроверженіи ихъ. «Что, буйственный, возносишься умомъ на разумъ св. отцевъ, положенный въ божественныхъ писаніяхъ,—такъ начинается первая глава,—и являешь новое богословіе, дабы вѣровали твоему собранію отъ книгъ, якобы Богъ огнь есть и огнемъ священнодѣйствуетъ таинство христіанское? Скажи, лукавнующій, кому вѣрить, тебѣ ли, пресмыкающемуся на земли, или возшедшему умомъ превыше всѣхъ небесъ и видѣвшему Бога—Слово и слышавшему отъ Него: въ началѣ бѣ Слово,

а не огнь, и Слово бѣ у Бога, а не огнь, и Богъ бѣ Слово, а не огнь?.. Ты, тварь, и себя не знаешь, а Творца хочешь показать вѣдомымъ по существу. Возьми, всевѣдущій, св. книгу бесѣдъ евангельскихъ и прочитай во второй бесѣдѣ слѣдующее: невозможно сказать, невозможно даже помыслить по достоинству, что есть Богъ въ существѣ,—преименен бо есть и многоименен и безъименен и проч... Ты, Антоній, отступаешь отъ исповѣданія православной вѣры, гдѣ сказано: «исповѣдую едино крещеніе», которое, какъ многократно свидѣтельствуетъ божественное писаніе, совершается водою и Духомъ, а ты утверждаешь еще другое крещеніе—огненное, и не другое, но осмое, пагубное, о которомъ Златоустъ пространно написалъ въ бесѣдѣ 40-й на Матѳея. Ты отвергаешь всѣ старые списки, греческіе и русскіе, и вѣришь внукѣ—одной печатной книгѣ, Служебнику, а мать и бабу и прабабу не словомъ, но дѣломъ, блядею являешь: ибо всѣ старые списки ни во что вмѣняешь. Вѣришь одному свидѣтельству печати, а на тысячу и тьмы старыхъ списковъ плюешь». Во второй главѣ Насѣдка говоритъ: «по истинѣ, ты во всемъ уподобляешься еретику Несторію. Онъ, проклятый, допускалъ во Христѣ два состава (лица)...; а ты называешь Духа Святаго огнемъ..., и приписываешь въ составъ Святаго Духа вседѣтельную силу Его — огонь... Три состава (лица) святыя Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, и святымъ невѣдомы: ты же и четвертый составъ (лице) небоязненно проповѣдуешь всей Россіи»... Въ третьей главѣ: «къ тому же воспоминаю тебѣ, Антоній, о старой старинѣ, о заблудшихъ древнихъ еретикахъ. Иные изъ нихъ прельстились отъ книгъ, какъ и я съ тобою, пьяный, брежу, и тщеславимся, и хвастаемъ, и лжемъ, чтобъ насъ

люди хвалили... Поразмысли, во что̀ полагаешь ты Св. Духа и огонь: не два ли духа и не два ли состава раздѣляешь?.. Духъ Святый, невидимый и непостижимый для самихъ силъ небесныхъ, и вѣруется, и исповѣдуется, и прославляется, не по видимымъ явленіямъ своимъ, каковы были голубь и огнь, а по невидимому своему существу, какъ Духъ... Онъ выше всѣхъ своихъ явленій и не прелагается ни въ огнь, ни въ голубя»... Въ четвертой главѣ: «ты небоязненно всѣхъ учишь, что Духъ Святый благодать свою апостоламъ огненнымъ видѣніемъ отдѣлилъ отъ себя, и нынѣ такъ же отдѣляетъ отъ себя же огненнымъ видѣніемъ, по сказанному: т о й в ы к р е с т и т ъ Д у х о м ъ С в я т ы м ъ и о г н е м ъ. А я, хотя не риторъ, не витія, но глупецъ и пьяница, вижу, что ты свои слова не прямо отъ книгъ свидѣтельствуешь, но собою замышляешь... Если отдѣлится благодать отъ Отдѣляющаго, который вездѣсущъ, то на комъ и гдѣ она будетъ?.. Не слышишь ли, какъ церковь Божія поетъ и величаетъ Христа: «величаемъ тя, жизнодавче Христе, и чтемъ Духъ твой Святый,— а не огонь святый, — егоже отъ Отца,—а не отъ себя,—послалъ еси божественнымъ ученикомъ своимъ»... И все божественное писаніе свидѣтельствуетъ, что не отъ себя Сынъ, но отъ Отца, послалъ Духа Святаго, а не огонь; а ты отъ Сына велишь призывать Духа Святаго и огонь съ Нимъ. И что̀ будетъ тотъ огонь? Не явно ли по твоему разуму, что ты вводишь четвертое лице Св. Троицы? И исхожденіемъ, или излитіемъ, отдѣляется тотъ огонь отъ Сына?»... Въ пятой главѣ: «ты, Антоній, откуда узналъ и уразумѣлъ о невидимомъ и непостижимомъ промыслѣ Божіемъ, и мудрствуешь, что отъ существа Божія исходитъ огнь просвѣтительный, который освя-

щаетъ всяческая? Мы не вѣруемъ твоему просвѣтительному огню, безъименному, но вѣруемъ, какъ научили насъ вѣровать св. апостолы, во Отца и Сына и Св. Духа: вотъ истинный и животъ всѣхъ, и спасеніе, и свѣтъ, и просвѣщеніе, и освященіе, и воскресеніе. А въ иной свѣтъ, кромѣ Отца и Сына и Св. Духа, мы не хочемъ вѣровать». Въ седмой главѣ: «по твоему не богословію, но богоборію..., ты говоришь, что отъ Бога исходитъ огнь просвѣтительный, и тѣмъ освящается богоявленская вода. Мы же не принимаемъ того просвѣтительнаго огня... На Іордани не огнь Богъ Отецъ послалъ на крестившагося Сына, но Духъ Святый сошелъ въ видѣ голубинѣ, и въ день пятидесятницы не огнь же сошелъ, но Духъ Святый, и явишася апостоламъ раздѣлени языцы, яко огнены, но не огненны... Насъ подобные тебѣ дураки учатъ говорить: Антоній де, для дня пятидесятницы выдумалъ произносить: «освяти, Владыко, воду сію Духомъ твоимъ Святымъ и огнемъ», и вы произносите. А какъ на Богоявленіе явился голубь, то велятъ произносить: «освяти, Владыко, воду сію Духомъ твоимъ и голубемъ». Иные же люди, со стороны, про насъ всѣхъ говорятъ: «всѣ вы взбѣсились и бредите, ибо Отецъ и Сынъ и Св. Духъ выше огня и выше свѣта и воды живой...; вы съ Антоніемъ оглохли ушами чувственными и разумными». Въ девятой главѣ: «ты, Антоній, взявъ предтечево слово, сказанное іудеямъ: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ, говоришь: то де и объ апостолахъ сказано и о насъ всѣхъ, язычникахъ... И ты, Антоній, лжешь на Предтечю... Смотри крѣпко своими пьяными глазами, кто приходилъ къ Предтечѣ и кому Предтеча говорилъ... И такое предтечево свидѣтельство ты переносишь на

апостоловъ! О, фарисей и саддукей, самъ сатана тебя научилъ: совсѣмъ не апостоламъ Предтеча говорилъ то». Въ двѣнадцатой главѣ: «Сынъ Божій сказалъ, что Духъ Святый отъ Отца исходитъ; а ты говоришь, что отъ Сына исходитъ огнь, и отъ Сына велишь (въ молитвѣ на Богоявленіе) призывать со Св. Духомъ огнь, и такимъ образомъ, по твоей безумной мудрости, между Отцомъ и Сыномъ и Св. Духомъ допускается мѣстное разстояніе: отъ Отца Духъ, отъ Сына огонь; Отецъ вина Духу, а Сынъ вина огню...; Отецъ подаетъ Св. Духа невидимымъ даромъ, а Сынъ—видимымъ даромъ, огнемъ». Въ четырнадцатой главѣ: «Златоустъ учитъ насъ о Св. Духѣ, не только не говорить, но и не помышлять, будто Онъ есть голубь, или огонь, или вѣтеръ бурный: а ты, Антоній, не только самъ мудрствуешь, но и многихъ научилъ, чтобы призывать огнь въ богоявленской молитвѣ на освященіе воды. Тебя ли лучше слушать или Златоуста?»... и проч.

Вообще сочиненіе Насѣдки, нами разсмотрѣнное, отличается самою грубою полемикою. Онъ не ограничивается только опроверженіемъ мыслей своего противника, но не щадитъ и его самого. Называетъ его не только буйнымъ, надменнымъ, хвастливымъ и подобными именами, но и дуракомъ, еретикомъ, и многократно укоряетъ его въ пьянствѣ, хотя послѣднюю слабость усвояетъ и себѣ, говоря, напримѣръ: «не сатана выучилъ тебя, Антоній, мудрствовать, но родной братъ и тебѣ и мнѣ—утопленный въ суслѣ хмѣль» ([130])

([130]) Сочиненіе Насѣдки противъ Антонія помѣщено въ лаврскомъ Сборн., № 700, л. 213 об.—294. Надобно думать, что это сочиненіе противъ Антонія Подольскаго, равно какъ и сочиненіе послѣдняго о просвѣтительномъ огнѣ, писаны еще до патріарха Филарета Никитича: потому что въ Рѣчи своей, поданной Филарету спустя нѣсколько дней послѣ его возведенія на патріар-

Сколько, однакожъ, ни старались преп. Діонисій и его сотрудники, осужденные московскимъ соборомъ за исправленіе книгъ, доказать свою невинность, осужденіе соборное тяготѣло надъ ними и страданія ихъ продолжались, пока не окончился самый періодъ между-патріаршества въ Россіи. Почему оно длилось столько времени, это понимали тогда у насъ всѣ. Не было въ Россіи того, кому слѣдовало сдѣлаться московскимъ патріархомъ. Отецъ новаго государя, митрополитъ Филаретъ Никитичъ находился въ плѣну: съ 13 апрѣля 1611 года изъ-подъ Смоленска онъ былъ отвезенъ въ Польшу и, наконецъ, заключенъ въ Маріенбургской крѣпости. Онъ болѣе всѣхъ имѣлъ права на патріаршую каѳедру, какъ по своимъ заслугамъ для церкви и отечества и страданіямъ за нихъ, такъ и потому, что еще прежде, хотя недолго, уже былъ «нареченнымъ патріархомъ» и даже писался этимъ именемъ. Да и Михаилъ Ѳедоровичъ, сдѣлавшись самъ царемъ, не могъ же допустить, чтобы его отецъ былъ подчиненнымъ, какъ митрополитъ, какому либо патріарху, избранному изъ подданныхъ. Оставалось ожидать возвращенія Филарета Никитича изъ польскаго плѣна. Переговоры о томъ съ поляками начались немедленно, какъ только воцарился Михаилъ Ѳедоровичъ; къ

шество, Насѣдка, между прочимъ, выразился: «ни Отецъ, ни Сынъ никого же крестили огнемъ, о немъ же тебѣ, государь, напреди въ *словесѣхъ сже ко Антону* извѣстимъ» (см. въ томъ же лавр. Сборн., № 700, л. 164 об.), т. е къ своей Рѣчи, представленной патріарху, Насѣдка приложилъ и свое сочиненіе противъ Антонія, которое, значитъ, уже существовало и написано было прежде. Да при патріархѣ Филаретѣ, который чрезъ нѣсколько дней послѣ своего поставленія, разсмотрѣлъ на соборѣ дѣло архимандрита Діонисія съ его сотрудниками, и призналъ ихъ невинными, а прибавку къ молитвѣ «и огнемъ» незаконною, Антоній Подольскій не осмѣлился бы уже такъ горячо отстаивать эту прибавку, устно и письменно, предъ всѣмъ народомъ въ Москвѣ и называть своихъ противниковъ еретиками.

сожалѣнію, по упорству поляковъ, долго не имѣли успѣха. Извѣщая отца (дек. 1614 г.) объ этихъ начавшихся переговорахъ, царь Михаилъ обращался къ нему въ своей граматѣ, не только какъ къ «поборнику и страдателю за святыя благосіятельныя хрестьянскія нашеи церкви и крѣпкому столпу въ православіи», но и какъ къ «старѣйшему и превысочайшему священноначаліемъ отцу отцемъ», т. е. какъ къ патріарху. И по всей Россіи имя митрополита Филарета Никитича, какъ «великаго государя», поминалось въ церквахъ, на эктеніяхъ и молитвахъ, вмѣстѣ съ именемъ самаго государя и его матери, «великой старицы инокини Мароы Ивановны» ([131]). Ростовскимъ митрополитомъ Филаретъ Никитичъ уже не былъ со времени плѣна его въ 1611 году: въ этомъ году между жителями Ярославля и ихъ начальниками произошла великая смута, и они не знали, къ кому прибѣгнуть и кто бы разсудилъ ихъ. Потому, съ общаго совѣта, положили послать въ Троице-сергіевъ монастырь къ бывшему у нихъ еще до Филарета Никитича митрополитомъ Кириллу (Завидову), и просить его, чтобы онъ возвратился на прежнюю свою каѳедру въ Ростовѣ. Кириллъ склонился на ихъ просьбу, пришелъ въ Ростовъ, потомъ въ Ярославль, умирилъ жителей, и остался ростовскимъ митрополитомъ до самой своей кончины ([132]). За то Филаретъ Никитичъ, со времени воцаренія его сына, считался уже митрополитомъ всея Россіи или московскимъ и всея Россіи. Въ 1615 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ несудимую грамату духовенству церкви св. Николая Великорѣцкаго, на Вяткѣ, числившей-

---

([131]) Собр. Госуд. Грам. III, № 25; А. И. III, № 284, стр. 449. 454—455.
([132]) Никон. Лѣтоп. VIII, 183—184; Новый Лѣтоп. во Временн. XVII, 150.

ея въ области или епархіи патріаршей, и въ этой граматѣ выразился: «а кому будетъ что искати на самихъ никольскихъ попѣхъ и дьяконѣ, ино ихъ судитъ отецъ нашъ и богомолецъ Филаретъ, митрополитъ всея Русіи, по священнымъ правиломъ и по соборному уложенью». А на антиминсахъ того времени въ области московской писалось: «освятися олтарь во имя... при благовѣрномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при митрополитѣ Филаретѣ московскомъ и всея Россіи» ([133]). Такимъ образомъ Филаретъ и во дни между-патріаршества, находясь вдали отъ Россіи, признавался верховнымъ ея архипастыремъ, хотя еще не носилъ имени патріарха.

V.

Новый періодъ жизни для русской церкви, періодъ ея самостоятельности, начался среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Едва только учреждено было патріаршество въ Россіи и еще не успѣло достаточно проявить себя, какъ для отечества нашего настало такъ-называемое смутное время,—время самозванцевъ и другихъ искателей царскаго престола, время страшнаго разоренія и опустошенія русской земли, а вмѣстѣ и русской церкви. Чрезвычайно страдали тогда всѣ жители Россіи: страдали съ ними и духовные пастыри и архипастыри.

([133]) А. Э. III, № 67, стр. 104. Такой антиминсъ сохранился въ гефсиманскомъ скиту свято-троицкой сергіевой лавры. На антиминсѣ именно написано, что «освятися олтарь... при митрополитѣ Филаретѣ московскомъ и всея Р осіи.. въ лѣто 7127 (1619) марта въ 21 день». А это было еще до возвращенія Филарета Никитича изъ плѣна.

Гибли села, города, цѣлыя области: разрушались и разграблялись и храмы Божіи, монастыри, архіерейскіе домы, церковныя имѣнія. Подавлены и глубоко разстроены были всѣ отправленія какъ государственной, такъ и церковной жизни. Патріархи Іовъ и Гермогенъ доблестно потрудились для церкви и отечества, но оба, подъ конецъ, были лишены своей святительской каѳедры; не говоримъ объ избранникѣ Лжедимитрія, патріархѣ Игнатіѣ, который лишенъ былъ сана по заслугамъ и законною властію.

При учрежденіи патріаршества въ Россіи постановлено было увеличить число епархій въ русской церкви до 19-ти; между ними, кромѣ патріаршей, прежде митрополичьей, области, должны были находиться четыре митрополіи, шесть архіепископій и восемь епископій. На самомъ же дѣлѣ первоначально явилось только 14 епархій, вмѣстѣ съ патріаршею: четыре митрополіи, шесть архіепископій и три епископіи. Большая часть изъ нихъ были прежнія епархіи, а вновь открыты только архіепископія астраханская и епископіи псковская и корельская. Первая изъ трехъ новыхъ епархій отдѣлилась отъ казанской, вторая и третья — отъ новгородской, вслѣдствіе чего казанская и новгородская епархіи уменьшились въ своемъ объемѣ. Но въ послѣдующее, смутное, время число епархій у насъ не только уже не возрастало, а еще уменьшилось двумя. Корельская епархія, послѣ взятія города Корелы шведами (въ іюлѣ 1611), закрыта навсегда. Единственный епископъ ея Сильвестръ послѣ этого временно управлялъ вологодскою епархіею, называясь то епископомъ корельскимъ, то вологодскимъ архіепископомъ, пока въ іюнѣ 1613 г. не былъ перемѣщенъ во Псковъ, гдѣ и скончался. Епархія смо-

ленская, считавшаяся архіепископіею, перешла, послѣ взятія Смоленска поляками (15 іюня 1611), во владѣнія Польши на много лѣтъ, пока Смоленскъ не былъ возвращенъ Россіи. Можетъ быть, какбы въ замѣнъ этой утраченной архіепископіи, псковская епархія въ 1611 г., по волѣ царя Михаила Өедоровича, возведена на степень архіепископіи ([134]). Другія епархіи если и не были закрыты, среди тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, то оставались безъ архипастырей на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ Астрахани, послѣ извѣстнаго архіепископа Өеодосія († 18 дек. 1606), столько пострадавшаго еще при первомъ самозванцѣ и участвовавшаго въ перенесеніи мощей св. Димитрія царевича изъ Углича, не было архіерея почти девять лѣтъ; тамъ происходили постоянныя смуты, волненія и убійства отъ казаковъ и другихъ мятежниковъ, и только при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ туда поставленъ былъ новый архіепископъ Онуфрій (15 февр. 1615). Тверская каөедра, послѣ того, какъ архіепископъ Өеоктистъ взятъ былъ тушинцами въ плѣнъ (1608) и потомъ убитъ ими, оставалась праздною около пяти лѣтъ, и только съ воцареніемъ Михаила Өедоровича, въ маѣ 1613 г., отдана была архіепископу Арсенію елассонскому, проживавшему при московскомъ архангельскомъ соборѣ. Въ Ростовѣ, послѣ взятія митрополита Филарета Никитича тушинцами въ плѣнъ, не было

([134]) Акты, относ. до юридич. быта древней Россіи, II, №№ 191—193; А. Э. III, № 4, стр. 7; Лѣтопись занятій Археогр. Комм. II, отд. II, стр. 61—64; *Суворов.* Опис. вологод. каөедр. собора, прилож. 40, стр. 176; *Соловьев.* Истор. Россіи, VIII, 454; *Строев.* Списки іерарховъ, стр. 380. Въ похвальной граматѣ Лжедимитрія псковичамъ еще въ 1610 г. упоминается какой-то *архіепископъ* псковскій и изборскій Іосифъ (А. И. II, № 305). Но кто былъ этотъ архіепископъ, откуда взялся и куда дѣвался, и справедливо ли названъ архіепископомъ, неизвѣстно.

архіерея около трехъ лѣтъ (1608—1611). Въ Суздали, послѣ изгнанія архіепископа Галактіона тѣми же тушинцами, не было епархіальнаго владыки около четырехъ лѣтъ (1608—1612). Вслѣдствіе тѣхъ же прискорбныхъ обстоятельствъ отъ новгородской епархіи временно были отдѣлены Каргополь и другіе города и уѣзды по Двинѣ и Вагу. Они отданы были вологодскому архіепископу Нектарію (съ 1613 г.) «для его скудости и вологодскаго запустѣнья», въ то время, когда Новгородъ находился подъ властію шведовъ. Съ возвращеніемъ же Новгорода подъ власть Россіи, возвращены къ новгородской епархіи граматою царя Михаила Ѳедоровича (6 іюля 1617) ([135]). Въ числѣ архипастырей, правившихъ нашими епархіями въ то тяжелое время, немало было, какъ мы уже видѣли, такихъ, которые показали высокіе примѣры приверженности къ православной вѣрѣ и отечеству: теперь упомянемъ еще о двухъ, смоленскомъ и новгородскомъ. Смоленскій архіепископъ Сергій, своею твердостію и преданностію вѣрѣ и отечеству, прославился на всю Россію, вмѣстѣ съ воеводою Шеинымъ, во время долговременной осады Смоленска королемъ Сигизмундомъ. По словамъ ярославцевъ, въ ихъ граматѣ въ Казань (март. 1611), всѣ вѣрные сыны отечества тѣмъ только и утѣшались тогда, посреди обрушившихся на него бѣдствій, что далъ имъ Богъ «за православную вѣру крѣпкаго стоятеля, святѣйшаго Гермогена, патріарха московскаго, а въ Смоленску архіепопа да премудраго боярина Шеина». Однажды, когда самъ Шеинъ, вмѣстѣ съ жителями, доведенными до крайности, пришелъ къ Сергію уговаривать его, чтобъ благословилъ

([135]) *Строев.* Списки іерарховъ по означеннымъ епархіямъ; А. И. III, № 74.

сдать городъ, Сергій, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, сказалъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и скорѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ согласится на сдачу города. Тронутые словами архипастыря, жители отложили свое намѣреніе и дали клятву стоять противъ врага до послѣдней капли крови. Когда Смоленскъ былъ взятъ, Сергій и Шеинъ были отведены въ Польшу, и отпущены въ отечество только въ 1619 году, при размѣнѣ плѣнныхъ. А о новгородскомъ митрополитѣ Исидорѣ, послѣ того, какъ Новгородъ возвращенъ былъ шведами Россіи, вотъ что писалъ самъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ своей граматѣ (27 февр. 1617): «Объ васъ, богомольцѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ, я слышалъ отъ истинныхъ и не ложныхъ сказателей — о вашемъ благоподвизательномъ страданіи и исправительномъ пастырствѣ для словеснаго стада, какъ вы за православную вѣру и христіанскія души, подобно древнимъ подвижникамъ, много разъ подвизались болѣзненнымъ постомъ и страданіями, и, ревнуя нашему учителю Христу, непрестанно обличали многія ереси и неправды, и наставляли христіанъ къ свѣту благоразумія. Многихъ, отпадшихъ отъ нашей истинной вѣры, которыхъ насильники германскаго рода приводили у васъ къ крестному цѣлованью на королевское имя, равно и тѣхъ, которыхъ они прельщали и принуждали идти въ свою землю, ты, добрый пастырь и учитель, съ своими о Христѣ сынами, архимандритами и игуменами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, усердно позаботился уловить своею духовною мрежею, и наставилъ къ истинному свѣту и правдѣ Божіей, и своимъ учительствомъ и вразумленіями освободилъ отъ прелести. Мы благодаримъ Господа, что онъ не оставляетъ народа христіан-

скаго и посылаетъ ему такихъ поборниковъ и стоятелей за словесное стадо, какъ вы» ([136]).

Въ церковномъ управленіи и судѣ не произошло никакой существенной перемѣны съ учрежденіемъ патріаршества. Патріарху передана та самая власть, какую прежде имѣлъ митрополитъ. Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали, какъ и прежде, не только всѣ лица бѣлаго и монашествующаго духовенства и приписанные къ церкви богадѣльные, но и церковные или архіерейскіе чиновники и церковные крестьяне, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, и всѣ вообще міряне по дѣламъ духовнымъ и недуховнымъ, указаннымъ прежними узаконеніями. Неприкосновенность этого духовнаго вѣдомства подтверждалась новыми граматами государей Θедора Ивановича, Бориса Θедоровича Годунова, Василія Ивановича Шуйскаго и Михаила Θедоровича ([137]). У архіереевъ, по прежнему, находились, для епархіальнаго управленія и суда, разныя служебныя лица, духовныя и свѣтскія: намѣстники, поповскіе старосты съ десятскими, священниками или діаконами, а такъ же бояре, дворецкіе и дьяки, назначавшіеся отъ государя, десятники, недѣльщики, приставы, заѣзщики, боярскія дѣти и проч. На архіереевъ, по епархіальному управленію и суду, какъ и прежде, собирались разныя пошлины съ церквей, монастырей, отдѣльныхъ лицъ духовенства и мірянъ, и

([136]) А. Э. II, № 188, стр. 322; № 183; А. И. III, № 384, стр. 453; *Соловьев.* Истор. Россіи, VIII, 227. 310—311. 392. 426—430.

([137]) Такія граматы даны были патріархамъ: Іову (Собр. Госуд. Грам. II, № 73) и Гермогену (А. Э. III, № 109, стр. 151—152), новгородскому митрополиту Варлааму (Дополн. А. И. I, № 148), псковскому архіепископу Іоакиму (Древн. Росс. Вивліоѳ., XV, 211—218) и др.

при этомъ, какъ и прежде, бывали злоупотребленія ([138]). Например, игуменъ и братія кирилло-бѣлозерскаго монастыря, въ 1601 г., жаловались царю Борису Ѳедоровичу, что прежде они сами отдавали ростовскому митрополиту Варлааму церковныя десятины и вѣнечныя пошлины, или прямо въ его митрополичью казну, или его десятникамъ на Бѣлоозерѣ, въ прошломъ же году за пошлинами пріѣзжали въ монастырь четыре митрополичьихъ десятильника, и не разъ, а три раза, и взяли съ монастыря митрополичьихъ и десятильничьихъ даровъ въ четверо больше прежняго; прежде монастырь посылалъ митрополиту иконы и разные поминки, преимущественно рыбою, дважды въ годъ, на Рождество Христово и на праздникъ Кирилла чудотворца, а теперь поминки требуются трижды въ годъ и въ гораздо большемъ размѣрѣ; кромѣ того, три раза въ годъ пріѣзжаютъ въ монастырь митрополичьи приказные, старцы, дѣти боярскіе, попы, дьяконы, звонари, сторожа и всякіе служители, до ста и болѣе человѣкъ, и всѣ требуютъ себѣ поминковъ и подарковъ; а самъ митрополитъ, въ случаѣ поставленія въ монастырь новаго игумена, беретъ себѣ за настольную грамату по шести рублей, да за столъ десять золотыхъ, возъ красной рыбы и жеребца или иноходца. Государь приказалъ, чтобы ростовскому митрополиту никакихъ поминковъ, золотыхъ, лошадей и припасовъ монастырь не давалъ, чтобы митрополичьи десятники и прочіе приказные и служеб-

([138]) А. Э. II, № 14; А. И. II, №№ 69. 86. 355; III, № 74; Допол. А. И. I, №№ 141. 148; Акт., относ. до юридич. быта древней Россіи, I, № 43. Дани и пошлины, собиравшіяся въ новгородскую софійскую казну, довольно подробно перечислены въ граматѣ новгородскаго митрополита Исидора (отъ 10 мая 1604 г.) въ Соловецкій монастырь (*Досиѳ.* Опис. Соловецк. монастыря, III, стр. 205).

ные люди ни за пошлинами, ни за поминками въ монастырь не приходили, а вносились пошлины прямо отъ монастыря въ митрополичью казну въ Ростовѣ, и чтобы монастырь, при поставленіи игумена, за настольную грамату давалъ митрополиту «по уложенью», т. е. по одному рублю ([139]). Впрочемъ, иногда и сами архіереи освобождали отъ подсудности своимъ десятинникамъ монастыри и церковные причты и подчиняли ихъ своему непосредственному суду, равно предоставляли имъ вносить церковныя пошлины прямо въ архіерейскую казну, а не чиновнымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ для сбора пошлинъ, или даже уменьшали эти пошлины, хотя онѣ и безъ того очень пооскудѣли въ смутное время вслѣдствіе разоренія и опустошенія многихъ церквей и монастырей и всего края ([140]). Подтверждая и ограждая неприкосновенность церковнаго управленія и суда, наши государи, какъ это случалось и прежде, сами же и нарушали ее своими несудимыми и тарханными граматами, которыя жаловали монастырямъ и духовенству городскихъ и сельскихъ церквей: потому что, чрезъ эти граматы, оставляли монастыри и церковные причты подсудными епархіальнымъ архіереямъ только по духовнымъ дѣламъ, а по всѣмъ прочимъ дѣламъ, какъ монастыри и причты, такъ и ихъ крестьянъ, брали въ свое непосредственное вѣдѣніе ([141]). Мы знаемъ, что стоглавый соборъ, отвѣчая на запросъ царя Ивана Васильевича о несудимыхъ граматахъ, призналъ ихъ противными священ-

([139]) А. Э. II, № 17.

([140]) А. Э. II, № 14; А. И. I, №№ 224. 231–235. 237–241; Русская Историч. Библіот., изд. археогр. Коммис. II, № 190, стр. 875 и слѣд.

([141]) А. Э. I, № 386; II, №№ 16. 62; III, № 67; А. И. II, №№ 58. 69. 77. 86.

нымъ правиламъ и постановилъ: «впредь таковымъ граматамъ не быти» (Стогл. гл. 67). Царь принялъ соборное рѣшеніе; но вскорѣ оставилъ его безъ вниманія и началъ, по прежнему, выдавать несудимыя граматы церквамъ и монастырямъ. Примѣру его слѣдовали и его преемники ([142]). Правда, само духовенство искало и просило себѣ этихъ граматъ, желая освободиться отъ власти своихъ епархіальныхъ архіереевъ по дѣламъ недуховнымъ и обольщаясь мыслію подлежать непосредственному суду своего государя. И долгое время государи дѣйствительно выражались въ своихъ несудимыхъ граматахъ о монастыряхъ и церковныхъ причтахъ: «сужу ихъ язъ, князь, или мой дворецкій», или, «сужу язъ, царь и великій князъ, или мой дворецкій болшого дворца» ([143]) Но въ первыя десятилѣтія XVII вѣка всѣ дѣла о монастыряхъ и церквахъ, по несудимымъ граматамъ, можетъ быть, вслѣдствіе многочисленности такихъ дѣлъ и невозможности завѣдывать ими лично, государи передали въ вѣдомство своего Приказа большаго дворца, и начали выражаться въ несудимыхъ граматахъ: «судятъ ихъ (монастыри и причты) на Москвѣ въ Приказѣ болшого дворца» ([144]). Такимъ образомъ монастыри и церковные причты, съ несудимыми граматами, очутились подвластными, по всѣмъ дѣламъ недуховнымъ, вмѣсто судовъ церковныхъ, епархіальныхъ, суду или судебному учрежденію, совершенно свѣтскому, которому подчиняться означало совсѣмъ уже не то, что подлежать непосредственному суду самаго государя. Въ тоже время Приказу

([142]) Нашей Истор. Р. Ц. VIII, 224.
([143]) А. Э. II, № 62; А. И. II, № 69; III, № 61.
([144]) А. И. III, № 65, стр. 59; Дополн. А. И. II, № 37.

большаго дворца начали подлежать и всѣ вообще духовныя лица, даже не имѣвшія несудимыхъ граматъ, равно какъ и духовныя учрежденія, по тѣмъ дѣламъ, по которымъ прежде подлежали вѣдѣнію самаго государя или его дворецкаго, п. вопервыхъ, всѣ владѣльцы церковныхъ имѣній, по исковымъ дѣламъ на нихъ, или управители ихъ имѣній, со стороны лицъ другихъ вѣдомствъ; а вовторыхъ—всѣ монастыри по отчетности въ монастырской казнѣ и доходахъ съ монастырскихъ имѣній: такъ какъ и стоглавый соборъ опредѣлилъ, что «монастыри и казны монастырскія вѣдаютъ и отписываютъ, по всѣмъ монастырямъ, царя и великаго князя дворецкіе и діаки, и приказываютъ архимандритомъ и игуменомъ и строителемъ съ соборными старцы, и считаютъ архимандритовъ и игуменовъ и строителей во всемъ приходѣ и расходѣ» (гл. 49. 68) ([145]) Въ какомъ именно году и при какомъ государѣ Приказъ большаго дворца принялъ въ свое вѣдѣніе всѣ эти дѣла духовныхъ лицъ и учрежденій, подлежавшія прежде непосредственному вѣдѣнію государя, неизвѣстно. Но въ запискѣ 1610—1613 года о царскомъ дворѣ уже встрѣчаемъ извѣстіе: «да во дворцѣ жъ въ Приказѣ—монастыри всѣхъ городовъ». Для болѣе удобнаго завѣдыванія такого рода дѣлами въ Приказѣ большаго дворца, кругъ дѣятельности котораго былъ весьма обширенъ, существовало даже особое отдѣленіе подъ названіемъ монастырскаго Приказа, и первое извѣстіе объ этомъ Приказѣ относится къ 1611 году ([146]).

([145]) А. И. III, №№ 61. 65. 104; А. Э. II, № 56; III, № 17; Дополн. А. И. II, № 35.

([146]) А. И. II, № 355, стр. 423; А. З. Р. IV, № 183, стр. 403; Собр. Госуд. грам. II, № 219.

Новыхъ монастырей явилось у насъ немного, и то преимущественно въ царствованіе Θедора Ивановича и отчасти Бориса Θедоровича. Въ Москвѣ основаны три монастыря: въ 1591 г. донской—въ память избавленія Москвы отъ крымскаго хана Казы-Гирея, такъ названный по имени донской иконы Богоматери, находившейся тогда въ станѣ московскаго войска; къ концу XVI вѣка -зачатіевскій и ивановскій, оба женскіе. Въ предѣлахъ тогдашней новгородской епархіи—три монастыря: къ концу XVI вѣка антоніевъ Леохновъ, въ 50-ти верстахъ отъ Новгорода, преп. Антоніемъ Леохновскимъ; въ 1603 г спасозерская благовѣщенская пустынь, въ 60-ти верстахъ отъ Устюжны, преп. Евфросиномъ, и въ 1606 г. красногорскій, въ десяти верстахъ отъ Пинеги; кромѣ того въ 1597 г. возобновленъ, царскою казною, валаамскій монастырь, разоренный шведами. Въ Казани основано два монастыря: іоанно-предтечевъ и θеодоровскій-троицкій, оба къ концу XVI вѣка. Въ Астрахани—одинъ, спасопреображенскій въ 1597 г. Въ тверской епархіи—одинъ, ниловъ-столбенскій въ 1594 году. Въ вологодской епархіи—пять: въ самой Вологдѣ—горній успенскій, дѣвичій, въ 1590 г. и галактіонова пустынь къ концу XVI вѣка, названная по имени преп. Галактіона, ея основателя; въ 85 верстахъ отъ Тотьмы бабозерская Николаевская пустынь около 1605 г.; въ 80 верстахъ отъ Устюга, на рѣкѣ Недумѣ устьнедумскій введенскій монастырь въ 1607 г., и въ Соликамскѣ—вознесенскій въ 1608 году. На Вяткѣ въ городѣ Слободскомъ—одинъ, богоявленскій, устроенный по просьбѣ всѣхъ

жителей и по благословенію патріарха Іова въ 1599 г. Въ предѣлахъ нынѣшней курской епархіи—три: въ 27 верстахъ отъ Курска коренная, Рождества Богородицы, пустынь въ 1597 г.; въ Бѣлгородѣ николаевскій въ 1599 г., и въ самомъ Курскѣ троицкій въ началѣ XVII в.—строителемъ Іоною Темкою. Не перечисляемъ другихъ монастырей, которые только упоминаются, въ первый разъ, къ концу XVI и въ началѣ XVII в., но могли быть основаны прежде ([147]). Одинъ изъ древнѣйшихъ новгородскихъ монастырей, хутынскій—варлаамовъ, доселѣ управлявшійся игуменами, возведенъ на степень архимандріи. Въ 1608 г. царь Василій Ивановичъ Шуйскій, посовѣтовавшись съ патріархомъ Гермогеномъ, рѣшилъ «для чудотворнаго мѣста и почести тоя великія обители», быть въ ней архимандриту и дать ему шапку епископскую, а патріархъ благословилъ тогдашняго игумена этой обители Трифона въ архимандриты и повелѣлъ ему «служить литургію въ епископской шапкѣ, съ рипидами и со свѣщами на коврѣ, какъ достоитъ епископу» ([148]).

Число церквей въ Москвѣ, при Өедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Өедоровичѣ, значительно умножилось (о другихъ городахъ не сохранилось свѣдѣній). Авторъ «Путешествія въ Россію датскаго принца Іоанна», посѣтившій съ нимъ Москву въ началѣ XVII вѣка, въ одномъ Кремлѣ насчитывалъ церквей, вмѣстѣ съ монастырями, и часовень до 25 ([149]). Другой очевидецъ, немало про-

---

([147]) Никон. Лѣт. VII, 315; Новый Лѣтоп. во Времен. XVII, 37; Русск. Ист. Библіот., II, № 257, столб. 1090; спис. № 104; А. Э. II, № 11, Истор. Рос. іерарх. и *Строев* Списки іерарховъ и настоятелей монастырей—см., по указателю, обо всѣхъ названныхъ монастыряхъ

([148]) Царская грамата объ этомъ напечатана въ Истор. Рос. іерархіи, VI, 626—627.

([149]) Wahrhaftige Relation der Reussischen und Moscowitischen Reise.., s. 4—5, Magdeburg, 1604.

жившій тогда съ поляками въ Москвѣ, Маскѣвичъ, упомянувъ о придворной благовѣщенской церкви съ золотымъ на куполѣ крестомъ, о главномъ храмѣ столицы — успенскомъ соборѣ и о соборѣ архангельскомъ, говоритъ: «прочихъ церквей въ Кремлѣ до 20; изъ нихъ церковь св. Іоанна, находящаяся почти посреди замка, замѣчательна по высокой каменной колокольнѣ, съ которой далеко видно во всѣ стороны столицы. На колокольнѣ 22 большихъ колокола; въ числѣ ихъ многіе не уступаютъ величиною нашему краковскому «Сигизмунду»; висятъ въ три ряда, одни надъ другими; меньшихъ же колоколовъ болѣе 30... Недалеко отъ этой церкви есть колоколъ, вылитый для одного тщеславія: виситъ онъ на деревянной башнѣ, въ двѣ сажени вышиною, чтобы могъ быть виднѣе; языкъ его раскачиваютъ 24 человѣка». Надобно замѣтить, что упомянутая ивановская колокольня сооружена царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ въ 1600 г., и при немъ же вылитъ и упомянутый огромный колоколъ ([150]). По словамъ третьяго современника-очевидца, Маржерета, въ Москвѣ вообще, а не въ Кремлѣ только, было «много церквей каменныхъ, и между ними четыре покрытыхъ золоченою мѣдью..., деревянныхъ же находилось безчисленное множество». Еще у одного иностранца, проживавшаго тогда въ Россіи, Петрея, читаемъ о Москвѣ слѣдующее: «церквей, монастырей и часовень внутри и внѣ города до 4500; однакожъ ни одна изъ нихъ не сравнится величиною съ самою меньшею изъ нѣмецкихъ церквей, потому что въ иныхъ церквахъ едва помѣстится пять или

([150]) Записки *Маскѣвича*, въ Сказан. современниковъ о Димитріѣ самозв., ч. V, 69—71, С.п.б. 1834; *Снегирев*. Памятн. москов. древностей, стр. 110. 118.

шесть человѣкъ; не встрѣчается такъ же ни одной церкви, на которой не висѣло бы, по крайней мѣрѣ, четырехъ или пяти колоколовъ, на другихъ даже девяти или двѣнадцати, смотря по величинѣ церкви, такъ что когда эти колокола зазвонятъ всѣ вмѣстѣ, поднимается такой звонъ, что никакъ нельзя разслышать другъ друга» ([151]). Но въ этомъ свидѣтельствѣ количество московскихъ церквей и часовень, безъ сомнѣнія, крайне преувеличено, хотя свидѣтель могъ принимать въ счетъ не однѣ приходскія церкви, но и домовыя, которыхъ было множество. Нѣтъ ли тутъ описки или типографской ошибки, и не слѣдуетъ ли читать 450 вмѣсто 4500? Въ такомъ случаѣ свидѣтельство было бы вѣроятнѣе: ибо и по словамъ русскаго современника, Авраамія Палицына, «тогда бысть въ царствующемъ градѣ болѣ четырехъ сотъ церквей» ([152]). Собственно же приходскихъ церквей, имѣвшихъ свои причты, можно полагать тогда въ Москвѣ около 320, слѣдовательно почти столько же, сколько ихъ и нынѣ, судя потому, что патріархъ Іовъ, какъ мы видѣли, уставилъ въ Москвѣ восемь поповскихъ старостъ, и каждому изъ нихъ подчинилъ по сорока приходскихъ священниковъ.

Но сколько ни было въ Москвѣ и во всей Россіи церквей и монастырей, почти всѣ они, болѣе или менѣе, пострадали въ смутное время. многіе были даже совершенно разорены или опустошены. Москва испытала это во время страшнаго пожара (19—21 марта 1611 г.) отъ поляковъ. «Церквей вездѣ было множество, и каменныхъ и деревянныхъ, — свидѣтель-

---

([151]) Записка *Маржерета*, въ Сказ. современ. о Димитріѣ самозв., ч. III, 34; *Петрея* Исторія о велик. княж. московскомъ, въ Чтен. М. Истор. Общ 1865, IV, отд. IV, 5—6.

([152]) *Карамзин*. X, примѣч. 454.

ствуетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ,—и все это мы въ три дня обратили въ пепелъ: пожаръ истребилъ всю красоту Москвы; уцѣлѣли только Кремль и Китай городъ, гдѣ мы сами укрывались отъ огня» ([153]). Но и здѣсь злодѣи, если не сожгли, то «многія Божіи церкви и монастыри осквернили и разорили и раки чудотворныхъ мощей разсѣкли, и чутворныя мощи поругали, и во всѣхъ Божіихъ церквахъ лошади поставили, и въ монастырехъ стали жити, и многое убійство и поруганіе и оскверненіе иноческому чину учинили». Они похитили изъ кремлевскихъ церквей всѣ драгоцѣнные сосуды и иконы, обдѣланныя серебромъ или золотомъ, передѣлывали ихъ въ деньги на жалованье своему войску, или прямо платили это жалованье драгоцѣнными сосудами, иконами и вообще церковною утварью ([154]). Такая же участь постигла монастыри и церкви и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстахъ южной и средней Россіи, гдѣ только бродили и неистовствовали польскіе и литовскіе люди, русскіе воры и измѣнники, донскіе и запорожскіе казаки, и вездѣ, разоряя храмы и обители, они не давали пощады ни инокамъ и священникамъ, ни самой святынѣ. Литовскіе люди съ измѣнниками-переяславцами, взявши Ростовъ, «раку чудотворцову Леонтьеву златую сняша и разсѣкоша по жеребьемъ, казну жъ церковную всю, и митрополіи, и градскую, пограбиша, и церкви Божія разориша».

([153]) Записки *Маскѣвича*, въ Сказ. соврем. о Димитріѣ самозв., ч. V, 74.

([154]) Собр. Госуд. Грам. II, № 251, стр. 536; Русск. Истор. Библіот. II, №№ 95. 96, столб. 245—248. 252 -253. Въ это же время поляки разграбили все имущество и припасы у проживавшаго въ Кремлѣ при архангельскомъ соборѣ Арсенія, архіепископа элассонскаго, и онъ, больной, совсѣмъ уже умиралъ отъ голода, предъ освобожденіемъ Москвы (*Палицын* Сказаніе объ осадѣ троицкаго сергіева монастыря, гл. 78, стр. 214, Моск. 1784; Иное сказаніе о самозванц , во Времен. XVI, 129—130).

Шайки Сапѣги осадили пафнутіевъ монастырь, гдѣ находились царскіе воеводы, и, овладѣвъ имъ, «посѣкоша всѣхъ, игумена и братію», и еще до 12 тысячъ войска, а самый монастырь разорили. Шайки Лисовскаго, овладѣвъ такъ же, послѣ многихъ приступовъ, монастыремъ колязинскимъ, вынули мощи чудотворца Макарія изъ серебряной раки, нѣкогда устроенной Борисомъ Годуновымъ, и повергли на земли, а самую раку разсѣкли; игумена со всею братіею и всѣхъ людей побили, всю монастырскую казну взяли, и монастырь сожгли ([155]). При разореніи толгскаго монастыря въ Ярославлѣ убиты были всѣ иноки и служки въ числѣ 46 человѣкъ. При разореніи церквей въ Вологдѣ польскими людьми и русскими ворами (въ сент. 1612 г.), умерщвлены: 3 протоіерея, 34 священника, 6 діаконовъ и 6 иноковъ, въ томъ числѣ и преп. Галактіонъ вологодскій. Самого епископа вологодскаго Сильвестра злодѣи взяли въ плѣнъ, и четыре ночи держали подъ стражей, много разъ приводили къ казни и отпустили чуть живаго. При разореніи спасоприлуцкаго монастыря, сожжено въ трапезѣ 59 монаховъ и 32 убито ([156]). Въ новгородскомъ краѣ, или сѣверной Россіи тоже самое сдѣлали шведы: мѣстное сказаніе свидѣтельствуетъ, что они «раззориша вся святыя мѣста, и монастыри, и церкви, и вся сосуды златые и серебряные, и кузнь, и раки святыхъ поимаша», и что отъ начала Новгорода не было ему такого разоренья. Равно и въ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ пятинъ, послѣ смутнаго

([155]) Никон. Лѣтоп. VIII, 104 136; Новый Лѣтоп., во Времен. XVII, 55. 116—117. 123.

([156]) Описан. яросл. толгск. монастыря, стр. 31, Яросл. 1860; Историч. свѣд. о іерарх. древней пермской и вологод. епархіи, стр. 51—52, Вологд.; *Соловьев.* Истор. Россіи, VIII, 154; Истор. Рос. іерархіи, VI, 233.

времени, постоянно встрѣчаемъ, при описаніи монастырей и церквей, такія слова: «на посадѣ монастырь, разоренъ до основанія, игумена и старцевъ нѣтъ ни одного человѣка, церковь ветха, стоитъ безъ пѣнія... и под. ([157]). «Тогда,— пишетъ современникъ-очевидецъ,—во св. Божіихъ церквахъ скотъ свой затворяху (поляки и русскіе измѣнники), и псовъ во олтарехъ питаху, освященныя жъ ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обуща преторгаху.... Чинъ иноческій и священническій не вскорѣ смерти предаяху, но прежде злѣ мучаще всячески и огнемъ жгуще, испытующе сокровищъ, и потомъ смерти предаяху... Священныхъ убо чинъ потребленъ бысть, и вси архіереи, право учащіе, или въ правдѣ стоящіе, водими, яко злодѣи, во узахъ.... Маліи отъ священнаго чина тѣхъ бѣдъ избѣгоша, память же тѣхъ язвъ многимъ и до смерти остася... Въ толико же безстудство внидше нечестивіи измѣнницы и поляки, безстрашно вземлюще св. иконы мѣстныя и царскія двери, и сія постилающе подъ скверныя постели...; иныя же св. иконы колюще, и вариво и печиво строяще. Изъ сосудовъ же церковныхъ ядяху и піяху, и смѣющеся поставляху мяса на дискосѣхъ и въ потирѣхъ питіе([158]). Съ воцареніемъ Михаила Θедоровича Романова, мало по малу начали возобновляться монастыри и церкви, какъ и все прочее въ разоренной и опустошенной Россіи. Нѣкоторые монастыри просили себѣ пособія отъ правительства, и оно не отказывало, но не могло много сдѣлать: такъ какъ само, на первыхъ порахъ, было крайне бѣдно, а между тѣмъ потребно-

([157]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 59; *Неволин.* О пятин. Новгород., приложен., стр. 369 и др.

([158]) *Авраам. Палиц.* Сказ. объ осадѣ тр.-сергіева монастыря, гл. 6, стр. 40—43. 47.

сти государства были чрезвычайно велики. Кое-гдѣ начали даже возникать новыя обители; такъ, основаны: д о р о ѳ е е в а ю ж с к а я пустынь, въ пятнадцати верстахъ отъ Рыбинска, около 1615 г., преп Дороѳеемъ; т р о и ц к а я пустынь въ Елабугѣ около 1616 г.; к о з в е р у ц к і й с п а с с к і й монастырь близъ Холмогоръ въ 1618 году (159).

Московскій патріархъ, вмѣстѣ съ епархіею, наслѣдовалъ отъ бывшаго московскаго митрополита и всѣ его церковныя имѣнія. И царь Борисъ Ѳедоровичъ подтвердилъ за патріархомъ Іовомъ, по отношенію къ этимъ имѣніямъ, тѣ самыя права и преимущества, какія изложены были въ граматѣ царя Ивана Васильевича IV митрополиту Аѳанасію; тоже самое сдѣлалъ и царь Шуйскій для патріарха Гермогена. Прочіе архіереи, сдѣлавшіеся то митрополитами, то архіепископами, но оставшіеся на прежнихъ своихъ епархіяхъ, остались и при прежнихъ имѣніяхъ, и, по существовавшему обычаю, испрашивали себѣ на тѣ имѣнія подтвердительныя граматы у новыхъ государей. Для каѳедръ же, вновь учрежденныхъ, даны были новыя имѣнія (160). Пользуясь сами церковными имѣніями, владыки, какъ и прежде, раздавали изъ этихъ имѣній помѣстья своимъ боярскимъ дѣтямъ (161). Равнымъ образомъ и монастыри испрашивали себѣ у правительства новыя подтвердительныя граматы на свои

---

(159) Дополн. А. И. II, № 75; А. Э. III, № 103; А. И. III, № 66; *Строев.* Списки іерарх. и настоят. монастырей, стр. 362. 809. 828.

(160) Собр. Госуд. Грам. II, № 73; А. Э. III, № 109, стр. 151—152. Имѣнія, пожалованныя псковскому владыкѣ—Древн. Рос. Вивлиѳ. XV, 211—218; астраханскому—*Любарск.* Іерархія астрахан. епархіи, въ Сборн. древностей казан. епархіи, стр. 196.

(161) А. И. I, №№ 224. 245; II, №№ 32. 83. 191. 281. 315. 330.

имѣнія: такія граматы сохранились не только отъ царей — Ѳедора Ивановича Годунова, Шуйскаго, Михаила Ѳедоровича, но и отъ Лжедимитрія и отъ бояръ въ періодъ междуцарствія ([163]). Въ граматахъ то подтверждалась неприкосновенность монастырскихъ имѣній и неподсудность монастырскихъ крестьянъ свѣтскимъ властямъ, то освобождались эти крестьяне отъ нѣкоторыхъ государственныхъ оброковъ и повинностей, то предоставлялись монастырямъ права на ругу отъ казны, на рыбную ловлю, на соляный промыселъ, на безпошлинную торговлю солью и под. Изъ бѣлаго духовенства только немногіе причты владѣли селами и другими угодьями или получали отъ правительства ругу, хлѣбную и денежную ([164]). Впрочемъ, въ разсматриваемое время, церковныя имѣнія мало приносили пользы своимъ владѣльцамъ, потому что, вопервыхъ, почти всѣ, болѣе или менѣе, были разорены и опустошены то поляками, то шведами, то своими русскими ворами и казаками, а вовторыхъ, были слишкомъ обременены государственными повинностями. Ратную повинность приходилось теперь духовнымъ владѣльцамъ, какъ и прочимъ, отбывать не только чаще, чѣмъ прежде, но иногда и въ большемъ размѣрѣ. Такъ, въ 1604 г., царь Борисъ Ѳедоровичъ приказалъ, чтобы патріархъ,

---

([163]) А. И. I, №№ 229. 247. 249; II, №№ 31. 33. 49. 58—61. 64. 68. 73. 7 77. 86; А. Э II, №№ 17. 19. 161. 204. 205; Русск. Истор. Библіот. II, №№ 117. 170; Акты, относ. до юрид. быта древней Россіи, I, № 41, п. III IV.

([164]) А. Э. II, №№ 16. 62. 63; А. И II, № 69; Русск. Истор Библіот. II, № 116 Вотъ, напримѣръ, сколько выдавалось ежегодной руги изъ государевой казны на причтъ смоленскаго собора: протопопу 13 рублей, 8 алтынъ, двѣ деньи; протодьякону 5 рублей, 28 алтынъ, двѣ деньги; двумъ ключаремъ и четыремъ попамъ по 5 рублей, 21 алтыну и по четыре деньги каждому: пяти дьяконамъ да уставщику по 4 рубля, 18 алтынъ и по двѣ деньги каждому; двумъ пономарямъ по 2 рубля каждому; двумъ сторожамъ да просвирнѣ по 16 алтынъ и по четыре деньги каждому (А. И. II, № 178).

митрополиты, архіепископы, епископы и монастыри выставили въ ратники, съ оружіемъ и запасами, всѣхъ своихъ слугъ, сколько есть годныхъ; а если кто не вышлетъ на службу своихъ годныхъ холопей, то за каждаго невысланнаго править съ владѣльцевъ по 15 рублей, самихъ же слугъ тѣхъ записать въ стрѣльцы безъ пощады. Въ 1608 г., по указу царя Василія Ивановича Шуйскаго, ростовскій митрополитъ Филаретъ долженъ былъ собрать своихъ боярскихъ дѣтей и даточныхъ людей со всѣхъ своихъ монастырей и селъ, а также съ помѣстій своихъ боярскихъ дѣтей, съ дыма по человѣку, и выслать, со всякимъ ратнымъ боемъ въ Переяславль. Подобныя требованія отъ архіереевъ и монастырей были и прежде, повторялись и послѣ. И нужно было владѣльцамъ не только выставить ратниковъ въ полномъ вооруженіи, но потомъ и содержать ихъ впродолженіе всей войны; а война тянулась тогда почти непрерывно ([164]). Тѣже военныя обстоятельства заставляли правительство дѣлать иногда чрезвычайные поборы съ церковныхъ имѣній хлѣбомъ и деньгами. Напримѣръ, въ Февралѣ 1614 г., велѣно было собрать на ратныхъ людей, по имѣніямъ вологодскаго архіепископа, по сту четвертей хлѣба съ каждой сохи, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — по 261 рублю съ каждой сохи. И какъ въ имѣніяхъ этого архіерея числилось пять сохъ земли, то крестьянамъ его приходилось разомъ доставить правительству пятьсотъ четвертей хлѣба и 1305 руб. деньгами. Вслѣдствіе чего крестьяне пришли въ совершенное разореніе, и многіе разбѣжались отъ тѣхъ насилій и правежей, которымъ ихъ подвергали царскіе

([164]) *Карамз.* XII, примѣч. 265; А. И. II, № 98; А. Э. I, № 345; II, № 168; III, № 38; Дополн. А. И. II, № 152. Срав. А. Э. III, №№ 79 – 81.

сборщики; а самъ архіерей, проживавшій тогда въ Москвѣ, почти «голодомъ помиралъ», и напрасно требовалъ себѣ изъ своей архіерейской экономіи запасовъ и денегъ: ему отвѣчали, что ничего нѣтъ ([165]). Въ 1617 г., по указу государеву, собрано было съ вотчинъ кирилло-бѣлозерскаго и другихъ монастырей, на жалованье московскимъ стрѣльцамъ, по 120-ти четвертей ржи да по 160-ти четвертей овса съ сохи ([166]). Кромѣ такого рода повинностей, русскіе монастыри должны были еще внести на нужды отечества и всю свою казну, какую имѣли въ запасѣ. Въ граматѣ къ игумену соловецкаго монастыря (отъ 8 авг. 1609) царь Василій Ивановичъ свидѣтельствовалъ, что, за оскудѣніемъ царской казны, изъ монастырей, которые находятся въ его державѣ, «всякая монастырская казна уже взята и роздана всякимъ служилымъ людямъ на жалованье», и приказывалъ, чтобы и соловецкій монастырь выслалъ въ Москву для той цѣли всякую свою монастырскую казну, равно и казну другихъ монастырей, если какая въ немъ хранится. Соловецкій монастырь, дѣйствительно и выслалъ сперва двѣ тысячи тогдашними рублями, а потомъ еще 3150 рублей, да печенскаго монастыря четыреста рублей, сто пятьдесятъ ефимковъ и серебряную ложку, бывшія на сбереженьи въ соловецкомъ казнохранилищѣ. А братія прилуцкаго монастыря, у которыхъ оказалось всего пятьдесятъ рублей монастырской казны, посылая (въ 1610 г.) эту казну, приложили еще, каждый отъ себя, добровольныя жертвы:

([165]) Русск. Истор. Библіот. II, № 190, стр. 869. 872. 877. 884. 891. Подобные же сборы съ имѣній вологодскаго владыки и спасо-прилуцкаго монастыря сдѣланы были и прежде, въ 1612-мъ году (А. Э. II, № 216).

([166]) А. Э. III, № 93.

игуменъ десять рублей, прочіе же чернецы—кто три рубля, кто два, кто рубль, полтину, кто нѣсколько алтынъ ([167]).

Даже богатая троицкая сергіева лавра — и та доведена была тогда до совершеннаго оскудѣнія: столько отъ нея брали. Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ взялъ изъ лаврской казны, будтобы въ займы, на ратныхъ людей -15400 рублей. Димитрій самозванецъ взялъ оттуда же почти вдвое болѣе — 30000 рублей. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ первый разъ взялъ 18355 рублей, во второй, когда лавра находилась въ осадѣ, отъ келаря Авраамія Палицына въ Москвѣ— 1000 рублей, и въ третій отъ него же 900 рублей, такъ что всего взято было тогда изъ лаврской казны 65655 рублей. Не довольствуясь этимъ, царь Шуйскій, когда, по окончаніи осады лавры, въ ней не нашлось болѣе никакихъ денегъ, велѣлъ дьяку Семену Самсонову позабрать у всѣхъ, находившихся въ лаврѣ и у монаховъ все ихъ имущество, и взялъ изъ лавры всѣ многоцѣнные сосуды, золотые и сребро-позлащенные, пожертвованные прежними царями и великими князьями, оставивъ въ ней только немногіе сосуды, малые и худшіе. Немалую услугу оказала лавра и тѣмъ, что когда случился (въ 1608 г.) страшный голодъ и московскіе купцы возвысили цѣну хлѣба до небывалыхъ размѣровъ, келарь лавры Авраамій Палицынъ, по предложенію цареву и патріарха Гермогена, открылъ житницы ея, находившіяся въ Москвѣ, и велѣлъ отпускать изъ нихъ хлѣбъ по два рубля за четверть, чѣмъ заставилъ и прочихъ продавцевъ продавать хлѣбъ по тойже цѣнѣ. Впродолженіе шестнадцатимѣсячной осады лавры,

---

([167]) А. Э. II, №№ 135. 144. 145. 160.

когда она должна была прокармливать въ своихъ стѣнахъ, кромѣ иноковъ и монастырскихъ слугъ, многихъ царскихъ воиновъ и многихъ окрестныхъ поселянъ съ цѣлыми ихъ семействами, средства ея совершенно истощились. Когда въ 1612 г. собравшееся къ Москвѣ ополченіе напрягало послѣднія усилія, чтобы освободить ее, и казаки отказывались помогать ополченію, требуя себѣ жалованья, настоятель лавры Діонисій съ келаремъ Авраміемъ и соборными старцами держали совѣтъ, что̀ бы имъ послать казакамъ, чѣмъ удержать ихъ, такъ какъ денегъ въ монастырѣ нѣтъ. И, разсудивши, послали казакамъ богатыя церковныя ризы, стихари, епитрахили, на короткое время, въ залогъ на тысячу рублей. Такая посылка тронула даже грубыхъ казаковъ: они устыдились взять церковныя вещи въ залогъ, и обѣщались терпѣть все, но отъ Москвы не уходить ([168]). Вмѣстѣ съ монастырями, епархіальными и своими домовыми, жертвовали на нужды отечества и наши архипастыри, лично отъ себя, какъ это засвидѣтельствовалъ о новгородскомъ митрополитѣ Исидорѣ князь-герой Михаилъ Васильевичъ Шуйскій ([169]).

По сказанію иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, у насъ существовали при церквахъ школы, но только первоначальныя въ которыхъ обучали одной русской граматѣ и письму. Царь Борисъ Өедоровичъ хотѣлъ завести школы для преподаванія русскимъ иностранныхъ языковъ и вызвать въ Россію просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи: но будтобы «попы и монахи воспротивились этому намѣренію,

---

([168]) *Палицынъ.* Сказаніе объ осадѣ тр.-сергіева монастыря, гл. 59. 61. 77, стр. 190. 197—200. 243.

([169]) А. Э. II, № 136, стр. 249.

объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе и единоправіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе изчезнетъ. И Борисъ отказался отъ своего намѣренія» ([170]). Другаго отвѣта и нельзя было ожидать Борису отъ русскаго духовенства при господствовавшемъ тогда у насъ взглядѣ на латинянъ и протестантовъ, которые одни только и могли быть вызваны къ намъ изъ Европы въ качествѣ учителей юношества. Единственнымъ средствомъ къ развитію своего ума и пріобрѣтенію познаній оставалось у насъ для желающихъ чтеніе книгъ. Но смутныя обстоятельства отечества вовсе не благопріятствовали книжнымъ занятіямъ. Если же и теперь мы встрѣчаемъ у себя нѣсколько довольно образованныхъ и начитанныхъ духовныхъ писателей, то всѣ они получили свое образованіе еще въ предшествовавшее время. Таковы были оба наши первые патріарха, Іовъ и Гермогенъ, и пострадавшіе за исправленіе богослужебныхъ книгъ, архимандритъ Діонисій, старецъ Арсеній Глухой и попъ Иванъ Насѣдка, съ сочиненіями которыхъ мы уже познакомились прежде. Таковы же были и авторы житій и церковныхъ службъ, появившихся тогда у насъ по поводу открытія или перенесенія св. мощей и установленія новыхъ праздниковъ. Изъ числа сочиненій этого рода извѣстны: а) житіе св. Василія блаженнаго, Христа ради юродиваго, московскаго чудотворца и канонъ ему: послѣдній написанъ соловецкимъ старцемъ Мисаиломъ ([171]); б)

([170]) *Петрей*, Исторія о вел. княжествѣ московскомъ, ч. VI, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, 421; *Беръ*, въ Сказ. современн. о Димитріѣ самозв., I, 12. Снес. *Карамз.* XI, примѣч. 125. 126.

([171]) Канонъ блаж. Василію помѣщенъ въ Каноникѣ Евфимія Туркова, игумена іосифова-волоколамскаго монастыря, писанномъ въ концѣ XVI вѣка

служба тремъ святителямъ московскимъ—Петру, Алексію и Іонѣ — неизвѣстнаго ([172]); в) повѣсть о благовѣрномъ князѣ Романѣ углицкомъ и канонъ ему: составлены, по благословенію Іова патріарха, трудами и тщаніемъ воеводы Семена Романовича Олферьева и инока переяславскаго даніилова монастыря Сергія ([173]); г) служба казанскимъ чудотворцамъ Гурію и Варсонофію—неизвѣстнаго ([174]); д) житіе преп. Антонія римлянина и сказаніе о чудесахъ его: первое только передѣлано, а второе вновь составлено (въ 1598 г.) инокомъ антоніева новгородскаго, а потомъ троице-сергіева монастыря Нифонтомъ ([175]); е) житіе московскаго митрополита Филиппа: написано неизвѣстнымъ въ соловецкомъ монастырѣ, по порученію игумена и братіи, вскорѣ послѣ перенесенія туда (въ

(Рукоп. волокол. монастыря въ моск. дух. акад. № 412) и въ другомъ Сборникѣ церковныхъ службъ тогоже времени (Рукописи *Царскаго*, № 563, л. 301 об.). А житіе блаженнаго встрѣчается въ Минеи-четьи, пис. Германомъ Тулуповымъ въ 1627 г. (Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 681, л. 74 об.) и въ другихъ рукописяхъ XVII вѣка (Рукописи *Ундольск.*, № 293).

([172]) Есть въ лаврскомъ Канорникѣ 1616 года (Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 283, л. 368) и въ слѣдованной Псалтыри, принадлежавшей архимандриту Діонисію, настоятелю лавры (Рукоп. моск. дух. акад. № 73, гл. 80, л. 958). Кѣмъ составленъ этотъ канонъ тремъ святителямъ? Не Гришкою ли Отрепьевымъ, впослѣдствіи Димитріемъ самозванцемъ? По крайней мѣрѣ, онъ хвалился чернцу Варлааму, что когда жилъ въ чудовомъ монастырѣ у архимандрита въ келіи, то «сложилъ похвалу московскимъ чудотворцамъ Петру и Алексію и Іонѣ» (А. Э. II, № 64, стр. 142), хотя подъ именемъ похвалы могъ разумѣться не канонъ, а похвальное слово святителямъ. Извѣстенъ и другой канонъ тремъ московскимъ святителямъ, но писанный нѣсколько позже княземъ Семеномъ Шаховскимъ (Рукоп. моск. дух. акад. №№ 201. 203).

([173]) Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 628, л. 88; Рукоп. *Ундольскаго*, № 363, л. 21.

([174]) Опис. рукоп. тр.-серг. лавр., № 659, л. 34; Рукоп. *Царск.* № 397, л. 322.

([175]) Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 681, л. 164; Рукоп. *Царск.*, № 564, л. 184. Снес. Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 209—210.

1590 г.) мощей святителя изъ Огроча монастыря ([176]); ж) служба преп. Корнилію комельскому и житіе его, написанное инокомъ корниліева монастыря Наѳанаиломъ, по благословенію игумена Лаврентія: свидѣтельствованы на соборѣ въ 1600 г. ([177]). Кромѣ того, вологодскій архіепископъ Іона Думинъ, по благословенію патріарха Іова, составилъ новое житіе, на основаніи прежнихъ, св Александра невскаго и похвальное слово ему. Воевода Семенъ Олферьевъ и инокъ переяславскаго даніилова монастыря Сергій написали, по благословенію тогоже патріарха, службу великому князю московскому Даніилу. Инокъ болдинскаго герасимова монастыря Филоѳей Пироговъ составилъ, къ концу XVI вѣка, канонъ преп. Нилу столбенскому и житіе его, на основаніи записокъ о немъ іеромонаха никольскаго рожковскаго монастыря Германа ([178]).

Но изъ всѣхъ сочиненій въ историческомъ родѣ, явившихся тогда у насъ, самое замѣчательное, безспорно, есть «Сказаніе о осадѣ троицкаго сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы»,—знаменитаго келаря этого монастыря Авраамія Палицына. Авторъ раздѣлилъ свое Сказаніе на 86 небольшихъ главъ. Въ первыхъ шести, составляющихъ какбы вступительную часть сочиненія, онъ кратко обозрѣваетъ состояніе Россіи въ царствованія Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, Димитрія—самозванца Отрепьева и Василія Шуйскаго, и преимущественно указываетъ тѣ злодѣянія, какія въ ней совер

([176]) Опис. рукоп. Румянц. Муз., № 361, л. 196; Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 694, л. 82; Рукоп. *Ундольск.*, № 380.

([177]) Рукоп. *Царск.*, № 563, л. 486; Рукоп. *Ундольск.*, № 329, л. 82.

([178]) Рукоп. *Ундольск.*, №№ 274. 300. 345; Опис. рукоп. тр.-серг. лавры, № 672, л. 86 об.

шались, и тѣ бѣдствія, какія она терпѣла. Въ слѣдующихъ пятидесяти двухъ главахъ, составляющихъ существенную часть сочиненія, излагаетъ самое сказаніе объ осадѣ лавры и подробно изображаетъ весь ходъ этой продолжительной и безуспѣшной осады, изумившей тогда всю Россію. Наконецъ, въ остальныхъ главахъ, составляющихъ какбы заключительную часть сочиненія, кратко повѣствуетъ о тѣхъ событіяхъ, какія совершались въ Москвѣ и во всей Россіи, во время осады лавры и вслѣдъ за окончаніемъ осады, какъ то: о пострижепіи царя Василія Шуйскаго, о смерти тушинскаго вора, о присягѣ русскихъ польскому королевичу Владиславу, о разореніи и сожженіи Москвы поляками, объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, объ избраніи царя Михаила Өедоровича, при чемъ неизбѣжно касается и того славнаго участія, какое принимали въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ событій троицкая лавра и, въ частности, онъ самъ, келарь лавры. Сочиненіе оканчивается разсказомъ о вторженіи въ Россію польскаго королевича Владислава и о заключеніи съ Польшею мира на четырнадцать лѣтъ, состоявшемся въ лаврской деревнѣ Деулинѣ 1-го декабря 1618 г., —въ память чего, по приказанію государя, лаврскія власти соорудили въ этой деревнѣ храмъ преп. Сергія и освятили 15 дек. 1619 года. Самъ Авраамій говоритъ, что онъ писалъ свою «исторію въ память впредъидущимъ родомъ, да незабвенна будутъ благодѣянія Божія», какія явилъ Господь, по предстательству Богоматери, чрезъ своихъ угодниковъ, Сергія и Никона радонежскихъ, лаврѣ и всей Россіи, а вмѣстѣ и съ цѣлію дать современникамъ и потомкамъ «нѣкое дарованіе духовное», поучительное и назидательное чтеніе. И потому разсказываетъ въ своей исторіи

и о чудесахъ, совершившихся въ то время, и нерѣдко дѣлаетъ общія замѣчанія, что виною всѣхъ бѣдствій Россіи были ея грѣхи, обличаетъ соотечественниковъ въ крайнемъ развращеніи и нечестіи, призываетъ ихъ къ покаянію и исправленію жизни. Все сочиненіе проникнуто глубокимъ патріотизмомъ и приверженностію къ св. православной вѣрѣ, и отличается краснорѣчіемъ и правдивостію. Многое, о чемъ пишетъ авторъ, онъ видѣлъ своими глазами, во многомъ онъ даже участвовалъ лично, а о всемъ прочемъ собралъ свѣдѣнія отъ очевидцевъ, и, какъ увѣряетъ, тщательно провѣрилъ, хотя, быть можетъ, при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ, и не съумѣлъ кое-гдѣ соблюсти полнаго безпристрастія, особенно когда говорилъ о самомъ себѣ ([179]).

Достоинство сочиненія Авраамія Палицына сдѣлается для насъ еще осязательнѣе, когда мы обратимъ вниманіе на то невѣжество, какое господствовало тогда не только въ нашемъ народѣ, но и въ духовенствѣ. Иностранцы съ удивленіемъ говорятъ о нашихъ попахъ-неучахъ, что они не въ состояніи были дать никакого отвѣта, когда ихъ спрашивали что либо изъ библіи, или изъ св. отцевъ, объ ихъ вѣрѣ, а нѣкоторые не умѣли даже читать и писать. Старецъ Арсеній Глухой писалъ боярину Салтыкову, что сами московскія власти и честные протопопы не разумѣли добрѣ того, что они пѣвали въ церквахъ, и «только по чернилу проходили божественныя писанія, смысла же ихъ не старались узнать», и совѣтовалъ боярину: «спроси лучшаго архимандрита или попа, пусть дадутъ отвѣтъ, какой смыслъ имѣютъ слова Богородична о Христѣ: «не во двою лицу

([179]) Сказаніе Авраамія объ осадѣ тр.-сергіева монастыря въ первый разъ напечатано въ 1784 г., въ Москвѣ, а потомъ печаталось нѣсколько разъ.

раздѣляемый, но во двою естеству неслитно познаваемый», и чьи зловѣрныя ученія св. Іоаннъ Дамаскинъ отвергаетъ этими словами. А если какой архимандритъ или попъ не дастъ объясненія этимъ реченіямъ, то онъ ничѣмъ не разнится отъ невѣжды поселянина, и срамъ такому носить на себѣ имя великаго церковнаго чина, догматовъ же православія не разумѣть» ([180]). И вся исторія пресловутаго суда надъ архимандритомъ Діонисіемъ съ его сотрудниками и осужденіе ихъ, какъ еретиковъ, всѣ эти жаркіе споры, волновавшіе Москву, изъ-за прибавки: «и огнемъ» и исправленія нелѣпыхъ окончаній въ нѣкоторыхъ молитвахъ, до очевидности показываютъ, какъ жалко было образованіе тогдашняго московскаго духовенства. Съ невѣжествомъ въ народѣ и самихъ пастыряхъ церкви соединялось крайняя невнимательность и пренебреженіе къ церковному богослуженію. Многіе со слезами жаловались патріарху Гермогену на безчиніе, допускавшееся въ церквахъ, и Гермогенъ счелъ нужнымъ издать «посланіе наказательно ко всѣмъ людямъ, паче же священникомъ и діакономъ о исправленіи церковнаго пѣнія». Здѣсь онъ обличалъ священниковъ за то, что они совершали церковныя службы не по преданію св. апостолъ и не по уставу св. отцевъ, а «говорили де голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и въ пять, и въ шесть»; обличалъ и міряпъ, свидѣтельствуя: «вѣмъ многихъ, собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ; овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ» ([181]).

([180]) *Петрей*, Исторія о вел. княжествѣ Московскомъ, ч. VI, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, 418; Рукоп. Сборн. тр.-серг. лавры, № 700, л. 323.

([181]) Отрывокъ изъ этого посланія Гермогенова напечатанъ у *Сахар.* Изслѣдов. о русск. церк. пѣснопѣніи, стр. 11—12, Спб. 1849.

Что же касается до нравственности русскаго народа, то она проявила себя въ періодъ смутнаго времени во всемъ безобразіи. Сами русскіе, напримѣръ, Авраамій Палицынъ, особенно въ шестой главѣ своего сочиненія, описывали ее крайне мрачными красками, и сознавались, что нечестіе между русскими усилилось до послѣдней степени, и что они своими злодѣяніями вполнѣ заслужили гнѣвъ небесный. Тоже повторяли и жившіе въ Россіи иностранцы. «Во всѣхъ сословіяхъ, — свидѣтельствуетъ, напримѣръ; Беръ (Буссовъ), — воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли... Не говорю уже о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ и глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. Всевышній не могъ долѣе терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечь и пламя» ([182]). Одно только святое чувство оставалось и тогда въ русскихъ твердымъ и непоколебимымъ: это чувство любви и преданности къ своей православной вѣрѣ, и оно-то, болѣе всего, спасло тогда Россію. Если русскіе умертвили перваго Лжедимитрія-царя, то умертвили, преимущественно какъ оскорбителя ихъ вѣры, какъ еретика. Если они отказались принять къ себѣ на царство польскаго королевича Владислава, хотя и присягнули ему, то отказались потому, что онъ не согласился принять православія, какъ они

([182]) Сказанія современн. о Димитріѣ-самозван., I, 43—44; *Карамз.* XI, примѣч. 190.

требовали. Если, наконецъ, со всѣхъ краевъ Россіи подвиглись дружины на освобожденіе Москвы, то подвиглись особенно во имя православной вѣры, оскорбленной и поруганной поляками, и чтобы спасти ее отъ конечнаго раззоренія. «Русскіе, по свидѣтельству Петрея, однихъ только себя считали христіанами па землѣ, а всѣхъ другихъ на свѣтѣ называли нехристями, язычниками и еретиками... Къ лютеранской вѣрѣ они были расположены нѣсколько больше, чѣмъ къ католической, и говорили, что лютеранская могла бы еще быть терпима, еслибы только лютеране, прогнавъ сначала папистическихъ учителей, не дѣлали никакихъ перемѣнъ въ церковныхъ обрядахъ и не порочили монашества, всегда святаго и чистаго». Потому-то лютеранамъ, при Годуновѣ, дозволялось имѣть близъ Москвы свою кирку, въ Яузской слободѣ, и свободно отправлять свое богослуженіе, а латинянамъ не позволялось. «Всѣ иностранцы въ Россіи, свидѣтельствуетъ такъ же Маржеретъ, могли исповѣдывать свою религію всенародно, исключая римскихъ католиковъ» ([183]).

Сношенія русскихъ съ православнымъ востокомъ не прекращались и, по прежнему, выражались пособіями тамошнему духовенству. Въ 1591 г. патріархъ Іовъ далъ грамату (отъ 16 апрѣля) архимандриту хиландарскаго святогорскаго монастыря Григорію, которою дозволялъ собирать въ Россіи милостыню на эту обитель во всякое время, а всѣхъ русскихъ, духовныхъ и міряпъ, благословлялъ не отказывать обители въ

([183]) *Петрей*, Истор. о вел. княж. москов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, 431. 435; *Маржеретъ*, въ Сказ. современн. о Димитріѣ-самозв. III, 28—29. Въ 1613 году у насъ многихъ латинянъ и вообще христіанъ—иноземцевъ перекрещивали. (Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., II, отд. II, 63—64).

своихъ посильныхъ приношеніяхъ. Въ 1592 г. царь Өедоръ Ивановичъ пожаловалъ, на сооруженіе пантелеимонова святогорскаго монастыря, тамошнему архимандриту Неофиту пятьсотъ рублей, и послалъ десяти старѣйшимъ митрополитамъ греческимъ по сорока соболей. А въ слѣдующемъ году отправилъ Трифона Коробейникова и Михаила Огаркова, съ своею заздравною милостынею, въ Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ и на Синайскую гору. Милостыни отпущено было 5534 золотыхъ угорскихъ, да три золотыхъ португальскихъ, равнявшихся тридцати золотымъ угорскимъ, да восемь сороковъ соболей, сорокъ куницъ и много другой пушной рухляди, и велѣно было раздать въ тѣхъ мѣстахъ всю эту милостыню, по государеву наказу и росписи, патріархамъ, митрополитамъ, архіепископамъ, на церкви, монастыри и по рукамъ нищимъ. Коробейниковъ и Огарковъ въ точности исполнили волю государя и представили подробный отчетъ, изъ котораго видно, сколько, гдѣ и кому дано, а равно и то, что въ Царьградѣ и его окрестностяхъ было еще тогда 46 православныхъ церквей и семь монастырей, въ Іерусалимѣ—девять монастырей, на Синайской горѣ и около нея—пять монастырей. Тѣмъ же посланцамъ дана была еще особая сумма въ 600 золотыхъ угорскихъ, изъ которой они, по государевой росписи, раздали милостыню: въ литовской землѣ, въ Каменцѣ-подольскомъ—семи церквамъ, которыя и перечислены въ отчетѣ; въ волошной землѣ, въ Яссахъ — митрополиту, соборной церкви и на монастырь; въ Исакчѣ на берегу Дуная — одной сербской церкви, потомъ терновскому митрополиту и охридскому епископу. Царь Борисъ Өедоровичъ въ 1599 г. пожаловалъ на монастырь св. Саввы освященнаго въ Іерусалимѣ семь образовъ окладныхъ,

пятьдесятъ рублей деньгами, два сорока соболей, два сорока куницъ и двѣ тысячи бѣлокъ; а въ 1603 г., двумя своими граматами, разрѣшилъ старцамъ хиландарскаго монастыря свободный пріѣздъ въ Россію для собиранія милостыни, и утвердилъ за этимъ монастыремъ подворье въ Москвѣ, данное ему еще царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Къ концу тогоже года прибыли въ Москву за милостынею многія духовныя лица изъ разныхъ мѣстъ востока, въ томъ числѣ отъ іерусалимскаго патріарха Софронія архимандритъ Ѳеофанъ, который впослѣдствіи пріѣзжалъ къ намъ уже въ санѣ іерусалимскаго патріарха, и всѣ, по обычаю, поднесли государю привезенныя съ собою, кто св. иконы, кто мощи святыхъ. И Борисъ Ѳеодоровичъ надѣлилъ всѣхъ ихъ своею милостынею, и именно пожаловалъ: митрополиту христіанопольскому Симеону, прибывшему изъ Царьграда, сто рублей, пять сороковъ соболей, два сорока куницъ и двѣсти бѣлокъ; епископу мослинскому Каллисту изъ Адріанополя—семьдесятъ рублей, два сорока соболей, столько же куницъ и тысячу бѣлокъ; архимандриту Ѳеофану отъ іерусалимскаго патріарха—восемьдесятъ рублей, два сорока соболей, три сорока куницъ, лисью шубу и тысячу бѣлокъ; архимандриту Григорію изъ іерусалимскаго монастыря Саввы освященнаго—сорокъ восемь рублей, сорокъ соболей, два сорока куницъ, лисью шубу и тысячу бѣлокъ; келарю тогоже Саввина монастыря Дамаскину — двадцать рублей, евангеліе греческое въ двадцать пять рублей, сорокъ соболей, да на строеніе монастыря тысячу золотыхъ; не перечисляемъ менѣе цѣнныхъ подарковъ, данныхъ старцамъ, прибывшимъ изъ святогорскихъ и другихъ монастырей. Представлялись всѣ эти лица и патріарху Іову, который, съ своей стороны, ода-

рилъ ихъ деньгами и ширинками и благословилъ иконами въ серебряныхъ окладахъ. Тогда же Борисъ Өедоровичъ написалъ грамату (март. 1604) іерусалимскому патріарху Софронію, которою извѣщалъ, что въ прежніе годы переслалъ ему, чрезъ его старцевъ, десять сороковъ соболей, двѣнадцать тысячъ бѣлокъ, три ризы камчатныхъ и три стихаря, а теперь посылаетъ, съ архимандритомъ Өеофаномъ, напрестольное евангеліе греческаго письма въ храмъ воскресенія Христова, церковные сосуды, рипиды, два пояса съ стихарями и соболью шубу подъ бархатомъ; да кромѣ того посылаетъ отъ себя царица Марья сулокъ сажелый, ширинку и триста золотыхъ, да царевичъ Өедоръ отъ себя—двѣ тысячи золотыхъ. Во второй половинѣ 1604 года и въ началѣ слѣдующаго прибыло въ Москву за милостынею еще болѣе просителей съ востока: митрополитъ терновскій Діонисій, который уже былъ у насъ при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ, архіепископъ акмолинскій Өеодосій съ граматою къ государю отъ цареградскаго патріарха Рафаила, архіепископъ ахридскій Аөанасій, епископъ мглинскій Іосифъ изъ Болгаріи, митрополитъ пелагонскій Іеремія, архимандритъ синайскій Іоасафъ, съ граматами къ государю отъ патріарховъ—александрійскаго Кирилла Лукариса и іерусалимскаго Софронія и многіе другіе архимандриты и старцы изъ монастырей аөонскихъ. Всѣ они поднесли Борису Өедоровичу обычные подарки: иконы, мощи святыхъ; всѣ были радушно приняты имъ, не разъ удостоивались его бесѣды. Но успѣлъ ли онъ отблагодарить ихъ своею милостынею и отпустить съ миромъ обратно, не сохранилось свѣдѣній: 13-го апрѣля 1605 г. царь Борисъ внезапно скончался. Когда явился первый Лжедимитрій, въ Палестинѣ пронеслась вѣсть, что это

истинный царевичъ, сынъ Ивана Грознаго, и патріархъ іерусалимскій Софроній поспѣшилъ написать къ Лжедимитрію грамату (въ 1605 г.), выражалъ ему радость всѣхъ восточныхъ христіанъ о его будтобы чудесномъ спасеніи, желалъ ему успѣха въ достиженіи прародительскаго престола и просилъ будущаго царя, чтобы онъ подражалъ покойному брату своему Ѳедору Ивановичу въ своихъ милостяхъ бѣдствующимъ православнымъ церквамъ Палестины. Святитель Божій, конечно, не зналъ, что онъ обращался къ самозванцу и отступнику отъ православія. Въ смутное время сношенія Россіи съ востокомъ должны были прекратиться. Но царь Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ только вступилъ на престолъ, написалъ грамату (въ іюнѣ 1613 г.) цареградскому патріарху, въ которой, сказавъ кратко о бывшихъ въ Россіи смутахъ и переворотахъ, извѣщалъ о своемъ избраніи на царство, просилъ молитвъ первосвятителя и, несмотря на скудость свою въ казнѣ и во всемъ, послалъ ему милостыни сорокъ соболей; а чрезъ два года отправилъ къ новому цареградскому патріарху Тимоѳею такую же грамату, шесть сороковъ соболей, и въ заключеніи граматы давалъ обѣщаніе: «мы ваше архіерейство нашимъ жалованьемъ забывать не будемъ, и нашу царскую милостыню къ вамъ начнемъ посылать свыше прежняго». Спустя еще четыре года прибылъ въ Москву, по желанію всѣхъ восточныхъ патріарховъ, іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, уже бывшій у насъ прежде въ санѣ архимандрита, и положилъ начало для новыхъ постоянныхъ сношеній Россіи съ восточными церквами ([184]).

([184]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XII, 414. 425—449; *Муравьев.* Сношенія Россіи съ Востокомъ, I, 229. 261. 265—278. 286—340.

Этому-то первосвятителю и суждено было для восточно-русской церкви, уже около восьми лѣтъ не имѣвшей у себя патріарха, поставить новаго патріарха, а вслѣдъ за тѣмъ и для западно-русской церкви, еще болѣе лѣтъ бѣдствовавшей подъ властію уніатскихъ митрополитовъ, поставить новаго православнаго митрополита. Но здѣсь мы должны остановиться, чтобы предварительно обозрѣть состояніе западно-русской митрополіи съ того времени, какъ она принуждена была подпасть подъ владычество уніатскихъ митрополитовъ.

ГЛАВА II.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УНІЕЮ, ПОДЪ ГНЕТОМЪ УНІАТСКИХЪ МИТРОПОЛИТОВЪ.

Унія въ Литвѣ или, вѣрнѣе, въ западно-русскомъ краѣ, началась анаѳемою. Православный соборъ въ Брестѣ изрекъ 9-го октября 1596 года анаѳему на владыкъ, измѣнившихъ православію и принявшихъ унію, низложилъ ихъ и послалъ къ королю Сигизмунду III просьбу, чтобы онъ далъ своимъ православнымъ подданнымъ новаго митрополита и епископовъ на мѣсто измѣнниковъ. Соборъ уніатовъ и латинянъ тамъ же и въ тотъ же день изрекъ анаѳему на православныхъ, духовныхъ и мірянъ, не захотѣвшихъ принять уніи, низложилъ оставшихся въ православіи двухъ епископовъ (львовскаго Гедеона и перемышльскаго Михаила) и все духовенство, и просилъ короля утвердить это рѣшеніе и привести въ исполненіе ([185]). Первая анаѳема была совершенно справедлива: православные признали и объявили низложенными и отлученными отъ православной церкви тѣхъ своихъ владыкъ, которые уже сами отлучились и отдѣлились отъ нея, измѣнивъ православію. Послѣдняя анаѳема была совершенно несправедлива и даже не имѣла смысла. Отъ какой церкви уніаты и латиняне могли

([185]) О началѣ уніи въ западно-русскомъ краѣ—см. нашей Истор. Русск. церкви IX, 478—689.

отлучить православныхъ въ Литвѣ? Отъ римской? Да православные эти и не принадлежали къ римской церкви и еще прежде ею же самою признавались схизматиками, т. е. отлученными и отдѣленными отъ нея. Отъ православной? Но отлучать отъ православной церкви уніаты и латиняне и всѣ ихъ духовныя власти не имѣютъ ни права, ни возможности. А отлучить православныхъ отъ православной церкви и низложить православныхъ епископовъ и пресвитеровъ за то только, что они остались вѣрными своей церкви, не захотѣли измѣнить ей и послѣдовать за другими владыками, измѣнниками, съ митрополитомъ во главѣ—это верхъ несправедливости и безразсудства. И, однакожъ, король Сигизмундъ III принялъ сторону уніатовъ, а не православныхъ. Онъ утвердилъ опредѣленіе уніатскаго собора, призналъ православныхъ епископовъ и прочихъ духовныхъ, не согласившихся на унію, лишенными сана и отлученными отъ церкви, оставилъ митрополита и другихъ владыкъ, принявшихъ унію, архипастырями въ тѣхъ самыхъ православныхъ епархіяхъ, которыя подчинены были имъ прежде, и издалъ универсалъ (15 декаб. 1596) ко всему православному литовско-русскому духовенству и мірянамъ, чтобы они не считали Гедеона Болобана и Михаила Копыстенскаго, пребывшихъ твердыми въ православіи, за своихъ владыкъ, какъ проклятыхъ и низложенныхъ, не брали у нихъ благословенія и не имѣли съ ними никакого общенія, но чтобы, напротивъ, оказывали полное послушаніе митрополиту Рогозѣ и другимъ владыкамъ, принявшимъ унію, какъ своимъ законнымъ пастырямъ, и ни въ чемъ противъ нихъ не возмущались ([186]). Такимъ образомъ къ одной неправдѣ противъ православныхъ,

---

([186]) А. З. Р. IV, № 114.

неправдѣ церковной—со стороны уніатскихъ іерарховъ присоединилась другая неправда—гражданская — со стороны короля. Король не далъ православнымъ, несмотря на ихъ просьбу, новаго православнаго митрополита и владыкъ на мѣсто отпадшихъ въ унію, и запрещалъ повиноваться даже двумъ остальнымъ владыкамъ, не измѣнившимъ православію; напротивъ приказывалъ повиноваться митрополиту и владыкамъ—измѣнникамъ, принявшимъ унію, т. е. приказывалъ, чтобы и всѣ православные принимали унію: этимъ онъ открыто нарушалъ коренные законы своего государства, которыми предоставлялась полная свобода вѣроисповѣданія всѣмъ подданнымъ короля, въ томъ числѣ и православнымъ, и въ соблюденіи которыхъ онъ далъ присягу, при самомъ своемъ короновании. И эта двойственная неправда, церковная и гражданская, положенная въ основу литовской церковной уніи, прошла потомъ чрезъ всю ея исторію.

Около четверти столѣтія съ появленія въ Литвѣ уніи, (1596 -1621) западно-русская церковь не имѣла у себя православнаго митрополита и принуждаема была оставаться подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ, съ которыми и вела непрерывную борьбу. Митрополитъ и владыки, принявшіе унію, возвратились съ брестскаго собора на свои прежнія, православныя, епархіи, дѣлали все, что могли, для привлеченія подвѣдомаго имъ духовенства и мірянъ къ излюбленной уніи, поддерживаемые самимъ королемъ и другими латино-польскими властями. Православные же имѣли у себя только двухъ епископовъ, которыхъ, при томъ, не признавало свѣтское правительство, и еще вдалекѣ, въ Константинополѣ, своего верховнаго первосвятителя—патріарха, и могли находить для себя

поддержку только въ лицѣ доблестнаго князя Константина Константиновича Острожскаго и другихъ православныхъ дворянъ и властей. Нападающими въ этой борьбѣ были постоянно уніаты; православные же старались только защищать и охранять свою вѣру и церковь. Степень нападеній и самый характеръ ихъ обусловливались преимущественно личными качествами уніатскихъ митрополитовъ, которые владычествовали тогда въ западно-русской митрополіи и заправляли всѣмъ дѣломъ распространенія и утвержденія уніи среди православной паствы.

I.

Первыя два дѣйствія противъ православныхъ, одно уніатскаго митрополита Михаила Рогозы, другое короля Сигизмунда, намъ уже извѣстны. Митрополитъ, тотчасъ послѣ брестскаго собора, объявилъ окружною граматою (10 окт. 1596) по всей православной митрополіи, что епископы львовскій и перемышльскій и всѣ архимандриты, игумены, протоіереи и священники, не послѣдовавшіе за нимъ, своимъ архипастыремъ, въ унію, преданы проклятію и лишены сана навсегда, и что потому православные не должны считать ихъ за своихъ епископовъ или пресвитеровъ, какъ проклятыхъ, а кто станетъ считать, тотъ самъ да будетъ проклятъ со всѣмъ своимъ домомъ. Король такъ же издалъ приказъ (15 дек.) ко всѣмъ православнымъ, чтобы они не признавали Гедеона и Михаила Копыстенскаго своими епископами и не имѣли съ ними никакого общенія, какъ съ низложенными и проклятыми, а признавали своими законными архипастырями митрополита Рогозу

и другихъ владыкъ, принявшихъ унію, и оказывали имъ совершенное послушаніе во всемъ ([167]). Чѣмъ же отвѣчала на это православная церковная власть? Уполномоченный цареградскаго патріарха, протосинкеллъ и экзархъ Никифоръ, находившійся тогда въ Литвѣ, немедленно разослалъ свою окружную грамату (11 окт.), въ которой, напоминая православнымъ, что митрополитъ Рогоза и съ нимъ другіе епископы, за отступничество въ унію, преданы православнымъ соборомъ «конечному отверженію», благословлялъ всѣхъ оставшихся вѣрными православію священнослужителей невозбранно совершать свои священнодѣйствія по всей митрополіи и поминать въ молитвахъ, вмѣсто митрополита и владыкъ—отступниковъ, имя одного цареградскаго патріарха, а епископамъ, львовскому и перемышльскому, разрѣшалъ принимать всѣхъ православныхъ, которые будутъ приходить къ нимъ по своимъ церковнымъ нуждамъ, слѣдовательно и изъ другихъ епархій, оставшихся безъ православныхъ архипастырей ([168]). Въ тоже время православные отправили списокъ дѣяній своего брестскаго собора къ самому вселенскому патріарху. Къ счастію, на цареградскую каѳедру только-что вступилъ тогда, въ качествѣ мѣстоблюстителя, александрійскій патріархъ Мелетій, іерархъ ученый, благочестивый, ревностный къ своему долгу и, главное, хорошо знакомый съ положеніемъ западно-русской митрополіи, съ которою неразъ сносился и прежде. Онъ разсмотрѣлъ соборное дѣяніе, и въ письмѣ на имя князя К. К. Острожскаго и всѣхъ православныхъ въ Литвѣ (отъ 27 апрѣля 1597) вполнѣ одобрилъ этотъ соборъ, призналъ низверженіе

([167]) А. З. Р. IV, №№ 109. 114.

([168]) А. З. Р. IV, № 111.

отпадшихъ въ унію митрополита и епископовъ законнымъ и каноническимъ, выражалъ свою скорбь объ отступникахъ и радость о праведномъ соборномъ судѣ; поручалъ православнымъ молить короля своего Сигизмунда, чтобы онъ позволилъ имъ жить по отеческимъ обычаямъ и догматамъ; убѣждалъ православныхъ пребывать непреклонными въ своей вѣрѣ и удостоивать особой чести защитниковъ ея, каковъ словеснѣйшій дидаскалъ, протосинкеллъ и экзархъ вселенскаго патріарха Никифоръ, котораго несправедливо оглаголали, какъ соглядатая и шпіона, и просилъ освободить его отъ всякаго навѣта и бѣды. Спустя немного, патріархъ Мелетій, въ письмѣ на имя Гедеона епископа львовскаго и всего православнаго духовенства и народа въ малой Россіи (отъ 4 августа), приказывалъ избрать соборомъ новаго митрополита и епископовъ на мѣсто отпадшихъ въ унію и учредить при всякой епархіальной каѳедрѣ «академіи, сирѣчь, училища», особенно во Львовѣ, а до того времени, пока не будутъ поставлены новые митрополитъ и епископы, назначалъ въ Литвѣ трехъ экзарховъ вселенскаго константинопольскаго престола: епископа львовскаго Гедеона, своего александрійскаго протосинкелла, архимандрита Кирилла Лукариса, находившагося тогда въ литовскомъ краѣ, и князя К. К. Острожскаго,—этого послѣдняго съ тою цѣлію, какъ объяснялъ въ данной ему граматѣ на экзаршество, чтобы онъ, «въ случаѣ надобности, имѣлъ благословный поводъ защищать отеческія преданія». Этимъ тремъ своимъ экзархамъ завѣщавалъ патріархъ молить короля и сенатъ, да позволено будетъ православнымъ жить по отеческимъ догматамъ и обычаямъ и не держаться грегоріанскаго календаря,—такъ какъ король далъ клятву, во время своей присяги, не нарушать ни-

какихъ правъ всѣхъ своихъ подданныхъ, — и да позволено будетъ приходить въ Литву, когда понадобится, патріаршимъ уполномоченнымъ по дѣламъ церковнымъ. Еще чрезъ нѣсколько времени Мелетій писалъ къ православнымъ братствамъ въ Литвѣ (отъ 24 августа), называлъ ихъ «утвержденіемъ Христовой церкви» и какбы щитомъ для нея, и убѣждалъ ихъ не ослабѣвать въ трудахъ и подвигахъ на защиту ея среди возставшей бури отъ бывшаго митрополита кіевскаго и его соотступниковъ; писалъ къ православнымъ князьямъ Адаму Вишневецкому и Кириллу Ружинскому и всему православному духовенству и народу, благословлялъ ихъ за ихъ твердость въ православіи и увѣщавалъ ихъ неизмѣнно хранить сокровище вѣры, а всего чаще писалъ къ князю К. К. Острожскому, восхвалялъ его, какъ славнаго поборника за православіе, уподоблялъ Константину великому, и просилъ не уставать въ своихъ подвигахъ за вѣру и присоединить къ нимъ еще одинъ: «воздвигнуть училище, эту наилучшую ограду благочестія» ([189]).

Къ сожалѣнію, самыя главныя изъ распоряженій патріарха Мелетія, касавшіяся свободы вѣроисповѣданія для православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ и поставленія для нихъ новаго митрополита и епископовъ, не могли осуществиться безъ воли короля. А король Сигизмундъ былъ тогда рѣшительно противъ православныхъ и за отверженныхъ ими митрополита и владыкъ, принявшихъ унію. Едва прошло четыре мѣсяца послѣ брестскаго собора, принявшаго унію, какъ въ Варшавѣ открылся

([189]) Посланій, написанныхъ Мелетіемъ въ 1597 году къ православнымъ западно-русской церкви, извѣстно девять, и всѣ они напечатаны у Малышевскаго: «Александр. Патріархъ Мелетій Пигасъ», т. II, прилож. I, №№ 17—26. А два изъ этихъ посланій напечатаны также въ Акт. южн. и западн. Россіи, II, №№ 162. 164.

генеральный сеймъ (въ февралѣ и мартѣ 1597 г.). Прибыли на сеймъ и русскіе православные послы и объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ дѣламъ, пока не получатъ удовлетворенія по дѣлу о своей вѣрѣ,—требовали, чтобы ихъ владыки, не желающіе подчиниться папѣ, оставались при своихъ давнихъ правахъ, и чтобы вообще свято исполнялись pacta conventa, утвержденныя присягою короля. Особенно рѣзко говорилъ 7 марта предъ королемъ одинъ посолъ, панъ Гулевичъ, волынецъ, настаивая, чтобы русскіе владыки оставались при своей древней вѣрѣ, а владыки, принявшіе унію, были низвергнуты. Канцлеръ Сапѣга отвѣчалъ Гулевичу, что уніи желали и приняли ее въ Брестѣ всѣ православные, кромѣ Никифора-грека, бунтовщика и порочнаго человѣка. Этими словами глубоко огорчился князь К. К. Острожскій и вступилъ въ сильное препирательство съ Сапѣгою. Тогда король сказалъ Острожскому, чтобы онъ, какъ еще прежде обѣщался, представилъ Никифора на сеймъ. Надобно замѣтить, что это тотъ самый Никифоръ, протосинкеллъ и экзархъ, который отъ лица вселенскаго патріарха предсѣдательствовалъ на брестскомъ православномъ соборѣ, осудившемъ унію и уніатовъ, и потому былъ наиболѣе ненавистенъ всѣмъ поборникамъ уніи. Еще во время собора враги разглашали про Никифора, будто онъ не уполномоченный патріарха, а самозванецъ и вмѣстѣ шпіонъ отъ турецкаго султана, и Никифоръ въ своей рѣчи на соборѣ уже оправдывался отъ этихъ обвиненій. Когда соборъ кончился, искали только случая, чтобы привлечь Никифора къ суду, и случай скоро представился. Князь К. Острожскій, у котораго проживалъ Никифоръ, отправилъ одного волошанина, по имени Яна, въ Валахію купить турецкихъ ко-

ней. Чрезъ этого же Яна какой то греческій монахъ Пафнутій послалъ четыре письма къ роднымъ и знакомымъ. Въ одномъ изъ писемъ, между прочимъ, было сказано: «хищные волки, т. е. псы ляхи принуждаютъ нашихъ христіанъ на свою папежскую вѣру и бьются между собою, уже ихъ до двадцати тысячъ полегло»; а въ другомъ: «дай Богъ здоровья нашему цесарю; если бы онъ хотѣлъ на Польшу, то теперь бы время». Проѣзжая черезъ Шаргородъ, имѣніе гетмана Замойскаго, волошанинъ, въ пьяномъ состояніи, обронилъ на рынкѣ свою торбу, въ которой находились и деньги и письма. Торба немедленно была доставлена шаргородскому старостѣ, а староста препроводилъ ее къ самому гетману Замойскому, который находился тогда во враждѣ съ княземъ Острожскимъ. Гетманъ принялъ письма Пафнутіевы за письма Никифора, и донесъ на него королю, какъ на шпіона. Король обязалъ князя Острожскаго представить Никифора на сеймъ, когда сеймъ соберется, и вотъ теперь напомнилъ князю объ его обязательствѣ. Острожскій исполнилъ волю короля, представилъ Никифора (10-го марта), но требовалъ, чтобы Никифора судили не тайно и приватно на судѣ маршальскомъ, а публично предъ королемъ и всѣмъ сенатомъ, въ чемъ поддержали Острожскаго и другіе сенаторы и послы. Судъ надъ Никифоромъ начался 11 марта въ сенатѣ предъ лицемъ короля и въ присутствіи почти всѣхъ пословъ. Инстигаторъ обвинялъ Никифора, какъ турецкаго шпіона, и въ доказательство упоминалъ о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ его въ Валахіи и прочелъ всѣ четыре письма, писанныя монахомъ Пафнутіемъ. Допрошенъ былъ Янъ волошанинъ, обронившій эти письма, и показалъ, что о. Никифоръ не посылалъ его и никакихъ писемъ ему не давалъ, а прочитан-

ныя письма далъ ему греческій монахъ Пафнутій, подписавшійся подъ ними, который поѣхалъ теперь въ Москву съ мѣщаниномъ пана гетмана Замойскаго Моратомъ. Прокураторъ Никифора опровергалъ, — одно за другимъ, всѣ обвиненія, взводимыя на него инстигаторомъ. Наконецъ дано было слово самому Никифору. И онъ, не зная польскаго языка, сказалъ по-волошски, что нѣсколько лѣтъ былъ ректоромъ еллинскихъ и греческихъ наукъ въ Падуѣ, гдѣ слушали его и юноши изъ Польши; потомъ семь лѣтъ былъ проповѣдникомъ въ Венеціи, въ греческой церкви св. Марка; возвратившись въ Константинополь, сдѣланъ великимъ протосинкелломъ патріаршаго престола и два раза временно управлялъ всею патріархіею, о чемъ знаютъ всѣ православные; а теперь присланъ отъ патріаршей каѳедры въ здѣшнюю митрополію по возникшимъ въ ней замѣшательствамъ въ дѣлахъ церковныхъ. На другой день, 12 марта, въ сенатѣ повторилось тоже самое; инстигаторъ обвинялъ Никифора, прокураторъ защищалъ; снова допрошенъ былъ Янъ, а Никифоръ просилъ изложить по-гречески на бумагѣ всѣ взводимыя на него обвиненія, чтобы онъ могъ дать отвѣты. Ему обѣщали это, но болѣе его въ сенатѣ публично не судили.

Уже чрезъ нѣсколько дней, когда сеймъ окончился и бывшіе на немъ разъѣхались, король судилъ Никифора приватно съ немногими оставшимися сенаторами. На этомъ судѣ опять выслушаны были, и обвинитель Никифора, и защитникъ, и Янъ волошанинъ, клятвою подтвердившій прежнее свое показаніе, и самъ Никифоръ. Послѣдній подробно отвѣчалъ на каждое изъ взводимыхъ на него обвиненій и, между прочимъ, говорилъ: «повѣдаютъ, будто я не посланъ отъ цареградскаго патріарха, такъ какъ въ Царьградѣ и нѣтъ теперь патріарха,

и не имѣю права низлагать владыкъ. Но вотъ вамъ грамата вселенскаго патріарха на пергаменѣ съ привѣшенною печатью, изъ которой видно, что я имѣю право не только ставить и низлагать владыкъ и митрополитовъ, но и созывать помѣстные соборы, будучи великимъ протосинкелломъ. И если патріархъ Іеремія умеръ, то теперь патріаршествуетъ въ Царьградѣ Мелетій, человѣкъ, извѣстный своею ученостію. Говорятъ, что я, не взявъ дозволенія у короля, пріѣхалъ на брестскій соборъ и низложилъ владыкъ. Но лично я не могъ побывать у короля съ этою цѣлію, потому что соборъ уже приближался, а панъ воевода кіевскій съ другими панами посылалъ двухъ шляхтичей извѣстить короля о моемъ пріѣздѣ. Если же король не прислалъ мнѣ особаго листа, то уже прежде выданы были имъ листы, которыми дозволялось всякому человѣку греческой вѣры пріѣзжать на соборъ въ Брестѣ»... и проч. Выслушавъ рѣчь Никифора, сенаторы разошлись: одни пошли прямо къ королю, другіе—въ ту компату, гдѣ находился князь Острожскій съ прочими сенаторами и здѣсь говорили, что все—сплетни и не стоило заниматься этимъ королю и сейму, что всему виною непріязнь гетмана къ князю Острожскому, и что владыкамъ, которыхъ низложилъ Никифоръ, было бы выгодно, еслибы его признали шпіономъ. Въ это время вошелъ въ комнату къ сенаторамъ король, и, при видѣ его, старикъ Острожскій не могъ удержаться и сказалъ ему рѣзкую рѣчь. Князь напомнилъ королю о знатности своего рода, ведущаго начало отъ древнихъ русскихъ князей, о заслугахъ своихъ предковъ и своихъ собственныхъ, жаловался на Замойскаго, который, по враждѣ къ нему—князю, гонитъ его слугъ, добрыхъ людей, хватаетъ на дорогахъ, мучитъ,

желая навести на него какое либо безчестіе, нападаетъ на его духовныхъ, и выставляетъ ихъ измѣнниками. «А ваша королевская милость,—продолжалъ затѣмъ князь,—видя насиліе надъ нами и нарушеніе нашихъ правъ, не обращаешь вниманія на свою присягу, которою обязался не ломать правъ нашихъ, но умножать и расширять. Несмотря на справедливые доводы наши и предстательство земскихъ пословъ, ты не хочешь держать насъ въ православной вѣрѣ при нашихъ правахъ, дать намъ другихъ пастырей на мѣсто отступниковъ, позволяешь этимъ отступникамъ преслѣдовать и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ идти за ними въ отступничество, позволяешь грабить ихъ, выгонять изъ имѣній. За вѣру православную наступаешь на наши права, ломаешь вольности наши и, наконецъ, налегаешь на нашу совѣсть: этимъ ты ломаешь свою присягу и все, что прежде для меня сдѣлалъ, обращаешь въ ничто послѣднею своею немилостію. Не только самъ я, сенаторъ, терплю кривду, но вижу, что дѣло идетъ къ конечной гибели всей короны польской, потому что теперь никто уже не обезпеченъ въ своемъ правѣ и вольности. Предки наши, принося государю вѣрность, послушаніе и подданство, получали взаимно отъ государя милость, справедливость и оборону, и такъ обоюдно исполнялась присяга. На старости лѣтъ я глубоко оскорбленъ въ томъ, что для меня всего дороже: въ совѣсти и православной вѣрѣ. Ожидая близкой кончины, напоминаю Вашей королевской милости: опомнитесь. Оставляю вамъ эту духовную особу, а крови его на страшномъ судѣ Божіемъ искать буду. Прошу Бога, чтобъ уже больше не видѣть мнѣ такого нарушенія правъ»... Окончивъ рѣчь, Острожскій немного отступилъ и,

обратившись къ своимъ, пошелъ вонъ изъ комнаты, поддерживаемый пріятелемъ, который напрасно упрашивалъ его подождать королевскаго отвѣта. Видя это, король послалъ за нимъ зятя его, виленскаго воеводу Радзивила съ просьбою вернуться. «Увѣряю васъ, говорилъ Радзивилъ, что король принимаетъ участіе въ вашей печали, и Никифоръ будетъ освобожденъ». Но огорченный старикъ отвѣчалъ: «пусть себѣ и Никифора съѣстъ», вышелъ изъ дворца и уѣхалъ изъ Варшавы. Оставшіеся при королѣ сенаторы высказали ему три мнѣнія: одни говорили, что надобно еще подъ пытками допросить Никифора и Яна и потомъ подвергнуть наказанію, какого окажутся достойными; другіе, что слѣдуетъ держать Никифора только подъ «почетною» стражею и стараться объ отысканіи монаха Пафнутія, чтобы узнать всю правду; третьи, что нужно задержать Яна и Никифора до тѣхъ поръ, пока не получится изъ Валахіи подлинное свидѣтельство о виновности послѣдняго. Король опредѣлилъ: не подвергать ихъ пыткамъ, но держать въ заключеніи, пока не отыщется Пафнутій. Вслѣдствіе этого Янъ былъ заключенъ въ тюрьму подъ ратушею въ Варшавѣ, а Никифоръ отосланъ на заключеніе въ маріенбургскій замокъ, гдѣ содержался нѣсколько лѣтъ и скончался будтобы отъ голода ([190]).

Заточеніе Никифора было, безъ сомнѣнія, торжествомъ для уніатскаго митрополита и епископовъ. Кромѣ того, что Никифоръ былъ главнымъ виновникомъ осужденія ихъ и при-

---

([190])—1) Извлеченіе изъ описанія варшавскаго сейма, бывшаго въ 1597 г. (*Голубев* —Матеріалы для истор. западно-русской церкви, № 15, въ Труд. Кіев. Акад. 1878, I, Прилож. стр. 46—63); 2) Слѣдственное дѣло объ экзархѣ Никифорѣ (А. З. Р. IV, № 117); 3) Сказаніе о томъ же дѣлѣ въ «Перестрогѣ» (тамъ же № 149, стр. 216—220).

пятой ими уніи, онъ и въ послѣдующее время служилъ бы для нихъ главнѣйшимъ препятствіемъ при распространеніи уніи среди западно-русской православной паствы, оставаясь здѣсь въ качествѣ уполномоченнаго отъ вселенскаго патріарха. Теперь же, когда этого препятствія не стало, уніатскіе владыки могли смѣлѣе разсчитывать на успѣхъ своего дѣла, пользуясь противъ своихъ домашнихъ враговъ и противниковъ уніи тѣмъ самымъ оружіемъ, которымъ уже начали дѣйствовать на своемъ соборѣ въ Брестѣ. Каждый владыка объявлялъ по своей епархіи, что всѣ священнослужители, которые не желаютъ принять уніи и оставаться въ подчиненіи своему владыкѣ, отлучаются отъ церкви и низлагаются, и слѣдовательно лишаются своихъ мѣстъ и тѣхъ церковныхъ доходовъ и имѣній, какими доселѣ пользовались, а всѣ міряне, сопротивляющіеся уніи, предаются проклятію и анаѳемѣ. Правда, эти анаѳематствованія и проклятія изъ устъ уніатскихъ владыкъ не могли устрашать православныхъ, ни духовенства, ни мірянъ; но отнятіе мѣстъ, доходовъ и имѣній у православныхъ священнослужителей—это была мѣра, слишкомъ для нихъ чувствительная! Еще въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ православные жили подъ охраною своихъ православныхъ властей, напримѣръ, въ имѣніяхъ князя К. К. Острожскаго и другихъ православныхъ вельможъ и дворянъ, православные пастыри могли не покоряться распоряженіямъ уніатскихъ владыкъ, и, несмотря на ихъ прещенія, продолжать свое служеніе и отправлять всѣ церковныя требы для своихъ прихожанъ. Но тамъ, гдѣ у православныхъ не было такихъ покровителей и защитниковъ, наприм., въ имѣніяхъ самого короля, въ имѣніяхъ латинскихъ и уніатскихъ пановъ и епископовъ, православнымъ священникамъ приходи-

лось избирать одно изъ двухъ: или принимать унію, чтобы сохранить за собою свой санъ, мѣсто и доходы, или лишиться всего этого и оставаться безъ всякихъ средствъ къ жизни. И нѣкоторые священники, поневолѣ, уступали; соглашались на унію, по крайней мѣрѣ, наружно, и обязывались насаждать ее въ своихъ приходахъ. А не соглашавшіеся на унію и упорно продолжавшіе священствовать и утверждать въ православіи своихъ прихожанъ подвергались и болѣе тяжкимъ насиліямъ. Такихъ схватывали и безчестили, заключали въ оковы и темницы и т. под.; приходскія церкви ихъ запечатывали, а прихожанъ оставляли безъ пастыря и богослуженія.

Въ епархіи митрополита Михаила Рогозы главнымъ городомъ оставался Кіевъ, по имени котораго онъ не переставалъ титуловаться и по принятіи уніи. И этотъ городъ, со всѣми его православными жителями и духовенствомъ, рѣшительно отказывался отъ повиновенія своему архипастырю—отступнику и открыто возставалъ противъ всѣхъ его требованій и распоряженій. Здѣсь православные чувствовали себя довольно сильными; воеводою кіевскимъ былъ князь К. К. Острожскій. Даже городскія власти, бурмистры, райцы, лавники не только сами сопротивлялись митрополиту, но еще подучали и возбуждали духовныхъ и мірянъ не покоряться ему. Митрополитъ Рогоза ничего не могъ сдѣлать одною своею властію и пожаловался королю. И король въ одинъ и тотъ же день (2 дек. 1597) подписалъ двѣ граматы въ Кіевъ, одну къ православному духовенству, а другую къ магистратскимъ сановникамъ, и приказывалъ, чтобы они не возмущались противъ своего верховнаго пастыря и во всемъ были ему послушны,—граматы, совершенно похожія на ту, съ какою прежде король обратился

ко всѣмъ православнымъ, и которая такъ мало произвела дѣйствія въ Кіевѣ ([191]). Особенно рѣзко обнаружилась эта непокорность митрополиту и самому королю въ кіево-печерской лаврѣ. Мы уже видѣли, что еще въ 1595 г. король хотѣлъ отдать ее митрополиту Рогозѣ и отнять у архимандрита Никифора Тура; но послѣдній воспротивился и остался ея настоятелемъ. Теперь, послѣ того, какъ уніатскій соборъ въ Брестѣ осудилъ, въ числѣ другихъ православныхъ духовныхъ, и Никифора Тура на низложеніе и лишеніе мѣста, король снова далъ приказъ отнять у него лавру и ввести во владѣніе ею митрополита. Объ этомъ онъ извѣстилъ самого Тура и воеводу кіевскаго князя Острожскаго, чтобы послѣдній не препятствовалъ передачѣ лавры митрополиту Рогозѣ ([192]). Но когда возный земли кіевской Романъ Овсяный, исполняя приказъ короля, прибылъ съ двумя другими лицами въ лавру: здѣсь встрѣтили его, предъ воротами обители, всею своею капитулою, монахи, имѣя позади себя, за воротами, немало вооруженныхъ людей, и объявили ему: «мы имѣемъ архимандрита, иного намъ не нужно; митрополита въ Кіевѣ нѣтъ, а Михаила Рогозу, котораго за отступничество отъ православія наши духовные низложили, мы не признаемъ за митрополита и увязать его въ нашъ монастырь не дозволимъ». Возный пытался отворить монастырскія ворота, чтобы идти къ самому Никифору Туру,—монахи всѣ закричали: «не дозволимъ этого увязанья и будемъ обороняться силою», и вознаго въ обитель не впу-

---

([191]) А. З. Р. IV, № 124. Снес. № 114.

([192]) А. З. Р. IV, № 108. Грамата короля Никифору Туру — въ архивѣ уніатск. митрополитовъ при Св. Синодѣ, рукоп. № 619. Грамата короля Острожскому—тамъ же, рукоп. № 622.

стили. Онъ старался вручить монахамъ, по крайней мѣрѣ, копіи съ королевскихъ граматъ: монахи копій не приняли. И возный ограничился тѣмъ, что внесъ (11 авг. 1597) заявленіе о всемъ этомъ въ кіевскія градскія книги ([193]). Никифоръ Туръ потребованъ былъ на королевскій судъ, и послалъ, вмѣсто себя, уполномоченныхъ (отъ 7 сент.), шляхтича кіевскаго Христофора Бѣлобережскаго и печерскаго монаха Ѳеодосія. По разсмотрѣніи дѣла на судѣ, король снова опредѣлилъ (8 ноября) отнять печерскій монастырь у Тура и передать Рогозѣ, и поручилъ исполненіе этого рѣшенія дворянину своему Яну Кошицу (2 дек.), а монахамъ лавры и ея подданнымъ послалъ особыя граматы, призывая ихъ повиноваться митрополиту Рогозѣ, какъ своему законному настоятелю, и отвергнуть Тура, какъ низложеннаго ([194]). Но и на этотъ разъ монахи оказали рѣшительное сопротивленіе. Прибывъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ вознымъ Лаврентіемъ Толочко и двумя шляхтичами, къ лаврѣ, Кошицъ, какъ самъ разсказываетъ, нашелъ монастырскія ворота запертыми и у воротъ нѣсколько сотъ вооруженныхъ казаковъ, гайдуковъ и слугъ монастырскихъ. Тотчасъ вышли и монахи, составляющіе монастырскую капитулу, и на предложеніе Кошица впустить его въ лавру для передачи ея Рогозѣ, отвѣчали: «знаемъ, за чѣмъ ты пріѣхалъ и какіе имѣешь листы отъ короля; тѣхъ листовъ и слышать и видѣть не хотимъ, и монастырь нашъ крѣпко охранять будемъ. Король ничего не имѣетъ до насъ, и мы не должны его слушать, такъ какъ онъ нарушаетъ наши права и вольности». Кошицъ старался

([193]) А. Ю. и З. Россіи II, № 163.

([194]) Архив. уніат. митропол., рукоп. №№ 424. 688; А. З. Р. IV, № 123.

склонить монаховъ къ уступчивости, но они остались непреклонными и даже грозили ему стоявшими тутъ казаками ([195]). Тогда митрополитъ, который уже и въ оффиціальныхъ бумагахъ назывался печерскимъ архимандритомъ, началъ домогаться, по крайней мѣрѣ, того, чтобы пользоваться хоть нѣкоторыми доходами отъ лавры. И вотъ, по просьбѣ его, король въ 1598 г. приказалъ князю Александру Полубенскому, который долженъ былъ лаврѣ 1300 копъ литовскихъ, внести этотъ долгъ не Никифору Туру, а митрополиту Рогозѣ; въ слѣдующемъ же году два раза предписывалъ державцѣ бобруйскому, чтобы онъ доставилъ митрополиту Рогозѣ медовую дань съ бобруйской волости, принадлежавшей печерскому монастырю, которой (дани) державца отдавать митрополиту не соглашался ([196]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Рогоза посадилъ было своихъ урядниковъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ печерскаго монастыря, особенно въ Бѣлоруссіи. Но Никифоръ Туръ лично явился туда и, при помощи монастырскихъ крестьянъ, повыгналъ этихъ урядниковъ ([197]). Въ сентябрѣ 1598 г. литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга приказалъ могилевскому чиновнику, чтобы онъ помогалъ митрополиту Рогозѣ исправно получать годовые доходы съ находящихся тамъ имѣній печерской лавры, и постарался изловить Никифора Тура ([198]). Но послѣдній въ томъ же году, вмѣстѣ со всею капитулою печерскою, подалъ жалобу на митрополита и его капитулу въ кіевскій земскій судъ за то, что митрополитъ незаконно

([195]) Архив. уніат. митроп., рукоп. № 626.
([196]) А. З. Р. IV, № 130; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 43.
([197]) Архив. Ю. З. Россіи, ч. I, т. II, № 87.
([198]) Въ архивѣ уніат. митропол., рукоп. № 625.

взялъ съ мѣщанъ могилевскихъ восемь тысячъ кокъ грошей. И судъ призналъ митрополита виновнымъ и опредѣлилъ взыскать означенную сумму съ имѣній митрополичьихъ, которыя для того и переданы монастырю печерскому ([199]).

Въ Вильнѣ положеніе православныхъ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ Кіевѣ. Въ ней преобладающее значеніе имѣли латинское духовенство и особенно іезуиты, стоявшіе за унію. Открыто бороться здѣсь съ уніатскимъ митрополитомъ православнымъ пастырямъ было невозможно, и они нашлись вынужденными покориться ему, по крайней мѣрѣ, наружно. Покорился извѣстный виленскій протопопъ Иванъ Парѳеновичъ, прежде столько ратовавшій противъ уніи со всѣмъ своимъ духовенствомъ: онъ и теперь остался намѣстникомъ митрополита въ Вильнѣ и исполнялъ его порученія. Покорились и прочіе виленскіе священники съ своими приходскими церквами, такъ что у православныхъ въ Вильнѣ не осталось ни одной церкви. Покорился и архимандритъ виленскаго свято-троицкаго монастыря Софроній, хотя это было ему очень тяжело, какъ показалъ слѣдующій случай. Въ генварѣ 1597 г., т. е. спустя какихъ нибудь три мѣсяца по принятіи уніи, когда виленскіе бурмистры, райцы и лавники, по дѣламъ своего бурмистровскаго братства, собрались въ братскомъ домѣ, предъ ними внезапно предсталъ троицкій архимандритъ Софроній, и началъ говорить: «я пришелъ заявить вашей милости, что больше не хочу быть въ троицкомъ виленскомъ монастырѣ архимандритомъ и настоятелемъ,—ибо терплю ненависть отъ всѣхъ людей за то, что поминаю на эктеніяхъ митро-

---

([199]) А. Ю. и З. Россіи, II, № 167.

полита и молюсь за него Богу. Доселѣ я дѣлалъ это противъ моей совѣсти и убѣжденія, но отселѣ я не буду просить Бога за митрополита и не хочу быть старшимъ въ монастырѣ; желаю лучше быть простымъ чернецомъ гдѣ либо и сохранить чистою свою совѣсть, нежели молиться за теперешняго митрополита». Затѣмъ Софроній положилъ на столъ предъ бурмистрами и райцами церковные и монастырскіе ключи, и молвилъ: «отъ вашей милости я имѣлъ эти ключи, и опять отдаю ихъ вамъ». Когда его спросили, — зачѣмъ онъ такъ поступилъ, и не подговорилъ ли кто его, и не нашелъ ли онъ себѣ гдѣ другаго мѣста, онъ отвѣчалъ: «я хочу лучше жить гдѣ либо подъ покровительствомъ какого нибудь пана, который будетъ защищать меня отъ митрополита, нежели оставаться здѣсь, въ Вильнѣ, и быть ему послушнымъ; добровольно принялъ я отъ васъ троицкій монастырь, добровольно и отдаю его въ ваши руки». Получивъ извѣстіе объ этомъ отъ бурмистровъ, митрополичій намѣстникъ Парѳеновичъ пригласилъ Софронія къ себѣ, и Софроній сознался предъ нимъ, что хотя отказался отъ настоятельства добровольно, но по наущенію нѣкоторыхъ соборныхъ священниковъ, и выразилъ сожалѣніе, что поступилъ необдуманно, почему и просилъ Парѳеновича походатайствовать предъ бурмистрами о возвращеніи ему, Софронію, троицкаго монастыря. Такое-то колебаніе приходилось испытывать тогда виленскому православному духовенству! ([200]).

Одно свято-троицкое братство въ Вильнѣ смѣло сопротивлялось митрополиту и уніи, но за то много и терпѣло. Еще въ августѣ 1596 г. король приказалъ сановникамъ виленскаго магистрата, чтобы они возбранили братству строить свою цер-

([200]) А. Зап. Р. IV, № 116.

ковь во имя Св. Духа, такъ какъ она назначалась будтобы не столько для хвалы Божіей, сколько для бо́льшаго распространенія ереси, т. е. православія, хотя самъ же далъ въ 1592 г. разрѣшеніе на эту постройку. Но члены братства не послушались, и начали строить свою церковь неподалеку отъ троицкаго монастыря на противоположной сторонѣ улицы. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, король подтвердилъ свой приказъ виленскому магистрату, потому что въ мартѣ (17-го) магистратъ послалъ вознаго Петра Юрьевича Новоша на мѣсто, гдѣ строилась братская церковь, чтобы остановить постройку. Но возному объявили, что церковь строится на плацѣ пановъ Воловичовъ двумя знатными православными паньями, женою воеводы брестскаго Зеновича, урожденною Волович, и женою воеводы смоленскаго Абрамовича, также урожденною Волович (вѣроятно сестрами). Противъ этого были безсильны не только магистратъ, но и всѣ запрещенія короля, потому что литовскіе дворяне имѣли право на своихъ земляхъ строить, какія угодно, церкви ([201]). Въ началѣ 1598 г. церковь была уже окончена и освящена, и православные жители Вильны, у которыхъ не оставалось болѣе ни одной церкви въ городѣ, кромѣ этой, вновь сооруженной, готовились встрѣтить въ ней свѣтлый праздникъ воскресенія Христова. Это-то время и избрали враги православія, чтобы нанести имъ самое тяжкое оскорбленіе. Подъ вечеръ въ великую субботу толпа студентовъ іезуитской академіи, человѣкъ въ пятьдесятъ, предводимая ксендзомъ Геліашевичемъ, пришла на братскій дворъ, гдѣ находились и братская школа—«коллегіумъ» и церковь.

([201]) А. З. Р. IV, № 101. Снес. № 48; Акт. Виленск. Археогр. Комм. VIII, № 12.

Сначала они зашли въ школу, и здѣсь Геліашевичъ съ гордостію вызывалъ на диспутъ жившаго въ школѣ чернеца—учителя о. Никифора, а одинъ изъ студентовъ (Антонъ Десараній) завелъ споръ съ русскимъ педагогомъ Ольшевскимъ, который съ питомцемъ своимъ, сыномъ князя Богдана Огинскаго, подкоморія троцкаго, посѣщалъ братскую коллегію и теперь въ ней находился. Изъ школы отправились въ церковь, въ которой большія двери были уже заперты; вторглись въ алтарь съ крайнимъ безчинствомъ и сбросили съ престола крестъ и евангеліе; оттуда черезъ царскія двери выступили на средину храма, гдѣ стояла плащаница, схватили ее и бросали изъ стороны въ сторону, а когда слуги церковные, убиравшіе церковь къ празднику, стали уговаривать безчинниковъ, то подверглись отъ нихъ брани и даже побоямъ. На самый праздникъ воскресенія Христова, когда началось богослуженіе, студенты снова явились толпою въ братскую церковь и, обступивъ плащаницу, пытались ее опрокинуть, издѣвались надъ церковными церемоніями; толкали молящихся, а женщинъ кололи шпильками, и, выдвинувшись впередъ къ алтарю, не пропускали никого къ св. причащенію, такъ что попъ Герасимъ, вышедши изъ алтаря, едва упросилъ ихъ немного посторониться. Еще болѣе дерзости и наглости позволили себѣ буйные воспитанники іезуитовъ въ тотъ же день на вечерни въ братской церкви, куда пришли они теперь вооруженными. Они размѣстились кучками; одни стали у дверей церковныхъ, другіе въ притворѣ, третьи посреди церкви, четвертые съ пѣвчими на крылосѣ, и вездѣ толкали людей и кололи шпильками, а женщинъ, по устамъ, по лицу, по ушамъ, потирали пальцами и руками, произнося безстыдныя слова. Нѣсколько разъ пано-

сили удары сзади діакону Михаилу во время его кажденія по церкви и, занявъ мѣсто вокругъ амвона, не пропускали туда священнослужителей для совокупнаго пѣнія, а когда баккалавръ греческаго языка въ братской школѣ Демьянъ Канишовскій попросилъ безчинниковъ немного податься, то его ударили въ лицо и повлекли было изъ церкви. Съ трудомъ уговорили ихъ оставить церковь; но изъ церкви они бросились въ братскій коллегіумъ и ранили здѣсь попавшагося имъ на встрѣчу слугу брестскаго воеводы Зеновича. Потомъ выбѣжали на улицу, гдѣ ждали ихъ нѣсколько сотъ ихъ товарищей - студентовъ и великое множество мѣщанъ, мастеровыхъ и торговцевъ римской вѣры. Вся эта толпа, вооруженная ружьями, луками, камнями, топорами, начала штурмовать коллегіумъ и сосѣдній домъ братскій, въ которомъ остановилась пріѣхавшая для богомолья жена смоленскаго воеводы Абрамовича. Буяны выломали ворота и желѣзныя рѣшотки, повыбили окна, повредили стѣны зданій, пробили кровлю на друкарни, переранили школьную и церковную прислугу. На другой день утромъ, во время литургіи, тѣ же студенты, съ оружіемъ въ рукахъ, раздѣлившись на три группы, напали на домы братскіе, на коллегіумъ и на церковное кладбище; били и преслѣдовали мѣщанъ, шедшихъ въ церковь, ранили одного братчика и, наконецъ, вторглись въ самую церковь и произвели въ ней великую тревогу и замѣшательство. Дѣлая нападенія на братскую церковь, іезуиты разсчитывали, что православные не вытерпятъ, окажутъ сопротивленіе студентамъ въ самой церкви, произведутъ смуту, кровопролитіе; а это послужитъ законнымъ основаніемъ для закрытія церкви. Но православные вытерпѣли, какъ ни горько было имъ поруганіе ихъ святыни; они пла-

кали отъ огорченія и молились; но сопротивленія не оказали. Старосты виленскаго свято-троицкаго братства, которое отселѣ справедливѣе могло называться свято-духовскимъ по имени своей собственной церкви, а съ ними и жена смоленскаго воеводы Абрамовича, принесли (5 мая) жалобу на іезуитовъ въ трибунальный судъ. Но трибунальный судъ отказался разобрать это дѣло и опредѣлилъ отослать его на генеральный сеймъ. Тогда приносившіе жалобу обратились въ виленскій градскій судъ и просили, по крайней мѣрѣ, допросить свидѣтелей и занести ихъ показанія въ виленскія городскія книги ([202]).

Въ Слуцкѣ митрополитъ поставилъ (15 іюня 1598) своимъ намѣстникомъ и протопопомъ какого-то отца Аѳанасія Спасскаго, безъ сомнѣнія, принявшаго унію; подчинилъ ему всѣхъ священниковъ, какъ города Слуцка, «соборныхъ и окрестныхъ и придѣльныхъ, такъ и околичныхъ», и далъ ему уполномоченность, если кто изъ священниковъ станетъ не покоряться своему верховному пастырю или его намѣстнику, тотчасъ запрещать непокорному священнослуженіе, а церковь его запечатать и донести о томъ митрополиту ([203]). Такія мѣры насилія сильно вооружали православныхъ противъ Рогозы, такъ что когда онъ, объѣзжая епархію, прибылъ въ Слуцкъ, мѣстные жители совсѣмъ было забросали его камнями, и если онъ остался живъ, то благодаря только своей каретѣ, его скрывавшей,— за что всѣ домы въ городѣ обложены были ежегодною пенею,

---

([202]) Акт. Виленск. Археогр. Комм. VIII, №№ 13—15. Снес. А. З. Р. IV, № 138, стр. 193.

([203]) А. З. Р. IV, № 133.

которую и выплачивали потомъ много лѣтъ ([204]). Въ самомъ Новогрудкѣ, гдѣ обыкновенно жилъ митрополитъ, сопротивленіе ему со стороны православныхъ было еще труднѣе, потому особенно, что и новогрудскій воевода Скуминъ-Тышкевичъ, столько прежде возстававшій противъ уніи, теперь принялъ ее и сдѣлался ея покровителемъ ([205]).

По примѣру митрополита дѣйствовали и прочіе уніатскіе архіереи въ своихъ епархіяхъ, только иногда еще съ большею рѣзкостію и жестокостію, противъ тѣхъ, которые осмѣливались сопротивляться имъ и проповѣдуемой ими уніи. Ипатій Потѣй приказалъ одного непокорявшагося ему православнаго священника, по имени Павла, схватить и заключить въ смрадную темницу; другимъ непокорнымъ брилъ бороды и головы; третьихъ выгонялъ изъ приходовъ, подвергалъ побоямъ и разнымъ истязаніямъ. Съ яростію преслѣдовалъ всѣхъ членовъ брестскаго православнаго братства, такъ что нѣкоторые рѣ-

([204]) Донесеніе митрополита Веламина Рутскаго въ Римъ (Harasiewicz. Annal. Eccles. Ruthenae, p. 283. 304, Leopoli 1862).

([205]) Еще отъ 10 окт. 1596 года съ брестскаго собора, гдѣ принята была унія, митрополитъ Рогоза писалъ къ воеводѣ Скумину-Тышкевичу, что старожитная вѣра восточная, и въ своемъ исповѣданіи, и въ своихъ церемоніяхъ и обрядахъ, сохранена при этомъ въ цѣлости и неизмѣнности, и что принявшимъ унію даны «вольности» и отъ папы, и отъ короля, и отъ римскихъ духовныхъ,—при чемъ не забытъ и онъ—Тышкевичъ: такъ какъ «ваша милость намъ въ томъ радилъ и допомогалъ и поводомъ былъ» (А. З. Р. IV, № 110, стр. 151). А въ слѣдующемъ году самъ Скуминъ-Тышкевичъ, извѣщая отъ 14 апрѣля извѣстнаго фанатика папства, князя Николая Христофора Радзивила-Сиротку о происшествіяхъ на бывшемъ тогда варшавскомъ сеймѣ, между прочимъ, выражался: «они (еретики, т. е. протестанты) начали было на сеймѣ публично разсѣевать слухъ, что король хочетъ насильно принуждать Русь до *нашей* вѣры». Рѣчь, очевидно, объ уніи, къ которой дѣйствительно король Сигизмундъ III принуждалъ тогда Русь, и слѣдовательно Тышкевичъ былъ уже тогда уніатомъ (Голубевъ. Матер. для юго-западно русск. церк., № 16, въ Труд. Кіев. Ак. 1878, I, прилож. стр. 63).

шались покидать свои домы. Огнялъ у братства заведенную имъ школу, и король своею граматою (26 іюня 1597) утвердилъ за Потѣемъ эту школу и на содержаніе ея пожаловалъ два села жидичинскаго монастыря Торокань и Лѣсень. Учителемъ школы Потѣй опредѣлилъ извѣстнаго ученаго уніата, священника и доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи, котораго привезъ съ собою изъ Рима, и отдалъ ему, въ награду за труды по учительству, село Торокань, на что исходатайствовалъ и соизволеніе короля (1599). Такъ образовалось первое уніатское училище въ западно-русскомъ краѣ ([206]). Вблизи Луцка существовалъ спасскій монастырь; священникъ этого монастыря Стефанъ Добрянскій непоколебимо противился уніи, и всѣ православные изъ города начали обращаться къ нему по своимъ духовнымъ требамъ. Луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій не зналъ, что съ нимъ дѣлать; явно напасть на него не могъ, или боялся, потому что монастырь находился въ имѣніи князя К. К. Острожскаго. И на что же рѣшился отступникъ отъ православія? Послалъ своихъ людей, которые подстерегли Добрянскаго, когда онъ возвращался однажды изъ города въ свой монастырь, схватили этого священника на оболоньѣ и утопили. Можетъ быть, тутъ дѣйствовала и вражда Кирилла противъ князя Острожскаго: такъ какъ князь отнялъ тогда у Кирилла половину церковныхъ имѣній, ссылаясь на то, что предки его и онъ самъ жертвовали эти имѣнія собственно православной луцкой и острожской каѳедрѣ, а не уніатской ([207]).

([206]) А. З. Р. IV, №№ 122. 141. 149, стр. 215. 225.

([207]) А. З. Р. IV № 149, стр. 221; *Harasiewicz*, Annal. Eccl. Ruthenae. p. 256. 287.

Надобно замѣтить, что въ луцкой епархіи и вообще на Волыни унія начала уже тогда распространяться между православнымъ дворянствомъ или шляхтою. Въ 1598 году нѣсколько дворянъ воеводства волынскаго и другихъ повѣтовъ, собравшись въ Луцкѣ, написали заявленіе или просьбу къ сенату и королю. Въ этомъ заявленіи они говорили, что благодарятъ Бога, сподобившаго ихъ дожить до соединенія восточной церкви съ римскою, благодарятъ и духовныхъ особъ, ревностно потрудившихся для уніи, и признаютъ ихъ своими епископами, и просили, чтобы святая унія ни въ чемъ не была нарушаема. «А притомъ, прибавляли дворяне въ заключеніе, — мы униженно просимъ и о новомъ календарѣ, чтобы между нами не было никакого замѣшательства и разъединенія, такъ какъ календарь не есть членъ вѣры; но чтобы мы, какъ бывало и прежде, праздновали и отправляли праздники нашей греческой вѣры всѣ вмѣстѣ и единодушно; противящихся же такому святому единенію просимъ не принимать и не слушать» Такимъ образомъ дворяне эти не только сами изъявляли согласіе принять новый календарь, но просили, чтобы онъ былъ навязанъ правительствомъ и всѣмъ уніатамъ, хотя во время принятія уніи въ Брестѣ, по свидѣтельству митрополита Рогозы, «календарь и пасхалею по старому держати всѣмъ заховали, а по новому кто всхощетъ». Подъ изложеннымъ нами заявленіемъ къ королю и сенату подписались и приложили свои печати до 33-хъ дворянъ или помѣщиковъ, въ томъ числѣ: Станиславъ Радзивилъ, Юрій Чарторыйскій, Михаилъ Мышка—каштелянъ волынскій, староста каменецкій; Авраамъ Мышка —староста овручскій, Иванъ Гулевичъ, Гавріилъ Савицкій — протопресвитеръ дѣдинскій,

Сасинъ Русиновичъ Берестецкій—судья гродскій луцкій, Захарій Яловицкій — писарь его королевской милости, Иванъ Тышкевичъ и др. ([208]).

Не всѣ, впрочемъ, архіереи, принявшіе унію, были такъ ретивы въ распространеніи ея, какъ Потѣй и Терлецкій. Вотъ что говорилъ въ 1621 г. объ одномъ изъ этихъ владыкъ, именно о полоцкомъ архіепископѣ Германѣ, Мелетій Смотрицкій, обращаясь отъ лица всего виленскаго православнаго братства къ уніатамъ: «имѣли покой жители Полоцка при Германѣ, потому что онъ находился въ уніи только своею тѣнью. Онъ не принуждалъ поповъ ни къ чему. Напротивъ, когда имъ велѣно было подписываться на унію, и протопопъ города, по имени Соломонъ, и другой съ нимъ не захотѣли того сдѣлать, то Германъ разорвалъ листъ, на которомъ иные уже подписались-было, заплакалъ, и поповъ, подписавшихся на унію, подвергъ штрафу, а протопопа взялъ себѣ въ духовника. Такимъ оставался Германъ постоянно до самой своей смерти, какъ передаютъ люди знающіе. Сохранились граматы, которыми много разъ было напоминаемо ему, чтобы онъ пребывалъ въ уніи; но онъ всегда объявлялъ всенародно, что жалѣетъ о томъ, что̀ учинилъ» ([209]).

Король Сигизмундъ III покровительствовалъ уніатскимъ владыкамъ и жаловалъ ихъ, хотя не въ такой степени, какъ они могли ожидать. Пока унія только подготовлялась, и король нуждался въ согласіи и содѣйствіи владыкъ и вообще

([208]) А. З. Р. IV, № 110, стр. 151. А донесеніе волынскихъ дворянъ сенату и королю напечатано цѣликомъ въ книгѣ уніатскаго митрополита Кипріана Жоховскаго: Colloquium Lubelske..., str. 36 37, Leopoli 1680.

([209]) Oborona Verificaciey, str. 114—115. Wiln. 1621.

русскаго духовенства, онъ поощрялъ ихъ и далъ, какъ мы видѣли (въ т. IX нашей исторіи Р. Ц.), митрополиту Рогозѣ кіево-печерскій монастырь, луцкому епископу Кириллу Терлецкому кобринскій спасскій монастырь въ пожизненное владѣніе, кобринскому архимандриту Іонѣ Гоголю пинское епископство, а митрополичьему протонотарію Григорію, въ монашествѣ Герману, полоцкую архіепископію. Но теперь, когда унія ими была торжественно принята, и они уже не могли отказаться отъ нея, король, сколько извѣстно, пожаловалъ (28 окт. 1596) одному только холмскому владыкѣ Діонисію Збируйскому пинскій лещинскій монастырь, отнявъ его у православнаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, котораго униатскій соборъ въ Брестѣ присудилъ къ низложенію и лишенію мѣста. Плетенецкій однакожъ, несмотря на волю короля, не уступилъ своего монастыря и продолжалъ управлять имъ еще около девяти лѣтъ, пока не перешелъ на настоятельство въ кіево-печерскую лавру ([210]). Особенно чувствительно было владыкамъ—отступникамъ то, что король вовсе и не думалъ дать имъ мѣсто въ своемъ сенатѣ, чего они такъ желали, и сравнять ихъ съ латинскими прелатами, какъ прежде обѣщалъ. Папа два раза писалъ въ 1599 г. (отъ 7 апр. и 10 іюля), къ Сигизмунду III и просилъ его выполнить всѣ обѣщанія, данныя униатскимъ архіереямъ, предоставить имъ мѣсто въ сенатѣ и уравнять униатское духовенство съ римскимъ; но напрасно ([211]). Въ другихъ милостяхъ король униатамъ не отказывалъ. Митрополитъ Рогоза, какъ архимандритъ минскаго

([210]) А. З. Р. IV, № 112. Снес. № 162.

([211]) Оба письма напечатаны у Тейнера: Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae, III, № 202, p. 272.

вознесенскаго монастыря, имѣлъ тяжбу съ княземъ Петромъ Горскимъ изъ-за села Тростенца, которое подарила тому монастырю еще королева Елена, и король рѣшилъ судебное дѣло въ пользу митрополита (28-го марта 1597). Вскорѣ за тѣмъ митрополитъ принесъ жалобу, что староста мозырскій, князь Юрій Радзивилъ и его урядники вмѣшиваются въ церковныя дѣла митрополита и изъемлютъ изъ-подъ его власти священниковъ, подчиняя ихъ себѣ, и король строго запретилъ это названному старостѣ (10 дек. 1597). Полоцкому архіепископу Герману, еще въ бытность его протонотаріемъ и проповѣдникомъ при митрополитѣ Рогозѣ, послѣдній подарилъ церковный фольварокъ Загорскій близъ Новогрудна за труды по проповѣданію Слова Божія. Теперь Германъ просилъ короля утвердить за нимъ означенный фольварокъ,—и король пожаловалъ ему утвердительную грамату (19 дек. 1596). Тотъ же архіепископъ жаловался, что витебскій воевода Николай Сапѣга удерживаетъ у себя дани, издавна пожалованныя двумъ витебскимъ церквамъ съ королевскихъ волостей,—и король приказалъ воеводѣ не удерживать этихъ даней и отдавать церквамъ, а когда воевода не послушался, то потребовалъ его къ своему суду (6 дек. 1597) ([212]). Впрочемъ, всѣ эти дѣйствія короля отнюдь не выражали какой либо особенной благосклонности его къ уніатскимъ владыкамъ: такіе же знаки вниманія и справедливости онъ оказывалъ имъ и прежде, когда они были еще православными. Въ одномъ только они несомнѣнно могли разсчитывать на особенное его благоволеніе: въ дѣлѣ распространенія и утвержденія уніи. Тутъ король всегда былъ на ихъ сторонѣ съ своею помощью и защитою.

([212]) А. З. Р. IV, №№ 115. 121. 125. 126; Вилен. Археогр. Сб. I, № 69.

Обратимся къ православнымъ западно-русскаго края. Что дѣлали тогда они, какъ охраняли свою вѣру, какъ ратовали противъ унiи? Мы уже знаемъ, что у нихъ осталось только два епископа и, замѣчательно, оба эти епископа имѣли свои епархiи въ Галицiи гдѣ православiе издавна наиболѣе терпѣло отъ латинянъ. Знаемъ также, что мѣстоблюститель вселенскаго патрiаршаго престола, патрiархъ Мелетiй, какъ только получилъ извѣстiе объ отпаденiи митрополита Рогозы, съ нѣсколькими епископами, въ унiю, назначилъ для литовской митрополiи трехъ своихъ экзарховъ: епископа Гедеона князя К. К. Острожскаго и своего протосинкелла Кирилла Лукариса. Но князь Острожскiй, лице свѣтское, по объясненiю самого патрiарха, былъ экзархомъ его, только какъ защитникъ православiя въ Литвѣ. Кириллъ Лукарисъ являлся здѣсь экзархомъ патрiаршимъ лишь по временамъ, потому что постоянно не жилъ въ Литвѣ, а то ѣздилъ въ Царьградъ къ патрiарху, то возвращался отъ патрiарха сюда, и притомъ, будучи только архимандритомъ, не могъ исполнять отъ лица патрiарха всѣхъ священнодѣйствiй въ западно-русской церкви. Истиннымъ, по самому сану своему, и постояннымъ экзархомъ цареградскаго патрiарха въ этой церкви, полнымъ представителемъ его власти здѣсь оказывался одинъ Гедеонъ, епископъ львовскiй, галицкiй и каменецъ-подольскiй. На немъ легла отселѣ двоякая обязанность: быть архипастыремъ и первосвятителемъ не для своей только епархiи, но и для всѣхъ православныхъ литовской митрополiи, которые не хотѣли принимать унiи и подчиняться униатскимъ митрополиту и епископамъ.

Въ отношенiяхъ Гедеона къ его епархiи съ давняго времени существовало зло, которое для многихъ служило соблаз-

номъ и причиняло немало вреда. Это—вражда Гедеона съ львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ и ихъ препирательства изъ-за онуфріевскаго монастыря и городской братской церкви. Предъ наступленіемъ уніи князь К. К. Острожскій всячески старался примирить враждовавшихъ, но имѣлъ мало успѣха. Теперь же, когда унія дѣйствительно настала и вражда львовскаго владыки съ знатнѣйшими гражданами Львова, составлявшими братство, могла угрожать еще болѣе вредными послѣдствіями, самъ соборъ православный, осудившій въ Брестѣ унію, поручилъ князю Острожскому, чтобы онъ, въ теченіе слѣдующихъ шести недѣль, разобралъ споры Гедеона съ братствомъ и склонилъ ихъ къ примиренію. Съ этою цѣлію являлись въ замокъ князя и Гедеонъ и два уполномоченныхъ отъ братства—панъ Дмитрій Красовскій и панъ Юрій Рогатинецъ. Они не пришли къ совершенному примиренію; но, по крайней мѣрѣ, заключили (1 дек. 1596 г.) временную мировую и согласились пріостановить тяжебное свое дѣло, производившееся тогда въ придворномъ королевскомъ судѣ, на цѣлый годъ до 1 дек. 1597 года, и до того времени жить въ покоѣ и пріязни, сноситься между собою по дѣламъ вѣры, и общими силами стоять за православіе противъ уніатовъ. Къ сожалѣнію, какъ только окончился годъ, тяжба возобновилась, и братство отправило двухъ старшихъ братчиковъ въ Варшаву хлопотать по этому дѣлу въ королевскихъ судахъ. Напрасно молдавскій господарь Іеремія Могила, посылая львовскому братству пять сотъ червонныхъ для окончанія его строившейся церкви, писалъ братчикамъ (15 марта 1598), чтобы они «съ отцемъ епископомъ Гедеономъ добрѣ пребывали и его чтили». Напрасно и самъ патріархъ Мелетій, въ своемъ посланіи къ

нимъ (отъ 29 ноября 1598), восхваляя ихъ ревность о православіи и предостерегая ихъ отъ латинства, убѣждалъ ихъ прекратить ссору съ епископомъ и говорилъ: «я не хочу знать причины вашихъ несогласій, а только прошу васъ обоихъ, если что̀ имѣете другъ противъ друга, отпустите и примиритесь». Ничто не помогало. Узнавъ о возобновленіи этой тяжбы, подвигавшейся весьма медленно, митрополитъ Михаилъ Рогоза просилъ короля (отъ 12 іюня 1598 г.) отложить рѣшеніе ея до слѣдующаго сейма и вызвать на сеймъ Гедеона со всѣми документами, обѣщаясь и самъ лично явиться туда, чтобы публично обличить Гедеона во всѣхъ, причиняемыхъ имъ, церковныхъ замѣшательствахъ. Что сдѣлалъ король по этому письму митрополита, неизвѣстно; но только тяжебное дѣло Гедеона съ братствомъ не было рѣшено и на слѣдующемъ съѣздѣ, а продолжалось еще не одинъ годъ ([213]).

Въ епархіи Гедеона находился монастырь уневскій, который издавна подлежалъ непосредственно власти митрополита кіевскаго и галицкаго. Гедеонъ, и до уніи, пытался овладѣть этимъ монастыремъ, но безуспѣшно. Теперь же, когда митрополитъ Рогоза увлекся уніею, и Гедеонъ какбы занялъ его мѣсто для православныхъ, сдѣлавшись патріаршимъ экзархомъ, онъ счелъ себя уже въ правѣ взять уневскій монастырь подъ свою власть. Впрочемъ, самъ не сталъ владѣть монастыремъ, а отдалъ его въ управленіе своему племяннику Ивану Болобану, считавшемуся еще съ 1595 г., по королевской граматѣ, коадъюторомъ, помощникомъ и будущимъ преемникомъ своего

([213]) А. З. Р. IV, №№ 113. 139; А. Ю. и З. Р. I, № 222, п. 1; Вилен. Археогр. Сб. II, № 17, стр. 13; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1596 и 1598 г., стр. 40. 42.

дяди—епископа, и съумѣлъ исходатайствовать изъ королевской канцеляріи новую грамату Сигизмунда III (отъ 30 іюля 1597), которою Иванъ Болобанъ утвержденъ былъ въ званіи уневскаго архимандрита. Въ монастырѣ нашлись иноки, которые не хотѣли покориться новому архимандриту и избрали себѣ патрономъ какого-то шляхтича Юрія Уланецкаго; но послѣдній скоро передалъ ихъ томуже архимандриту, и непокорные иноки были схвачены и подверглись строгому наказанію. О всемъ этомъ слышалъ митрополитъ Рогоза, не перестававшій считать себя законнымъ владѣльцемъ уневскаго монастыря, и вотъ, 26 мая 1599 г., онъ рѣшился отправить къ братіямъ этого монастыря свое посланіе, желая ихъ утѣшить и ободрить. «Мы узнали, писалъ онъ, отъ многихъ духовныхъ и мірскихъ людей, что бывшій епископъ Гедеонъ Болобанъ, съ своимъ болобановскимъ родомъ, всякою хитростію, расхитилъ вашъ монастырь, находящійся подъ нашимъ верховнымъ благословеніемъ, и старцевъ-иноковъ томилъ въ монастырѣ вязаньемъ и голодомъ; что какой-то архимандритъ Иванъ Болобанъ повязалъ чернецовъ, и отвозилъ въ свою отчину къ брату своему Адаму, и тамъ держалъ въ оковахъ, отнялъ у васъ монастырскія привиллегіи, позабралъ церковные сосуды и отдалъ жидамъ, отяготилъ монастырскихъ подданныхъ данями и всю обитель растлилъ...., что бывшій епископъ Гедеонъ сотворилъ въ томъ монастырѣ нечестіе и законопреступленіе... Мы ожидали его покаянія; но онъ, совершивъ великій мятежъ въ церкви и сопротивляясь нашей верховной пастырской власти, донынѣ пребываетъ въ своей злобѣ, пока не придетъ ему время. Вы же всѣ пождите мало въ вашемъ терпѣніи, доколѣ праведнымъ судомъ воздастся ему, по достоянію его».

Надежды митрополита, однакожъ, не исполнились: время, котораго онъ ожидалъ для Гедеона, не пришло; Гедеонъ продолжалъ занимать свое мѣсто до самой своей кончины, и монастырь уневскій оставался подъ его властію ([214]).

По званію патріаршаго экзарха, епископъ Гедеонъ распростиралъ свое архипастырское служеніе и за предѣлы своей епархіи, на всѣхъ православныхъ, которые находились въ епархіяхъ уніатскихъ митрополита и владыкъ и не хотѣли имъ покоряться. А такихъ православныхъ было еще тогда весьма и весьма много. Мы видѣли, что русскіе дворяне, присутствовавшіе на брестскомъ соборѣ, осудившемъ унію, вмѣстѣ съ земскими послами, единогласно дали, за себя и за своихъ потомковъ, торжественный обѣтъ не подчиняться митрополиту и епископамъ, отступившимъ въ унію, и не признавать ихъ власти ни въ коронныхъ городахъ, ни въ своихъ имѣніяхъ, а неизмѣнно оставаться въ вѣрѣ отцевъ и имѣть только православныхъ пастырей. И на первыхъ порахъ дворяне, хотя, къ сожалѣнію, не всѣ, исполняли этотъ обѣтъ. Въ ихъ имѣніяхъ, разсѣянныхъ по всему западно-русскому краю, и подъ ихъ защитою, православные свободно исповѣдывали свою вѣру, а православные пастыри безпрепятственно продолжали священствовать, не смотря ни на какія запрещенія отъ уніатскихъ владыкъ, и во всѣхъ церковныхъ нуждахъ обращались къ патріаршему экзарху, епископу Гедеону. И Гедеонъ удовлетворялъ этимъ нуждамъ: освящалъ церкви, выдавалъ антиминсы, ставилъ поповъ во всѣ православные приходы, гдѣ бы они ни находились. Съ досадою смотрѣли на это уніатскіе

([214]) Supplement. ad Hist. Russ. Monum. № 185, p. 472; А. З. Р. IV, № 137; *Зубрицк.* Лѣт. Льв. братства, подъ 1597 и 1599 г., стр. 41. 43.

архіереи и придумывали, какъ бы обуздать Гедеона Ипатій Потѣй, епископъ владимірскій, писалъ къ митрополиту Рогозѣ: «Гедеонъ Болобанъ, бывшій владыка львовскій, не обращая никакого вниманія на проклятіе и низложеніе, которому онъ подвергся отъ насъ на брестскомъ соборѣ, отправляетъ всѣ духовныя справы и, мало того, вступается еще въ чужія епархіи и ставитъ поповъ, какъ недавно поставилъ и прислалъ попа въ имѣніе пана Александра Загоровскаго—Хоревъ, лежащее въ повѣтѣ владимірскомъ». И вслѣдъ затѣмъ Потѣй просилъ митрополита увѣдомить, нѣтъ ли соборнаго постановленія о томъ, какому наказанію долженъ подлежать епископъ, если онъ вступается въ предѣлы другаго епископа. Митрополитъ велѣлъ справиться въ книгахъ и метрикахъ митрополичьихъ, и послалъ въ отвѣтъ Потѣю (5 дек. 1598) слѣдующее правило, которое будтобы нашелъ между постановленіями собора, бывшаго въ Вильнѣ при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ, въ 1509 году: «аще который епископъ отъ своея области во иную преступаючи, нѣкія духовныя справы дерзнетъ отправовати, церкви святити, антиминсы давати, поповъ и дьяконовъ ставити и до иное области подавати, таковый повиненъ будетъ двѣстѣ рублей грошей широкихъ на господаря, а на насъ, архіепископа, сто рублей, а сторонѣ противной другую сто рублей заплатити, безо всякаго прекословія». Къ изумленію, такого правила вовсе нѣтъ въ числѣ постановленій означеннаго собора, по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ и по печатному изданію, которое восходитъ къ началу XVII вѣка. Слѣдовательно или у митрополита Рогозы находился списокъ дѣяній собора уже испорченный, или это правило нарочно выдумано, самимъ ли Рогозою или его писаремъ—секретаремъ,

чтобы только привлечь къ суду ненавистнаго Гедеона ([215]). Потѣй послѣ того, вѣроятно, пожаловался на Гедеона королю. По крайней мѣрѣ, король послалъ Гедеону грамату (отъ 22 марта 1599), въ которой выражалъ слѣдующія мысли: До свѣдѣнія нашего дошло, что ты, несмотря на сеймовое постановленіе, утвердившее рѣшеніе брестскаго собора о твоемъ низложеніи, не перестаешь архіерействовать не только въ твоей бывшей епархіи, но и въ чужихъ епархіяхъ, отправляя духовныя дѣла и поставляя священниковъ, діаконовъ и прочее духовенство, а къ томужъ производишь смуты, соблазны, волненія, и вторгаешься въ имѣнія другихъ владыкъ. За такое нарушеніе постановленія сейма мы могли бы приказать инстигатору преслѣдовать тебя. Но не желая этого нынѣ, мы хотимъ прежде только напомнить тебѣ, чтобы ты прекратилъ свои незаконныя дѣйствія и жилъ скромно и спокойно: иначе мы поступимъ съ тобою, какъ требуетъ сама справедливость, и ты не въ правѣ будешь сказать, что тебя не предостерегли. Такую же грамату и въ тотъ же день король послалъ и перемышльскому епископу Михаилу Копыстенскому ([216]).

Но между тѣмъ, какъ уніаты, покровительствуемые королемъ, хотѣли лишить власти православныхъ владыкъ, православные, въ сознаніи своей полной правоты, пытались лишить власти владыкъ уніатскихъ. Въ началѣ 1598 г. послы воеводства волынскаго, прибывъ въ Варшаву на собиравшійся сеймъ, подали королю, по порученію всѣхъ обывателей своего воевод-

([215]) А. З. Р. IV, № 135 и примѣч. къ нему; Памятники Русской старины въ западн. губ. имперіи. VI, 151. 163—170; Русск. Историч. Библіот., изд. Археогр. Комм., IV, 5—18.

([216]) Напеч. въ Antirrysis-ѣ, str. 134—137, Wiln. 1600, и у *Гарашевича*: Annal. eccles. Ruth., p. 240—241.

ства, «позывъ» на Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго, и обвиняли ихъ—а) въ томъ, что они своевольно сдѣлали себя послами отъ всѣхъ православныхъ христіанъ къ папѣ римскому и именемъ всѣхъ православныхъ заявили ему покорность, тогда какъ православные никогда имъ этого не поручали и съ ними на это не соглашались; б) въ томъ, что они отважились на такое дѣло безъ воли патріарховъ, своихъ старшихъ, нарушили данную имъ присягу—быть всегда послушными церкви греческой, и такимъ образомъ сдѣлались, по правиламъ св. соборовъ и отцевъ, недостойными своего епископскаго сана и «духовныхъ хлѣбовъ», которыми пользуются; в) въ томъ, что, вопреки патріаршимъ протосинкелламъ, прибывшимъ на брестскій соборъ, равно вопреки всѣмъ, духовнымъ и свѣтскимъ, обывателямъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго, минскаго, мстиславскаго, новгородскаго, подольскаго, брацлавскаго, земель львовской, галицкой, перемышльской, холмской и другихъ, составили иной соборъ, соединившись съ ксендзами римскими, съ которыми имѣть общенія правила св. отцевъ возбраняютъ, и осмѣлились людей почтенныхъ и добрыхъ, твердо содержащихъ уставы церкви восточной и не согласившихся на схизму—унію, проклинать и отлучать отъ церкви, отъ которой сами прежде отлучились, и не имѣя уже никакой власти отлучать другихъ; г) наконецъ, въ томъ, что они нарушили права и привиллегіи, данныя прежними королями церкви греческой, какъ и римской; нарушили генеральную конфедерацію, установившую свободу вѣроисповѣданій въ Литвѣ и Польшѣ, и королевскую присягу—свято соблюдать эти права и привиллегіи и эту свободу. Принявъ отъ пословъ волынской земли представленный ими позывъ, король неме-

дленно послалъ Потѣю и Терлецкому свой приказъ (30 генв. 1598), чтобы они явились на варшавскій сеймъ, имѣющій открыться со 2-го марта, и дали отвѣтъ противъ всѣхъ, взводимыхъ на нихъ, обвиненій. Но когда сеймъ дѣйствительно открылся, король не захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ, столько важнымъ для православныхъ, и отложилъ его, будтобы за множествомъ другихъ дѣлъ, на два года до сейма 1600 г. ([217]).

Подвергаясь постоянно обидамъ со стороны уніатовъ и латинянъ, связанныхъ между собою уніею, и не находя правосудія у самого короля, православные пришли къ мысли заключить своего рода унію, политическую и религіозную, съ протестантами, которые также много терпѣли отъ латинянъ въ Литвѣ и Польшѣ, чтобы совокупными силами успѣшнѣе защищаться отъ общихъ враговъ ([218]). Главными дѣятелями при этомъ были со стороны православныхъ князь К. К. Острожскій, а со стороны протестантовъ зять его, воевода виленскій Христофоръ Радзивилъ. По ихъ приглашенію, къ 4-му мая 1599 г., прибыли въ Вильну представители трехъ протестантскихъ исповѣданій: суперинтендентъ церквей аугсбургскаго исповѣданія въ Польшѣ Еразмъ Глицнеръ, епископъ церквей богемскаго исповѣданія въ малой Польшѣ Симеонъ Ѳеофилъ Турновскій и старѣйшина реформатской церкви въ Куявіи Даніилъ Николаевскій. Виленское, бывшее прежде православное, духовенство рѣшительно не захотѣло вступать съ ними въ какое либо разсужденіе и соглашеніе о вѣрѣ, называя ихъ

([217]) А. З. Р. IV, №№ 128. 150.

([218]) Мысли объ этомъ православныхъ, съ исчисленіемъ самыхъ обидъ, какія они терпѣли, изложены въ современной запискѣ, никѣмъ не подписанной и неизвѣстно кѣмъ составленной. А. З. Р. IV, № 138.

прямо еретиками: иначе оно поступить и не могло, подчинившись, хотя, быть можетъ, только наружно, уніатскому митрополиту. Но нашлись православные пастыри, которые не отказались участвовать въ съѣздѣ, это были: Лука митрополитъ бѣлградскій, Исаакій игуменъ монастыря въ Дубнѣ и архидіаконъ Гедеонъ изъ тогоже монастыря, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ. И 14-го мая состоялась первая сходка ихъ съ протестантскими духовными особами въ домѣ князя на покровской улицѣ. При свиданіи игуменъ Исаакій, протягивая протестантамъ свою руку, сказалъ, что хотя писаніе и запрещаетъ привѣтствовать еретиковъ даже словомъ: «здравствуй», но онъ рѣшился въ настоящій разъ, съ своими товарищами, быть снисходительнѣе. Турновскій на это выразилъ только удивленіе, что Исаакій называетъ еретиками людей, которыхъ доселѣ никогда не видалъ и съ которыми никогда не говорилъ. Совѣщанія открылись рѣчью самого князя Константина, который высказалъ въ ней свое пламенное желаніе, чтобы устроилось взаимное согласіе и соединеніе церквей евангелической и греческой, равно признающихъ только одну главу церкви Господа Іисуса Христа. Глицнеръ отвѣчалъ князю благодарностію за его ревность о славѣ Божіей и выразилъ свою и своихъ товарищей готовность къ достиженію такого согласія и соединенія. «Но вы напрасно надѣетесь,—замѣтилъ Лука бѣлградскій,—что мы отъ нашей вѣры перейдемъ къ вамъ; вы должны принять нашу вѣру, оставивъ свою». Князь смутился этимъ замѣчаніемъ и убѣждалъ своихъ духовныхъ не прерывать, при самомъ началѣ, переговоровъ, которые могутъ привести къ желанной цѣли. Тутъ началъ свою рѣчь Турновскій и, перечисливъ многіе пункты ученія, въ которыхъ согласны

между собою протестанты и греки, вспомнилъ о благосклонности, оказанной нѣкогда цареградскимъ патріархомъ чешскимъ или богемскимъ братьямъ, и заявилъ полную готовность отъ имени своихъ единовѣрцевъ соединиться съ православными «на основаніи священнаго писанія, какъ самаго истиннаго судіи во всѣхъ спорныхъ вопросахъ». Въ такомъ же родѣ говорилъ и третій представитель протестантства Николаевскій, перечисляя пункты, въ которыхъ, по его словамъ, паписты впали въ заблужденіе, а греки, равно какъ протестанты, учатъ согласно съ священнымъ писаніемъ. Послѣднее слово принадлежало игумену Исаакію. Онъ соглашался, что православные дѣйствительно признаютъ главою церкви только одного Христа, какъ и протестанты, и одинаково съ ними содержатъ нѣкоторые другіе члены вѣры; но прибавилъ, что основаніемъ своей вѣры православные считаютъ священное писаніе, писанія святыхъ отцевъ и правила соборовъ, и что православное духовенство не можетъ вступить въ соединеніе съ протестантами безъ разрѣшенія и полномочія отъ константинопольскаго патріарха. Когда совѣщанія окончились, князь Острожскій благодарилъ протестантскихъ духовныхъ за высказанную ими готовность къ соглашенію съ православною церковію, а православные духовные подали имъ руки.

На второмъ собраніи въ томъ же домѣ князя Острожскаго, 18 мая, присутствовали уже не одни духовные, но и свѣтскіе. Больше было и духовныхъ особъ, протестантскихъ и православныхъ: къ первымъ присоединилось нѣсколько литовскихъ пасторовъ — виленскій, піотровскій, яницкій и др.; къ послѣднимъ — до десяти священниковъ. Но несравненно болѣе находилось свѣтскихъ лицъ, обоихъ исповѣданій въ томъ

числѣ, сенаторовъ, воеводъ и другихъ вельможныхъ пановъ, каковы были—изъ православныхъ: князь К. К. Острожскій, сынъ его Александръ воевода волынскій, князья Сангушко, Корецкій, Горскій, Пузина, Вишневецкіе, Соломерецкіе; изъ протестантовъ: князь Христофоръ Радзивилъ воевода виленскій, Абрамовичъ воевода смоленскій, Зеновичъ воевода брестскій, князь Юрій Радзивилъ и другіе. На этомъ собраніи занялись, прежде всего, вопросомъ о политическомъ союзѣ протестантовъ съ православными и былъ составленъ, или только прочитанъ предварительно составленный, и утвержденъ актъ конфедераціи между ними. Рѣзкими чертами изображены въ актѣ тѣ притѣсненія и обиды, какія уже терпѣли тогда въ литовско-польскомъ государствѣ отъ ревнителей папства православные и протестанты. «Наши церкви,—говорятъ они, — монастыри, зборы, по большей части, у насъ отняты, разорены, опустошены, и это сопровождалось разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ, пролитіемъ крови, убійствомъ и неслыханными поруганіями не только надъ живыми, но и надъ мертвыми... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ уже запретили свободныя собранія для богослуженія и молитвы и построеніе церквей и кирокъ. Наши пресвитеры, пастыри, проповѣдники, за твердость въ своемъ исповѣданіи, всячески преслѣдуются, терпятъ нападенія и грабежи, и въ собственныхъ домахъ подвергаются безчестію, поруганію, изгоняются, ссылаются, лишаются всего. Ихъ хватаютъ на дорогахъ и въ городахъ, заключаютъ въ узы, бьютъ, топятъ, умерщвляютъ... Нашихъ мѣщанъ, за различіе въ исповѣданіи, удаляютъ отъ цеховъ, промысловъ, торговли и даже отъ житья въ городахъ, считаютъ недостойными довѣрія въ свидѣтельствахъ, а по мѣстамъ под

вергаютъ даже инквизиціи... Этотъ пожаръ, постепенно усиливаясь, касается уже и насъ, людей благороднаго состоянія..... За то одно, что мы твердо стоимъ въ своей вѣрѣ, насъ, хитрыми дѣйствіями римскаго духовенства, удаляютъ отъ мѣстъ и отъ пропитанія по службѣ, и къ сенаторскому званію, чинамъ, урядамъ, староствамъ, управительствамъ мы уже не можемъ имѣть такого доступа, какъ другіе... А когда жалуемся на оскорбленія и обиды и со слезами испрашиваемъ отъ властей справедливости, защиты и помощи, то, вмѣсто какого либо утѣшенія, получаемъ насмѣшки и презрѣніе, соединенное часто съ отказомъ даже въ выслушаніи просьбы... Даже въ проповѣдяхъ церковныхъ высказываются сильныя воззванія и возбужденія противъ насъ народа съ указаніемъ средствъ истреблять насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ». Перечисливъ всѣ эти притѣсненія и основываясь на варшавской генеральной конфедераціи 1573 года, утвердившей свободу вѣроисповѣданій въ Литвѣ и Польшѣ, православные и протестанты изложили потомъ въ своемъ актѣ обѣщаніе и клятву сохранять между собою согласіе и любовь, и общими силами защищать отъ папистовъ свои храмы и духовенство, своихъ единовѣрцевъ и другъ друга, въ сенатѣ, на сеймахъ, сеймонахъ, предъ королемъ и вездѣ, гдѣ придется. А чтобы удобнѣе наблюдать за положеніемъ православныхъ и протестантовъ и скорѣе оказывать имъ помощь въ случаѣ какихъ либо притѣсненій отъ латинянъ, избрали изъ своей среды до 120 провизоровъ или попечителей, и признали полезнымъ созывать иногда соборы съ тѣмъ, чтобы на соборахъ православныхъ присутствовали и протестанты, а на протестантскихъ соборахъ—и православные.

Заключивъ между собою политическую унію, присутствовавшіе въ собраніи православные и протестанты разсуждали потомъ и объ уніи религіозной. Но такъ какъ еще въ предшествовавшемъ собраніи духовныхъ лицъ того и другаго исповѣданія было рѣшено, что безъ цареградскаго патріарха этой уніи заключить невозможно, то ограничились теперь только прочтеніемъ членовъ вѣроученія, въ которыхъ протестанты были согласны съ православными, и опредѣлили отложить окончаніе дѣла, пока не получится отвѣтъ отъ патріарха. А князь К. Острожскій тутъ же упросилъ протестантскихъ богослововъ, чтобы они написали къ патріарху Мелетію письмо, которое и обѣщался отправить въ Константинополь. Письмо дѣйствительно вскорѣ (28 мая или 6 іюня по новому стилю) было написано ими и отправлено. Они извѣщали патріарха о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія терпѣли въ Литвѣ и Польшѣ православные и протестанты отъ послѣдователей папы, о своемъ желаніи и готовности вступить съ православными въ соглашеніе и соединеніе по вѣрѣ, чтобы вмѣстѣ противодѣйствовать врагамъ, и о сдѣланной уже въ этомъ родѣ попыткѣ, по настоянію князя Острожскаго и другихъ; кратко изложили, въ 18-ти пунктахъ, тѣ члены вѣры, въ которыхъ будтобы наиболѣе сходятся протестанты съ православными (хотя первый же пунктъ представлялъ иное, будучи выраженъ такъ «согласно признаемъ, что п и с а н і е пророковъ и апостоловъ есть источникъ в с е й истины и небеснаго ученія, преданный отъ Бога»), и просили патріарха, чтобы онъ далъ благословеніе православнымъ въ Литвѣ войти съ ними въ совѣщанія и разсужденія о вѣрѣ для заключенія церковной уніи, и оказалъ къ тому свое содѣйствіе. Письмо было подписано двумя

суперинтендентами или епископами—Глицнеромъ и Турновскимъ и четырьмя пасторами. Кромѣ того Турновскій, какъ предстоятель богемскаго исповѣданія, послалъ къ патріарху Мелетію особое письмо, въ которомъ напоминалъ о бывшихъ еще за 148 лѣтъ предъ тѣмъ сношеніяхъ съ богемскими братьями цареградскаго патріарха Никодима, призывавшаго ихъ къ соединенію съ церквами греческими, и выражалъ надежду, что и теперь патріархъ Царяграда не откажетъ въ своемъ содѣйствіи къ такому соединенію. Прочитавъ эти письма, Мелетій отправилъ свои отвѣты протестантскимъ богословамъ чрезъ своего экзарха Кирилла Лукарпса и поручилъ ему войти съ ними въ дальнѣйшія объясненія. Но Кириллъ, по прибытіи въ Литву, не отдалъ, какъ самъ сознается, патріаршихъ отвѣтовъ протестантамъ, опасаясь огорчить короля и всѣхъ католиковъ, а—главное—потому, что считалъ протестантовъ еретиками и союзъ съ ними православной церкви невозможнымъ: такъ какъ они уклонились отъ нея гораздо далѣе, чѣмъ сами латиняне. Такимъ образомъ религіозная унія между православными и протестантами, которой, кажется, особенно желалъ князь К. К. Острожскій, не состоялась. А безъ этой уніи и заключенная ими политическая унія, при внутреннихъ взаимныхъ несогласіяхъ по вѣрѣ, не могла уже принести всѣхъ вожделѣнныхъ плодовъ, хотя, несомнѣнно, не осталась безъ добрыхъ послѣдствій. Виленскіе іезуиты не упустили случая, какой представило имъ столь многолюдное собраніе православныхъ и протестантскихъ дворянъ и духовенства, и постарались вызвать своихъ противниковъ на диспутъ, надѣясь публично посрамить ихъ и показать торжество своей вѣры. Диспутъ состоялся 23 мая (2-го іюня) въ домѣ виленскаго воеводы

Христофора Радзивила при огромномъ стеченіи дворянства всѣхъ исповѣданій. Со стороны іезуитовъ выступилъ профессоръ академіи Мартинъ Смиглецкій, славившійся своею діалектикою; а со стороны протестантскихъ богослововъ, которыхъ было тутъ до тридцати, наиболѣе принимали участія въ состязаніяхъ Николаевскій, Яницкій и Гертихъ. Смиглецкій предложилъ было нѣсколько вопросовъ для диспута: о власти апостола Петра въ церкви, о таинствѣ евхаристіи, о почитаніи иконъ, о призываніи святыхъ, о чистилищѣ. Но занялись преимущественно первымъ вопросомъ и потомъ вопросомъ о безженствѣ священниковъ. Споры велись съ большимъ напряженіемъ и горячностію и продолжались сряду шесть часовъ, такъ что и спорившіе и присутствовавшіе до крайности утомились и поспѣшили разойтись. Каждая сторона, по обычаю, приписывала себѣ побѣду. На другой день, когда протестантскіе ученые собирались уѣзжать изъ Вильны, пронеслась вѣсть, что іезуиты, считая это постыднымъ бѣгствомъ своихъ соперниковъ, хотятъ остановить ихъ при выѣздѣ изъ города, съ толпами своихъ студентовъ, и продолжать диспутъ. Чтобы безпрепятственно проводить отъѣзжавшихъ, протестантскіе вельможи Юрій Радзивилъ и Андрей Лещинскій заблаговременно выслали на дорогу вооруженныхъ людей и тѣмъ предотвратили неизбѣжное столкновеніе ([219]).

([219]) Какъ происходили въ Вильнѣ всѣ эти собранія и совѣщанія православныхъ и протестантовъ, изложено въ книгѣ: *Andreae Wengerscii* Slavoniae reformatae libri quatuor, p. 478—498, Amstelodami 1679. Актъ конфедераціи, заключенный ими, напечатанъ у *Кояловича*: Церк. унія въ Литвѣ, II, 273 и д., а порусски въ Опис. кіево-соф. собора, прилож. № 15. Письма протестантовъ къ патріарху и отвѣты патріарха, равно и письмо Кирилла Лукариса, объясняющее его поступокъ, напеч. у *Малышевскаго*: Ме-

Ревностно отстаивая свою вѣру противъ уніатовъ, православные не только старались вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивать свои прежніе храмы и обители, но созидали и новые. Въ это именно время, спустя годъ послѣ насажденія въ Литвѣ уніи, получила начало одна изъ четырехъ нашихъ лавръ—почаевская. Въ селѣ Почаевѣ на Волыни съ давнихъ временъ существовала каменная церковь во имя успенія пресвятыя Богородицы. Владѣлица села Анна Тихоновна, урожденная Козинская, жена луцкаго земскаго судьи Іероѳея Гойскаго, пожелала основать при этой церкви монастырь, и 14 ноября 1597 года внесла для того въ земскія кременецкія книги свою фундушевую запись. По этой фундушевой записи, монастырь устроялся для жительства восьми чернецовъ и двухъ дьячковъ. Для содержанія монастыря и церкви основательница дарила на вѣчныя времена шесть человѣкъ крестьянъ, жившихъ въ Почаевѣ, со всѣми ихъ землями и повинностями, и десять волокъ пахатной земли, сѣнокосовъ и лѣса, и назначала ежегодно отпускать по тридцати копъ грошей литовскихъ съ своихъ имѣній и десятину всякаго зерноваго хлѣба отъ почаевской вотчины. Существеннымъ же условіемъ полагала то, чтобы монастырь на вѣчныя времена оставался въ православіи и отдавался всегда «не иному кому, какъ только чернецу—игумену греческаго исповѣданія, подчиненному восточной церкви» (220).

Значительное участіе въ начавшейся борьбѣ между уніею и православіемъ предоставлено было литературѣ. Ею равно

летій Пигасъ..., II, 144.146—153.160. А о диспутѣ, какъ у *Венгерскаго* въ означенной книгѣ, такъ и у *Ростовскаго*: Lithuanic. Societatis Jesu Hist. I, p. 202—204.

(220) Памятн. Кіев. Комм. IV, № 2.

пользовались какъ ревнители православія, такъ и ревнители уніи. Мы уже упоминали, что мѣстоблюститель константинопольскаго патріаршаго престола, патріархъ Мелетій еще въ 1597 г., когда получилъ свѣдѣнія о брестскомъ соборѣ, прислалъ къ князю К. Острожскому и вообще къ православнымъ западно-русской церкви, одно за другимъ, нѣсколько посланій, въ которыхъ то утверждалъ отлученіе и низложеніе ея бывшаго митрополита и владыкъ, принявшихъ унію, то назначалъ для нея своихъ экзарховъ, то убѣждалъ православныхъ быть твердыми въ своей вѣрѣ и обличалъ заблужденія латинянъ. Такія же посланія написалъ патріархъ и въ 1598 году, одно къ литовскому скарбному Лукѣ Мамоничу, другое львовскому братству, третье всѣмъ православнымъ, и здѣсь повторялъ свои убѣжденія и обличенія, и рѣшалъ разные вопросы, предложенные ему православными. Въ тоже время послышался голосъ и съ Аѳона. Западно-русскіе иноки, подвизавшіеся въ аѳонскихъ монастыряхъ, узнавъ о появленіи уніи на ихъ родинѣ, составили общее посланіе къ своимъ соотечественникамъ и братьямъ по вѣрѣ, и убѣждали ихъ, чтобы они оставались непоколебимыми въ православіи и не смущались ни отпаденіемъ митрополита и владыкъ въ унію, ни наступавшими гоненіями, помня, что эти владыки были не истинные пастыри, а наемники, принявшіе святительскій санъ только изъ-за имѣній и перешедшіе въ унію только ради собственнаго спокойствія и выгодъ, и что истиннымъ послѣдователямъ Христа необходимо въ жизни терпѣть скорби и нести крестъ для достиженія небеснаго царства. Для большаго распространенія этихъ посланій князь К. К. Острожскій приказалъ напечатать ихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ другихъ

статей, «на пользу и утвержденіе православнымъ христіанамъ». и въ 1598 г изъ острожской типографіи вышла «книжица» въ десяти отдѣлахъ. Въ первомъ помѣщены были свидѣтельства св. отцевъ и учителей церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца, въ слѣдующихъ семи—семь посланій патріарха Мелетія, въ девятомъ — посланіе самого князя К. К Острожскаго ко всѣмъ православнымъ противъ уніи, писанное еще въ 1595 г. и намъ извѣстное; въ десятомъ – посланіе аѳонскихъ пустынножителей и скитниковъ ([221]). Противъ константинопольскаго патріарха выступилъ самъ папа. Получивъ извѣстіе, что патріархъ отлучилъ отъ церкви принявшихъ унію митрополита и владыкъ, папа Климентъ VIII написалъ постановленіе (5 іюня 1597), которымъ отмѣнялъ и уничтожалъ патріаршее отлученіе и прислалъ это постановленіе въ Литву къ митрополиту и владыкамъ съ тѣмъ, чтобы оно повсюду торжественно было прочитано и объявлено всему духовенству и народу. Папа, безъ сомнѣнія, не сознавалъ всей нецѣлесообразности своего поступка. Если патріархъ отлучилъ Рогозу и его сотоварищей по уніи отъ церкви, то, разумѣется, отъ церкви православной, къ которой они доселѣ принадлежали и отъ которой теперь отпали, а отнюдь не отъ церкви римской. Слѣдовательно папа, отмѣняя и уничтожая это патріаршее отлученіе, какъ бы желалъ, чтобы они, по прежнему, оставались и числились членами церкви православной: того ли нужно было папѣ? ([222]). Патріархъ Мелетій въ

([221]) *Сахаровъ.* Обозр. Славяно-русск. библіогр. № 110. Недавно всѣ эти посланія и статьи напечатаны вновь у *Малышев.*: Мелетій Пигасъ, II, прилож. I, стр. 78. 90. 91; прилож. II, стр. 1—29. 44.

([222]) *Theiner*, Vetera Monum. Polon. et Lith. III, № 199, p. 270.

своихъ посланіяхъ въ западную Россію, прежде всего, обращался къ князю К. Острожскому, какъ главному ревнителю православія въ краѣ. И папа счелъ нужнымъ обратиться съ своимъ посланіемъ (1596—1598 г.) къ томуже князю и, между прочимъ, писалъ: «мы съ давняго времени знаемъ твои высокія достоинства, чтимъ знаменитость твоего рода и естественно желаемъ, чтобы, за нашу расположенность къ тебѣ, и ты не чуждался насъ, чтобы ты, по доброй волѣ, сдѣлалъ что либо для святаго престола, не для насъ, а для церкви Божіей, и чтобы твои мысли и воля были согласны съ нашими. Мы ревностно заботимся о вѣрѣ вселенской и ищемъ не личныхъ какихъ либо выгодъ, а всеобщаго покоя и спасенія человѣческихъ душъ. Позволь же намъ, просимъ тебя усердно, ожидать добраго твоего содѣйствія, и сдѣлай добровольно, что отъ тебя зависитъ, для славы Божіей. Сынъ нашъ Сигизмундъ сильно желаетъ, чтобы докончилось начатое дѣло, которое равно будетъ пріятно и тебѣ и намъ, т. е. чтобы русская церковь соединилась съ римскою къ славѣ Божіей, къ утѣшенію всѣхъ добрыхъ и къ вѣчной памяти твоего имени». Князь Константинъ отвѣчалъ папѣ, благодарилъ его за лестное письмо и продолжалъ: «что же касается до вѣры и уніи, то я вполнѣ сочувствую этому дѣлу, лишь бы только оно велось лучшимъ способомъ и привело къ общему спасенію. Не такъ давно я уже началъ-было трудиться для этого дѣла; но хотѣлъ идти къ своей цѣли прямою и законною дорогою, стараясь, прежде всего, получить согласіе и дозволеніе на то святѣйшихъ патріарховъ греческой вѣры. И милость Божія видимо благопріятствовала намъ, пославъ въ Польшу двухъ патріарховъ, константинопольскаго и антіохійскаго, съ кото-

рыми я бесѣдовалъ и которые отвѣчали мнѣ, что они не прочь соединиться съ римскою церковію. Къ сожалѣнію, въ то самое время, когда это происходило и когда я старался дать дальнѣйшее движеніе дѣлу, между нами открылась измѣна: нѣкоторые наши духовные, безъ согласія всѣхъ, и когда дѣло еще не было подготовлено, поспѣшили къ вашему святѣйшеству для принятія уніи, и такимъ своимъ поступкомъ до того возмутили православныхъ, что иные охотнѣе переходятъ къ ереси, чѣмъ къ римскому костелу. Чтобы поправить дѣло, необходимо, чтобы нашъ свѣтлѣйшій король Сигизмундъ, съ вашего благословенія, помогалъ намъ всѣми способами; а мы готовы потрудиться съ полнымъ усердіемъ. Ваше святѣйшество, конечно, соизволишь отложить дѣло и пождать, пока мы не снесемся съ отцами греческой церкви и не получимъ на то ихъ согласія. И мы убѣждены, что ваше святѣйшество будешь согласенъ поступить по всей справедливости и воздать каждому свое, т. е. и церкви греческой и церкви римской, такъ чтобы обѣ онѣ были какбы дочерями одного царя, сохраняя всѣ свои права и преимущества, и чтобы какъ ты будешь наивысшимъ епископомъ въ римской церкви, такъ и патріархи оставались въ греческой церкви при своей чести и власти» ([223]).

По поводу брестскаго собора, точнѣе, двухъ брестскихъ соборовъ, изъ которыхъ одинъ принялъ унію, а другой отвергъ, составлено какъ православными, такъ и уніатами нѣсколько сочиненій. Православные издали въ 1597 г., на польскомъ языкѣ, въ Краковѣ небольшую книгу: «Ектесисъ или краткое изложеніе дѣлъ, происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ

([223]) Supplem. ad Hist. Russ. Monum. №№ 64, 65, p. 155.

Брестѣ-Литовскомъ». Это собственно исторія православнаго брестскаго собора, повѣствующая, какъ происходили, одно за другимъ, его засѣданія, его сношенія съ уніатами и латинянами, его разсужденія и рѣшенія. Авторъ книги неизвѣстенъ ([224]). Латиняне и уніаты, съ своей стороны, издали въ томъ же году и тамъ же небольшую книгу о своемъ соборѣ, написанную іезуитомъ Скаргою, хотя онъ и не упомянулъ своего имени на самой книгѣ. Она издана на двухъ языкахъ, особо на польскомъ и особо на русскомъ, и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, подъ заглавіемъ: «Соборъ берестейскій», авторъ кратко излагаетъ исторію уніатскаго собора, бывшаго въ Брестѣ, а во второй: «Оборона синоду берестейскаго», заключающей въ себѣ двѣнадцать небольшихъ «розділовъ» или главъ, старается защитить этотъ соборъ отъ возраженій со стороны православныхъ, и въ первыхъ двухъ главахъ доказываетъ, что соборъ уніатскій былъ законный и правильный, хотя митрополитъ и владыки приняли на немъ унію безъ согласія цареградскаго патріарха и своихъ мірянъ; въ слѣдующихъ главахъ раскрываетъ ученіе, догматически и исторически, о единовластіи папы въ церкви, о признаніи главенства папы и греками, о флорентійскомъ соборѣ, повторяя то, что прежде обширнѣе изложилъ въ своемъ сочиненіи: «О единствѣ церкви», и наконецъ убѣждаетъ православныхъ согласиться на унію съ Римомъ: указываетъ на непоколебимость римской церкви, какъ единой истинной, и на упадокъ церкви

([224]) Польское заглавіе этой книги см. въ IX т. нашей истор. Русск. ц., примѣч. 591. Трудно допустить, чтобы эта книга, составленная преимущественно для православныхъ русскихъ, не была тогда же издана, по тогдашнему обычаю, и на русскомъ языкѣ, хотя ни одного экземпляра ея на русскомъ языкѣ мы не знаемъ. На польскомъ языкѣ она недавно напечатана вновь вся сполна въ Чтеніяхъ Москов. Историч. Общества, 1879, кн. I.

греческой, будтобы постигнутой проклятіемъ Божіимъ; объясняетъ, якобы чрезъ унію не вводится новая вѣра, а только возобновляется прежнее соединеніе грековъ съ латинянами, и усиливается опровергнуть законность православнаго брестскаго собора, называя его не соборомъ, а сеймикомъ ([225]). Такое сочиненіе латинское не могло не оскорбить православныхъ, и они поспѣшили еще въ томъ же 1597 г. издать противъ него въ Вильнѣ обширное сочиненіе: «Апокрисисъ» на польскомъ языкѣ, а въ слѣдующемъ году и на русскомъ. Здѣсь, вопреки Скаргѣ, въ первой части доказывается незаконность уніатскаго брестскаго собора и преступность дѣйствій русскихъ владыкъ, принявшихъ на немъ унію; во второй — законность дѣйствій православнаго брестскаго собора, осудившаго этихъ владыкъ за принятіе уніи; въ третьей, на основаніи св. писанія и исторіи, опровергается римское ученіе о единовластіи папы, а въ четвертой опровергаются порицанія цареградской патріархіи и похвалы уніи, высказанныя Скаргою. Авторъ Апокрисиса назвалъ себя въ самомъ заглавіи книги Христофоромъ Филалетомъ; но, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, это былъ нѣкто Христофоръ Бронскій, ученый протестантъ, — на что есть указанія и въ его книгѣ: потому что, хотя онъ постоянно говоритъ отъ лица православныхъ и выдаетъ себя за православнаго, но кое-гдѣ допускаетъ и протестанскія мнѣнія напрем., относительно таинства евхаристіи и неумѣреннаго

([225]) Въ русскомъ изданіи книга Скарги имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Описанье и Оборона съѣбору русского берестейского, в року 1696, мѣсяца октября, пристойне од старшихъ згромаженого. У Вильни, року Божею нароженья 1697». Экземпляръ этого русскаго изданія есть въ виленской публичной библіотекѣ, былъ сличенъ нами съ польскимъ текстомъ тойже книги и оказался вполнѣ ей соответствующимъ: не имѣетъ только одного послѣдняго листка.

участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры. Разсказываютъ, будто онъ написалъ свою книгу, по предложенію князя К. Острожскаго, отъ котораго и получилъ за свой трудъ мѣстечко Вильскъ съ нѣсколькими деревнями на украйнѣ. Какъ бы то ни было, только этотъ авторъ, очевидно, обладалъ солиднымъ научнымъ образованіемъ, твердою діалектикою и обширными познаніями въ священномъ писаніи, въ писаніяхъ св. отцевъ и въ церковной исторіи, и составилъ такое полемическое сочиненіе, которое, по своей учености и основательности, выдѣлялось въ ряду всѣхъ однородныхъ сочиненій того времени, написанныхъ, какъ православными, такъ и уніатами и латинянами. Для насъ оно драгоцѣнно потому особенно, что сохранило множество граматъ и другихъ документовъ, относящихся къ первоначальной исторіи уніи (226). Не захотѣли и ревнители уніи уступить православнымъ и напечатали противъ нихъ два новыя сочиненія. Первое, подъ заглавіемъ: «Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора берестейскаго», издано было на русскомъ языкѣ въ 1597 году. Оно не дошло до насъ, но, какъ можно догадываться и по самому его заглавію, было направлено противъ книги: «Ектесисъ, или краткое изложеніе дѣлъ, происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ», изданной православными, и представляло дѣянія этого собора въ извращенномъ видѣ, съ латинской точки зрѣнія. Авторомъ этого сочиненія былъ, по всей вѣроятности, самъ Ипатій Потѣй (227) Другое сочиненіе, подъ названіемъ: «Антиррисисъ»,

---

(226) Объ авторѣ Апокрисиса см. замѣчанія *Голубева* въ Труд. Кіев. Акад. 1876, I, 137—154; Кіев. Епарх. Вѣдом. 1877, № 11, 310—315.

(227) *Голубев.* въ Труд. Кіев Ак. 1876, I, 137. Стебельскій въ началѣ 1-го томика своей книги: Zywoty S. S. Ewfrozyny y Parascewii, при обозрѣ-

составлено было, по порученію Потѣя, учителемъ его брестской школы, извѣстнымъ грекомъ Петромъ Аркудіемъ, въ опроверженіе «Апокрисиса» Христофора Филалета, и издано сряду три раза: въ 1598 г. на латинскомъ языкѣ, на которомъ и написано, такъ какъ Аркудій не зналъ ни русскаго, ни польскаго; въ 1599 г. на русскомъ, а въ 1600 г. на польскомъ. Слѣдя шагъ за шагомъ за своимъ противникомъ, Филалетомъ, и стараясь всячески защитить отъ его нападеній дѣло уніи и владыкъ, принявшихъ ее, авторъ Антиррисиса, назвавшій себя «Филотеемъ», помѣстилъ въ своемъ сочиненіи немало важныхъ граматъ относительно уніи, не помѣщенныхъ въ Апокрисисѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ свою книгу также драгоцѣнною и для послѣдующаго времени ([228]). Замѣчательно, что авторы тогдашнихъ полемическихъ сочиненій или совсѣмъ скрывали свои имена или подъ псевдонимами. Это дѣлали они изъ опасенія, какъ бы не подвергнуться преслѣдованіямъ отъ тѣхъ, противъ кого ратовали, и не испытать участи, постигшей Стефана Зизанія ([229]).

Въ числѣ документовъ, помѣщенныхъ въ Антиррисисѣ, находится и посланіе Ипатія Потѣя къ князю К. Острожскому отъ 3 іюня 1598 года. Здѣсь Потѣй увѣрялъ князя, что пишетъ къ нему единственно по сердечной любви къ нему и благодарности за прежнія его ласки и благодѣянія и изъ желанія ему блага. Потомъ восхвалялъ унію, принятую владыками,

---

ніи авторовъ, которыми пользовался, говоритъ о Потѣѣ, что, кромѣ проповѣдей, есть и другія книги его сочиненія: Iedna pod tytulem *Synopsis*, zawieraiaca w Sobie *opisanie dziejow Synodu Brzeskiego* W. R. 1596 odprawionego.

([228]) *Стебельскій* -тамъ же въ статьѣ о *Петрѣ Аркудіѣ; Голубев.* тамъ же стр. 154—161.

([229]) А. З. Р. IV, стр. 225.

утверждая, что они не сдѣлали ничего новаго, а только возобновили флорентійское соединеніе, которое почти полтораста лѣтъ оставалось въ забвеніи, сохранили всѣ церемоніи восточной церкви, возстановили согласіе между русскими и латинянами. Напоминалъ князю, что прежде онъ самъ ревностно стремился къ уніи, написалъ о ней посланіе къ нему— Потѣю, даже собственноручно изложилъ ея условія, и что если не состоялся соборъ предъ отъѣздомъ Потѣя и Терлецкаго въ Римъ, чего такъ желалъ князь, то не состоялся по волѣ самого же князя, отправившаго тогда тайное свое посольство къ еретикамъ на торунскій съѣздъ и тѣмъ крайне огорчившаго короля. Убѣждалъ князя принять унію, писать о ней къ папѣ или, еще лучше, отправиться для того въ Римъ, а самъ обѣщался быть проводникомъ и слугою князю, и присовокуплялъ, что такой уніи, какой желаетъ князь, въ которой участвовали бы и греки съ своими патріархами и московское государство, никогда быть не можетъ: потому что народъ греческій и московскій совершенно заматорѣли въ схизмѣ. Наконецъ, просилъ князя выслушать диспутъ между избранными лицами изъ православныхъ и латинянъ, чтобы яснѣе увидѣть, на какой сторонѣ истина, или, по крайней мѣрѣ, допустить къ себѣ съ этою цѣлію его—Потѣя и побесѣдовать съ нимъ въ духѣ кротости ([230]). Князь Острожскій не захотѣлъ отвѣчать Потѣю, а вмѣсто князя, по собственному желанію, написалъ «Отписъ» на посланіе Потѣево одинъ изъ клириковъ церкви острожской. Онъ прежде всего возсталъ противъ Потѣевыхъ похвалъ состоявшейся тогда уніи или согласію между восточною цер-

---

([230]) Antirrhisis, str. 182—189, Wiln. 1600. По-русски это посланіе издано въ Акт. Ю. и З. Россіи, I, № 224.

ковію и западною и привелъ множество примѣровъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, какъ согласіе и соединеніе людей въ томъ или другомъ дѣлѣ, несогласное съ волею Божіею, бывало противно Богу и гибельно для самихъ людей, и продолжалъ: «не таково ли, отче владыко, и ваше согласіе—унія? Посмотри окомъ и послушай слухомъ, что надѣлали вы своею уніею. Нѣтъ города, нѣтъ селенія, которыя не наполнили бы вы плачемъ и рыданіемъ людей, держащихся отеческаго преданія и вѣры... Какого не сдѣлали вы гоненія, какого поруганія, оплеванія, замѣшательства, какого не произвели кровопролитія, убійства, тиранства, мученія, насилія въ домахъ, училищахъ, церквахъ?... Вы изсушили взаимную любовь въ людяхъ, произвели раздоръ между родителями и дѣтьми, между братомъ и братомъ, поссорили господина съ крестьянами... Вы потеряли совѣсть, преступили клятву, обманули папу, присягали за всѣхъ насъ, отправляли отъ насъ посольство, о которомъ мы и не думали... Ты, отче владыко, внушаешь князю приступить къ восхваляемой тобою уніи. Но еслибы это дѣло велось, какъ слѣдуетъ, то князь не допустилъ бы никому опередить себя... Ты говоришь, что вы ничего новаго не сдѣлали, а только возобновили флорентійское соединеніе, полтораста лѣтъ лежавшее въ забвеніи: и я также вижу, да и всѣмъ явно, что ваша нынѣшняя унія возобновила то, что сдѣлано было на томъ разбойническомъ сонмищѣ; а тамъ однихъ давили, другихъ топили, иныхъ морили голодомъ или узами, а иныхъ лишали жизни хитростію... Ты ухватился за одну только исторію флорентійскаго собора, написанную латинянами и направленную противъ грековъ, и ее считаешь истинною; а своей исторіи объ этомъ соборѣ, давно и вѣрно

написанной, ты не читаешь и не хочешь ей вѣрить. Въ концѣ моего посланія ты найдешь эту исторію, написанную кратко, но справедливо». Остальную часть своего посланія острожскій клирикъ посвятилъ раскрытію мысли, что истинная церковь есть церковь восточная, а не римская. Эта отпись Потѣю, вмѣстѣ съ «исторіею о листрійскомъ т. е. разбойническомъ флорентійскомъ синодѣ», тотчасъ же была и напечатана въ 1598 г., въ острожской типографіи, разумѣется, съ цѣлію, чтобы могла быть прочитана всѣми ([231]). Прочелъ ее и Потѣй, и не замедлилъ написать на нее клирику острожскому свою «Отпись», которую такъ же напечаталъ въ изданномъ имъ тогда «Антиррисисѣ ([232]).

Не можемъ умолчать здѣсь и о четырехъ сочиненіяхъ одного западно-русскаго инока, Іоанна изъ Вишни, подвизавшагося тогда на Аѳонѣ въ затворѣ, хотя они въ свое время, сколько извѣстно, и не были напечатаны. Разумѣемъ его посланія: а) къ митрополиту Рогозѣ и прочимъ владыкамъ, принявшимъ унію; б) къ князю К. Острожскому и всѣмъ православнымъ западно-русскаго края; в) ко всѣмъ обителямъ литовско-польскаго государства, и—в) «извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ», обращенное къ латинянамъ и православнымъ.

Въ первомъ посланіи, весьма обширномъ, Іоаннъ, извѣщая владыкъ—отступниковъ, что до него дошло изданное отъ лица ихъ сочиненіе: «Оборона згоды съ латинскимъ костеломъ» (вѣроятно, оборона брестскаго собора—Скарги), прежде всего

([231]) *Сахаров.* Обозр. слав.-русск. библіогр. № 111. Недавно вновь напечатана эта Отпись, въ русскомъ переводѣ, при книгѣ «Апокрисисъ», стр. 325—369, Кіев. 1870.

([232]) Antirrhisis, str. 201—230, Wiln. 1600.

крайне рѣзко нападалъ на ихъ правственные недостатки. «Покажите мнѣ вы, згоду (унію) вяжущіе, кто изъ васъ соблюлъ вѣру и заповѣди Христовы? Не вы ли еще прежде разорили вѣру своими злыми дѣлами? Не вы ли воспитали въ себѣ похоть лихоимства и мірскаго стяжанія? Никакъ не можете насытиться, а все болѣе и болѣе болѣете алчбою и жаждою прибытковъ. Покажите мнѣ, кто изъ васъ исполнилъ шесть заповѣдей Христовыхъ: алчнаго накормить, нагаго одѣть, больнаго посѣтить и проч.? Не вы ли заставляете алкать и голодать вашихъ бѣдныхъ подданныхъ, носящихъ тотъ же образъ Божій, какъ и вы?... Вы отнимаете у нихъ коней, воловъ, овецъ, выжимаете отъ нихъ дани, обнажаете ихъ, мучите, томите во всякое время, зимою и лѣтомъ, въ непомѣрныхъ трудахъ. А сами, какъ идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, и если понадобится перенести этотъ оидолотворенный трупъ на другое мѣсто, то переносите безскорбно на колесницѣ, какбы сидя дома, тогда какъ бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятся и мучатся... Гдѣ вы послужили больнымъ? Не вы ли дѣлаете и здоровыхъ больными, бьете ихъ, мучите, убиваете? Постучись только въ лысую свою голову, бискупе луцкій, сколько ты, во время своего священства, живыхъ послалъ къ Богу мертвыми, сколько изгналъ изъ этой жизни, однихъ сѣченіемъ, другихъ потопленіемъ, третьихъ паленіемъ огненнымъ! Вспомни и Филиппа маляра, многоденежнаго: кому достались его румяные золотые, послѣ его насильственной смерти, и въ чьемъ кошелькѣ нынѣ находятся?... Кого вы посѣщали въ темницахъ? Не сами ли вы заключаете христіанъ въ темницы за правду? Не ваша ли милость позаботилась заключить въ темницу Никифора, чтобы вамъ безпечно панствовать и не слышать изъ

устъ его обличеній за свое отступленіе съ вашимъ папою?... Покажите мнѣ, кто изъ васъ отрекся міра и взялъ на себя крестъ Христовъ? Не больше ли вы имѣете теперь, чѣмъ прежде имѣли въ мірѣ?... Вотъ его милость Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги волочилъ за собою, а нынѣ, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти насчитаешь. Такъ же и его милость арцибискупъ, когда былъ простою рогозиною, не знаю, могъ ли держать и двухъ слугъ, а нынѣ больше десяти держитъ. Такъ же и Кириллъ, когда былъ простымъ попомъ, только дьячка за собою волочилъ, а какъ сталъ бискупомъ, догоняетъ числомъ слугъ двухъ первыхъ владыкъ».... Окончивъ свои обличенія владыкамъ, отступившимъ въ унію, инокъ Іоаннъ занялся опроверженіемъ нѣкоторыхъ мыслей, какія нашелъ въ изданной отъ лица ихъ книгѣ, каковы: мысль, будто міряне должны безпрекословно повиноваться своимъ пастырямъ и идти, куда бы пастыри ни повели ихъ; мысль, будто патріархъ Іеремія отнялъ всю власть у западно-русскихъ епископовъ и передалъ мірянамъ, учредивъ братства, и проч. При изложеніи этихъ своихъ опроверженій, какъ и обличеній, весьма длинныхъ и многословныхъ, старецъ неразъ обращался къ владыкамъ—отступникамъ съ своими просьбами и убѣжденіями, чтобы они покаялись и возвратились въ православіе, угрожая имъ, въ противномъ случаѣ, вѣчными муками.

Въ посланіи къ князю Острожскому и всѣмъ православнымъ малой Россіи, духовнымъ и мірянамъ, инокъ Іоаннъ писалъ, что прочелъ ихъ «отповѣдную книжицу» (вѣроятно, Апокрисисъ), изданную ими на книгу о брестскомъ соборѣ какого-то латинскаго «дѣеписца» (такъ въ предисловіи къ

Апокрисису принято называть Скаргу), благодарилъ Бога за ихъ твердость и непоколебимость въ православіи и, отвергнувъ мысль этого дѣеписца, будто греческую церковь одолѣли врата адовы, а римскую не одолѣли, убѣждалъ православныхъ оставаться и впредь непоколебимыми въ своей вѣрѣ и не бояться папы и его слугъ, а надѣяться на Бога, но только покаяться предъ Нимъ и исправиться. За тѣмъ, въ частности, предлагалъ слѣдующіе совѣты: очистить церковь свою отъ всякихъ еретическихъ прелестей и изгнать изъ нея смрадныя латинскія пѣсни, а славословить Бога, въ простотѣ сердца, простою пѣснію русскою; почитать св. иконы, имѣть ихъ въ своихъ домахъ и знаменаться крестнымъ знаменіемъ какъ въ церкви, такъ и вездѣ, чего многіе православные въ малой Россіи, среди иновѣрцевъ, тогда уже стыдились, не начинать трапезы безъ молитвы, ходить на соборное правило въ церковь и все творить по церковному уставу; евангелія и апостола на литургіи не читать въ простонародномъ переводѣ, а только, по окончаніи литургіи, толковать и объяснять народу простою рѣчью; книги церковныя всѣ печатать на славянскомъ языкѣ, который есть изъ всѣхъ языковъ «плодоноснѣйшій и Богу любимѣйшій» (потому что, «безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочихъ коварствъ тщеславныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ къ Богу приводитъ»); на священныя степени избирать по правилу св. отцевъ, а безъ избранія восхищающихъ священный санъ, хотябы они даны были отъ короля, не принимать и изгонять; въ монастыряхъ учредить общежитія и иноковъ чтить, а не ругаться имъ (при чемъ авторъ вдался въ самую подробную и обширную апологію иноческаго чина противъ его «ругателей»);

праздничныя ярмарки, какъ въ Жидичинѣ и въ Горахъ св. Спаса, упразднить; коляды и щедрые вечера выгнать изъ городовъ и изъ селъ; «волочельное», совершаемое по воскресеніи Христовомъ, выволочь изъ городовъ и селъ и утопить; упразднить такъ же дьявольскій праздникъ на день св. Георгія, пироги и яйца надгробные, праздникъ купалы въ день св. Крестителя, «колыски и щебеницы» въ день св. апостоловъ Петра и Павла, по Волыни и Подоліи, и всѣ другія «прелести».

«Тебѣ, въ землѣ польской живущему, всякаго возраста, чина и состоянія народу русскому, литовскому и польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ»,—такъ начинаетъ свое третье посланіе инокъ Іоаннъ Вышенскій. И продолжаетъ: «Извѣщаю васъ, что земля, на которой ногами вашими ходите, плачетъ по васъ предъ Господомъ Богомъ и вопіетъ, да пошлетъ Онъ серпъ смертный на васъ, какъ древле на содомлянъ, желая лучше стоять пустою въ чистотѣ, нежели населенною вашимъ безбожіемъ и оскверненною вашими беззаконными дѣлами. Ибо гдѣ теперь въ польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ непорочное священство, гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ простое благоговѣйное и благочестивое христіанство? За чѣмъ именемъ христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда силы того имени не храните? О, окаянная утроба, которая такихъ сыновъ на погибель вѣчную породила! Нынѣ въ польской землѣ всѣ священники, какъ нѣкогда іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ, совершаютъ службу; папы же надъ своими подданными сдѣлались богами, высшими самаго Бога. Вмѣ—

сто евангельской проповѣди, апостольской науки и св. закона, нынѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные, во дворахъ Христа Бога владычествуютъ. Вмѣсто суда и правды царствуютъ несправедливость, ложь, кривда; вмѣсто вѣры, надежды и любви—безвѣріе, отчаяніе, ненависть; вмѣсто цѣломудреннаго житія — скверная нечистота. Покайтесь же всѣ, жители земли той, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелію, вѣчною и временною. А если не хотите покаяться всѣ, то вы, православные, будьте готовы отдѣлиться отъ этого погибельнаго и содомскаго рода, чтобъ быть истинно новымъ Израилемъ, а не язычниками. Ибо гдѣ, между язычниками, виданы такіе плоды нечестія, какъ нынѣ въ землѣ польской? Не скорбите: Господь съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Него непоколебимую; на пановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ, не надѣйтесь, — въ нихъ нѣтъ спасенія, они отступили отъ Бога къ прелести еретической... Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали; сами, съ слугами своими и пріятелями, скотскую въ нихъ жизнь провождаютъ, гроши сбираютъ и на доходы, назначенные для богомольцевъ христовыхъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, пріятелей обогащаютъ, кареты устрояютъ... Владыки безбожные, вмѣсто правила, книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господнемъ, день и день надъ статутами сидятъ и во лжи весь вѣкъ свой упражняются»... Послѣ другихъ, столько же рѣзкихъ обличеній, обращенныхъ ко всей землѣ польской, посланіе оканчивается новыми воззваніями къ покаянію, пока есть время.

Въ своемъ «извѣщеніи краткомъ о латинскихъ прелестехъ» инокъ Іоаннъ предварительно рѣшаетъ два вопроса: что есть прелесть и что—мудрость зміина, которую должны имѣть вѣрующіе, а потомъ опровергаетъ римскіе лжедогматы: объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о старѣйшинствѣ римской церкви, о главенствѣ папы и о чистилищѣ, обращаясь въ своихъ опроверженіяхъ, то къ латинянамъ, то къ православнымъ, къ первымъ съ упреками, къ послѣднимъ съ наставленіями, и дѣлаетъ замѣчаніе: «Мы хотѣли еще писать обличительно о таинственной вечери, о календарѣ и о прочихъ отступленіяхъ латинянъ; но узнали, что о всемъ этомъ довольно написалъ отъ божественнаго писанія Василій (клирикъ острожскій). Это василіево писаніе мы испытали извѣстно и увидѣли, что онъ написалъ все не отъ своей фантазіи, но отъ божественнаго писанія. Посему, молю васъ, примите василіево писаніе съ усердіемъ и любовію и утверждайте себя въ вѣрѣ: ибо истинное исповѣданіе православныя вѣры обрѣтается въ писаніи томъ» ([233]).

Кромѣ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ уніи и уніатовъ, православные издали тогда въ своихъ типографіяхъ еще нѣсколько книгъ учебныхъ, учительныхъ и богослужебныхъ. Въ виленской братской типографіи напечатаны: Азбука, съ изложеніемъ о православной вѣрѣ Стефана Зизанія (1596), Грамматика славянская—Лаврентія Зизанія (1596), Молитвы повседневныя, въ числѣ которыхъ помѣщены и молитвы св. Кирилла туровскаго на всю седмицу (1596), Псал-

([233]) Разсмотрѣнныя сочиненія Іоанна изъ Вышни напечатаны въ Акт. Ю. и З. Россіи, II, стр. 205—254. Первыя два написаны, когда явилась унія, и еще при жизни митрополита Рогозы. Но два послѣднія могли быть написаны и до уніи, о которой и не упоминаютъ, даже вскорѣ послѣ того, какъ составилъ свою книгу о вѣрѣ клирикъ Василій, т. е. около 1588 года.

тырь (1596), Часовникъ (1596). Въ острожской типографіи напечатаны: Маргаритъ св. Іоанна Златоуста (1596), и Псалтырь слѣдованная, въ которой также помѣщены молитвы св. Кирилла туровскаго на всю седмицу (1598) ([234]).

Въ августѣ, если еще не ранѣе, 1599 года скончался первый уніатскій митрополитъ Михаилъ Рогоза ([235]). Недолго пришлось ему управлять церковію по принятіи уніи, но довольно для того, чтобы разочароваться въ своихъ надеждахъ, какія могъ питать предъ принятіемъ ея, и чтобы почувствовать, какъ горько онъ ошибся. Онъ увидѣлъ, съ какимъ жаромъ и твердостію православные противятся уніи, какъ немногіе принимаютъ ее, и сколько выпало на его долю тревогъ, огорченій, усилій и безплодной борьбы. Увидѣлъ, что и король не исполняетъ своихъ обѣщаній ему и его помощникамъ, не удостоиваетъ ихъ чести засѣдать въ сенатѣ, не оказываетъ имъ какихъ либо особенныхъ новыхъ милостей. Онъ слышалъ проклятія, какія раздавались противъ него со стороны православныхъ за измѣну вѣрѣ отцевъ, и не могъ не понимать, что эти проклятія не прекратятся и послѣ его смерти. Если бы, по крайней мѣрѣ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что римская церковь есть истинная, и что онъ совершилъ дѣло спасительное и богоугодное, соединившись съ нею; тогда въ одномъ этомъ убѣжденіи онъ могъ бы находить для себя успокоеніе и ободреніе среди всѣхъ тяжелыхъ испытаній. Но вся дѣятельность его, предъ принятіемъ уніи и по принятіи,

---

([234]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., №№ 97. 98. 100—103. 108; Хронологич. Указатель слав.-русск. книгъ, №№ 124. 125. 127—130. 136.

([235]) Еще въ августѣ этого года, какъ увидимъ, король ходатайствовалъ предъ папою объ утвержденіи новаго уніатскаго митрополита—Ипатія Потѣя.

какая-то вялая, уклончивая, нерѣшительная, нимало не отличавшаяся ревностію и горячностію, свидѣтельствуетъ, напротивъ, что онъ былъ чуждъ такого убѣжденія. А если такъ: то неотрадна была его жизнь въ уніи, безотрадна и самая кончина.

II.

Преемникомъ митрополита Михаила Рогозы назначенъ былъ епископъ владимірскій и брестскій Ипатій Потѣй, который, безспорно, болѣе всѣхъ прочихъ владыкъ, принявшихъ унію, заслуживалъ этой высокой чести и по своему образованію, и по своимъ трудамъ для уніи, и особенно по своей энергіи и ревности въ распространеніи ея, и въ которомъ никакъ нельзя отвергать и убѣжденія въ правотѣ и святости этого злосчастнаго соединенія съ Римомъ. Но, кажется, при самомъ вступленіи Потѣя на митрополитскую каѳедру встрѣтились затрудненія Грамату на митрополію король пожаловалъ Потѣю 26 сентября 1599 года, и въ ней объявлялъ всѣмъ, что, по смерти митрополита Михаила Рогозы, назначилъ на его мѣсто епископа владимірскаго Ипатія Потѣя, о чемъ уже и послалъ на утвержденіе папы, что отдаетъ Потѣю всѣ, безъ изъятія, митрополитскія имѣнія, и для передачи ихъ послалъ своего дворянина Яна Кошица, и приказывалъ всѣмъ духовнымъ и мірскимъ людямъ «религіи русской», чтобы они приняли новаго митрополита за своего архипастыря и, въ подчиненіи римской церкви, оказывали ему до его живота всякое послушаніе и уваженіе. Затѣмъ прошло болѣе полугода, и король издалъ (8 апрѣля 1600) другую такую же

грамату, обращенную собственно къ крилошанамъ и всему духовенству религіи русской во всемъ литовско-польскомъ государствѣ, а «особливе въ воеводствѣ кіевскомъ». Здѣсь король снова извѣщалъ, что онъ, по смерти Рогозы, отдалъ митрополію кіевскую и галицкую Ипатію Потѣю, и что для передачи ему митрополіи и всѣхъ ея имѣній посылаетъ дворянина своего Лаврина Лозку, приказывая своимъ королевскимъ именемъ всѣмъ особамъ, слугамъ, боярамъ и подданнымъ митрополіи повиноваться новому митрополиту, а духовнымъ особамъ приказывалъ, чтобы они королевской волѣ не противились и, принявъ Ипатія за своего старшаго пастыря и митрополита, оказывали ему всякое послушаніе и почтеніе ([236]). Чтожъ значитъ эта вторая грамата; зачѣмъ она понадобилась? Она, безъ сомнѣнія, не понадобилась бы, еслибы первая грамата привела къ цѣли. Если король вновь объявляетъ русскому духовенству, особенно въ воеводствѣ кіевскомъ, о назначеніи Потѣя митрополитомъ и приказываетъ принять его, не противиться королевской волѣ, то, значитъ, доселѣ, впродолженіе полугода, духовенство еще не приняло Потѣя за митрополита и противилось королевской волѣ. Если король посылаетъ теперь другаго своего дворянина для передачи Потѣю митрополичьихъ имѣній и своимъ именемъ приказываетъ всѣмъ митрополичьимъ подданнымъ повиноваться ему, то, значитъ, прежде посланный для этого дворянинъ Кошицъ не успѣлъ передать Потѣю названныхъ имѣній и митрополичьи подданные еще не покорились ему. И замѣчательно, что тогда какъ въ первой граматѣ король ясно говорилъ о папѣ, о подчиненіи ему, объ испрашиваемомъ у него утвержденіи для Потѣя, во второй

([236]) А. З. Р. IV, № 143; А. Ю. и З. Р. II, № 5.

граматѣ онъ совершенно умолчалъ о папѣ. Между тѣмъ сохранилось письмо папы къ Сигизмунду III еще отъ 5 февраля 1600 года. Здѣсь папа увѣдомлялъ короля, что потому долго не отвѣчалъ на его ходатайство объ утвержденіи Ипатія Потѣя на митрополитской каѳедрѣ, присланное еще въ августѣ прошлаго года, что опасался, какъ бы Потѣй не потерялъ, промѣнявъ имѣнія владимірской каѳедры на болѣе скудныя имѣнія митрополіи; теперь же, получивъ извѣстіе, что за Потѣемъ оставляется и владимірская каѳедра, онъ—папа одобряетъ выборъ короля и даетъ обѣщаніе немедленно исполнить его желаніе, т. е утвердить Потѣя митрополитомъ ([237]). Эта-то медленность со стороны папы, можетъ быть, и огорчила короля и была причиною, почему онъ вовсе не упомянулъ о папѣ во второй своей граматѣ, данной по случаю возведенія Потѣя на митрополію. Какъ бы, впрочемъ, ни было, только король дѣйствительно, отдавъ Потѣю митрополитскую каѳедру со принадлежащими ей имѣніями, оставилъ за нимъ и его прежнюю, епископскую каѳедру со всѣми ея имѣніями; отчего Потѣй сдѣлался несравненно богаче своего предмѣстника и писался обыкновенно «митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и всея Россіи, владыкою володимірскимъ и берестейскимъ» ([238]). Болѣе тринадцати лѣтъ правилъ онъ западно-русскою митрополіею, и во все это время велъ самую энергическую, неустанную и безпощадную войну противъ православныхъ для привлеченія ихъ къ уніи.

Прежде всего война эта открылась въ Вильнѣ. Какъ только

([237]) *Theiner,* Vetera Mon. Polon. et Lith. III, № 205, p. 274.
([238]) А. З. Р. IV, №№ 153. 175. 176 и др.

скончался митрополитъ Михаилъ Рогоза, въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ внезапно появился Стефанъ Зизаній, прежде, какъ извѣстно, осужденный и отлученный отъ церкви Рогозою и изгнанный изъ отечества королемъ, но потомъ оправданный и разрѣшенный православнымъ соборомъ въ Брестѣ, и снова началъ проповѣдывать противъ уніи. Вѣсть объ этомъ скоро дошла до королевскаго двора, а оттуда сообщена Потѣю; и послѣдній еще 24 сентября, слѣдовательно, за два дня прежде, чѣмъ получилъ отъ короля грамату на митрополію, уже называя себя «нареченнымъ митрополитомъ», писалъ виленскому «протопрезвитеру» Ивану Пароеновичу, чтобы онъ немедленно донесъ, правда ли, что Зизаній проповѣдуетъ въ троицкомъ монастырѣ и не съ дозволенія ли виленскихъ православныхъ бурмистровъ и мѣщанъ, и если правда, что монастырская церковь «осквернена» проповѣдію проклятаго человѣка, то запечаталъ бы ее, въ присутствіи вѣрныхъ свидѣтелей, и не дозволялъ бы ему ничего въ ней болѣе совершать. Вслѣдъ затѣмъ и самъ король писалъ (29 сентября) виленскимъ бурмистрамъ и мѣщанамъ русской религіи, выражалъ имъ свое неудовольствіе за то, что они допустили проклятаго Зизанія проповѣдывать въ своихъ церквахъ будтобы противное древней греческой вѣрѣ, и, извѣщая о назначеніи для нихъ новаго митрополита Ипатія Потѣя, приказывалъ повиноваться ему во всемъ, и впредь болѣе не терпѣть козподѣевъ, подобныхъ Зизанію, и не дозволять имъ проповѣданія въ церквахъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, заплатить три тысячи копъ грошей литовскихъ: половину на короля и половину на митрополита. Виленскіе бурмистры, радцы и лавники русской вѣры, подъ

управленіемъ которыхъ состоялъ троицкій монастырь, увѣдомили (7 октября) Пароєновича, что Стефанъ Зизаній вошелъ въ монастырь, безъ ихъ вѣдома и позволенія, своевольно, и выдти оттуда не хочетъ, сколько они ни старались его выслать Пароеновичъ послалъ двухъ священниковъ спросить Зизанія, съ чьего дозволенія онъ вошелъ въ монастырь и въ немъ пребываетъ. Зизаній отвѣчалъ: «я вошелъ не съ вѣдома бурмистровъ и радцевъ, а съ вѣдома и позволенія о. Іоасафа, архимандрита троицкаго, и за его благословеніемъ говорю проповѣди въ церкви и не выйду изъ монастыря никакимъ образомъ». Послѣ этого монастырская церковь была запечатана, въ присутствіи новгородскаго воеводы Скумина—Тышкевича, виленскимъ протопопомъ Григоркомъ (если это не прозвище Ивана Пароеновича, то надо допустить, что онъ или тогда уже скончался, или за что либо былъ удаленъ отъ мѣста митрополитомъ Потѣемъ). Зизаній послалъ извѣстіе о себѣ и о запечатаніи церкви во Львовъ къ члену тамошняго братства Юрію Рогатинцу, который отвѣчалъ (16 ноября), что если Зизаній проповѣдуетъ по волѣ всего виленскаго троицкаго братства, то поступаетъ хорошо, и совѣтовалъ не смущаться запечатаніемъ церкви, но только безъ нужды не раздражать Потѣя. Потѣй, однакожъ, былъ уже раздраженъ до послѣдней степени: на самую жизнь Зизанія было сдѣлано покушеніе, такъ что онъ едва спасся чрезъ каминъ или дымовую трубу и бѣжалъ изъ Вильны. Братство внесло протестъ въ виленскія городскія книги (14 декабря 1599), въ которомъ отъ имени всѣхъ православныхъ жителей Вильны заявляло, что они не признаютъ Потѣя своимъ пастыремъ, отказываются отъ послушанія ему, и что онъ, не

будучи ихъ пастыремъ, насильно привлекаетъ ихъ подъ свою власть (239).

Гнѣвъ Потѣя естественно обратился и на все виленское троицкое братство. А надобно замѣтить, что братство это было еще тогда очень многочисленно и въ числѣ членовъ своихъ имѣло «княжатъ, панятъ, сенаторовъ, рыцарство и иныхъ людей вшелякой кондиціи», жившихъ въ разныхъ мѣстахъ литовскаго края. Потѣй началъ дѣйствовать противъ братства и самъ непосредственно, и чрезъ виленскихъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ русской вѣры, которые, къ прискорбію, были на ту пору изъ числа лицъ, склонныхъ къ уніи, и, руководимые Потѣемъ, старались принудить къ уніи и членовъ троицкаго братства. Братство имѣло у себя, при церкви Св. Духа, двухъ священниковъ: Карпа Лазаровича и Григорія Ждановича, которые рукоположены были экзархомъ цареградскаго патріарха Гедеономъ Болобаномъ. Потѣй захотѣлъ отнять у братства этихъ священниковъ, и къ 20-му іюля 1601 г. потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ за то, что они, помимо его—митрополита, приняли священство отъ львовскаго епископа, и священствуютъ въ митрополичьей епархіи. Требованіе Потѣя встревожило братство и особенно ктиторовъ свято-духовской церкви. И вотъ 20-го іюля отправились въ митрополичій домъ у пречистенскаго собора воевода смоленскій Янъ Абрамовичъ, подкоморій троцкій князь Богданъ Матвѣевичъ Огинскій и подстолій троцкій князь Богданъ Ѳедоровичъ Огинскій, вмѣстѣ съ двумя священника-

(239) А. З. Р. IV, №№ 142. 144—146. 149, стр. 225; Справа братства виленскаго, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1859, III, отд. III, 17.

ми братства, имѣя при себѣ трехъ возныхъ виленскаго повѣта и съ ними семь шляхтичей. Какъ только Потѣй принялъ пришедшихъ, тотчасъ воевода смоленскій и подкоморій троцкій сказали ему, первый—отъ имени своей жены, урожденной Воловичъ, строительницы свято-духовской церкви, и самъ отъ себя, какъ ея опекунъ, а послѣдній—отъ себя и отъ имени воеводы брестскаго Зеновича и его жены, урожденной Воловичъ, другой строительницы тойже церкви, и вмѣстѣ отъ имени всѣхъ сенаторовъ, рыцарства и прочихъ братій и сестеръ свято-духовскаго братства, какъ основателей и властныхъ опекуновъ и патроновъ братской церкви, на шляхетскихъ грунтахъ построенной: «Господине отче! Узнавъ, что на нынѣшній день ваша милость, своими позвами, потребовалъ предъ себя священниковъ виленскаго церковнаго братства, мы, по порученію всего братства, явились дать тебѣ объясненіе. Не только священники, но и всѣ православные обитатели Вильны всегда покорялись кіевскимъ митрополитамъ, доколѣ они сами находились въ послушаніи константинопольскимъ патріархамъ. Но когда ты и покойный митрополитъ Михаилъ Рогоза, съ нѣкоторыми владыками, отреклись отъ патріарха и поддались папѣ, желая увлечь за собою и мірянъ, то едва не все христіанство греческой вѣры во владѣніяхъ нашего короля, равно и виленское церковное братство, въ которомъ немало есть князей, пановъ, сенаторовъ и всякихъ шляхтичей, протестовали противъ васъ и отказались повиноваться еще митрополиту Рогозѣ. Эти протестаціи они повторяли потомъ на всѣхъ сеймикахъ и генеральныхъ сеймахъ, прося короля дозволить имъ оставаться при стародавнихъ вольностяхъ подъ благословеніемъ цареград-

скаго патріарха. И король, желая успокоить волненіе, дозволилъ намъ своею граматою спокойно оставаться при нашемъ исповѣданіи, пока дѣло не будетъ разсмотрѣно на сеймѣ. Но оно и доселѣ еще окончательно не рѣшено на сеймѣ, и мы, оставаясь при нашихъ прежнихъ протестаціяхъ противъ васъ и при нашихъ прежнихъ вольностяхъ, совершенно въ правѣ имѣть у себя своихъ православныхъ священниковъ при нашей братской церкви, построенной на нашемъ властномъ шляхетскомъ грунтѣ. А какъ они не признаютъ тебя за своего пастыря, то и не обязаны становиться предъ тобою и слушаться тебя. Если кому до нихъ есть дѣло, мы ихъ господа, и готовы, всегда и вездѣ, взыскивать съ нихъ и заступаться за нихъ». Потѣй отвѣчалъ: «до вашихъ грунтовъ и до вашей церкви я не имѣю ничего и не хочу въ то мѣшаться; я имѣю дѣло только до вашихъ поповъ, которые, живя въ моей епархіи, не могутъ быть изъяты изъ-подъ моей власти». Присутствовавшій при этомъ намѣстникъ виленскій Станиславъ Пукшта счелъ нужнымъ, отъ имени воеводы виленскаго Радзивила, находившагося тогда на войнѣ, напомнить Потѣю, чтобы онъ не нарушалъ ничьихъ правъ въ Вильнѣ и не посягалъ на братскихъ священниковъ, которые, оставаясь православными, по силѣ своихъ протестацій, вовсе не подлежатъ его власти и живутъ здѣсь подъ обороною воеводы. Наконецъ, начали-было и сами священники говорить Потѣю, почему они не признаютъ его своимъ пастыремъ, но онъ не захотѣлъ ихъ слушать и велѣлъ имъ явиться на слѣдующій день. Тогда священники положили на столѣ предъ Потѣемъ свое письменное объясненіе, напередъ приготовленное, и, призывая, какъ свидѣтелей, бывшихъ тутъ возныхъ и шляхтичей, заявили, что они не признаютъ Потѣя своимъ па-

стыремъ и не обязаны слушаться его и являться къ нему. Несмотря на это, Потѣй потребовалъ къ себѣ священниковъ въ другой разъ къ 27-му и въ третій къ 31-му іюля. И какъ они лично къ нему не явились, то судилъ ихъ заочно и присудилъ къ низверженію, а король, по доносу Потѣя, осудилъ ихъ, какъ непокорныхъ и бунтовщиковъ, на банницію. Виленское церковное братство осталось безъ священниковъ (240).

Виленскіе бурмистры, радцы и лавники еще въ 1596 г. жаловались королю, что свято-троицкое братство, безъ ихъ вѣдома, испросило себѣ у него грамату (отъ 9 дек. 1592), которою братскіе дома въ Вильнѣ освобождены отъ постоя и другихъ городскихъ повинностей, и которою нарушаются право и интересы всего города. Король тогда же (24 янв.) приказалъ братству прислать своихъ уполномоченныхъ на королевскій судъ для отвѣта. Но разбирательство этой жалобы, по разнымъ причинамъ, отлагалось съ году на годъ. Братство, не надѣясь найти правосудія у короля, явно неблагопріятствовавшаго православнымъ, желало только одного, чтобы дѣло это разбиралось не задворнымъ королевскимъ судомъ, гдѣ все рѣшалъ канцлеръ съ нѣсколькими, находившимися при королѣ, сенаторами или коронными чиновниками, а на генеральномъ или вальномъ сеймѣ. Объ этомъ неразъ просило братство короля, на это согласились-было и уполномоченные виленскаго городскаго управленія во время сейма 1600 года, и дали даже письменное обязательство, что они перенесутъ свой споръ съ братствомъ изъ задворнаго королевскаго суда на рѣшеніе слѣдующаго генеральнаго сейма. Но когда король

---

(240) А. З. Р. IV, № 159; Акт. Вилен. Коммис. VIII, № 17.

прибылъ въ Вильну, бурмистры и радцы, вопреки данному обязательству, упросили короля порѣшить ихъ споръ съ братствомъ задворнымъ королевскимъ судомъ, воспользовавшись отсутствiемъ изъ Вильны знатнѣйшихъ членовъ братства, и успѣли получить королевскiй декретъ, которымъ уничтожались привиллегiи братства. Не довольствуясь этимъ, бурмистры начали домогаться, чтобы отнять у братства и самые домы, гдѣ помѣщались братское училище и братская богадѣльня. Когда открылся сеймъ 1603 года, братство выслало туда своего уполномоченнаго, горько жаловалось на притѣсненiя и обиды со стороны Потѣя и бурмистровъ и умоляло членовъ сейма походатайствовать предъ королемъ, чтобы претензiи виленскихъ бурмистровъ противъ братства были разсмотрѣны на сеймѣ, чтобы отмѣненъ былъ декретъ королевскаго суда, уничтожавшiй привиллегiи братства и чтобы снята была банницiя съ двухъ братскихъ священниковъ, несправедливо осужденныхъ Потѣемъ. Жалобы братства приняты были многими на сеймѣ съ большимъ сочувствiемъ; но сеймъ этотъ разошелся преждевременно и въ пользу братства не успѣлъ ничего сдѣлать ([241]).

Такимъ образомъ Потѣй уже одержалъ надъ братствомъ и вообще надъ православными въ Вильнѣ немалые успѣхи. Онъ оттѣснилъ братство отъ троицкаго монастыря, запечатавъ придѣлъ троицкой церкви, въ которомъ проповѣдывалъ Зизанiй и который одинъ только и принадлежалъ братству; отнялъ у братства обоихъ священниковъ, которыхъ оно имѣло у своей церкви Св. Духа, и если еще не совсѣмъ отнялъ, при

([241]) А. З. Р. IV, № 159; Акт. Вилен. Коммис. VIII, №№ 10. 18. 20.

помощи бурмистровъ, самыя привиллегіи братства, то сдѣлалъ ихъ спорными и сомнительными. Оттѣснивъ братство отъ троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ еще въ 1601 году свой уніатскій митрополичій коллегіумъ или семинарію, и 15 августа «іеромонахъ и презвитеръ надворный» митрополита Потѣя, по его приказанію, «подалъ въ моцъ и въ держане честному Петрови Ѳедоровичу Сурометниковичу, старшому на тотъ часъ того семинаріумъ», фольваркъ Печерскъ съ двумя селами, принадлежавшими митрополиту. Этотъ Петръ Ѳедоровичъ былъ первымъ ректоромъ основанной въ троицкомъ монастырѣ уніатской семинаріи, и въ 1604 г., конечно, по порученію Потѣя, издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Оборона собору Флорентійского осмаго противъ фальшивому, недавно отъ противниковъ згоды выданному» (т. е. противъ исторіи о листрійскомъ, разбойническомъ.... соборѣ, изданной 1598 г. въ Острогѣ); а какой-то виленскій архимандритъ Геласій Русовскій перевелъ названную книгу и на польскій языкъ и издалъ тогда же ([242]).

Впрочемъ, братство старалось вознаградить свои потери, и въ 1605 году имѣло уже при свято-духовской церкви свой братскій православный монастырь, мужскій, съ особымъ отдѣленіемъ для женскаго, какъ было и при троицкомъ монастырѣ: съ этого года и можно считать существованіе виленскаго свято-духова монастыря. Имѣло также у себя и двухъ новыхъ

([242]) Вилен. Археогр. Сборн. IV, № 48, стр. 87; А. Ю. и З. Р. II, № 16, стр. 31; *Голубев.* Замѣч. о старопеч. книгахъ, въ Труд. Кіев. Акад. 1876, I, 359. Еще въ 1600 г. отъ 9 сентября папа писалъ виленскому бискупу Бенедикту Войнѣ, чтобы онъ содѣйствовалъ основанію въ Вильнѣ коллегіума для русскихъ—уніатовъ (*Theiner*, Veter. Monum. Pol. et Lith. III, № 207, p. 275). А донесеніе Самуила Сенчилы о передачѣ Петру Ѳедоровичу фольварка съ селами хранится въ архивѣ уніат. митропол. при Св. Синодѣ, рукоп. № 891.

священниковъ, Іосифа Яцковича и Ивана Семеновича, и пригласило къ себѣ изъ дерманьскаго монастыря ученаго іеродіакона Антонія Грековича, которому, кромѣ іеродіаконской должности въ своемъ монастырѣ, поручило, какъ баккалавру, въ завѣдываніе и свою братскую школу. Къ сожалѣнію, этотъ самый іеродіаконъ скоро подалъ поводъ къ новому и весьма сильному столкновенію братства съ митрополитомъ Потѣемъ. Грековичъ былъ уличенъ въ преступной связи съ черницею тогоже монастыря Екатериною Лычанкою, въ ея кельѣ, и, опасаясь послѣдствій, тайно бѣжалъ изъ монастыря чрезъ ограду и отдался подъ защиту Потѣя. Священники и старшины братства подали на Грековича доносъ, какъ на преступника и бѣглеца, въ виленскій трибунальный судъ. Грековичъ лично на судъ не явился, но прислалъ лишь объясненіе (16 іюля 1605 г.), что онъ, какъ лицо духовное, подлежитъ суду только своего митрополита Ипатія Потѣя, а не трибунальному. Въ тотъ же день и Потѣй написалъ трибунальнымъ судьямъ, чтобъ они не нарушали его правъ и не судили іеродіакона Грековича, какъ подлежащаго его суду. Но уполномоченный отъ братства доказывалъ, что заявленія Грековича и Потѣя не заслуживаютъ уваженія: потому что Грековичъ посвященъ въ санъ іеродіакона не Потѣемъ, а бѣлградскимъ митрополитомъ Лукою, экзархомъ цареградскаго патріарха, и служилъ доселѣ въ братскомъ православномъ монастырѣ, гдѣ и учинилъ свой проступокъ, состоя подъ духовною властію не Потѣя, а патріаршаго экзарха Гедеона, епископа львовскаго, и потому вообще, что православные въ Вильнѣ и во всей Литвѣ и Польшѣ не признаютъ Потѣя своимъ архипастыремъ за его отступленіе въ унію, какъ не разъ заявляли въ своихъ

протестахъ. Трибунальный судъ судилъ Грековича заочно (20 іюня), и осудилъ его на смерть или на всегдашнее изгнаніе, о чемъ и положилъ представить королю. Потѣй пожаловался королю на нарушеніе его митрополичьихъ правъ трибунальнымъ судомъ, и король своею граматою (23 іюля) отмѣнилъ рѣшеніе трибунальнаго суда ([243]).

Не довольствуясь этимъ, іеродіаконъ Грековичъ подалъ еще Потѣю жалобу на братскихъ священниковъ, будтобы они совершенно невинно его обезславили, выдумавъ на него небылицу, и притомъ позвали его, лице духовное, не на духовный судъ, какъ слѣдовало бы, а на свѣтскій. Потѣй и его капитула обвинили обоихъ братскихъ священниковъ за то и другое и положили имъ наказаніе, не обращая вниманія на ихъ протесты. Братство, чрезъ двухъ своихъ старостъ, принесло жалобу на Потѣя въ главный трибунальный судъ, и судъ рѣшилъ (12 августа), что Потѣй вышелъ изъ предѣловъ своего права, что братство и его попы, какъ православные, не подлежатъ его юрисдиціи, и что онъ могъ и долженъ былъ вѣдаться съ ними только предъ цареградскимъ патріархомъ или его экзархомъ, т. е. епископомъ Гедеономъ Болобаномъ. Такое рѣшеніе трибунальнаго суда тотчасъ огласилось между православными повсюду и произвело между ними общую радость, но ненадолго. Король, по просьбѣ Потѣя, издалъ указъ (29 августа), которымъ отмѣнилъ приговоръ трибунальнаго суда, объявляя, что послѣдній не имѣлъ права судить митрополита Потѣя, и что всѣ вообще свѣтскіе суды не должны вмѣшиваться въ дѣла духовныя, какъ и духовные суды — въ

([243]) Справа виленск. братства, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1859. III, отд. III; Акт. Вилен. Коммис. VIII, № 21.

дѣла свѣтскія, и въ тотъ же день издалъ декретъ о банниціи обоихъ братскихъ священниковъ, какъ бунтовщиковъ, по доносу Потѣя. Тогда братство принесло на Потѣя жалобу, чрезъ тѣхъ же своихъ старостъ, въ генеральный сеймъ, и возный повѣта виленскаго два раза передавалъ въ Вильнѣ Потѣю господарскіе позвы (22 окт. 1605 г. и 11 янв. 1606), чтобы онъ, по той жалобѣ, явился на судъ генеральнаго сейма. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно. Но братство опять лишилось своихъ священниковъ и воротить ихъ не могло ([244]).

Въ этомъ же 1605 г. Потѣй имѣлъ и другіе успѣхи. Онъ случайно нашелъ въ одной сельской церкви (Кревской) старую славянскую рукопись, въ которой, между прочимъ, было помѣщено посланіе кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV, писанное въ 1576 г.; лично принесъ найденную рукопись въ виленскій магистратъ, прося засвидѣтельствовать ея древность, и, получивъ свидѣтельство бурмистровъ и радцевъ, напечаталъ посланіе Мисаила къ папѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Мы знаемъ, что это посланіе было не болѣе, какъ попытка къ уніи, и притомъ не увѣнчавшаяся успѣхомъ (нашей Исторіи IX, 43—61). Но Потѣй съ торжествомъ указывалъ на это посланіе, какъ на доказательство, что унія дѣйствительно существовала въ кіевской митрополіи при Мисаилѣ, и не только при Мисаилѣ, но и при слѣдующихъ митрополитахъ, и выводилъ заключеніе, что всѣ привиллегіи, данныя польскими королями русскому духовенству, даны собственно уніатскому русскому духовенству, а не православному. Къ концу года Потѣй, несмотря на то, что виленскіе бурмистры и рад-

---

([244]) Акт. Вилен. Коммис. VIII, №№ 22. 24. 25. 27; А. Ю. и З. Р. II, №№ 19—22; Вилен. Археогр. Сборн. II, стр. 24—25.

цы русской вѣры дѣйствовали съ нимъ за одно противъ православнаго братства, донесъ королю, что они, имѣя троицкій монастырь подъ своею опекою, вовсе о немъ не заботятся и доходы съ его имѣній неизвѣстно на что употребляютъ, а одно имѣніе неизвѣстно кому отдали. Поэтому король отнялъ (16 ноября) у бурмистровъ и радцевъ троицкій монастырь и отдалъ, по просьбѣ Потѣя, только-что поставленному имъ архимандриту Самуилу Сенчилѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ монастырь «въ единости святой съ костеломъ римскимъ и въ послушенствѣ старшего пастыря своего — митрополита». Отселѣ троицкій монастырь, при которомъ несомнѣнно существовалъ тогда и женскій, окончательно перешелъ въ руки уніатовъ ([245]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ Потѣй велъ борьбу съ православными въ Вильнѣ, онъ боролся съ ними и въ другихъ мѣстахъ. Въ тотъ самый день (26 сент. 1599), когда король пожаловалъ Потѣю грамату на митрополію со всѣми ея имѣніями, Потѣй получилъ отъ короля и грамату на архимандритство въ кіево-печерскомъ монастырѣ со всѣми его имѣніями. Спустя недѣлю король объявилъ объ этомъ и всѣмъ своимъ подданнымъ другою своею граматою (отъ 2 окт.), и въ ней провелъ ту мысль, излюбленную Потѣемъ, что прежніе литовско-польскіе государи надѣлили русскихъ епископовъ и прочее духовенство многими привиллегіями за принятіе уніи, состоявшейся во Флоренціи (извѣстна только одна такая грамата — Владислава III), что впослѣдствіи русское духовенство поте

([245]) А. З. Р. IV, №№ 164. 166; Вилен. Археогр. Сборн. X, № 6, стр. 226. Снес. А. Вилен. Комм. VIII, № 29.

ряло всѣ свои привиллегіи, по отступленіи русскихъ въ прежнюю свою схизму (извѣстно напротивъ, безчисленное множество королевскихъ грамать, пожалованныхъ именно православному русскому духовенству), и что теперь, когда удалось вновь утвердить между русскими унію, онъ-король не только возстановляетъ прежнія права и вольности русскому духовенству, но готовъ дать и большія,—почему и пожаловалъ митрополиту Михаилу Рогозѣ кіевскую лавру, а нынѣ по смерти его жалуетъ ее преемнику Рогозы Ипатію Потѣю ([246]). Между тѣмъ братія лавры, еще не успѣвшіе избрать себѣ собственною властію, по силѣ давняго своего права, новаго архимандрита, на мѣсто скончавшагося Никифора Тура († 1599), и не думали принимать Потѣя, какъ прежде не приняли Рогозу. Зная по прежнему своему опыту, какъ трудно бороться съ лаврскими иноками, королевскій дворянинъ Янъ Кошицъ, назначенный для передачи Потѣю лавры и ея имѣній, рѣшился начать передачу не съ самой лавры, какъ пытался сдѣлать при Никифорѣ Турѣ, а съ ея имѣній, и притомъ такихъ, которыя находились далеко отъ Кіева, въ повѣтѣ Оршанскомъ; но ошибся въ разсчетѣ. Лишь только Кошицъ, съ оршанскимъ возпымъ Зенковичемъ, двумя шляхтичами и нѣсколькими слугами митрополита, прибылъ 12 октября въ первое изъ этихъ имѣній—Печерскъ, какъ встрѣтилъ здѣсь двухъ лаврскихъ монаховъ съ множествомъ казаковъ, могилевскихъ мѣщанъ и другихъ вооруженныхъ людей. Монахи затворили предъ Кошицемъ ворота, не пустили его во дворъ и кричали прибывшимъ, чтобы они удалились; а когда Кошицъ началъ было читать королевскіе листы, то не

([246]) А. З. Р. IV, № 143; А. Ю. и З. Р. II, № 1.

захотѣли его слушать и начали стрѣлять въ него и его спутниковъ, и у одного изъ шляхтичей убили коня. Спустя два дня Потѣй принесъ на этихъ монаховъ жалобу, чрезъ своего слугу, въ оршанскомъ судѣ, а спустя годъ, сдѣлавъ внезапное нападеніе (22-го ноября 1600) на Печерскъ, насильно отнялъ его и другія сосѣднія села у лавры и подарилъ (21 генваря 1601) на содержаніе своей уніатской семинаріи въ Вильнѣ. За лавру заступилось кіевское дворянство. Оно, чрезъ своихъ пословъ на варшавскомъ сеймѣ, настоятельно доказывало королю, что онъ не въ правѣ назначать архимандритовъ въ печерскій монастырь, что это право принадлежитъ самимъ печерскимъ инокамъ и кіевскимъ дворянамъ. Настоянія подѣйствовали на Сигизмунда, и онъ, опасаясь волненій, обратился съ просьбою къ папѣ Клименту VIII отмѣнить прежнюю буллу, которою кіевская лавра предоставлялась уніатскимъ митрополитамъ. Папа согласился и отмѣнилъ эту буллу своимъ бреве (отъ 19-го іюля 1603), но съ тѣмъ, чтобы король вознаградилъ митрополита за лавру чѣмъ нибудь другимъ, и чтобы, стараніемъ короля, впредь назначался на архимандритство въ лавру добрый католикъ ([247]). Потѣю очень не хотѣлось отказаться совсѣмъ отъ имѣній лавры, и онъ что же придумалъ? Онъ объявилъ королю, что отказывается отъ имѣній лавры, находящихся въ коронѣ польской, а желаетъ только удержать за собою ея имѣнія, нахо-

---

([247]) А. Ю. и З. Р. II, № 2; Виленск. Археогр. Сборн. IV, стр. 81—82; Архив. Юго-Запад. Россіи, ч. II, т. I, №№ 5. 6. Вслѣдствіе папскаго бреве, король въ томъ же году писалъ кіевскому бискупу, чтобы онъ распорядился объ избраніи архимандрита въ лавру, разумѣется, латинянина, и извѣстилъ о томъ Потѣя (*Голубев.* Матер. для истор. западно-русск. церкви, № 24, въ Труд. Кіев. Ак. 1878, іюнь, прилож. 181).

дящіяся въ великомъ княжествѣ литовскомъ. И король своею граматою отъ 20 февраля 1605 г. утвердилъ за Потѣемъ эти послѣднія имѣнія. Но не прошло и двухъ дней, какъ король, по просьбѣ чернецовъ кіево-печерскаго монастыря, которые, наконецъ, сами избрали себѣ новаго архимандрита, Елисея Плетенецкаго, и вмѣстѣ по ходатайству князя К. К. Острожскаго и сына его Януша (латинянина), отдалъ (22 февр.) печерскую лавру архимандриту Елисею со всѣми имѣніями, какія только ей принадлежали и какими владѣли ея прежніе архимандриты, слѣдовательно и съ тѣми, которыя находились въ княжествѣ литовскомъ: вѣрно, королю объяснили, что не слѣдуетъ идти противъ папскаго бреве, имъже самимъ испрошеннаго. А чтобы вознаградить Потѣя за потерю, король пожаловалъ ему (3 марта) лещинскій монастырь, со всѣми его имѣніями, въ которомъ прежде настоятельствовалъ Елисей Плетенецкій. Но Потѣй не хотѣлъ отказаться отъ имѣній лавры, находившихся въ княжествѣ литовскомъ, упорно удерживалъ ихъ подъ своею властію и велъ изъ-за нихъ тяжбу съ Елисеемъ Плетенецкимъ до конца своей жизни, равно какъ и Плетенецкій, будучи уже архимандритомъ кіевской лавры, не хотѣлъ уступить Потѣю лещинскаго монастыря и старался вытѣснять изъ него тѣхъ, кому передавалъ Потѣй управленіе монастыремъ ([248]). Пытался также Потѣй возвратить себѣ отъ лавры тѣ митрополичьи имѣнія, которыя «увязаны» были ей, по суду, въ 1598 г. за долгъ ей митрополита Михаила Рогозы

([248]) А. Ю. и З. Р. II, №№ 16. 17; А. З. Р. IV, № 162 (снес. № 112); Вилен. Археогр. Сборн. IV, стр. 81—82; *архим. Николая* Опис. Минск. епархіи, 138—139. Захарія Копыстенскій въ надгробномъ словѣ Елисею Плетенецкому говоритъ, что послѣдній избранъ былъ въ кіево-печерскаго архимандрита еще въ 1599 г. (*Сахар.* Обозр. сл.-русск. библіогр., стр. 73).

въ 8000 копъ грошей литовскихъ. Но и тутъ потерпѣлъ неудачу. Архимандритъ Елисей Плетенецкій, вмѣстѣ со всею братіею, отвѣчалъ возному земли кіевской, прибывшему съ королевскою граматою для отобранія этихъ имѣній и передачи митрополиту, что съ нихъ еще не получена монастыремъ вся сумма, какая опредѣлена судомъ, и до тѣхъ поръ, пока она вполнѣ не будетъ уплачена, монастырь не отдастъ и не уступитъ митрополичьихъ имѣній и будетъ оборонять ихъ ([249]).

Вскорѣ по вступленіи Ипатія Потѣя на митрополитскую каѳедру, ему пожалованъ былъ (28 декабр. 1599) въ управленіе, до его живота, свято-троицкій монастырь въ Слуцкѣ опекуномъ слуцкой княжны Софіи, виленскимъ каштеляномъ Іеронимомъ Ходкевичемъ, съ тѣмъ, чтобы въ монастырѣ хвала Божія отправлялась всегда «подъ едностью святою и згодою съ костеломъ католицкимъ». При увязаньи этого слуцкаго монастыря и его имѣній за Потѣемъ, послѣдній не встрѣтилъ никакихъ сопротивленій: ярый латинянинъ Ходкевичъ не могъ бы допустить того. Но въ средѣ слуцкаго бѣлаго духовенства нашлись лица, которыя не хотѣли покориться новому митрополиту, какъ уніату. Получивъ объ этомъ извѣстія, Потѣй написалъ къ слуцкому духовенству посланіе (29 мая 1600), въ которомъ, величая себя не только митрополитомъ кіевскимъ и владыкою владимірскимъ, но такъ же и архимандритомъ печерскимъ и слуцкимъ, убѣждалъ непокорныхъ повиноваться ему, какъ своему законному архипастырю и, въ заключеніе, присовокуплялъ: «знаю причину вашей непокорности,—вы боитесь повины; но не всякому духу вѣрьте. Пишу

([249]) А. Ю. и З. Р. II, № 167.

къ вамъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ пастырь къ овцамъ, не столько моимъ, сколько Христовымъ. Но если вы пренебрежете и этимъ нашимъ отеческимъ напоминаніемъ, то на непослушныхъ есть и иное лекарство, о которомъ вы сами вѣдаете изъ правилъ богоносныхъ отцевъ, а короче сказать: помните, что я вамъ не Рогоза». Вслѣдъ за тѣмъ Потѣй послалъ своего намѣстника, слуцкаго протопопа Аѳанасія Герасимовича, разумѣется, праданнаго уніи, чтобы онъ обозрѣлъ всѣ церкви не только въ Слуцкѣ, но и въ окрестныхъ мѣстахъ, и обратилъ вниманіе, какъ священники совершаютъ таинства и службы, преподалъ церковнымъ причтамъ надлежащія наставленія и вразумленія, раздалъ имъ св. муро отъ имени Потѣя, собралъ съ нихъ Потѣю обычныя куницы, и такимъ образомъ утвердилъ въ духовенствѣ подчиненность и покорность новому, уніатскому митрополиту (250).

Въ 20-й день декабря 1599 г. король послалъ Потѣю вторичный позывъ явиться на генеральный сеймъ въ Варшаву и дать отвѣтъ по жалобѣ на него—Потѣя и Кирилла Терлецкаго, заявленной русскими послами еще на сеймѣ 1598 г., но тогда не разсмотрѣнной и отложенной до сейма 1600 г. Потѣй и Терлецкій явились. Король назначилъ для выслушанія ихъ 15-е число марта; но только рѣшился выслушать обвиняемыхъ владыкъ не предъ лицемъ всего сейма, какъ слѣдовало бы и какъ просили русскіе послы, а лишь въ присутствіи однихъ своихъ сенаторовъ. Въ чемъ обвинялись Потѣй и Терлецкій, мы уже знаемъ. Какъ же они оправдывались? Въ сущности, они отвѣчали слѣдующее: «наше дѣло не под-

(250) А. З. Р. IV, №№ 147. 153.

лежитъ суду короля и сената, ни какому либо другому свѣтскому, а подлежитъ суду духовному. Но чтобы показать нашу невинность, мы заявляемъ, что всѣ народы, по волѣ самого Спасителя, должны принадлежать къ одной церкви католической, подъ главенствомъ римскаго папы; что мы, съ митрополитомъ Рогозою, не сдѣлали ничего новаго, а только возстановили то единеніе съ римскою церковію, котораго держались и русскіе со временъ флорентійскаго собора, и за которое король Владиславъ понадалъ русскому духовенству великія вольности, подтвержденныя королями Александромъ и Сигизмундомъ I. Мы не захотѣли лишь оставаться въ схизмѣ, въ которую потомъ опять впали русскіе, но возвратились къ той самой уніи съ папою, въ которой пребывали наши предки». Т. е. Потѣй и Терлецкій вздумали отдѣлаться общими фразами, а ни слова не сказали ни противъ того обвиненія, что они самовольно выдавали себя послами въ Римъ отъ всего русскаго народа и приняли тамъ унію безъ его вѣдома и согласія; ни противъ того, что они приняли унію безъ согласія восточныхъ патріарховъ, измѣнили своей присягѣ предъ ними, и, отступивъ отъ православія, справедливо подверглись отлученію православной церкви и низложенію, почему и не могутъ болѣе оставаться архипастырями православной паствы; ни противъ того, что они, принуждая православныхъ къ принятію уніи и преслѣдуя ихъ, нарушаютъ права и привиллегіи, дарованныя прежними королями церкви православной, равно какъ и варшавскую генеральную конфедерацію, утвердившую въ Литвѣ и Польшѣ свободу вѣроисповѣданій. И однакожъ, несмотря на это, король съ своимъ сенатомъ призналъ Потѣя и Терлецкаго совершенно оправданными, и 16-го марта

издалъ декретъ, въ которомъ объявлялъ, между прочимъ, будто сами послы русскіе, принесшіе жалобу на Потѣя и Терлецкаго, ничего не возражали противъ ихъ оправданій, и именно говорилъ: «мы тогды съ паны радами нашими бачучи, ижъ помѣненные архіепископъ и епископъ поступокъ свой слушный во всемъ указали, а къ тому, ижъ сторона противная поводовая, позвавши ихъ о то предъ насъ на сеймъ, ничего противного на нихъ не показуетъ, а ни попираетъ, и о всемъ тое справы отбѣваетъ, нынѣшнимъ листомъ и декларацыею нашею вольными ихъ вѣчнѣ отъ таковыхъ позвовъ стороны противной быти знайдуемъ». А между тѣмъ оказывается, что русскіе послы вовсе не были и допущены присутствовать при оправданіи Потѣя и Терлецкаго, слѣдовательно и не могли ничего возражать имъ или уклоняться отъ возраженій. Посылая копію съ этого декрета львовскому братству, князь К. Острожскій отъ 17-го мая писалъ: «на близко прошломъ сеймѣ варшавскомъ выдано декретъ противко насъ, безъ бытности и вѣдомости и насъ иословъ нашихъ, намъ барзо и праву посполитому, а больш справедливости святой, противный, котораго копѣю для зрозумѣнья вашимъ милостямъ посылаю» ([251]). Да и возможно ли допустить, чтобы русскіе

([251]) Позывъ короля Потѣю отъ 20 декабря 1599 г.—въ рукописи Архив. уніат. митроп. при Св. Синодѣ, № 15. Прочее—А. З. Р. IV, №№ 150. 152 Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 71, стр. 150. Авторъ Перестроги говоритъ что весь этотъ судъ надъ Потѣемъ и Терлецкимъ устроенъ былъ ихъ сторонниками, безъ участія православныхъ, уже подъ конецъ сейма. Но, изложивъ оправданія Потѣя и Терлецкаго, продолжаетъ, будто противъ нихъ тотчасъ сказалъ длинную обличительную рѣчь одинъ изъ членомъ львовскаго братства. Рѣчь эта, очевидно, сочиненная самимъ авторомъ впослѣдствіи, помѣщена въ Перестрогѣ (А. З. Р. IV, стр. 221—229).

послы не нашлись ничего сказать противъ такого жалкаго оправданія Потѣя и Терлецкаго, когда послѣдніе не отвѣчали прямо ни на одно изъ обвиненій, взведенныхъ на нихъ послами? Вотъ до чего унижался король, слѣпо покровительствовавшій уніи: онъ явно допускалъ неправду въ своемъ судѣ, явно говорилъ ложь въ своихъ декретахъ.

При такомъ покровительствѣ короля и сената, Потѣй смѣло продолжалъ преслѣдовать непокорявшееся ему духовенство. Въ самомъ Владимірѣ, гдѣ была епископская каѳедра Потѣя, оставался еще одинъ священникъ, по имени Мартинъ, который не хотѣлъ подчиниться ему, а совершалъ православныя службы для своихъ прихожанъ въ церкви св. Василія, состоявшей въ «подаваньи» поповъ Загорскихъ. Въ 1600 г. наканунѣ Рождества Христова по старому календарю (а по новому, 4 генв. 1601), когда Мартинъ совершалъ заутреню, внезапно ворвались въ церковь, съ шумомъ и крикомъ, до двадцати вооруженныхъ слугъ Потѣевыхъ, схватили этого священника и повлекли предъ своего владыку. Потѣй, прежде всего, собственноручно ударилъ его въ лице, потомъ, вошедши въ свою церковь и ставъ на амвонѣ, велѣлъ представить священника въ полномъ облаченіи и съ чашею въ рукахъ, а когда священникъ былъ представленъ, отобралъ у него чашу, приказалъ снять съ него всѣ священническія одежды и, взявъ ножницы, самъ стригъ его голову на четыре стороны, поручивъ тутъ же діакону выстричь ее всю. Въ супрасльскомъ монастырѣ архимандритомъ былъ князь Иларіонъ Масальскій. Около трехъ лѣтъ онъ, повидимому, признавалъ унію и власть Потѣя; но потомъ сбросилъ личину и, вмѣстѣ со всею своею братіею, не сталъ повиноваться уніатскому митрополиту. Три

раза посылалъ Потѣй свои «позвы» къ этому архимандриту, но онъ не захотѣлъ явиться на судъ. Тогда Потѣй предалъ его заочно проклятію и низложенію, а король (19 генв. 1602) осудилъ на изгнаніе изъ государства. Пять лѣтъ крѣпился Иларіонъ, но потомъ смирился, покорился Потѣю и просилъ (8 авг. 1607), чтобы тотъ исходатайствовалъ ему помилованіе у короля и далъ какой либо монастырь, и Потѣй возвратилъ ему супрасльскій монастырь, который отселѣ сдѣлался уніатскимъ ([252]). Въ тоже время, одинъ за другимъ, переходили въ уніатскія руки и прочіе православные монастыри, заботливостію Потѣя и его помощниковъ. Черейскій монастырь, основанный нѣкогда митрополитомъ Мисаиломъ и поступившій, по его завѣщанію, въ родъ Сапѣговъ, находился теперь подъ патронатствомъ литовскаго канцлера, Льва Сапѣги. Послѣдній построилъ въ монастырѣ новую каменную церковь и другія каменныя зданія, надѣлилъ монастырь новыми имѣніями и, своею граматою (20 генв. 1599), утвердилъ его за игуменомъ Исаіею, несомнѣнно, державшимся уніи, хотя и выразился въ граматѣ, чтобы никто не смѣлъ вводить въ томъ монастырѣ «иншые вѣры, кромѣ греческоѣ» (такъ называли тогда латиняне унію, отличавшуюся отъ латинства греческою обрядностію). Этому же самому черейскому игумену Исаіи, какъ находившемуся «во единоцтвѣ костела повшехного рымского», король, по ходатайству Льва Сапѣги, пожаловалъ (4 мая 1601) и другой монастырь—онуфріевскій въ Мстиславлѣ съ тѣмъ, чтобы и этотъ монастырь пребывалъ «во единоцтвѣ» съ рим-

---

([252]) А. Ю. и З. Р. II, № 8; А. З. Р. IV, № 156; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 75, стр. 157; IX, стр. 95.

скою церковію ([253]). На грозовскій николаевскій монастырь, въ слуцкомъ повѣтѣ близъ мѣстечка Грозова, Потѣй выдалъ свою благословенную грамату (15 іюня 1600) священнику Минѣ Васильевичу съ условіемъ, чтобы онъ, управляя тѣмъ монастыремъ и священнодѣйствуя въ немъ, оставался всегда «подъ послушенствомъ» его, митрополита. Лаврашевскій монастырь, съ самаго начала уніи, находился подъ властію уніата архимандрита Гедеона Бролницкаго, подписавшагося подъ актомъ брестскаго уніатскаго собора. А когда Гедеона возвели въ санъ архіепископа полоцкаго, на мѣсто скончавшагося Германа, то король, по ходатайству уніатскихъ владыкъ и канцлера литовскаго Льва Сапѣги, отдалъ этотъ монастырь извѣстному ученому уніату, греку Петру Аркудію (1 сент. 1600). Пустынскій монастырь въ мстиславскомъ воеводствѣ, по ходатайству митрополита Потѣя и полоцкаго владыки Гедеона, отданъ королемъ (16 авг. 1601) отцу Аѳанасію Васильевичу Волчанскому съ условіемъ, чтобы и онъ самъ, и всѣ попы и монахи монастыря, пребывали «въ едности святой» съ костеломъ римскимъ подъ властію полоцкаго архіепископа. Минскій вознесенскій монастырь съ самаго начала уніи находился подъ управленіемъ уніата, архимандрита Паисія, подписавшагося подъ актомъ брестскаго уніатскаго собора. А теперь, когда Паисій, по смерти пинскаго владыки Іоны Гоголя, возведенъ былъ на пинскую каѳедру, король пожаловалъ этотъ монастырь, по ходатайству Потѣя, отцу Софронію (3 марта 1603), съ тѣмъ, чтобы онъ, принявъ посвященіе отъ Потѣя, пребывалъ съ своимъ монастыремъ въ святой единости и въ подчи-

---

([253]) А. З. Р. IV, № 136; Вилен. Археогр. Сборн. II, № 18; А. Ю. и З. Р. II, № 9.

неніи своему архипастырю. Пинскій владыка Паисій, державшій кобринскій монастырь, и уніатъ Петръ Аркудій, державшій пинское протопопство съ его имѣніями, вздумали помѣняться, и, съ утвержденія короля (3 марта 1603), названное протопопство съ имѣніями перешло въ руки Паисія, а кобринскій монастырь съ имѣніями—въ руки уніата Аркудія (254).

Къ радости Потѣя, унія находила себѣ новыхъ послѣдователей среди русскаго дворянства. Въ 1603 г. собрались въ Люблинѣ до пятидесяти дворянъ и 13 мая подписали заявленіе въ сенатъ и королю, буквально сходное съ тѣмъ, какое подписано было въ Луцкѣ 33-мя дворянами въ 1598 году: т. е. подписавшіеся благодарили за унію и Бога и своихъ владыкъ, принявшихъ ее, и просили, чтобы унія ни въ чемъ не была нарушаема, и чтобы уніаты совершали свои праздники вмѣстѣ и одновременно по новому календарю. Во главѣ подписавшихся находился теперь новогрудскій воевода Ѳедоръ Скуминъ Тышкевичъ. За нимъ слѣдовали: Андрей князь Козюка, Фридрихъ Тышкевичъ изъ Логойска, Григорій князь Четвертинскій, Ярошъ Тышкевичъ, Юрій Овлочимскій—писарь земскій владимірскій, Иванъ Терлецкій, Ѳедоръ Терлецкій и другіе. Изъ числа подписавшихся подъ заявленіемъ 1598-го года въ Луцкѣ теперь вновь подписался князь Юрій Чарторыйскій. Насколько искренняя была эта подписка и не была ли она вызвана просьбами и давленіемъ одного какого либо магната, напримѣръ новогрудскаго воеводы Скумина Тышкевича, или сдѣлана лишь въ угодность королю, судить нѣтъ возможности. Но нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что нѣкоторые изъ

(254) А. Ю. и З. Р. II, №№ 7. 11. 13. 14; А. З. Р. IV, № 155.

подписавшихся теперь, какъ и подъ заявленіемъ 1598 года, въ качествѣ ревнителей уніи, именно: князь Юрій Чарторыйскій, князь Григорій Четвертинскій, Фридрихъ Тышкевичъ изъ Логойска, подписались такъ же, вмѣстѣ съ князем К. К. Острожскимъ и другими несомнѣнно православными дворянами волынскими, подъ обязательствомъ защищать православную братскую церковь въ Люблинѣ, которое дано ими въ 1601 г., а внесено въ трибунальскія книги воеводства волынскаго въ 1603 году ([255]).

Довольный дѣйствіями Потѣя, папа Климентъ VIII постоянно оказывалъ ему свое вниманіе и поддержку. Еще въ то время, когда Потѣй, вмѣстѣ съ Терлецкимъ, пріѣзжалъ въ Римъ для принятія уніи, Климентъ VIII оставилъ у себя сына Потѣева Петра, обѣщавшись воспитать его на свой счетъ. Теперь, именно въ 1601 году, когда воспитаніе Петра окончилось, папа, отпуская его на родину, написалъ о немъ рекомендательное письмо (отъ 30 янв.) къ самому королю Сигизмунду III. Въ 1603 г., 19 іюля, и въ 1604 г., отъ 31 марта, папа вновь ходатайствовалъ передъ королемъ, чтобы онъ постарался дать мѣсто въ сенатѣ уніатскому митрополиту Потѣю, хотя и въ оба эти раза безуспѣшно. Въ слѣдующемъ году папа писалъ (13 дек.) къ самому Потѣю и восхвалялъ его ревность объ утвержденіи уніи посреди всѣхъ препятствій, его мужество въ борьбѣ съ схизматиками еретиками. А въ 1606 г., 9 іюня, благодарилъ литовскаго канцлера Льва Сапѣгу за то, что онъ усердно поддерживалъ Потѣя и унію на

([255]) Упомянутое заявленіе 1603 года напечатано въ книгѣ *Жоховскаго* Colloquium Lubelskie—str. 37—38. А обязательство въ—Архивѣ юго-запад. Россіи, ч. II, т. I, № 4, стр. 35—39.

предшествовавшемъ сеймѣ противъ нападеній отъ схизматиковъ. Съ своей стороны и король Сигизмундъ III всячески поддерживалъ Потѣя, и въ 1605 году пожаловалъ Потѣю, по его просьбѣ, три подтвердительныя граматы: а) на право подчиненія ему всѣхъ церквей восточнаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ, б) на право церковнаго суда, какъ онъ опредѣленъ для русскихъ митрополитовъ и епископовъ въ извѣстной граматѣ Сигизмунда I отъ 2 іюля 1511 года, и в) на право владѣнія всѣми имѣніями, какими только владѣли прежніе православные митрополиты ([256]).

Православные не переставали принимать свои мѣры для охраненія себя и своей вѣры отъ уніатовъ и папистовъ. Патріархъ александрійскій Мелетій оставилъ въ 1599 г. мѣстоблюстительство константинопольскаго патріаршаго престола, но и послѣ этого не прекращалъ своей пастырской заботливости о западно-русской церкви, съ которою находился въ сношеніяхъ съ давняго времени. Въ 1600 году онъ прислалъ сюда, чрезъ своего протосинкелла Кирилла Лукариса, нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ. Тутъ были посланія: къ князю К. К. Острожскому съ просьбою не уставать въ борьбѣ за православіе до самаго конца, къ князьямъ: Евѳимію Корецкому, Іоанну Соломерецкому, Іоакинѳу Четвертинскому, къ знатнымъ панамъ: Ѳедору Скумину, воеводѣ новогрудскому (увы, патріархъ еще не зналъ о его отпаденіи въ унію),

---

([256]) Письма папы—въ Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 5, стр. 42, и у *Тейнера*, Vetera Monum. Polon. et Lith. III, №№ 210. 221. 232, 235, pag. 277. 283. 288. 293. Подтвердительныя граматы Сигизмунда III – въ архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, №№ 169. 170. 173. Въ 1612 году, 7 января, папа опять просилъ короля, чтобы хоть митрополитъ уніатскій былъ принятъ въ число его сенаторовъ (*Тейнер*. ibid. III, № 270, p. 349).

Михаилу Гулевичу, Андрею и Александру Загоровскимъ и другимъ, то съ похвалами за твердость въ православной вѣрѣ, то съ убѣжденіемъ хранить ее и впредь. Тутъ же находились и посланія къ королю Сигизмунду и къ Ипатію Потѣю. Оказывается, что король самъ писалъ прежде къ Мелетію, увѣрялъ его, что никогда не имѣлъ пренебреженія къ восточной церкви, напротивъ всегда питалъ къ ней почтеніе и любовь, хотя, по причинѣ нѣкоторыхъ безпорядковъ, и запретилъ безъ разбора пропускать въ свои владѣнія всякаго, приходящаго съ востока, и наконецъ убѣждалъ и просилъ патріарха «признать римскаго первосвященника тѣмъ, чѣмъ онъ самъ себя считаетъ», и подчиниться ему; т. е. король попытался склонить и самого мѣстоблюстителя константинопольскаго патріаршаго престола къ принятію уніи, разсчитывая чрезъ то совершенно обезпечить ея успѣхи въ литовской митрополіи. Въ своемъ отвѣтѣ королю Мелетій благодарилъ его за выраженное имъ расположеніе къ восточной церкви, по жалѣлъ о томъ, что запрещеніе короля пропускать въ предѣлы государства только неблагонадежныхъ, злонамѣренныхъ людей, распространяютъ на всѣхъ, приходящихъ съ востока, и перехватываютъ самыя письма оттуда, и объяснялъ, что признаетъ папу, какъ признавали и предки, только за римскаго первосвященника, а отнюдь не за главу церкви, что не можетъ соединиться съ папою за его отступленія отъ вселенскихъ соборовъ и нововведенія, и что объ этихъ отступленіяхъ король, если пожелаетъ, можетъ подробнѣе узнать изъ посланія его — Мелетія къ достопочтенному Ипатію Потѣю. Послѣднее посланіе (отъ 15 окт. 1599) весьма обширно. Здѣсь Мелетій возставалъ противъ обычая римской церкви совер-

шать таинство евхаристіи на опрѣснокахъ и преподавать мірянамъ только подъ однимъ видомъ, противъ римскихъ лжедогматовъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ папы, противъ безженства священниковъ и противъ новаго календаря, и, выставляя достоинство православной церкви, убѣждалъ Потѣя оставить унію съ Римомъ и возвратиться въ нѣдра православія. Потѣй отвѣчалъ патріарху (въ 1601 г.) еще болѣе обширнымъ посланіемъ, въ которомъ защищалъ и себя въ принятіи уніи и римскія заблужденія, указанныя въ письмѣ Мелетія, рѣзко нападалъ на восточную церковь и патріарховъ и утверждалъ, что увлеченъ изъ православія въ унію вовсе не силлогизмами западной науки, какъ думаетъ Мелетій, а очевидностію истины, и что желаетъ и жить и умереть въ единеніи съ церковію римскою ([257]). Въ 1601 г. Мелетій прислалъ въ западную Русь, чрезъ своего екклисіарха іеродіакона Исаака, еще два письма (отъ 5 авг.), одно къ львовскому братству, а другое къ жителямъ Рогатина. Въ томъ и другомъ онъ убѣждалъ православныхъ стоять непоколебимо въ православіи, мужественно переносить гоненія отъ уніатовъ и латинянъ и возлагать надежду на Бога. Это были уже послѣднія свидѣтельства архипастырской заботливости Мелетія о православной церкви въ Литвѣ: потому что 14 сент. 1601 года онъ скончался ([258]). Послѣ того, какъ Мелетій оставилъ мѣстоблюстительство патріаршей цареградской каѳедры,

---

([257]) Посланія патріарха Мелетія—у *Малышев.* Мелетій Пигасъ, II, прилож. I, стр. 94—144. Посланіе Мелетія къ Потѣю и отвѣтъ ему Потѣевъ напечатаны были, въ польскомъ переводѣ, въ особой книжкѣ и впослѣдствіи при проповѣдяхъ Потѣя, изд. въ 1714 и 1768 годахъ.

([258]) Вилен. Археогр. Сборн. II, №№ 20, 21.

на нее былъ возведенъ патріархъ Матоей. Но онъ патріаршествовалъ только около года, и для западно-русской митрополіи успѣлъ сдѣлать лишь то, что утвердилъ своею граматою (1600 г.) львовское ставропигіальное братство и его учрежденія и прислалъ ему антиминсъ. О дѣйствіяхъ двухъ слѣдующихъ патріарховъ для литовской митрополіи, Неофита и Рафаила, изъ которыхъ первый занималъ каѳедру не болѣе года, а послѣдній около пяти лѣтъ, даже ничего неизвѣстно. Но несомнѣнно, что русскіе, несмотря на строгое королевское запрещеніе, имѣли постоянныя сношенія съ своими верховными первосвятителями, то чрезъ купцовъ греческихъ и русскихъ, жившихъ во Львовѣ и ежегодно ѣздившихъ въ Царьградъ по дѣламъ торговли, то черезъ нарочныхъ своихъ посланцевъ, чрезъ которыхъ и получали отъ патріарховъ св. мѵро, антиминсы, граматы и вообще архипастырскія наставленія, письменныя и устныя ([259]).

Изъ трехъ патріаршихъ экзарховъ, поставленныхъ для литовской митрополіи Мелетіемъ въ началѣ уніи, одинъ Кириллъ Лукарисъ въ январѣ 1601 года навсегда оставилъ Литву, и, возвратившись въ Александрію, сдѣлался преемникомъ Мелетія на патріаршей каѳедрѣ. Другой—князь К. Острожскій, по прежнему, ревновалъ о поддержаніи и охраненіи православія. Въ 1602 г. онъ издалъ слѣдующую грамату: «Объявляемъ и извѣщаемъ симъ листомъ и добровольнымъ нашимъ постановленіемъ, что, по обсылкѣ св. памяти блаженнаго отца Мелетія, бывшаго патріарха александрійскаго, и его милости

([259]) *Зубрицк.* Лѣтопись Львов. братства подъ 1600 и 1602 г., стр. 44 49 — 50; Виленск. Археогр. Сборн. II, № 24; *Малышев.* Мелетій Пигасъ, I, 428—429.

святѣйшаго господина, отца Кирилла (Лукариса), преемника его престола, письменно и устно дано намъ отъ нихъ отеческое и пастырское приказаніе, чтобы мы, будучи стражами св. восточной, соборной и апостольской вѣры, защитниками св. церквей и при нихъ людей духовныхъ, надали на извѣстномъ мѣстѣ въ маетности нашей и фундовали монастырь общежительный, для поддержанія св. вѣры въ нашемъ русскомъ народѣ, для преспѣянія и преподаванія наукъ, отъ которыхъ могла бы быть самоскорѣйшая и наилучшая помощь церкви Божіей. Мы, какъ послушные сыны св. восточной соборной и апостольской церкви, приняли таковое приказаніе со всѣмъ уваженіемъ и, вникнувъ въ сущность дѣла, усмотрѣли, что св. церковь въ нынѣшнія времена настоятельно требуетъ отъ своихъ духовныхъ пастырей преимущественно двухъ качествъ: святости жизни и знанія св. писаній. И потому, всѣми силами своими озабочиваясь исполнить волю Божію и приказаніе св. церкви, отдали и симъ листомъ нашимъ отдаемъ дерманскій нашъ монастырь со всѣмъ вообще, съ селами, землями и всякими доходами, на общежительство черпецамъ, которые согласятся жить вмѣстѣ по законоположенію Василія великаго». Сказавъ затѣмъ о характерѣ общежитія, объ избраніи игумена и эконома, объ обязанностяхъ ихъ и всѣхъ иноковъ, князь продолжалъ: «а принимать въ этотъ монастырь только тѣхъ, которые захотятъ подчиниться уставу и сойдутся для науки; способнѣйшіе къ наученію должны учиться письменамъ славянскимъ, греческимъ и латинскимъ у лицъ св. восточной церкви». Устроивъ такимъ образомъ общежительный и вмѣстѣ училищный монастырь, и поручивъ настоятельство въ немъ Исаакію Борисковичу, много лѣтъ подвизавшемуся

на Аѳонѣ, князь Острожскій учредилъ въ монастырѣ и типографію, въ которой трудами пресвитера Даміана, роднаго брата извѣстнаго казацкаго гетмана Наливайки, напечатаны были въ 1604 г. богослужебная книга Октоихъ, а въ слѣдующемъ—обличительное противъ уніи и латинства посланіе Мелетія, патріарха александрійскаго, къ Ипатію Потѣю, переведенное съ греческаго Іовомъ Борецкимъ, бывшимъ впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ ([260]). Между тѣмъ и изъ острожской типографіи князя выходили, на пользу церкви, не только богослужебныя книги: Часословъ (1602 г.) и Требникъ (1606), но и учительныя. Въ 1603 г. издано въ Острогѣ на греческомъ и русскомъ языкахъ сочиненіе патріарха александрійскаго Мелетія, подъ заглавіемъ: «Діалогъ альбо Розмова о православной и справедливой вѣрѣ единое каѳолическое восточное церкве». Это сочиненіе, написанное Мелетіемъ еще въ бытность его іеромонахомъ въ Константинополѣ и присланное князю Острожскому въ 1602 г. архидіакономъ александрійскимъ Максимомъ, представляло собою родъ краткаго катихизиса, направлено было противъ латинянъ и другихъ сектантовъ, и могло служить весьма полезнымъ руководствомъ для православныхъ въ Литвѣ, еще не имѣвшихъ тогда почти никакого катихизиса. А въ 1607 г. издана, на

([260]) Памятн. Кіев. Коммис. IV, отд. I, стр. 34–39; *Сахаров.* Обозр. слав.-русск. библіогр. №№ 124. 125. Въ Хронологич. Указателѣ слав.-русск. книгъ, *Ундольскаго*, показано подъ № 140, будто это посланіе Мелетія къ Потѣю напечатано пославянски еще въ 1599 г. въ Острогѣ. Но въ 1599 г., 15-го октября, оно было только написано Мелетіемъ погречески въ Александріи, а въ западную Россію принесено экзархомъ Мелетія Кирилломъ Лукарисомъ только въ январѣ 1600 года (*Малышев.* Мелетій Пигасъ, II, прил. I, стр. 103—140. 159—161).

славянскомъ языкѣ и литовско-русскомъ нарѣчіи, книга: «Лекарство на опаслый умыслъ», заключавшая въ себѣ два слова св. Іоанна Златоуста о покаяніи и завѣщаніе греческаго императора Василія къ сыну его Льву философу, переведенныя съ греческаго языка ученымъ пресвитеромъ Даміаномъ, роднымъ братомъ гетмана Наливайки ([261]).

Будучи кіевскимъ воеводою, князь Острожскій, по прежнему, не допускалъ уніи утвердиться въ Кіевѣ и всѣ кіевскіе священники оставались въ православіи, не признавая надъ собою власти Потѣя. Въ 1603 г., по открывшейся надобности, они избрали изъ среды своей протопопа, о. Ивана Мужиловскаго, и послали свой выборъ въ Острогъ на утвержденіе князя. Самъ избранный явился туда же, чтобы князь «конфирмовалъ его на то старшинство». По этому случаю князь написалъ кіевскимъ священникамъ, крылошанамъ и всему духовенству посланіе, которымъ извѣщалъ, что такъ какъ всѣ они согласно и добровольно избрали себѣ протопопомъ достойнаго о. Мужиловскаго, то и должны отдавать ему надлежащую честь и повиновеніе, а онъ—князь, «съ своей стороны, на то старшинство благословивши» избраннаго, поручаетъ ихъ милости Господа Бога. Тутъ князь, очевидно, говорилъ и дѣйствовалъ, какъ экзархъ патріаршій ([262]). Заботливость князя простиралась и на кіевскіе монастыри. Онъ возстановилъ древній кирилловскій монастырь, отъ котораго сохранялась одна только церковь. Въ 1605 году князь назна-

---

([261]) *Сахаров.* Обозр. славяно-русск. библіогр. №№ 129. 130. 134; *Ундольск.* Хронолог Указатель слав.-русск. книгъ, № 149. 162. 166. 170. Свес. А. З. Р. IV, № 148. «Діалогъ» Мелетія недавно перепечатанъ у *Малышев.* Мелетій Пигасъ, II, прилож. II, стр. 51—83.

([262]) А. З. Р. IV, № 158.

чилъ туда настоятелемъ игумена своего острожскаго монастыря св. креста, о. Василія Красовскаго, и поручилъ ему отыскивать, на основаніи королевскихъ граматъ, припадлежавшія монастырю земли и угодья, которыми владѣли теперь разные незаконные владѣльцы. И о. Василій, впродолженіе своего девятилѣтняго настоятельства, успѣлъ возвратить кирилловскому монастырю всѣ его владѣнія, оправилъ въ немъ «своимъ накладомъ» церковь, собралъ братію и построилъ для нихъ деревянныя кельи ([263]).

Полное участіе показывалъ князь Острожскій львовскому братству. Братство это много терпѣло не отъ уніатовъ, которые еще не проникли во Львовъ, а отъ мѣстныхъ поляковъ — латинянъ, какъ терпѣло и прежде, до уніи. Они стѣсняли православныхъ въ обрядахъ богослуженія, въ занятіяхъ ремеслами и торговлею, въ обученіи дѣтей и проч. Въ 1599 г. братство нашлось вынужденнымъ возобновить свои жалобы предъ королемъ, и князь Острожскій самъ пріѣзжалъ во Львовъ, посѣтилъ братскій монастырь и братскую церковь, разспрашивалъ членовъ братства и послалъ за нихъ къ королю свое письменное ходатайство. Но король, по обычаю, и теперь отложилъ это дѣло до слѣдующаго года. А въ слѣдующемъ году львовскій магистратъ, состоявшій изъ однихъ латинянъ, придумалъ еще новый способъ для униженія православныхъ, постановивъ, чтобы каждый православный священникъ города приносилъ на праздники каждому изъ двѣнадцати радцевъ магистрата по двѣ копы яицъ, по два калача и по два гроша. Братство воспротивилось этому; но дань собирали

([263]) Кіево-кирилловскій монастырь, въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1863 г., № 22, стр. 674—675.

насильно, а пятерыхъ старшихъ братчиковъ засадили въ тюрьму. И началась у братства новая тяжба съ магистратомъ въ Варшавѣ, стоившая братству многихъ денегъ, но не приведшая ни къ чему. Князь Острожскій написалъ братству утѣшительное письмо (17 мая 1600), совѣтывалъ терпѣть, молить Бога, чтобы Онъ направилъ сердце короля на путь справедливости, и надѣяться, что на будущемъ сеймѣ русскіе послы употребятъ всѣ усилія для защиты православныхъ отъ угнетеній. И братство дѣйствительно не унывало: въ томъ же году оно издало въ своей типографіи «Оглашеніе церкве братской Львовской», въ которомъ, объявляя о своемъ крайне-бѣдственномъ положеніи отъ латинянъ, выражало твердую рѣшимость бороться съ врагами православія до конца, всячески поддерживать свою «школу наукъ христіанскихъ, грецкихъ и словенскихъ», вмѣстѣ съ «друкарнею письма греческаго и словенскаго», и приглашало всѣхъ православныхъ края оказывать ему, братству, свою помощь и содѣйствіе, — при чемъ указывало на то, что даже евреи отовсюду прислали помощь своимъ львовскимъ единовѣрцамъ и не дали отцамъ іезуитамъ взять ихъ въ школу и божницу во Львовѣ. Изъ братской друкарни въ слѣдующемъ году выпущена богослужебная книга «Октоихъ» ([264]).

([264]) А. З. Р. VI, №№ 146. 152; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства подъ 1599 и 1600 годами; *Ундольск.* Хронол. Указат. слав.-русск. книгъ, № 148. «Оглашеніе церкве братской Львовской» недавно вновь напечатано въ Сводной Галицко-русской лѣтописи *Петрушевичемъ* подъ 1600 годомъ (Литерат. Сборникъ, изд. галицко-русск. Матицею 1872 и 1873 г., стр. 8—10). А какъ дорого обходилась въ Варшавѣ львовскому братству тяжба съ латинянами, это показываетъ письмо членовъ братства, которые въ 1600 г. посланы были на сеймъ для ходатайства по дѣламъ братства (*Голубев.* Матер. для истор. западно-русск. церкви, № 20, въ Труд. Кіев. Акад. 1878 г., іюнь, прилож. 164—167).

Дѣйствія князя Острожскаго въ пользу православія очень безпокоили ревнителей уніи и самого папу. Послѣдній въ 1604 году поручалъ луцкому бискупу Мартину заняться исключительно обращеніемъ князя Острожскаго и писалъ: «если только ты успѣешь мало по малу склонить его одного на согласіе съ нами, то легко уже успокоятся и всѣ, при его авторитетѣ». А въ слѣдующемъ году папа обратился съ своимъ посланіемъ (отъ 15 янв.) и къ самому князю К. К. Острожскому и, между прочимъ, говорилъ: «изъ писемъ твоихъ мы видимъ твою добрую расположенность къ намъ и твою ревность объ общемъ благѣ, и у насъ является уже большая надежда, что, при твоемъ содѣйствіи, унія утвердится... Ты давно желалъ уніи, какъ самъ пишешь: почему жъ бы тебѣ не пожелать ея и теперь, когда своимъ авторитетомъ ты могъ бы прекратить всѣ разногласія?... Ты помышляешь о сохраненіи достоинства обѣихъ церквей, - и мы подумали о томъ же, оставивъ вамъ всѣ ваши обряды и все, что относится къ вашей чести. Теперь не достаетъ только твоего согласія, чтобы всѣ единымъ умомъ чтили Бога. Обратить патріарховъ, константинопольскаго и антіохійскаго, какъ ты думаешь, было бы трудно, да они и далеко. Впрочемъ, если желаешь, попытайся; но только самъ покажи имъ путь своимъ примѣромъ, обратись прежде самъ къ св. сѣдалищу, исполни наше чрезвычайное желаніе, приди къ намъ... Мы сами нынѣ идемъ къ тебѣ на встрѣчу и надѣемся, что король такъ же сдѣлаетъ все для цѣли... Этимъ ты обезсмертишь имя свое и своей фамиліи, а намъ доставишь неизреченную радость» [266]. Письмо папы осталось безъ успѣха.

[266] *Theiner*, Veter. Mon. Polon. et Lith., III №№ 227. 229 pag. 285. 286.

Третій патріаршій экзархъ, Гедеонъ епископъ львовскій, какъ и прежде, простиралъ свою духовную власть и за предѣлы своей епархіи,—поставилъ, напримѣръ, священниковъ для виленскаго братства, и съ твердостію противодѣйствовалъ всѣмъ притязаніямъ Потѣя, титуловавшагося и галицкимъ митрополитомъ, возвратить себѣ Галичъ, со всею галицкою епархіею. Видя безплодность своихъ усилій, Потѣй искалъ помощи у папы, и папа отъ 25 января 1601 г. отвѣчалъ ему, что писалъ о немъ королю Сигизмунду и поручилъ еще ходатайствовать о немъ своему нунцію, рижскому епископу; а въ 1603 г. папа вновь просилъ тогоже короля пособить Потѣю въ его тяжбѣ съ львовскимъ владыкою (266). Не мирны были отношенія Гедеона къ львовскому ставропигіальному братству: онъ дѣлалъ братству разныя притѣсненія и однажды (въ 1601 г.) покушался даже овладѣть братскою церковною казною; а братство не соглашалось признавать его въ достоинствѣ патріаршаго экзарха. Но съ наступленіемъ 1602 г., къ общей радости православныхъ, прекратилась, наконецъ, эта многолѣтняя несчастная вражда. Гедеонъ и братство заключили между собою, 21-го января, мировую, по которой братство обязывалось признавать Гедеона патріаршимъ «экзархомъ митрополіи кіевской и галицкой и всея Россіи» и оказывать ему подобающую честь и покорность, а Гедеонъ обязывался уважать всѣ права и привиллегіи ставропигіальнаго братства, пожалованныя ему патріархами, не вмѣшиваться въ его дѣла, и соглашался, чтобы преемникомъ ему на епископской ка-

(266) Supplem. ad Hist. Russ. Monum. № 186, p. 473—475; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 5, стр. 42; *Chodykewicz*, Commentar. de rebus gestis in provincia Russiae ordinis praedicatorum, p. 102.

ѳедрѣ сдѣлался не родственникъ его, архимандритъ или игуменъ уневскаго монастыря Исаія Болобанъ (хотя послѣдній еще съ 1595 г. имѣлъ на это королевскую грамату), а тотъ, кого изберетъ вся церковь. Эту мировую запись тогда же положили отослать на разсмотрѣніе и утвержденіе цареградскаго патріарха, и немедленно внесли во львовскія городскія книги. Достойно замѣчанія, что посредникомъ при заключеніи мировой между Гедеономъ и братствомъ явился логоѳетъ земли молдавской Лука Строичъ, присланный молдавскимъ господаремъ Іереміею Могилою, который вообще былъ весьма расположенъ къ братству и еще прежде заботился примирить его съ Гедеономъ, и высылалъ братству много денегъ на производившуюся тогда постройку братской успенской церкви ([267]).

Со времени своего примиренія Гедеонъ и братство дѣйствовали уже согласно на пользу православной церкви. Мы видѣли, что еще въ 1597 г. александрійскій патріархъ Мелетій, правившій и цареградскимъ патріархатомъ, давалъ Гедеону совѣтъ завести училища при архіерейскихъ каѳедрахъ, особенно львовской,—и Гедеонъ только теперь рѣшился исполнить этотъ патріаршій совѣтъ, и основалъ на своей родинѣ, мѣстечкѣ Стрятинѣ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Болобаномъ, гимназію и типографію, изъ которой въ 1604 г. вышла первая книга Служебникъ. Въ предисловіи къ ней Гедеонъ, именуя себя «эксархомъ ѳрону Константинопольскаго», такъ же «эксархомъ вселенскаго престола», извѣщалъ, что доселѣ удерживался отъ исполненія со-

---

([267]) А. З. Р. IV, №№ 146. 157; А. Ю. и З. Россіи, I, № 222, п. V—XII; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства подъ 1602 годомъ.

вѣта патріарха Мелетія своею болѣзнію, и что теперь, осуществивъ этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, «отъ своихъ имѣній отеческихъ», онъ выпустилъ для православныхъ изъ своей типографіи первую священную книгу—Литургію, а потомъ, если Богъ продолжитъ жизнь, не замедлитъ выпустить, одну за другою, и прочія богослужебныя книги, и не только богослужебныя, но и книги учителей церковныхъ. Братство львовское въ 1603 г. имѣло радость пріобрѣсть себѣ новаго члена, впослѣдствіи прославившагося особенною ревностію о православіи, чашника земли волынской Лаврентія Древинскаго, который обязался вносить на братство и его школу по четырнадцати колодъ жита изъ двухъ своихъ имѣній. Въ слѣдующемъ году тоже братство опредѣлило въ свою школу новаго ректора и вмѣстѣ учителя языковъ греческаго и латинскаго Ивана (впослѣдствіи Іова) Борецкаго, бывшаго въ ней прежде ученикомъ, и назначило ему жалованья по десяти злотыхъ въ три мѣсяца; а для преподаванія славянскаго языка и управленія хоромъ пѣвчихъ опредѣлило учителя Θедора Сидоровича съ жалованьемъ по пяти злотыхъ въ три мѣсяца ([268]). Но въ этомъ же 1604 г. Гедеону и братству пришлось испытать большую тревогу. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда Гедеона не было во Львовѣ, туда внезапно пріѣхалъ Ипатій Потѣй, чтобы лично завладѣть и епископскою резиденціею и соборною георгіевскою церковію. Въ городѣ произошло необычайное смятеніе. Члены братства и вообще православные мѣщане окружили, толпами, какъ епископскій домъ, такъ и соборный храмъ, и не впустили

([268]). Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, № 46, стр. 101; *Петрушевич*. Сводн. галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1603 и 1604 г., стр. 18. 27; *Зубрицк*. Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1604 годомъ.

Потѣя ни въ тотъ, ни въ другой. Потѣй долженъ былъ остановиться въ домѣ одного латинянина, аптекаря Яна, и 22 мая, чрезъ свѣтскихъ чиновниковъ, прибилъ на стѣнахъ православныхъ церквей свои листы, которыми требовалъ, чтобы чрезъ три дня епископъ Гедеонъ, духовенство и братство явились къ нему, какъ митрополиту галицкому, и признали надъ собою его власть, угрожая, въ противномъ случаѣ, строгими мѣрами. Между тѣмъ возвратился въ городъ и Гедеонъ, и тогоже 22-го мая издалъ пастырское воззваніе ко всѣмъ духовнымъ и мірянамъ своей епархіи, въ которомъ, обвиняя Потѣя въ чрезвычайныхъ смятеніяхъ, произведенныхъ его незаконными дѣйствіями, приглашалъ всѣхъ собраться 26-го мая въ церковь успенія Пресвятыя Богородицы «для совѣщаній объ общемъ мирѣ церковномъ и для придуманія мѣръ противъ нарушившихъ общественное спокойствіе смятеній». Разумѣется, къ Потѣю никто изъ приглашенныхъ имъ не явился, и онъ, совершивъ предъ своимъ отъѣздомъ изъ города торжественную службу въ латинскомъ костелѣ, предалъ всѣхъ православныхъ жителей Львова проклятію и возбудилъ противъ нихъ новыя преслѣдованія со стороны мѣстныхъ латинянъ. Князь Острожскій, по просьбѣ епископа Гедеона и львовскаго братства, написалъ обо всемъ этомъ королю, и успѣлъ выпросить у него, какъ извѣщалъ братство отъ 10-го августа, грамату, которою король приказывалъ Потѣю прекратить свою «фурію». А отъ 19-го декабря король далъ письменное повелѣніе и львовскимъ бурмистрамъ, чтобы они не притѣсняли русскихъ и не препятствовали имъ въ занятіяхъ ремеслами и въ отправленіи богослуженія ([269]).

([269]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства подъ 1604 г.; *Петрушевич.* Сводная галицко-русск. лѣтоп. подъ 1604 г., стр. 403—405; А. Ю. и З. Р. II, № 15. Па-

Потѣй молчалъ недолго: въ слѣдующемъ году онъ представилъ королю присяжную грамату перваго львовскаго епископа Макарія Тучапскаго, которою тотъ клятвенно обязался, за себя и за своихъ преемниковъ, предъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, что, какъ его намѣстникъ и суфраганъ, будетъ всегда повиноваться ему и никогда не станетъ присвоять себѣ его власти въ митрополіи галицкой, подвергая себя, въ случаѣ какого либо неповиновенія, штрафу въ тысячу золотыхъ польскихъ па короля и въ пятьсотъ золотыхъ на митрополита. Представляя эту грамату Сигизмунду, Потѣй жаловался, что Гедеонъ Болобанъ не исполняетъ изложеннаго въ ней обязательства и вовсе не повинуется ему, своему старшему; что, несмотря на проклятіе и низверженіе, которымъ подвергся, присвоилъ себѣ необычное названіе экзарха и отправляетъ епископскія дѣйствія не только въ своей епархіи, но и въ другихъ — володимірской, луцкой, холмской, пинской, поставляетъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ, освящаетъ церкви, а что еще хуже, публично проклинаетъ митрополита и иныхъ владыкъ, принявшихъ унію, какъ поступилъ недавно въ луцкой епархіи, при освященіи церкви въ селѣ Пашевѣ, въ присутствіи множества народа. Эта жалоба Потѣева служитъ для насъ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ, какъ смѣла и вмѣстѣ какъ обширна была тогда дѣятельность Гедеона въ западно-русской митрополіи для удовлетворенія духовныхъ нуждъ христіанъ православныхъ. Король, по жалобѣ Потѣя, прислалъ Гедеону грамату (отъ 17 ноября 1605), въ которой, изло-

---

стырское воззваніе Гедеона находится въ архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, рукоп. № 18, и напечатано въ Вѣстникѣ Западн. Россіи *Говорск.*, 1865 г., ноябрь, отд. II, № 2, стр. 4—8.

живъ, въ чемъ обвинялъ его Потѣй, вновь подтверждалъ свой приказъ, данный Гедеону еще въ 1599 году, отнюдь не вмѣшиваться въ чужія епархіи, и угрожалъ, за вмѣшательство, штрафомъ въ пять тысячъ золотыхъ.

Изъ послѣдующей дѣятельности Гедеона извѣстно только то, что въ 1606 г. онъ напечаталъ въ своей стрятинской типографіи вторую книгу «Требникъ», переведенный съ греческаго, и завелъ еще при своей каѳедральной успенской церкви въ Галичѣ, называвшейся «Крилосъ», новую типографію, изъ которой вышла въ томъ же году единственная книга «Учительное евангеліе» константинопольскаго патріарха Каллиста (270).

Нельзя оставить безъ вниманія и того, что во дни управленія Гедеонова западно-русскою церковію, тамъ совершилось нѣкоторое обновленіе или оживленіе православнаго монашества. Виновникомъ этого былъ препод. Іовъ Княгиницкій. Онъ родился въ городѣ Тисмяницѣ, въ предѣлахъ галицкихъ, отъ благородныхъ родителей, и названъ Іоанномъ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ уневскомъ монастырѣ, а высшее и окончательное — въ острожскомъ училищѣ. По волѣ князя Острожскаго, какъ человѣкъ способный и благонадежный, посланъ былъ на св. гору аѳонскую для раздачи княжеской милостыни по монастырямъ, и до того увлекся иноческою жизнію, что, возвратившись на родину, чтобы отдать князю отчетъ въ раздачѣ милостыни, снова отправился на Аѳонъ и тамъ принялъ постриженіе въ ватопедской обители съ именемъ Іезекіиля. Послѣ двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ общемъ послушаніи Іезекіилемъ, братія послали его, вмѣ-

(270) А. З. Р. IV, № 167; *Сахаровъ.* Обозр. Слав.-русск. библ., №№ 128. 132; Опис. старопеч. книгъ Толстова, № 49.

стѣ съ другими старцами, въ великую Россію за милостынею, и онъ исполнилъ это послушаніе и возвратился съ великою милостынею. Но когда вторично послали его за тѣмъ же, онъ, прибывъ въ малую Россію и услышавъ, что въ московскомъ государствѣ происходятъ большія нестроенія, остановился на своей родинѣ. Здѣсь львовскій епископъ Гедеонъ и племянникъ его, уневскій архимандритъ. Исаія Болобанъ упросили старца Іезекіиля, чтобы онъ пришелъ въ уневскую обитель и устроилъ въ ней общежительное житіе по обычаю св. горы. Іезекіиль послушался, завелъ въ уневскомъ монастырѣ всѣ общежительные порядки и помышлялъ уже возвратиться на св. гору. Но тяжкая болѣзнь удержала его, и онъ, опасаясь смерти, принялъ постриженіе въ схиму съ именемъ Іова. Гедеонъ хотѣлъ рукоположить старца въ іеромонахи, когда онъ оправился, но Іовъ рѣшительно отказался, желая уединенной и безмолвной жизни. Панъ Адамъ Болобанъ предложилъ ему въ 1603 году съ этою цѣлію удобное мѣсто въ своемъ имѣніи Угорникѣ при церкви св. архистратига Михаила, и Іовъ съ благодарностію принялъ предложеніе и началъ скитствовать одинъ при означенной церкви. Слухъ о его подвигахъ быстро распространился, къ нему стали приходить многіе иноки и міряне и просили, чтобы онъ принялъ ихъ къ себѣ въ сожительство. Іовъ принималъ благонадежныхъ, ввелъ между ними общежитіе и такимъ образомъ образовалъ монастырь въ Угорникѣ. Слава Іова распространилась еще болѣе. Настоятель дерманьскаго монастыря Исакій Борисковичъ, хотя самъ долго жилъ на Аѳонѣ, пригласилъ Іова въ свою обитель для устроенія въ ней общаго житія; Іовъ исполнилъ это и возвратился въ свою угор-

ницкую обитель. Здѣсь посѣтилъ его другъ его, о. Іоаннъ Вишенскій, авторъ извѣстныхъ уже намъ сочиненій, и прожилъ съ нимъ нѣсколько времени. Потомъ, поручивъ обитель свою ученику своему, іеродіакону Герасиму, Іовъ удалился въ пустынь и поселился около Манева при рѣкѣ Баторсовѣ. Но и здѣсь нашли подвижника иноки, и онъ, уступая ихъ просьбамъ, устроилъ новый общежительный монастырь. Все это происходило до 1607 года. Впослѣдствіи преп. Іовъ сдѣлался еще основателемъ монастыря, называвшагося великимъ скитомъ (въ станиславскомъ уѣздѣ нынѣшней Галиціи) ([271]).

Число церковныхъ братствъ увеличивалось, и православные тѣмъ усерднѣе заводили ихъ и поддерживали, что видѣли въ нихъ одно изъ лучшихъ средствъ для охраненія своей вѣры противъ уніи. Въ 1600 г. епископъ перемышльскій и самборскій Михаилъ Копыстенскій, по просьбѣ жителей мѣстечка Соли, далъ имъ свою архипастырскую грамату на учрежденіе братства при ихъ приходской церкви св. великомученицы Параскевіи и воскресенія Христова. Въ 1601 году дворяне волынскаго воеводства, надѣливъ братство, существовавшее при церкви преображенія Господня въ Люблинѣ, новыми маетностями, заключили между собою обязательство всѣми мѣрами помогать этому братству и защищать его съ его церковію, духовенствомъ, грунтами и крестьянами, отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Всѣхъ дворянъ, подписавшихся подъ обязательствомъ, было сорокъ четыре, и между ними встрѣчаемъ имена, прежде всего, князя К. Острожскаго, потомъ кня

([271]) *Голубев.* Матер. для истор. западно-русск. церкв., примѣч. къ № 35, въ Труд. Кіев. Ак. 1878, іюль, прилож., стр. 225 — 231; *Петрушев* Сводн. Галицко-русск. лѣт. подъ 1603 г., ст. 17. Снес. стр. 43.

зей: Григорія Сангушко-Коширскаго, Акима Корецкаго, Юрія Друцкаго-Горскаго, Павла Друцкаго-Любецкаго, Юрія Чарторыйскаго, Григорія Четвертинскаго и др. ([272]). Но наиболѣе замѣчательное братство образовалось тогда въ Могилевѣ. Могилевскіе мѣщане еще въ 1597 г. обратились къ королю Сигизмунду съ просьбою объ учрежденіи у нихъ церковнаго братства при спасскомъ монастырѣ, и представили на утвержденіе короля свой уставъ. Въ этомъ уставѣ, вообще сходномъ съ другими братскими уставами, мѣщане, можетъ быть, намѣренно не упомянули, какого они исповѣданія, православнаго или уніатскаго, и обязывались открыть при братствѣ школу языка славянскаго, русскаго, греческаго, латинскаго и польскаго, и содержать людей ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, для науки школьной и для проповѣди слова Божія. Король своею граматою отъ 21 марта утвердилъ уставъ и самое братство, но только прибавилъ въ граматѣ, чтобы, по дѣламъ духовнымъ, братство находилось «подъ послушенствомъ владыки полоцкаго»; а полоцкимъ владыкою былъ тогда уніатъ Германъ. Между тѣмъ мѣщане могилевскіе имѣли уже у себя грамату патріарха Іеремии, испрошенную у него еще въ іюлѣ 1589 г. въ Вильнѣ, и грамату патріаршаго протосинкелла Никифора, данную имъ въ 1597 г. въ Варшавѣ, на основаніе именно православнаго братства, и потому, естественно, завели у себя братство православное: такъ какъ и владыка Германъ вполнѣ имъ благопріятствовалъ ([273]). Преемникъ Герма-

---

([272]) Памятн. Кіев. Комм. IV, отд. I, № 1; Архив. юго-запад. Россіи, ч. 11, т. I, № 4.

([273]) А. З. Р. IV, № 119; Вилен. Археогр. Сбор. II, предисл. IV и № 43, стр. 58.

на, новый уніатскій архіепископъ Гедеонъ Брольницкій иначе отнесся къ этому дѣлу: онъ принесъ въ 1601 г. жалобу королю, что могилевскіе мѣщане построили при спасскомъ монастырѣ православную школу, а не католическую, какъ разрѣшено имъ граматою короля Стефана Баторія, самовольно устроили братство и, собираясь вмѣстѣ, открыто возстаютъ противъ своего владыки полоцкаго, и держатъ у себя бунтовщиковъ, именно: Котковскаго, Тавборовича и Радку, которые, безъ благословенія владыки, проповѣдуютъ въ церкви, проклинаютъ его и производятъ возмущенія противъ власти самого короля. Сигизмундъ потребовалъ могилевскихъ братчиковъ на судъ, приказалъ имъ выдать названныхъ проповѣдниковъ и представить грамату Стефана Баторія, конечно, забывъ о той граматѣ, которою самъ разрѣшилъ имъ учредить братство и школу. Послѣ этого, вѣроятно, братство принуждено было удалиться отъ спасскаго монастыря: такъ какъ тѣже могилевскіе мѣщане, перечисленные по именамъ, которые прежде испросили у короля дозволеніе образовать братство при спасскомъ монастырѣ по извѣстному уставу, теперь, въ 1602 г., вновь представили королю этотъ самый уставъ и просили разрѣшенія основать въ Могилевѣ братство при церкви входа во Іерусалимъ. И король утвердилъ уставъ и братство при названной церкви граматою отъ 5-го декабря, но присовокупилъ въ ней, чтобы братство находилось «подъ послушенствомъ митрополита», разумѣется, уніатскаго ([274]). Какъ поступило могилевское братство по новой граматѣ короля, перешло ли оно дѣйствительно къ церкви входа во Іерусалимъ,

---

([274]) Вилен. Арх. Сборн. II, предисл. IV и №№ 19. 22. Снес А. З. Р. IV, № 119.

неизвѣстно. Но только оно продолжало называться «братствомъ храма преображенія Господня», т. е. братствомъ спасскимъ, и оставалось православнымъ. Въ 1605 г. оно вошло въ сношенія съ братствомъ львовскимъ и посылало къ Гедеону, проживавшему тогда въ Галичѣ, своихъ священниковъ, которые, при содѣйствіи львовскаго братства, и получили отъ экзарха какъ благословеніе, такъ и все, чего требовали. Извѣщая объ этомъ братство и всѣхъ мѣщанъ города Могилева, львовскіе братчики давали совѣтъ: «присылайте къ намъ одного изъ вашихъ братій съ писаніемъ вашимъ ко вселенскому патріарху, чтобы получить отъ него благословеніе и грамату привиллегіальную, и антиминсы церквамъ вашимъ, и муро, и прочее потребное, такъ какъ и мы посылаемъ въ Царьградъ; а время отъѣзда будетъ въ апрѣлѣ 1606 года». Экзархъ Гедеонъ такъ же сносился съ могилевскимъ братствомъ, отправлялъ къ нему свои пастырскія посланія и своихъ посланцевъ, восхвалялъ его ревность, его твердость въ православіи какъ все это видно изъ письма Гедеона къ тому братству отъ 25 августа 1605 года ([275]).

1607 годъ ознаменовался для православныхъ тремя весьма важными событіями. Первое изъ нихъ случилось въ началѣ года около 10-го числа февраля скончался въ уневскомъ монастырѣ Гедеонъ, епископъ львовскій, экзархъ цареградскаго патріарха, цѣлые десять лѣтъ замѣнявшій для западно-русской церкви православнаго митрополита и оказавшій ей незабвенныя заслуги. Не привлекательна его дѣятельность до уніи: онъ былъ не лучше другихъ тогдашнихъ владыкъ, а нѣкото-

([275]) Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 23, 24.

рыхъ даже хуже. Неоспоримо, что и онъ, вмѣстѣ съ прочими владыками, изъявлялъ тогда согласіе на унію и принималъ въ дѣлѣ даже горячее участіе. Но дорого то, что онъ во̀время опомнился и остановился, во̀время отрекся отъ уніи и рѣшился дѣйствовать противъ нея всѣми силами, хотя это отреченіе служило для него впослѣдствіи постояннымъ укоромъ со стороны ревнителей уніи. Еще цѣннѣе то, что, рѣшившись стоять за православіе противъ уніи, онъ остался вѣренъ своей рѣшимости до конца жизни, несмотря на всѣ проклятія и огорченія, какимъ подвергался отъ латинянъ и уніатовъ; мужественно боролся съ двумя митрополитами, Рогозою и Потѣемъ, за свою духовную паству, и ни въ чемъ имъ не уступилъ; не стѣснялся прещеніями самого короля, считая ихъ незаконными; безбоязненно странствовалъ и въ чужія епархіи для освященія православныхъ храмовъ, и всенародно предавалъ проклятію владыкъ, измѣнившихъ православію. Прискорбна была долговременная неприязнь Гедеона къ львовскому ставропигіальному братству, хотя отчасти и извинительная: это братство существовало въ его епархіи, даже въ томъ самомъ городѣ, гдѣ онъ имѣлъ свою каѳедру, и однакожъ не подчинялось его власти, не хотѣло знать его пастырскихъ распоряженій, и еще считало себя въ правѣ наблюдать за его жизнію и дѣйствіями и доносить о нихъ вселенскому патріарху. Но и эту неприязнь, столь естественную, Гедеонъ, наконецъ, преодолѣлъ; примирился съ братствомъ, и послѣдніе годы своей жизни посвятилъ исключительно православной церкви, основалъ на пользу ея училище и двѣ типографіи, издалъ нѣсколько книгъ. Кончина Гедеона тѣмъ болѣе должна была огорчить православныхъ, что у нихъ оставался теперь только одинъ

епископъ перемышльскій, и они не могли сказать, удастся ли имъ получить на львовскую каѳедру православнаго владыку, а не уніата.

Другое важное для православныхъ событіе, и уже не печальное, напротивъ весьма радостное, случилось около половины 1607 года. И въ прежніе годы русскіе дворяне и другіе обыватели, отправляя пословъ своихъ на генеральный сеймъ, давали имъ порученіе защищать тамъ свою вѣру и единовѣрцевъ и требовать себѣ православныхъ архипастырей, вмѣсто уніатскихъ; но все было напрасно. Такое же порученіе дано было русскимъ посламъ и въ этомъ году, и, къ изумленію, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. 18 іюня, на варшавскомъ генеральномъ сеймѣ, король издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ всѣмъ, что послы земель кіевской, волынской и брацлавской, именемъ всей своей братіи, людей греческой религіи, жаловались на нарушеніе правъ и привиллегій, дарованныхъ ихъ церкви прежними королями, на обиды и притѣсненія, какія они терпятъ за свою вѣру, и просили, чтобы имъ даны были и впредь всегда были даваемы пастыри греческаго закона, митрополитъ, владыки, архимандриты и прочіе пресвитеры и священники, и чтобы имъ дозволено было держаться своей «старожитной греческой вѣры во всемъ вольно, цѣло, спокойно и безпечно». Затѣмъ объявлялъ, что онъ, желая счастія всѣмъ своимъ подданнымъ, подтверждаетъ нынѣшнимъ своимъ листомъ и людямъ греческой религіи всѣ права, привиллегіи и вольности, издавна наданныя его предками—королями церквамъ вѣры греческой, такъ же станамъ и людямъ той религіи, духовнымъ и свѣтскимъ, и удостовѣрялъ, что впредь эти люди будутъ содержать свою вѣру и от-

правлять всѣ обряды и церемоніи церкви греческой вольно и спокойно, и что онъ будетъ подавать имъ духовныхъ пастырей, владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ и иныхъ церковныхъ учителей, по ихъ давнимъ правамъ и привиллегіямъ и по правиламъ св. отцевъ. Тутъ, очевидно, была рѣчь о православной вѣрѣ, а не уніатской, потому что не уніаты жаловались на притѣсненія, не уніаты просили себѣ митрополита и владыкъ, которыхъ имѣли. И вотъ самъ король выражается, что права и привиллегіи, которыя онъ утверждаетъ, издавна наданы были его предками именно православнымъ церквамъ, православнымъ людямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и слѣдовательно прямо отвергаетъ мысль, которую самъ же иногда проводилъ въ своихъ граматахъ и которую проповѣдывалъ Потѣй, будто права тѣ и привиллегіи даны были прежними королями собственно уніатскому духовенству, а не православному. Этотъ универсалъ короля въ пользу православія, разумѣется, болѣе всѣхъ поразилъ Потѣя, и онъ излилъ скорбь души своей въ посланіи къ папѣ. Папа не замедлилъ отвѣчать ему (6 генв. 1608), утѣшалъ его въ скорбяхъ и неудачахъ, о которыхъ онъ писалъ, увѣрялъ его въ своей любви и благосклонности, восхвалялъ его ревность и труды и обѣщалъ всячески помогать ему чрезъ короля и своего нунція. Какъ же объяснить изданіе универсала, столь благопріятнаго для православныхъ? Оно объясняется тогдашними обстоятельствами. Чисто-іезуитская политика короля Сигизмунда III, его постоянныя несправедливости, постоянныя притѣсненія за вѣру, особенно православнымъ, возбудили противъ него общее и сильное недовольство въ Литвѣ и Польшѣ. Во главѣ недовольныхъ, открыто сталъ краковскій воевода Николай Зебржидовскій; къ нему присоединились

краковское дворянство, потомъ малопольское, великопольское и множество другихъ людей. Недовольные собрали большое войско (въ 1606—1607 г.) съ цѣлію низвергнуть короля. Король принималъ свои мѣры, но находился въ великомъ страхѣ и, чтобы привлечь православныхъ на свою сторону, рѣшился дать имъ на сеймѣ 1607-го года такой универсалъ. Уступка была сдѣлана вынужденно, въ минуты опасности, и потому какъ только король побѣдилъ (6-го іюля) своихъ противниковъ и опасность миновала, онъ уже старался ослабить и совсѣмъ уничтожить силу своей уступки ([276]).

Это немедленно отразилось на третьемъ, совершившемся тогда, важномъ событіи для православныхъ — на избраніи преемника епископу Гедеону. Тотчасъ послѣ кончины Гедеона, племянникъ его, уневскій архимандритъ Исаія, считая себя законнымъ премникомъ его, нареченнымъ епископомъ львовскимъ, прибылъ во Львовъ, собралъ духовенство и міранъ, объявилъ предъ ними свои права на львовскую каѳедру и письменно обѣщался соблюдать всѣ ихъ привилегіи и твердо держаться православія. Но ставропигіальное львовское братство объявило Исаіи, что не признаетъ его канонически избраннымъ во епископа, а протопопъ Григорій Негребецкій и всѣ львовскіе клирошане поспѣшили заключить соборную церковь и архіерейскій домъ. Тогда Исаія, призвавъ вооружен-

---

([276]) Архив. юго-зап. Россіи, ч. II, т. I, №№ 8. 9; А. З. Р. IV, № 171 (эта грамата короля, данная православнымъ, вполнѣ напечатана по-польски въ книгѣ *Смотрицкаго*: Verificatia Niewinnosci, powtore wydana, лист. 35—37); *Бантке*, Истор. Госуд. Польскаго, II, 208—215. С.-Петербургъ 1830. На томъ же сеймѣ 1607-го г. король подтвердилъ и права православныхъ братствъ. Volumina legum, II, 439; *Бантышъ-Каменск.* Историч. извѣстіе объ уніи подъ 1607 годомъ. Письмо папы къ Потѣю отъ 6 генваря 1608 г. у *Тейнера* Vetera Monum. Polon. et Lith. III, № 243, p. 297.

ныхъ людей, велѣлъ (12 февр.) отбить замки и запоры у церкви и дома, забралъ церковную утварь и на духовенство наложилъ налогъ. Протопопъ и клирошане протестовали. Это была великая ошибка со стороны Исаіи: онъ же самъ подписалъ мировую дяди своего съ братствомъ, въ которой было сказано, что преемникомъ Гедеона будетъ не племянникъ его Исаія, хотя имѣющій уже на то королевскую грамату, а тотъ, кого изберетъ церковь. Желая исправить свою ошибку, Исаія написалъ, 20-го февраля, почтительное письмо къ членамъ братства, приглашалъ ихъ на погребеніе Гедеона, обѣщался возвратить забранные изъ соборной церкви сосуды и книги, и говорилъ, что такъ какъ на погребеніе соберутся многіе изъ святителей, архимандритовъ, іеромонаховъ и монаховъ, клирошане галицкіе и каменецкіе, множество іерейства, благородныхъ пановъ и мѣщанъ, то онъ согласенъ отдать на ихъ общее разсужденіе прю свою съ братствомъ относительно своего епископства, и что они скажутъ, тому онъ готовъ покориться, подъ условіемъ, если и братство поступитъ такъ же. Но братство, рѣшительно не желая видѣть у себя епископомъ кого либо изъ ненавистнаго рода Болобановъ, отклонило послѣднее предложеніе Исаіи, и послало только священника и двухъ своихъ членовъ на похороны Гедеона. Въ тоже время львовскій латинскій арцыбискупъ заявилъ, что право избирать русскаго епископа на львовскую и галицкую каѳедру издавна принадлежитъ ему—арцыбискупу. Узнавъ о всемъ этомъ и опасаясь, какъ бы православнымъ во Львовъ не былъ назначенъ уніатскій епископъ, князь К. К. Острожскій убѣдительно просилъ братство своимъ письмомъ (отъ 1-го марта), какъ членъ братства, сенаторъ и патріаршій экзархъ,

оставить свою непріязнь къ Исаіи и признать его нареченнымъ епископомъ для блага церкви, писалъ о томъ къ перемышльскому владыкѣ Михаилу Копыстенскому, чтобы онъ подѣйствовалъ на братство въ духѣ примиренія, поручалъ тоже и другимъ знатнымъ; но все напрасно. Братство осталось непреклоннымъ, и, вмѣстѣ съ духовенствомъ, избрало на львовскую каѳедру новаго кандидата—православнаго шляхтича Евстафія Тиссаровскаго ([277]). Тутъ-то и начались недостойныя дѣйствія короля іезуита и его совѣтниковъ. Явно онъ не рѣшился нарушить свой универсалъ, едва данный православнымъ, и не дозволить имъ избранія себѣ православнаго епископа, но тайно потребовалъ, чтобы Тиссаровскій произнесъ предъ папскимъ легатомъ исповѣданіе уніи и далъ обѣщаніе содержать ее, если желаетъ быть утвержденнымъ въ своемъ санѣ, и Тиссаровскій исполнилъ требованіе короля. Тогда и львовскій латинскій арцыбискупъ призналъ Тиссаровскаго достойнымъ кандидатомъ и представилъ на утвержденіе короля. А король охотно пожаловалъ ему (31 октября) утвердительную грамату, въ которой, разумѣется, не упомянувъ о тайномъ обязательствѣ Тиссаровскаго, объявлялъ, что даетъ ему, по ходатайству нѣкоторыхъ своихъ пановъ радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, по просьбѣ людей, духовенства и львовскихъ клирошанъ религіи греческой и съ согласія львовскаго арцыбискупа Яна Замойскаго, владычество львовское, галицкое и каменецъ-подольское, со всѣми церквами, монастырями и имѣніями, принадлежащими тому владычеству, да

([277]) А. З. Р. IV, №№ 169. 170. 173; *Говорск.* Вѣстн. Западн. Россіи 1869, кн. VIII, отд. I, § 3; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львовск. братства, подъ 1607 годомъ.

правитъ онъ въ своей, и только въ своей, епархіи «по обычаю закона греческаго-русскаго». Духовенство епархіи, клирошане и клирики львовскіе, галицкіе и каменца-подольскаго, такъ же братства и всѣ міряне, уже послѣ того, какъ Тиссаровскій получилъ утвержденіе отъ короля, просили своего нареченнаго епископа, чтобы онъ утвердилъ всѣ ихъ права и привиллегіи, пожалованныя имъ прежними королями, вселенскими патріархами, кіевскими и галицкими митрополитами и львовскими епископами. И Тиссаровскій далъ просившимъ (22-го янв. 1608) письменное обязательство уважать всѣ ихъ права и ни въ чемъ ихъ не нарушать, въ частности обязался: поддерживать «науки школьные» и друкарню львовскаго братства, сохранять за мѣстною православною шляхтою, мѣщанами и всѣми братствами право избранія мѣстнаго епископа, а за клирошанами право избранія себѣ епископскаго намѣстника, и блюсти въ цѣлости всю церковную утварь въ соборныхъ архіерейскихъ церквахъ, львовской, галицкой и каменецъ-подольской. «А еслибы я,—присовокуплялъ Тиссаровскій,—по кознямъ духовнаго врага или по принужденію отъ мірской власти, отступилъ отъ св. православной вѣры и отъ послушанія цареградскому патріарху; еслибы вопреки правилъ св. отцевъ, сталъ своевольно править епархіею безъ участія клирошанъ, или отнимать у нихъ церковные доходы и дѣлать имъ вымогательства, въ такомъ случаѣ я подлежу на свѣтскомъ судѣ штрафу въ тысячу гривенъ, а на судѣ духовномъ низверженію и удаленію отъ каѳедры». Вселенскій патріархъ, получивъ изъ Львова извѣстіе о новоизбранномъ епископѣ, принявшемъ въ монашествѣ имя Іереміи, далъ ему свое благословеніе и поручилъ рукоположить его Анастасію, волошскому

митрополиту, хотя и не сдѣлалъ Іеремію, на первыхъ порахъ, своимъ экзархомъ. Православные искренно радовались, что удалось имъ пріобрѣсть себѣ православнаго владыку, не зная, быть можетъ, о его тайномъ обязательствѣ относительно уніи, и радовались ненапрасно: потому что Іеремія, предъ самымъ рукоположеніемъ своимъ во епископа, отрекся отъ этого насильственнаго обязательства и произнесъ торжественную присягу быть во всемъ вѣрнымъ православію и цареградскому патріарху ([278]). Можно сказать, что весь универсалъ короля съ его обѣщаніями дать православнымъ полную свободу вѣроисповѣданія, дать имъ православнаго митрополита и владыкъ, вынужденный на сеймѣ 1607 года, былъ однимъ обманомъ и съ самаго появленія своего не имѣлъ никакой силы: и одного-то православнаго епископа, безъ примѣси уніи, король не хотѣлъ дать православнымъ, а другихъ православныхъ владыкъ вовсе не далъ и прочихъ обѣщаній вовсе не исполнилъ.

Спустя годъ по смерти Гедеона, православные лишились и послѣдняго патріаршаго экзарха. 13 февраля 1608 г. скончался князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, на 82 году своей жизни, и погребенъ въ острожской замковой Богоявленской церкви ([279]). Это была потеря невознаградимая. По своей пламенной приверженности къ вѣрѣ отцевъ, по знатности своего рода, по своему необычайному богатству, по своему высокому положенію на государственной службѣ, по

([278]) Виленск. Арх. Сборн. VI, № 77, стр. 163; А. З. Р. IV, № 174; *Говорск.* Вѣстн. Западн. Россіи, 1869, т. III, кн. IX, отд. 1, № 1; *Смотриц.* Verificatia Niewinnosci, л. 15, изд. 2; *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. лѣтоп., подъ 1609 г., стр. 33—34.

([279]) Синодикъ князей Острожскихъ въ памят. Кіев. Коммис. IV, отд. I, 108; *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. лѣтоп. подъ 1608 г., стр. 34.

своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, по своимъ заслугамъ предъ королемъ и отечествомъ, князь Константинъ былъ самымъ ревностнымъ и вмѣстѣ самымъ могущественнымъ покровителемъ православной церкви въ Литвѣ и Польшѣ, главнымъ вождемъ, руководителемъ и защитникомъ для православныхъ въ борьбѣ противъ уніи и латинства, незыблемою опорою и для православныхъ дворянъ и для православнаго духовенства. Это сознавали всѣ православные, отъ восточныхъ патріарховъ до послѣдняго міряпина па западѣ Россіи; сознавали и сами враги, латиняне и уніаты, самъ король, самъ митрополитъ уніатскій, самъ папа, которые потому-то и писали къ князю и старались его привлечь на свою сторону. Еслибы князь Острожскій перешелъ въ унію, за нимъ, какъ думали тогда, послѣдовали бы всѣ русскіе дворяне и духовенство и народъ, развѣ за весьма немногими исключеніями: такъ великъ былъ авторитетъ князя. По крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что еслибы онъ не сталъ твердо на защиту православія, то успѣхи уніи были бы несравненно быстрѣе и рѣшительнѣе. Это подтвердилось скоро послѣ его кончины. Русскіе дворяне, одинъ за другимъ, тихо и незамѣтно, начали переходить не въ унію, а прямо въ латинство, и Потѣй, съ своими клевретами, хотя встрѣтилъ не только со стороны православныхъ, но и со стороны самихъ уніатовъ такія возстанія, какихъ прежде не встрѣчалъ, за то и одержалъ надъ ними болѣе рѣшительные успѣхи.

Мы уже упоминали, что онъ оттѣснилъ православное троицкое братство въ Вильнѣ отъ троицкаго монастыря, сдѣлалъ монастырь уніатскимъ, учредилъ при немъ уніатское училище. Теперь Потѣю захотѣлось основать еще при троиц-

комъ монастырѣ, вмѣсто православнаго, уніатское братство, чтобы присвоить послѣднему всѣ граматы и привиллегіи, какія даны были королемъ именно братству при троицкомъ монастырѣ, и всѣ имущества этого братства, и такимъ образомъ лишить православное братство не только средствъ къ жизни, но и самаго права на существованіе. Православное братство, едва прошло шесть дней съ основанія уніатскаго, занесло, чрезъ одного изъ своихъ членовъ, Петра Ильича, въ земскія виленскія книги свой протестъ (26 янв. 1608), въ которомъ говорило, что Потѣй, отступившій отъ послушанія цареградскому патріарху, низложенный экзархомъ патріарха, отлученный отъ церкви, несправедливо величаетъ себя митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, насильно принуждаетъ православныхъ къ уніи, препятствуетъ имъ имѣть своего законнаго митрополита и владыкъ, и, недавно пріѣхавъ въ Вильну, заложилъ здѣсь какое-то братство, съ цѣлію нарушить всѣ права и вольности стародавняго троицкаго братства. Въ отвѣтъ на это, спустя мѣсяцъ, и братство уніатское внесло свой протестъ въ городскія виленскія книги. И кто же былъ предъявителемъ его? Не кто другой, какъ новогродскій воевода Ѳедоръ Скуминъ Тышкевичъ, столько прежде ревновавшій о православіи. Онъ говорилъ, что митрополитъ Потѣй не новое учредилъ братство, но только обновилъ старое, издавна существовавшее при троицкомъ монастырѣ, то самое, которому король пожаловалъ права и привиллегіи, а протестующіе братчики, находящіеся теперь при новой церкви Св. Духа, суть отступники, что они сами удалились отъ троицкаго монастыря, сами отказались чрезъ то отъ дарованныхъ братству привиллегій и фундушей, и несправедливо называются теперь

церковнымъ братствомъ Св. Троицы. «Мы, присовокупилъ Тышкевичъ, составляемъ троицкое братство, потому что состоимъ при троицкомъ монастырѣ; намъ принадлежатъ права и вольности, наданныя на то св. мѣсто; самъ пастырь нашъ, митрополитъ Потѣй вписался въ наше братство, въ которомъ прежде не былъ» ([280]).

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы, вмѣсто православія, насаждать въ своей митрополіи унію и преслѣдовать православныхъ, Потѣй захотѣлъ, чтобы самую унію если не замѣнить, мало по малу, латинствомъ, по крайней мѣрѣ, еще болѣе сблизить съ нимъ, болѣе проникнуть латинскимъ духомъ и подчинить своихъ уніатовъ вліянію, въ особенности, іезуитовъ. Въ іюлѣ (21-го) 1608 г., онъ издалъ окружную грамату, въ которой объявлялъ, что назначаетъ своимъ намѣстникомъ іеромонаха виленскаго троицкаго монастыря Іосифа Велямина Рутскаго, да такимъ намѣстникомъ, какого прежде никогда не бывало въ западно-русской митрополіи, намѣстникомъ не въ одномъ какомъ либо городѣ епархіи, Вильнѣ, Новогрудкѣ и проч., а намѣстникомъ по всей епархіи. Ему должны быть послушны, какъ самому митрополиту, всѣ архимандриты, игумены и монахи, всѣ протопопы — намѣстники, крилошане и всѣ прочія духовныя лица. Онъ уполномоченъ, нося образъ митрополита, наблюдать за всѣмъ и наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію, по всей епархіи, а особенно въ Вильнѣ. Въ его властныя руки, въ его распоряженіе должны поступать всякіе доходы, какіе только принадлежатъ виленскому троицкому монастырю ([281]). Кто же такой былъ этотъ Веля-

([280]) А. Ю. и З. Р. II, №№ 25. 26.
([281]) А. З. Р. IV, № 175.

минъ Рутскій, облеченный столь необычайною властію? Онъ былъ сынъ одного изъ тѣхъ двухъ Вельяминовыхъ, московскихъ воеводъ, которые въ 1568 г., во время сраженія съ литовцами при крѣпости Улѣ, передались на сторону польскаго короля Сигизмунда Августа и получили отъ него надѣлы въ Литвѣ, а Рутскимъ прозывался по имѣнію своему Рутѣ, находившемуся въ Новогрудскомъ воеводствѣ. Въ молодости измѣнилъ православію и увлекся кальвинствомъ: но вскорѣ попалъ въ сѣти іезуитовъ и обращенъ ими въ латинство. Замѣтивъ способности Рутскаго, іезуиты отправили его въ Римъ, въ греческую коллегію, и, по окончаніи имъ курса наукъ, убѣдили его, какъ знающаго русскій языкъ, сдѣлаться уніатомъ и принять монашество, чтобы, подъ образомъ уніатскаго инока, онъ удобнѣе могъ дѣйствовать между русскими въ видахъ католицизма. Когда Рутскій возвратился на родину, іезуиты рекомендовали его Потѣю, который охотно принялъ его и самъ, въ 1606 г., постригъ въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ. Здѣсь уже находился другой воспитанникъ іезуитовъ, который и сдѣлался другомъ и сотрудникомъ Рутскаго, именно Іоасафъ Кунцевичъ, столько прославившійся впослѣдствіи своею фанатическою ненавистію къ православнымъ. Онъ родился въ 1580 г. отъ православныхъ родителей во Владимірѣ Волынскомъ и названъ былъ Иваномъ. Отецъ его ремесломъ сапожникъ, обучивъ сына русской и польской грамотѣ, отдалъ его въ Вильну на служеніе одному богатому купцу. Но Иванъ мало занимался своимъ дѣломъ, а больше читалъ книги и, сдѣлавшись уніатомъ, ходилъ въ троицкій монастырь, нерѣдко пѣлъ тамъ на крылосѣ, звонилъ на колокольнѣ; любилъ такъ же ходить на уроки въ іезуитскую ака-

демію, гдѣ особенное вліяніе на него имѣли два іезуита Валентинъ Фабрицкій и Гавріилъ Грушевскій. Принявъ въ 1604 г. постриженіе въ троицкомъ монастырѣ отъ самого Потѣя, вмѣстѣ съ новымъ именемъ Іоасафа, Кунцевичъ съ ревностію предался монашескимъ подвигамъ и чтенію книгъ, дѣлая изъ нихъ выписки въ защиту уніи, которыя впослѣдствіи и напечаталъ подъ заглавіемъ: Obrona wiary; еще съ большею ревностію старался своими убѣжденіями совращать православныхъ повсюду, въ церкви, на улицахъ, площадяхъ и въ частныхъ домахъ, за что и прозванъ былъ «душехватомъ», и не прекращалъ сношеній съ своими наставниками іезуитами, которые до того овладѣли его душею и совѣстію, что онъ открывалъ имъ всѣ свои помыслы и ничего не предпринималъ безъ ихъ совѣта ([282]). Таковы были другъ Рутскаго и самъ Рутскій, котораго назначилъ Потѣй своимъ епархіальнымъ намѣстникомъ.

Можно судить, какъ должно было подѣйствовать это назначеніе на уніатовъ и уніатское духовенство особенно въ Вильнѣ. Виленское духовенство, прежде всего, было оскорблено, и наиболѣе оскорблены были архимандритъ троицкаго монастыря Самуилъ Сенчило и виленскій протопопъ Варооломей Жашковскій, которыхъ самъ же Потѣй недавно возвысилъ въ эти достоинства. Сенчило, родомъ изъ виленскихъ мѣщанъ, принялъ монашество въ супрасльскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ

([282]) *Stebelsk.* Chronolog. II, 181; Susza, Vita Ioasaph. Kuncewicz, pag. 2—12. Въ 1603 г. Вельяминъ Рутскій находился еще въ римскомъ коллегіумѣ, откуда и писалъ письмо (15 февр.) къ князю Николаю Христофоровичу Радзивилу (*Голубев.* Матер. для Истор. западно-русск. церкви, № 23, въ Труд. Кіев. Ак. 1878 г.).

провинился тѣмъ, что вмѣстѣ съ настоятелемъ княземъ Масальскимъ возсталъ противъ уніи, за что и подвергся изгнанію. Но Потѣй, къ которому онъ обратился съ своимъ раскаяніемъ, принялъ его въ виленскій троицкій монастырь, гдѣ Сенчило впродолженіе трехъ лѣтъ своимъ смиреніемъ, своею покорностію, своими разумными поступками до того расположилъ къ себѣ всѣхъ, особенно самого Потѣя, что послѣдній возвелъ его въ санъ архимандрита и (въ 1605 г.) выпросилъ ему у короля въ управленіе троицкій монастырь со всѣми его фольварками, подданными и пожитками. И теперь этотъ архимандритъ долженъ былъ покоряться проживающему въ его же монастырѣ молодому іеромонаху, какъ намѣстнику митрополита, долженъ былъ уступать этому іеромонаху въ полное распоряженіе всѣ доходы своего монастыря, а самъ оставаться ни при чемъ, съ однимъ именемъ настоятеля. Жашковскій, родившійся въ Галичѣ отъ бѣдныхъ родителей, былъ сначала учителемъ въ разныхъ русскихъ школахъ, потомъ сдѣлался безженнымъ православнымъ священникомъ въ городѣ Ярославлѣ перемышльской епархіи. Но, будучи обличенъ въ беззаконной связи съ одною женщиною, принужденъ былъ бѣжать, и, явившись къ Потѣю, принялъ унію и далъ (1605) письменное обязательство никогда ему не измѣнять. И Потѣй не только принялъ бѣглеца, но и сдѣлалъ протопопомъ въ Вильнѣ и своимъ намѣстникомъ надъ виленскимъ духовенствомъ: потому что онъ былъ, по словамъ самого Потѣя, «хорошимъ проповѣдникомъ, а за унію готовъ былъ положить голову и сильно защищалъ унію и въ частныхъ бесѣдахъ и въ проповѣдяхъ» ([283]). И этотъ протопопъ и намѣстникъ митропо-

---

([283]) Сказаніе современнаго уніатскаго безъименнаго писателя о Самуилѣ Сенчилѣ и Варѳоломеѣ Жашковскомъ приведено у *Кояловича*, Литов. церк.

личій не могъ не чувствовать теперь себя глубоко огорченнымъ, когда его подчинили іеромонаху, только два года назадъ принявшему монашество. Да и всѣ виленскіе священники, которые были членами крылоса или капитулы, участвовавшей въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, и издавна имѣли привиллегію, чтобы намѣстникъ надъ ними избирался изъ среды ихъ самихъ, а отнюдь не изъ троицкихъ монаховъ, не могли спокойно перенести, когда надъ ними поставили высшимъ намѣстникомъ троицкаго іеромонаха. Однихъ этихъ, такъ сказать, личныхъ побужденій было совершенно достаточно, чтобы все виленское уніатское духовенство возстало противъ назначенія, даннаго Рутскому митрополитомъ Потѣемъ. Но еще болѣе возмущалось духовенство и обезпокоивалось тѣмъ, что въ такомъ высокомъ назначеніи Рутскаго оно подозрѣвало замыслы Потѣя исказить унію и совсѣмъ подавить ее латинствомъ. Всѣ знали. кто былъ Рутскій, гдѣ воспитывался и какъ изъ латинянина сдѣлался уніатомъ, знали его друга Кунцевича и ихъ сношенія съ іезуитами. Волненія въ виленскомъ уніатскомъ духовенствѣ были неизбѣжны, и они скоро обнаружились.

Въ письмѣ къ митрополиту крилошане виленскаго собора (отъ 1 сент.) были еще сдержанны. Они говорили только, что намѣстничество Велямина Рутскаго нарушаетъ ихъ право, данное имъ прежними королями и митрополитами, по которому намѣстничество въ Вильнѣ принадлежитъ имъ однимъ крилошанамъ, а троицкіе архимандриты и черницы не могутъ имѣть надъ ними никакой власти, и потому смиренно просили осво-

---

Унія, II, примѣч. 72. 73. Обязательство, данное Жашковскимъ Потѣю, напечатано въ Вилен. Арх. Сборн. VI, № 71, стр. 151. Отзывъ Потѣя о Сенчило и Жашковскомъ тамъ же № 77, стр. 161.

бодить ихъ отъ подчиненія Рутскому и подтвердить за ними ихъ стародавнее право, обѣщаясь и впредь оставаться въ уніи и въ покорности своему архипастырю, какъ были доселѣ. Но въ Вильнѣ недовольство уніатскаго духовенства выражалось гораздо рѣзче. Еще 23 августа Сенчило и Жашковскій, вмѣстѣ со всѣми священниками, явились въ собраніе бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ русской вѣры и заявили, что Потѣй назначеніемъ Рутскаго нарушаетъ ихъ стародавнія права и привиллегіи и права всѣхъ уніатовъ. Сенчило увѣрялъ, что Рутскій и его единомышленники въ монастырѣ, руководимые Потѣемъ, замышляли уничтожить всѣ обряды св. восточной церкви, превратить унію въ латинство, поселить въ троицкомъ монастырѣ іезуитовъ, для которыхъ теперь и строятся тамъ новыя кельи. Бурмистры съ своими товарищами написали къ Потѣю и просили, чтобы онъ не нарушалъ правъ, какъ ихъ, такъ и виленскаго духовенства. Въ своемъ отвѣтѣ бурмистрамъ (отъ 18 сент.), Потѣй, называя ихъ сынами своего смиренія, говорилъ, что вовсе не нарушалъ ничьихъ правъ, что слова Сенчилы—клевета, что онъ—митрополитъ скорѣе потерпитъ самую позорную смерть, чѣмъ допуститъ малѣйшую перемѣну въ порядкахъ св. восточной церкви, что Рутскій готовъ присягнуть въ томъ же, и что хотя въ городахъ епархіи его, митрополита, Вильнѣ, Новогрудкѣ, Минскѣ и другихъ, есть протопопы, намѣстники его надъ мѣстнымъ духовенствомъ, но онъ въ правѣ имѣть у себя и общаго намѣстника надъ всею епархіею, подобно тому, какъ въ римской церкви хотя существуетъ въ каждой епархіи деканы, въ родѣ нашихъ протопоповъ; но существуетъ еще оффиціалъ, простирающій свою власть на всю епархію. Гнѣвъ Потѣя прежде всего

устремился на Сенчилу. Рутскій поспѣшилъ сдѣлать на него, одинъ за другимъ, четыре доноса, въ которыхъ жаловался, что Сенчило—а) оклеветалъ его предъ бурмистрами; б) вовсе не повинуется ему, какъ главному намѣстнику митрополита и своевольно отнялъ у Іоасафа Кунцевича церковные ключи; в) ведетъ совсѣмъ не монашескую жизнь и попускаетъ распущенность братіи; г) злоупотребляетъ монастырскими доходами. Потѣй потребовалъ Сенчилу на судъ во владимірскую капитулу (которой виленскій троицкій монастырь, какъ иноепархіальный, вовсе не былъ подчиненъ), и когда Сенчило не явился, осудилъ его (22 окт.), въ присутствіи той капитулы, и предалъ проклятію, какъ клеветника и возмутителя церкви, давъ ему только шесть дней сроку для покаянія. А чтобы разрознить Сенчилу съ протопопомъ Жашковскимъ и привлечь послѣдняго на свою сторону, извѣстилъ его, что освобождаетъ его отъ подчиненія Рутскому и, по прежнему, оставляетъ своимъ самостоятельнымъ намѣстникомъ въ Вильнѣ. Но Жашковскій не поддался. Осужденіе Сенчилы и торжество Рутскаго до того возмутили виленское уніатское духовенство, что оно рѣшилось на крайнюю мѣру: архимандритъ, протопопъ и всѣ священники вписались въ православное братство церкви Св. Духа, и въ ночь съ 29 на 30 число ноября собравшись, вмѣстѣ съ прежними свято-духовскими братчиками, духовными и свѣтскими, въ домѣ одного мѣщанина, постановили торжественно отречься отъ повиновенія митрополиту Потѣю и изъять изъ-подъ его власти виленскія церкви, а на другой день явились въ виленскій городской судъ и подали слѣдующее заявленіе: «Митрополитъ Ипатій Потѣй неоднократно увѣрялъ насъ своею совѣстію и самою присягою, что не будетъ вно-

сить въ нашу церковь ничего новаго, противнаго нашей старожитной греческой вѣрѣ и обрядамъ, и потому мы, не видя ничего новаго, съ покорностію сносили его верховную власть. Но теперь, презрѣвъ свою присягу, онъ сталъ вводить такія новости, никогда небывалыя, которыя не только противны св. восточной церкви, но подрываютъ самыя основанія нашей старожитной религіи, и употребляетъ разные способы, чтобы поддать насъ подъ управленіе духовныхъ римскаго костела: сперва, открытымъ своимъ листомъ, съ печатью и подписомъ руки своей, отдавалъ насъ подъ какую-то власть и судъ Николая Паца бискупа литовскаго, суффрагана виленскаго, а потомъ поставилъ ксендза Велямина Рутскаго, подъ одеждою черпеца, главнымъ намѣстникомъ всей кіевской митрополіи, уполномочивъ его судить и рядить все надъ нами, священниками, по своему разумѣнію. Этотъ Рутскій, по волѣ митрополита, сносясь тайно съ духовными римскаго костела, всячески старается, чтобы подчинить имъ всѣ наши церкви, —такъ какъ и самъ онъ есть истинный послѣдователь вѣры и церкви римской, — а насъ всѣхъ изъ церквей нашихъ выгнать и предать проклятію. Начало тому уже сдѣлано: согласившись съ чернецами, своими помощниками, Рутскій захотѣлъ вытѣснить изъ троицкаго монастыря настоятеля — архимандрита, и оклеветалъ его предъ митрополитомъ, а митрополитъ, не дождавшись срока, означеннаго въ позвахъ на судъ, осудилъ архимандрита заочно, и притомъ въ чужой епархіи, т. е. не въ митрополитской, а владимірской, и предалъ его проклятію и низложенію. Протестуя противъ такого явнаго оскорбленія и стѣсненія нашихъ правъ и самой нашей совѣсти, мы не хочемъ болѣе имѣть отца Ипатія нашимъ пастыремъ, а ксендза Велямина Рутскаго не признаемъ его

намѣстникомъ и признавать не будемъ». Вслѣдъ затѣмъ протопопъ Жашковскій, вмѣстѣ съ священниками, изъялъ пречистенскій соборъ, митрополичій домъ и всѣ виленскія церкви изъ подъ власти Потѣя и принялъ въ свое вѣдѣніе. Оставалось отнять у Рутскаго троицкій соборъ, и для этого придумали будтобы такой планъ: на утреню подъ воскресенье (4 декабря) въ троицкій монастырь соберутся православные братчики, какъ можно, въ большомъ числѣ, во время великаго славословія архимандритъ выйдетъ въ полномъ облаченіи, со всѣмъ соборомъ и съ Рутскимъ, на средину церкви, и здѣсь толкнетъ Рутскаго въ толпу и скажетъ: «иди вонъ еретикъ», а толпа схватитъ его и, выпроводивъ за дверь, распорядится съ нимъ по своему усмотрѣнію, и тогда троицкій монастырь перейдетъ во власть православныхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ самъ Рутскій въ своемъ донесеніи митрополиту Потѣю отъ 4 (14) декабря, присовокупляя, что планъ этотъ не удался, потому что онъ Рутскій узналъ о немъ за два дня до воскресенья и извѣстилъ и виленскаго воеводу, и бискупа—суффрагана, и магистратъ, по распоряженію которыхъ всю ночь подъ воскресенье ходила по улицамъ Вильны, особенно вокругъ троицкаго и свято-духовскаго монастырей, вооруженная стража и не дала православнымъ исполнить ихъ намѣреніе, хотя само православное братство Св. Духа, чрезъ своихъ старостъ, протестовало (9 декабря) противъ Рутскаго, и говорило, что все это его собственная выдумка и клевета на братство, и что онъ напрасно поднималъ такую тревогу ([284]).

([284]) А. Ю. и З. Р. II, №№ 27. 29. 30; Вилен. Арх. Сборн., VI, №№ 54. 58. 60. 88, стр. 112 122. 199—203; Sucza, Vita Iosaph. Kuncewicz, p. 12—16; *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 79.

Какъ бы то ни было, только въ Вильнѣ происходило тогда большое волненіе. Рутскій вновь извѣщалъ, отъ 13 (23) декабря, бурмистровъ и радцевъ, что мѣщане, вписавшіеся въ свято-духовское братство, сговорившись съ отступниками отъ уніи—Сенчилою, Жашковскимъ и виленскими попами, хотятъ насильственно овладѣть троицкимъ монастыремъ и выгнать оттуда его—Рутскаго и всѣхъ его сторонниковъ. Бурмистры писали къ Потѣю, чтобы онъ успокоилъ волненіе, произведенное въ Вильнѣ столкновеніемъ Сенчилы съ Рутскимъ. Потѣй отвѣчалъ бурмистрамъ, 14 (24) декабря, жалобами и упреками, что его, невиннаго, такъ обидѣли, предъ глазами бурмистровъ, виленскіе архимандритъ, протопопъ и священники, взбунтовавшись противъ него и отнявши у него всѣ виленскія церкви, и просилъ настоятельно, чтобы бурмистры сжалились надъ нимъ въ виду такой, сдѣланной ему, неправды и не позволяли отпавшимъ въ схизму попамъ служить въ виленскихъ церквахъ, какъ находящихся въ ихъ подаваньи; наконецъ извѣщалъ, что настоятелемъ троицкаго монастыря отселѣ назначаетъ отца Рутскаго. Секретарь Потѣя, въ «философіи и въ богословіи искусный», Геліашъ (Илія) Мороховскій, находившійся тогда въ Вильнѣ, протестовалъ, 16 (26) декабря, въ виленскомъ гродскомъ судѣ, отъ имени самого Потѣя, противъ Сенчилы и Жашковскаго, священника перенесенскаго, бывшаго протопопа, что они несправедливо обвиняютъ Потѣя, будто онъ вводитъ какія-то новины противныя вѣрѣ св. восточной церкви, и насильно заставляетъ принимать унію; несправедливо выкинули его имя изъ поминаній на св. литургіи; несправедливо называютъ о. Рутскаго ксендзомъ римскимъ. А Сенчило, Жашковскій и всѣ виленскіе крилошане вновь

протестовали, 19 (29) декабря, въ томъ же судѣ противъ Потѣя и Рутскаго за ихъ стремленіе подавить унію латинствомъ, и указывали, между прочимъ, на то, что еще недавно Потѣй, пріѣхавъ въ Вильну, издалъ здѣсь на польскомъ и русскомъ языкѣ книжку подъ названіемъ: «Гармонія», въ которой восхваляетъ все, что только содержитъ римскій костелъ, и порицаетъ все, что содержитъ восточная церковь; а потомъ издалъ и другую книжку для принятія въ уніатскія церкви слѣдующихъ двѣнадцати артикуловъ: а) объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; б) принимать соборы флорентійскій и тридентійскій; в) равно принимать и признавать за таинство — евхаристію на опрѣснокахъ подъ однимъ видомъ, и на квасномъ хлѣбѣ подъ двумя видами; г) признавать огнь чистилищный по смерти для грѣшныхъ душъ; д) папу римскаго признавать старшимъ княземъ всего свѣта, намѣстникомъ Христовымъ и главою церкви; е) священное писаніе содержать и проповѣдовать по толкованію папъ; ж) седмь церковныхъ таинствъ признавать въ костелѣ римскомъ, а не въ соборной церкви; з) праздники содержать и святить по установленію римскаго костела; и) принимать всѣ распоряженія римскаго костела и все, что прикажетъ папа; і) считать наравнѣ нашу церковную литургію и папежскую мшу; к) принимать индулгенціи, даваемыя папою для избавленія отъ грѣховъ; л) признавать римскій костелъ матерію и учительницею всѣхъ церквей, безъ которой никто не можетъ спастись ([285]).

([285]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 60. 61. 89, стр. 121—124. 205. Книжка: «Гармонія» дѣйствительно издана была въ Вильнѣ 1-го марта, 1608 г. (*Сахар.* Обозр. Слав.-русск. библ., № 137; *Строев.* Дополн. къ опис. староп. книгъ, № 16). А теперь печатается вновь въ «Русск. Историч. Библіотекѣ», изд. Археогр. Коммиссіею. Въ этой небольшой книжкѣ, написанной преимущественно

Изъ этого протеста можемъ заключать, что виленскіе священники доселѣ не знали, въ чемъ состояла та унія, которая была принята Потѣемъ и Терлецкимъ въ Римѣ и другими владыками на брестскомъ соборѣ; не знали. что уніатскіе владыки въ своемъ исповѣданіи обязались принимать и флорентійскій и тридентійскій соборы со всѣми ихъ постановленіями и вообще принимать все, что содержитъ и преподаетъ римская церковь. Потому-то священникамъ этимъ и показались новостію тѣ двѣнадцать артикуловъ, которые старался теперь Потѣй ввести въ уніатскія церкви. Потѣй и его товарищи, очевидно, доселѣ обманывали русское духовенство и народъ, увѣряя, что унія не навязываетъ имъ ничего новаго, что они остаются при своей прежней вѣрѣ и обрядахъ св. восточной церкви, а только, вмѣсто цареградскаго патріарха, должны считать своимъ верховнымъ пастыремъ папу: этимъ-то обманомъ и увлекались многіе въ унію, увлекались и виленскіе пастыри, пока не узнали правду.

Съ наступленіемъ 1609 года Потѣй вновь писалъ (2 янв.) виленскимъ бурмистрамъ, называя ихъ своими послушными сынами, и просилъ, чтобы они, какъ «благочестивые ктиторы и дозорцы» виленскихъ церквей, взяли эти церкви, вмѣстѣ съ соборомъ, отъ виленскаго протопопа и поповъ, которые, сдѣлавшись измѣнниками и отступниками и отказавшись повиноваться своему митрополиту, не могутъ уже, безъ его благосло-

---

по русски и только кое-гдѣ по польски, авторъ кратко излагаетъ и сопоставляетъ ученіе церкви восточной и ученіе церкви римской: о членахъ вѣры (въ томъ числѣ объ исхожденіи Св. Духа), о церкви, о таинствахъ, каждомъ порознь, о церемоніяхъ и постахъ, старается показать сходство между тѣмъ и другимъ ученіемъ и рѣзко нападаетъ на отличія православнаго ученія отъ римскаго.

венія, держать тѣхъ церквей и въ нихъ священнодѣйствовать, а Сенчилу считали за проклятаго и низверженнаго, не признавали архимандритомъ и въ троицкій монастырь не допускали. Но послушные сыны не послушались духовнаго пастыря. не исполнили его воли; да и не до того было. Въ Варшавѣ собирался генеральный сеймъ, отъ котораго и ожидали рѣшенія спора, возбужденнаго тогда въ Вильнѣ. Съ первыхъ чиселъ января отправились туда послы изъ Вильны: отъ всего духовенства — архимандритъ Сенчило, іеромонахъ Павелъ, воскресенскій священникъ Леонтій и іеродіаконъ Макарій, а отъ свѣтскихъ—королевскій дворянинъ Вириковскій, староста церковнаго братства, панъ Порошко, панъ Воронецъ и немало другихъ пановъ. На пути они остановились въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (нынѣ бѣлостокскаго уѣзда) у протопопа Нестора Козменича, и остановились не безъ намѣренія. Этотъ о. Несторъ былъ не только протопопомъ подляшскимъ, т. е. надъ духовенствомъ подляшскаго округа, обнимавшаго приблизительно уѣзды бѣльскій и гродненскій, но вмѣстѣ и патріаршимъ экзархомъ митрополіи кіевской, какъ самъ называлъ себя и въ своихъ подписяхъ и на своей печати. Когда удостоился онъ получить отъ патріарха такое высокое званіе, неизвѣстно; но оно давало о. Нестору особенное значеніе и силу въ глазахъ всѣхъ православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Виленскіе послы разсказали ему, какъ недавно пріѣзжалъ въ Вильну Потѣй, хотѣлъ примириться съ своими противниками и предлагалъ имъ на письмѣ условія (въ извѣстныхъ намъ двѣнадцати артикулахъ) для принятія въ уніатскія церкви, и какъ, прочитавъ это писаніе и увидѣвъ въ немъ явную хулу на св. православіе, все виленское духовенство рѣшилось отречься отъ По-

тѣя и не признавать его болѣе своимъ архипастыремъ. Козменичъ немедленно написалъ окружную грамату (отъ 4 янв.), въ которой изложивъ, что слышалъ отъ виленскихъ пословъ, именемъ ихъ и «благословенною ревностію», и отъ самого себя, какъ «старый православникъ», приглашалъ все литовско-русское духовенство послѣдовать примѣру виленскаго, возстать противъ Потѣя, возбуждать противъ него своихъ прихожанъ и отправить на сеймъ своихъ пословъ, чтобы совокупленными силами прогнать «губителя» ([286]). Голосъ патріаршаго экзарха скоро былъ услышанъ. Новогродскій протопопъ съ попами церквей новогродскихъ, такъ же гродненскій протопопъ съ попами гродненскими возстали противъ Потѣя и, снесшись съ виленскими попами и братчиками новой церкви виленской (т. е. Св. Духа), отказались отъ повиновенія ему, изъяли изъ подъ власти его свои церкви, и начали сами ими распоряжаться. Тоже повторилось отчасти въ Минскѣ, Трокахъ, Жировлицахъ и другихъ мѣстахъ ([287]). Потѣю угрожала страшная опасность: отъ него могло отпасть все уніатское духовенство, и онъ разомъ могъ потерять все, что доселѣ было пріобрѣтено имъ съ такими трудами. Все это ясно сознавалъ самъ Потѣй и выразилъ въ своемъ посланіи къ какимъ-то своимъ покровителямъ и сотрудникамъ, какъ можно догадываться по содержанію посланія, іезуитамъ и латинскимъ бискупамъ. «Мы дожили, — пи-

([286]) Виленск. Арх. Сборн. VI, № 64, стр. 130; А. З. Р. IV, №№ 178. 179.

([287]) Подлинное письмо Сигизмунда III къ новогродскому воеводѣ Скумину-Тышкевичу (отъ 25 апр. 1609), чтобы онъ смирилъ протопоповъ гродненскаго и новогродскаго воеводствъ, съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, возставшихъ противъ митроп. Потѣя, хранится въ Архивѣ бывшихъ уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ, подъ № 42. Напечатано *Говорск.* въ Вѣстн. Запад. Россіи, годъ III, т. I, іюль, отд. I, № 5, стр. 13. Срав. *Harasiewicz,* Annal. eccles. Ruthenae, p. 258—259.

салъ онъ именно въ то время, когда противники его собирались на сеймъ,—до такого несчастнаго времени, что едва можно найти человѣка, кому бы довѣриться, и то со страхомъ. Настало это и для меня бѣднаго и со всѣхъ сторонъ окруженнаго опасностями. Если возстали грозныя войны и на св. католическій костелъ и вселенскихъ пастырей, то тѣмъ болѣе на насъ и на нашу бѣдную церковь, которая, какъ молодая лѣторосль, еще такъ недавно привита къ стволу римскаго костела. Вотъ теперь враги Божія костела силятся вывернуть ее съ корнемъ, готовятся и вооружаются всѣми силами, и, во вредъ намъ, собираются на этотъ несчастный сеймъ. Недивно, что такъ поступаютъ они; но, вѣдь, и нѣкоторые католики присоединились къ нимъ единственно для того, чтобы, оставивъ всѣхъ въ покоѣ, меня одного лишить всего славнаго и полезнаго душѣ и тѣлу. Кого еще не коснулся бунтъ, а меня уже сильно обдираютъ и грабятъ, злоумышляютъ и на здоровье мое и на честь. Недавно одинъ схизматикъ отрубилъ, за эту унію, руку моему архимандриту; теперь и другой, нѣкто Летинскій во Львовѣ разрубилъ руку моему священнику, котораго я отправилъ къ католикамъ, по ихъ просьбѣ, въ Подгорье, и такъ ранилъ ее, что она едва виситъ. Посему я насилу, и то со страхомъ, могъ отыскать человѣка, чтобы чрезъ него донести о моихъ несчастіяхъ моему милостивому Государю. И какъ они рѣшились теперь устремить на меня всѣ свои силы, въ надеждѣ исторгнуть у короля повелѣніе къ лишенію меня всего, то мнѣ не остается ничего, какъ только прибѣгнуть къ вамъ, которые обязаны оказывать мнѣ защиту и помощь. Помните ваши обѣщанія, помните мои преклонныя лѣта, помните мои смиренныя заслуги и труды на пользу Божьяго ко-

стела, помните о вашемъ и моемъ пастырѣ, по милости и волѣ котораго я сижу на этой плачевной каѳедрѣ. Помните, прошу васъ ради Бога, и объ этой уніи, для которой, съ помазанникомъ Божіимъ, такъ долго вы трудились, и какъ ваши труды и усилія по всему міру прогремѣли и были большимъ утѣшеніемъ для всѣхъ католиковъ; вспомните и о душахъ этихъ людей, окутанныхъ схизматическимъ заблужденіемъ. Имъ легко меня, бѣднаго, побороть и уничтожить; но что послѣдуетъ за тѣмъ, вы сами лучше знаете. Ратуйте же во имя Божіе, да пошлетъ Богъ лучшія времена, когда вы не будете сожалѣть о своихъ трудахъ. Мнѣ уже немного остается жить; я уже дожилъ до такихъ лѣтъ, когда смерть неизбѣжно и постоянно находится предъ моими глазами, и желалъ бы спокойно окончить жизнь, не потерявъ того, что мнѣ было ввѣрено. И маловажныя дѣла вы представляли св. отцу: такъ почему же бы не довести до его свѣдѣнія о такомъ, отъ котораго зависитъ все? Я самъ отправился бы къ нему, но едва живу среди такихъ смутъ и трудовъ; при томъ же мой старшій сынъ на смертномъ одрѣ. Умоляю, именемъ Божіимъ умоляю, благоволите, милостивые государи, походатайствовать о мнѣ у его королевскаго величества, въ милости котораго ко мнѣ я нимало не сомнѣваюсь. Предлагайте ему такіе совѣты, которые споспѣшествовали бы благу св. Божія костела и предохранили бы насъ отъ посмѣянія нашихъ враговъ, и чтобъ не лишились мы всѣхъ благъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, для чего теперь враги наши такъ устремили на меня всѣ силы свои, что трудно и описать» (288).

(288) Копія съ этого посланія Потѣева хранится въ архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, подъ № 34. Въ русскомъ переводѣ напечатана она *Говорскимъ* — тамъ же годъ III, т. II, декабрь, отд. I, № 3, стр. 22.

Отправивъ это посланіе къ своимъ покровителямъ. Потѣй самъ отправился, вмѣстѣ съ Рутскимъ, на сеймъ въ Варшаву. Здѣсь онъ, дѣйствительно, увидѣлъ то, чего опасался. На сеймѣ преобладающею партіею оказалась анти-іезуитская и, слѣдовательно, анти-уніатская. Сенчило съ своими товарищами находилъ себѣ сочувствіе и среди пословъ, особенно русскихъ, и даже среди сенаторовъ. За него стояли не только всѣ православные, во множествѣ съѣхавшіеся на сеймъ, но и протестанты и многіе изъ католиковъ. На Потѣя послышались обвиненія со всѣхъ сторонъ, что онъ нарушаетъ сеймовое постановленіе 1607 г., данное въ защиту не-уніатовъ, тѣснитъ ихъ, преслѣдуетъ и насильно принуждаетъ къ уніи. Король нѣсколько разъ назначалъ коммисіи для разбора спорнаго дѣла, но буря не унималась. Потѣй защищался своими обычными фразами, что унія не новость, что она издавна существовала между русскими, что права и привиллегіи наданы прежними королями русскому уніатскому духовенству, а не схизматикамъ, но не убѣдилъ своихъ противниковъ. И сеймъ опредѣлилъ: «сохраняя въ цѣлости конституцію прошлаго (1607 г.) сейма, постановляемъ, чтобы тѣ духовныя власти, которыя приняли унію съ Римомъ, равно и тѣ, которыя съ ними пребывать не хотятъ и не находятся въ уніи, никакимъ образомъ не причиняли, одни другимъ, утѣсненія и раздраженія, но жили смирно въ своихъ епархіяхъ, монастыряхъ, при церквахъ и въ маетностяхъ церковныхъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ; а еслибы кто поступилъ противно этому, тотъ будетъ подлежать штрафу въ десять тысячъ злотыхъ польскихъ» (289). Такое рѣшеніе сейма было крайне невыгодно

(289) Volumina Legum, II, p. 465; *Бантышъ—Камен.* Историч. Изв. объ Уніи, подъ 1609 годомъ. Виленскій бискупъ Война, находившійся на этомъ

Потѣю: онъ могъ потерять въ Вильнѣ не только троицкій монастырь, но и всѣ церкви, потому что всѣ они построены были православными и теперь имъ принадлежали, могъ потерять и всѣ церкви въ Новогродкѣ и Гроднѣ по той-же самой причинѣ. Но ненапрасно надѣялся Потѣй на короля, ненапрасно просилъ своихъ покровителей постоять за него предъ королемъ. При помощи послѣдняго, Потѣй успѣлъ повернуть все въ свою пользу.

Еще до окончанія сейма онъ выпросилъ у Сигизмунда привиллегію Рутскому на архимандритство въ троицкомъ монастырѣ, и двѣ граматы (отъ 20 февр.) къ виленскому магистрату, съ которыми новый архимандритъ тотчасъ и отправился въ Вильну: одною граматою король извѣщалъ бурмистровъ о назначеніи Рутскаго архимандритомъ и повелѣвалъ имъ признавать его и отдавать ему надлежащую честь, а другою приказывалъ тѣмъ же бурмистрамъ отобрать виленскія церкви у прежнихъ священниковъ, возмутившихся противъ Потѣя, и передать новымъ, которыхъ онъ назначитъ. По первой граматѣ русскіе бурмистры и радцы оказали сопротивленіе. Ввести Рутскаго въ управленіе троицкимъ монастыремъ король поручилъ, декретомъ отъ 20 февраля, дворянину своему Яну Буйвилу. Прибывъ въ Вильну (7 марта) и взявъ съ собою четырехъ свидѣтелей, Буйвилъ отправился прямо въ троицкій монастырь, объявилъ монахамъ королевскій листъ и передалъ Рутскому монастырь со всѣми его имѣніями. Но,

---

сеймѣ, писалъ (1 Марта 1609) изъ Варшавы къ папѣ, что употреблялъ всѣ усилія для поддержанія уніи, пользуясь содѣйствіемъ ученаго пресвитера грека Петра Аркудія, котораго посылаетъ къ папѣ и который подробно разскажетъ, какія нападенія сдѣланы были на унію и что для нея сдѣлано (*Theiner*, III, № 245, p. 298)

выходя изъ монастырской церкви, онъ встрѣтилъ множество православныхъ и между ними Ивана Тупеку и другихъ русскихъ членовъ магистрата, которые объявили, что присланы своими бурмистрами воспрепятствовать передачѣ монастыря Рутскому, такъ какъ право подаванья этого монастыря принадлежитъ бурмистрамъ. Буйвилъ отвѣчалъ, что онъ свое дѣло уже окончилъ и отъѣзжаетъ, а они, если угодно, могутъ отстаивать свое право судебнымъ порядкомъ. Радцы дѣйствительно и внесли (9 марта) свою жалобу на Буйвила въ виленскія городскія книги. А одинъ членъ грозилъ даже застрѣлить Рутскаго, о чемъ тотъ и принесъ жалобу. Еще болѣе сопротивленія оказали русскіе бурмистры и радцы по второй граматѣ короля. Рутскій не прежде передалъ ее въ магистратъ, какъ уже вступивъ въ дѣйствительное управленіе троицкимъ монастыремъ, и требовалъ немедленнаго по ней исполненія. Русскіе очередные радцы, Иванъ Тупека и Исаакъ Кононовичъ, отнеслись къ граматѣ безъ надлежащаго уваженія, помыкали ею по столу, клали на нее какія-то свои привиллегіи; потомъ читали ее предъ народомъ и порицали короля за его великія неправды. Въ тотъ день, когда бурмистры и радцы собирались отвѣчать Рутскому на эту грамату, огромная толпа вторглась въ магистратъ, выломавъ двери, и кричала, чтобы никто не смѣлъ отнимать церкви у православныхъ и отдавать измѣннику митрополиту. И члены магистрата не только не приняли никакихъ мѣръ къ обузданію толпы и къ отобранію церквей, но не согласились даже вписать королевскую грамату въ свои магистратскія книги. Вскорѣ затѣмъ возвратился съ сейма въ Вильну Сенчило: его въ монастырь троицкій не впустили, онъ отправился въ ратушу и протесто-

валъ; бурмистры также протестовали 19 марта. И въ тотъ же день Сенчило явился въ троицкій монастырь съ чернецами свято-духовской церкви (при которой, слѣдовательно, продолжалъ существовать монастырь) и множествомъ членовъ свято-духовскаго братства разныхъ сословій, вошелъ въ троицкій храмъ, гдѣ совершалась литургія, заявилъ свой протестъ противъ Рутскаго и хотѣлъ насильно отнять монастырь и поселить въ немъ свято-духовскихъ монаховъ. Рутскій на другой же день принесъ жалобу на Сенчилу королевскому намѣстнику въ Вильнѣ, а свято-духовское братство, Сенчило и русскіе члены виленскаго магистрата подали (21 марта) свои жалобы на Потѣя и Рутскаго, за незаконное овладѣніе ими троицкимъ монастыремъ, въ главный трибунальный судъ: такъ какъ, по сеймовому постановленію 1609 г., всѣ споры между православными и уніатами о церквахъ, монастыряхъ, имѣніяхъ и взаимныхъ обидахъ должны были рѣшаться этимъ судомъ Наконецъ, и самъ Потѣй подалъ жалобу въ тотъ же судъ на виленскихъ священниковъ за то, что они отняли у него виленскія церкви ([290]).

Но прежде, нежели трибунальный судъ приступилъ къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ жалобъ, Рутскій и Потѣй не бездѣйствовали. Рутскій, ограждая свои права, внесъ (7 апрѣля) въ виленскій городскій судъ ту королевскую грамату, по которой введенъ былъ Буйвиломъ въ управленіе троицкимъ монастыремъ. А къ концу того же мѣсяца пожаловался королю,

---

([290]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 65. 66. 67. 70; Собран. граматъ Вильны, Ковно и др. II, №№ 18. 19; Акт. Вилен. Арх. Коммис. VIII, №№ 32—35. 37. 39. 40. Сказаніе о томъ же безъименнаго уніатскаго автора—у *Коялов.* Литов. Церк. Унія, II, примѣч. 90. 93. 94.

что нѣкоторые знатные мѣщане Вильны, Иванъ Тупека, Исаакъ Кононовичъ, Семенъ Красовскій и другіе, похваляются противъ него, угрожаютъ ему самою смертію, и просилъ себѣ защиты,—и король прислалъ строгій приказъ (отъ 28 апр.) названнымъ мѣщанамъ, чтобы они не дѣлали никакихъ покушеній и похвальбы противъ Рутскаго, ни сами, ни чрезъ своихъ слугъ, и грозилъ штрафомъ въ нѣсколько тысячъ польскихъ грошей. Потѣй увѣдомилъ короля (10 апр.), что Сенчило, хотя еще въ октябрѣ прошлаго года преданъ духовнымъ судомъ проклятію и лишенъ духовнаго сана, продолжаетъ однакожъ своевольно священнодѣйствовать и дерзаетъ еще тягаться съ своимъ архипастыремъ, и просилъ короля подвергнуть виновнаго преслѣдованію свѣтской власти. И король осудилъ Сенчило своимъ декретомъ (22 апр.) на баннцію, и вытребовалъ отъ него (28 апр,) самую грамату свою, которою нѣкогда пожаловалъ ему въ управленіе троицкій монастырь «до его живота» ([291]). Не упускалъ Потѣй изъ виду и того, что отъ него отпали, съ своими церквами, и всѣ уніатскіе священники въ городахъ Новогрудкѣ и Гроднѣ, по примѣру виленскихъ, и просилъ себѣ защиты у короля. И король граматою отъ 25 апрѣля приказалъ новогрудскому воеводѣ Ѳедору Скумину-Тышкевичу, чтобы онъ усмирилъ въ обоихъ названныхъ городахъ своевольное духовенство, прекратилъ возмущеніе его противъ своего архипастыря и всячески помогалъ Потѣю наказывать непокорныхъ и назначать, на мѣста ихъ, новыхъ священниковъ ([292]).

([291]) Собр. грам. Вильны, Ковно и др. II, №№ 19. 21; Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 63. 69; А. Ю. и З. Р. II, № 31.

([292]) См. выше примѣч. 287.

Когда, наконецъ, открылся главный трибунальный судъ, и приступилъ, 20 мая, къ разбирательству жалобъ, поданныхъ православными виленцами на Потѣя и Рутскаго, то уполномоченный Потѣя панъ Мартинъ Пядевскій и о. Рутскій заявили, что жалобы эти должны разбираться не самимъ трибунальнымъ судомъ, состоящимъ изъ однихъ свѣтскихъ лицъ, а судомъ смѣшаннымъ изъ нѣсколькихъ членовъ трибунальнаго суда и изъ такого же числа духовныхъ депутатовъ. Трибунальный судъ не согласился, ссылаясь на то, что ему именно предоставлены такого рода дѣла сеймовою конституціею 1609 г.; а противная сторона ссылалась на добавленіе къ означенной конституціи, отдававшее эти дѣла суду смѣшанному. Потому состоялись два совершенно отдѣльныя разбирательства и два противоположныя рѣшенія. Трибунальный судъ обвинилъ Потѣя и Рутскаго въ томъ, что они совершенно незаконно отняли у православныхъ троицкій монастырь и приговорилъ виновныхъ къ уплатѣ десяти тысячъ злотыхъ. А духовные депутаты, которые всѣ были изъ латинскаго духовенства (чего можно было ожидать отъ нихъ православнымъ?), дѣйствуя въ качествѣ смѣшаннаго суда, хотя на немъ не было ни одного свѣтскаго члена, совершенно оправдали Потѣя и Рутскаго и обвинили самихъ жалобщиковъ, т. е. свято-духовское братство, Сенчилу и виленскихъ бурмистровъ русской лавицы, и кромѣ того положили отослать свое рѣшеніе на усмотрѣніе самого короля. Король тотчасъ же отмѣнилъ рѣшеніе трибунальнаго суда и передалъ дѣло на разсмотрѣніе задворнаго суда. Ровно черезъ полмѣсяца, т. е. 5 іюня, трибунальный судъ приступилъ къ разсмотрѣнію жалобы митрополита Потѣя на виленскихъ священниковъ, будтобы незаконно отнявшихъ у него вилен-

скія церкви. Но и теперь тотъ же уполномоченный Потѣя заявилъ, что дѣло должно разбираться не на трибунальномъ, а на смѣшанномъ судѣ, и теперь трибунальный судъ не уважилъ этого заявленія, и самъ разсмотрѣлъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, и рѣшилъ, что Потѣй не имѣетъ никакого права на виленскія православныя церкви, вопервыхъ, потому что онъ несправедливо называетъ себя митрополитомъ, будучи лишенъ сана цареградскимъ патріархомъ за отпаденіе въ унію, а вовторыхъ потому, что право подаванья виленскихъ церквей принадлежитъ вовсе не митрополиту, а виленскимъ бурмистрамъ русской вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ призналъ виленскаго протопопа Жашковскаго и священниковъ совершенно оправданными и оставилъ при ихъ правахъ и обязанностяхъ ([293]). Духовные судьи протестовали, а Потѣй принесъ на такое рѣшеніе трибунальнаго суда жалобу королю, въ его задворный или ассессорскій судъ. Задворный королевскій судъ изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера Льва Сапѣги, открылъ свои засѣданія въ Вильнѣ, куда прибылъ король къ концу іюня: судъ этотъ, вопервыхъ, по жалобѣ Потѣя на протопопа Жашковскаго и виленскихъ священниковъ, осудилъ (8 іюля) протопопа, какъ бунтовщика, и опредѣлилъ возвратить Потѣю пречистенскій соборъ съ митрополичьимъ домомъ и всѣ виленскія церкви; вовторыхъ, по жалобамъ Сенчилы и другихъ православныхъ Вильны на Потѣя и Рутскаго, отмѣнилъ и кассировалъ (10 іюля) рѣшеніе трибунальнаго суда и утвердилъ во всемъ рѣшеніе суда смѣшаннаго или, вѣрнѣе, духовнаго; наконецъ, призналъ виновными

([293]) Вилен. Арх. Сборн. VI, № 70; Акт. Вилен. Комм. VIII, №№ 38 42, *Говорск.* Вѣстн. Запад. Россіи, годъ III, т. I, августъ, отд. I, № 2.

въ бунтѣ и оскорбленіи величества, и присудилъ къ смертной казни двухъ русскихъ радцевъ—Ивана Тупеку и Исаака Кононовича, отнесшихся въ мартѣ съ такимъ неуваженіемъ къ королевской граматѣ объ отобраніи виленскихъ церквей и бывшихъ главными виновниками тогдашнихъ безпорядковъ. Впрочемъ, король смягчилъ наказаніе обвиненнымъ и приказалъ, чтобы они были только лишены своихъ должностей и обязаны что либо соорудить для укрѣпленія или украшенія Вильны (294).

Рѣшеніями задворнаго королевскаго суда только начиналось торжество Потѣя, находившагося тогда въ Вильнѣ. Къ 25-му іюля съѣхалось сюда множество уніатскаго духовенства изъ Городни, Минска, Новогрудка, Жировлицъ и другихъ мѣстъ, гдѣ оно отпало-было отъ Потѣя: видно, воевода Скуминъ-Тышкевичъ очень поусердствовалъ при исполненіи королевскаго приказа. Собравшіеся составили приговоръ, въ которомъ объявляли, что хотя нѣкоторые изъ нихъ увлеклись-было завѣреніями Сенчила, Жашковскаго и членовъ святодуховскаго братства, будто митрополитъ Ипатій замыслилъ вытѣснить унію латинскою вѣрою, и потому отступили отъ подчиненія ему, но теперь, достаточно убѣдившись, что всѣ эти завѣренія были пустою выдумкою и ложью, они просятъ Бога не вмѣнить имъ въ грѣхъ то ихъ отступничество и обязуются, подъ страхомъ вѣчнаго проклятія, оставаться всегда подъ властію архипастырей, пребывающихъ въ св. уніи, и всячески защищать ее. Приговоръ подписали: три архимандрита,

---

(294) Акт. Вилен. Комм. VIII, № 41; Вилен. Арх. Сборн. VI, № 71; *Говорск.* Вѣстн. Запад. Россіи, годъ IX, кн. III, отд. I, № 3; *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 96.

одинъ игуменъ, шесть протопоповъ, два іеромонаха тринадцать священниковъ, пять іеродіаконовъ и четыре монаха, всего 34 человѣка, въ этомъ числѣ изъ виленскаго духовенства, кромѣ архимандрита Іосифа Велямина Рутскаго и іеромонаха Іоасафа Кунцевича, одинъ только пятницкій священникъ Александръ Львовъ, «писарь клиросу собору виленскаго» ([295]). А въ августѣ совершилось и отобраніе виленскихъ церквей и передача ихъ Потѣю. Два королевскихъ дворянина Сенковскій и Краевскій, съ двумя виленскими повѣтовыми и пятью шляхтичами, прежде всего (6 авг.) отобрали пречистенскій соборъ и митрополичій домъ во власть и распоряженіе короля какъ «найвышшаго подавцы и оборонцы церквей Божіихъ», при чемъ будтобы имѣли съ собою нѣсколько сотъ гайдуковъ, разбили замки у церкви, забрали весь ея скарбъ и заключили въ темницу двухъ священнослужителей, совершавшихъ въ соборѣ утреню, хотя Потѣй рѣшительно это отвергаетъ. Отбирать другія церкви въ тотъ же день поудержались, опасаясь, какъ бы не возбудить народнаго возмущенія, особенно при отобраніи церкви перенесенія мощей святителя Николая: такъ какъ священникомъ здѣсь былъ самъ протопопъ Жашковскій, и онъ собралъ и припряталъ въ своей церкви сокровища всѣхъ прочихъ виленскихъ церквей и чудотворную икону Богоматери, остробрамскую, которой не захотѣлъ выдать даже панамъ бурмистрамъ, объявлявшимъ, будто самъ король съ королевою и королевичемъ Владиславомъ желаетъ прибыть въ троицкій монастырь и тамъ помолиться предъ этою иконою. Но 9-го августа Сенковскій и Краевскій отобрали на имя короля и перенесенскую церковь, при чемъ

([295]) Вилен. Арх. Сборн. VI, № 74, стр. 156.

такъ же будтобы, имѣя съ собою гайдуковъ, поразбивали церковные замки и двери, позабрали церковный скарбъ и сдѣлали насиліе женѣ и дѣтямъ Жашковскаго, находившагося тогда въ отсутствіи изъ Вильны, хотя и это Потѣй отвергаетъ, и этого дѣйствительно не могло быть: такъ какъ Жашковскій жены вовсе не имѣлъ. Въ тотъ же день отобраны были въ распоряженіе короля и прочія церкви: воскресенская, спасская, покровская, пятницкая, св. Юрья, св. Петра, св. Косьмы и Даміана, Рождества Христова, успенія святителя Николая и Ивановская, т. е. св. Іоанна Предтечи. Такимъ образомъ оказывается, что въ началѣ XVII вѣка русскихъ церквей въ Вильнѣ было только двѣнадцать, тогда какъ прежде число ихъ восходило до двадцати. Чрезъ два дня, т. е. 11 августа, всѣ отобранныя церкви переданы были, по повелѣнію короля, съ подробною описью ихъ имущества, митрополиту Потѣю, который тотчасъ приказалъ бурмистрамъ переписать и тѣ сокровища этихъ церквей, которыя спрятаны были въ церкви перенесенской. Торжество Потѣя было полное, но и возбужденіе между православными достигало крайнихъ предѣловъ. Въ тотъ же день Потѣй отправился въ церковь перенесенія мощей святителя Николая, чтобы поклониться чудотворной иконѣ Богоматери, и, осматривая храмъ со вниманіемъ, нашелъ въ придѣлѣ, на лѣвой сторонѣ отъ входа, подъ алтаремъ, нѣсколько бочонковъ пороха. Изъ церкви перенесенской онъ пошелъ въ домъ латинскаго бискупа, чтобы подѣлиться съ нимъ своею радостію и поблагодарить папскаго нунція Франческо Симонетту за оказанныя имъ услуги. Оттуда пошелъ по большой улицѣ въ троицкій монастырь, и уже достигъ площади у ратуши (гдѣ нынѣ театръ), какъ

вдругъ бросился на него сзади неизвѣстный человѣкъ (гайдукъ какого-то пана пріѣхавшаго въ Вильну), и, выхвативъ саблю, ударилъ ею Потѣя въ шею, разсѣкъ нѣсколько колецъ золотой цѣпи, воротникъ у рясы и рубашки, но самой шеи едва коснулся, а когда Потѣй поднялъ лѣвую руку для защиты себя, то отсѣкъ на рукѣ два пальца и другіе два повредилъ. Потѣя перенесли въ ближайшій домъ одного сенатора; отсѣченные пальцы митрополита Рутскій и Кунцевичъ подобрали и положили на престолѣ въ св.-троицкомъ монастырѣ, а виновный гайдукъ тотчасъ же былъ схваченъ и подвергся тяжкимъ побоямъ, потомъ вынесъ страшныя пытки и казненъ смертію ([296]).

Съ этого времени унія прочно утвердилась въ Вильнѣ и получила рѣшительный перевѣсъ надъ православіемъ. У православныхъ осталась во всемъ городѣ одна только церковь во имя Св. Духа, вмѣстѣ съ монастыремъ, который въ 1611 г. былъ уже несомнѣнно общежительнымъ ([297]). Этой церкви Св. Духа не могли отнять у православныхъ уніаты или какъ

([296]) А. Ю. и З. Россіи, II, №№ 34. 38; Вилен. Арх. Сборн. VI, № 72. Несправедлива мысль, будто покусившійся на жизнь Потѣя и потомъ казненный былъ виленскій мѣщанинъ Иванъ Тупека (*Stebelsk.*, Chronolog. p. 179). Этотъ Иванъ Тупека былъ еще живъ и въ 1611 году (Акт. Вилен. комм. VIII, № 46; Собр. Грам. Вильны, Ковно..., II, стр. 59). Да и въ современной уніатской брошюрѣ, подъ заглавіемъ: Relacia y Uwazenie Postepkow niektorych okolo cerkwi Ruskich Wilenskich, Roku 1608 y 1609, Wilnu wszystkiemu swiadomych (безъ указанія мѣста печати и страницъ), въ которой подробно изложена тяжба Сенчилы и другихъ съ Потѣемъ и Рутскимъ изъ-за виленскихъ церквей, прямо сказано, что нападавшій на Потѣя былъ какой-то гайдукъ пріѣхавшаго въ Вильну пана, и разсказано, какъ допрашивали этого гайдука. Экземпляръ этой брошюры есть въ виленской публичной библіотекѣ.

([297]) *Сахаровъ.* Обозр. Слав.-русск. библіогр. № 147; Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 42, стр. 124.

либо ее закрыть и уничтожить: потому что она сооружена была, на памяти всѣхъ, людьми, несомнѣнно православными, отказавшимися принять унію, и сооружена на землѣ частнаго владѣльца; а на своей землѣ, по законамъ страны, каждый владѣлецъ могъ строить всякія зданія, какія хотѣлъ. Но Потѣй не думалъ оставить православныхъ виленцевъ въ покоѣ и при ихъ послѣдней, единственной церкви. Въ Вильнѣ продолжали еще существовать медовыя братства: панское или радецкое, купецкое, кушнерское и роское, которыя часть своихъ доходовъ употребляли на свои богадѣльни при церквахъ, а часть отсылали, попрежнему, православному троицкому братству, даже послѣ того, какъ оно принуждено было переместиться отъ троицкаго монастыря къ свято-духовской церкви. Потѣй донесъ объ этомъ королю, а король далъ приказъ (17 авг. 1609) виленскимъ бурмистрамъ, чтобы впредь медовыя братства отнюдь не вносили своихъ доходовъ на новую свято-духовскую церковь и ея братство, а дѣлали свои взносы въ троицкій монастырь троицкому уніатскому братству. Главнымъ вождемъ въ послѣдней борьбѣ виленскаго духовенства и вообще православныхъ противъ уніи былъ архимандритъ Сенчило. Его-то и рѣшились уніаты переманить на свою сторону, чтобы болѣе посрамить своихъ противниковъ. Самъ Рутскій просилъ Потѣя простить Сенчилу и примириться съ нимъ. Потѣй, хотя получалъ о немъ неблагопріятныя свѣдѣнія, какъ о человѣкѣ неискреннемъ и нераскаянномъ, но выразилъ (17 іюля 1611) желаніе «принять его подъ свою милость, особенно ради враговъ; пусть бы они,—писалъ Потѣй Рутскому,—устыдились своей клеветы и воочію увидѣли, что тѣже люди, которые были защитниками безпокойствъ, какъ

моихъ личныхъ, такъ и всей церкви Божіей, обращаются ко мнѣ, сознавая свои неправды». И вскорѣ Рутскій уже опредѣлилъ Сенчилу намѣстникомъ супрасльскаго, тогда уніатскаго, монастыря, съ согласія мѣстнаго архимандрита. Была еще свято-духовскому братству скорбь и отъ виленской ратуши, которая вновь покушалась отнять у него братскіе домы ([298]).

Надобно однакожъ замѣтить, что недолго пришлось уніатамъ совершать свои богослуженія во всѣхъ тѣхъ двѣнадцати виленскихъ церквахъ, какія они отняли у православныхъ. Во время страшнаго пожара, истребившаго половину Вильны въ 1610 г. (1 іюля), сгорѣло или обгорѣло восемь изъ этихъ церквей. И хотя, по ходатайству Потѣя, для возобновленія ихъ король назначилъ (1 авг. 1611), всѣ доходы съ медовыхъ виленскихъ братствъ и потомъ (28 авг. 1612) три тысячи копъ грошей изъ той пени, какая должна была поступить въ королевскую казну съ трехъ главныхъ виленскихъ мѣщанъ за ихъ будтобы незаконный позывъ, сдѣланный въ 1609 г. Рутскому въ трибунальный судъ, но возобновленъ былъ уніатами только одинъ пречистенскій соборъ, а прочія семь церквей, спасская, покровская, пятницкая, Рождества Христова, св. Іоанна Предтечи и св. Петра остались въ развалинахъ, однѣ надолго, другія навсегда ([299]). Заботились уніаты лишь о троицкомъ монастырѣ. При этомъ монастырѣ издавна существовалъ и женскій, который доселѣ содержался на средства мужскаго троицкаго монастыря. Теперь, по ходатайству Потѣя, король

([298]) Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 25; Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 79. 80; X, стр. 227. 234; Акт. Вилен. Комм. VIII, № 46.

([299]) Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 24; Вилен. Арх. Сбор. VI, 131, стр. 322. О нѣкоторыхъ погорѣвшихъ виленскихъ церквахъ—тамъ же VI, №№ 85. 118. 119.

пожаловалъ (8 авг. 1609) виленской игуменьѣ Василисѣ Сапѣжанкѣ и ея сестрамъ-черницамъ, на содержаніе ихъ, монастырь брацлавскій, со всѣми его имѣніями и доходами, навсегда, съ тѣмъ только, чтобы виленскія игуменьи постоянно имѣли при брацлавскомъ монастырѣ двухъ поповъ и дьякона для отправленія службъ церковныхъ. Троицкимъ монахамъ король, по желанію Потѣя, отдалъ (1 авг. 1611) въ вѣчное владѣніе пятницкую церковь, вмѣнивъ имъ въ обязанность возобновить ее; но монахи церковь оставили въ запустѣніи, а начали только владѣть ея плацомъ, домами и доходами ([300]).

Подобное тому, что происходило въ Вильнѣ, совершалось и въ другихъ мѣстахъ западно-русской митрополіи. Мы уже упоминали, что въ Кіевъ, пока живъ былъ кіевскій воевода князь Острожскій, не могла проникнуть унія. Случилось такъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти какіе-то чернецы кіево-печерскаго монастыря принесли жалобу королю, будто ихъ архимандритъ Елисей Плетенецкій и старшіе палатники и застолпники злоупотребляютъ монастырскими доходами и обижаютъ младшую братію. И король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отправить въ Кіевъ самого митрополита Потѣя и поручилъ ему (10 сент. 1608) разслѣдовать все по жалобѣ чернецовъ и водворить въ кіевской лаврѣ порядокъ, а также обозрѣть и всѣ прочіе кіевскіе монастыри и церкви и учинить въ нихъ надлежащій порядокъ, и предписалъ кіевскому духовенству слушаться Потѣя и исполнять его волю. Какъ исполнилъ Потѣй возложенное на него порученіе, неизвѣстно; но онъ успѣлъ, во время своего пребыванія въ Кіевѣ, за-

([300]) А. Ю. и З. Р. II, № 33; Собр. грам. Вильны..., II, № 25; Вилен. Арх. Сборн., X, стр. 98.

ключить съ православными сдѣлку о передачи ему кіево-софійскаго собора (въ 1609 г.), и вскорѣ затѣмъ назначилъ въ Кіевъ своего намѣстника—протопопа или оффиціала. Это былъ извѣстный Антоній Грековичъ, нѣкогда іеродіаконъ свято-духовскаго братства, перешедшій въ унію. Нѣсколько лѣтъ онъ служилъ діакономъ при дворѣ Потѣя; потомъ возведенъ въ санъ іеромонаха, а теперь, посылая его въ Кіевъ своимъ намѣстникомъ—протопопомъ, Потѣй назначалъ его вмѣстѣ, своею граматою отъ 22 янв. 1610 г., игуменомъ кіево-выдубицкаго монастыря съ правомъ на владѣніе всѣми его имѣніями. Грековичъ прибылъ въ Кіевъ къ первой недѣлѣ великаго поста (9 марта), т. е. къ торжеству православія, и явился въ софійскій соборъ, куда, по случаю торжества, собрались всѣ кіевскіе священники и безчисленное множество богомольцевъ не только изъ Кіева, но и изъ окрестностей; во всеуслышаніе прочелъ грамату митрополита Потѣя о своемъ назначеніи и требовалъ отъ священниковъ, чтобы они признали его—Грековича своимъ протопопомъ и совершили вмѣстѣ съ нимъ богослуженіе: священники не согласились. Тогда Грековичъ объявилъ, что иначе онъ запечатаетъ соборъ и не дозволитъ имъ совершить богослуженіе, и что начнетъ хватать ихъ и заключать въ темницу, пока они не покорятся митрополиту. Въ виду такихъ угрозъ, священники и весь народъ, собравшійся для богомолья, пошли изъ софійскаго собора въ другую соборную церковь пречистенскую, и тамъ надлежащимъ образомъ отправили службу. Но Грековичъ на другой день внесъ въ кіевскія гродскія книги протестацію, въ которой утверждалъ, будто кіевскіе священники грозили ему бунтомъ, возбудили противъ него запорожскихъ казаковъ и

произвели народное волненіе. Противъ этой протестаціи, прежде всего, протестовали въ томъ же гродскомъ судѣ (20 марта) казаки Григорій Середа и его товарищи именемъ всего запорожскаго войска, а потомъ (26 марта) и кіевскіе священники вмѣстѣ со всею православною шляхтою кіевской земли и народомъ. Между тѣмъ Грековичъ поселился при софійскомъ соборѣ и началъ совершать въ немъ церковныя службы, не допуская въ него кіевскихъ священниковъ. Возмущенные этимъ запорожскіе казаки писали (29 мая) кіевскому подвоеводѣ Холоневскому и просили его возбранить «оному разстригѣ и преступнику» такія своевольныя дѣйствія, а если онъ не уймется, грозили его, «якъ пса, убить». Грековичъ принужденъ былъ переселиться въ выдубицкій монастырь; но и тамъ одинъ казакъ выстрѣлилъ въ него, во время его прогулки по двору, хотя и неуспѣшно. Грековичъ пожаловался Потѣю, и Потѣй, 20 августа, внесъ во владимірскія гродскія книги свой протестъ противъ кіевскихъ войта, бурмистровъ и всѣхъ жителей русской вѣры, противъ кіевскихъ священниковъ и запорожскихъ казаковъ ([301]). Желая учредить въ кіево-софійскомъ соборѣ свою уніатскую капитулу, Потѣй успѣлъ выпросить у короля жалованную грамату (отъ 15 сент. 1612), которою передавался этой будущей капитулѣ кіево-михайловскій монастырь со всѣми его имѣніями и доходами. Но кіевское православное духовенство и, въ частности, михайловскій монастырь вовсе не думали подчиняться власти Потѣя, такъ что ему оставалось только протестовать и жаловаться. И онъ дѣйстви-

([301]) А. Ю. и З. Р. II, №№ 28. 36. 37. 41; *протоіер. Лебединц.* Матеріалы для Истор. Кіев. митрополіи, стр. 17; *Говорск.* Вѣстн. Западн. Россіи, годъ IV, кн. IX, отд. I, стр. 6.

тельно жаловался сперва (16 окт. 1612) лишь на настоятеля и братію кіево-печерскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году на настоятелей и иноковъ кіевскихъ монастырей: печерскаго, николаевскаго, михайловскаго, межигорскаго и кирилловскаго, и на всѣхъ кіевскихъ священниковъ — за то, что они не отдавали «послушенства его милости отцу митрополитови», приняли къ себѣ какого-то грека, софійскаго митрополита Неофита, прибывшаго около пасхи 1612 года, и позволяютъ ему у себя рукополагать священниковъ и діаконовъ и освящать церкви. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1613 года всѣмъ обвиняемымъ вручены были позвы явиться на трибунальный судъ въ Люблинѣ, неизвѣстно, какъ рѣшившій дѣло [302]. Что же касается до софійскаго митрополита или архіепископа Неофита, то онъ несомнѣнно находился тогда въ Кіевѣ и освятилъ (21 апрѣля 1612 г.) въ межигорскомъ монастырѣ три церкви: петропавловскую на монастырскихъ воротахъ, николаевскую — трапезную и спасскую соборную, воздвигнутыя тогдашнимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, котораго назначилъ сюда еще въ 1599 г. князь К. К. Острожскій, и который въ 1609 г. испросилъ себѣ королевскую грамату на пожизненное игуменство въ этомъ монастырѣ, а въ 1610 г. добылъ своему монастырю грамату на ставропигію отъ Матѳея, архіепископа мирликійскаго, экзарха патріаршаго константинопольскаго престола [303].

[302] А. З. Р. IV, № 186. Протестъ или жалоба Потѣя отъ 16 окт. 1612 года на кіево-печерскую лавру напечатанъ въ Труд. Кіев. Акад. 1869, II, 537—539. Заявленіе вознаго о позвахъ на судъ, врученныхъ кіевскимъ монастырямъ и духовенству въ 1613 г., по жалобѣ Потѣя, см. у *Голубева*, Матеріал. для Исторіи Западно-русск. церк. № 27, въ Труд. Кіев. Ак. 1878, іюнь, прилож., стр. 194. Копія же позва игумену и инокамъ межигорскимъ — въ архивѣ уніатск. митр. при Св. Синодѣ, рукоп. № 46, а позва кіево-печер. архимандриту Плетенецкому и инокамъ — тамъ же № 47.

[303] *Максимович.*, Собраніе сочиненій, II, 263—264, Кіев. 1877.

Въ тотъ самый годъ, когда скончался князь К. Острожскій, Потѣй прислалъ новому львовскому и галицкому епископу Іереміи Тиссаровскому грамату (отъ 27 авг. 1608), и требовалъ его къ себѣ на судъ за то, что Іеремія, безъ вѣдома его—Потѣя, выпросилъ себѣ у короля ту епархію, которая отъ вѣка принадлежала кіевскимъ и галицкимъ митрополитамъ, и долго управлялась ихъ намѣстниками, а потомъ ихъ викарными или задворными владыками, и за то, что принялъ посвященіе не отъ своего главнаго архипастыря, а гдѣ-то заграницею, вопреки каноновъ церкви и законовъ государства. Въ заключеніе граматы Потѣй угрожалъ православному епископу «клятвою неразрѣшимою», если онъ не явится на судъ. Угроза не подѣйствовала: Тиссаровскій не явился на судъ, и продолжалъ владычествовать въ своей епархіи. Онъ былъ любимъ и уважаемъ своею паствою, постоянно находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ, и 3-го марта 1609 г. издалъ грамату, въ которой, благословляя всѣ дѣйствія братства и указывая на перенося имъ притѣсненія отъ поляковъ—латинянъ, убѣждалъ православныхъ и особенно благодѣтелей дѣлать пожертвованія на постройку братской церкви, школы и госпиталя, все еще неоконченную. А въ 1613 г., когда бѣдствія русскаго народа въ Галиціи отъ поляковъ достигли, казалось, послѣдней степени, издалъ пастырское увѣщаніе къ своимъ духовнымъ чадамъ, утѣшалъ ихъ, утверждалъ въ вѣрѣ и взаимной братской любви, и призывалъ всѣхъ къ денежной складчинѣ, чтобы отстаивать свои права, попираемыя врагами латинянами ([304]). Не

([304]) А. Ю. и З. Р. IV, № 176. Эта же грамата на латинскомъ языкѣ напечатана у *Гарашевича*, Annal. eccles. Ruth., p. 443—445. — *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1609 и 1613 годами, стр. 61. 62. 64

успѣвъ вытѣснить Тиссаровскаго изъ галицкой епархіи и называя его измѣнникомъ и отступникомъ, Потѣй вздумалъ поставить на туже епархію уніатскаго епископа, въ качествѣ своего коадъютора и викарія. На эту должность онъ избралъ и, по граматѣ короля отъ 16 ноября 1611 г., посвятилъ своего любимца, архимандрита виленскаго троицкаго монастыря Іосифа Вельямина Рутскаго, придавъ ему (16 іюня 1612) во владѣніе и лаврашевскій монастырь, который дотолѣ держалъ самъ. Рутскій въ своей архіерейской присягѣ, сохранившейся доселѣ (подпис. въ іюлѣ 1612 г.), произнесъ символъ вѣры безъ прибавленія: «и отъ Сына», какъ произносили и прежде него поставлявшіеся въ уніатскіе епископы, и далъ обязательство повиноваться во всемъ митрополиту Потѣю, какъ его намѣстникъ. По рукоположеніи своемъ Рутскій оставался въ Вильнѣ, въ своемъ монастырѣ, и въ отсутствіе митрополита, обыкновенно проживавшаго во Владимірѣ-волынскомъ, ставилъ здѣсь поповъ и дьяконовъ для митрополичьей епархіи, судилъ и исправлялъ всѣ прочія духовныя дѣла; но, называясь епископомъ галицкимъ, удерживалъ за собою, по крайней мѣрѣ, номинальную власть и надъ епархіею львовскою и галицкою ([305]).

Гораздо болѣе успѣха имѣлъ Потѣй въ епархіи перемышльской, гдѣ доселѣ святительствовалъ православный епископъ Михаилъ Копыстенскій, скончавшійся въ началѣ 1610 г.

([305]) А. Ю. и З. Р. II, № 43; А. З. Р. IV, № 185. Присяжный листъ Рутскаго хранится въ архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, связка Д, № 301. Въ тойже связкѣ Д находятся присяжные листы: Гедеона Брольницкаго при посвященіи его въ архіепископа полоцкаго въ 1601 году (№ 296), Евстафія Волловича Малинскаго при посвященіи его во епископа луцкаго въ 1607 году (№ 299), Аѳанасія Крупецкаго при поставленіи его во епископа перемышльскаго въ 1610 году (№ 300).

«Какъ только я узналъ о его смерти, находясь въ Варшавѣ,—разсказываетъ самъ Потѣй,—я тотчасъ же отправился къ пану Калинскому, старостѣ перемышльскому, который имѣетъ большую силу, и просилъ—внимательно слѣдить за этимъ дѣломъ, чтобы, каясь за львовскаго владыку (Тиссаровскаго), не допустилъ на перемышльскую каѳедру схизматика». Потѣй указывалъ на нее двухъ кандидатовъ: Рутскаго, тогда еще архимандрита, и Мороховскаго, бывшаго своего секретаря. Но Калинскій замѣтилъ, что мѣстная шляхта не приметъ ни того, ни другаго, какъ нетамошнихъ уроженцевъ, и можетъ произойти замѣшательство. Избранъ былъ кандидатъ изъ мѣстной шляхты — панъ Александръ Крупецкій, принявшій въ монашествѣ имя Аѳанасія, который не совсѣмъ былъ угоденъ Потѣю. Но «зная,—продолжаетъ Потѣй,—что объ этой епископіи хлопочутъ явные схизматики и враги римскаго костела, я охотно остановился на Крупецкомъ, такъ какъ онъ искусенъ въ дѣлахъ церковныхъ и весьма расположенъ къ св. уніи, хотя еще молодъ». Крупецкій вручилъ Потѣю письменное обязательство, подъ клятвою, навсегда оставаться вѣрнымъ уніи, и тоже самое подтвердилъ своею присягою и исповѣданіемъ предъ посвященіемъ во епископа. Посвященіе это совершилось въ іюнѣ 1610 года, и 20 іюня, получивъ ставленую архіерейскую грамату отъ Потѣя, Крупецкій отправился къ своей духовной паствѣ. Такимъ образомъ перемышльская епархія перешла въ руки уніатовъ, и у православныхъ остался только одинъ епископъ—львовскій ([306]). Перемышльская епархія счи-

---

([306]) Вилен. Арх. Сборн. VI. № 77; А. Ю. и З. Р. II, № 40. О смерти Михаила Копыстенскаго, какъ происходили искательства на его каѳедру, какіе избраны были кандидаты и кто сопротивлялся Аѳанасію Крупецкому — см. у *Петрушевича*, Сводн. Галицко-рус. Лѣтоп., подъ 1610 и 1611 годами, стр. 38—41.

талась обширнѣйшею изъ всѣхъ епархій западно-русской митрополіи; но во всей этой епархіи Крупецкій, по словамъ уніатскаго же писателя Суши, «не нашелъ ни одного уніата», когда прибылъ на нее: такъ, значитъ, ревностно и успѣшно охранялъ здѣсь православіе предмѣстникъ Крупецкаго, Михаилъ Копыстенскій ([307]).

Неудивительно, если православные перемышльскаго края и особенно духовенство не хотѣли признать Крупецкаго своимъ епископомъ и открыто ему сопротивлялись. Они посылали просьбу (отъ 11 апр. 1611 г.) къ королю и умоляли его взять отъ нихъ Крупецкаго и дать имъ другаго епископа, избраннаго ими. И когда не получили удовлетворенія, то рѣшились не впускать Крупецкаго въ свои церкви и монастыри. Но церкви были отбиваемы гайдуками, непокорявшихся священниковъ ловили, волокли въ суды, заключали въ темницы, монаховъ и монахинь изгоняли. Такого рода насилія до того вооружили противъ Крупецкаго, что онъ самъ, неподалеку отъ Самбора, подвергся побоямъ и едва спасъ свою жизнь. Изъ среды даже католиковъ, жившихъ въ Самборѣ, раздался голосъ, который рѣзко осуждалъ недостойныя мѣры, какими принуждали тогда русскихъ къ принятію уніи, и настаивалъ, чтобы король взялъ назадъ у Крупецкаго данную ему привиллегію на епископію, и назначилъ православнымъ другаго архипастыря. Но этотъ голосъ не былъ услышанъ, и Крупецкій остался на своемъ мѣстѣ ([308]).

([307]) Донесеніе Суши римской конгрегаціи распространенія вѣры 1664 г. — у *Гарашев.*, Annal. eccles. Ruth. pag. 303. 319. Здѣсь сказано: ne unicum quidem in suo episcopatu unitum invenit.

([308]) *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1611 г., стр. 41; *Голубев.* Матеріалы для ист. западн.-русск. церкви, № 26, въ Труд. Кіев. Ак.

Троки и Минскъ находились въ епархіи самого митрополита, и унія еще прежде проникла въ оба города. Но оставались въ нихъ и православные, которые твердо держались своей вѣры. Въ Трокахъ православнымъ принадлежала церковь пречистенская, и священникомъ въ ней былъ еще съ 1594 года Филиппъ Ивановичъ Лимонтъ, неподдававшійся ни Михаилу Рогозѣ, ни Потѣю, несмотря на всѣ ихъ усилія. Въ 1611 г. 17 сентября, когда священникъ этотъ служилъ вечерню въ своей церкви, въ нее внезапно вторглись съ шумомъ два чернеца виленскаго троицкаго монастыря, присланные намѣстникомъ митрополита Рутскимъ, и начали поносить священника. Когда онъ удалился въ алтарь, они вломились и туда, дергали священника за одежду, разорвали на немъ рясу, прервали службу и хотѣли отнять церковную казну. Люди, находившіеся въ церкви, побѣжали-было вонъ, и только земянинъ Иванъ Бака едва успѣлъ унять дерзкихъ чернецовъ. Но, выходя изъ храма, они грозили священнику рано или поздно схватить его и заключить въ темницу. Священникъ и земянинъ Бака, чрезъ два дня, принесли на это жалобу въ трокскій гродскій судъ. Еще полнѣе проявилась приверженность православныхъ къ своей вѣрѣ и противленіе уніи въ Минскѣ и въ минскомъ воеводствѣ. Въ 1609 г. князь Адамъ Корибутовичъ Вишневецкій и жена его Александра, урожденная Ходкевичъ, основали въ имѣніи своемъ Брагино-сельцѣ (нынѣ рѣчицкаго уѣзда) разомъ два монастыря: мужскій, общежительный, спасскій и женскій благовѣщенскій исключительно для монаховъ и монахинь старожитной греческой

1878, іюнь; *Говорск.* Вѣстн. Юго-Запад. и Зап. Россіи. годъ I, томъ I, іюль, отд. I, № 1; *Haraschew.* Annal. eccl. Ruth. p. 445.

вѣры; отдали оба монастыря, своимъ тестаментомъ, подъ власть и оборону константинопольскаго патріарха, и надѣлили ихъ владѣніями съ тѣмъ, чтобы двѣ трети доходовъ шли на мужской монастырь, а одна на женскій. Въ 1611 г., 23-го ноября, жена маршалка Богдана Стецкевича Евдокія Григорьевна, рожденная княжна Друцкая-Горская, подарила въ самомъ Минскѣ три, лежавшіе вмѣстѣ на Юрьевской улицѣ, плаца со всѣми постройками и огородами на нихъ какому-то игумену Павлу Домживу и его инокамъ, съ тѣмъ—а) чтобы на тѣхъ плацахъ устроенъ былъ монастырь общежительный, по уставу св. Василія великаго, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, и состоялъ вѣчно и неотступно подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха; б) чтобы этотъ монастырь былъ соединенъ съ виленскимъ братскимъ свято-духовскимъ монастыремъ, имѣлъ съ нимъ одинаковое внутреннее устройство и находился всегда въ полномъ подчиненіи настоятелю виленскаго братскаго монастыря, и в) чтобы на первыхъ порахъ новый монастырь отданъ былъ въ управленіе игумену Павлу Домживу, который бы ввелъ въ немъ общежительный порядокъ. Опеку надъ вновь - устроеннымъ монастыремъ жертвовательница поручила: своему сыну Вильгельму Стецкевичу, подкоморію брацлавскому, брату своему князю Ѳедору Друцкому-Горскому и четыремъ своимъ племянникамъ по сестрѣ, а такъ же князю Ивану Огинскому и всѣмъ православнымъ обывателямъ воеводства минскаго, прося ихъ и устроить монастырь, и быть всегда его защитниками и попечителями. По этому поводу, въ слѣдующемъ году, православные дворяне и земскіе врядники воеводства минскаго, равно и другихъ повѣтовъ, собравшись въ минскомъ замкѣ, составили письменный актъ, въ

которомъ свидѣтельствовали, что они, принявъ съ древнихъ временъ, въ лицѣ предковъ своихъ, св. вѣру, крещеніе, пастырей духовныхъ и всѣ церковныя постановленія отъ цареградскаго патріарха, не могутъ нынѣ, по совѣсти, принять унію съ римскимъ папою, но желая оставаться навсегда и неизмѣнно въ своей старожитной вѣрѣ, соорудили въ Минскѣ на своей шляхетской землѣ, своимъ шляхетскимъ правомъ, православную церковь во имя св. ап. Петра и Павла, и при ней заложили монастырь, вмѣстѣ съ школою, и образовали церковное братство съ тѣмъ, чтобы монастырь этотъ находился вѣчно подъ властію и благословеніемъ константинопольскаго патріарха. Актъ подписали пятьдесятъ два лица, въ томъ числѣ князья Богданъ, Иванъ и Александръ Огинскіе, Юрій Скуминъ-Тышкевичъ (племянникъ воеводы новогрудскаго Скумина-Тышкевича), Александръ и Адамъ Тризны, Иванъ, Стефанъ и Мартинъ Рагозы, Богданъ и Иванъ Стецкевичи, Александръ Коссовъ, Андрей Селява. Въ томъ же 1612 г. прихожане минской церкви рождества пресв. Богородицы возстали противъ уніатскаго протопопа Михаила Глинскаго и всего духовенства, отняли у нихъ свою приходскую церковь и отдали ее православнымъ монахамъ виленскаго свято-духова монастыря, привлекли къ себѣ прихожанъ и другихъ церквей, а протопопу и уніатскимъ священникамъ дѣлами угрозы, даже наносили побои. Узнавъ объ этомъ, король прислалъ въ Минскъ войту Терлецкому, бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ грамату (отъ 15 сент.) съ строгимъ приказомъ, чтобы они защитили уніатское духовенство, смирили бунтовщиковъ и впредь не дозволяли имъ подобныхъ дѣйствій подъ опасеніемъ пени въ

пять тысячъ копъ литовскихъ. Но когда возный, вмѣстѣ съ минскимъ протопопомъ и всѣми священниками, принесъ королевскую грамату въ минскій магистратъ и объявилъ ее, то члены магистрата отнеслись къ ней съ явнымъ неуваженіемъ и сказали возному: «и кромѣ этой граматы его королевской милости, у насъ теперь много дѣла». Между тѣмъ православные начали строить для себя въ Минскѣ еще новую церковь (не была ли это церковь св. Петра и Павла въ новооснованномъ монастырѣ?) и король поспѣшилъ прислать въ минскій магистратъ (21 октября) другую свою грамату съ секретаремъ своимъ Іліею Мороховскимъ, служившимъ прежде у Потѣя, приказывалъ остановить и возбранить постройку новой церкви, и грозилъ непокорнымъ штрафомъ въ десять тысячъ злотыхъ. Но бурмистры и радцы сказали Мороховскому: «мы сейчасъ не можемъ дать никакого отвѣта на королевскую грамату, потому что съ нами нѣтъ войта, отлучившагося изъ Минска; а притомъ, и кромѣ церквей, у насъ теперь много дѣла». До такой степени были возбуждены въ Минскѣ противъ уніи и ея патроновъ ([309])!

Литературная полемика православныхъ противъ уніатовъ и латинянъ такъ же не прекращалась. Въ 1603 году, неизвѣстно гдѣ и кѣмъ, написаны «Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ». Этотъ разговоръ изложенъ въ 50-ти гла-

([309]) Собр. грам. Вильны, Ковно.... II, № 57; Вилен. Арх. Сборн. V, № 12; Собр. Минск. граматъ №№ 43. 46. 47. 48. 65. 69. 100; *архим. Николая*— Опис. Минск. епарх. стр. 163. Упомянутый игуменъ Павелъ Доможировъ былъ человѣкъ образованный: въ 1611 и 1618 г. онъ издалъ «Выкладъ вѣры» (*Голубев.* О староп. книг., въ Труд. Кіев. Ак. 1876, I, 360—362), а въ 1622 г. напечаталъ свое «Казанье на память пана Александра Θеодоровича Шептицкаго» (Опис. библіот. *Хлудова*, книги печатн. № 74).

вахъ и касается всѣхъ предметовъ, о которыхъ велись тогда споры между православными и латинянами, какъ то: объ исхожденіи Св. Духа, о главенствѣ папы, объ опрѣснокахъ, о чистилищѣ, о постѣ въ субботу, о новомъ календарѣ, о владыкахъ отступникахъ, принявшихъ унію, и проч. Сочиненіе написано кратко, но довольно отчетливо и основательно, и могло служить для православныхъ хорошимъ пособіемъ въ ихъ спорахъ съ латинянами и уніатами ([310]). Во Львовѣ, вскорѣ послѣ 1605 г., появилось сочиненіе: «Перестрога» (т. е. предостереженіе). Авторъ — львовскій священникъ, лично присутствовавшій на брестскомъ соборѣ 1596 года, подробно, хотя и смѣшанно, безъ хронологической точности и безъ достаточной критики, повѣствуетъ, почему и какъ недостойные владыки западно-русскіе затѣяли унію, какъ подготовляли ее, приняли и вводили насильственными мѣрами, и старается опровергнуть ученіе латинянъ, будто апостолъ Петръ былъ епископомъ въ Римѣ и намѣстникомъ Христовымъ, а папа есть его преемникъ ([311]). Въ Кіевѣ іеродіаконъ печерскаго монастыря Леонтій составилъ въ 1608 году «Сказаніе о ересяхъ», которыя вводятъ уніаты въ восточную церковь, принявъ вѣру папежскую. Подъ ересью онъ разумѣлъ всякое отступленіе, всякое отличіе уніатовъ отъ православной церкви, и насчиталъ такихъ уніатскихъ ересей до 34-хъ. Сначала перечислилъ ихъ кратко, а потомъ изложилъ обширнѣе, убѣждая православныхъ беречься отъ этихъ ересей, а уніатовъ — покаяться ([312]). Не прежде

([310]) Опис. рукописей Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 327. Нынѣ это сочиненіе печатается Археогр. Коммиссіею въ Русск. Историч. Сборникѣ.

([311]) Перестрога напеч. въ А. З. Р. IV, № 149.

([312]) Напечат. въ А. Ю. и З. Р. II, стр. 271—287.

1608 года написаны на Аѳонѣ два небольшія сочиненія, направленныя противъ извѣстной книги іезуита Скарги: о единствѣ церкви. Авторъ одного сочиненія назвалъ себя «Христофоромъ, инокомъ русскимъ, во святѣй аѳонстѣй горѣ странствующимъ»; авторъ другаго—«Ѳеодуломъ, въ святѣй аѳонстѣй горѣ скитствующимъ», хотя, быть можетъ, это имена одного и тогоже автора. Въ обоихъ сочиненіяхъ разсказывается, что «блаженныя памяти» Гедеонъ, епископъ львовскій († 1607), прислалъ бывшему патріарху александрійскому Мелетію названную книгу Скарги, а Мелетій, не зная самъ по-польски, отправилъ ее на Аѳонъ, чтобы тамъ, если признаютъ нужнымъ, дали на нее отповѣдь, только безъ словопреній. Оба сочиненія, хотя написаны на Аѳонѣ, но адресованы къ благочестивымъ и православнымъ христіанамъ малой Россіи. Въ предисловіи къ первому сочиненію авторъ убѣждаетъ православныхъ строго держаться старой вѣры, т. е. православія, и чуждаться новой, какъ онъ называетъ унію; заповѣдуетъ обучать дѣтей въ школѣ «правовѣрной», сперва грамматикѣ греческой или славянской, потомъ часослову, псалтыри, октоиху, далѣе богословію и толкованію книгъ священнаго писанія, но отнюдь не философіи и не діалектикѣ, которыми гордятся латиняне и которыя ведутъ къ ересямъ, и совѣтуетъ составить и напечатать для руководства «Сборникъ» словъ на весь годъ, заимствованныхъ изъ ученія Спасителя, св. апостоловъ и св. отцевъ. А въ самомъ сочиненіи опровергаетъ только два артикула въ книгѣ Скарги: «артикулъ хульный», въ которомъ Скарга порицаетъ грековъ за то, будто они не подали русскому роду своей науки, и «артикулъ самохвальный», гдѣ Скарга превозноситъ римскую церковь за процвѣтающія въ ней школы

и науки. Во второмъ сочиненіи авторъ сначала порицаетъ Скаргу за то, что въ предисловіи къ своей книгѣ онъ сказалъ ложь, якобы богатая Русь скупила экземпляры перваго изданія этой книги и спалила, и за то, что тамъ же убѣждалъ короля насильно обращать русскихъ къ римской вѣрѣ. А потомъ занимается рѣшеніемъ вопроса, какая церковь есть истинная,—для чего перечисляетъ признаки истинной церкви и прилагаетъ ихъ къ церкви восточной, а съ другой стороны показываетъ, что Скарга несправедливо называетъ истинною церковь римскую ([313]). Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ доселѣ разсмотрѣнныя нами сочиненія въ свое время не были напечатаны. Но въ Вильнѣ появились и печатныя сочиненія противъ уніи, на польскомъ языкѣ. Первое—въ 1608 г. подъ заглавіемъ: «Антиграфи или отповѣдь»... Авторъ и издатель назвалъ себя только однимъ изъ братчиковъ виленскаго церковнаго братства старожитной греческой религіи, и опровергаетъ въ своей книгѣ двѣ изданныя тогда Потѣемъ брошюры въ укоръ виленскому свято-духовскому братству и вообще православнымъ ([314]). Другое—въ 1610 г. подъ заглавіемъ: «Ѳриносъ, т. е. плачь единой, каѳолической, апостольской, восточной церкви, съ изъясненіемъ догматовъ вѣры». Эго со-

---

([313]) Оба сочиненія напечатаны у *Голубев.*, Матер. для исторіи западно-русск. церкви, № 18, Труд. Кіев. Акад. 1878 года.

([314]) Обѣ эти брошюры названы въ самомъ заглавіи написанной противъ нихъ книги: Antigrafi albo odpowiedź na script u szczypliwy przeciwko ludziom Starozytnej Religii Greckiej od Apostatow Cerkwie Wschodniej wydany, ktoremu tytul: *Heresiae, ignorantiae i politylca Popow i Mieszczan Bractwa Wilenskiego,* tak i na xażkę rychło potym na objasnienie tegoz scriptu wydana nazwiskiem: *Harmonią, w Wilnie r. 1608*, przez jednego brata bractwa cerkiewnego Wilenskiego Religiej Starożytnej Greckiej w porywczo wydana. Авторомъ *Антиграфи* Петрусевичъ, почему-то, признаетъ Захарію Копыстенскаго (Сводн. Галицко-русск. Лѣтоп., стр. 414).

чиненіе, по достоинству своему, заслуживаетъ того, чтобы о немъ и еще прежде объ авторѣ его сказать нѣсколько подробнѣе. Въ заглавіи книги авторъ назвалъ себя Ѳеофиломъ Ортологомъ, но подлинное его имя было Максимъ (въ монашествѣ Мелетій) Смотрицкій. Онъ былъ сынъ Герасима Даниловича Смотрицкаго, перваго ректора острожскаго училища, основаннаго княземъ К. К. Острожскимъ около 1580 г., и первоначальное воспитаніе получилъ подъ ближайшимъ надзоромъ своего отца и руководствомъ ученаго грека Кирилла Лукариса, впослѣдствіи цареградскаго патріарха: это воспитаніе было, разумѣется, православное. Потомъ, по смерти отца, былъ посланъ въ 1601 г. княземъ Острожскимъ, какъ юноша съ блестящими способностями, въ виленскую іезуитскую академію, и нѣсколько лѣтъ изучалъ въ ней философію и другія высшія науки: здѣсь, конечно, не могъ уберечься отъ сильнаго вліянія своихъ наставниковъ и не познакомиться съ ученіемъ латинства и іезуитизма. Изъ академіи приглашенъ былъ отправиться съ молодымъ княземъ Соломерецкимъ, въ качествѣ его руководителя, за границу для дальнѣйшаго образованія, и нѣсколько лѣтъ слушалъ уроки въ лейпцигскомъ, виртембергскомъ и другихъ университетахъ: тутъ господствовали протестантскія идеи, враждебныя папизму, и не могли не подѣйствовать на воспріимчивый умъ Смотрицкаго. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ идей возвратившись на родину, онъ увидѣлъ здѣсь такое зрѣлище, которое еще болѣе должно было возмутить его душу противъ латинянъ и вмѣстѣ пробудить въ немъ дремавшую любовь къ своей родной вѣрѣ и къ своимъ единовѣрцамъ. Потѣй, всякими неправдами, только-что одолѣлъ своихъ противниковъ въ Вильнѣ, ратовавшихъ за православіе, отнялъ у нихъ церк-

ви и торжествовалъ съ своими клевретами и патронами. Православные, лишенные покровительства законовъ и королевской власти, терпѣли и страдали, въ угнетеніи, уничиженіи и глубокой скорби. Этою-то скорбію, растворенною негодованіемъ противъ враговъ православія, проникся и Смотрицкій, и написалъ свой «Плачь», не отъ своего лица, а отъ лица св. каѳолической восточной церкви. Здѣсь она оплакиваетъ свое бѣдственное положеніе, до котораго довели ее собственныя ея дѣти, измѣнившія ей и принявшія унію съ Римомъ, и, главнымъ образомъ, обращается къ нимъ же, отступникамъ епископамъ, виновникамъ ея бѣдствій и слезъ, особенно къ митрополиту Потѣю. Предъ ними опровергаетъ она, одно за другимъ, подробно и обстоятельно, латинскія заблужденія, ими принятыя, какъ то: о главенствѣ папы, о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, объ опрѣснокахъ, о чистилищѣ, о преподаваніи мірянамъ евхаристіи подъ однимъ видомъ, и вмѣстѣ оправдываетъ и защищаетъ свое ученіе; предъ ними изображаетъ, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, страшную и безобразную картину крайняго упадка вѣры и благочестія въ самой столицѣ папской Римѣ, и, указывая на нее, призываетъ ихъ, въ лицѣ Потѣя, опомниться и покаяться, возвратиться къ своей матери, которая ихъ родила и воспитала, оставить несчастную и зложелательную мачиху и отвергнуть всѣ ея ереси и заблужденія. Это сочиненіе, проникнутое живымъ сочувствіемъ къ православію и непріязнію къ латинству и уніи, наполненное множествомъ свѣдѣній какъ изъ древней церковной литературы, такъ и изъ позднѣйшихъ писателей, латинскихъ и протестантскихъ, запечатлѣнное свѣтлымъ умомъ и тонкою діалектикою и изложенное изящнымъ польскимъ язы-

комъ, произвело большое движеніе не только между православными, но и между ихъ врагами. По свидѣтельству самихъ уніатовъ, никто изъ еретиковъ не порицалъ такъ рѣзко папское сѣдалище, какъ оно порицается здѣсь; каждое слово здѣсь есть жестокая рана, каждая мысль смертельный ядъ (для уніи и папства). А потому не одни схизматики, но и еретики протестанты съ радостію пріобрѣтали и перечитывали эту книгу. Иные берегли ее, какъ сокровище, и завѣщавали своимъ дѣтямъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, а изъ православнаго духовенства нѣкоторые ставили ее наравнѣ съ твореніями св. Іоанна Златоуста и готовы были пролить за нее кровь. Смотрицкій, проживавшій, по возвращеніи изъ-за границы, въ имѣніи князя Соломерецкаго, въ минскомъ воеводствѣ, вдругъ сдѣлался авторитетомъ. Къ нему, какъ къ оракулу, обращались православные въ Минскѣ, который онъ нерѣдко посѣщалъ, просили его наставленій и совѣтовъ въ дѣлахъ вѣры, и по его-то внушенію возстали они противъ уніатскихъ пастырей въ своемъ городѣ, отняли у нихъ церковь и основали еще новую ([315]). Какое впечатлѣніе произвела книга Смотрицкаго, видно изъ того, что самъ знаменитый іезуитъ Скарга поспѣшилъ издать въ томъ же году свое «Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Ѳеофила Ортолога», а чрезъ два года (1612) и ученый уніатъ Илья Мороховскій, королевскій секретарь, напечаталъ въ Вильнѣ свое «Утѣшеніе или утоленіе плача

([315]) *Susza*, Saulus et Paulus, sive Meletius Smotriscius, pag. 1—20, Romae 1666. Самое же сочиненіе Смотрицкаго озаглавлено такъ: Θρῆνος, to iest Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodniej Cerkwie z objasnieniem dogmat wiary, pierwiej z greckiego na Slowienski, a teraz z Slowienskiego na Polski przetłumaczony przez *Theophila Orthologa*, tejże Wschodniej Cerkwie syna w Wilnie r. 1610.

восточной церкви,—Θеофила Ортолога». Оба автора съ ожесточеніемъ нападали на Смотрицкаго, называли его ученикомъ Лютера и Кальвина и старались доказать, вопреки его доказательствамъ, что римская церковь сохраняла всегда и сохраняетъ истинное ученіе вѣры, а напротивъ восточная уклонилась отъ него, какъ только прервала связь и единеніе съ римскою ([316]). Были, однакожъ, и въ сочиненіи Смотрицкаго строки, которыя не могли не понравиться Скаргѣ и Мороховскому, какъ и другимъ латинянамъ: это строки, выражавшія сознаніе въ тѣхъ успѣхахъ, какіе уже одержалъ тогда католицизмъ среди знатнаго русскаго дворянства. «Гдѣ тотъ безцѣнный камень,—спрашивала православная церковь, оплакивая свои потери,—который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей,—гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни тойже короны—роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Сбаражскихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерецкихъ, Головчинскихъ, Крашинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ, которыхъ перечислять пришлось бы долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности,—гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію, Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Ха-

---

([316]). Заглавіе перваго сочиненія: Na treny y Lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nabożenstwa przestroga, r. 1610. Заглавіе втораго. Παρηγορία, albo utolenie uszczypliwego lamentu mniemaney Cerkwie s. wschodniej zmyslonego Theophila Orthologa, Wilno 1612.

лецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?» (str. 15). Не слѣдуетъ, конечно, понимать, будто всѣ эти русскіе дворянскіе роды измѣнили православію уже въ періодъ уніи и въ цѣломъ своемъ составѣ или во всѣхъ своихъ отрасляхъ: нѣкоторые, какъ мы видѣли, приняли протестанство, и затѣмъ католичество, или прямо католичество, еще до уніи, а въ другихъ родахъ (каковы: Скумины, Соломерецкіе, Гулевичи) оставались еще отрасли, которые и теперь держались православія.

Желая воспрепятствовать распространенію «Ѳриноса» Смотрицкаго, враги православныхъ донесли королю, находившемуся тогда подъ Смоленскомъ съ войскомъ, будто въ виленской друкарни свято-духовскаго братства тайно печатаются книги, наполненныя пасквилями и возбуждающія бунтъ противъ власти духовной и гражданской. И Сигизмундъ издалъ повелѣніе (7 мая 1610), чтобы никто не покупалъ и не продавалъ тѣхъ книгъ подъ опасеніемъ штрафа въ пять тысячъ червонныхъ злотыхъ, а виленскому войту и магистрату приказалъ друкарню ту отобрать, книги такъ же отобрать и сжечь, печатниковъ же и авторовъ тѣхъ пасквилей, равно и «корректора ихъ Лотвина Карповича, особенно если онъ не шляхтичъ», посадить на ратушу или въ какую либо тюрьму до дальнѣйшаго распоряженія. Виленскіе бурмистры скоро (13 іюня) отобрали 36 книгъ Ѳриноса,— на что тогда же старосты православнаго виленскаго братства и принесли жалобу въ трибунальный судъ ([317]). Но друкарню

([317]) Акт. Вилен. Комм. VIII, №№ 44. 45; *Голубев*. Матер. для истор. западно-русск. церк., № 25, въ труд. Кіев. Ак. 1878 г.

свою и шрифтъ братство, вѣроятно, успѣло спасти и перенести въ мѣстечко Евье, имѣніе своего братчика и бывшаго старосты князя Богдана Огинскаго (въ 35-ти верстахъ отъ Вильны). По крайней мѣрѣ, здѣсь именно, какъ въ типографіи «виленскаго братства Св. Духа», съ 1611-го года иноки виленскаго общежительнаго монастыря Св. Духа начали печатать свои книги, однѣ «коштомъ и накладомъ» вельможнаго пана Огинскаго, а другія собственнымъ, и втеченіе трехъ лѣтъ (1611—1613) издали: Псалтырь и Новый Завѣтъ (въ одной книгѣ), Часословъ, Діоптру и Анѳологіонъ. Первыя двѣ книги приготовлены къ печати тщаніемъ и трудами Смотрицкаго, по свидѣтельству его древней біографіи, а Псалтырь и Новый Завѣтъ онъ даже будтобы сличалъ предъ изданіемъ съ греческимъ текстомъ ([318]). Обѣ типографіи, открытыя львовскимъ епископомъ Гедеономъ въ Стрятинѣ и Крилосѣ, закрылись послѣ его смерти. За то начала дѣйствовать типографія львовскаго ставропигіальнаго братства при монастырѣ св. Онуфрія, и выпустила: въ 1608 г. - Часословъ и Псалтырь, а въ 1609 г.—Часословъ и бесѣду св. Іоанна Златоустаго о воспитаніи чадъ. Даже въ острожской типографіи, по смерти князя Константина Константиновича, издана въ 1612 г. книга Часословъ «повелѣніемъ» Януша, князя острожскаго, кастеляна краковскаго, который хотя былъ латиняниномъ, но изъ уваженія къ памяти отца еще поддерживалъ его просвѣтительныя заведенія ([319]).

([318]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., №№ 147. 149. 151. 152; *Susza*, Saulus et Paulus, pag. 19. Старостою братства князь Богданъ Огинскій былъ въ 1608 году (А. Ю. и З. Р. II, № 30).

([319]) *Сахаров.*—тамъ же №№ 138—140. 150; *Голубев.* Замѣч. о старопеч. книгахъ, въ труд. Кіев. Акад. 1876, I, 388.

Послѣ главной своей побѣды, одержанной въ 1609 г. надъ православными и отпадшими отъ уніи священниками, Потѣй видимо началъ ослабѣвать въ своей дѣятельности. Уже въ посланіи къ своимъ покровителямъ предъ сеймомъ этого года онъ жаловался на свою старость и на то, что ему немного остается жить, а къ концу тогоже года (19 ноября) написалъ и духовное завѣщаніе. Спустя два года онъ, ссылаясь на свою дряхлость и болѣзни, выпросилъ себѣ у короля (16 ноября) епископа-коадъютора, который, живя въ Вильнѣ, отправлялъ бы всѣ епархіальныя дѣла, вмѣсто митрополита, въ его отсутствіе. Наконецъ, 18-го іюля 1613 г. Потѣй скончался во Владимірѣ волынскомъ на рукахъ сыновей своихъ и Мороховскаго, незадолго предъ тѣмъ принявшаго монашество съ именемъ Іоакима, и погребенъ въ каѳедральномъ владимірскомъ соборѣ (320). Для литовской церковной уніи Потѣй сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлалъ никто изъ его товарищей: безъ него, безъ его усилій и трудовъ, она не утвердилась бы въ краѣ, не пустила бы въ немъ корней и, можетъ быть, на первыхъ же порахъ, мало по малу, прекратилась бы, встрѣтивъ такое всеобщее и единодушное сопротивленіе со стороны православнаго населенія. Всѣ прочіе владыки, принявшіе унію вмѣстѣ съ Рогозою и Потѣемъ и въ началѣ, повидимому, ревновавшіе о ней, скоро какбы ее забыли и перестали для нея существовать; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не заявляли своей заботливости о ней, начиная съ пресловутаго Кирилла Терлецкаго, прежде такъ много

---

(320) Вилен. Арх. Сборн. X, № 7, стр. 229; А. Ю. и З. Р. II, № 43; *Stebelsk.* Chronolog., p. 180.

о ней шумѣвшаго, а лишь проживали спокойно въ своихъ епархіяхъ и пользовались тѣми церковными имѣніями, какія обезпечилъ за ними король. И, сколько извѣстно, самъ Потѣй, сдѣлавшись митрополитомъ, ниразу не обращался къ этимъ своимъ товарищамъ, не приглашалъ ихъ для совѣщаній и для совокупной борьбы за унію: такъ мало онъ ожидалъ отъ подчиненныхъ ему епископовъ ([321]). Онъ предпочелъ безъ нихъ постоять за свою излюбленную унію всѣми своими силами и средствами, и дѣйствительно спасъ ее на первыхъ порахъ и утвердилъ въ литовскомъ краѣ. Спасъ и утвердилъ, вопервыхъ, тѣмъ, что впродолженіе своего почти четырнадцатилѣтняго первосвятительскаго служенія велъ за нее непрерывную войну съ своими противниками неустанно и съ величайшею энергіею, и съумѣлъ, какъ ни дорого то ему обошлось, одолѣть ихъ, восторжествовать надъ ними, а вовторыхъ тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ въ родѣ Рутскаго, Мороховскаго, Кунцевича, которые впослѣдствіи упрочили и продолжили то, чему онъ положилъ начало. Нѣтъ достаточнаго основанія отрицать, что Ипатій Потѣй дѣйствовалъ на своемъ поприщѣ по убѣжденію, особенно въ началѣ, хотя къ тому примѣшались со временемъ и личныя побужденія честолюбія и своекорыстія. Но всѣ эти недостойныя мѣры, какія употреблялъ онъ для своей цѣли, всѣ эти вопіющія неправды, къ какимъ не стыдился прибѣгать постоянно для

([321]) Епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій два раза писалъ свое духовное завѣщаніе: въ 1598 и 1607 г. (Вилен. Арх. Сборн. I, №№ 70. 76). Въ послѣднемъ году онъ, безъ сомнѣнія, и скончался: такъ какъ на его мѣсто былъ тогда посвященъ новый епископъ Малинскій (см. выше примѣч. 121). О другихъ тогдашнихъ уніатскихъ епископахъ любопытенъ отзывъ самого Потѣя (Вилен. Арх. Сборн. VI, № 77, стр. 162—163).

одолѣнія своихъ враговъ, всѣ эти насилія и преслѣдованія, какими онъ старался навязывать православнымъ ненавистную имъ унію, кладутъ на имя Потѣя въ исторіи неизгладимое пятно вѣчнаго позора и безславія.

III.

Преемника себѣ на митрополитской каѳедрѣ Потѣй назначилъ самъ еще при жизни своей, именно своего коадъютора Іосифа Велямина Рутскаго. Православные протестовали. Князь Богданъ Огинскій и старосты виленскаго свято-духовскаго братства, отъ лица всего русскаго православнаго народа, внесли (1613 г.) этотъ протестъ въ трибунальный судъ и требовали, чтобы, по смерти Потѣя, имъ данъ былъ митрополитъ православный, угрожая, что Рутскаго на митрополію они не допустятъ ([322]). Но протестъ остался безъ послѣдствій. Король, вскорѣ послѣ смерти Потѣя, 8 августа 1613 г., пожаловалъ Рутскому свою грамату на митрополію и на всѣ митрополитскія имѣнія, а 16 августа они уже были переданы Рутскому дворяниномъ короля Адамомъ Хрептовичемъ ([323]). Гораздо чувствительнѣе для новаго митрополита было то, что папа долго не присылалъ ему своего утвержденія. Рутскій не зналъ, что ему дѣлать, и обратился съ просьбою къ папскому нунцію въ Польшѣ. Нунцій отвѣчалъ, отъ 14 марта 1614 года, что онъ

([322]) *Stebelski*, Chronolog., 184. Копія протеста князя Богдана Огинскаго и старостъ вилен. свято-духовскаго братства — въ Архивѣ уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ, рукоп. № 48.

([323]) Вилен. Археогр. Сборн. IV, № 48, стр. 83. Выпись акта о передачѣ Рутскому митрополичьихъ имѣній дворяниномъ Хрептовичемъ — въ Архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, № 513.

написалъ объ этомъ въ Римъ, и совѣтовалъ Рутскому не смущаться, обнадеживая, что утвержденіе скоро будетъ прислано. Спустя три мѣсяца, оно дѣйствительно было получено, и 18 іюня Рутскій, въ присутствіи нунція, произнесъ присягу на латинскомъ языкѣ, въ которой клялся быть вѣрнымъ папѣ, чтить его нунція и легата, исполнять правила св. отцевъ, заботиться о ввѣряемой ему церкви и о покорности ея папскому престолу ([324]). Сдѣлавшись преемникомъ Потѣя на митрополитской каѳедрѣ, Рутскій, однакожъ, не наслѣдовалъ ему на каѳедрѣ владимірской епископіи. Незадолго до своей кончины Потѣй написалъ письмо къ королю и просилъ его назначить на эту послѣднюю каѳедру недавно принявшаго монашество Іоакима Мороховскаго. И король, лично знавшій Мороховскаго, какъ своего бывшаго секретаря, охотно далъ ему на то свою грамату; а Рутскій, когда уже утвержденъ былъ папой въ санѣ митрополита, рукоположилъ Мороховскаго, 3 іюля 1614 г., во епископа владимірскаго, выслушавъ предварительно его архіерейскую присягу, въ которой Мороховскій, произнесши символъ вѣры безъ прибавленія—«и отъ Сына», продолжалъ: «къ сему пріимую всѣ святые вселенскіе соборы, а меновите св. вселенскій соборъ флорентійскій...., и паки церковный миръ и соединеніе принятое исповѣдаю соблюдати»... и проч. ([325]). Главное свое вниманіе обратилъ Рутскій на внутреннее состояніе уніатской церкви. Потѣй все время своего архипастырства провелъ въ

([324]) Письмо нунція къ Рутскому—въ Архивѣ уніат. митроп. при Св. Синодѣ, № 766. Присяга Рутскаго, подлинникъ, на вѣрность папѣ —тамъ же № 301.

([325]) *Стебельск.* Żywoty S. S. Ewfrozyny y Parasc., I, въ предварительной статьѣ *объ авторахъ*, гдѣ идетъ рѣчь о Мороховскомъ. Присяга Мороховскаго, подлинникъ—въ Архив. уніат. митроп. при Св. Синодѣ, № 303.

борьбѣ съ православными и преимущественно заботился о томъ, чтобы распространить и утвердить между ними унію. Рутскій, отнюдь не оставляя ни этой борьбы, ни этой заботы, прежде всего занялся тѣмъ, чтобы распространить образованіе въ уніатскомъ духовенствѣ и народѣ, чтобы преобразовать и возвысить уніатское монашество и высшую іерархію и, до нѣкоторой степени, сблизить уніатовъ съ латинянами въ самомъ богослуженіи.

Еще за три слишкомъ мѣсяца до кончины Потѣя, Рутскій, управляя дѣлами митрополіи, представилъ королю, что у русскихъ его подданныхъ нѣтъ школъ, отчего русское духовенство и русскій народъ остаются въ полномъ невѣжествѣ, даже относительно истинъ вѣры, и просилъ, чтобы король дозволилъ обществу русскихъ иноковъ по чину св. Василія великаго, живущихъ въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ и находящихся въ уніи съ римскою церковію, основать школы въ разныхъ мѣстахъ государства. Король, бывшій тогда на сеймѣ въ Варшавѣ, ссылаясь на благопріятные отзывы многихъ своихъ сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, о виленскомъ троицкомъ монастырѣ, и на то, что, какъ самъ онъ видѣлъ при посѣщеніи этого монастыря, братіи въ немъ уже немало и науки въ немъ процвѣтаютъ, дозволилъ обществу его иноковъ. своею граматою отъ 31 марта 1613 г., «на досконалое соединеніе церкви кгрецкое зъ церковью римскою», завести школы въ Новогрудкѣ, Минскѣ и по другимъ мѣстамъ, гдѣ найдутъ удобнѣе, и обучать въ школахъ, по возможности, всѣмъ наукамъ и языкамъ греческому, латинскому, славянскому, польскому и русскому. Эти уніатскія школы получали тѣже самыя права и привиллегіи, какія имѣли уже школы латинскія; осво-

бождались отъ всякаго подчиненія свѣтскимъ властямъ, и отдавались въ полное распоряженіе своихъ учредителей и ихъ духовныхъ начальниковъ. Въ 1615 г. декабря 3-го, Рутскій, послѣ усиленныхъ просьбъ, удостоился получить грамату на учрежденіе уніатскихъ школъ и отъ папы, который предоставилъ имъ тѣже самыя права, какія даны были прежде школамъ іезуитскимъ ([326]). Такимъ образомъ, какъ все католическое образованіе въ краѣ отдано было обществу іезуитовъ, такъ теперь уніатское поручено обществу иноковъ по чину св. Василія; какъ во главѣ всѣхъ католическихъ школъ находилась виленская іезуитская академія, такъ во главѣ уніатскихъ поставлена теперь виленская троицкая семинарія; какъ цѣлію латинскихъ школъ было роспространеніе и утвержденіе католичества, такъ цѣлію уніатскихъ сдѣлалось распространеніе и утвержденіе уніи.

Въ тотъ самый день, когда общество иноковъ виленскаго троицкаго монастыря, по чину св. Василія, получило отъ короля такую важную привиллегію, оно увеличилось и въ своемъ объемѣ: граматою 31-го марта 1613 г. король присоединилъ къ виленскому троицкому монастырю монастырь минскій вознесенскій съ тѣмъ, чтобы послѣдній получалъ себѣ настоятелей отъ перваго, оба монастыря составляли какбы одинъ монастырь подъ высшею властію троицкаго архимандрита и братія того и другаго монастыря считались за одно братство и общество ([327]). Но Рутскій этимъ не удовольствовался: ему хотѣ-

([326]) А. Ю. и З. Р. II, № 45. Грамата папы напечатана у *Гарашев.* Annal. eccles. Ruthen. p. 361. Кромѣ того, 2-го декабря 1615 г., папа постановилъ, чтобы на будущее время принимались въ греческую коллегію въ Римѣ по четыре юноши -уніата. *Theiner,* Veter. Mon. Polon. et Lith., III, № 287, p. 359.

([327]) Собр. Минск. грам., № 49; А. Ю. и З. Р. II, № 44.

лось бо̀льшаго. Всѣ русскіе общежительные монастыри въ литовско-польскихъ владѣніяхъ, еще до уніи, устроялись по одному главному уставу—по уставу св. Василія великаго; но они имѣли такъ же и свои частные уставы и еще болѣе раздѣлялись тѣмъ, что, находясь въ разныхъ епархіяхъ, подчинялись, каждый, только своему настоятелю и своему епархіальному владыкѣ. Въ такомъ видѣ русскіе православные монастыри перешли, мало по малу, и въ руки уніатовъ. Рутскій задумалъ всѣ эти уніатскіе монастыри соединить какбы въ одинъ общій монастырь, вмѣстѣ съ виленскимъ свято-троицкимъ, и изъ всѣхъ уніатскихъ иноковъ образовать одно общество или братство по образцу братства іезуитскаго. Съ этою цѣлію онъ, въ 1617 году, созвалъ въ имѣніе свое Новогродовичи (минской губерніи) на съѣздъ или конгрегацію всѣхъ настоятелей и другихъ представителей уніатскихъ монастырей, и пригласилъ, по сношенію съ іезуитскимъ провинціаломъ, двухъ ученыхъ іезуитовъ въ качествѣ совѣтниковъ и руководителей. Конгрегація имѣла десять засѣданій и постановила: все уніатское монашество въ Литвѣ освобождается изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляетъ одно самостоятельное общество подъ именемъ ордена базиліанскаго, т. е. св. Василія великаго,—почему самъ митрополитъ Рутскій, предсѣдательствовавшій на съѣздѣ, долженъ былъ присягнуть, что онъ не будетъ нарушать права новаго ордена. Генераломъ или начальникомъ ордена состоитъ протоархимандритъ съ четырьмя при немъ совѣтниками. Всѣ они, какъ протоархимандритъ, такъ и совѣтники, избираются изъ среды самаго ордена на общемъ съѣздѣ митрополитомъ, монастырскими настоятелями и послами отъ монастырей, причемъ митрополитъ имѣетъ

два голоса. Протоархимандритъ, съ своими совѣтниками, управляетъ орденомъ, опредѣляетъ монастырскихъ настоятелей и отставляетъ ихъ, объѣзжаетъ всѣ монастыри ордена для непосредственнаго наблюденія за ихъ устройствомъ и поведеніемъ иноковъ, созываетъ базиліанъ на съѣзды и проч. Базиліанскій орденъ (вмѣсто общества иноковъ одного виленскаго троицкаго монастыря) принимаетъ въ свои руки все уніатское образованіе и воспитаніе, церковное и народное, всѣ уніатскія школы. Поэтому съѣздъ утвердилъ оба училища, основанныя уже виленскими иноками въ Новогрудкѣ и Минскѣ; причислилъ три монастыря, существовавшіе въ Овручѣ, со всѣми ихъ имѣніями, къ виленскому троицкому монастырю для поддержанія находившейся въ немъ главной уніатской семинаріи, и строго приказалъ настоятелямъ монастырей усилить образованіе базиліанскихъ клириковъ и воспользоваться 22-мя стипендіями, предоставленными папою уніатскому духовенству по разнымъ алюмнатамъ (семинаріямъ)—въ Римѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ уніатскіе епископы должны быть избираемы только изъ членовъ базиліанскаго ордена, и самъ митрополитъ не въ правѣ назначить себѣ викарнаго, какъ будущаго преемника, безъ согласія базиліанскаго протоархимандрита и его совѣтниковъ. При каждомъ епархіальномъ архіереѣ долженъ находиться одинъ изъ базиліанъ, по назначенію протоархимандрита ([328]). Все это показываетъ, что базиліанскій орденъ основанъ былъ съ цѣлію не только служить своимъ собственнымъ интересамъ, т. е. укрѣпленію и возвы-

([328]) *Игнат. Кульчинск.* Съѣзды Базиліанъ въ западной Руси (въ Вѣстн. западн. Россіи, *Говорск.*, 1870, кн. IV, отд. II, 1—3); *Петров.* Очеркъ исторіи Базиліан. ордена въ бывшей Польшѣ (Труды Кіев. Акад. 1870, II, 428. 438 и дал.); *Rostowski*, Lithuanic. Societ. Iesu Histor. I, 266.

шенію уніатскаго монашества — чрезъ его образованіе и улучшеніе его жизни, но служить вмѣстѣ интересамъ всей уніатской церкви, ея распространенію, укрѣпленію и возвышенію, въ особенности возвышенію ея іерархіи — чрезъ образованіе и воспитаніе приходскаго духовенства и народа и чрезъ замѣщеніе архіерейскихъ каѳедръ достойнѣйшими членами ордена. Это послѣднее средство дѣйствительно могло возвысить уніатскую іерархію: потому что отселѣ архіерейское достоинство дѣлалось доступнымъ только людямъ, получившимъ богословское образованіе и подготовленнымъ къ такому высокому служенію церкви, между тѣмъ какъ прежде король раздавалъ русскія епархіи почти исключительно лицамъ свѣтскимъ, вовсе не соотвѣтствовавшимъ, ни по умственнымъ, ни по нравственнымъ качествамъ, своему новому призванію. Кстати замѣтимъ, что другаго возвышенія, о которомъ мечтали уніатскіе владыки въ самомъ началѣ уніи, они никакъ не могли добиться. Въ 1615 г., генваря 20, Рутскій усильно просилъ членовъ слонимскаго съѣзда походатайствовать на генеральномъ сеймѣ предъ королемъ и всѣми панами радами и послами, чтобы высшее уніатское духовенство засѣдало въ сенатѣ наравнѣ съ римскимъ; но не имѣлъ успѣха. Желая утѣшить Рутскаго и показать ему свое благоволеніе, папа Павелъ V, въ томъ же году, удостоилъ его чести имѣть сѣдалище въ кругу собственныхъ сенаторовъ и сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ ассистентовъ ([329]).

([329]) Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 49. Въ 1615 г., окт. 31, папскій церемоніймейстеръ извѣстилъ Рутскаго, что Павелъ V mandavit eum vocari ad sedendum inter sanctitatis suae assistentes, sicque illum assistentem suum creavit, constituit et deputavit (Рукопис. въ архив. уніат. митроп. при Св. Синодѣ, № 342).

Вскорѣ послѣ вступленія своего на митрополитскую каѳедру, Рутскій, вѣроятно, сдѣлалъ попытку, въ видахъ большаго сближенія уніатовъ съ латинянами, чтобы уніатскіе священники совершали службы и въ костелахъ, а ксендзы въ уніатскихъ церквахъ, и чтобы уніаты крестили своихъ дѣтей и исповѣдывались у ксендзовъ, какъ у своихъ священниковъ. Ибо не безъ причины же 17 октября 1614 г. жители города Ратна, вмѣстѣ съ своими священниками, обратились къ Рутскому съ челобитною, въ которой, называя его своимъ милостивымъ пастыремъ и отцемъ и испрашивая себѣ его благословенія, просили вмѣстѣ, чтобы имъ дозволено было оставаться при всѣхъ стародавнихъ церемоніяхъ и богослуженіи св. восточной церкви, держаться стараго календаря и по нему совершать свои праздники; чтобы уніатскіе священники не отправляли службъ въ костелахъ, а только въ своихъ церквахъ, уніатскихъ дѣтей крестили только свои священники, а не ксендзы, и уніатовъ не заставляли исповѣдываться у ксендзовъ. Въ заключеніе просители присовокупляли: «мы признаемъ и таинства римской церкви за таинства, и имѣемъ католиковъ за нашихъ братій, а не за еретиковъ, но усердно просимъ нашего милостиваго папа и пастыря оставить насъ при нашей стародавней церковности, при нашихъ таинствахъ и обрядахъ» ([330]). Впрочемъ, могло быть, что Рутскій рѣшился было на такую попытку не по доброй своей волѣ, а подъ давленіемъ или латинскихъ прелатовъ и іезуитовъ или даже короля. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ году самъ Рутскій писалъ къ папѣ Павлу V, что попытка эта многихъ соблазняетъ, и, по его

([330]) Акт. Западн. Россіи, VI, № 189.

настоятельнымъ просьбамъ, папа издалъ бреве (10 декабря 1615 г.), которымъ повелѣвалъ: отнюдь не измѣнять и не касаться всѣхъ священныхъ обрядовъ и церемоній, какими пользуются уніаты въ своемъ богослуженіи и при совершеніи таинствъ, если обряды тѣ и церемоніи непротивны истинѣ католической вѣры и общенію съ римскою церковію, какъ и было обѣщано при началѣ уніи папою Климентомъ VIII и еще прежде постановлено на флорентійскомъ соборѣ. Папа дозволилъ только, по просьбѣ Рутскаго, другою своею граматою, данною въ тотъ же день, чтобы, въ случаяхъ нужды, уніатскія высшія духовныя лица получали посвященіе при соучастіи (assistentibus) двухъ или трехъ латинскихъ епископовъ, а латинскія такія же лица—при соучастіи двухъ или трехъ уніатскихъ епископовъ (331).

Главнымъ поприщемъ борьбы между уніатами и православными, и во дни митрополита Рутскаго, былъ городъ Вильна. Здѣсь преимущественно дѣйствовали другъ противъ друга два монастыря: свято-троицкій уніатскій съ своимъ братствомъ и свято-духовскій православный съ своимъ братствомъ. Архимандритомъ троицкаго монастыря оставался самъ Рутскій, хотя находились въ монастырѣ и другіе архимандриты, вѣроятно, въ качествѣ намѣстниковъ митрополита: съ 1614 г. Іоасафъ Кунцевичъ, настоятельствовавшій предъ тѣмъ понемногу въ монастыряхъ бытенскомъ и потомъ въ жировицкомъ, а съ 1617 г. Левъ Кревза (332). Средства троицкаго монастыря постоянно уве-

(331) *Theiner*, Vetera Monum. Polon. et Lith., III, №№ 288. 289, p. 360. 361; *Harasiew*. Annal. eccl. Ruthen., p. 252. 362.

(332) Собр. граматъ Вильны, Ковно.., II, стр. 60; Собр. Минск. грам., стр. 118—119; Виленск. Арх. Сборн. X, стр. 236; *Суша*—въ Житіи Іоасафа Кунцевича, стр. 24—25.

личивались. Кромѣ прежнихъ имѣній, которыя онъ пріобрѣлъ еще до уніи, кромѣ недавно переданныхъ ему плаца и домовъ пятницкой церкви въ Вильнѣ, онъ владѣлъ уже имѣніями пяти другихъ монастырей, къ нему присоединенныхъ: брацлавскаго, минскаго вознесенскаго и трехъ овручскихъ. Теперь Рутскій подарилъ троицкому монастырю (1613 г.) еще свое отцовское имѣніе Руту, находившееся неподалеку отъ Новогрудка; король вновь приказалъ (6 авг. 1614 г.) виленскимъ медовымъ братствамъ отдавать на троицкій монастырь половину ихъ доходовъ, которые всѣ назначилъ было, три года тому назадъ, на возобновленіе погорѣвшихъ въ Вильнѣ русскихъ церквей; а какой-то земскій виленскій писарь Янъ Коленда подарилъ томуже монастырю (20 іюня 1619 г.) свой домъ, который, съ дозволенія Рутскаго, построилъ на плацу бывшей русской церкви Козмы и Даміана ([333]). Казалось, довольно имѣлъ свято-троицкій монастырь; но ему хотѣлось имѣть и то, что принадлежало его сосѣду, хотѣлось отнять у свято-духовскаго монастыря все, чѣмъ онъ владѣлъ, даже самое право на существованіе. Начать это дѣло Рутскій предоставилъ свято-троицкому братству.

Въ 1614 году русскіе радцы виленскаго магистрата Леонъ Мамоничъ (содержатель извѣстной типографіи) и Петръ Коптевичъ и виленскій мѣщанинъ Игнатій Дубовичъ, бывшіе нѣкогда православными, пожаловались королю отъ имени всего уніатскаго троицкаго братства, будтобы называющіе себя цер-

---

([333]) Вилен. Археогр. Сборн. X, стр. 28. 234. 247; Собр. Грам. Вильны... II, № 26. Какъ на плацу козьмо-даміанской церкви, такъ и на плацахъ другихъ виленскихъ бывшихъ православныхъ церквей, уніатскія духовныя власти дозволяли строить домы и другія зданія (Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 85. 118. 119).

ковнымъ братствомъ при новой церкви Св. Духа въ Вильнѣ незаконно присвоили себѣ королевскія граматы, пожалованныя именно троицкому братству: грамату 1589 года (21 іюля), которою король утвердилъ троицкое братство, его уставъ, школу и типографію, и грамату 1592 г. (9 окт.), которою король утвердилъ за тѣмъ же братствомъ его дома и грунты и дозволилъ ему построить на тѣхъ грунтахъ церковь, и будтобы эти своевольные люди, незаконно пользуясь имѣніями и всѣми доходами троицкаго братства, причинили уже ему убытку на сорокъ тысячъ копъ литовскихъ, а изъ типографіи, принадлежащей троицкому братству, выпускали и выпускаютъ книги еретическія, противныя св. восточной церкви и оскорбительныя для государя и государственныхъ чиновъ. Король прислалъ въ Вильну свой мандатъ отъ 18 іюля на имя поповъ новой церкви Св. Духа: Логвина Карповича, Василія Игнатовича и Григорія Дудцы и старшинъ братства тойже церкви повелѣвая имъ лично явиться въ его задворный судъ и представить, если какія имѣютъ, привиллегіи и граматы, такъ же книгу братскаго впису и реэстра братскихъ приходовъ и расходовъ, для удовлетворенія по жалобѣ троицкаго братства ([334]). Трудно предположить, чтобы жаловавшіеся уніаты не знали содержанія тѣхъ королевскихъ граматъ, которыя хотѣли теперь отнять у свято-духовскаго православнаго братства: а если знали, то они дѣйствовали, очевидно, противъ совѣсти и всякой правды. Въ граматѣ 1589 г. король ясно говоритъ, что утверждаетъ при троицкомъ монастырѣ то са-

([334]) Акт. Вилен. Арх. Ком. VIII. № 47. Этотъ *Логвинъ* Карповичъ въ другой граматѣ короля, писанной попольски въ 1610 году, названъ *Лотвинъ* (Lotwin) Карповичемъ, вѣроятно, по ошибкѣ (Акт. Вилен. Комм. VIII, № 45, стр. 95).

мое братство и его уставъ, которое уже благословилъ и утвердилъ своею граматою константинопольскій патріархъ Іеремія, утверждаетъ за этимъ братствомъ ту самую школу и типографію, которыя оно уже имѣло за благословеніемъ тогоже патріарха, и даже позволяетъ этому братству употреблять печать, пожалованную ему патріархомъ. А въ граматѣ 1592 г. выражается, что, утвердивши прежде при троицкомъ монастырѣ церковное братство, его уставъ, школу и типографію, «водлугъ листовъ и благословенства звирхнѣйшаго пастыря въ религіи ихъ, патріарха константинопольскаго отца Іереміи», утверждаетъ теперь за этимъ братствомъ домы и грунты, недавно имъ пріобрѣтенные, и дозволяетъ ему построить на тѣхъ грунтахъ свою церковь, какую угодно ([335]). Несмотря однакожъ на такое непререкаемое свидѣтельство самихъ граматъ, что онѣ пожалованы королемъ вовсе не уніатскому братству, а православному, которое дѣйствительно и существовало прежде при троицкомъ монастырѣ, но потомъ принуждено было удалиться отъ него и устроило свою церковь и монастырь во имя Св. Духа, искъ, начатый уніатскимъ троицкимъ братствомъ противъ свято-духовскаго, крайне огорчилъ членовъ послѣдняго. Они знали по опыту, что это дѣло будетъ стоить имъ многихъ хлопотъ, скорбей и издержекъ, что оно можетъ тянуться очень долго, и, при всей ихъ правотѣ, можетъ окончиться на задворномъ королевскомъ судѣ вовсе не въ ихъ пользу и лишить ихъ всего, чѣмъ владѣетъ ихъ братство. Потому старшины свято-духовскаго братства, виленскіе мѣщане, поименованные въ королевскомъ мандатѣ, тогда же по-

---

([335]) А. З. Р. IV, № 18; Собр. грам. Вильны... II, № 42, стр. 119–124; Вѣстн. Запад. Россіи, годъ IV, кн. VIII, отд. I, № 3.

дали протестацію въ виленскій гродскій судъ на своихъ согражданъ—уніатовъ, Мамонича, Коптевича и Дубовича, возбудившихъ этотъ, совершенно беззаконный, искъ съ цѣлію ввести православныхъ въ убытки и причинить имъ затрудненія и огорченія. Въ слѣдующемъ году свято-духовское братство, жалуясь на притѣсненія со стороны Рутскаго, просило (22 мая) дворянъ, собиравшихся въ Вильнѣ для избранія пословъ на будущій сеймъ, чтобы они походатайствовали предъ королемъ объ отмѣнѣ его мандата и задворнаго процесса по дѣлу о братской типографіи и о братскихъ церковныхъ грунтахъ и прочихъ имѣніяхъ. А въ 1616 году тоже братство само отправило свою подробнѣйшую просьбу на генеральный сеймъ, и вмѣстѣ писало (2 марта) къ виленскому воеводѣ, князю Христофору Радзивилу: «не только вашей милости, нашему милостивому пану, но и всему почти свѣту извѣстно, что мы, впродолженіи двадцати уже лѣтъ, не перестаемъ подавать въ каждый сеймъ и съѣздъ наши слезныя просьбы и жалобы на оскорбленія главнѣйшаго нашего права свободы совѣсти и вѣры бывшими нашими пастырями, теперь отступниками, которые хотятъ принудить насъ такъ же къ отступничеству и лишить насъ всѣхъ правъ и привиллегій, когда либо данныхъ королями нашей православной старожитной вѣрѣ... Хотятъ отнять у насъ самую церковь и монастырь нашъ братскій, на вольныхъ грунтахъ шляхетскихъ построенный и сеймомъ утвержденный; усиливаются отобрать отъ насъ и денежныя наши суммы, на которыя не имѣютъ никакого права. Монахи ксендза Рутскаго и другіе факторы, согласившись съ нѣкоторыми виленскими мѣщанами, отступившими отъ нашей старожитной религіи, мучатъ насъ по-

звами, арестами и открытыми нападеніями»... Въ заключеніе члены братства просили Радзивила, какъ одного изъ могущественныхъ сенаторовъ, защитить на сеймѣ ихъ права и посодѣйствовать, чтобы просьба ихъ могла быть тамъ подана. Но этотъ сеймъ, вѣрно, не сдѣлалъ ничего для свято-духовскаго братства: потому что, спустя два года, члены братства вновь послали такую-же свою просьбу на генеральный сеймъ и вновь умоляли князя Радзивила заступиться за нихъ на сеймѣ, при чемъ увѣдомляли князя, что монахи Рутскаго не только хотятъ отнять у православнаго братства грунты, церковь, школу и монастырь, но усиливаются еще взыскать сто тысячъ злотыхъ съ тѣхъ членовъ братства, которые поименованы въ мандатѣ короля, какъ штрафъ за ихъ неявку на задворный судъ, и уже наложили запрещеніе на имѣнія ихъ, а съ виленскимъ городскимъ судомъ заключили сдѣлку, по которой судъ не принимаетъ отъ православныхъ ни заявленій, ни протестовъ на притѣсненіе отъ уніатовъ. Сеймъ 1618 года, хотя такъ же не разсмотрѣлъ дѣла по жалобамъ православныхъ и рѣшеніе его отложилъ до слѣдующаго сейма, по крайней мѣрѣ, постановилъ, чтобы до того времени православное духовенство и міряне были оставлены въ покоѣ, свободно пользовались своимъ богослуженіемъ, и чтобы ихъ не принуждали къ уніи и не волочили приказными позвами (336).

---

(336) Акт. Вилен. Арх. Комм. VIII, № 48; Вилен. Арх. Сборн. VII, №№ 50. 51. 52; Вѣстн. Западн. Россіи, годъ III, т. I, окт., Отд. I, № 2. На сеймѣ 1618-го года въ статьѣ о религіи греческой постановлено: «такъ какъ, по множеству важныхъ дѣлъ Рѣчи-посполитой, на нынѣшнемъ сеймѣ не пришлось заняться совершеннымъ успокоеніемъ вѣры греческой, то отлагаемъ сіе до имѣющаго вскорѣ быть сейма. А до того времени люди греческой вѣры, духовные и мірскіе, да пребываютъ въ покоѣ при свободномъ и обычномъ своемъ богослуженіи,—за что они не должны быть принуждаемы и

Вражда троицкаго монастыря и уніатовъ въ Вильнѣ къ свято-духовскому монастырю и православнымъ выражалась и другими способами. Церковь Св. Духа уніаты обыкновенно называли наливайковскою, по имени отличавшагося крайнею непріязнію къ унiи и уніатамъ казацкаго гетмана Наливайки, который въ 1597 г. претерпѣлъ мучительную казнь въ Варшавѣ, какъ бунтовщикъ, и для выраженія того, якобы и всѣ, посѣщающіе эту церковь, суть такіе же бунтовщики—наливайки. Почти не проходило дня и ночи, когда бы изъ троицкаго монастыря не бросали камней, не пускали даже стрѣлъ въ свято-духовскій и въ тѣхъ, которые ходили туда для богомолья. Однажды поранили такимъ образомъ и зашибли болѣе двадцати шляхетныхъ дѣтей, обучавшихся въ свято-духовской школѣ: въ другой разъ пробили голову самому настоятелю свято-духова монастыря; въ третій бросали камнями въ двухъ знатныхъ госпожъ, ѣхавшихъ въ церковь Св. Духа на богослуженіе: жену подкоморія троицкаго (князя Огинскаго) и жену подкоморія виленскаго. На всѣ такія обиды тогда же заносились протесты и жалобы въ трибунальскія, земскія и городскія книги. Православныхъ ремесленниковъ исключали изъ разныхъ ремесловыхъ цѣховъ безъ всякой причины, а за то единственно, что они ходили въ церковь Св. Духа и присутствовали тамъ при богослуженіи. Русскаго бурмистра и трехъ райцевъ виленской ратуши за тоже самое велѣли арестовать, подъ предлогомъ будтобы ихъ измѣны, и потребовали къ расправѣ, и двухъ изъ нихъ впродолженіи

волочимы приказными позывами» (*Бантышъ-Каменск.* Историч. Изв. объ Уніи, подъ 1618 годомъ).

нѣсколькихъ недѣль держали въ ратушной тюрьмѣ. Въ Вильнѣ, стараніемъ троицкаго игумена или архимандрита Іоасафа Кунцевича, уже принято было за общее правило: не избирать въ бурмистры и райцы и вообще не допускать на должности въ городскомъ магистратѣ никого изъ русскихъ, кромѣ уніатовъ; равно не принимать въ купеческія братства и ремесловые цѣхи или исключать изъ нихъ тѣхъ русскихъ, которые не представятъ удостовѣренія, что они содержатъ унію. Обѣ эти мѣры, тогда же принятыя и въ Новогрудкѣ, были крайне несправедливы и стѣснительны для православныхъ, и, касаясь самыхъ существенныхъ житейскихъ интересовъ, могли поколебать многихъ городскихъ жителей. Ученая братія троицкаго монастыря и семинаріи писали и издавали противъ православія и православныхъ брошюры, которыя, большею частію, остались намъ извѣстными только по своимъ заглавіямъ, каковы: «Унія», «Разговоръ брестскаго мѣщанина съ виленскимъ братчикомъ», «Воскресшій Наливайко», «Политика, называемая невѣжествомъ», и под. ([337]).

Троицкіе монахи пытались еще въ 1617 г. вызвать свято-духовскихъ на публичный диспутъ, въ полной надеждѣ посрамить ихъ торжественно. Устроить это дѣло взялъ на себя (въ 1617 г.) самъ виленскій бискупъ Евстафій Воловичъ будтобы съ цѣлію примирить напрасно враждующихъ между собою. Онъ успѣлъ склонить къ тому православныхъ, согласившись на ихъ условія, чтобы изъ латинскаго духовенства

([337]) Акт. Вилен. Арх. Комм. VIII, № 47, стр. 99, и № 49; Перечень обидъ братства виленскаго (свято-духовскаго), рукоп. въ Архив. уніат. митр. при св. Синодѣ № 52, напеч., съ русскимъ переводомъ, въ Вѣстн. Западн. Россіи, годъ III, окт., Отд. I, № 2, стр. 60—66; *Гарашев.* Annal. eccl. Ruthen. p. 294. 305; *Суша,* Paulus et Saulus, p. 20.

могли присутствовать на диспутѣ только онъ—бискупъ и съ нимъ двѣ духовныхъ особы, въ качествѣ простыхъ слушателей, а изъ латинскихъ мірянъ лишь тѣ, кого пригласятъ или допустятъ сами православные. Уже назначены были время и мѣсто для диспута. Многія свѣтскія лица изъ православныхъ выразили желаніе присутствовать на немъ; немало и уніатскихъ дворянъ съѣхалось для того въ Вильну. Но внезапно, за три дня до назначеннаго времени, свято-духовскіе иноки прислали сказать бискупу, что они отказываются отъ диспута, такъ какъ нѣтъ такого судіи, который бы могъ безпристрастно рѣшить, на чьей сторонѣ останется побѣда. Уніаты очень огорчились и укоряли православныхъ за отказъ; но нельзя не согласиться, что послѣдніе поступили благоразумно, если вспомнимъ прежніе примѣры происходившихъ въ Вильнѣ публичныхъ диспутовъ, которые обыкновенно, при отсутствіи безпристрастнаго судіи, оканчивались тѣмъ, что обѣ спорившія стороны усвояли себѣ побѣду и еще болѣе возбуждались взаимною непріязнію ([338]). Уніаты, однакожъ, не хотѣли оставить начатаго дѣла неоконченнымъ. Они пригласили на сходку почтенныхъ людей, какъ изъ своихъ единовѣрцевъ, такъ и изъ православныхъ, жившихъ въ Вильнѣ, разложили предъ ними однѣ только славянскія книги, рукописныя и печатныя, и на основаніи этихъ книгъ старались доказать законность уніи. А такъ какъ въ короткое время трудно было

([338]) Православные подали тогда на письмѣ длинный отвѣтъ, съ изложеніемъ *причинъ*, по которымъ признавали невозможнымъ и неудобнымъ вступать въ диспутацію съ уніатами; отвѣтъ этотъ впослѣдствіи напечатанъ православными въ книгѣ: Obrona Verificaciey, str. 107—110, Wiln. 1621. А уніаты вслѣдъ затѣмъ напечатали подробное опроверженіе всѣхъ этихъ *причинъ* или доводовъ въ своей книгѣ: Examen Obrony, str. 33—43, Wiln. 1621.

все внимательно обсудить, и нѣкоторые, по причинѣ громаднаго стеченія народа, не могли всего дослышать, то многія знатныя особы просили, чтобы все, о чемъ говорилось на сходкѣ, было отпечатано во всеобщее свѣдѣніе. И троицкій архимандритъ Левъ Кревза въ томъ же 1617 г. напечаталъ въ Вильнѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Оборона церковной уніи». Содержаніе этой книги кратко опредѣлилъ онъ самъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «охотно исполняя данное нами обѣщаніе, мы печатаемъ въ томъ порядкѣ, какъ говорилось на сходкѣ: а) что наивысшій пастырь нашъ Іисусъ Христосъ оставилъ намъ послѣ себя главнымъ пастыремъ св. Петра, которому подчинялись всѣ, какъ овцы, такъ и пастыри; б) что св. Петру, въ его главномъ пастырствѣ, законно наслѣдовали римскіе папы; в) что наша Русь приняла св. крещеніе въ то время, когда греческая церковь находилась въ единеніи съ римскою церковію, и хотя потомъ греческая церковь оторвалась отъ этого единенія, но Русь мало знала объ этомъ и весьма часто не подчинялась патріархамъ; г) что лѣтъ двѣсти назадъ митрополитъ и русскіе епископы не легкомысленно, а разсудительно возобновили это единеніе временно заглушенное, въ которомъ и теперь ихъ наслѣдники справедливо пребываютъ, противящіеся же этому не суть на пути ко спасенію». Соотвѣтственно этому вся книга Кревзы раздѣлена на четыре части, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ по нѣскольку отдѣловъ ([339]).

Обратимся къ свято-духовскому монастырю и братству, на которыхъ столько нападали. Это братство стояло во главѣ

([339]) Книга Кревзы недавно напечатана вновь въ IV томѣ Русск. исторической Библіотеки, изд. Археограф. Коммиссіею.

всѣхъ православныхъ братствъ и было самое сильное, ревностное и энергическое, какъ свидѣтельствуетъ исторія его борьбы съ Потѣемъ и Рутскимъ. Оно не только отражало всѣ ихъ нападенія, но само вызывало ихъ на судъ, слало свои жалобы, просьбы, пословъ на каждый сеймикъ и сеймъ, къ разнымъ важнымъ лицамъ, и не щадило никакихъ издержекъ, которыя необходимы были при всѣхъ такого рода сношеніяхъ и для успѣха въ тогдашнихъ судебныхъ процессахъ. Оно не только отстояло свои прежніе домы и грунты съ церковію и монастыремъ, но пріобрѣтало еще новые. Одинъ изъ членовъ братства, князь Богданъ Матвѣевичъ Огинскій, въ 1616 г., купилъ въ Вильнѣ два дома, дементіевскій и аѳанасовскій, прилегавшіе къ грунтамъ свято-духовской церкви, и подарилъ эти домы, съ ихъ площадями и прочими строеніями, своему братству на вѣчныя времена. Братство на свои собственныя средства содержало церковь, монастырь, школу и бурсу для бѣдныхъ учениковъ, а въ 1617 г. соорудило новый каменный школьный домъ. Домъ этотъ, какъ писало тогда само братство къ львовскому братству, раздѣленъ былъ на пять училищъ (классовъ): въ трехъ читалась латинская наука иновѣрными нѣмцами, скудости ради своихъ; въ четвертомъ—русская, въ пятомъ—славянская и греческая. Братство желало имѣть во всѣхъ классахъ своихъ православныхъ учителей, старалось отыскивать ихъ и, между прочимъ, обратилось къ львовскому братству съ просьбою, чтобы оно, если знаетъ такихъ мужей, прислало ихъ въ Вильну ради общей пользы. «Въ настоящія тяжкія для насъ времена, говорило виленское братство, всѣ мы единодушно должны заботиться, какъ бы намъ удовлетворить учеными мужами, на первыхъ порахъ,

хоть одно мѣсто, чтобы они, трудясь, какъ сыны, а не какъ наемники, для своей матери-церкви, приготовили намъ искусныхъ iереевъ не только для городовъ, но и для весей» ([340]).

Основателемъ общежитія въ свято-духовомъ монастырѣ, по чину св. Василія великаго, и первымъ архимандритомъ былъ Леонтій Карповичъ ([341]). Онъ былъ сынъ православнаго священника; происходилъ изъ шляхетской фамиліи Карповичей, которые издавна считались обывателями и помѣщиками въ пинскомъ повѣтѣ ([342]). Родился около 1580 года и нареченъ при крещеніи Логгиномъ. Въ первый разъ упоминается въ январѣ 1609 года, но упоминается еще какъ лице свѣтское: въ числѣ пословъ, ѣхавшихъ тогда изъ Вильны отъ православнаго духовенства и міряиъ на варшавскій сеймъ, чтобы противодѣйствовать уніатскому митрополиту Потѣю, находился и «панъ Логгинъ Карповичъ». Во второй разъ упоминается въ маѣ 1610 г., какъ «корректоръ» книгъ, издававшихся бра-

---

([340]) Вѣстн. Западн. Россіи, годъ IV, кн. V, отд. I, № 2; А. З. Р. IV, № 217.

([341]) Въ 1633 г. король Владиславъ въ граматѣ своей виленскому свято-духовскому братству, конечно, со словъ самихъ членовъ братства, между прочимъ, говорялъ: «при церкви Св Духа и монастырь презъ *першого архимандрита* ихъ братского виленского, годные памети отца Леонтія Карповича на общежительное мѣшканіе законниковъ есть заложонъ, который мы государь симъ привилеемъ нашимъ подтверждаемъ.... А обраный згодне отъ нихъ каждый архимандритъ маетъ общежительне з братіею своею жити, заховуючися водлугъ регулы св. Василія великаго и водлугъ порядковъ, *отъ першого архимандрита на письмѣ зоставленныхъ*, справоватися» (Вѣстн. Западн. Россіи, годъ IV, кн. VIII, отд. 1, № 3, стр. 21).

([342]) Такъ свидѣтельствуетъ Мелетій Смотрицкій въ своемъ «Казаньи на честный погребъ.... Леонтія Карповича». Вильн. 1620. Экземпляръ этого надгробнаго слова, едвали нынѣ не единственный, сохранившійся въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, за № 129, находился у насъ подъ руками; по страницамъ не помѣченъ. Въ 1591 году упоминается пинскій протопопъ Ѳедоръ Михайловичъ Карповичъ (А. Ю. и Р. I, № 40). Не онъ ли былъ отцемъ Леонтія Карповича?

тіями виленскаго свято-духовскаго монастыря: теперь, вѣроятно, онъ уже состоялъ въ числѣ этихъ братій, и вводилъ между ними общежитіе — такъ какъ въ 1611 году виленскій свято-духовскій монастырь былъ уже несомнѣнно общежительнымъ. Въ маѣ 1610 года, король, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, по доносу враговъ православія, будто въ свято-духовской типографіи печатаются пасквили противъ правительства, приказалъ типографію закрыть, книги въ ней сжечь, а корректора Логгина Карповича, особенно если онъ не шляхтичъ, посадить на ратушу или въ тюрьму впредь до распоряженія. Дворяне пинскаго повѣта представили королю свидѣтельство, что Карповичъ, по своему происхожденію, дѣйствительно, шляхтичъ ихъ повѣта; но свидѣтельство не помогло. Карповичъ былъ взятъ въ темницу и заключенъ въ оковы, — а ему было тогда около тридцати лѣтъ, и отъ природы онъ былъ слабаго сложенія. Его волочили по разнымъ судамъ, переводили изъ одной темницы въ другую, и онъ вездѣ непоколебимо отстаивалъ права православія и православныхъ въ Литвѣ. Два года продолжались эти неповинныя страданія; на тѣлѣ Карповича отъ тяжкихъ оковъ образовались язвы, слѣды которыхъ замѣтны были даже послѣ его смерти. Когда, наконецъ, онъ былъ отпущенъ и воротился къ своимъ, то воротился окруженный славою доблестнаго исповѣдника и мученика за вѣру. Въ іюлѣ 1614 года онъ снова упомянутъ въ королевскомъ мандатѣ, данномъ свято-духовскому братству, но только какъ первый изъ трехъ поповъ церкви Св. Духа, и все еще подъ именемъ Логгина Карповича ([343]). Впрочемъ,

---

([343]) А. З. Р. IV, № 179; Акт. Вилен. Коммис. VIII. №№ 45. 47. Прочеевъ надгробнаго слова Смотрицкаго Леонтію Карповичу.

попомъ церкви онъ могъ быть названъ, будучи уже іеромонахомъ (попомъ чернымъ), даже игуменомъ и архимандритомъ. Относительно же имени Логгина очень вѣроятно, что уніаты и король въ своихъ граматахъ продолжали называть Карповича его мірскимъ именемъ и въ то время, когда онъ былъ уже монахомъ Леонтіемъ и архимандритомъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи они называли Мелетія Смотрицкаго его мірскимъ именемъ Максима Герасимовича, когда онъ былъ не только архимандритомъ виленскаго свято-духова монастыря, преемникомъ Карповича, но и архіепископомъ. Это потому, что они не хотѣли признавать въ Вильнѣ никакого православнаго архимандрита, тѣмъ болѣе архіерея, и настаивали, что въ Вильнѣ можетъ быть одинъ только законный архимандритъ—троицкій, т. е. уніатскій ([344]). Какъ бы однакожъ ни было, но въ 1615 году Леонтій Карповичъ былъ уже несомнѣнно архимандритомъ. Въ этомъ году напечатаны два его «казанья», одно на преображеніе Господне, другое на успеніе пресвятыя Богородицы, которыя произнесъ онъ въ церкви сошествія Св. Духа, какъ «архимандритъ монастыря общежительнаго братского виленского». Обѣ проповѣди теперь напечатаны вновь, притомъ съ русскимъ переводомъ, и сдѣлались общедоступными.

Въ первой проповѣди, по поводу словъ св. апостола Петра, сказанныхъ во время преображенія Господня на Ѳаворѣ, о трехъ сѣняхъ, авторъ разсуждаетъ о трояномъ состояніи рода человѣческаго: состояніи подзаконномъ, состояніи благодати и состояніи славы, когда Господь преобразитъ самое тѣло смиренія нашего (Фил. 3, 3); раскрываетъ, что этого славнаго преображенія удостоятся только тѣ, кото-

([344]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 144, стр. 357, и др.

рые еще здѣсь, на землѣ, преобразятся своими душами, и объясняетъ, въ чемъ состоитъ троякое преображеніе души. Во второй проповѣди авторъ старается подробно изобразить чрезвычайную славу и чрезвычайныя совершенства, или преимущества пресв. Дѣвы Богородицы. Обѣ проповѣди весьма обширны. Въ авторѣ видѣнъ не простой начетчикъ, какіе прежде являлись у насъ нерѣдко, но человѣкъ съ научнымъ образованіемъ, и не только знатокъ священнаго писанія и св. отцевъ, но довольно развитый мыслитель и довольно искусный ораторъ, знакомый съ ораторскими пріемами. Мы не можемъ удержаться, чтобы не представить нѣсколько отрывковъ изъ каждой его проповѣди.

Въ первой, напримѣръ, онъ говоритъ: «Во всѣхъ догматахъ вѣры и въ каждомъ отдѣльно она (православная церковь) не отступаетъ ни на малѣйшую черту отъ словъ и ученія Христа Спасителя своего и отъ преданія свидѣтелей и самовидцевъ Его—апостоловъ, въ цѣлости и неповрежденности сохраненныхъ истинными ихъ преемниками, утвержденныхъ канонами св. вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ и запечатлѣнныхъ кровію мучениковъ. И въ тайнахъ, неподлежащихъ слову и разумѣнію человѣческому, она не изслѣдуетъ хитросплетенными разсужденіями, она вѣруетъ, но не испытуетъ Непостижимаго, вѣруетъ, но не измѣряетъ Неизмѣримаго. Вѣруетъ, что превѣчный Сынъ и превѣчный Духъ—оба суть отъ превѣчнаго и единосущнаго Отца,—Сынъ превѣчнымъ рожденіемъ, а Духъ превѣчнымъ исхожденіемъ, а дознавать и изслѣдовать то, какимъ образомъ (сіе бываетъ),—она не позволяетъ. Она вѣруетъ, что сей же единородный Сынъ, рожденный безъ матери отъ превѣчнаго Отца, напо-

слѣдокъ времени родился отъ Святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи,—по какимъ образомъ? — не испытуетъ. Она вѣруетъ, что подъ видомъ хлѣба вѣрнымъ преподается истинное тѣло Его, а подъ видомъ вина истинная кровь Его,—а какимъ образомъ? она не доискивается, но говоритъ со св. Іоанномъ Златоустомъ: «если вѣрую, то просвѣщаюся душею; а если искушаю, то помрачаюся помыслами; если вѣрую истинно, то возвышаюся на небо; если же ищу съ искушеніемъ, то нисхожу въ бездну». Короче сказать, (св. церковь) пріявъ ризу, истканную отъ вышняго Богословія, и однажды возложивъ ее на себя, никогда (ее) не слагала, и не только не запятнала (ее) никакою ересію, но и не обезобразила никакою пестротою нововведеній и вымысловъ человѣческихъ, и, нося ее на себѣ съ достодолжнымъ почитаніемъ, въ ней же исходитъ и въ срѣтеніе Жениха своего, паки грядущаго въ міръ сей съ силою и славою многою». Далѣе: «какъ вода, нагрѣваемая огнемъ, забывъ свою природу, тяготѣющую къ землѣ, быстро подъемлется горѣ: такъ и человѣкъ, надѣленный благодатію и даромъ пресвятаго и животворящаго Духа, возносится надъ слабостію своей безсильной природы и взываетъ: вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ (Фил. 4, 13)». Еще далѣе: «если въ то время, когда Христосъ Спаситель нашъ только малую зарю Божества Своего, какъ воспѣваетъ церковь Божія, обнажилъ, и малый лучъ присносущной славы своей показалъ своимъ ученикамъ, они исполнились столь великихъ и предивныхъ, превосходящихъ умъ и сердце утѣшеній и радостей, то что же будетъ тогда, когда Онъ откроетъ не зарю нѣкую, но самую славу Божества Своего, и когда уже не чрезъ какую либо завѣсу или

прикрытіе, но даруетъ намъ ясно и самымъ дѣломъ созерцать ее, когда, говорю, узримъ Его, по слову возлюбленнаго ученика Христова, якоже есть (1 Іоан. 3, 2). Сіе-то явленіе премірной славы и видѣніе пресвятаго лица Его одно только и можетъ насытить человѣческую душу и успокоить духъ и сердце наше, согласно пророческому слову: насыщуся, внегда явитимися славѣ Твоей (Пс. 16, 15). Ибо тамъ человѣкъ, уже достигнувъ конца и предѣла своего блаженства, не восхощетъ идти далѣе, но, опочивъ въ высочайшемъ благѣ, которое заключаетъ въ себѣ совершенство всѣхъ иныхъ благъ, будетъ во вѣки утѣшаться и наслаждаться имъ, воспѣвая пѣснь: обрѣтохъ, егоже возлюби душа моя, удержахъ его и не оставихъ его (П. Пѣсн. 3, 4). И если (апостолы), узрѣвъ однихъ только Моѵсея и Илію, во славѣ и свѣтлости, при всемогущемъ Царѣ славы, столь много утѣшились въ вожделѣнномъ обществѣ и сопребываніи, что не желали никогда разлучаться съ ними, то что же будетъ, когда не одни только Моѵсей и Илія, но безчисленные легіоны и воинства безплотныхъ служителей невещественной славы, то есть, Ангеловъ и Архангеловъ, Началъ, Силъ, Престоловъ, Властей, Херувимовъ и Серафимовъ и иныхъ св. угодниковъ Божіихъ лики; когда, говорю, прехвальный соборъ апостольскій, хвалебный хоръ пророческій, побѣдоносный полкъ мученическій, вѣнценосный легіонъ дѣвственниковъ, знаменосное воинство исповѣдниковъ, пламенно-крыльный ликъ пустынниковъ; когда, наконецъ, все премногое множество блаженныхъ гражданъ вышняго Іерусалима, пришедшихъ отъ скорби многія къ веселію, отъ трудовъ къ опочиванію, и измывшихъ ризы своя въ крови

Агнца, за міръ закланнаго (Апок. 7, 14), станутъ въ величайшей и предивной свѣтлости и красотѣ, острану превѣчнаго Царя славы; когда, согласно его Божественному слову: просвѣтятся, яко солнце (Мѳ. 13, 43); и когда будутъ имѣть съ Нимъ собесѣдованіе уже не о крестѣ и позорной смерти, которую имѣлъ претерпѣть въ земномъ Іерусалимѣ, но будутъ непрестанно воспѣвать въ небесномъ Сіонѣ всерадостную пѣснь: Благословеніе и слава и премудрость, и хвала, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ аминь (Ап. 7. 12)». И еще далѣе: «о граде предивный, о граде преславный! Лучше есть единъ день пребыванія въ тебѣ (Пс. 83, 11). нежели тысяща лѣтъ плаванія по сему непостоянному и бурному морю! О граде великаго Царя (Мѳ. 5, 35). Іерусалиме небесный, мати всѣхъ насъ (Гал. 4, 26)! О отечество наше возлюбленное и вожделѣнное (2 Кор. 5, 2)! О домъ утѣшенія, мѣсто непрестающаго покоя, гнѣздо вѣчнопребывающихъ наслажденій, земля истинной свободы (Гал. 4, 26), сокровище неизмѣннаго блаженства! Блаженны тѣ, которые возлюбили тебя (Тов. 13, 14), которые о тебѣ всегда помышляютъ, о тебѣ говорятъ (Пс. 83, 5), къ тебѣ возводятъ очи и сердце изъ сей юдоли плача; о тебѣ всегда сѣтуютъ въ сихъ узахъ (Пс. 141, 8; 2 Кор. 5, 4); къ тебѣ всегда уготовляютъ себя въ семъ изгнаніи и плѣненіи; къ тебѣ всегда преселяются изъ сего странствія (Пс. 38, 13); къ тебѣ предсылаютъ всѣ свои блага (Лук. 12, 33); въ тебѣ созидаютъ себѣ домъ чрезъ добродѣтели, и устрояютъ жилище чрезъ труды; къ тебѣ шествуютъ тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ (Мѳ. 7, 14), неся на раменахъ великое бремя креста

(16, 24); о тебѣ воздыхаютъ съ плачемъ и слезами (2 Кор. 5, 2; Рим. 8, 23); тебя привѣтствуютъ издалече, какъ свой отчій домъ (Евр. 11, 13)! И опять скажу, блаженны тѣ, которые возносятся къ тебѣ высокопарящими крылами безмолвія и Богомыслія отъ земныхъ юдолей; тѣ, которые чистымъ взоромъ очищеннаго ока сердечнаго проникаютъ въ красоту и благолѣпіе твое, которые ощущаютъ сладость твоего наслажденія и благоуханную воню твоихъ ароматовъ (П. Пѣсн. 1, 2)»!

Въ приступѣ ко второй своей проповѣди Леонтій Карповичъ говоритъ: «гласъ радости и гласъ спасенія! (Пс. 117, 15). Узнаемъ твой голосъ, матерь наша церковь! Отъ радости приводишь насъ къ радости, отъ веселія призываешь къ веселію, отъ славы ведешь въ славу, дабы созерцать ее. Въ недавнее время, показала ты намъ славу небеснаго Царя, показанную на Ѳаворской горѣ предъ Его добровольнымъ позорной страсти претерпѣніемъ; показала лучъ свѣтлости будущаго вѣка передъ захожденіемъ во адъ праведнаго солнца; показала будущую красоту тѣлесъ святыхъ передъ поруганіемъ и оплеваніемъ ихъ Главы. Теперь опять показываешь славу тогоже всемогущаго Царя славы,—славу, которою Онъ, послѣ прославленія и обоженія пречистой плоти своей, паки прославился на горѣ одушевленной, на горѣ пріосѣненной Духомъ (Авв. 3, 3), на горѣ, въ которой Самъ благоволилъ жить (Пс. 67, 16). Ибо ежели Онъ прославляется во святыхъ (Іоан. 17; Пс. 88, 8), то какъ же не будетъ прославленъ въ Той, которая есть Святая Святыхъ? Ежели, говорю, Онъ славится въ тѣхъ, которые украшены Его славою, по мѣрѣ даннаго имъ дара, то какъ не прославится въ Той, которая, по преизбыточеству исполненія благодати, славою Его

преукрашена?» Въ самой проповѣди встрѣчаются такія мѣста: «во многихъ и различныхъ образахъ ветхаго завѣта Она (Матерь Божія) прообразована. Купина, показанная Моусею на горѣ Синайской, огнемъ горящая и несгораемая (Исх. 3, 2), прообразовала мысленную купину, вселившись въ которую огнь Божества не опалилъ Ее, а только просвѣтилъ. Море, по которому Израиль шествовалъ немокренно и сухими ногами (Исх. 14, 29), но которое какъ до прехожденія Израиля было, такъ и по прехожденіи осталось непроходимымъ, прообразовало безсѣменное рождество Бога Слова и пренепорочную, какъ прежде рождества, такъ и по рождествѣ, чистоту дѣвства Богоматери. Жезлъ или посохъ Аарона, чудесно процвѣтшій (Числ. 17, 8), прообразовалъ тотъ мысленный жезлъ изъ корене Іессеева (Исаіи 11, 1), изъ котораго процвѣлъ пречуднымъ и непостижимымъ рождествомъ цвѣтъ—Христосъ Спаситель нашъ. Скинія свидѣнія или куща Моусеева, устроенная имъ по образу, показанному ему на горѣ (Евр. 8, 5; Исх. 25, 40), прообразовала ту мысленную скинію, въ которую вселилось и пребывало съ нами во плоти Слово превѣчное и безплотное. Кивотъ или ковчегъ завѣта, сдѣланный изъ негніющаго кедроваго дерева (Исх. 25, 10), прообразовалъ тотъ мысленный кивотъ, пречистая плоть котораго не увидѣла тлѣнія. Трапеза, съ хлѣбами предложенія на ней (Исх. 25, 23), прообразовала ту мысленную трапезу, которая носила въ себѣ хлѣбъ животный, сшедый съ небесе (Іоан. 6, 51). Ковчегъ, внутри и снаружи позлащенный (Исх. 25, 11), прообразовалъ тотъ мысленный ковчегъ, который и внутри и совнѣ позолотила Благодать духовная. Стамна златая, имущая манну (Евр. 9, 4; Исх. 16, 33), прообразовала ту мысленную

Стамну, въ которой лежала не (пустынная) манна, питаясь коею евреи все же умирали, но Манна истинная, содержащая въ себѣ сладость всякой ангельской пищи, Манна, отъ которой аще кто снѣсть, не умретъ во вѣки (Іоан. 6, 50). Кадильница златая (Исх. 30, 1) прообразовала ту мысленную кадильницу, которая, будучи устроена изъ чистаго, неподдѣльнаго злата—чистой и нелицемѣрной любви, весь міръ наполнила благоуханною вонею духовныхъ ароматъ. Скрижали завѣта (Второзак. 10, 1) прообразовали ту мысленную Скрижаль, на которой перстомъ Отчимъ написалось превѣчное и соприсносущное Ему Слово. Храмъ Соломоновъ (3 Ц. 6, 2) прообразовалъ тотъ одушевленный храмъ, который создалъ Себѣ для желаннаго и сладостнаго упокоенія мысленный Соломонъ, то есть Царь истиннаго міра. Святая Святыхъ, доступная только одному архіерею (и притомъ) только однажды въ годъ (Евр. 9, 7), прообразовала ту мысленную святыню, въ которую вошелъ одинъ (только) небесный, никогда неумирающій Архіерей по чину Мельхиседекову. Заключенныя врата Іезекіилевы (Іезек. 44, 2) прообразовали ту мысленную Дверь, которою никто другой не входилъ, кромѣ всемогущаго Князя, Иже упасе люди Своя, новаго Израиля (Мих. 5, 4). Высочайшая лѣствица, показанная во снѣ патріарху Іакову (Быт. 28, 12), прообразовала ту мысленную Лѣствицу, которая униженную грѣхомъ природу нашу возвысила отъ земли на небо. Руно Гедеоново (Судей 6), во время всемірной засухи омоченное росою, прообразовало то одушевленное Руно, на которое тихимъ и невѣдомымъ образомъ сошла съ неба Роса (Пс. 71, 6) въ то время, когда вся земля была суха, безплодна и подвержена вѣчному проклятію. Гора (упоминаемая) въ пророче-

ствѣ Данiила, и показанная во снѣ Навуходоносору, отъ которой отторгшійся безъ (помощи) рукъ камень сокрушилъ великаго истукана (Дан. 2, 34), прообразовала ту мысленную Гору, отъ которой безъ руки мужской отторгшійся камень краеугольный, камень живый, въ Сіонѣ положенный (Мѳ.21, 42; Исаія 28, 16; 1 Петр. 2, 6), Христосъ Спаситель нашъ изгладилъ лесть идольскую, разрушилъ царство князя тьмы и основалъ свое вѣчное и непремѣнное царство (Дан. 2, 44)... Справедливо и весьма справедливо Церковь Божія именуетъ Тебя, одушевленную церковь, «честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ». Того, кому они предстоятъ со страхомъ и трепетомъ (3 Ездр. 8, 21), Ты восприяла въ пречистую свою утробу. Того, на кого они зрѣти не смѣя, закрываютъ лица крылами (Исаіи 6, 2), Ты носила на пречистыхъ твоихъ раменахъ. Ты повивала пеленами Одѣвающагося свѣтомъ яко ризою (Пс. 103, 2). Ты питала млекомъ Отверзающаго руку свою и Исполняющаго всякое животное благоволеніемъ (Пс. 144, 16). О, поистинѣ, преславная глаголашася о Тебѣ, Граде Божій (Пс. 86, 3), если Ты стяжалъ столь преславное имя»... «Не безъ причины нѣкоторые изъ славныхъ церковныхъ учителей называютъ Ее величайшимъ и первѣйшимъ чудомъ въ мірѣ; а св. Іоаннъ въ Откровеніи — великимъ знаменіемъ, явившимся на небеси (Апок. 12, 1). Нѣтъ въ Ней ничего такого, что не было бы дивно и славно, какъ о томъ церковь говоритъ сей одушевленной Церкви: «вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства»... Дивно было Ея зачатіе, дивно рождество, дивна и превыше человѣческаго естества святость всей Ея жизни; и дивно и паче ума и сло-

ва въ Ея дѣвственной чистотѣ матернее плодоношеніе; дивно также и превыше обычнаго закона природы Ея преславное и всечестное успеніе, и столь дивно, что не только люди, но и безплотныхъ воинства должны были удивляться ему, какъ о семъ Церковь Божія воспѣваетъ, говоря: ангели успеніе Пречистыя видѣвше удивишася ([345])».

Въ 1619 г. Леонтій Карповичъ произнесъ надгробное слово при отпѣваніи князя Василія Васильевича Голицына, который вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ нѣсколько лѣтъ томился въ плѣну у поляковъ и, будучи наконецъ отпущенъ ими, скончался въ Гроднѣ, на пути въ отечество, и погребенъ былъ на время въ свято-духовомъ монастырѣ. Слово въ томъ же году было напечатано на литовско-русскомъ и польскомъ языкахъ. Но кромѣ трехъ словъ, сохранившихся въ печати, Карповичъ произнесъ много и другихъ словъ: онъ вообще проповѣдывалъ въ свято-духовскомъ монастырѣ весьма часто, съ великою ревностію и большою славою. Его приходили слушать не одни православные, но даже иновѣрцы, и православные считали его по краснорѣчію подобнымъ Златоусту. Извѣстенъ еще изъ литературныхъ трудовъ Карповича переводъ толкованія св. Іоанна Златоустаго на молитву: «Отче нашъ», напечатанный въ 1620 году. Для своего свято-духовскаго монастыря Леонтій составилъ уставъ, вѣроятно, тотъ самый, который подъ заглавіемъ: «Киновіонъ или изображеніе евангельскаго иноческого общого житія, отъ св. отецъ вкратцѣ собранно», и напечатанъ иноками того

([345]) Оба «Казанья» Леонтія Карповича напечатаны въ Чтен. М. Истор. Общ. 1878, кн. 1. Приведенныя нами мѣста—на стр. 45. 54. 56. 58. 59. 60. 64. 74. 77. 88.

монастыря «на Евю, в друкарни братской виленской, року 1618» (ясное свидѣтельство, что существовавшая въ Евю типографія принадлежала виленскому свято-духовскому братству) ([346]).

Такой настоятель и духовный вождь не могъ не оказывать благотворнаго вліянія и на подвѣдомыхъ ему иноковъ. Особенно драгоцѣнны были труды ихъ по изданію книгъ, которыя они печатали разомъ въ двухъ своихъ типографіяхъ: находившейся въ Евю и братской виленской. Въ Евю они напечатали 1616 г. «Евангеліе учительное» или собраніе поученій на весь годъ—константинопольскаго патріарха Каллиста, которое они теперь, какъ сами объясняютъ въ предисловіи, вновь переложили съ греческаго и славянскаго языка на русскій простой или простонародный, въ виду того, что славянскій переводъ этой книги, неразъ уже напечатанной, сдѣлался для многихъ совсѣмъ непонятнымъ, особенно въ простонародьи. Въ Вильнѣ, въ братской типографіи, которая, значитъ, была уже возстановлена, тѣже иноки напечатали: около 1615 года Молитвословъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, молитвы св. Кирилла Туровскаго; въ 1617 г. Служебникъ, въ 1618 г. Требникъ, въ 1620 г. Вертоградъ душевный свято-

---

([346]) *Соловьев.* Истор. Россія, IX, 156. 492; Надгробное слово Карповичу Смотрицкаго; Mnemosyne slawy...—панегирикъ, поднесенный студентами Кіево-братскаго училища митрополиту Петру Могилѣ въ 1633 году, предисловіе; *Сахаров.* Обозр. Сл.-русск. библіогр., №№ 174. 187. Извѣстное сочиненіе іеродіакона кіево-печерскаго монастыря Леонтія, написанное въ 1608 году и напечатанное въ А. Ю. и З. Р. II, стр. 271—287, несправедливо приписывается Леонтію Карповичу: и въ началѣ 1609 г. онъ еще не былъ не только іеродіакономъ, но даже монахомъ, какъ мы видѣли.

горца Фикарды, съ предисловіемъ отъ имени Леонтія Карповича ([347]).

Самымъ замѣчательнымъ изъ иноковъ свято-духова монастыря, во дни Леонтія Карповича, былъ Мелетій Смотрицкій. Послѣ своего знаменитаго «Плача восточной церкви», напечатаннаго въ виленской братской типографіи, онъ еще нѣсколько лѣтъ оставался свѣтскимъ, и, проживая преимущественно у князя Соломерецкаго, написалъ опроверженія на всѣ тогдашнія уніатскія брошюры противъ православія, каковы: «Унія» и прочія, исчисленныя нами прежде, хотя и не издалъ этихъ опроверженій. Мороховскій своею извѣстною книгою: «Утѣшеніе»... будтобы произвелъ на Мелетія сильное впечатлѣніе, и онъ, подъ этимъ впечатлѣніемъ, сочинилъ тогда же двѣ статьи: «Палинодія» и «объ исхожденіи Св. Духа», въ которыхъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки уніатамъ. Первую статью онъ представилъ на разсмотрѣніе острожскому братству и дерманскимъ инокамъ; но они сначала подвергли ее собственному его суду, а потомъ, съ его согласія, сожгли. Вторую статью онъ представилъ Леонтію Карповичу, когда прибылъ въ Вильну съ намѣреніемъ поступить въ свято-духовскій монастырь; но и эта статья произвела большое смущеніе между православными иноками и осталась неизданною ([348]). Въ какомъ году Смотрицкій поступилъ въ монастырь, неизвѣстно. Самъ онъ разсказываетъ о себѣ, что почти съ дѣтства имѣлъ склонность къ монашеству, но желалъ не прежде сдѣлаться инокомъ, какъ ознакомившись хорошо съ

([347]) *Сахаров.* Обозр. Сл.-русск. библ., №№ 162. 166. 171. 186; *Ундольск.* Хронолог. указат. слав.-русск. книгъ, № 201; *Строев.* Опис. старопеч. кн. гр. Толстова, стр. 132—134.

([348]) *Суша,* Saulus et Paulus..., p. 18—20.

обѣими сторонами своей рознящейся по вѣрѣ братіи (т. е. православною и уніатскою), и когда уже рѣшился, то пріѣхалъ въ свято-духовъ монастырь и поступилъ въ него сначала свѣтскимъ, не принимая постриженія, чтобы испытать себя и присмотрѣться къ монастырской жизни. Въ это время, съ позволенія старшаго, онъ—Смотрицкій, вошелъ въ сношенія съ троицкими монахами, которые приходили къ нему въ монастырь и часто вели здѣсь бесѣду не только съ нимъ, но и съ самимъ настоятелемъ Леонтіемъ. И Смотрицкій ходилъ къ нимъ: два раза видѣлся съ Рутскимъ, три раза съ Кунцевичемъ и Кревзою; но ходилъ не за тѣмъ, чтобы принять унію, а бесѣдовалъ съ ними о томъ, что изъ уніи цѣлыми домами переходятъ въ латинство, что уніатскія церкви по городамъ превращаютъ въ костелы, что строятъ латинскія школы тамъ, гдѣ бы стоять уніатскимъ, что переходить въ латинство всѣмъ русскимъ дозволено, а изъ римской вѣры въ русскую запрещено, и т. под. ([349]). Уніатскіе писатели, напротивъ, говорятъ, что Смотрицкій ходилъ тогда въ троицкій монастырь именно съ цѣлію принять унію, выражалъ предъ уніатскими монахами свою скорбь, что написалъ противъ уніи и латинства свой «Плачъ», указывалъ средства къ примиренію православныхъ съ уніатами, и, по совѣту троицкихъ монаховъ, будтобы ѣздилъ на Волынь и въ Кіевъ съ цѣлію располагать своихъ единовѣрцевъ къ принятію уніи. Кромѣ явныхъ сношеній, съ дозволенія Леонтія Карповича, Смотрицкій имѣлъ будтобы еще тайныя сношенія съ базиліанами и бернардинами и являлся на ихъ сходки, такъ что когда объ этомъ узнали въ свято-духовскомъ монастырѣ, то

([349]) Obrona Werificacjey, str. 105—106, Wilno 1621.

настоятель и все братство «торжественно» сдѣлали Смотрицкому «братское исправленіе». А когда и вслѣдъ затѣмъ онъ продолжалъ свои тайныя сношенія, то ему настоятельно предложили, чтобы онъ или совсѣмъ оставилъ свято-духовъ монастырь или всецѣло отдался ему, принявъ монашество. Смотрицкій предпочелъ послѣднее, и въ 1617 г. былъ постриженъ въ монахи Леонтіемъ Карповичемъ и переименованъ изъ Максима въ Мелетія. Послѣ постриженія онъ съ пламенною ревностію предался иноческимъ подвигамъ и посвятилъ себя на служеніе своей обители и православной церкви. Соблюдалъ строгій постъ, носилъ суровую власяницу, изнурялъ себя нощными бдѣніями, ходилъ въ убогой одеждѣ. Въ братской школѣ преподавалъ по-латинѣ «свободныя науки» и славянскій языкъ. Составилъ для изученія послѣдняго лексиконъ и грамматику, которая тогда же три раза была напечатана (1618 и 1619 г. въ Евю и 1619 г. въ Вильнѣ) ([350]).

Оба виленскіе монастыря, троицкій и свято-духовскій, принимали участіе и въ борьбѣ уніатовъ съ православными въ Минскѣ: потому что оба имѣли тамъ свои какбы колоніи. Троицкому монастырю еще съ 1613 г. принадлежалъ минскій вознесенскій. Кромѣ того иноки послѣдняго завели-было монастырь вмѣстѣ съ школою при церкви св. Козмы и Даміана, отнятой у православныхъ. Настоятелемъ обоихъ этихъ минскихъ монастырей, вознесенскаго и козмо-даміанскаго въ 1615—1617 г., назывался Аѳанасій Пакоста. Но, находя пребываніе монастыря при козмо-даміанской церкви почему-то неудобнымъ, Пакоста выпросилъ у короля плацъ у другой

([350]) Examen Obrony, str. 43—46; *Суша*, Saulus et Paulus, p. 18—20. Снес. *Ундольск*. Хронолог. указат. сл.-русск. книгъ, №№ 222. 225. 226.

приходской церкви—свято-духовской, воздвигъ, вмѣсто нея, новый каменный храмъ во имя Св. Духа, и перевелъ сюда отъ козмо-даміанской церкви и монастырь и школу, такъ что въ 1619 г. назывался уже настоятелемъ минскихъ монастырей, вознесенскаго и свято-духовскаго ([351]). Два такъ же монастыря принадлежали въ Минскѣ и виленскому свято-духовскому монастырю, но только одинъ мужскій, а другой женскій. Мужскій — петропавловскій, основанный женою маршалка Богдана Стецкевича Евдокіею Григорьевною, княжною Друцкою-Горскою, переданъ, по волѣ ея, подъ власть виленскихъ свято-духовскихъ монаховъ 21 ноября 1613 г., и первымъ игуменомъ въ немъ былъ Гедеонъ. Женскій православный монастырь устроился-было первоначально при храмѣ рождества пресв. Богородицы, находившемся въ вѣдѣніи тѣхъ же иноковъ, и устроился съ дозволенія князя Януша Радзивила (отъ 24 янв. 1614 г.), на землѣ котораго стоялъ названный храмъ. Но около 1618 г. невѣстка основательницы петропавловскаго монастыря, жена Вильгельма Стецкевича подкоморія брацлавскаго, княжна Анна Огинская купила домъ, съ плацомъ, разными постройками и огородами, по сосѣдству съ петропавловскимъ монастыремъ, и подарила на устройство здѣсь женскаго православнаго монастыря, съ тѣмъ чтобы сюда переведены были игуменья Евгенія Шембелевна и ея инокини, проживавшія доселѣ при рождество-богородицкой церкви, и чтобы монастырь этотъ находился подъ вѣдѣніемъ игумена петропавловскаго монастыря и подчиненъ былъ виленскому свято-духовскому. Леонтій Карповичъ, архимандритъ виленскаго

([351]) Собр. Минск. грам. №№ 48. 62. 68; А. Ю. и З. Р. II, № 45, стр. 70; Опис. Минск. епарх., стр. 94.

свято-духовскаго монастыря, выдалъ игуменьѣ Евгеніи, по ея просьбѣ, благословенную грамату (отъ 31 іюля 1618) на постройку этого новаго женскаго монастыря, въ честь и славу триvпостаснаго Бога, и на заведеніе въ монастырѣ общежитія по чину св. Василія великаго ([352]). Православные монастыри въ Минскѣ пользовались большимъ сочувствіемъ со стороны мѣстныхъ жителей и особенно дворянъ и членовъ городскаго магистрата, которые составляли при петропавловскомъ монастырѣ многочисленное церковное братство; а уніатскіе встрѣчали почти отъ всѣхъ одну холодность и даже явную непріязнь. При всемъ томъ уніаты и здѣсь, въ надеждѣ на покровительство короля, дерзко нападали на православныхъ. а православнымъ приходилось только жаловаться и защищаться. Въ 1616 г., 9 января, настоятель минскихъ уніатскихъ монастырей Аѳанасій Пакоста явился, въ сопровожденіи возпаго, въ городскую ратушу и сказалъ: «я узналъ, что здѣсь нѣкоторые мѣщане, по королевской граматѣ отъ 11 сентября 1592 г., образовали соборное братство при соборной церкви въ замкѣ, имѣли свой домъ, госпиталь, школу,—существуетъ ли еще это братство и гдѣ оно?» Бурмистры отвѣчали: «братство это дѣйствительно существовало и имѣло братскій домъ подлѣ церкви Козмы и Даміана; но, за разногласіемъ членовъ, прекратилось и гдѣ оно теперь, что съ нимъ сталось, не знаемъ». Пакоста обратился съ просьбою къ королю, и король прислалъ въ Минскъ (20 февр. 1616) дворянина Сновскаго произвесть разслѣдованіе какъ о соборномъ братствѣ, такъ и объ его имѣніяхъ.

([352]) Собр. Минск. грам. №№ 51. 62. 64. 69. 70. Основательница занесла свое завѣщаніе въ городскія книги уже въ 1619 году. Вѣст. юго-запад. и запад. Россіи, годъ II, окт., отд. I, № 3.

Когда Сновскій донесъ королю, что братство уже не существуетъ, и указалъ на имѣнія, будтобы принадлежавшія братству, тогда Пакоста выпросилъ у короля эти имѣнія себѣ и, получивъ королевскую грамату, насильно завладѣлъ городскимъ госпиталемъ и принадлежавшими ему дворомъ въ Минскѣ и загородными грунтами съ сѣножатью. Бурмистры и райцы, отъ имени всего города, подали жалобу королю, что Сновскій произвелъ разслѣдованіе неправильно, а Пакоста тайкомъ, безъ вѣдома ихъ, выпросилъ себѣ у короля привиллегію на такія имѣнія, которыя вовсе не принадлежали братству, напротивъ всегда принадлежали городу и находились подъ управленіемъ городскаго магистрата. Король потребовалъ Пакосту на судъ; но Пакоста не только на судъ не явился, а исходатайствовалъ себѣ у короля въ 1617 г. еще двѣ граматы: по одной выстроилъ на городскомъ рынкѣ свои монастырскія лавки для торговли, не платившія никакихъ взносовъ въ пользу города; по другой завладѣлъ нѣсколькими домами, принадлежавшими прежде приходскимъ православнымъ церквамъ козмо-даміанской и свято-духовской. Бурмистры и райцы пожаловались вновь, и король вновь потребовалъ (отъ 15 апрѣля 1620) на свой задворный судъ, только уже не Пакосту, сдѣлавшагося холмскимъ епископомъ, а его преемника въ Минскѣ Иларіона Барановича. Разумѣется, городъ не воротилъ себѣ отнятаго уніатами [353]. При петропавловскомъ монастырѣ существовала православная школа: школа эта служила предметомъ постоянной ненависти для начальниковъ и педагоговъ уніатской козмо-даміанской школы. Они часто высылали своихъ слугъ и школьниковъ дѣлать нападенія, по улицамъ, на

([353]) Собр. Минск. грам. №№ 54. 56. 68. 163. Снес. № 83.

дѣтей, посѣщавшихъ православную школу, поносить ихъ, бить, чѣмъ попало, и не давать имъ проходу. Особенно сильное побоище случилось въ 16 день февраля 1617 года. Тогда нѣсколько десятковъ уніатскихъ школьниковъ, по приказанію своихъ баккалавровъ Діонисія Хмельницкаго и Николая Новака, вооружившись кіями, насѣчками, камнями, и руководимые монастырскими слугами, съ такимъ азартомъ набросились на дѣтей, спокойно возвращавшихся изъ петропавловской школы, что многихъ изъ нихъ переранили, другихъ избили почти до смерти, а иныхъ едва успѣли отнять прохожіе. Настоятель петропавловскаго монастыря Гедеонъ, на другой день, принесъ жалобу въ минскій городской судъ; а возный, лично освидѣтельствовавшій избитыхъ малютокъ, внесъ туда же свое заявленіе ([354]).

Но уніатамъ хотѣлось большаго,—хотѣлось совсѣмъ вытѣснить православныхъ и православные монастыри изъ Минска. Королю было донесено, что народъ въ Минскѣ часто дѣлаетъ нападенія на духовныхъ особъ, находящихся подъ властію митрополита Рутскаго, на ихъ церкви и домы, и производитъ разные безпорядки и безчинства, и все это совершается съ вѣдома самихъ городскихъ бурмистровъ, райцевъ и лавниковъ. Король назначилъ (5 окт. 1616) двухъ инквизиторовъ — венденскаго воеводу Христофора Слушку и минскаго кастеляна Петра Тышкевича, чтобы они разслѣдовали дѣло и отыскали бунтовщиковъ. Когда слѣдствіе будтобы подтвердило справедливость доноса, тогда повелись противъ православныхъ рѣшительные подкопы съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, одинъ изъ бывшихъ слѣдователей, Петръ Тышке-

([354]) Собр. Минск. грам. № 62.

вичъ, сдѣлавшись воеводою и старостою минскимъ, занесъ (1619 г.) въ книги войта минскаго протестацію, въ которой, указывая на бунты православныхъ жителей Минска, говорилъ, что у нихъ слѣдуетъ отнять и церковь рождества пресв. Богородицы, присвоенную ими себѣ незаконно,—такъ какъ она построена коштомъ митрополита и ему должна принадлежать,—и церковь Петра и Павла вмѣстѣ съ монастыремъ, построенную ими вновь своевольно. Но противъ Тышкевича тогда же протестовали (26 и 27 ноября) предъ трибунальнымъ судомъ, вопервыхъ, князь Янушъ Радзивилъ, утверждая, что церковь рождества пресв. Богородицы принадлежитъ ему, построена на его княжеской землѣ для христіанъ, состоящихъ подъ властію константинопольскаго патріарха, и никто не въ правѣ отнять у нихъ этой церкви, и, вовторыхъ, православные князья и дворяне, которые объявили, что петропавловскую церковь и монастырь они построили на своихъ собственныхъ шляхтенскихъ грунтахъ, и что Тышкевичъ своимъ посягательствомъ на эту церковь нарушаетъ ихъ права и постановленія сеймовъ. Съ другой стороны, намѣстникъ митрополита Рутскаго въ Минскѣ и настоятель уніатскихъ монастырей Иларіонъ Барановичъ пожаловался королю, что православные дѣлаютъ сходки и складчины и чинятъ бунты противъ уніатовъ, отняли у нихъ старую церковь рождества Богородицы—митрополичью, построили себѣ самовольно новую церковь съ монастыремъ, завели свою школу, въ подрывъ уніатской, дозволенной самимъ королемъ. Король прислалъ мандатъ (отъ 15 янв. 1620) на имя минскихъ бурмистровъ, райцевъ и лавниковъ и потребовалъ ихъ на свой задворный судъ. Но противъ этого православные дворяне сдѣлали

(2 февр. 1620) публичное заявленіе: «церковь св. апостоловъ Петра и Павла и при ней монастырь и школу въ Минскѣ основали не бурмистры, райцы и лавники, а мы—шляхта, на нашихъ шляхетскихъ земляхъ, и мы же содержимъ эту церковь, монастырь и школу, какъ ихъ ктиторы и опекуны. Рутскій и его намѣстникъ въ Минскѣ не перестаютъ нарушать наши права и вольности, вопреки сеймовымъ конституціямъ, и подъ предлогомъ какихъ-то бунтовъ изыскиваютъ всѣ средства, чтобы притѣснять православныхъ жителей Минска и даже совсѣмъ искоренить нашу старожитную вѣру. Потому мы, кромѣ прежнихъ нашихъ протестацій въ разныхъ судахъ, вносимъ теперь общую протестацію предъ лице самого короля, и уполномочиваемъ одного изъ своей среды подать отъ имени всѣхъ насъ просьбу королю, чтобы насъ не стѣсняли въ нашихъ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ и въ свободномъ исповѣданіи нашей старожитной вѣры и чтобы церквамъ, нами основаннымъ, не причинялось никакого вреда, вслѣдствіе мандата, присланнаго на имя членовъ городской ратуши» ([355]).

Ревнуя о поддержаніи своей вѣры, православные дворяне основывали монастыри и въ другихъ мѣстахъ, и такъ же подчиняли виленскому свято-духову монастырю, какъ петропавловскій минскій. Королевскій дворянинъ новогрудскаго воеводства Константинъ Богдановичъ Долматъ, съ женою своею Анною изъ рода Юрковскихъ, основалъ въ 1618 г. мужскій общежительный монастырь при крестовоздвиженской церкви въ селѣ своемъ Цепрѣ (нынѣ въ слуцкомъ уѣздѣ), и подарилъ на этотъ монастырь все село Цепръ съ землями и крестья-

([355]) Собр Минск. грам. №№ 60. 72. 73. 74. 75.

нами и половину другаго своего имѣнія «новый дворъ», съ землями и крестьянами, съ тѣмъ чтобы цеперскій монастырь оставался навсегда въ послушаніи цареградскому патріарху, былъ подчиненъ виленскому свято-духовскому монастырю и содержалъ при себѣ школу и госпиталь. Подобнымъ образомъ подкоморій троцкій, князь Богданъ Матвѣевичъ Огинскій, съ женою своею Анною (Раиною) изъ рода Воловичей. основалъ мужскій монастырь въ мѣстечкѣ своемъ Евьѣ или Вивьѣ, при церквахъ вознесенія Господня и успенія Богородицы, и въ 1619 г. подарилъ на содержаніе этого монастыря, въ которомъ находилась и извѣстная типографія, свой дворъ вивьевскій въ троицкомъ повѣтѣ со всѣми постройками, садами, огородами, пашнями и сѣножатями, еще два села «Олесники», съ землями и крестьянами, и шесть озеръ. Отдавая свой ново-основанный монастырь въ подчиненіе виленскому свято-духовскому, князь заключилъ съ иноками послѣдняго и со всѣмъ свято-духовскимъ братствомъ условіе, чтобы они присылали въ вивьевскій монастырь иноковъ годныхъ и способныхъ и содержали при немъ школу (356). Нельзя при этомъ не замѣтить, что князь Богданъ Матвѣевичъ Огинскій, послѣ незабвеннаго К. К. Острожскаго, едвали не болѣе всѣхъ русскихъ дворянъ въ Литвѣ потрудился для православія. Кромѣ того, что онъ былъ членомъ свято-духовскаго виленскаго братства и принималъ самое близкое участіе въ борьбѣ его съ Потѣемъ, будучи на то время братскимъ старостою,— онъ же находился, какъ мы видѣли, и во главѣ дворянъ основавшихъ въ Минскѣ церковное братство и петропавлов-

---

(356) Собр. грам. Вильны.... II, № 40; Вѣстн. Западн. Россіи, годъ IV, кн. V, отд. I, № 3; кн. VI, отд. I, № 1.

скую обитель; онъ пріютилъ въ имѣніи своемъ Евьѣ братскую виленскую типографію, когда она подверглась преслѣдованію, и давалъ свято-духовскимъ инокамъ матеріальныя средства на изданіе въ ней полезныхъ книгъ; онъ нарочно купилъ въ Вильнѣ и подарилъ свято-духовскому монастырю два, сосѣдніе съ нимъ, дома, и вотъ теперь основалъ еще въ Вивьѣ и надѣлилъ угодьями новый монастырь, который подчинилъ тому-же свято-духовскому. Наравнѣ съ новыми православными монастырями присоединялись къ виленскому свято-духовскому и подчинялись ему и нѣкоторые изъ прежнихъ, напримѣръ: брагино-селецкій преображенскій, основанный въ 1609 г. княземъ Адамомъ Корибутовичемъ Вишневецкимъ, и слуцкій троицкій, въ которомъ погребена въ 1617 г. послѣдняя отрасль князей Олельковичей-Слуцкихъ, благовѣрная княжна Софія Юрьевна ([357]). Такимъ образомъ виленскій свято-духовъ монастырь, объединяя подъ своею духовною властію нѣсколько православныхъ монастырей, могъ распространять чрезъ нихъ свое благотворное вліяніе на весь край.

По примѣру другихъ православныхъ дворянъ, жена слонимскаго земскаго судьи Христофора Михайловича Гарабурды, Раина Макаровна, руководимая совѣтами виленскихъ свято-духовскихъ братчиковъ, основала-было церковь и при ней монастырь, во имя Богоявленія, въ городѣ Пинскѣ, на своемъ шляхетскомъ грунтѣ, называемомъ «полозовскомъ». Но пинскій уніатскій епископъ Паисій Саховскій принесъ въ 1614 г. жалобу королю, обвиняя Раину Гарабурдину, вопервыхъ, въ томъ, что она основала церковь и монастырь безъ его епи-

([357]) Вѣстн. Западн. Россія, годъ IV, кн. VIII, отд. I, стр. 22; Опис. Минск. епарх., стр. 110. 113.

скопскаго благословенія, а вовторыхъ въ томъ, будто она своевольно захватила подъ свой монастырь нѣсколько королевскихъ замковыхъ плацовъ, — почему король и прислалъ Раинѣ мандатъ (отъ 22 ноября) явиться на задворный королевскій судъ. Между тѣмъ самъ Паисій всенародно предалъ Раину проклятію въ своемъ каѳедральномъ соборѣ, хотя она, какъ православная, вовсе не подлежала его духовной власти, и, собравъ нѣсколько сотъ своихъ крестьянъ, вооруженныхъ разными орудіями, 13 сентября 1614 г., сдѣлалъ нападеніе на новый богоявленскій монастырь, совершенно разрушилъ въ немъ церковь и дерево ея приказалъ спустить рѣкою Пиною къ пинскому кляштору. Съ этого времени начался искъ Раины противъ епископа Паисія и ихъ взаимная тяжба продолжалась почти четыре года. Паисій, кромѣ задворнаго королевскаго суда, присудившаго взыскать съ Раины Гарабурдиной три тысячи копъ грошей литовскихъ, подавалъ на нее жалобу еще въ трибунальный судъ смѣшанный, т. е. изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, который присудилъ (2 авг. 1616 г.) взыскать съ нея 10000 польскихъ злотыхъ за то, будто она нарушила сеймовое постановленіе 1609 года, стѣснила пинскаго уніатскаго епископа и его капитулу и причиняетъ имъ большой вредъ, построивъ православную церковь и монастырь, въ которомъ собираются схизматики, виленскіе братчики и пинскіе мѣщане, злоумышляющіе противъ уніи. Раина, съ своей стороны, нѣсколько разъ подавала жалобы на Паисія въ трибунальный судъ свѣтскій и обвиняла епископа въ томъ, что самъ онъ нарушаетъ постановленіе сейма 1609 года, совершенно стѣсняя православныхъ въ отправленіи ихъ богослуженія, и нарушилъ ея шляхетскія

права, разрушивъ церковь, построенную ею на собственномъ ея шляхетскомъ грунтѣ. Паисій каждый разъ отказывался явиться на трибунальный судъ свѣтскій, считая себя неподлежащимъ ему, — и судъ этотъ наконецъ опредѣлилъ (28 іюля 1617 г.) пріостановить взысканіе штрафовъ, наложенныхъ на Раину Гарабурдину и все дѣло передать на разсмотрѣніе генеральнаго сейма. На варшавскомъ сеймѣ 1618 года король, вмѣстѣ съ своими сенаторами и послами, призналъ виновною Раину и присудилъ (6 марта): взыскать съ нее 3000 копъ грошей литовскихъ и 40000 злотыхъ польскихъ; самую церковь, ею построенную, отдать пинскому владыкѣ Паисію и утвердить его пастырскую власть надъ всѣми церквами и надъ попами, какъ въ Пинскѣ, такъ и во всей пинской епархіи. Раина должна была смириться и заключила (16 марта) съ Паисіемъ мировую: онъ согласился не взыскивать съ Раины наложенныхъ на нее пеней, а она отдала ему не только свою церковь, но и самый грунтъ свой полозовскій, со всѣми на немъ постройками, на вѣчныя времена, и обязалась прекратить всѣ другіе иски, которые вела противъ Паисія ([358]). Унія въ Пинскѣ одержала окончательную побѣду надъ православіемъ.

Въ Полоцкѣ архіепископствовалъ еще Гедеонъ Брольницкій, достигшій уже девяноста лѣтъ жизни и совсѣмъ охладѣвшій къ уніи. Онъ «всенародно объявлялъ, что унія ему омерзѣла и давалъ письменныя разрѣшенія городамъ своей епархіи оставаться подъ послушаніемъ патріарха» ([359]). Узналъ объ этомъ митрополитъ Рутскій, и выпросилъ у папы благо

([358]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 45—51.

([359]) *Смотрицк.* Obrona Verificaciey, str. 115, Wiln. 1621.

словеніе назначить Гедеону коадъютора, который бы, по смерти старца, сдѣлался и его преемникомъ. Съ этою цѣлію Рутскій избралъ и 12 ноября 1617 г. рукоположилъ въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ другими архіереями, въ епископскій санъ своего давняго друга, извѣстнаго ревнителя уніи, Іоасафа Кунцевича, которому едва исполнилось 38 лѣтъ. Въ слѣдующемъ году, 9 января, Кунцевичъ прибылъ въ Полоцкъ и былъ торжественно встрѣченъ городскими властями и жителями. Одинъ изъ гражданъ сказалъ ему рѣчь и убѣждалъ его «защищать русскую вѣру». А другой выразился такъ: «если ты ѣдешь къ намъ съ доброю цѣлію, гряди во имя Господне; если же нѣтъ, то лучше совсѣмъ не входи въ Полоцкъ», — или, по другому извѣстію, такъ: «если ты къ намъ не съ уніею, то мы принимаемъ тебя, какъ ангела Господня; если же съ уніею, то чураемся тебя, какъ выходца изъ преисподней» ([360]). Вскорѣ по прибытіи Кунцевича, дряхлый архіепископъ, котораго онъ старался утвердить въ уніи, скончался. Сдѣлавшись самостоятельнымъ владыкою, Кунцевичъ вошелъ въ ближайшія отношенія съ полоцкими іезуитами, и принялся за обновленіе церквей и своего дома, за исправленіе духовенства и обращеніе къ уніи православныхъ. И надобно сказать, что въ Полоцкѣ онъ дѣйствовалъ только мѣрами пастырскими, своими проповѣдями, наставленіями, убѣжденіями, и имѣлъ успѣхъ: въ числѣ многихъ онъ обратилъ самого полоцкаго воеводу Михаила Друцкаго-Соколинскаго, калвиниста, примѣру котораго послѣдовали и другіе изъ мѣстной шляхты. Простыхъ гражданъ города болѣе всего привлекалъ самымъ строгимъ

([360]) *Смотрицкій* — тамъ же 115—116; *Суша* — въ Житіи Кунцевича, p 38—39.

выполненіемъ православныхъ уставовъ, иногда даже высказывалъ, будто онъ не отрекается и отъ послушанія патріарху (разумѣя подъ именемъ патріарха папу), такъ что полочане, въ разговорахъ между собою, не умѣли рѣшить, уніатъ ли ихъ владыка или православный. Но въ другихъ мѣстахъ епархіи, гдѣ встрѣчалъ сопротивленіе, Кунцевичъ употреблялъ крутыя мѣры строгости и насилія. Онъ отнималъ у православныхъ церкви и запечатывалъ, какъ, напримѣръ, въ городѣ Оршѣ, и непокорныхъ священниковъ выгонялъ изъ приходовъ, заковывалъ въ желѣзо, заключалъ въ темницы, или совсѣмъ выгонялъ изъ епархіи, а мірянъ предавалъ судебнымъ процессамъ и преслѣдованіямъ ([361]). Эти насилія, естественно, возбудили въ православныхъ ненависть къ архіепископу, которая не замедлила обнаружиться въ рѣзкой формѣ. Осенью 1618 года онъ захотѣлъ посѣтить Могилевъ. Жители могилевскіе лишь только узнали, что Кунцевичъ приближается къ ихъ городу,—это было 9 октября,—ударили въ вѣчевой колоколъ на ратушѣ и произвели общую тревогу; затворили всѣ городскія ворота и на валахъ вокругъ города разставили вооруженныхъ людей. Затѣмъ всѣ городскія власти, бурмистры, райцы и лавники, окруженные толпами народа, вышли изъ города, съ цѣховыми хоругвями и съ орудіями, на встрѣчу Кунцевичу и начали кричать, что не примутъ его къ себѣ, поносили его и проклинали, какъ вѣроотступника и злодѣя и угрожали убить его, если онъ не удалится отъ Могилева. Кунцевичъ, принужденъ былъ удалиться, и чрезъ нѣсколько времени лично отправился въ Варшаву съ жалобою къ королю. Король, по разсмотрѣніи жалобы въ его задворномъ судѣ,

---

([361]) *Смотрицк.* тамъ же 115—116; *Суша*—тамъ же 39. 43. 45. 51. 53. 56.

издалъ декретъ (отъ 22 марта 1619 г.): а) всѣхъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ могилевскаго возмущенія предать смерти, и для того предварительно послать въ Могилевъ особыхъ коммисаровъ, которые бы разслѣдовали дѣло на мѣстѣ и указали этихъ зачинщиковъ; б) всѣ церкви и монастыри въ Могилевѣ, съ ихъ имѣніями, фундушами и доходами, равно всѣхъ поповъ и чернецовъ отдать архіепископу Іоасафу Кунцевичу въ полную его власть, съ тѣмъ чтобы, по истеченіи шести недѣль со времени изданія декрета, могилевскіе граждане уже никакъ не вступались въ эти церкви и монастыри, подъ страхомъ уплаты 20000 злотыхъ польскихъ въ королевскую казну ([362]). Спустя полгода Кунцевичъ допустилъ было православныхъ совершать въ ихъ церквахъ свое богослуженіе, надѣясь этимъ снисхожденіемъ привлечь ихъ къ себѣ и къ уніи. Но когда увидѣлъ, что они дѣлаются еще болѣе непреклонными, отнялъ у нихъ всѣ церкви и отдалъ латинскимъ священникамъ ([363]).

Жители Могилева какбы предчувствовали, что ихъ ожидаетъ такая участь, и еще 29 октября 1618 г., слѣдовательно чрезъ двадцать дней по непринятіи Кунцевича, могилевское православное братство, состоявшее изъ иноковъ, шляхты и многихъ обитателей города, купило себѣ у княгини Соломерецкой за четыреста копъ-грошей, на шкловской улицѣ Могилева, домъ и плацъ, «подъ вольностью шляхетскою» находившійся, чтобы основать на немъ церковь и монастырь, которыхъ ни-

([362]) Вѣстн. Юго-Западн. и западн. Россіи, годъ I, декабрь, отд. I, № 16. Подробнѣе — Акт. Вилен. Комм. IX, предисл. стр. VI—VIII, и № 58.

([363]) Объ этомъ говоритъ самъ Кунцевичъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Сапѣгѣ (отъ 22 апр. 1622), напечатанномъ въ книгѣ *Жоховскаго*: Colloquium Lubelske....., str. 91—95, и перепечатанномъ въ книгѣ *Кояловича*: Литов церк. Унія, II, прим. 185.

кто бы уже не могъ отнять у православныхъ. А когда надъ Могилевомъ разразился королевскій декретъ, лишившій православныхъ всѣхъ церквей, члены могилевскаго братства, извѣщая о постигшемъ ихъ бѣдствіи виленское свято-духовское братство, просили послѣднее убѣдить князя Яна Богдановича Огинскаго, подкоморія троцкаго (вѣроятно, сына князя Богдана Матвѣевича), чтобы, для безопасности, онъ «призналъ» купленный ими въ Могилевѣ плацъ на церковь и монастырь своимъ шляхетскимъ плацомъ и записалъ на имя виленскаго свято-духовскаго братства, въ качествѣ вклада отъ собственнаго лица. Виленское братство исполнило это порученіе и, посылая (29 мая 1619) могилевскимъ братчикамъ копію съ акта, которымъ князь Огинскій совершилъ въ трибунальномъ судѣ передачу означеннаго плаца свято-духовскому братству, просило и убѣждало ихъ пребывать непоколебимыми въ православной вѣрѣ, запечатлѣнной кровію мучениковъ, и переносить за нее всякія лишенія, бѣдствія и скорби съ надеждою на Христа Спасителя. Получивъ желанный актъ, могилевское братство заложило (4 іюня) на своемъ шляхетскомъ плацѣ церковь и монастырь во имя Богоявленія; но постройка ихъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, шла очень медленно, и жители Могилева, не имѣя у себя ни одной православной церкви, нѣсколько лѣтъ принуждены были, въ воскресные и праздничные дни, собираться на молитву въ построенные за городомъ изъ плетня шалаши. Замѣчательно однакожъ, что, не смотря на свое стѣсненное положеніе, могилевское братство уже имѣло тогда свою типографію и издало въ ней двѣ книги: служебникъ въ 1616 г. и Евангеліе учительное въ 1619 г. (364).

(364) Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 26. 27; *Сахаров.* Обозр. Сл.-русск. библ., №№ 161. 180.

Въ городѣ Луцкѣ, въ которомъ до уніи числилось восемь православныхъ церквей, теперь не было ни одной, и окрестные православные дворяне, часто посѣщавшіе этотъ городъ по своимъ дѣламъ, не находили въ немъ мѣста, гдѣ бы во дни праздниковъ могли помолиться. Только въ полуверстѣ отъ Луцка, на островѣ за рѣкою Стыромъ, оставался небольшой православный монастырь Черньчицкій или Черчицкій, куда и прибѣгали православные по своимъ духовнымъ нуждамъ. Здѣсь подвизался благочестивый схимникъ Григорій Микуличъ, прежде бывшій игуменомъ Черньчицкаго монастыря и называвшійся Герасимомъ. Онъ предложилъ православнымъ мысль основать въ Луцкѣ церковное братство, и въ 1617 г. въ члены этого братства записались, кромѣ самого Григорія, преемникъ его по игуменству іеромонахъ Исаакій Борисовичъ, нѣсколько священниковъ и свѣтскихъ лицъ, въ томъ числѣ князь Өедоръ Святополкъ-Четвертинскій, Михаилъ Гулевичъ подсудокъ луцкій, Лаврентій Древинскій чашникъ земли волынской, Владиміръ Зубцевскій городничій луцкій. Поводомъ къ учрежденію братства послужило то, что во время сильнаго пожара, бывшаго въ Луцкѣ, сгорѣла до основанія русская богадѣльня или госпиталь, и не находилось мѣста для призрѣнія больныхъ и нищихъ русской вѣры. Братство и образовалось съ цѣлію соорудить вновь русскую богадѣльню въ Луцкѣ, а при ней построить и церковь, какъ для больныхъ и нищихъ, такъ и для всѣхъ православныхъ, и школу для воспитанія дѣтей. Король, по ходатайству дворянъ волынскаго воеводства и жителей Луцка, утвердилъ (20 февр. 1619) вновь составившееся русское «братство милосердія», и дозволилъ братству выстроить не только богадѣльню,

но и церковь и школу, имѣть о нихъ попеченіе и безпрепятственно содержать при церкви духовенство. Когда мѣсто для предполагаемыхъ построекъ въ Луцкѣ было избрано братствомъ, члены братства изъ дворянъ, указывая на то, что они не живутъ постоянно въ городѣ, поручили, особымъ своимъ листомъ (отъ 1-го сент. 1619), младшимъ братчикамъ луцкимъ мѣщанамъ имѣть надзоръ за постройками и, по окончаніи ихъ, завѣдывать церковію, школою и госпиталемъ а сами обязались помогать во всемъ этимъ мѣщанамъ, заступаться за нихъ и вездѣ защищать ихъ ([365]).

Львовское ставропигіальное братство не прекращало своихъ сношеній съ цареградскою патріархіею, и въ 1614 г. временно завѣдывавшій ею александрійскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, къ которому обращались члены братства, прислалъ имъ изъ Яссъ, гдѣ находился, двѣ свои граматы. Въ одной (отъ 26 апрѣля) утѣшалъ ихъ среди скорбей, училъ согласію и любви, совѣтывалъ заботиться о школѣ и обезпечить ся дидаскала, награждать трудящихся въ друкарнѣ и доходы отъ нея употреблять на общую пользу братства. Въ другой граматѣ (отъ 8 мая) убѣждалъ братчиковъ охранять дѣтей своихъ отъ увлеченія въ унію, имѣть при братской церкви достойнѣйшихъ священниковъ, и похвалялъ братство за то, что оно пріобрѣло для своей онуфріевской типографіи искусныхъ и усердныхъ типографовъ мниховъ ([366]). Въ томъ же году, если не раньше, и львовскій епископъ Іеремія Тиссаров-

---

([365]) Памятн. Кіев. Коммис. I, №№ 1—3.

([366]) *Голубевъ*, Матеріал. для исторіи зап.-русск. церкви, №№ 28. 29, въ Труд. Кіев. Ак. 1878 года. Свес. *Мальшевъ*. Мелетій Пигасъ, I. 434.

скій получилъ званіе патріаршаго экзарха, возлагавшее на него извѣстныя обязанности по отношенію ко всей западнорусской церкви. Этотъ епископъ постоянно находился въ согласіи съ братствомъ, дѣлалъ иногда въ кассу его, хотя и небольшіе, вклады, и неизмѣнно пользовался его уваженіемъ и расположеніемъ (367). Въ 1615 г. братство подверглось-было большой опасности. Во Львовъ прибылъ уніатскій митрополитъ Рутскій съ владимірскимъ епископомъ Мороховскимъ. Они вздумали посѣтить братскую типографію, находившуюся въ онуфріевскомъ монастырѣ, не предваривъ братства, и отправились туда въ сопровожденіи многихъ своихъ слугъ. Братчики, вообразивъ, что уніаты хотятъ насильно завладѣть ихъ типографіею, ударили въ набатъ, бросились не только на слугъ, но и на самихъ владыкъ, и нанесли имъ побои. Владыки подали жалобу въ мѣстный городскій судъ. Львовскій староста Станиславъ Бонифацій Мнишекъ, братъ бывшей московской царицы Марины Мнишекъ, немедленно засадилъ нѣкоторыхъ братчиковъ въ тюрьму, а другихъ началъ мучить судебными позывами, и братчики признали за лучшее прекратить дѣло подарками. Старостѣ поднесли 50 червонцевъ, 7 злотыхъ и 10 грошей, другимъ судьямъ по нѣскольку червонцевъ. Митрополитъ Рутскій согласился принять за нанесенные ему побои коверъ, а Мороховскій для своихъ болѣе избитыхъ слугъ—сорокъ злотыхъ (368).

Не напрасно Кириллъ Лукарисъ похвалилъ въ 1614 году львовское братство за искусныхъ и усердныхъ типографщи-

(367) Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, стр. 142. 147. 153; *Зубрицк* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1615 и 1617 г.

(368) *Harasiew.* Annal. eccl. Ruthen., p. 311; *Зубрицк* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1615 г.

ковъ въ онуфріевской друкарнѣ: въ томъ же году она выпустила книгу «о священствѣ» св. Іоанна Златоустаго. Книга была переведена съ греческаго іеромонахомъ онуфріевскаго монастыря Пафнутіемъ, посвящена львовскому епископу Іереміи Тисаровскому и напечатана иждивеніемъ винницкаго старосты Александра Болобана и трудами ученаго іеромонаха Памвы Берынды, который происходилъ изъ Молдавіи, долго жилъ въ Іерусалимѣ, имѣлъ званіе патріаршаго протосинкелла и теперь занималъ должность типографа во львовской онуфріевской типографіи. Въ слѣдующемъ году тамъ же напечатана Псалтырь, съ посвященіемъ княгинѣ Корецкой, которое подписано іеромонахомъ Кирилломъ А въ 1616 году типографъ Памва Берында издалъ тамъ же свои «вирши» на рождество Христово и на нѣкоторые другіе праздники «для утѣхи православнымъ христіаномъ», и посвятилъ свое изданіе епископу Іереміи Тисаровскому. Изъ дидаскаловъ братской школы и проповѣдниковъ еще съ 1591 года извѣстенъ іеромонахъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, Безбородый, учившійся въ замойской академіи и принявшій постриженіе въ униевскомъ монастырѣ. Ревнуя о поддержаніи православія и о спасеніи ближнихъ, и въ виду того, что многіе не только изъ свѣтскихъ, но и изъ духовныхъ, уклонялись въ ереси лютеранскія и другія, Кириллъ, какъ самъ говоритъ, «за благословеніемъ и п о в е л ѣ н і е м ъ преосвященнаго господина отца Еремеи Тисаровскаго, е к с а р х и орону св великія константинопольскія церкви, року 1614, генваря 19», а въ 1616 г., получивъ благословеніе и отъ четырехъ восточныхъ патріарховъ чрезъ митрополита монемвасійскаго Іоасафа, много лѣтъ потрудился надъ составленіемъ сборника церковныхъ поуче-

ній на всѣ воскресные и праздничные дни, который и напечаталъ въ 1619 г. подъ названіемъ: «Евангеліе учительное», въ мѣстечкѣ волынскомъ Рохмановѣ, имѣніи княгини Раины Вышневецкой, урожденной Могилянки. Нѣкоторые экземпляры своей книги онъ посвятилъ этой самой княгинѣ Вышневецкой, иные князю Юрію Черторыйскому, еще иные князю Самуилу Корецкому. Другое свое сочиненіе: «Зерцало богословіи» Кириллъ Транквилліонъ издалъ, въ 1618 году, «въ монастырю почаевскомъ», и такъ же посвятилъ нѣкоторые экземпляры пану Лаврентію Древинскому чашнику волынскому, а нѣкоторые князю Александру Пузынѣ ([369]).

Старецъ Іовъ Княгининскій, послужившій оживленію монашества въ Галиціи, продолжалъ еще дѣйствовать. Мы видѣли, что онъ, поручивъ основанную имъ обитель въ Угорникѣ ученику своему Герасиму, удалился въ пустыню при рѣкѣ Баторосѣ или Баторсѣ въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ такъ же вскорѣ основалъ обитель и учредилъ общежитіе между собравшимися къ нему иноками. Въ 1612 г. Іовъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ іеродіакономъ Ѳеодосіемъ, построилъ въ этой обители деревянную церковь во имя животворящаго креста, по благословенію уневскаго архимандрита Исаіи Болобана и стагонскаго епископа Авраамія. Въ слѣдующемъ году іеродіаконъ Ѳеодосій, по просьбѣ Іова, посвященъ былъ въ іеромонаха монемвасійскимъ митрополитомъ Іосифомъ и возведенъ въ санъ игумена обители. Через пять лѣтъ игуменъ Ѳеодосій, руководимый Іовомъ, соорудилъ въ своей обители,

---

([369]) *Сахаров.* Обозр. Сл.-русск. библіогр., №№ 153. 156. 159. 168. 179; *Строев.* Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, 142. 147. 153; А. З. Р. IV, №№ 27. 33. *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. лѣтоп., стр. 513; *Голуб.* Матер. для истор. зап.-русск. церкви, № 35, стр. 231—234.

вмѣсто деревянной, каменную церковь во имя воздвиженія честнаго креста; а въ 1620 г., по просьбѣ Іова и Ѳеодосія, два патріарха, цареградскій Тимоѳей и александрійскій Кириллъ Лукарисъ, дали этой обители свои благословенныя грамоты и признали ее ставропигіею. Такъ получила начало знаменитая впослѣдствіи обитель «скитская», называвшаяся такъ же «великимъ скитомъ» и «новымъ Ватопедомъ въ Россіи». Схимонахъ Іовъ, «первоначальникъ» этой обители скончался въ 1621 году, 30 декабря; но игуменъ Ѳеодосій потрудился для нея еще нѣсколько лѣтъ (+1629) (370).

Въ Кіевѣ хотя и проникла унія еще прежде и завладѣла софійскимъ соборомъ и монастыремъ выдубицкимъ, но она не находила въ этомъ городѣ ни послѣдователей, ни даже сочувствія, а встрѣчала открытое сопротивленіе и вражду. Въ софійскомъ соборѣ Потѣй предполагалъ учредить свою капитулу, но не учредилъ или не успѣлъ учредить, можетъ быть, потому что въ ней не было нужды,—въ Кіевѣ вовсе еще не было уніатскаго духовенства. И въ 1616 г. при софійскомъ соборѣ жилъ только свѣтскій намѣстникъ митрополита Рутскаго, нѣкто панъ Станиславъ Судковскій, который и завѣдывалъ имѣніями софійской каѳедры. А эти имѣнія постоянно подвергались опустошеніямъ и разореніямъ то отъ кіевскаго подвоеводы, то отъ печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, то отъ разныхъ дворянъ, какъ жаловался въ томъ же году названный намѣстникъ люстраторамъ, производившимъ ревизію кіевскаго воеводства. Кіево-михайловскій монастырь, пожалованный въ 1612 г. королемъ собственно на содержа-

(370) *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. лѣтоп., подъ 1612 г., 418—419.

ніе предполагавшейся уніатской капитулы въ софійскомъ соборѣ, вовсе не переходилъ въ руки уніатовъ, и въ 1616 г. мы видимъ въ немъ тогоже самаго православнаго игумена Іоасафа Мировскаго, который настоятельствовалъ здѣсь въ 1602 и въ 1606 годахъ. Выдубицкій монастырь хотя находился еще подъ властію уніатскаго настоятеля Антонія Грековича, но имѣніями монастыря владѣли, большею частію, сторонніе лица, одними печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, другими княгиня Корецкая ([371]). Имѣнія самаго печерскаго монастыря, находившіяся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, которыя до смерти своей удерживалъ за собою Потѣй, король пожаловалъ преемнику Потѣя Рутскому граматою отъ 8 августа 1613 г., и королевскій дворянинъ Адамъ Хрептовичъ ввелъ (16 августа) Рутскаго въ управленіе ими; но и въ слѣдующемъ году монахи печерскіе, «съ множествомъ слугъ, бояръ и особенно казаковъ украинскихъ», сдѣлали нападенія на эти имѣнія (8—13 генваря) и завладѣли ими. Рутскій принесъ жалобу въ главный трибунальный судъ, и судъ приговорилъ возвратить митрополиту отнятыя у него села ([372]). Но самъ Рутскій, сознавая, что ему не уберечь этихъ селъ отъ новыхъ нападеній со стороны печерскихъ иноковъ, и будтобы убѣдившись изъ документовъ, заявленныхъ Елисеемъ Плетенецкимъ предъ королемъ и его канцеляріею, что села эти, по всей справедливости, должны принадлежать печерскому монастырю, добровольно отказался отъ нихъ навсегда. И король своею граматою, отъ 1 апрѣля 1615 года, вновь утвердилъ тѣ села за

([371]) *Прот. Лебединц.* Матеріал. для истор. кіев. митрополіи, стр. 17—24; Кіев. Епарх. Вѣд. 1861, № 14, стр. 433.

([372]) Архив. уніат. митроп. при св. Синодѣ, рукоп. №№ 702. 704.

кіевскою лаврою на вѣчныя времена На самомъ же дѣлѣ Рутскій не хотѣлъ передавать уступленныя села кіевской лаврѣ,—за что, по жалобѣ настоятеля ея и капитулы, и позванъ былъ граматою короля (18 августа 1616 г.) на трибунальный судъ въ Новогрудокъ ([373]). Еще яснѣе и болѣе рѣзко выражалась ненависть жителей Кіева лично къ митрополиту Рутскому и его помощникамъ. Въ 1618 году онъ самъ жаловался предъ главнымъ люблинскимъ трибуналомъ что кіевляне упорно противятся его духовной власти, поносятъ его неприлично, безстыдно и позорно предъ всѣми людьми, вооружаютъ противъ него своихъ священнослужителей, чиновниковъ, слугъ и казацкую вольницу, похваляются на его здоровье и вознамѣрились даже умертвить его, какъ только представится возможность. Жаловался еще, что когда онъ въ томъ же году послалъ своего оффиціала, игумена выдубицкаго Антонія Грековича, на слѣдствіе въ Овручъ, и Грековичъ, на возвратномъ пути, остановился въ своемъ монастырѣ, то въ самую полночь 23 февраля толпы казаковъ окружили домъ, въ которомъ игуменъ находился, схватили его, какъ какого нибудь негодяя, связали, бросили въ прорубь Днѣпра и утопили, имѣніе же его разграбили ([374]).

Унія, проникнувъ въ Кіевъ, только сильнѣе возбудила противъ себя мѣстныхъ жителей и заставила ихъ принять болѣе рѣшительныя мѣры для охраненія православія. Могли и прежде существовать въ Кіевѣ, по примѣру другихъ городовъ, при

([373]) Вилен. Археогр. Сборн. IV, № 48, стр. 83. 88; *Голубев*. Матер для истор. западно-русск. ц., №№ 30. 31, въ Труд. Кіев. Ак. 1878 года.

([374]) Копія жалобы или протестаціи Рутскаго, написанной по-польски,— въ архивѣ уніат. митроп., рукоп. № 54. Русскій переводъ ея напечатанъ въ Вѣстн. западн. Россіи, годъ III, декабр., отд. I, № 4.

нѣкоторыхъ церквахъ небольшія приходскія школы и братства. Но теперь кіевляне рѣшились основать у себя школу и братство не для одного только или нѣсколькихъ церковныхъ приходовъ, а для цѣлаго города, для всего края. Въ 1615 г., 15 октября, жена маршалка повѣта мозырскаго Стефана Лозки, урожденная Анна Гулевичевна, явилась въ земскій кіевскій судъ, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, и съ его соизволенія, положила предъ судьями и просила записать въ земскія кіевскія книги слѣдующую запись: «Я, Анна Гулевичевна...., живя постоянно въ древней православной вѣрѣ св. восточной церкви и пылая къ ней благочестивою ревностію, къ распространенію славы Бога, въ Троицѣ единаго, изъ любви и приверженности къ братіямъ моимъ—народу русскому, съ давняго времени помышляла сдѣлать добро для церкви Божіей. Нынѣ, приводя мою мысль въ исполненіе, даю правовѣрнымъ христіанамъ народа русскаго, въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго состоящимъ, сословія духовнаго и свѣтскаго, князьямъ, дворянамъ и всѣмъ, какого бъ они званія ни были, но только неизмѣнно пребывающимъ въ православной вѣрѣ, подъ благословеніемъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, на вѣчныя времена даю, дарю, записываю и отказываю мое собственное наслѣдственное имѣніе, пользующееся правами и вольностями шляхетскими: дворъ мой и землю, полученные мною въ вѣчный даръ отъ моего мужа и находящіеся въ Кіевѣ между извѣстными улицами, со всѣми угодьями и доходами, къ тому двору принадлежащими... И все это назначаю на монастырь патріаршей ставропигіи общежительный, по чину Василія великаго, и на школу для дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на гостин-

ницу для духовныхъ странниковъ вѣры церкви восточной, съ тѣмъ чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ устроялись по закону каѳолической восточной церкви.... А чтобы настоящая моя фундація возъимѣла свое дѣйствіе, я тотчасъ же ввела въ тотъ дворъ съ землею духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно священно-инока Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, ввела такъ же и школу, передавъ имъ равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, жертвуемое мною въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, на то назначенныхъ... 1615 г., мѣсяца октября, четырнадцатаго дня». Этотъ Исаія Купинскій воспитанникъ Острожскаго училища, призванный быть старшимъ начальникомъ вновь возникающаго монастыря, до того времени подвизался въ кіевской лаврѣ, гдѣ около уже шестнадцати лѣтъ былъ настоятелемъ братіи при пещерѣ преподобнаго Антонія, и тамъ-то, вѣроятно, написалъ свою «Духовную лѣствицу». Принявъ отъ Анны Гулевичевны такое пожертвованіе, православные немедленно образовали въ Кіевѣ церковное братство, «по благословенію», какъ сами говорятъ въ своемъ «уписѣ», вселенскаго константинопольскаго патріарха Тимоѳея, согласно съ уставами другихъ братствъ, львовскаго, виленскаго, могилевскаго, и, цѣлуя крестъ, «каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго», принимали на себя обязанность служить—къ утѣшенію и утвержденію въ вѣрѣ сыновъ восточнаго православія, обывателей воеводства кіевскаго, къ воспитанію призрѣваемыхъ учениковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, — для защиты вдовъ, сиротъ и для вспомоществованія всякимъ людямъ бѣднымъ. Это происходило, вѣроятно, 4 генваря 1616 г., или нѣсколько прежде, судя по замѣткѣ,

сдѣланной однимъ изъ духовныхъ лицъ, вписавшихся тогда въ реэстръ новаго братства ([375]).

Первымъ ректоромъ кіевской братской школы былъ не Исаія Копинскій, который, какъ скоро увидимъ, въ томъ же 1616 году перешелъ на должность настоятеля въ межигорскій монастырь, а извѣстный уже намъ по своему образованію Иванъ Матвѣевичъ Борецкій, воспитанникъ львовскаго училища, занимавшій въ немъ съ 1604 г. должность ректора и преподавателя латинскаго и греческаго языковъ. Теперь онъ священствовалъ въ Кіевѣ при воскресенской церкви на Подолѣ и обучалъ дѣтей въ своей приходской школѣ, которую содержалъ въ собственномъ домѣ. Этого-то опытнаго педагога новообразовавшееся кіевское братство и пригласило стать во главѣ открываемаго имъ училища. Сохранилась собственноручная росписка Борецкаго, которою онъ, какъ «ректоръ школы братское въ Кіеве», 3 іюня 1617 года, обязывался уплатить въ слѣдующемъ году львовскимъ братчикамъ двадцать злотыхъ польскихъ за взятые у нихъ въ долгъ экземпляры греческой грамматики, конечно, для кіевской школы. Къ сожалѣнію, ректорствованіе здѣсь Борецкаго было очень непродолжительно. Въ 1618 году онъ и жена его, по взаимному согласію, приняли монашество: онъ, подъ именемъ Іова, въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ послѣ скончавшагося (22 дек. 1618 г.) настоятеля, Іоасафа Мировскаго, и избранъ братіею во игумена; а жена—въ богословскомъ женскомъ монастырѣ, находившемся вблизи михайловскаго, гдѣ

([375]) Памятн. Кіев. Коммис. II, №№ 1. 2. Въ числѣ вписавшихся тогда въ реэстръ братства находился Захарій Копыстенскій, который и сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: «писалъ дня 4 геннаря, по старому правдивому, року 1616» (Тамъ же, стр 45). Объ Исаіи Копинскомъ и его «Духовной лѣствицѣ»—

такъ же скоро сдѣлалась игуменьею ([376]) Первую же церковь для вновь возникавшей обители на дворѣ, пожертвованномъ Анною Гулевичевною, деревянную, во имя Богоявленія, соорудилъ въ 1620 г. воспитанникъ острожскихъ школъ, знаменитый гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный ([377]). Такъ получили свое начало въ Кіевѣ училище и монастырь, существующіе доселѣ, изъ которыхъ первое извѣстно нынѣ подъ именемъ кіевской духовной академіи, а послѣдній подъ именемъ кіево-братскаго училищнаго богоявленскаго монастыря ([378]).

въ Обзорѣ русск. дух. литературы *Пр. Филарета*, № 164, и у *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. Лѣтоп., стр. 432.

([376]) *Голубев.* Матеріал. для истор. зап.-русск. ц., № 34, въ Труд. кіев Ак. 1878 года; Кіев. Епарх. Вѣд. 1861, № 11, стр. 438; 1863, № 21, стр. 640.

([377]) Ссылаясь на какой-то старый синодикъ, Ириней Фальковскій, въ изданномъ имъ «кіевскомъ мѣсяцесловѣ на 1799 годъ», говоритъ, что деревянная церковь Богоявленія Господняго въ кіево-братскомъ монастырѣ «создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ 1620 года» (стр. 40).

([378]) Мысль объ основаніи кіево-братскаго училища еще въ 1589 г., которой, вслѣдъ за митрополитомъ Евгеніемъ (Опис. кіево Соф. собора, прилож. № 41), держались и мы въ своемъ юношескомъ трудѣ: «Исторія Кіевской Академіи», С. П. Б. 1843 г., должна быть совершенно оставлена. Она не только ничѣмъ не подтверждается, но и несогласна съ историческими данными. Это кіевское училище основано будтобы по благословенію патріарха Іереміи, возвращавшагося въ 1589 г. изъ Москвы чрезъ Кіевъ. Но Іеремія вовсе не былъ тогда въ Кіевѣ, и ни въ одной изъ грамать, которыя пораздалъ онъ братствамъ и училищамъ, существовавшимъ тогда въ западно-русской церкви, онъ не упомянулъ ни объ училищѣ, ни о братствѣ кіевскомъ. Это кіевское училище будтобы основано было и существовало при богоявленской церкви, которая около 1614 г. будтобы, вмѣстѣ съ училищемъ, сгорѣла. Но въ первые годы XVII вѣка богоявленской церкви въ Кіевѣ не было, и она вовсе не упоминается при исчисленіи тогдашнихъ кіевскихъ церквей (А. Ю. и З. Р. II, №№ 37. 41, стр 60. 65). Въ 1694 г. ректоръ кіево-братскаго училища Іоасафъ Кроковскій въ граматѣ своей къ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, перечисляя документы на владѣнія своего братскаго монастыря, между прочимъ, написалъ: «въ купчей Андрея Обухова, земянина кіевскаго, 1594 года

Кіевское братство не завело у себя типографіи, какъ дѣлали другія большія братства; но типографія въ Кіевѣ заведена была тогда печерскою лаврою, по волѣ настоятеля Елисея Плетенецкаго, который купилъ для этого типографію, бывшую въ Стрятинѣ и остававшуюся праздною по смерти основателя ея, Ѳедора Юрьевича Болобана. Первая книга, вышедшая изъ лаврской типографіи въ 1617 г., Часословъ, была издана «тщаніемъ и попеченіемъ» архимандрита Елисея Плетенецкаго, какъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи архідіаконъ Захарія Копыстенскій, вѣроятно, непосредственно трудившійся надъ изданіемъ книги, и издана по просьбѣ правовѣрныхъ, чтобы удовлетворять потребностямъ кіевскаго училища и другихъ. Этотъ Захарія былъ будтобы сыномъ или родственникомъ перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго и получилъ образованіе, вѣроятно, во Львовѣ или Острогѣ. Другая книга, вышедшая изъ тойже типографіи въ генварѣ 1619 г., была Анѳологіонъ или избранная Минея на весь годъ. Ее предварительно исправили, чрезъ сличеніе съ греческимъ текстомъ, игуменъ кіево-михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій, «учитель сый благочестія и достовѣренъ въ божественныхъ писаніяхъ», и отчасти архідіаконъ Захарія Копыстенскій, «мужъ ревности презельныя въ благочестіи, словесенъ же и премудръ въ богословіи и исповѣданіи православ-

---

(сказано), что онъ Андрѣй съ женою своею Наталіею Сверщовскою продали *въ братскій монастырь* дворовое свое мѣсто Сверчековское» (Памятн. Кіев. Комм. II, № 29, стр. 292),—и это единственное свидѣтельство, на которое ссылаются, говоря о существованіи кіево-братскаго училища еще въ концѣ XVI вѣка. Но въ граматѣ Кроковскаго, писанной спустя цѣлое столѣтіе послѣ совершенія означенной купчей, безъ всякаго сомнѣнія, допущена описка въ обозначеніи года: потому что въ 1594 г. братскаго монастыря въ Кіевѣ не существовало. А кромѣ того, въ купчей этой собственно объ училищѣ братскомъ вовсе не упоминается.

ныя вѣры», какъ сказано въ предисловіи къ книгѣ. А надъ печатаніемъ ея потрудился извѣстный уже намъ типографъ Памво Берында, перешедшій сюда изъ Львова ([379]). Третья книга, напечатанная въ лаврской типографіи въ томъ же году, называлась: «книга о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкве». Книга эта, слагающаяся изъ двухъ главныхъ частей, изъ которой въ первой говорится «о пресвятѣй Троицн и о иныхъ артикулехъ вѣры», а во второй —«о образѣхъ (т. е. иконахъ), о крестѣ... и о иныхъ артикулехъ вѣры», составлена неизвѣстнымъ въ концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII вѣка, направлена противъ протестантовъ и въ первый разъ была издана въ Вильнѣ, по догадкамъ, въ 1602 году. Теперь вновь издалъ ее въ Кіевѣ Захарія Копыстенскій, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, болѣе или менѣе значительныя, и дополнивъ ее статьями противъ латинянъ, каковы статья о чистилищѣ и двѣ статьи Максима грека объ исхожденіи Св. Духа ([380]). Въ 1618 г. напечатана была въ лаврской типографіи небольшая книжка, имѣвшая болѣе частный характеръ, подъ заглавіемъ: «Вѣзерункъ цнотъ (образецъ добродѣтелей) превелебнаго отца Елисея Плетенецкаго»... Это панегирикъ въ стихахъ достославному архимандриту, восхваляющій его родъ, ревность по вѣрѣ, заслуги для церкви и, между прочимъ, основаніе имъ типографіи, и написанный какимъ-то

([379]) Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, №№ 60. 63; Опис. кіево-печер. лавры, стр. 68—70. Вишневскій въ своей Исторіи Польской Литературы (Т. VIII), говоря о «Палинодіи» Захаріи Копыстенскаго, прямо называетъ его сыномъ бывшаго перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго, неизвѣстно, на какомъ основаніи.

([380]) *Голубев.*, Библіогр. замѣчанія, въ Труд. Кіев. Ак. 1876, I, 363—377.

Александромъ Митурою: не былъ ли это одинъ изъ учителей кіевской братской школы ([381])?

Недолго пришлось о. Исаіи Копинскому потрудиться для вновь устроявшагося кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1616 г., по просьбѣ иноковъ межигорскаго монастыря и по настоятельнымъ убѣжденіямъ печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, Исаія сдѣлался игуменомъ межигорскимъ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ подъ свою власть и монастырь густынскій, который недавно (1614 г.) основанъ былъ въ имѣніи князя Михаила Корибута Вишневецкаго, подъ городомъ Прилукою, на островѣ Густынѣ, межигорскимъ іеросхимонахомъ Іоасафомъ, по благословенію межигорскаго игумена Аѳанасія, и потому находился въ подчиненіи межигорскому монастырю. Густынская обитель была близка Исаіи: потому что онъ, по приглашенію перваго настоятеля ея Іоасафа, приходилъ сюда изъ Кіева при самомъ началѣ ея и принималъ ближайшее участіе въ ея основаніи,—въ выборѣ для нея мѣста, въ заложеніи ея церкви, келлій и другихъ зданій; путешествовалъ, вмѣстѣ съ Іоасафомъ, къ князю Михаилу Корибуту Вишневецкому, и выпросилъ у него землю подъ обитель и на ея содержаніе. Теперь, управляя межигорскимъ монастыремъ самъ непосредственно, Исаія назначалъ отъ себя и посылалъ для управленія густынскимъ монастыремъ игуменовъ изъ своихъ межигорскихъ иноковъ, и кромѣ того основалъ неподалеку отъ густынскаго монастыря новый монастырь или скитъ подгорскій — ладинскій, такъ названный по имени веси Ладинской. Въ 1618 году жена уже скоп-

---

([381]) *Сахаровъ*. Обозр. сл.-русск. библіогр., № 175.

чавшагося князя Михаила Корибута Вишневецкаго, Раина Могилянка пожаловала (11-го генваря) о. Исаіи грамату, въ которой, называя его игуменомъ и «початтелемъ» обоихъ прилуцкихъ монастырей, густынскаго и подгорскаго-ладинскаго, утверждала за ними всѣ земли, полученныя ими отъ ея мужа, жертвовала имъ нѣкоторыя новыя угодья, и предоставляла Исаіи имѣть надъ обоими монастырями власть до его живота. А вскорѣ затѣмъ (18 генв.), по просьбѣ о. Исаіи, княгиня позволила ему обратить подгорскій-ладинскій монастырь въ монастырь женскій, съ тѣмъ чтобы здѣсь игуменією была сестра Исаіи, инокиня Александра. И въ тотъ же день подписала грамату, которою поручала о. Исаіи основать новый мужской монастырь подъ Лубнами въ лѣсу мгарскомъ, надѣлила этотъ будущій монастырь землями и угодьями и отдала его въ пожизненное управленіе самого Исаіи ([382]). Такимъ образомъ православное монашество, мало по малу, укрѣплялось и усиливалось не только въ Кіевѣ, но и въ окрестныхъ странахъ.

Все, что происходило въ Кіевѣ, что свидѣтельствовало о ненависти кіевлянъ къ уніи и приверженности ихъ къ православію, очень огорчало уніатскаго митрополита Рутскаго. И онъ, перебирая разныя мѣры, какъ бы подчинить Кіевъ своей духовной власти, составилъ въ 1619—1620 г. слѣдующій проектъ: 1) необходимо имѣть союзъ съ кіевскимъ бискупомъ и воеводою и съ ними обо всемъ сноситься. 2) Такъ какъ митрополитъ (уніатскій) самъ не можетъ жить въ Кіевѣ, получая тамъ доходу не болѣе тысячи злотыхъ и не имѣя ни-

---

([382]) Лѣтоп. Густынск. монастыря, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, № 8, отд. II, стр. 1—12; А. З. Р. IV, №№ 214—216.

какой мызы, то рукоположить бы въ Кіевъ епископа—суффрагана, который, живя въ Кіевѣ, завѣдывалъ бы уніатскими попами въ имѣніяхъ латинскихъ бискуповъ и помѣщиковъ, и вступая въ близкія сношенія съ жителями, старался бы распространять между ними унію. 3) Въ помощь суффрагану содержать при св. Софіи монастырь добрыхъ уніатовъ, людей благочестивыхъ, ученыхъ, и при монастырѣ училище. 4) Стараться занять этими уніатскими монахами кіевскіе монастыри николаевскій, кирилловскій, златоверхій-михайловскій и другіе; одни изъ нихъ могутъ быть заняты по смерти теперешнихъ игуменовъ, а другіе, особенно златоверхій, на который у митрополита есть право, теперь же: пусть только кіевскій воевода спроситъ каждаго игумена, по какому праву онъ управляетъ монастыремъ, и кто не представитъ королевской привиллегіи, у того отниметъ монастырь, а митрополитъ, именемъ короля, пусть предастъ суду игуменовъ за такое незаконное владѣніе монастырями. 5) Не можетъ быть въ Кіевѣ ничего добраго для уніи, если подвоеводою будетъ еретикъ или схизматикъ, какъ доселѣ показывалъ опытъ, и потому нужно стараться объ устраненіи этого неудобства. 6) Наибольшею помѣхою для уніи въ Кіевѣ служитъ новое братство, основанное схизматиками три года тому назадъ, безъ привиллегіи отъ короля. Они имѣютъ тамъ свои сходки и совѣщанія, слѣдствіемъ которыхъ было то, что, вопервыхъ, оффиціалъ митрополита (Антоній Грековичъ) былъ утопленъ, потомъ слуга, собиравшій двойной сборъ, былъ схваченъ съ деньгами, отведенъ въ дикое поле и прикованъ къ пушкѣ, а теперь схваченъ такъ же уніатскій попъ, который одинъ только былъ здѣсь, и неизвѣстно куда запрятанъ. Трудно думать о чемъ

либо добромъ, если это братство не будетъ уничтожено; уничтожить же его можно какъ властію воеводы, такъ и позывомъ въ задворный королевскій судъ ([383]).

Но между тѣмъ, какъ Рутскій устроилъ планы утвердить унію въ Кіевѣ, тамъ нежданно совершилось событіе, которое породило новыя и важнѣйшія препятствія не только къ осуществленію этихъ плановъ, но и вообще къ дальнѣйшему распространенію уніи. Въ Кіевъ прибылъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и далъ православнымъ и православнаго митрополита и другихъ православныхъ владыкъ, которыхъ они уже около 25-ти лѣтъ не имѣли. Наступалъ новый періодъ борьбы православія съ уніею въ западно-русскомъ краѣ.

IV.

Неправда, насиліе и грабительство—вотъ чѣмъ ознаменовала себя унія уже въ первый періодъ своего существованія въ западно-русскомъ краѣ. Прошли столѣтія, какъ утвердилась здѣсь православная церковь, и хотя она нерѣдко подвергалась здѣсь притѣсненіямъ отъ латинянъ, даже отъ правительства, но она была признана и ограждена государственными законами; ея права, какъ и права другихъ христіанскихъ исповѣданій въ государствѣ, подтверждались присягою самихъ королей. Она имѣла своего митрополита и епископовъ, имѣла множество монастырей и безчисленное множество

([383]) Проектъ Рутскаго—въ архивѣ уніат. митроп. при св. Синодѣ, № 3, и напечатанъ съ русскимъ переводомъ въ Вѣстн. западн. Россіи, годъ III, окт., отд. I, № 3.

храмовъ; пользовалась разными привиллегіями, пожалованными ей отъ королей, владѣла недвижимыми имуществами, полученными отъ тѣхъ же королей и отъ другихъ жертвователей. И вотъ нѣсколько ея іерарховъ, сдѣлавшись отступниками отъ православія, принявъ унію съ Римомъ, и, опираясь на могущество короля-іезуита, задумали отнять у православной церкви все, что она имѣла. Они отняли, прежде всего, тѣ архіерейскія каѳедры, которыя прежде занимали, и не смотря на анаѳему и низложеніе, которымъ подверглись отъ православнаго собора и вселенскаго патріарха, упорно продолжали владычествовать въ православныхъ епархіяхъ и владѣть имѣніями своихъ каѳедръ. Потомъ начали отнимать, одинъ за другимъ, православные храмы и монастыри, и усиливались отнять у православной церкви всѣ вообще ея права и привиллегіи, утверждая, будто эти права дарованы были прежними королями собственно уніатамъ, а отнюдь не православнымъ. Настоятелямъ монастырей и священникамъ православнымъ прямо объявили, чтобы они принимали унію и подчинялись своимъ уніатскимъ владыкамъ, если не желаютъ лишится мѣстъ и священнаго сана. И нѣкоторые настоятели и священники, по неволѣ, покорялись. А тѣхъ, которые не хотѣли покоряться и продолжали священствовать и занимать свои мѣста, схватывали, судили, подвергали посрамленію и побоямъ, заключали въ темницы, и нерѣдко, какъ бунтовщиковъ, осуждали даже на изгнаніе изъ отечества. Православные, у которыхъ, такимъ образомъ, отнимали и храмы и пастырей, принуждены были или оставаться безъ богослуженія и вообще безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ требъ, или вслѣдъ за своими пастырями по необходимости переходить въ унію. Въ Вильнѣ уніаты

отняли у православныхъ древній свято-троицкій монастырь и всѣ городскія церкви, и если не могли отнять вновь сооруженной православнымъ братствомъ свято-духовской, то отняли у нея четырехъ священниковъ, которыхъ и осудили на баннинцію; отняли у православныхъ гражданъ право быть членами городскаго магистрата и право записываться въ торговые и ремесловые цѣхи, а еще для бóльшаго поруганія надъ православными не дозволяли имъ выносить изъ города своихъ покойниковъ тѣми воротами, чрезъ которыя ходили и ѣздили всѣ, такъ что приходилось выносить тѣми, чрезъ которыя вывозились однѣ городскія нечистоты. Во Львовѣ не соглашавшихся на унію гражданъ такъ же не допускали ни быть членами магистрата, ни заниматься торговлею и ремеслами, ни провожать своихъ умершихъ по городу съ надлежащими церковными обрядами. Въ Могилевѣ и Оршѣ всѣ церкви у православныхъ были отняты и запечатаны, священники разогнаны, вслѣдствіе чего дѣти оставались безъ крещенія, умиравшіе отходили въ другой міръ безъ исповѣди и пріобщенія св. Христовыхъ таинъ. Во Владимірѣ Потѣй, кромѣ того, что отнялъ у православныхъ всѣ храмы и всѣхъ священниковъ, разогналъ православное братство, отнялъ у него школу, собственноручно избилъ и разстригъ священника, несоглашавшагося на унію, бросивъ его затѣмъ въ темницу, а преемникъ Потѣя Мороховскій выбросилъ, въ 1616 году, изъ соборной церкви тѣло православнаго дворянина Ивана Ляховецкаго, лежавшее тамъ уже лѣтъ тридцать, и на мѣсто его похоронилъ тѣло своей матери, простой львовской мѣщанки. Въ Луцкѣ, по приказанію Кирилла Терлецкаго, схватили и утопили въ рѣкѣ священника пригороднаго православнаго монастыря — Стефана

Добрянскаго, когда онъ возвращался изъ города въ свою обитель ([384]). Не перечисляемъ другихъ подобныхъ случаевъ.

Протесты, жалобы, просьбы—вотъ чѣмъ обыкновенно отвѣчали православные на притѣсненія отъ уніатовъ. И эти протесты, жалобы, просьбы раздавались непрерывно и въ безчисленномъ множествѣ на судахъ, сеймикахъ, сеймахъ, предъ трономъ короля. Но чѣмъ же оканчивались? Большею частію они оставлялись безъ всякаго вниманія и разсмотрѣнія, иногда даже вовсе не принимались. Въ королевскомъ задворномъ судѣ, если разсматривались, то почти всегда рѣшались въ пользу уніатовъ. Въ трибунальныхъ судахъ хотя очень нерѣдко рѣшались въ пользу православныхъ, но такія рѣшенія обыкновенно отмѣнялись властію короля. На генеральныхъ сеймахъ—или отлагались (всего чаще) до слѣдующаго сейма, или рѣшались, подъ давленіемъ короля, пристрастно и несправедливо, не въ пользу православныхъ, а если и рѣшались иногда, какъ въ 1607 г., по желанію православныхъ, когда имъ обѣщали дать законнаго, православнаго митрополита и епископовъ, то такія рѣшенія оставались только на бумагѣ и вовсе не исполнялись на дѣлѣ. Неудивительно, если, не находя нигдѣ правды и законной защиты и испытывая новыя и новыя насилія со стороны уніатскихъ владыкъ, православные выходили изъ терпѣнія и иногда рѣшались на самоуправство. Митрополита Михаила Рогозу въ Слуцкѣ побили-было камнями; Потѣю въ Вильнѣ отсѣкли два пальца, Рутскому и Мороховскому на-

([384]) Почти обо всемъ этомъ нами, по мѣстамъ, сказано было прежде. См. такъ же рѣчь *Древинскаго* на варшавскомъ сеймѣ 1620 года (*Бантышъ-Камен.* Изв. объ Уніи, подъ 1620 г.), а о поступкѣ Мороховскаго—Выпись изъ книгъ владимірскихъ (Вѣстн. западн. Россіи, годъ IV, кн. X, отд. I, № 3, стр. 16).

несли побои во Львовѣ; Крупецкаго, епископа перемышльскаго, втолкнули въ болото и неразъ встрѣчали и провожали камнями; Кунцевичъ въ Могилевѣ всячески поносили и вооруженною силою не впустили въ городъ; митрополичьяго оффиціала Грековича въ Кіевѣ утопили въ Днѣпрѣ. Не забудемъ, что въ глазахъ христіанъ православныхъ эти уніатскіе владыки были не пастыри церкви, а, по слову Спасителя, татіе и разбойницы (Іоан. 10, 8), которые старались только расхитить, разогнать и погубить православное стадо Христово, и потому не заслуживали никакой пощады. Жаловались православные на притѣсненія отъ уніатовъ, и совершенно справедливо: потому что уніаты дѣйствительно нападали на нихъ, и, не имѣя ничего, хотѣли все отнять у православныхъ и пользоваться чужимъ достояніемъ, а имъ насильно навязывали только унію. Жаловались и уніаты на притѣсненія отъ православныхъ, но совершенно несправедливо: потому что послѣдніе только защищались, хотя иногда и крутыми мѣрами, и не могли не защищаться отъ своихъ враговъ ([365]).

Главными дѣятелями, со стороны православныхъ, были цареградскіе патріархи, и между ними особенно заслуживаетъ признательной памяти бывшій только мѣстоблюстителемъ вселенскаго престола александрійскій патріархъ Мелетій, болѣе всѣхъ потрудившійся тогда для западно-русской митрополіи и принесшій ей существенную пользу. Для ближайшаго завѣдыванія этою митрополіею они назначали своихъ экзарховъ, которыхъ сначала было три: Гедеонъ епископъ львовскій, Кириллъ Лукарисъ — архимандритъ, протосинкеллъ александрій-

---

([365]) *Harasiew.* Annal. eccl. Ruthen., p. 254. 304. 311. 319.

скаго патріарха, и князь К. К. Острожскій, а послѣ нихъ еще два: Несторъ Кузменичъ—протопопъ подляшскій или заблудовскій и Іеремія Тисаровскій—епископъ львовскій. Немалую помощь экзархамъ — епископамъ, Гедеону и Іереміи, въ поставленіи священнослужителей для такой обширной паствы и въ другихъ іерарщескихъ дѣйствіяхъ, оказывали православные архіереи, приходившіе въ Литву изъ-за границы. Въ имѣніи князя Острожскаго — городѣ Степанѣ на Волыни существовалъ монастырь во имя св. архистратига Михаила, называвшійся «степаньскимъ»: здѣсь, по волѣ князя, постоянно жили сперва Лука митрополитъ бѣлградскій, а потомъ Іеремія митрополитъ пелагонскій. Первый присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года, пріѣзжалъ вмѣстѣ съ княземъ въ Вильну для заключенія союза съ протестантами въ 1599 году, и рукополагалъ священнослужителей, какъ рукоположилъ, напримѣръ, для дерманьскаго монастыря, октября 1605 года, извѣстнаго іеродіакона Антонія Грековича. Іеремія пелагонскій, двукратно путешествовавшій въ Москву за милостынею, при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ и потомъ при царѣ Борисѣ Өедоровичѣ Годуновѣ въ 1604 г., могъ поселиться въ степаньскомъ монастырѣ только послѣ этого года, и проживалъ здѣсь еще въ 1620 г., называя себя «архимандритомъ степаньскимъ», какъ видно изъ посланія его къ могилевскимъ православнымъ гражданамъ (отъ 13 февраля 1620 г.), въ которомъ онъ благодаритъ ихъ за любовь, съ какою они принимали его, когда онъ странствовалъ между ними; увѣдомляетъ, что рукоположилъ имъ пресвитера Иларіона, и убѣждаетъ ихъ мужаться и крѣпиться до конца среди постигшихъ ихъ бѣдствій. Упоминаются еще: болгарскій софійскій архі-

епископъ Неофитъ, который въ 1612 г. освятилъ въ межигорскомъ монастырѣ три церкви, а въ кіево-печерской лаврѣ рукоположилъ нѣсколько іеромонаховъ и іеродіаконовъ; стагонскій, греческій епископъ Авраамій, проживавшій, по крайней мѣрѣ, съ 1612 года въ дерманьскомъ монастырѣ, рукополагавшій священниковъ; монемвасійскій митрополитъ Іоасафъ, экзархъ іерусалимскаго патріарха, который въ 1616—1617 г. благословилъ Кирилла Транквилліона потрудиться надъ составленіемъ учительнаго евангелія и далъ межигорскому монастырю подтвердительную грамату на ставропигію; далматскій епископъ Павелъ, проживавшій ок. 1620 г. у княгини Корецкой въ ея монастырѣ ([386]). Значеніе этихъ и другихъ православныхъ владыкъ, приходившихъ къ намъ съ востока, очень хорошо понимали уніатскіе архіереи. «Немало вредятъ уніи въ нашемъ королевствѣ,—писалъ митрополитъ Рутскій,—иноземные владыки: греки и сербы, которые, когда хотятъ, пріѣзжаютъ, когда хотятъ, уѣзжаютъ, никому не являясь и никому не предъявляя своихъ охранныхъ листовъ; они рукополагаютъ поповъ и совершаютъ все епископское въ нашихъ епархіяхъ» ([387]).

Но православные іерархи старались, главнымъ образомъ, удовлетворять духовнымъ потребностямъ православныхъ жителей западно-русскаго края и нравственно поддерживать ихъ въ борьбѣ противъ уніи. А защитниками и охранителями православія въ этой борьбѣ были преимущественно мѣстные право-

([386]) *Максимовичъ.* Сочин., II, 264. 265. 388; *Муравьевъ.* Сношен. Россіи съ Восток. 1,304; Труды Кіев. Акад. 1869, II, 537; Вилен. Археогр. Сборн. II, № 28; Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, стр. 147; Русск. Историч. Библіот. II, № 166, стр. 602. 612. 635.

([387]) Проэктъ Рутскаго—въ Вѣстн. Западн. Россіи, годъ III, окт., отд. I, № 3, стр. 69.

славные дворяне. Они имѣли къ тому полную возможность въ тѣхъ высокихъ правахъ, которыми они пользовались въ своемъ отечествѣ. Они свободно и смѣло сохраняли или вновь созидали въ своихъ имѣніяхъ православные храмы и монастыри и поддерживали православное духовенство, не допуская туда ни уніи, ни уніатскихъ владыкъ съ ихъ распоряженіями, враждебными православію. Вмѣстѣ съ тѣмъ свободно и смѣло могли возвышать и дѣйствительно возвышали свой голосъ на сеймикахъ и сеймахъ за православіе; заявляли и отстаивали его права, доказывали незаконность уніи, несправедливость ея посягательствъ и дѣйствій. Въ своемъ донесеніи 1623 года римской «конгрегаціи распространенія вѣры» митрополитъ Рутскій и прочіе уніатскіе архіереи особенно указывали на то, что русскіе дворяне схизматики заключили въ Вильнѣ, въ 1599 г., союзъ съ дворянами—протестантами, въ которомъ приняли участіе, съ той и съ другой стороны, самые первые сенаторы царства. Вслѣдствіе этого союза, и протестанты въ своихъ имѣніяхъ, если имѣли православные храмы и духовенство, защищали ихъ отъ уніатовъ; вмѣстѣ съ православными подавали свой голосъ на сеймикахъ и сеймахъ за православіе противъ уніи; вмѣстѣ съ православными на трибунальныхъ судахъ почти всегда рѣшали дѣла не въ пользу уніи. Въ утѣшеніе себѣ и римской конгрегаціи Рутскій присовокуплялъ въ своемъ донесеніи, что, по волѣ Божіей, впродолженіе двадцати лѣтъ, отъ начала этого союза, уже скончались шесть самыхъ могущественныхъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ немъ, и 24 дворянина изъ тѣхъ (120-ти) провизоровъ или попечителей, которые избраны были тогда для защиты

и охраненія православія и протестантства отъ уніи и латинства ([388]).

Еще болѣе вреда причиняли уніи православныя братства, по сознанію самого Рутскаго съ его епископами въ томъ же донесеніи. «Схизматики, писалъ онъ, создали себѣ во всѣхъ городахъ братства, въ которыя привлекаютъ подъ предлогомъ дѣлъ благочестія; написали себѣ уставы, поставляютъ себѣ старостъ, и послѣ первой складчины, въ которой участвуютъ всѣ братчики въ самомъ началѣ, по мѣрѣ своихъ средствъ, дѣлаютъ еще приношенія каждую недѣлю, собираясь вмѣстѣ. Когда же случается какая либо чрезвычайная нужда, то производятъ чрезвычайную контрибуцію, и, объявляя объ этомъ народу съ церковнаго амвона, однихъ убѣждаютъ, а другихъ, которые состоятъ братчиками, обязываютъ давать столько, сколько бываетъ назначено совѣтомъ братскимъ. И такова сила этихъ сборовъ, что одно виленское братство, глава другихъ, истратило уже, по словамъ его, отъ начала уніи 200000 флориновъ для противодѣйствія ей. Такова ревность и покорность, что иногда общее постановленіе братства обязываетъ каждаго изъ братчиковъ дать двадцатую часть всего, чѣмъ онъ владѣетъ, и каждый дастъ; почему, когда ни захотятъ, собираютъ огромныя деньги. Такія братства размножились и по другимъ, меньшимъ, городамъ, а недавно образовалось въ Кіевѣ, и создали нѣкоторый видъ новой и самой пагубной республики, которая много зла наноситъ намъ, и сильно возмущаетъ царство». Далѣе Рутскій говорилъ, что каждый разъ, когда собирались генеральные сеймы, даже сеймики, братства отправ-

([388]) Все, очень обширное, донесеніе Рутскаго и прочихъ уніатскихъ владыкъ римской конгрегаціи распространенія вѣры напечатано у *Гарашевича*: Annal. eccles. Ruthen., p. 254—293.

ляли туда своихъ уполномоченныхъ и свои посланія съ жалобами и нападками на унію, и эти уполномоченные, деньгами и подарками, успѣвали склонять на свою сторону сперва важнѣйшихъ пословъ, назначенныхъ на генеральный сеймъ, за ними самаго маршалка или предводителя пословъ и, наконецъ, даже главнѣйшихъ сенаторовъ царства, между тѣмъ какъ бѣдные уніаты являлись на сеймы, безъ всякой человѣческой помощи, съ надеждою на одного Бога. Такимъ способомъ борьбы противъ уніи мѣщане, изъ которыхъ преимущественно составлялись братства, нанесли ей, по мнѣнію Рутскаго, гораздо болѣе вреда, нежели дворяне: потому что дворяне проживали обыкновенно въ своихъ имѣніяхъ, а мѣщане, живя постоянно въ городахъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ находились каѳедры уніатскихъ архіереевъ и ихъ капитулы, внимательно слѣдили за ними, и, дѣлая постоянно свои братскія сходки, собирали большія деньги, предъ которыми преклонялось все [389]. Но не однѣми деньгами дѣйствовали противъ уніи, въ охрану своей вѣры, православныя братства, равно какъ и православные дворяне, большею частію, принадлежавшіе къ тѣмъ же братствамъ. Съ этою цѣлію они заводили свои училища, учреждали типографіи, издавали книги, направленныя противъ уніи и для удовлетворенія нуждъ православія, основывали монастыри, какбы въ замѣнъ тѣхъ, которые отнимаемы были уніатами. Впродолженіе какихъ-нибудь двадцати съ небольшимъ лѣтъ у православныхъ явилось до десяти новыхъ монастырей, и—замѣчательно—половина изъ нихъ основана

---

[389] *Гарашевич*, тамъ же 256—258. На православныя братства и особенно на ихъ дѣйствія на сеймикахъ и сеймахъ Рутскій, съ своими троицкими монахами, весьма горько жаловался и въ книгѣ: Examen Obrony, str. 49—51, Wiln. 1621.

была благочестивыми женами, всегда и вездѣ показывающими образцы приверженности къ вѣрѣ: почаевскій, виленскій свято-духовскій, кіево-братскій богоявленскій и два минскіе, мужскій и женскій, во имя первоверховныхъ апостоловъ.

Кто были главными дѣятелями за унію противъ православія? Свидѣтельство объ этомъ оставили намъ сами уніатскіе владыки въ упомянутомъ донесеніи римской конгрегаціи распространенія вѣры. Первыми и почти единственными покровителями и защитниками уніи они называли папу и короля Сигизмунда III. Папа писалъ о ней и къ королю и къ сенаторамъ, присылалъ свои бреве почти на каждый генеральный сеймъ и постоянно заботился о ней чрезъ своихъ нунціевъ въ Литвѣ и Польшѣ. Король далъ позволеніе не только уніатскому митрополиту, но и всѣмъ уніатскимъ владыкамъ всегда являться къ нему лично и докладывать о всѣхъ нуждахъ своей церкви, и издалъ въ пользу ея безчисленное множество указовъ. Онъ нерѣдко почти одинъ отстаивалъ ее на генеральныхъ сеймахъ вопреки общему настроенію противъ нея пословъ и даже сенаторовъ, смѣло отмѣнялъ направленныя противъ нея рѣшенія трибунальныхъ судовъ, самыя справедливыя и законныя; строго преслѣдовалъ всѣхъ православныхъ духовныхъ и мірянъ, непокорявшихся власти уніатскаго митрополита, и часто, какъ бунтовщиковъ, осуждалъ ихъ на изгнаніе изъ отечества. Словомъ: если унія не пала вскорѣ послѣ появленія своего, встрѣтивъ такое множество препятствій, то этимъ одолжена она папѣ и еще болѣе королю Сигизмунду III. Изъ числа уніатскихъ владыкъ за унію ратовали преимущественно митрополиты. Они одни несли, изъ собственной казны, всѣ тѣ издержки, какія требовались во время много-

численныхъ, почти не прекращавшихся судебныхъ процессовъ съ православными, постоянно ходатайствовали за унію и уніатовъ предъ королемъ, нерѣдко являлись лично въ судахъ и сеймахъ, и не давали себѣ покоя въ преслѣдованіи православныхъ. На прочихъ владыкъ Рутскій прямо жаловался, что они нерадивы, любятъ больше прятаться у себя дома, нежели поддерживать митрополита на сеймахъ, и вовсе не помогаютъ ему въ необходимыхъ издержкахъ; такъ же обвинялъ ихъ и въ томъ, что они открыто ѣли мясо къ соблазну православныхъ и уніатовъ, и тѣмъ вредили дѣлу уніи. Да и вообще владыки эти не отличались пастырскими качествами. Канцлеръ Левъ Сапѣга неразъ напоминалъ Потѣю, что онъ возводитъ на священныя степени, даже епископскія, людей недостойныхъ, и Потѣй оправдывался тѣмъ, что одни изъ епископовъ возведены на каѳедры не имъ, а свѣтскими лицами, болѣе его сильными, другіе же, по крайней мѣрѣ, привержены къ уніи, а хуже было бы, еслибы эти каѳедры заняли схизматики. Немало вредило, въ глазахъ народа, уніатскимъ владыкамъ и то, что нѣкоторые изъ нихъ, вопреки закону и укоренившемуся обычаю, были не изъ дворянъ, а изъ простаго сословія, или были слишкомъ молоды, или запятнали себя еще до епископства какимъ либо позорнымъ дѣйствіемъ. Напримѣръ, полоцкій владыка Кунцевичъ былъ сынъ сапожника; перемышльскій владыка, прозываемый Шишка, родился отъ пастуха и имѣлъ роднаго своего дядю въ холопахъ у кіевскаго воеводы; владимірскій владыка Мороховскій былъ сынъ львовской мѣщанки Сгецковой; холмскій владыка Пакоста, сынъ виленскаго купца, будучи еще міряниномъ, укралъ у одного виленскаго бургомистра сукно и спасся отъ заслужен-

наго наказанія только тѣмъ, что принялъ монашество; луцкій владыка Почаповскій недостоинъ былъ, по правиламъ, не только епископскаго, но и священническаго и даже діаконскаго сана: потому что не имѣлъ еще и двадцати лѣтъ. На все это съ укоромъ указывали православные ([390]). Іезуиты, такъ много потрудившіеся для уніи еще до появленія ея въ западно-русскомъ краѣ, не оставляли ее и теперь своею помощію. Извѣстны отношенія ихъ къ Кунцевичу и къ самому Рутскому, ихъ участіе въ образованіи ордена базиліанъ. Іезуиты присылали потомъ изъ среды своей первыхъ учителей въ открывавшіяся базиліанскія школы, какъ видно изъ письма къ Рутскому (отъ 4 мая 1619) самого генерала іезуитовъ, который писалъ такъ же, что предложилъ старшимъ (Senioribus) литовской провинціи и впредь всячески помогать уніатскому митрополиту и его базиліанамъ. Должно, однакожъ, признаться, что дѣятельность іезуитовъ на пользу уніи была теперь далеко не такъ замѣтна, какъ въ прежнее время ([391]).

Какъ относились къ уніатамъ латиняне? «Католики римскаго обряда, — отвѣчаетъ Рутскій съ своими епископами, — свѣтскіе почти всѣ, а изъ духовныхъ большая часть, не только не помогаютъ намъ въ распространеніи уніи, но одни явно, другіе тайно благопріятствуютъ схизматикамъ. На сеймахъ мы едва можемъ найти одного-двухъ патроновъ, которые захотѣли бы съ усердіемъ заняться нашимъ дѣломъ, а когда появляемся въ публику, на насъ набрасываются, будто

([390]) *Гарашев.* тамъ же 255. 292; Виленск. Арх. Сборн. VI, № 77, стр. 161; *Бантышъ — Камен.* Изв. объ Уніи, подъ 1620 годомъ. Присяжная грамата епископа Почаповскаго—въ А. З. Р. IV, № 221.

([391]) Письмо генерала іезуитовъ *Муція Віиллезіуса*—въ архивѣ уніатск. митроп. при св. Синодѣ, рукоп. № 771.

мы притѣсняемъ схизматиковъ, нарушаемъ спокойствіе республики, и изъ-за насъ не могутъ мирно происходить сеймы. Жалобамъ схизматиковъ, самымъ ложнымъ, вѣрятъ; а нашихъ защитительныхъ рѣчей или не слушаютъ или слушаютъ неохотно». Затѣмъ уніатскіе владыки съ благодарностію воспоминаютъ о прежнихъ латинскихъ бискупахъ, бывшихъ при началѣ уніи, и особенно о кардиналѣ Мацѣевскомъ, много для нея потрудившихся, а изъ живыхъ указываютъ только на одного виленскаго бискупа, какъ усердно помогавшаго въ распространеніи ея: это былъ Евстафій Воловичъ (1616—1630), тотъ самый, который, еще въ санѣ виленскаго каноника, находился въ Римѣ, когда Потѣй и Терлецкій принимали тамъ унію, и отъ лица Потѣя прочиталъ тогда по русски исповѣданіе вѣры предъ папою. Прочіе же латинскіе бискупы и вообще духовныя лица, высшія и низшія, не только не сочувствовали уніатамъ, но открыто говорили имъ, что лучше совсѣмъ уничтожить унію, нежели ее распространять, что съ того времени, какъ она началась въ государствѣ, постоянно происходятъ смуты на сеймахъ и внѣ сеймовъ, что съ того времени схизматики сдѣлались враждебнѣе къ католической церкви и совсѣмъ почти не принимаютъ римскаго обряда, что лучше было бы для церкви, еслибы въ ней существовалъ только одинъ обрядъ и под. Дворяне-католики, по свидѣтельству уніатскихъ владыкъ, не только не защищали уніи на сеймахъ, но не покровительствовали ей и въ своихъ имѣніяхъ, тогда какъ по правамъ, какими пользовались въ Литвѣ и Польшѣ по отношенію къ своимъ крестьянамъ, могли бы однимъ словомъ выгнать изъ своихъ владѣній всѣхъ схизматическихъ священниковъ и ввести туда уніатскихъ. Нѣ-

которые изъ этихъ дворянъ своевольно отнимали имѣнія уніатскихъ церквей и присвояли себѣ и отдавали въ пользованіе латинскимъ церквамъ, отнимали даже цѣлые уніатскіе монастыри, поселяли тамъ своихъ слугъ и доводили монастыри до совершеннаго опустошенія. Нерасположенность и непріязненность латинянъ къ уніи простиралась и на уніатское духовенство. Насъ,—писалъ Рутскій съ подчиненными ему владыками,—не признаютъ истинными епископами, равными бискупамъ латинскимъ, а считаютъ низшими ихъ, какбы хорепископами только и суффраганами; насъ не удостоиваютъ сдѣлать, наравнѣ съ ними, сенаторами. Нашъ митрополитъ и епископы не имѣютъ въ государствѣ никакого или почти никакого общественнаго авторитета и значенія. Въ собранія дворянства насъ вовсе не допускаютъ, и не позволяютъ намъ говорить въ защиту себя даже тогда, когда обвиняютъ насъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія; великимъ счастіемъ считается, если кому либо изъ насъ бываетъ дозволено сказать нѣсколько словъ въ такихъ собраніяхъ, и нужно много покорности, просьбъ, заискиванія, чтобы получить тамъ мѣсто для сидѣнія, приличное нашему сану. Когда мы, съ большими издержками и вредомъ для здоровья, пріѣзжаемъ на сеймы, насъ заставляютъ тамъ стоять позади сенаторовъ, вмѣстѣ съ простыми священниками латинскаго обряда, къ униженію нашего іераршескаго сана и къ посмѣянію отъ схизматиковъ. Если случится намъ находиться въ засѣданіяхъ римскихъ бискуповъ, то они предпочитаютъ намъ своего какого нибудь каноника; а если, по нуждѣ, намъ приходится пріѣхать къ кому либо изъ нихъ, они скорѣе принимаютъ и выслушиваютъ послѣдняго своего клирика, нежели насъ, хотя мы епископы

тойже римской церкви. Наши священники очень бѣдны, живутъ только подаяніями отъ прихожанъ, сами воздѣлываютъ свои поля и платятъ подати наравнѣ съ поселянами. Мѣстные дворяне, считающіеся патронами церквей въ своихъ имѣніяхъ, наказываютъ этихъ духовныхъ пастырей, какъ хотятъ, и даже сажаютъ въ карцеръ, а нѣкоторые заставляютъ ихъ даже работать вмѣстѣ съ своими крестьянами. Настоятели латинскихъ кастеловъ взимаютъ десятину и съ мѣстныхъ уніатовъ, а коегдѣ съ самихъ даже уніатскихъ священниковъ ([392]). Въ такомъ-то незавидномъ положеніи оказалась церковная унія въ Литвѣ и Польшѣ уже въ первые годы своего существованія. Не только православные и протестанты, но и латиняне, большею частію, смотрѣли на нее непріязненно, съ пренебреженіемъ, даже съ презрѣніемъ.

Чегожъ достигла она въ этотъ начальный періодъ своей жизни, какія пріобрѣтенія сдѣлала въ своей борьбѣ съ православіемъ, и въ какомъ состояніи находились оба противника, лицемъ къ лицу, подъ конецъ періода? И на эти вопросы встрѣчаемъ отвѣты, хотя весьма краткіе, частію въ томъ же донесеніи Рутскаго и другихъ уніатскихъ владыкъ, римской конгрегаціи распространенія вѣры, а частію въ особомъ письмѣ Рутскаго, посланномъ тогда къ первому секретарю конгрегаціи. По свидѣтельству Рутскаго, въ епархіяхъ русскихъ, существовавшихъ подъ властію польскаго короля, числилось въ то время до восьми тысячъ приходскихъ церквей, кромѣ соборовъ и монастырей, и число христіанъ греческаго обряда равнялось числу христіанъ обряда римскаго во всемъ польскомъ государствѣ. Сколько изъ этихъ христіанъ греческаго

([392]) *Гарашев*. тамъ же 263—266. 268—271. 287—291.

обряда приняли унію и сколько изъ этихъ восьми тысячъ приходскихъ церквей сдѣлались уніатскими, Рутскій не опредѣляетъ, а говоритъ только: мы имѣемъ уже семь епископовъ, которые занимаютъ каѳедры почти всѣхъ русскихъ епархій, тогда какъ у схизматиковъ остался только одинъ епископъ львовскій. Почти тридцать городовъ приняли унію: Вильна, Новогрудокъ, Луцкъ, Владиміръ и пр. Въ числѣ принявшихъ ее есть и дворяне, даже изъ знатныхъ, и между ними три сенатора, одинъ воевода (разумѣется, вѣроятно, Скуминъ-Тышкевичъ) и два каштеляна, тогда какъ изъ схизматиковъ нѣтъ теперь ни одного сенатора. У насъ уже до двадцати монастырей и болѣе, которые занимаютъ наши монахи базиліане. Эти монахи содержатъ школы для воспитанія юношества, и изъ виленской нашей школы или семинаріи начали выходить богословы, искусные въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, чего при нашихъ отцахъ на Руси не бывало. По примѣру иноковъ, и мірскіе пастыри, въ своей простотѣ, повинуются своимъ епископамъ, принимаютъ отъ нихъ посвященіе, получаютъ св. миро, собираются къ нимъ на синоды, бывающіе ежегодно ([393]). Надобно присовокупить, что, дѣлая такое показаніе объ успѣхахъ уніи, Рутскій скорѣе могъ преувеличить ихъ, нежели уменьшить: потому что, собственно въ донесеніи римской конгрегаціи, онъ имѣлъ въ виду и старался опровергнуть этимъ мнѣніе латинянъ, укорявшихъ унію, будто она вовсе не распространяется, а причиняетъ одно зло. Если такъ: то нельзя не сознаться, что унія, дѣйствительно причинившая уже столько зла православнымъ и произведшая

([393]) *Гарни св.* тамъ же 266. 293. Письмо Рутскаго къ секретарю конгрегаціи напечатано тамъ же 293—298.

столько шуму и волненій во всемъ государствѣ, распространилась еще весьма мало, и что православіе въ западно-русскомъ краѣ было еще въ то время несравненно сильнѣе уніи во всѣхъ отношеніяхъ. Унія имѣла семь епископовъ; но шесть изъ нихъ были уже при самомъ началѣ уніи, когда въ Литвѣ еще не было уніатовъ, и втеченіи двадцати пяти лѣтъ прибавился только одинъ уніатскій епископъ, котораго насильно, противъ воли православныхъ, назначили въ Перемышль, хотя тамъ вовсе не было уніатовъ. Унію принимали и русскіе дворяне и между ними находились даже три сенатора; но самъ же Рутскій сознается далѣе въ томъ же донесеніи, что число дворянъ, принимавшихъ унію, было крайне мало и ничтожно, и что ее принимали почти одни крестьяне землепашцы, одна чернь. Самъ же говоритъ: «изъ школъ латинскихъ почти двѣсти благородныхъ русскихъ юношей перешли къ латинскому обряду; столько же при дворѣ (королевскомъ) и въ войскѣ. Теперь спрашиваю: что же останется (для уніи) изъ русскаго дворянства чрезъ десять лѣтъ? Скажутъ: останутся поселяне. Унія падетъ, потому что поселяне не защитятъ уніи отъ схизматиковъ». Русскіе дворяне, если рѣшались, по обстоятельствамъ, измѣнить православію, то принимали не унію, всѣми презираемую, а господствовавшее въ государствѣ католичество: даже сыновья Ипатія Потѣя приняли не унію, а латинство ([394]). Но множество русскихъ дворянъ оставались еще въ православіи и твердо ратовали за него, какъ свидѣтельствуютъ списки православныхъ братствъ: люблинскаго (въ которомъ участвовали 40 дворянъ), минскаго (— 52), виленскаго, луцкаго, кiев-

---

([394]) *Гарашев.* тамъ же 274. 281.

скаго и другихъ, а такъ же новые православные монастыри. основанные дворянами. Правда, въ числѣ этихъ дворянъ не было уже, подъ конецъ настоящаго періода, сенаторовъ; но находились еще князья: Огинскіе, Корыбуты-Вишневецкіе, Полубенскіе, Корецкіе, Друцкіе-Горскіе, Друцкіе-Любецкіе, Чарторижскіе, Четвертинскіе, Сангушки-Коширскіе, хотя другія лица нѣкоторыхъ изъ этихъ княжескихъ фамилій держались уже латинства; находились такъ же дворяне, занимавшіе болѣе или менее важныя служебныя должности въ государствѣ: подкоморіи, чашники, городничіе, городскіе судьи, подсудки, подстоліи и проч. Эти православные дворяне составляли еще довольно грозную силу противъ уніи, когда они собирались на сеймики и на сеймы. Унію приняли почти тридцать городовъ: Вильна, Новогрудокъ... Но какъ приняли? Въ Вильнѣ, наприм., было еще много православныхъ и существовало самое сильное православное братство. Да и что значили тридцать городовъ, еслибы и дѣйствительно всѣ жители въ нихъ приняли унію, въ составѣ цѣлаго края, въ которомъ числилось до 8000 приходскихъ церквей греческаго обряда, когда во владѣніяхъ одного князя К. Острожскаго (†1608), куда при жизни его вовсе не могла проникнуть унія, находилось до 35-ти городовъ и мѣстечекъ и 671 село?... Безъ сомнѣнія, унія могла уже быть введена тогда и въ селахъ, -во всѣхъ тѣхъ селахъ, которыя составляли имѣнія самихъ уніатскихъ владыкъ, самого короля и сочувствовавшихъ ей латинскихъ бискуповъ и латинскихъ пановъ. Но за то православіе оставалось господствующимъ въ имѣніяхъ всѣхъ русскихъ православныхъ дворянъ, въ имѣніяхъ и протестантскихъ дворянъ, гдѣ оно существовало прежде, въ имѣніяхъ даже латинскихъ дворянъ, непріязненныхъ къ уніи, гдѣ оно существовало

прежде. А главное—оно оставалось господствующимъ во всѣхъ многочисленныхъ городахъ края, кромѣ тѣхъ тридцати, которые Рутскій считалъ принявшими унію. Особенно сильно было православіе подъ конецъ періода, по свидѣтельству самого Рутскаго, въ воеводствахъ: кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ. Уніаты имѣли уже до двадцати монастырей. Но всѣ эти монастыри были отняты у православныхъ за исключеніемъ, кажется, одного минскаго свято-духовскаго, устроеннаго самими уніатами; между тѣмъ какъ православные, со времени появленія уніи, основали до десяти новыхъ монастырей, и имѣли еще, по сознанію Рутскаго, «много монастырей» прежнихъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ. Кромѣ того, православные, считавшіе еще въ средѣ своей немало богатыхъ и достаточныхъ помѣщиковъ, соединившись въ сильныя братства, старались поддерживать свои монастыри и свои церкви. А уніаты только жаловались, что ихъ церкви очень бѣдны и некому поддерживать и украшать ихъ, простой народъ крайне бѣденъ, священники такъ же бѣдны, дворянъ же—уніатовъ почти нѣтъ. Уніаты заботились преимущественно о поддержаніи виленскаго свято-троицкаго монастыря и немногихъ другихъ, гдѣ находились ихъ училища а прочіе монастыри только истощали и разоряли: напримѣръ, древній православный лещинскій монастырь довели, наконецъ, до того, что онъ превращенъ былъ въ питейный домъ [395]. Рутскій хвалился своими базиліанами и ихъ шко-

---

(395) *Гарашев.* тамъ же 270. 281; Архив. юго-западн. Россіи, ч. V, т. I, въ концѣ—Указатель городовъ, стр. 593 и далѣе; *Бантыш—Камен.* Изв. объ Уніи, подъ 1620 годомъ. Папскій нунцій въ Польшѣ Торресъ писалъ въ 1621 г. объ уніатахъ: «*кіевское* архіепископство приноситъ до шести тысячъ злотыхъ разнаго дохода, и имѣетъ шесть клясторовъ базиліанскихъ: въ Кіевѣ, Новогрудкѣ, Гроднѣ и въ трехъ иныхъ мѣстахъ, а кромѣ того въ Вильнѣ. *Полоцкое* архіепископство приноситъ до 4000 злотыхъ, и имѣетъ три кля-

лами, особенно виленскою, изъ которой выходили уже ученые богословы, такъ же покорностію бѣлаго духовенства своимъ архипастырямъ. Но орденъ базиліанъ едва лишь былъ учрежденъ; его школы только-что заводились; виленская уніатская семинарія, основанная въ 1601 г., могла дать еще весьма мало ученыхъ мужей; а бѣлое духовенство, хотѣло, не хотѣло, не въ состояніи было не покоряться своимъ грознымъ архипастырямъ, которые умѣли съ нимъ расправляться. Между тѣмъ православное духовенство, какъ монашествующее, такъ и бѣлое, если оставалось въ православіи и не переходило въ унію, то единственно по своей доброй волѣ, по своей приверженности къ православію, и мужественно, непоколебимо отстаивало свою вѣру, несмотря ни на какія притѣсненія отъ уніатскихъ митрополитовъ и прочихъ владыкъ. А православныя училища острогожское, львовское, отчасти виленское, всѣ вмѣстѣ, дѣйствительно приготовили уже довольно ученыхъ мужей и проповѣдниковъ, такъ что въ 1620 году одинъ изъ православныхъ депутатовъ (Лаврентій Древинскій), не безъ основанія, могъ произнесть на варшавскомъ сеймѣ слѣдующія слова: «еслибы не совершилось отступленіе нѣкоторыхъ изъ нашего духовенства отъ своего законнаго архипастыря (т. е. цареградскаго

стора базиліанъ: въ Могилевѣ, Полоцкѣ и въ иномъ мѣстѣ. *Владимірское* епископство—до 4000 злотыхъ доходу, и одинъ только клясторъ базиліанъ въ Кременцѣ. *Луцкое*—до 8000 злотыхъ, и одинъ только клясторъ въ Жидичинѣ. *Перемышльское*—до 5000 злотыхъ, и не имѣетъ ни одного клястора. *Пинское*—до 3000 злотыхъ, и два клястора—въ Супраслѣ и иномъ мѣстѣ; тутъ же одинъ клясторъ базиліанокъ. *Холмское*—до 3000 злотыхъ, и ни одного клястора. *Львовское*—до 4000 злотыхъ доходу. Есть въ тѣхъ архіепископствахъ и епископствахъ многіе и другіе клясторы; но они, по недостатку монаховъ, замкнуты: а во всѣхъ вышеупомянутыхъ монастыряхъ не болѣе двухъ сотъ монаховъ. Дезуниты же (т. е. православные) имѣютъ гораздо большое число монастырей и болѣе населенныхъ; въ самомъ Кіевѣ есть у нихъ монастырь, считающій до 800 монаховъ» (Relacye Nunciuszow Apostolskich, II, str. 152, rok. 1864).

патріарха); еслибы изшедшіе отъ насъ (уніаты) не возстали на насъ, — то такія науки, такія училища, столько достойные и ученые люди никогда не открылись бы въ народѣ русскомъ, и ученіе въ нашихъ церквахъ, по прежнему, оставалось бы покрытымъ прахомъ нерадѣнія» ([396]). Вообще положеніе уніи въ западно-русскомъ краѣ было еще очень непрочно и ненадежно: потому что она, какъ вводилась, такъ и поддерживалась только насиліемъ. Противъ нея открыто враждовали православные; ей не сочувствовала большая часть и латинянъ, свѣтскихъ и духовныхъ; ее не любили сами даже уніаты, по крайней мѣрѣ, низшее духовенство и народъ, которые приняли и содержали ее вовсе не по убѣжденію, а по неволѣ. Единственною опорою для уніи и ревнителей уніи оставался король Сигизмундъ III, и безъ его постоянной поддержки унія пала бы неизбѣжно. Напротивъ, православіе въ тѣхъ же областяхъ было еще очень сильно не столько многочисленностію, сколько приверженностію къ нему его послѣдователей, которые, не находя покровительства своей вѣрѣ въ королѣ, старались отыскивать защиту ей въ законахъ отечества, на судахъ и генеральныхъ сеймахъ, и мужественно переносили за нее всякія несправедливости и притѣсненія. Подъ конецъ періода на защиту православія въ Литвѣ и Польшѣ явилась новая сила — казаки.

([396]) *Бантышъ—Каменск.* Изв. объ Уніи, подъ 1620 годомъ.